

Юрий Нестеренко

Крылья

(c) 2004 Andrey Klenin
WWW.KLENIN.RU

Меня зовут Эйольта Лаарен-Штрайе. Это имя похоже на аристократическое, но я не дворянка. Мой родной отец, Тнай Лаарен, был третьим сыном зажиточного крестьянина. Крестьянская жизнь, однако, с детства не казалась ему привлекательной, к тому же он знал, что его отец не пожелает дробить хозяйство, и доля, выделенная третьему сыну, окажется совсем крохотной. Поэтому, едва ему исполнилось четырнадцать лет, он сбежал из дома. Пару месяцев спустя он добрался до побережья и нанялся юнгой на купеческое судно, уходившее в северные моря. Первый рейс был удачен; несмотря на то, что команде пришлось сражаться с непогодой и дикарями северных джунглей, судно возвратилось в порт с грузом диковинных плодов кура и самородного серебра. Конечно, обогатило это купца, а не матросов... Купец тут же снарядил вторую экспедицию, и ей тоже поначалу сопутствовал успех, но на обратном пути корабль был взят на abordаж илсудрумским капером. После жаркого боя илсудрумцы одержали победу. Отцу повезло; обычно илсудрумцы с пиратских и каперских судов, если не надеются получить выкуп, попросту сажают пленников в шлюпки с захваченного корабля и бросают посреди океана — однако в тот раз команда капера понесла серьезные потери и нуждалась в пополнении, так что побежденным было предложено присоединиться к победителям. Так мой отец сделался юнгой на каперском судне "Черная жемчужина". Три года судьба хранила его в штормах и морских битвах; он сражался вместе со всеми и получал свою долю добычи. Но вот, зайдя в очередной порт, капитан "Жемчужины" узнал, что между Илсудрумом и Ранайей подписано очередное — кажется, уже четырнадцатое — соглашение о вечном мире, по которому обе стороны обязались отозвать патенты у своих каперов и совместно бороться против морского разбоя. Капитан объявил об этом команде и добавил, что не намерен подчиняться приказу и сейчас же выходит в море; однако те из команды, кому не хватает духу вести жизнь вольного пирата, могут забрать свою долю и сойти на берег. Большинство осталось на борту, в том числе и отец; в самом деле, жизнь пиратов отличается от жизни каперов разве что формально. "Жемчужина" вновь взяла курс на Северное полушарие и еще несколько лет хозяйничала в его диких водах, грабя и топя уже все суда без разбора — ранайские, илсудрумские, гантрусские и прочие, не страшась нападать и на прибрежные поселения. В конце концов, однако, два военных фрегата илсудрумского императорского флота выследили и настигли пиратов. В результате отчаянного сражения "Жемчужина" была охвачена пламенем и пошла ко дну; уцелевших пиратов выловили из воды и в кандалах привезли на остров Кнурро, бывший в те годы илсудрумской колонией. Будь "Жемчужина" ранайским кораблем, пленников наверняка ждала бы петля; но к соотечественникам — хотя таковыми были не все, но победители не взяли на себя труд разбираться — илсудрумцы отнеслись снисходительней и продали их в рабство на плантации (в метрополии рабство уже двести лет как отменено, но в колониях по-прежнему процветает). Прошло долгих пять лет, прежде чем рабам удалось взбунтоваться, перебить охрану и захватить стоявший в порту корабль; надо ли говорить, что мой отец вновь был среди бунтовщиков? Снова он плавал на пиратском судне, повидав немало диковинных земель и побывав во многих битвах; снова, по мере того, как копилась в трюмах сокровища, росла и его доля. Но судьба пирата переменчива; корабль попал в жестокий шторм и разбился о скалы. Лишь моему отцу и двоим его товарищам удалось выбраться на берег; это был берег необитаемого острова, где они прожили четыре года, терпя крайнюю нужду, ибо остров был мал и бесплоден. Один из пиратов там и умер. Но оставшимся двоим на пятый год повезло — мимо острова прошло судно, направлявшееся в Ранайу, которое подобрало потерпевших крушение.

Вот так, почти шестнадцать лет спустя, отец вернулся на родину; вернулся без гроша в кармане, хотя в лучшие дни своей пиратской карьеры имел столько серебра, что мог бы запросто купить всю родную деревню. Теперь, однако, он притащился в нее нищим — чтобы узнать, что отец его при смерти, а оба брата умерли еще раньше, так что он остался единственным наследником. Удивительное дело, но мирная сельская жизнь оказалась более губительной, чем головокружительные морские приключения... Впрочем, после всех боевых ран

и лишений деревенский покой уже не казался отцу столь несносным, как раньше. Унаследовав дом и хозяйство, он в первый же брачный сезон взял в жены Йанату — девушку из той же деревни, мою будущую мать. Однако ему не суждено было окончить свои дни на твердой почве, под крышей родного дома. Хозяйство его, и без того доставшееся ему не в лучшем виде после смерти старших братьев, с самого начала не заладилось, а тут еще год выдался на редкость неурожайным; когда явились кредиторы и сборщики налогов, отец понял, что дела плохи. Ему едва удалось расплатиться по одним долгам и добиться отсрочки по другим, и он решил вновь обратиться к привычному способу заработка и опять уйти в море. Жена умоляла его не делать этого, но он говорил, что это в последний раз, и что теперь он не станет искушать судьбу и ввязываться в пиратские авантюры, а сходит в достаточно безопасный рейс. Его опыт позволял ему наняться уже не простым матросом, а боцманом или даже помощником капитана; купцов ведь интересует не знатность или офицерский диплом, а исключительно мореходное искусство. И эта должность, при удаче, принесла бы ему пусть и не богатство, но достаточную сумму денег, чтобы поправить дела. Он ушел в плавание, не зная, что оставляет жену беременной, и больше с тех пор никто не видел ни его, ни его корабля. Таким образом, я родилась, должно быть, уже после его смерти, и все, что я знаю о нем, я знаю от матери.

Может быть, это и к лучшему, что он не присутствовал при моем рождении; как знать, чем бы это закончилось... Хотя, может быть, он и принял бы сторону мамы, помогая ей выстоять против насмешек и презрительных взглядов. Первое-то время односельчане все больше шушукались, опасаясь задевать маму в открытую, ибо успели уже познакомиться с необузданным нравом ее мужа-пирата; но когда все поняли, что он не вернется, травля началась с удвоенной силой; они словно спешили вознаградить себя за недополученное прежде удовольствие... Может быть, мама и уехала бы из родной деревни, но ехать ей было некуда, а главное — в любом другом месте ее ждало бы то же самое и даже еще хуже, ведь этим анью она хотя бы была не совсем чужой. Последние деньги, оставленные мужем, таяли, хозяйство, требовавшее твердой руки, продолжало разваливаться, и маме пришлось все продать и переселиться со мной в жалкую хибару на окраине, где она жила, кормясь с собственного огорода. Лишь изредка ей удавалось заработать шитьем и плетением, ибо, хоть она и достигла в этом немалого умения, жители деревни избегали обращаться к ней с заказами.

Так не могло продолжаться бесконечно; беда должна была случиться — и случилась на третий год. Тогда в деревню пришла Багровая Смерть. Ученые анью говорят, что эту страшную болезнь разносят грызуны, которые во множестве расплодились в тот год; но деревенские кумушки, конечно, судили иначе. Они заявили, что во всем виноваты Йаната и ее проклятое отродье. И вот толпа, вооружившись косами и вилами, повалила к маленькому домику у околицы...

Ах да, я же забыла объяснить, за что они меня так ненавидели. Я привыкла к тому, что это сразу бросается в глаза, но ведь вы не видите меня, а лишь читаете мой рассказ... Так вот, дело в том, что я родилась крылатой.

Такое иногда случается среди анью. Очень редко, хотя раньше, говорят, это бывало чаще. Но если учесть, сколько столетий крылатых сжигали на кострах, бывало, что и вместе с матерями, ибо считалось, что крылатые рождаются от прелюбодеяния с дьяволом... Теперь, по счастью, пришли иные, просвещенные времена. Прошло уже больше ста лет с тех пор, как Путнуройский Собор признал крылатость обычным уродством, таким же, как горбатость или кривоногость, никак не связанным с нечистой силой; впоследствии один из крылатых, Нуйо из Фаррла, был даже причислен к святым третьего ранга и считается с тех пор покровителем крылатых. А тридцать лет назад ранайский король Аклойат III Добрый даже уравнивал крылатых в правах с обычными анью. Хотя многие — даже из числа тех, кто сочувствует крылатым и признает, что они не виноваты, что родились такими — считают, что в этом эдикте уже нет нужды. Ибо успехи медицины сделали операцию по ампутации крыльев почти безопасной — от

заражения крови умирает лишь один из десяти; ампутация руки или ноги, к которым порою приходится прибегать на войне, оставляет пациенту меньше шансов. И действительно, сейчас большинство крылатых оперируют прямо во младенчестве, и ничто, кроме небольших, с годами практически исчезающих шрамов на спине уже не напоминает о том, что некогда эти аньо были не такими, как все. Хотя, конечно, операция, особенно у хорошего хирурга, стоит денег, и беднякам она не по карману.

Но маме, несмотря на все трудности с хозяйством, удалось бы наскрести денег на мою операцию. Те же соседи, что позже пришли с вилами и топорами к нашему дому, помогли бы из сочувствия к чужому горю. Не могу не признать, что солидарность сельской общины проявляется не только в травле... Но мама — не захотела. И ее не могли переубедить ни уговоры, ни насмешки.

По правде говоря, большинство тех, кто удаляет крылья своим детям, поступает правильно. Потому что это не крылья, это одно название — жалкие культяпки величиной где-то с ладонь, иногда чуть больше. Толку от них никакого, одна помеха. Но у меня... я родилась с настоящими крыльями. В расправленном состоянии каждое из них в длину больше, чем мой рост. Это совсем не создает неудобств при ходьбе или сидении, потому что они очень компактно складываются за спиной; вот разве что лежать на спине подолгу не стоит — крылья затекают, ну так ведь можно лежать на боку или на животе. И я прекрасно понимаю, почему маме стало жалко резать такие замечательные крылья. Она рассудила, что в крайнем случае я смогу сделать это и сама, когда вырасту. И я благодарна ей за это решение. Хотя эти крылья стали моим проклятьем, я бы, наверное, не простила ей, поступи она по-другому.

Да, это замечательные крылья. Ими можно обмахиваться в жару, ими можно прикрыться от дождя или солнца, наконец, когда их расправишь, они просто красивы, что бы там ни утверждали те, кто считает крылатость уродством. Но... самого главного они не могут. Они не могут поднять меня в воздух.

В детстве я верила, что мне просто не хватает тренировок. Ведь когда-то я болталась, как сосиска, держась руками за крепкую ветку и не в силах подтянуться — а потом научилась подтягиваться по много раз подряд. Вот, наверное, так же и с крыльями... Я размахивала ими часами, до полного изнеможения, я привязывала к ним тяжести... Все тщетно. Крылья поднимают ветер, клубится пыль, я даже чувствую, как при махе вниз часть моего веса исчезает... но только часть, и части этой слишком далеко до целого.

Когда мне было семь лет, я спрыгнула с крыши дома — подо мной были два высоких этажа и чердак (впрочем, о своем городском доме я расскажу чуть позже). Я решила тогда, что не могу взлететь с земли, потому что моим крыльям не хватает маха; оказавшись же в воздухе, я смогу взмахнуть ими на полную амплитуду (я, конечно, еще не знала тогда такого мудреного слова, как "амплитуда"), не боясь зацепить землю. Кстати, это была очень даже неглупая мысль. Менее умной была идея, что, раз уж существует такой способ научиться плавать — когда неумеющего просто сталкивают в воду, и он волей-неволей вынужден барахтаться, чтобы не утонуть — то так же можно и научиться летать. По правде говоря, эту идею мне подкинул Ллуйор; не думаю, что он сделал это со зла — тогда мы действительно были искренними друзьями, и он жутко перепугался, когда я рухнула с крыши на землю — перепугался, пожалуй, даже больше, чем я сама, чувствовавшая в тот момент лишь злость и досаду, которые заглушали даже боль. (Ох, как же трудно рассказывать о себе самой! Вместо того, чтобы выстроить все по порядку, тянет говорить о многих вещах одновременно; вот и про Ллуйора я опять забежала вперед. Впрочем, о нем уже скоро; доскажу уж сначала про тот свой полет.) По счастью, мне хватило ума прыгать не на камни двора, а в сад; в итоге я подвернула ногу, ушибла в последнем отчаянном взмахе оба крыла, поломала тнуаловые кусты и сама исцарапалась о колючки. Доктор Ваайне сказал, что я легко отделалась; и это в самом деле было так. Ллуйор на моем месте, наверное, сломал бы обе ноги. Моим крыльям не удалось поднять меня в небо, и все же

они затормозили падение. И это тогда стало для меня единственным утешением, не позволив угаснуть надежде...

Да, это было непросто — хранить надежду все эти годы, когда, казалось, весь мир объединился против меня. Как я ненавидела школьных учителей, когда они, строго и чуть ли не обвиняюще глядя в мою сторону, цитировали Святое Троекнижие: "Всяка тварь да довольствуется долей своей; птицам дан простор небесный; аньйо же не птица, летать не может (подчеркивали они голосом, воззрившись на меня одну из всего класса), но доступно ему вознесение духовное..." Ясное дело, аньйо не птица! У птиц перья. А у меня крылья кожистые, как у вйофнов. Вйофны даже и внешне чем-то похожи на аньйо, только гораздо мельче, сплошь покрыты шерстью и вообще, они всего-навсего зверьки. Вйофны, что водятся в наших краях, совсем мелкие, длиною где-то в пол-локтя, да и ума у них не особо много, хотя, конечно, побольше, чем у птиц. Но в диких тропических лесах Северного полушария обитают куда более крупные и смышленные вйофны; длина их доходит почти до двух локтей. Я видела таких в городском зверинце, они сидели и смотрели на посетителей большими грустными глазами... Но они, по крайней мере, могли летать — хотя бы внутри клетки. Я смотрела на них с завистью — не в том, конечно, смысле, что хотела бы стать животным, но ведь можно, к примеру, завидовать долголетию дерева, вовсе не желая стать растением... Почему, ну почему они могут летать, а я — нет? Ведь мои крылья ничуть не хуже!

Однако, пора, наконец, рассказать, что случилось в тот день, когда толпа селян ворвалась в наш дом. Они бы убили и меня, и маму, но ей удалось вырваться и убежать, держа меня на руках. Далеко бы она все равно не убежала; почти трехлетний ребенок весит уже довольно много, а среди преследователей хватало здоровых сильных мужчин. Ее почти настигли на дороге, идущей мимо деревни, но как раз в это время по дороге проезжал всадник. Эпидемия Багровой Смерти только начиналась, и дороги еще не были перекрыты.

На нем был черный бархатный костюм с алыми отворотами и высокие сапоги; на левом боку висел меч (что выглядело несколько странно, ведь дворяне в наше время почти сплошь перешли на шпаги, а на солдата он никак не походил), а справа из-за пояса торчал длинноствольный пистолет, которого мама в первый момент не заметила. Она бросилась к этому аньйо, ища у него защиты, хотя и понимала, что благородный господин вряд ли захочет вмешиваться в крестьянские дразги.

Однако он не обманул ее ожиданий.

— Стойте! — властно скомандовал он, и толпа остановилась, хотя он не касался оружия. — Что вам надо от этой женщины?

— Господин, она и ее дьявольское отродье навели Багровую Смерть на селение!

— Она больна? — он всматривался в мамины черты, ища признаки болезни, но после доставшихся ей побоев и быстрого бега трудно было сказать что-то определенное.

— Здоровехонька, господин! А у нас уже трое умерли!

— Ну так и оставьте ее в покое! А дьявольским отродьем вы, очевидно, именуете этого беспомощного ребенка? Нечего сказать, достойный противник для целой толпы здоровых олухов!

— Да вы посмотрите, господин! Разве вы не видите?

Он склонился в седле, протягивая руки, и жест его был столь властным и решительным, что мама послушно отдала меня ему. Это единственный эпизод того дня, который я помню сама, а не знаю со слов матери — надо мной склонилось лицо чужого мужчины. Никогда прежде никто, кроме мамы, не рассматривал меня так близко. В первый момент я испугалась, но тут он принялся осторожно ощупывать мои крылья, и я засмеялась — мне стало щекотно.

— Удивительно, — пробормотал он. — Такие большие... Значит, из-за этого они и хотят тебя убить? — обратился он к маме.

— Да, господин.

Он задумался на какой-то момент. Толпа истолковала это как нерешительность и подалась вперед. Но он вытащил из-за пояса пистолет и наставил его на селян. Хотя в пистолете, разумеется, была только одна пуля — если он вообще был заряжен — это подействовало. Недовольно ворча, наши преследователи попятились.

— У тебя есть муж или другие дети? — продолжал расспрашивать он.

— Нет, господин. Мой муж погиб в море, и Эйольта — наш единственный ребенок.

— Хорошо. Моя жена умерла, и мне нужна женщина, которая смотрела бы за домом и вела хозяйство. Если ты согласна, я увезу тебя в город.

Окруженная с трех сторон толпой погромщиков, могла ли мама раздумывать? Она лишь робко кивнула, опасаясь, что это предложение окажется жестокой шуткой. Но всадник молча помог ей вскарабкаться на круп своего тйорла, передал ей меня и вновь взялся за рога животного. Никто из селян не осмелился встать на пути скакуна; лишь какой-то парень похрабрее в бешенстве прокричал "Багровая Смерть придет за тобой!" и тут же поспешил спрятаться за спинами соседей.

— У меня со смертью свои отношения, — усмехнулся всадник и дал шпоры тйорлу.

Романтики, вероятно, решили бы, что он спас мою мать, будучи очарован ее красотой; но, хотя она действительно красивая — даже сейчас, а в те годы и подавно — вряд ли в такой версии есть хоть капля правды. Избитая, в разодранном платье, в тот миг она никак не выглядела очаровательной, да и до брачного сезона было еще далеко. Думаю, при всей внешней сумасбродности такого поступка, за ним скрывался практический расчет — этот анью рассудил, что лучше всего взять в дом женщину, обязанную ему жизнью; рассуждение тем более резонное, что далеко не всякая женщина согласилась бы переступить порог этого дома, а переступив — не продемонстрировать при каждом удобном случае, что пошла на великую жертву.

По пути они ни о чем не разговаривали; он даже не спросил у мамы, как ее зовут. Часа через два они въехали в ворота Йартнара, столицы одной из одиннадцати ранайских провинций. Был уже поздний вечер; прощальные лучи солнца пробивались между зубцами городской стены, а голубой серпик Лийи, напротив, сиял высоко над северным горизонтом. Но Лийа в этой фазе давала слишком мало света, а фонари даже в таком крупном городе, как Йартнар, есть только на центральной улице, поэтому жители в большинстве своем спешили по домам, оставляя улицы их ночным хозяевам — вора и грабителям. Лишь возле открытых всю ночь кабаков призывно горели чадящие факелы, и поминутно хлопавшие двери впускали все новых и новых гуляк. Мама, после всех потрясений, выпавших на ее долю в этот день, не слишком присматривалась к тому, что делалось на улицах, и потому не обратила внимание на тех горожан, что в испуге шарахались от их тйорла, узнав всадника; а если бы и обратила, то скорее приписала бы эту реакцию своему растрепанному виду... или моим крыльям.

Они вскоре съехали с центральной улицы и долго петляли по каким-то узким закоулкам, стремительно погружавшимся во мрак, пока наконец тйорл не остановился у ограды небольшого двухэтажного дома под крутой двускатной крышей, стоявшего отдельно от других в конце переулочка. Ни в одном окне не было света.

— Я буду платить тебе двадцать йонков в месяц, — сказал всадник; это были его первые слова за два с лишним часа. Сумма была не слишком щедрой, хотя и не особенно скупой; но, в любом случае, маме выбирать не приходилось. Она бежала из родной деревни без гроша, и даже платье ее теперь годилось только на помойку.

— Как будет угодно благородному господину, — ответила она.

— Я не дворянин, — усмехнулся он. — Мое имя Кйотн Штрайе. Ты можешь называть меня "мастер Штрайе".

В первое время на основании этого титула она считала его чем-то вроде цехового старшины или главы торговой палаты; впрочем, его уклад не походил на образ жизни вечно занятого ремесленника или купца. Мастер Штрайе далеко не каждый день выходил из дома, да

и у себя никого не принимал, за исключением своего друга доктора Ваайне. (Доктор проявил ко мне живейший интерес и попросил у мамы позволения тщательно осмотреть меня; закончив осмотр, он громогласно объявил, что я — замечательно здоровый ребенок. Мама расплакалась, услышав эти слова; он был первым, кто не называл меня уродом — без разницы, с отвращением или с сочувствием. Мастер Штрайе, впрочем, тоже проявлял ко мне сдержанную симпатию, но она походила скорее на интерес к диковинной зверушке — так, по крайней мере, казалось маме тогда.) По своему образу жизни Штрайе напоминал аньйо свободной профессии, художника или музыканта, которые тоже любят обращение "мастер"; однако в доме не было ничего, что указывало бы на подобные занятия. Была там, правда, превосходная библиотека (ее качество мама, не будучи тогда грамотной, оценить не могла, но впечатляло уже количество заставленных книгами шкафов), и хозяин дома часто просиживал целые дни за чтением; однако сам он, похоже, ничего не писал. Мама терялась в догадках относительно рода его занятий, но спросить боялась, полагая, что если бы он хотел, то рассказал бы сам. По некоторым обмолвкам она, впрочем, поняла, что он состоит на государственной службе; служба эта, как видно, была не очень обременительна, ибо он ходил на нее нечасто и, как правило, довольно скоро возвращался домой.

Ситуацию могла бы прояснить приходящая служанка, нанятая в помощь маме (ибо одной ей было бы слишком трудно управляться с уборкой двухэтажного дома), но старуха оказалась на редкость неразговорчивой. Расспрашивать мальчишку-посыльного из лавки, приносящего продукты, маме показалось и вовсе неудобным, тем более что и тот не расположен был поболтать, а норовил, получив деньги, тут же исчезнуть; обычно он даже не заходил в дом, рассчитываясь на пороге. Конечно, такое поведение могло бы насторожить маму, но она никогда прежде не жила в городе и не знала местных обычаев, а потому думала, что у городских просто не принято болтать с соседями. Волей-неволей она вела столь же уединенный образ жизни, что и ее хозяин — и даже более, чем он: ведь к нему хотя бы приходил доктор Ваайне. Впрочем, у мамы была я — и, наверное, именно это, а не робость перед незнакомой городской жизнью, было главной причиной, по которой она не пыталась нарушить свое затворничество. Заведи она знакомство с соседками — и рано или поздно те узнали бы правду о ее ребенке, а у мамы уже был горький опыт отношений с прежними своими деревенскими подругами. Впрочем, со времени моего рождения она успела уже привыкнуть обходиться без общества других, и после почти трех лет травли нынешняя спокойная жизнь, отделенная высоким забором от недружелюбного окружающего мира, вполне ее устраивала.

Ее отношения с мастером Штрайе были поначалу сугубо деловыми. Он, правда, пару раз расспрашивал ее обо мне, но в остальном их разговоры — если это слово тут вообще уместно — касались лишь того, что нужно сделать по дому. Но как-то раз мама зашла протереть пыль в библиотеку; Штрайе был там, он сидел у окна и читал. Она не сразу заметила его за книжными шкафами, а заметив — извинилась и хотела уйти, чтобы прибраться позже, но он остановил ее: "Нет, Йаната, ты мне не мешаешь. Напротив, ты очень кстати. Поддай-ка мне, пожалуйста, второй том Йирклойа. Он стоит в том углу на третьей полке." Мама взглянула в указанном направлении, надеясь, что нужная книга выделяется цветом, но увы — почти все корешки на полке были сходных серо-коричневых оттенков. Ей пришлось смущенно сознаться, что она не умеет читать. "Действительно, я мог бы и сам об этом догадаться, — проворчал Штрайе. — Но это никак не годится для аньйо, ведущей мое хозяйство, — и прежде, чем мама успела обмереть от страха, что ей сейчас откажут от места, добавил: — Хочешь, я научу тебя?"

Разумеется, мама согласилась. Так начались их уроки; Штрайе был приятно удивлен маминой сметливостью и полусерьезно говорил "такими темпами мы скоро перейдем и к иностранным языкам!" Действительно, со временем мама освоила и илсудрумский, тем более что у нее имелся кое-какой задел — она нахваталась слов от отца за время их недолгого брака — но чтение на этом языке давалось ей тяжело, и она, насколько я помню, никогда не

читала по-илсудрумски для своего удовольствия.

Но до илсудрумского очередь дошла позже; в тот год ей было чему поучиться и поранайски. Естественно, никаких букварей в доме Штрайе не было, и маме (как впоследствии и мне) волей-неволей приходилось учиться читать по серьезным книгам, которые хозяин не без умысла ей подсовывал; сперва это были исторические труды, а потом, когда она уже вполне освоилась с чтением и вошла во вкус, в ход пошли и философские сочинения. Штрайе обсуждал с ней прочитанное, разъяснял непонятные места, иногда откровенно забавляясь ее наивностью, а иногда, напротив, с большим интересом и даже удивлением выслушивая ее свежие и оригинальные суждения. Возможно, поначалу эти занятия и были для него чем-то вроде каприза и развлечения, но со временем он стал замечать, что ему действительно интересно беседовать со своей служанкой (что, конечно, было немыслимым еще полгода назад, когда она была всего лишь неграмотной деревенской простушкой); порой такие беседы затягивались до глубокой ночи, до часа, когда багровая Ла льет свой зловещий свет на притихшую в страхе землю, и даже королевские стражи не выходят на улицу без амулета, отгоняющего нечистую силу; когда с болот доносится замогильный вой твурков, и тйорлы, слыша его сквозь сон, испуганно вздрагивают ушами и переступают копытами в своих стойлах. Но мама даже не замечала наступления этой поры, когда, по деревенским поверьям, всякому добропорядочному аньйо следует спать, дабы рыщущие в ночи духи тьмы не приметили его душу. Она уже не чувствовала себя скованной в обществе Штрайе, хотя по-прежнему уходила к себе, когда к тому приходил доктор Ваайне — коего она все еще стеснялась, несмотря на его жизнерадостный нрав.

Однако эти интеллектуальные посиделки не отменяли ее обязанностей. Однажды она стирала сорочку хозяина (обычно этим занималась вторая служанка, но в тот день старуха была больна), и ей бросилось в глаза большое темно-красное пятно на манжете. И хотя она попыталась убедить себя, что это красные чернила или, может быть, вино, но ее тонкое обоняние неумолимо подтверждало, что это кровь, и притом свежая. Некоторое время мама стояла, глядя на манжету и проводя по ней пальцем; затем решила, опустила рубашку в таз, вытерла руки и отправилась на поиски хозяина.

Штрайе отдыхал в гостиной; он сидел в своем любимом глубоком кресле, вытянув ноги, скрестив руки на груди и полуприкрыв глаза.

— Простите, мастер, — обратилась к нему мама, — вы поранились? Может быть, надо сходить за доктором, или я сама могу сделать вам перевязку?

— Поранился? — он удивленно открыл правый глаз. — С чего ты взяла?

— У вас кровь на рубашке, в которой вы вернулись со службы.

— А, это... Это не моя кровь. Это профессиональное.

— Профессиональное? — маме очень не хотелось верить в напрашивающееся объяснение.

— Ты разве до сих пор не знаешь? — он открыл второй глаз и повернул к ней голову. — Ну что ж, тогда пора тебе узнать. Я — королевский палач Йартнара.

Мама только тихо охнула и осталась стоять, глядя на него; она не знала, что сказать. Не то чтобы это стало для нее полной неожиданностью — она давно подозревала неладное, но прежде гнала от себя эти мысли...

— Да, и вот еще что, — добавил он, как ни в чем не бывало. — Раз уж между нами не осталось секретов... Положение служанки недостаточно прочное, а тебе и девочке нужна опора. В свою очередь, я тоже не хотел бы однажды услышать, что ты нашла себе другое место. Так что, полагаю, будет лучше для нас обоих, если я возьму тебя в жены.

Брачный сезон давно миновал, так что это предложение никак не могло быть продиктовано вспышкой страсти. Но мама все равно смотрела на него в полной растерянности.

— Вы... шутите, мастер? — сказала она наконец.

— Нисколько, — ответил он. — Кстати, можешь называть меня Кйотн. Если ты, конечно, согласна.

— Да... Кйотн, — произнесла она, сама удивляясь тому, что говорит.

Впоследствии мама так и не могла объяснить мне, почему она тогда согласилась — ведь буквально за несколько секунд до того этот аньйо вызывал у нее ужас, затмивший даже воспоминания об их долгих беседах над книгами. Может быть, она была просто слишком ошеломлена этими двумя откровениями, последовавшими одно за другим... Скорее, впрочем, тут иное. Она не говорила этого прямо, но я догадываюсь... Тот ужас, который она почувствовала, узнав о профессии Штрайе, не был страхом перед ним; скорее это был страх за него. Она почувствовала острую жалость к аньйо, вынужденному заниматься столь чудовищным, по ее мнению, делом, обреченному на вечное отвращение окружающих...

Вообще нет ничего глупее, чем эти предрассудки по отношению к палачам, делающим полезную и необходимую работу. Особенно в обществе, где так почитаются солдаты! Ведь солдат убивает законопослушных граждан, пусть и чужеземцев — причем нередко его собственной стране от этого больше вреда, чем пользы; палач же очищает общество от преступников, совершая безусловное благо — и общество платит ему самой черной неблагодарностью! И добро бы это относилось лишь к темным и невежественным аньйо — так ведь нет, образованные и благородные чаще всего рассуждают ничуть не умнее! Редким исключением оказался единственный друг моего отчима, доктор Ваайне. Когда я, уже много лет спустя, спросила его об этом, он с усмешкой ответил, что они с мастером Штрайе — фактически коллеги. "Только я лечу отдельных аньйо, а он — общество в целом, — пояснил доктор. — Но обоим нам приходится, ради исцеления, применять огонь и железо, причинять боль и отсекал неизлечимые члены... Кроме того, в профессии каждого из нас мастерство достигается познанием устройства и свойств тела аньйо." Собственно, последнее обстоятельство и стало поводом для их знакомства — доктор покупал у палача тела казненных для анатомических исследований; об этом я узнала еще позже, а затем, в тайне от мамы, и сама напросилась присутствовать при таком исследовании — и могу с гордостью заметить, что выдержала это зрелище с честью, а под конец даже немного ассистировала доктору.

Конечно, я не хочу сказать, будто всякий ранайский палач имеет дома превосходную библиотеку, читает философские труды и говорит на нескольких языках. Большинство палачей, особенно в провинциальной глуши, обычно и впрямь не слишком отличаются от того образа грубого мужлана, который приписывает им молва. Но ведь и с солдатами та же история — рядовой пехотинец и даже командир какого-нибудь заштатного гарнизона обычно не отличается образованием и манерами, в отличие от блестящих офицеров гвардии. Столичные королевские палачи — даже если речь лишь о столицах провинций — это своего рода гвардия палаческой гильдии; в отличие от палачей муниципальных, они состоят не в штате местной полиции, а в штате Королевской Тайной Канцелярии и подчиняются непосредственно Канцлеру-Хранителю. Естественно, место королевского палача не достается кому попало — им может стать лишь настоящий мастер, готовившийся к этой должности с детства. В обязанности каждого такого мастера входит подготовка преемника; и хотя формально должность палача в Ранайе не является наследственной (в отличие, например, от Илсудрума), но, как правило, в ученики берут кого-нибудь из родственников. Так в нашем доме появился Ллуйор (вот наконец я добралась и до него!)

Он приходился отчиму кем-то вроде троюродного племянника. Обычно мастер берет ученика не раньше, чем тот достигнет двенадцатилетнего возраста, но Ллуйор рано остался сиротой, и никто из более близкой родни не захотел вешать на себя обузу, так что, если бы Кйотн Штрайе не согласился взять его к себе, ребенка просто вышвырнули бы на улицу. Надо ли говорить, что все они, как и положено добропорядочным аньйо, искренне презирали своего родича-палача и избегали встречаться с ним без крайней необходимости?

Итак, Ллуйор стал жить у нас, когда ему шел всего девятый год, а мне — седьмой. Он был старше на два года, и он был мальчишкой, но я к тому времени уже умела читать, знала всех ранайских королей, начиная с Кайллана Завоевателя, и вообще чувствовала себя в доме хозяйкой. Нельзя сказать, чтобы отчим меня баловал — это было вообще не в его характере; теперь я понимаю, что он был добр ко мне и, наверное, даже любил меня, но внешне это скрывалось за его всегдашней спокойной холодностью, которая, возможно, была все же не лучшим способом обращения с ребенком. Он ни разу не ударил меня, даже не повысил голоса — но, когда мне доводилось провиниться, он пригвождал меня к месту таким ледяным взглядом, что, право же, я предпочла бы получить оплеуху, зато потом — прощение и ласку. Но ласки не было; за все время, наверное, он лишь пару раз погладил меня по голове; обычно же, когда он бывал мной доволен, то говорил лишь что-нибудь вроде "хорошо, ты делаешь успехи". Может быть, поэтому я никогда не считала его родным отцом — хотя скорее в глубине моего сознания просто сохранились какие-то воспоминания о самых первых годах жизни, когда никакого "отца" еще не было или когда мама называла его "мастер Штрайе". Ведь сравнивать-то мне было не с кем. До десяти лет я прожила полной затворницей, общаясь лишь с матерью, отчимом, время от времени — с доктором Ваайне и, в последние годы, с Ллуйором.

Впрочем, я от этого не страдала. Мне не разрешалось мешать отчиму, когда он читает или отдыхает, но в остальном дом и сад были в моем полном распоряжении. Включая, разумеется, и библиотеку; когда я была слишком маленькой, то просто не доставала до полок и не могла натворить бед, а к тому времени, как подросла, мне уже внушили должное почтение к книгам. И все же в том возрасте книги еще не могли увлечь меня надолго — однако у меня хватало других развлечений. Уже сам дом, с его высокими стрельчатыми окнами, широкой каменной лестницей, старинной громоздкой мебелью (монументальные ножки столов возвышались подобно колоннам), тяжелыми портьерами, за которыми было так удобно прятаться, потемневшими от времени картинами на стенах и башнеобразными напольными часами в гостиной казался мне огромным рыцарским замком. А еще в доме был чердак, в чьем пыльном сумрачном чреве на протяжении нескольких поколений скапливался всевозможный хлам; для меня это был неисчерпаемый кладезь сокровищ. Запах затхлости и нагретого солнцем дерева казался мне самым романтическим на свете. Я просиживала там часами, вытаскивая то старый плащ с завалившейся в кармане монетой времен Паарна II, то потрепанный кожаный доспех с бронзовыми бляшками, то истертый гобелен со сценами охоты на твурков (от него поднималось особенно много пыли, и мне нравилось смотреть, как пылинки, сверкая, клубятся в луче солнца, падающем через небольшое полукруглое окно), то какую-нибудь домашнюю утварь, а то и вовсе предметы, назначение которых мне было неизвестно (как я потом узнала, среди них были и отслужившие свое небольшие орудия пыток). Когда мне надоедало копаться во всех этих вещах, я усаживалась в массивное кресло без ножек или на окованный железом сундук и просто фантазировала; в своих мечтах я становилась то королевой в тронном зале, то предводительницей пиратов в заваленной трофеями капитанской каюте. Может быть, для роли грозной повелительницы мне и недоставало реальных подданных, но я с успехом заменяла их воображаемыми. Нередко я ложилась на живот возле самого окна, утыкаясь носом в пыльное стекло; я смотрела вниз на землю и взмахивала крыльями, и мне казалось, что я лечу...

Другим замечательным местом был сад. Кто-то из прежних палачей — а дом не принадлежал семье Штрайе, он был собственностью Тайной Канцелярии и переходил от одного королевского палача к другому — так вот, кто-то из предшественников отчима был страстным садоводом и проводил чуть ли не все свободное время, подравнивая клумбы, собирая вредителей и фигурно подстригая кусты и деревья; однако отчим был совершенно равнодушен к этому занятию и позволил саду прийти в запустение. Надо ли говорить, каким подарком это стало для меня! Плитки аллеи, сквозь трещины и щели которых буйно пробивалась трава, были для меня дорогой к заколдованному замку; в джунглях буйно разросшихся кустов прятались

свирепые северные дикари, а деревья, на которые я взбиралась, становились то мачтами адмиральского корабля, то сторожевыми башнями колониального форта...

В общем, мне никогда не было скучно наедине с собой. И, пожалуй, первой моей реакцией на весть о скором прибытии Ллуйора было что-то вроде укола ревности: как это, делить все мои богатства с кем-то еще? Но затем мысль о возможности заполучить товарища по играм наполнила меня радостным возбуждением, и я уже не могла дождаться, когда отчим привезет его.

И вот он стоял на пороге — бледный худенький мальчик в унылой, не раз штопаной одежде, с серой котомкой на плече. Его покойные родители, хотя и принадлежали не к трущобной гольтьбе, а к вполне почтенному ремесленному сословию, никогда не жили в достатке, а с тех пор, как его отцу-сапожнику проломили голову в пьяной драке, дела и вовсе пошли хуже некуда. Мать Ллуйора вскоре слегла и больше уже не встала; после ее смерти мальчику остались одни долги. Вы, может быть, ждете от меня рассказа, что отчим помогал своим дальним родственникам в это тяжелое время — но это не так. Он ими вовсе не интересовался. О незавидной участи Ллуйора он узнал лишь тогда, когда к нему обратилась тетка мальчика, исчерпавшая все другие способы пристроить сироту, не обременяя при этом себя.

Ллуйор, разумеется, был заблаговременно строго предупрежден отчимом насчет моей крылатости — но ему было не до дразнилок. Во-первых, он еще не отошел после смерти родителей, а во-вторых, зная, что отдан в ученики к палачу, считал свое будущее ужасным и беспросветным. (Я, кстати, тогда еще не знала, в чем состоит профессия отчима.) Мать перед смертью строго заповедовала сыну помнить о достоинстве его сословия и не смешиваться с гольтьбой и попрошайками, но Ллуйор потом признался мне, что поначалу всерьез обдумывал идею сбежать и сделаться лучше нищим побирушкой, чем палачом. Он сказал, что отказался от этой идеи из-за меня... но, думаю, на самом деле, попав к нам в дом, он просто рассудил, что сбежать всегда успеет, а пока грех не попользоваться сытой и комфортной жизнью, какой он не знал с рождения.

Итак, несмотря на превосходство в возрасте и принадлежность к "сильному полу" (дурацкое выражение, которое, однако, долго казалось мне естественным), он был полностью деморализован. (А это мудреное слово — "деморализован" — я тогда уже знала! Вычитала из исторических хроник. "К четвертому часу баталии противник был полностью деморализован.") Поэтому Ллуйор практически без сопротивления согласился с моим лидерством. Думаю, мои крылья тоже сыграли тут свою роль. Когда я увидела его, то на радостях взмахнула ими — у меня еще долго сохранялась эта дурацкая привычка, прежде чем я научилась себя контролировать — и он вытаращил глаза. Но не от гнева и не от страха, а — от восторга. Я-то, впрочем, находила это вполне естественным. Я всегда считала, что тем, у кого нет крыльев, их сильно не хватает, и что они нам просто завидуют. Во всяком случае, я не видела другого объяснения для их злобы. О злобе мне уже было известно — воспоминания о дне бегства из деревни практически стерлись, но мама в осторожных выражениях кое-что рассказала мне, когда объясняла, почему мне нельзя выходить за ворота. Тем не менее, знание это оставалось абстрактным — я и в мыслях не допускала, что Ллуйор может испытывать ко мне какую-то неприязнь из-за крыльев.

Короче говоря, мы подружились. Вы можете сказать, что это было predetermined — дружба двух отверженных, крылатой и будущего палача — но не забывайте, мы были маленькими и не задумывались над столь мрачными вещами. Нам просто нравилось играть вместе. Королева наконец заполучила себе подданного, а пиратская атаманша — боцмана. Хотя, разумеется, не всегда в наших играх мы выступали на одной стороне; нередко я в качестве кровожадного северного дикаря набрасывалась на него из кустов, или он в роли вражеского генерала атаковал мои позиции. Бывало, впрочем, что игра заканчивалась моим сердитым

замечанием, что "генералы так не воюют", после чего следовала лекция с изложением основ стратегии и тактики, почерпнутых мной из исторической литературы — изложением, естественно, очень наивным и часто совершенно ошибочным, но он слушал, забывая закрыть рот. Проверить он все равно не мог, поскольку в свои восемь лет все еще не умел ни читать, ни писать.

Вскоре, однако, я убедилась, что мой авторитет для него не безграничен. Летом я всегда ходила босиком; не потому, разумеется, что королевский палач Йартнара экономил на обуви для дочери, а просто мне так нравилось. Поскольку со двора я никогда не выходила, родители (буду называть их так, хоть Штрайе мне и не родной) не имели ничего против. Ллуйор появился в нашем доме весной и не знал об этой моей привычке. Солнце с каждым днем пригревало все сильнее, и я с нетерпением ждала, когда можно будет сбросить надоевшие за зиму башмаки. И вот, когда я, наконец, впервые в том году пробежалась, смеясь от удовольствия, босыми ногами по нагретым с утра плиткам аллеи и лихо вскарабкалась на дерево, где уже ждал меня Ллуйор — я вдруг заметила, что мой генерал смотрит на меня совсем не так, как полагается смотреть на королеву. Тут уже мне пришлось выслушать лекцию о том, что босиком ходят только нищие голодранцы и неотесанная деревенщина. Очевидно, его устами в тот момент говорили его отец-сапожник, взиравший на мир через призму своего ремесла, и мать, которая, умирая в полной нищете, наказывала сыну во что бы то ни стало "сохранять достоинство сословия". Тогда, впрочем, я этого не понимала. В первую минуту я сочла, что он гордится совершенную чепуху, о чем ему немедля и сообщила; однако, вопреки обыкновению, он вовсе не признал свое поражение. С растущим удивлением я поняла, что мой авторитет стремительно тает в его глазах; я снова посмотрела на свои свесившиеся с ветки ноги, и мне вдруг показалось, что в этом зрелище и впрямь есть что-то унижительное и неприличное. Я неуклюже спрыгнула с ветки, ушибив при этом пятку, и, прихрамывая, поспешила в дом за башмаками, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

Так выяснилось, что не только я имею влияние на него, но и он на меня. И, пожалуй, ни тогда, ни потом в его влиянии не было ничего полезного. Лишь позже я осознала простую истину — чем меньше вы симпатизируете другим, тем меньше у вас шансов заразиться их предрассудками.

В том году было уже поздно отдавать Ллуйора в школу — ведь учебный год начинается зимой — но отчима, разумеется, не устраивала полная неграмотность будущего ученика, и он попытался заниматься с ним сам, как когда-то с моей матерью, а потом со мной. Но Ллуйора не интересовали премудрости чтения и счета; он кое-как исполнял урок из страха перед своим строгим наставником (королевский палач все еще внушал ему трепет), но думал лишь о том, как бы побыстрее улизнуть играть во двор. Я же, напротив, со временем все чаще навещала библиотеку. Мне было всего семь, когда я стала замечать, что миры двора и чердака, исследованные мной к тому времени до последнего камушка и пылинки, уже не столь бескрайни, как казалось мне раньше — а по сравнению со вселенной, открывавшейся на страницах книг, просто мелки и, пожалуй, даже скучны. Конечно, до философских трудов я тогда еще не доросла, да и вообще многие "взрослые" книги, которые я пробовала читать, казались мне слишком нудными, однако меня интересовали уже не только описания битв и географических открытий, но и хитросплетения интриг всяких древних королей и князей. Постепенно из всего этого чтения и моих игр "в королеву" сложилась идея моей собственной страны, которую я, не мудрствуя лукаво, назвала "Эйонайа"; я нарисовала ее подробную карту и стала сочинять ей историю, записывая ее летописи с древнейших времен. Эти "хроники", должно быть, до сих пор валяются где-то на чердаке дома королевского палача в Йартнаре...

Ллуйор, естественно, был привлечен к этой затее, и поначалу она увлекла его не меньше, чем меня, но ему быстро наскучил мой чересчур академический подход. Он и настоящих-то правителей никак не мог выучить, а тут ему предлагалось запомнить придуманных. Пусть даже

он сам мог участвовать в их создании — однако забывал он их с такой же легкостью, с какой сочинял, и на другой день его новая версия эйнайских событий не имела ничего общего с зафиксированной в хрониках накануне — с чем я никак не могла примириться, а когда он упорствовал, сердилась и кричала на него. В конце концов он заявил, что это глупая игра, и что он лучше пойдет на улицу гонять мяч с мальчишками. Сказано это было, очевидно, чтобы уязвить меня — ведь ему-то никто не запрещал уходить со двора. Хотя на самом деле он этим правом практически не пользовался, ибо не знал — а точнее, знал — как соседские мальчишки примут ученика палача. И в тот раз тоже дальше ворот он не ушел. Я благородно не стала заострять на этом внимание, но больше уже не звала его играть в Эйонайу, ставшую отныне моей и только моей. Последние эйнайские хроники были записаны мною в возрасте тринадцати лет...

Тем не менее, Ллуйор оставался моим другом, с которым я делилась самым сокровенным — в том числе, конечно, моей тоской по полету. Да и трудно было бы ее скрывать — он ведь не раз видел, как я пытаюсь натренировать крылья. Я уже пробовала удержаться в воздухе, прыгая с малой высоты с деревьев, но Ллуйор предложил радикальный метод — прыжок с крыши, о котором я уже рассказывала. Разумеется, я не сказала родителям, чья это была идея — да и, в конце концов, я была сама виновата, что послушала его и настолько уверилась в успехе, что не задумалась о возможных мерах безопасности. Представьте себе, мне было даже совсем не страшно прыгать — тем более что у меня уже был немалый опыт полетов во сне...

В тот год Ллуйор пошел в первый класс (поначалу отчим хотел отдать его сразу во второй, как уже умеющего читать и писать, но, трезво оценив склонность подопечного к учебе, решил этого не делать). Как и следовало ожидать, будущего ученика палача там встретили неласково. А если учесть, что и сам процесс учебы, мягко говоря, не доставлял ему удовольствия, то неудивительно, что школу он в конце концов бросил. Правда, сказать об этом дома Ллуйор не решился; он уходил с утра как будто на занятия, а сам целый день играл на улице с мальчишками, с которыми все-таки свел знакомство (они жили в другом районе Йартнара и не знали, что он — ученик палача). Среди этих мальчишек были и другие прогульщики, и самые натуральные босоногие оборванцы, у родителей которых просто не было денег на школу — но им-то он не читал никаких проповедей о недостойности подобного поведения...

Естественно, спустя какое-то время все это открылось. И, естественно, Ллуйору сильно не поздоровилось. Как я уже говорила, меня отчим никогда не бил, но его тогда все-таки выпорол, сказав, что ученику палача следует иметь о боли не только теоретическое представление. Досталось ему (уже на словах) и от мамы, и от меня. Больше всего меня возмутило даже не то, что он бросил школу, а то, что он врал всем нам, включая и меня, своего лучшего друга. И когда я высказывала ему свое возмущение (мы сидели вдвоем на чердаке, точнее, я сидела, а он после полученной взбучки предпочел лежать на пузе, подстелив гобелен с охотниками) — он обозленно заявил, что врут все вокруг, "и дядя Кйотн, и твоя мать тоже". Когда же я потребовала доказательств, он с довольным видом выложил, что Кйотн Штрайе — вовсе не мой родной отец.

Поскольку я давно это подозревала, шоком для меня эта новость не стала, однако услышать это было неприятно — опять же, не столько сам факт, сколько то, что от меня это скрывали. В тот же день я вызвала мать на откровенный разговор и добилась от нее правды. Тогда же она впервые рассказала мне многое из того, что я уже поведала вам... Я не сказала, от кого узнала, но вычислить было нетрудно, так что Ллуйору досталось еще и за это, хотя я и просила его не наказывать. Но отчим ответил "он заслуживает наказания, потому что сделал это не из любви к правде, а со зла" — и был, в общем-то, прав.

С тех пор в наших отношениях с Ллуйором наступило резкое охлаждение. Я еще пыталась вернуть его дружбу, но это было бессмысленно. Дело было не только в той ссоре —

просто наши интересы все больше расходились. У меня были книги, у него — уличные друзья-мальчишки с их примитивными играми. От них он набрался идей типа "с девчонками дружат только сопляки", а заодно и насчет крылатых — от "бесовского отродья" до "уродов". Если бы он проболтался в своей компании обо мне, это ударило бы по его статусу куда сильнее, чем положение ученика палача.

Последнее обстоятельство, кстати, он со временем сумел обратить себе на пользу. Ему снова пришлось пойти в школу — со следующего года и опять в первый класс, ибо он слишком много пропустил. При этом он, хотя и не выделялся физической силой среди сверстников, оказался на два года старше новых одноклассников — в этом возрасте разница существенная, и теперь уже немногие решались его задирать. Он же, в свою очередь, превратил свое проклятие в свой козырь и агрессивно заявлял, что он — будущий королевский палач и, когда вырастет, поотрубают головы всем обидчикам, а учиться пытаться будет уже с двенадцати лет (что не соответствовало действительности — с этого возраста ученик палача лишь учится обращаться с оружием). И нашлись те, что предпочли заручиться дружбой столь грозного субъекта, а прочие решили держаться от него подальше.

До открытой вражды между нами дело не дошло, хотя я замечала неприязнь в его взгляде — да и сама была зла на него: менее всего мы склонны прощать другим свое в них разочарование. Установилось что-то вроде вооруженного нейтралитета — мы просто старались не замечать друг друга. Встречались мы теперь разве что за обедом и ужином.

Мне было десять, когда меня отдали в школу (сразу в четвертый класс). Раньше в этом не было необходимости — я и так знала гораздо больше, чем изучали в младших классах. В принципе, отчим и дальше мог бы учить меня сам или, в крайнем случае, нанять подходящих учителей — доходы королевского палача позволяли (он получал не только хорошее жалование, но и деньги от родственников преступников, которые платили за то, чтобы смерть приговоренного была максимально легкой; если приговор не требовал обратного, это не возбранялось. Это не значит, что отчим вымогал деньги или специально причинял казнимому дополнительные мучения, если не получал платы — просто он не считал зазорным принимать благодарность за хорошо сделанную — и, между прочим, нелегкую — работу. "До чего безобразно устроены наши тела, — говорил он как-то доктору Ваайне, — мало того, что они не способны нормально жить, не изводя нас болезнями, так они еще и не способны нормально умирать, не причиняя лишних страданий!") Так вот, причина, по которой меня отдали в школу, была иной: отчим счел, что я не могу провести затворницей всю жизнь, и мне надо когда-то учиться общению с другими аньюо. Сама я была только за, ибо к этому времени вечное сидение дома, несмотря даже на книги, начало меня тяготить, и я жаждала новых знакомств и впечатлений. Мама была против — она догадывалась, какой прием меня ожидает. Но отчим считал, что если я не научусь стоять за себя сейчас, то потом уже будет поздно — а его мнение в доме, естественно, было решающим (не говоря уже о том, что он был прав).

Я не представляла себе, что меня ждет (споры между родителями на сей счет происходили не в моем присутствии, и я узнала о них позднее). Я, конечно, уже была в курсе, что существуют аньюо, которые не любят крылатых, и что таких даже много — в частности, приятели Ллуйора или жители деревни, где мы когда-то жили. Но я полагала, что подобные предрассудки — удел исключительно глупых и необразованных аньюо, и что в школе, где учатся дети цеховых старшин и дворян, мне не придется с этим столкнуться; ну разве что найдется пара-тройка дураков, но на них можно просто не обращать внимания. К тому же я была уверена, что, как и при знакомстве с Ллуйором, мои обширные познания произведут впечатление и помогут мне найти друзей.

Мое появление в классе произвело фурор. Поначалу я не заметила признаков враждебности; они окружили меня и глазели, как на ярмарочного уродца, а я наивно приняла это за восхищение... Когда меня попросили помахать крыльями, я охотно это исполнила; я

честно отвечала на их вопросы, думая, что им и вправду интересно, и не чувствуя издевки; когда мои ответы встречали смехом, я смеялась вместе со всеми, думая, что они просто очень веселые ребята; и даже когда меня в первый раз дернули за крыло, я натянута улыбнулась, хотя мне было больно... Ну а потом началось.

В той школе, как и в большинстве школ Йартнарской провинции (за исключением закрытых привилегированных пансионов), девочки и мальчики учились вместе, но мало общались друг с другом. У мальчишек были свои компании, со своими жожаками и любимыми жертвами, у девчонок свои. Но мое появление нарушило этот порядок. Против меня ополчились все.

Меня ненавидели вдвойне — за то, что я крылатая, и за то, что я дочка палача. Фамилия "Штрайе" не слишком распространенная, но все-таки мой отчим — не единственный ее обладатель в городе, и я могла бы соврать, что не имею к нему отношения, но сочла это ниже своего достоинства (впрочем, они бы все равно выследили, куда я иду после школы... но это я поняла уже потом). Я даже не стала говорить им, что он мне не родной отец.

Я надеялась, что моя прилежная учеба переломит ситуацию. Наивная! Теперь меня ненавидели еще и за то, что я отличница. Отличников они вообще не любили — как же, разве могут они стерпеть, что кто-то оказался умнее их! — а уж крылатой они тем более не могли простить столь явной демонстрации превосходства. И хуже того... учителя, в которых я видела свое последнее прибежище, которые должны были защищать меня и как лучшую ученицу, и просто как вверенного их попечению ребенка — эти самые учителя, проникнутые духом Святого Троекнижия, сочли своим долгом "избавить меня от гордыни". Будь я жалкой и убогой, что вполне соответствовало бы их представлению о крылатости как об уродстве, я бы, наверное, заслужила их искреннее сочувствие; но я осмеливалась учиться лучше "нормальных" детей, отстаивать свое достоинство и спорить со старшими — а это, разумеется, была гордыня. К слову сказать, никто из них так ни разу и не объяснил, что плохого в гордыне — ссылки на Святое Троекнижие не в счет, ибо там содержатся лишь утверждения, а не доказательства. Не могу сказать, что учителя явно поощряли травлю — но маленькие чудовища, именуемые обычно детьми, прекрасно чувствуют настроение взрослых.

В классе было несколько аньйо, тайно сочувствовавших мне, но они не осмеливались пойти против остальных; максимум, что они могли себе позволить — это неучастие в травле; впрочем, спасибо им и за это. Из числа же мучителей особое рвение проявляли бывшие любимые жертвы, стремившиеся выслужиться перед стаей и скотски благодарные ей за то, что она наконец избрала другую мишень — а заодно отыгрывавшиеся на мне за свои прошлые унижения...

Они не оставляли меня в покое даже после уроков — трое или четверо увязывались за мной, чтобы, в лучшем случае, кричать на всю улицу дразнилки, а в худшем — кидаться грязью или камнями. Я оказывалась в безопасности лишь возле дома — близко подходить к дому палача они боялись... Приходя домой, я швыряла сумку с книгами, взбегала на чердак, раскладывала перед собой старые орудия пыток — к тому времени я уже поняла, что это такое — и предавалась мечтам о мести. Я представляла себе, как мои враги корчатся и вопят от боли, как они умоляют о пощаде... но, разумеется, никакой пощады не получают. Увы, действительность была совсем иной...

Я не хочу и не буду рассказывать обо всех издевательствах, через которые мне пришлось пройти. Достаточно сказать, что мне до сих пор снятся сны, в которых я сражаюсь со своими мучителями. И я до сих пор желаю им смерти. Да. До сих пор.

Поначалу я еще надеялась, что надо просто перетерпеть, и от меня отстанут; но в конце концов я не выдержала и заявила отчиму, что больше не пойду в школу. "Что ж, — ответил он, как всегда, спокойно, — не ходи. Но тогда ты всю жизнь просидишь дома, боясь выйти на улицу. Ты этого хочешь?" "Нет, — ответила я, подумав, и добавила: — Научи меня драться!"

"Вот это те слова, которые я хотел от тебя услышать", — улыбнулся он.

Ллуйору было уже двенадцать, и отчим занимался с ним, обучая его боевым навыкам. Королевский палач должен владеть оружием не хуже, чем хороший солдат. Ошибаются те, кто думает, будто палачу приходится иметь дело лишь с беспомощным противником. Во-первых, во время казни может случиться всякое — от попыток освободить приговоренного силой до подкупа стражников и тюремщиков. Во-вторых — и это, пожалуй, даже важнее — в повседневной жизни палач вовсе не застрахован от мести родных и сообщников казненных. Когда-то палачи делали свою работу в масках; это практикуется и сейчас, если под рукой не оказывается профессионала и приговор приходится исполнять случайному аньйо — но для королевского палача такая маскировка лишена смысла, все и так знают, кто он и где живет. Конечно, при желании можно было бы организовать все так, чтобы палач оставался анонимным — но тогда логично было бы требовать такой же маскировки и для судей, и для других участников процесса, а это уже было бы унижительно для королевского правосудия. "В конце концов, я тоже утверждаю смертные приговоры — так что ж мне теперь, править под маской?" — сказал в свое время король Аклойат II, отвечая на петицию палачей. Но короля защищают гвардия и Тайная Стража, палачу же приходится полагаться только на себя... Правда, за покушение на королевского палача закон карает столь же строго, как и за покушение на высокопоставленного сановника. Королевские палачи причислены к чиновному сословию, хотя работа их по большей части физическая, и они, по идее, должны считаться ремесленниками.

Вообще-то, поскольку день рожденья Ллуйора, как и у всех аньйо, был летом, свои тренировки он начал уже давно — к тому моменту прошло больше полугода. Но прежде у меня не возникало желания к нему присоединиться. Особенно зимой, когда, проснувшись поутру и выглянув в окно, я видела, как отчим гоняет Ллуйора голым по пояс вокруг дома и заставляет растираться снегом. С великим удовольствием и, признаюсь, не без злорадства в адрес своего бывшего друга я юркала обратно в теплую постель, радуясь, что мне не грозят подобные экзекуции. Да и вообще, если в более раннем возрасте мне и нравилось лазать по деревьям и фехтовать с Ллуйором на палках, то теперь книги привлекали меня куда больше, чем физические упражнения.

Но вот все переменялось, и я по собственной воле присоединилась к тренировкам. Отчим не давал мне спуска, не делая поправок ни на пол, ни на возраст. После занятий ныли все мышцы, я ходила в синяках от пропущенных ударов, но ненависть придавала мне силы, и я быстро делала успехи. Вскоре Ллуйор, по-прежнему превосходя меня в силе, уже уступал мне в ловкости и знании приемов — что, очевидно, дало ему дополнительный повод для неприязни, но это меня уже мало заботило.

В школе, кстати, от него не было никакой пользы. Из-за всех своих пропусков он учился только в третьем классе, в то время как я — в четвертом, на год опережая своих сверстников; но все равно, на переменах он не раз видел, как мне достается, и ни разу не вступился, хотя это даже не потребовало бы от него особого геройства — ведь мои обидчики были моложе его. Он делал вид, что просто не замечает происходящего, а я ни разу не унизилась до того, чтобы попросить его о помощи.

Какое-то время в классе все оставалось по-прежнему. Я понимала, что все вместе они все равно сильнее меня, а потому постепенное улучшение моих бойцовых качеств не произведет должного впечатления. Ответный удар надо было наносить внезапно и сокрушительно. Умом-то я это понимала, но знали бы вы, как трудно было сносить издевательства, не пуская в ход свежевыученных приемов! И я до сих пор горжусь, что мне это удалось.

И вот, наконец, я решила, что пора. Удар, разумеется, следовало наносить по одному из вожаков; всех их я ненавидела одинаково, и потому чувства не помешали мне сделать разумный выбор — то есть предпочесть самого слабого противника. Так что я не стала связываться с мальчишками (хотя, скорее всего, сумела бы отдубасить и их, пусть и не без ущерба для

собственной физиономии), а выбрала Йанату Тниирен. Да, эта злобная маленькая дрянь с визгливым голосом была тезкой моей матери, что злило меня еще сильнее... Когда она в очередной раз дирижировала толпой своих подружек и прихлебательниц, я предложила ей встретиться после уроков. Ее это ужасно позабавило, и она, конечно, согласилась; полюбоваться на потешное зрелище показательного избияния "уродки-палачки" на пустыре за школой собрался, естественно, почти весь класс. Едва Тниирен с гаденькой улыбочкой подошла ко мне, как я набросилась на нее.

Она, разумеется, ожидала, что я буду драться по-девчоночьи, бестолково махая руками и царапаясь, и никак не думала, что в первую же секунду получит удар ногой в живот, а потом — сразу же кулаком снизу в челюсть... Не прошло и минуты, как она, громко вереща и заливаясь слезами, позорно бросилась бежать, но я догнала ее, повалила и продолжила избивать. Я уже знала, где на теле аньйо расположены болевые точки, и метила именно туда. Все было, как в моих мечтах: она корчилась и визжала "Не надо, пожалуйста, Эйольточка, не надо!!!" "Ах, так значит теперь я Эйольточка?" — рычала я, молотя по ее ненавистой роже...

Одноклассники даже не сразу поняли, что происходит, тем более что я в экстазе была по воздуху крыльями, поднимая тучи пыли; когда же двое мальчишек попытались нас разнять, я попросту отшвырнула их. Лишь вчетвером им удалось оттащить меня от моей жертвы. Та лежала, всхлипывая, в пыли и даже не пыталась подняться; лицо ее превратилось в сплошной кровоподтек.

Ее отец, йартнарский дворянин, попробовал потом предъявить претензии и даже заявился с этой целью в наш дом, но отчим спокойно заметил ему, что с удовольствием побеседует, только не здесь, а в покоях Тайной Канцелярии. Как видно, за Тнииреном-старшим и впрямь водились какие-то грешки — может быть, и вполне невинные, но страх сам себя кормит — так что он сразу заявил, что его не так поняли, и поспешно откланялся.

Тниирен-младшая после перенесенного публичного позора утратила свое лидерство среди девчонок класса. Что интересно — с тех пор, если ей случалось обращаться ко мне (чего она вообще-то избегала), она всегда звала меня Эйольточкой.

Задевать меня больше никто уже не осмеливался. У меня было сильное искушение подкарауливать их по одному и воздавать каждому по заслугам, но я поняла, что это мне уже не сойдет с рук. Ну что ж, довольно было уже и того, что они оставили меня в покое.

Разумеется, теперь они ненавидели меня еще больше. Хотя, не будь я крылатой — у меня, пожалуй, был бы неплохой шанс самой стать вожаком, и те, кто вчера травил меня, теперь искали бы моего покровительства (не могу сказать, впрочем, что это доставило бы мне удовольствие — они были мне просто противны). Но, конечно же, крылатой они не могли простить торжества над собой. И даже те, что прежде, хотя и украдкой, осмеливались выражать мне сочувствие, не стали теперь моими друзьями. Может быть, им было стыдно прежнего малодушия, и они не хотели выглядеть подлизами... хотя, по-моему, они просто рассуждали так же, как и учителя — пока я отвечала их представлениям об убогости, они меня жалели, но когда я осмелилась как следует постоять за себя, они сочли это чуть ли не неприличным, и жалость их переместилась на избитую и сброшенную с пьедестала Тниирен. В общем, та же извращенная логика, которая заставляет добродетельных аньйо презирать служащих закону и справедливости палачей и сочувствовать кровавым душегубам, отправляемым на казнь. Так что в итоге вокруг меня образовался вакуум; одноклассники делали вид, что меня не существует, а я делала вид, что не существует их. Иногда, впрочем, я искоса наблюдала за ними. Меня позабавило, к примеру, как быстро прежние любимые жертвы были вновь возвращены к своему статусу — не помогли, стало быть, заслуги по травле "уродки"...

Ну да дьявол с ними со всеми! Общение с живыми аньйо лишней раз показало мне, что книги — куда лучшие товарищи. Может быть, и отчим в юности пристрастился к чтению из-за отчуждения со стороны окружающих...

Мои тренировки продолжались, и к четырнадцати годам я уже вполне неплохо владела шпагой и легким мечом, метала ножи и стреляла из пистолета. Был у меня и свой личный тйорл по имени Йарре — подарок отчима на тринадцатилетие. Мама чуть не упала в обморок, когда впервые увидела меня верхом на этом подарке. Ибо Йарре менее всего походил на смирную скотинку, на которой пристало учиться ездить юной девушке. Нет, то был великолепный могучий зверь, шестьсот фунтов литых мускулов, перекатывающихся под лоснящейся черной шерстью, с гордо вскинутой головой и размахом рогов в три локтя — словом, из тех, что способны в одиночку отбиться от целой стаи твурков. Конечно, он не был совсем необъезженным, иначе просто убил бы меня — но норов свой показал сразу. В первый раз я не продержалась на нем и минуты. Беспомощно взмахнув крыльями, я грохнулась на землю и скривилась от боли. Йарре, как ни в чем не бывало, стоял на месте, являя собой воплощенное спокойствие, и лишь поглядывал на меня искоса круглым коричневым глазом. Мне показалось, что он ухмыляется.

Разумеется, я приняла вызов. И, разумеется, три минуты спустя снова валялась в пыли.

В общем, к концу дня я была вся в синяках и ссадинах, но расстались мы с Йарре противниками, уважающими друг друга. На следующий день я возобновила свои попытки, и к вечеру, наконец, покинула седло тогда, когда этого захотела я, а не он — но прошло еще несколько дней, прежде чем Йарре окончательно признал мою власть.

С тех пор нередко — особенно когда становилось тоскливо — я седлала Йарре и скакала прочь из Йартнара. Прочь от его узких улочек и душных грязных переулков, прочь от помойных канав и зловонных кабаков, от развешанного во дворах белья и сушащихся на балконах перин, от серых сырых стен и угрюмых башен — прочь от бесчисленных аньйо, кишевших в городе, словно черви в трупе. Мы с Йарре мчались по зеленым холмам и перелескам, не ища дорог и не разбирая направления, и солнце, плававшее в лужах, летело брызгами из-под его копыт, а мои крылья наполнялись ветром, и мне казалось, что я лечу над землей...

Поначалу мы возвращались домой довольно скоро, но со временем стали забираться все дальше и дальше, туда, где на много миль вокруг не было никакого жилья, даже одиноких хуторов. Я чувствовала, когда быстрая скачка переставала доставлять Йарре удовольствие, и позволяла ему перейти на шаг. Он неспешно шагал по брюхо в траве, а я, сидя у него спине, щурилась на солнце сквозь листву и срывала на ходу с гибких ветвей кетнала кисло-сладкие ягоды. Потом я спрыгивала с седла и оставляла Йарре пастись, а сама бродила по залитым светом полянам, или купалась в безымянной речке, или просто валялась на траве, думая, как было бы здорово остаться последним аньйо на свете. Не в том смысле, конечно, что я желала зла маме или отчиму — но когда-нибудь потом, когда их уже не будет...

Маму, кстати, пугали эти мои экспедиции. Оно и понятно — тринадцатилетняя девчонка, да еще крылатая, скакала куда-то в глушь, совсем одна... Но мы с отчимом убеждали ее, что бояться нечего. Заблудиться я не могла — Йарре всегда безошибочно находил дорогу домой, а его рога и копыта, на худой конец — быстрые ноги, были надежной защитой и от лихих аньйо, и от диких зверей. Да и сама я могла постоять за себя — в эти поездки я отправлялась с длинным кинжалом на поясе и двумя парами метательных ножей за пазухой.

Как-то раз мы забрались слишком далеко, чтобы вернуться засветло. Но и это меня не беспокоило — тйорлы хорошо видят в темноте. Что же до суеверий относительно "часа Лла", то мне никогда и в голову не приходило верить в подобные глупости; до того, как пошла в школу, я о них даже и не слышала.

Мне понравилось скакать в темноте под звездами, мимо черных лесов и испуганно притаившихся во мраке деревень, где редко-редко светился какой-нибудь огонек. Глупые аньйо, считающие ночь царством смерти... Ночь полна жизни. Звенели цикады, иногда доносился протяжный голос ночной птицы, в воздухе стоял пряный аромат неведомых цветов, а на западе разгоралось зарево, словно солнце решило повернуть обратно. Но это не солнце, это багровая

Лла поднималась над горизонтом, свершая свой вечный путь с запада на восток. Церковники утверждают, что Лла движется в обратную сторону, потому что она — вотчина дьявола, который и тут захотел пойти наперекор богу. Теория по-своему стройная: на Лла находится ад, и ее багровый свет — это отблески адского пламени, а на голубой Лийе располагается рай, и Лийа меньше, чем Лла, потому что спасенных меньше, чем проклятых. Вот только телескоп, изобретенный сотню лет назад, показал, что никаких таких адских огней на Лла нет. Правда, в телескопы видны круглые штуки, которые при известной фантазии можно принять за гигантские котлы, но доктор Ваайне говорит, что это просто кольцевые горы, вроде кратеров вулканов. Что ж, если это и вулканы, то давно потухшие. Да и на Лийе не удалось разглядеть никаких райских садов, хотя ее поверхность вообще видна гораздо хуже...

Но, разумеется, отнюдь не все аныю в курсе достижений науки. Уже не так далеко от города мне попались на дороге припозднившиеся путники. Заслышав топот копыт, они обернулись, а затем опрометью бросились в лес. Не иначе, решили, что это сама Принцесса Ночи, Рожденная-без-матери, дочь дьявола Атнорай объезжает свои владения. Конечно, внушительные размеры моего тйорла и его горящие в темноте глаза могли произвести впечатление при внезапной встрече на ночной дороге, а уж мои распростертые крылья и подавно... Я счастливо расхохоталась, подняв лицо к рдеющему лику Лла.

После этого я часто возвращалась домой затемно — тем более что близилась осень, и дни становились короче. В наши цивилизованные времена городские ворота уже не запирают на ночь, и стражники лишь провожали меня подозрительными взглядами, но и они скоро привыкли. Мать ворчала по поводу моего позднего возвращения, но я была избавлена от необходимости отвечать, ибо за обе щеки уписывала оставленный мне ужин. А потом я брала лампу, какую-нибудь книгу и шла к себе в комнату. Засыпала я обычно под утро, уронив книгу на постель...

Зимой мне пришлось отказаться от поездок за город. Во-первых, я вообще терпеть не могу холод, а уж тем более ледяной ветер в лицо. Во-вторых, скачка по снежной целине — не слишком приятное занятие и для тйорла. Кроме того, одежда... С крыльями связано одно неудобство: они слишком велики, чтобы их можно было просунуть в какое-то подобие рукавов — или даже специальных вырезов, если без посторонней помощи. Поэтому мою одежду приходится перекраивать так, чтобы спина оставалась голой от плеч и до середины. Это не считается неприличным, но в нелетние месяцы это просто холодно. Приходится надевать поверх сложенных крыльев плащ или меховую накидку (в куртке я выгляжу попросту горбатой) — и какой бы широкой накидка ни была, крыльям все равно тесно. Попробуйте надеть шубу так, чтобы ваши руки оказались прижатыми к телу, и так ходить. Не слишком удобно? Вот то-то и оно. Поэтому зимой я стараюсь не выходить из дома без необходимости.

Потом, разумеется, вместе с Новым годом пришла весна, пригрело солнце, потянулись с севера птицы и все такое — вы, наверное, как и я, не раз писали обо всем этом в школьных диктантах. Застоявшийся в тйорлене Йарре был рад снова вырваться на свободу, и мы опять скакали по полям и лесам... Через пять дней после моего четырнадцатилетия исполнился год нашей с ним дружбы, и как раз тогда случилось то, что потом перевернуло всю мою жизнь.

В те дни стояла редкостная жара; даже я, при всей моей теплолюбивости, признавала, что это перебор. Ночью я проснулась на скомканных и влажных от пота простынях, не зная, куда деваться от духоты; в голове со сна ворочались остатки какого-то тягучего бреда. Я встала с постели, подошла к открытому окну и несколько минут обмахивалась крыльями, но теплый воздух почти не приносил облегчения. Тогда, все еще не до конца очнувшись от сонной одури, я натянула из всей одежды одни лишь кожаные штаны для верховой езды и, как была, босая, выскользнула из комнаты, беззвучно сбежала по лестнице во двор и распахнула двери тйорлена. Йарре вытянул ко мне морду и тихонько протрубил; ему тоже было несладко в душном сарае. Я оседлала его и вывела на улицу...

Мы мчались прочь от города, рассекая ночь, и встречный ветер наконец-то охлаждал наши разгоряченные тела. Было совершенно темно — Лла уже успела зайти, а Лийа еще не взошла. Я понятия не имела, куда мы скачем, целиком доверившись Йарре. На сей раз он выбирал открытые пространства; может быть, даже его зоркого ночного зрения было недостаточно, чтобы в такой час ориентироваться среди деревьев, а может, он просто понимал, что в темноте я не успею увернуться от хлещущих веток. Не удивлюсь, если верно именно второе; тйорлы, они очень умные. Наконец он перешел на шаг. К этому времени мои глаза уже более-менее привыкли к мраку, и я могла различить далеко впереди гребень леса на фоне чуть более светлого неба, а слева — какую-то возвышенность. Мы же, судя по всему, находились посреди обширного луга. Я легонько потянула Йарре за рога, предлагая совсем остановиться, и осторожно сползла по его боку, пробуя землю ногами, словно воду: не приземлиться бы на острые камни! Но ступня коснулась лишь мягкой травы, и я, без дальнейших колебаний, прыгнула. Трава была чуть прохладной, но без единой капли росы; было все еще слишком тепло. Пожалуй, я была бы не прочь окунуться, но, кажется, водоема поблизости не было, и поэтому, пройдясь по лугу, я просто легла в траву, раскинув крылья и глядя в звездное небо.

Звезды! Теперь, когда им не мешал свет лун, они сверкали во всем своем великолепии; была хорошо видна Небесная Дорога, а Глаза Твурков — их еще называют Медленными звездами — походили на крупные брильянты. Я привычно отыскала взглядом Вожака, пытаюсь заметить, насколько он сместился относительно ближайших Неподвижных звезд. В древности аньйо верили, что, когда Небесная Стая достигнет Путника, идущего по Небесной Дороге, наступит конец света. Это, конечно, глупое суеверие, и даже церковь осудила его... Значительно ниже, почти над горизонтом, горел теплый желтоватый огонек Кайо — единственной из Быстрых звезд, видимых в это время. Быстрых звезд, или планет, всего три, и они — не настоящие звезды. В телескоп видны их круглые диски, и ученые уже давно пришли к выводу, что это — такие же миры, как наш, а причудливые петли, выписываемые ими на небосводе, объясняются их движением вокруг солнца. Но почему движется по небу Небесная Стая и чем, кроме этого движения, ее звезды отличаются от неподвижных — ученые спорят до сих пор. Доктор Ваайне говорил, что, скорее всего, на самом деле движутся все звезды, просто Глаза Твурков расположены ближе других, и потому их движение можно заметить даже за время краткой жизни аньйо. И это подтверждается тем фактом, что многие из Медленных звезд ярче Неподвижных. А на самом деле все настоящие звезды — это такие же солнца, как наше...

Услышав в первый раз все эти объяснения — "такие же миры, такие же солнца" — я, конечно же, спросила доктора, живут ли там такие же аньйо. "Думаю, да, — ответил он. — Такие же... или чуть другие."

Чуть другие! Он и не догадывался, какую бурю во мне породили его слова. Сколько раз до этого я задавалась безответным вопросом, откуда все-таки взялись крылатые и почему даже такие из них, как я, имеющие настоящие крылья, не могут летать! И вот теперь я поняла! Где-то там, в звездных мирах, живет другая раса — крылатые аньйо. Когда-то они прилетали в наш бескрылый мир. Должно быть, они застали здесь брачный сезон, и от них осталось потомство. Потом они улетели, или, может быть, их убили из злобы и зависти. И большинство их детей и внуков тоже погибло. Но некоторые, которые больше походили на обычных аньйо, уцелели. Однако давно известно, что свойства предков могут передаваться через много поколений. И поэтому в нашем мире до сих пор еще рождаются крылатые... Но наш мир чем-то отличается от того, другого, и поэтому здесь даже самые сильные крылья не могут поднять аньйо в воздух. Вот если бы мне удалось вернуться туда, на планету, которую я могла бы с куда большим основанием называть своей родиной...

Я уже не в первый раз думала об этом, глядя на звезды — и как раз теперь, когда они были видны так отчетливо, я столь же отчетливо поняла, что мне до них никогда не добраться. И что мои надежды на то, что я смогу летать, когда стану взрослой, столь же призрачны. Если

бы кому-то из крылатых это удалось, об этом сохранились бы упоминания в исторических хрониках. Но их не было; старинные обвинения церковных судов, утверждавших, что крылатые-де по ночам летают на шабаш, вряд ли стоит принимать всерьез...

Я почувствовала, что глаза мои наполняются слезами острой жалости к себе. Здесь, посреди ночного луга, никто не мог увидеть моей слабости, но я старательно растянула губы в улыбке, как делала всегда, когда хотелось заплакать. Но это не помогло; слезы покатались по щекам, и я принялась со злостью стирать их руками. Звезды дрожали, двоились и расплывались...

Наконец я проморгалась и насухо вытерла глаза. Но звезды не успокоились. Точнее, не успокоилась одна из них — она продолжала двигаться.

Мне уже приходилось видеть метеоры, но это был не метеор. Метеор подобен искре от костра, гаснущей через несколько секунд. А эта звезда двигалась спокойно и уверенно, не меняя яркости. Я следила за ней, наверное, целую минуту, а потом вскочила на ноги.

— Йарре!

Он подошел, дожевывая траву. Я взлетела в седло и саданула пятками по мохнатым бокам: "Йо!" Должно быть, несколько обалдев от моей внезапной прыти, он скакнул вперед, а потом помчался своим обычным аллюром.

Но, как бы быстро ни бежал мой тйорл, звезда была быстрее. Медленно, но неотвратимо она уползала от зенита к горизонту, двигаясь (как я сообразила к этому времени) на северо-запад. И еще... может, это мне лишь казалось, но она спускалась по небу не так, как обычные звезды, когда они заходят — заходят для нас, но в то же время восходят для кого-то на западе; она же как будто и в самом деле становилась ближе к земле.

На нашем пути встала темная громада леса, и Йарре двинул головой, предлагая скакать в объезд. Но я упрямо сжала его рога: вперед! Над головой замелькали сучья и листья, и вскоре первая ветка обожгла меня ударом по голому телу. Я пригнулась к холке Йарре, но через несколько минут выпрямилась опять, чтобы не потерять из виду звезду, мелькавшую в просветах листвы. Я пыталась прикрываться от ударов веток крыльями, но они, между прочим, тоже отнюдь не лишены чувствительности...

Где-то у нас за спиной взошла Лийа, обозначив призрачным голубоватым светом стволы деревьев и бросив на землю сетку черных теней. Ориентироваться в лесу стало легче, но звезды уже не было видно — она опустилась слишком низко. Мне оставалось лишь надеяться, что Йарре, не имевший понятия, куда и зачем мы скачем, сумеет все-таки удержать направление. Странно, но мысль о том, что направление может изменить сама звезда, не пришла мне в голову.

Наконец лес кончился, и я снова увидела ее — уже почти у самого горизонта. В отчаянье я снова и снова погоняла Йарре, хотя он и так делал все, что мог. Мы пересекли огороженное пастбище (Йарре дважды лихо сиганул через ограду), промчались по единственной улице какой-то деревни, вызвав переполох в нескольких птичниках, затем нам повезло — некоторое время мы скакали по хорошей дороге, но потом она свернула в сторону, под копыта легли поля, затем пришлось форсировать вброд неширокую реку (я к тому времени уже давно не страдала от жары, и вода показалась мне отвратительно холодной), потом слева ощерились зубцами в лунном свете стены какого-то города... Звезда уже скрылась за горизонтом; я еще раз ненадолго увидела ее с вершины пологого холма, но прежде, чем мы поскакали вниз, она исчезла окончательно.

Лийа светила уже не сзади, а слева, да и вообще небо начало светлеть; редкие облачка, появившиеся к утру, подкрасились розовым. Близился рассвет.

Йарре повернул ко мне голову и посмотрел взглядом, значение которого трудно было не понять: "Если тебе угрожает опасность, я готов скакать и дальше, но если нет, то давай передохнем, или ты меня загонишь". Может быть, звезда опустилась всего в нескольких милях отсюда! Но что, если она пролетит еще сто, или триста, или тысячу миль? Да с чего я вообще

взяла, что она собирается спуститься на землю?

Я вдруг вспомнила, что вид у меня не самый подходящий для путешествий среди бела дня. И что дома никто не знает, где я.

— Ладно, Йарре, — сказала я, отпуская его рога. — Отдохни, и поехали домой.

Когда мы въехали в Йартнар, солнце поднялось уже достаточно высоко и чувствительно припекало. Я куталась в крылья, словно в плащ, но все равно и стражники у ворот, и анйю на улицах провожали меня удивленными и насмешливыми взглядами, а то и выкриками. Я еще лелеяла надежду, что дома пока не обнаружили мое отсутствие — отчим обычно вставал поздно, да и мама за годы городской жизни растеряла свои крестьянские привычки — но, разумеется, надежде этой не суждено было сбыться. Едва я въехала во двор, как мама бросилась навстречу, глядя на меня расширенными от ужаса глазами. Что и говорить, видок у меня был колоритный — полуголая, босая, исхлестанная ветками, с лесным мусором, запутавшимся в волосах... Я поспешно заверила, что со мной все в порядке, и что я "просто ездила купаться".

Мне, разумеется, пришлось выслушать от отчима несколько ледяных констатаций насчет безрассудных поступков, но, хотя он был, как обычно, прав, на сей раз я пропустила его слова мимо ушей. Мне не терпелось увидеться с доктором Ваайне и рассказать ему обо всем; из троих анйю, которым я могла довериться, он, хотя основным его занятием и была медицина, разбирался в астрономии лучше всех. Прежде ни с ним, ни с родителями я не делилась своей идеей о крылатых анйю со звезд; это была моя и только моя мечта, слишком несбыточная, чтобы признаваться в ней кому-то еще. Но теперь, когда я сама видела летящую звезду... Все же ложная гордость удержала меня от того, чтобы пойти к доктору Ваайне самой, и несколько дней я ждала, когда он появится у нас дома. Впрочем, еще сильнее в эти дни я ждала известий о небесных гостях, приземлившись где-то на северо-западе. Но все было спокойно; не то что официальные известия, но даже и необычные слухи не беспокоили Йартнар. Наконец нас навестил доктор Ваайне (к тому времени я уже была готова симулировать какую-нибудь болезнь, чтобы ускорить его приход, что было бы, конечно, верхом глупости — можете представить, в каком состоянии я тогда находилась!). Улучив момент, я с как можно более небрежным видом рассказала ему о летучей звезде, которую видела ночью (назвав точную дату, но умолчав, разумеется, что несколько часов гналась за этой звездой, не разбирая дороги). Доктора это известие заинтересовало; он пожалел, что в ту ночь мирно спал, вместо того чтобы наблюдать за небом — но потрясенным он не выглядел. По его мнению, это был большой метеорит, летевший по очень пологой и высокой траектории — и, возможно, действительно так и не упавший на землю. Я открыла было рот, чтобы высказать свою гипотезу, но мне тут же ярко представилось, как позабавит она доктора, и как он, не расставаясь со своей добродушной улыбкой и приговаривая "видите ли, барышня...", в три минуты не оставит от нее камня на камне. Так что рот мой так и закрылся, не издав ни звука. Я продолжала ждать сенсационных вестей, но дни шли за днями, а их все не было; под конец я уже и сама начала сомневаться, действительно ли была эта бешеная скачка под звездами, или я просто уснула тогда, лежа на лугу, и мне все это привиделось. "Йарре, — спрашивала я, заглядывая в его большие коричневые глаза, — Йарре, ты помнишь?" Но тйорлы, увы, не умеют говорить.

Наступила осень; листья в последней агонии окрасились чахоточным румянцем, и с каждым днем все больше их сухих скрюченных трупов устилало землю. Печально завывая, тянулись на север стаи птиц. Близился брачный сезон и, соответственно, осенние каникулы.

Несмотря на каникулы, я никогда не любила это время. Прежде всего — из-за холода, вечно хмурого неба, тоскливых осенних дождей; так было в детстве, когда я ничего толком не знала о брачных сезонах. По крайней мере, на отчима и маму эти сезоны особо не влияли — я не замечала перемен в их поведении. Иное дело — другие анйю...

Я, конечно, понимаю, что анйю должны как-то продолжать свой род. Но неужели нельзя делать это с достоинством, не впадая, подобно животным, в безумие и иступление? Высоким

штилем выражаясь, противно видеть, как свет разума в глазах аньйо (и без того у многих не слишком яркий) затмевается липким блеском вождения... Конечно, сейчас не времена древней дикости. Цивилизованные страны делают все, чтобы свести ущерб от брачных сезонов к минимуму. Любые сделки, заключенные в брачный сезон, считаются недействительными; в это время правители не издают указов, послы не ведут переговоров, не заседают суды, даже палачи не исполняют свою службу — все сколь-нибудь серьезные дела откладываются на потом, когда к аньйо вновь вернутся спокойствие и здравомыслие. Школьников тоже распускают на каникулы, хотя на них, исключая старшие классы, брачные сезоны еще не действуют — зато действуют на учителей. Но все равно с каждым таким сезоном насилие захлестывает мир. Число преступлений возрастает более чем в десять раз; именно в это время чаще всего вспыхивают мятежи; и, хотя у большинства правителей хватает ума не развязывать в этот период войн, однако те войны, которые уже идут к этому времени, не прекращаются, а становятся куда более жестокими — и для солдат, и для мирного населения...

Справедливости ради отмечу, что во время брачных сезонов создана немалая часть ранайской и вообще мировой поэзии. Но мне никогда не нравились эти истеричные вирши, пропитанные похотливым безумием. Куда интереснее читать рассудительные философские стихи, написанные даже теми же поэтами, но в более подходящее время.

Впрочем, брачные сезоны действуют не на всех — я уже упоминала, в частности, своих родителей. Они и поженились в другое время. Доктор Ваайне говорит, что нет ничего глупее, чем жениться в брачный сезон. В самом деле, все понимают, что в этот период лучше избегать серьезных и ответственных дел, а разве брак — это не серьезное и ответственное дело? Хотя доктор Ваайне, насколько мне известно, вообще никогда не был женат.

Не знаю, может быть, я унаследовала спокойный нрав по этой части от матери (уж точно не от пирата Лаарена), а может, прав отчим, говоривший, что природа лишь дала аньйо возможность для зачатия в это время — и не более, а до исступления они доводят себя сами. Так или иначе, хотя по мере взросления у меня и стали проявляться сезонные признаки — ну там набухающие губы и все такое — никакого многократно описанного поэтами "жара" или хотя бы "томления в крови" я не чувствую — в этот период точно так же, как и в другие дни. Мои дуры-одноклассницы, конечно, считали, что я лишь корчу из себя недотрогу, а на самом деле мечтаю об обратном, да только на крылатую ни один парень не позарится. Ну да что с них возьмешь, они способны судить о других исключительно по себе... Доктор Ваайне говорит, что брачные сезоны вообще на женщин влияют слабее — ведь их роль пассивна, у животных самцы дерутся за самку, а не наоборот. Но я так думаю, тут сыграло свою роль и то, что я с детства воспитывалась не на романтических сказках, а на серьезных книгах, где никогда не воспевалось любовное помешательство, зато часто демонстрировались его пагубные последствия для целых народов (особенно в старину, когда правила, о которых я уже говорила, еще не были приняты повсеместно). Так или иначе, я этому рада и горжусь, что сохраняю голову на плечах все тринадцать месяцев в году.

Так вот, школу в очередной раз распустили на каникулы, я сидела дома, и размеренный шелест дождя за окном навевал на меня тоску. Отчим говорил, что тоска и скука — удел бездельников, и я честно пыталась следовать его наставлениям, штудировав учебник гантрусского (илсудрумским и старокйарохским я к тому времени уже владела совершенно свободно). Однако взгляд то и дело невольно соскальзывал со строчек, и сложные конструкции гантрусской грамматики совершенно не задерживались в памяти. В конце концов я просто подперла тяжелую голову руками и сидела, уставившись в окно, по которому ползли бесконечные змеи дождя. За этим занятием меня и застал Ллуйор.

— Скучаешь? — осведомился он.

— Что за манера — входить без стука, — ответила я неприязненно, не меняя позы. К этому времени мы практически не общались — разве что во время совместных тренировок, если

драку, пусть даже и учебную, можно называть общением. Ллуйору было уже шестнадцать, он считался совсем взрослым, хаживал в кабаки со своими прежними уличными друзьями, и даже отчим, не терпевший спиртного, не мог ему этого запретить. Меня он считал малявкой и по возможности это подчеркивал — словно бы отыгрываясь за времена детства, когда, несмотря на два года разницы, именно он смотрел на меня снизу вверх... Я, впрочем, тоже не упускала случая позлорадствовать, если ему доводилось вернуться из кабака с подбитым глазом — впрочем, такое случалось редко, мало кому, даже и по пьянке, хотелось связываться с будущим йартнарским палачом.

— Да ладно тебе, — отозвался он неожиданно дружелюбным тоном. — Мы ж не чужие. Чем тут киснуть, пойдем разомнемся, а? Мне партнер нужен.

Только тут я посмотрела в его сторону и увидела, что он при мече. Фехтование на мечах я не любила. Хотя Ллуйор был старше, и он был парень, я часто побеждала его на шпагах, благодаря своей ловкости и гибкости. Но более тяжелый меч давал ему, как более сильному, преимущество — если только мне не удавалось провести ловкий прием сразу, затяжной поединок я, как правило, проигрывала. А совладать с Ллуйором быстро было непросто — все-таки уроки отчима и ему пошли впрок, причем здесь он достиг куда больших успехов, чем в области школьных наук.

Еще двести лет назад мечи были основным оружием, но ныне они практически вышли из моды. Солдаты все еще пользуются ими — все-таки огнестрельное оружие слишком долго перезаряжать, да и порох с пулями имеют свойство кончаться; впрочем, даже и в армии уже далеко не все части имеют на вооружении мечи. В обычной же жизни анью с мечом можно встретить крайне редко; чаще всего это консерваторы из старой аристократии, упорно не желающие признавать "новомодных" веяний — даже если этим веяниям уже не первое столетие. Изобретение пороха лишило смысла тяжелые доспехи, а значит, и для холодного оружия настала пора легких шпаг и рапир.

Однако мне не удалось отделаться от упражнений с мечом с помощью этих соображений. Выслушав меня, отчим с усмешкой ответил, что мои доводы красивы и логичны, но вряд ли покажутся убедительными вооруженному мечом противнику. Конечно, меня, в отличие от Ллуйора, никто не заставлял учиться владеть мечом — также, как и шпагой, и метательными ножами, и пистолетом. Обычной ранайской девушке и в голову не придет брать в руки оружие...

Но у обычной ранайской девушки нет крыльев.

В общем, мне не хотелось давать Ллуйору шанс взять надо мной верх, и я предложила ему обратиться к отчиму.

— Он злится на меня, — поморщился Ллуйор. — Говорит, не для того учит меня боевому искусству, чтобы я применял его в кабацких драках. Ну подумаешь, ну выпил с друзьями, что ж мне, уж и поразвлекаться нельзя — всю жизнь только и думать о том, как анью пытать и жизни лишать?

— А зачем тебе тогдашний раз упражняться на мечах? — усмехнулась я.

— Да так, скучно же... — логика никогда не была его сильным местом. — Пойдем, а?

— Не хочу, — буркнула я.

— А на шпагах?

Это было уже что-то новенькое. Он прямо-таки подлизывался ко мне, и я не могла понять, зачем ему это надо. Впрочем, у меня тут же шевельнулась надежда, что, может быть, ему и в самом деле надоела наша вражда, и он решился первым сделать шаг навстречу... Увы — я, наверное, никогда не отучусь от дурной привычки думать о других лучше, чем они того заслуживают.

— Куда мы пойдем? — сказала я. — Дождь на дворе.

(Отчим не признавал плохой погоды для тренировок и всегда выгонял нас на улицу, но проделывать подобное по своей воле мне как-то не хотелось.)

— А мы на чердаке, — ответил Ллуйор. — Места хватит.

И вот, словно много лет назад, мы вновь поднялись вместе на чердак. Я давно не была там и даже удивилась, каким тесным и маленьким он мне показался. Мы кое-как разгребли старый хлам, освобождая себе пространство для поединка, и скрестили шпаги.

Бой был жарким, без поддавков. При счете 8:5 в мою пользу Ллуйор, наконец, отсалютовал мне и опустил оружие, признавая свое поражение. Я стояла, обмахиваясь крыльями, а он, как в былые годы, вытащил из сундука гобелен с охотниками и улегся, заложив руки за голову. Ллуйор лег с краю, явно оставляя место для меня, и я села рядом.

— Помашаи еще, — попросил он; как видно, никак не мог остыть после физических упражнений в душном помещении. Я чувствовала запах его пота, и мне было неприятно — но ради этого внезапного воскресения былой дружбы я решила не обращать внимания, понимая к тому же, что от меня в этот миг тоже пахнет отнюдь не цветами тнуала.

Разговор, однако, не клеился. Ллуйор, должно быть, стыдился возвращаться к детским воспоминаниям и в то же время понимал, что истории из нынешней его жизни мне вряд ли понравятся. Я тоже не знала, о чем с ним говорить после всех этих лет отчуждения. Наконец продуктом растущей неловкости стал его вопрос, что я сейчас читаю. Читала я Йирклойа, и вряд ли Ллуйору это могло быть сильно интересно; этот философ, несмотря на весь свой ум и эрудицию (за которые, в частности, его так ценил отчим), отличается на редкость нудным и тяжеловесным стилем изложения, так что даже битва с учебником гантрусской грамматики казалась мне предпочтительней распутывания полуторастраничных йирклойевских фраз. Вероятно, девушки, читающие Йирклойа, встречаются не намного чаще, чем девушки, владеющие мечом. Но — тут уж мне совсем нет дела до дурацких половых предрассудков, пусть даже это чтение и не доставляло мне удовольствия. Культурный аньйо должен знать труды Йирклойа — хотя бы для того, чтобы иметь право с ними не соглашаться.

Тем не менее, Ллуйор спросил, и я ответила. Радуюсь, что нашлась хоть какая-то тема для разговора, я принялась излагать (стараясь держаться доступного ему уровня) идеи основоположника негативизма, попутно приводя и свои возражения (ну и что, что мне было всего четырнадцать? Тот, кто считает, что мыслить самостоятельно вправе только взрослые, не научится самостоятельно мыслить никогда.) Ллуйор вежливо слушал какое-то время, но потом не выдержал и, перебив меня на середине фразы, сообщил, что тоже читает книгу. Стараясь, чтобы это не звучало саркастически, я поинтересовалась, что это за книга, и он с готовностью процитировал какой-то пошлейший стишок — из тех, что я недавно упоминала. Видя мою скептическую, чтобы не сказать — брезгливую, реакцию, он обиженно заметил, что стихи куда лучше, чем философская скука. "Может быть, писания Йирклойа и скучны, — признала я, следуя врожденной правдивости, — но лучше уж скучная мудрость, чем скучная глупость".

— Как говорят твои любимые философы, — решил проявить эрудицию Ллуйор, — теория проверяется практикой.

И прежде, чем я поняла смысл его слов, он вдруг сгреб меня в охапку и впился губами в мои губы.

Я даже не знаю, что было более омерзительно — ощущение чужой слюны во рту или эти липко блестящие похотью глаза, которые я впервые увидела столь близко и отчетливо. Спазм подступил к горлу, я чувствовала, что меня сейчас стошнит. Я рванулась, отталкивая Ллуйора, но он не отпускал. Тогда я ударила его кулаком в скулу — как учил меня отчим, резко и сильно, как била бы смертельного врага; да он и был для меня в этот миг смертельным врагом. Его голова мотнулась, зубы клацнули, и он осел назад; должно быть, удар был так силен, что на пару секунд сознание Ллуйора помутилось. Я вскочила, выхватывая платок и тщательно вытирая губы; но этого было недостаточно, мне нужно было срочно прополоскать рот, и вообще, хотелось как можно скорее вымыться, словно одним этим взглядом он вымазал меня в чем-то гадком с головы до ног. Я перепрыгнула через него и, подхватив валявшуюся шпагу,

бросилась на лестницу.

— Дура! — неслось мне вслед. — Дура перепончатая! Принца ждешь? Да кому ты, уродина, нужна?

Я буквально ссыпалась вниз по лестнице и на площадке налетела на отчима. Он, конечно же, спросил, что случилось, но я лишь что-то промычала, мотнув головой — мне не хотелось говорить, пока я не прополощу рот — и побежала в сторону ванной.

Потом, конечно, я все рассказала отчиму — не вижу никаких причин, по которым мне не следовало бы этого делать. Впрочем, пока я мылась, он уже нашел Ллуйора и вынудил его во всем сознаться. Тот, конечно, выражал оскорбленное недоумение — "ничего не было, я ее просто поцеловал, и вообще, сейчас же брачный сезон, а ей уже четырнадцать". По ранайским законам четырнадцать действительно считается нижним пределом брачного возраста для женщин. Изнасилования, этого отвратительного преступления, совершающегося лишь во время брачных сезонов, тоже не было — хотя я уверена, что, не окажи я столь решительное сопротивление, Ллуйор довел бы свое намерение до конца. Однако формально перед законом он был чист; тем не менее, для отчима это происшествие стало последней каплей. Он заявил, что обучение Ллуйора закончено, и тому остался последний этап — самостоятельная казнь, после чего он должен будет покинуть дом и жить, как ему будет угодно, пока место королевского палача Йартнара не станет вакантным. "И вот что, молодой анью, — добавил отчим. — Не вздумай сделать вид перед чиновниками Канцелярии, что не умеешь казнить. Это не поможет тебе задержаться в доме — я просто объявлю тебя в принципе не способным к этой работе. На меня это навлечет известные неприятности, как на не справившегося с обязанностью подготовки преемника, но ты, не получив сертификата палача, вообще останешься без средств к существованию." Ллуйор, как видно, сразу понял, что просить и унижаться бессмысленно; он лишь мрачно пробурчал что-то, но, когда отчим предложил ему повторить погромче, сделать это не осмелился. В обычное время года следующей казни можно было бы ждать долго — бывает, что за полгода и больше в столице и окрестностях не совершается ни одного преступления, заслуживающего столь сурового возмездия; но в брачный сезон, как я уже говорила, преступность резко растет, причем преступления чаще всего совершаются без особого ума и раскрываются быстро — так что не было сомнений, что первая казнь состоится сразу же по окончании сезона, то есть меньше, чем через месяц.

За это время мы с Ллуйором не встречались практически ни разу, хотя и продолжали жить под одной крышей. Прекратились даже совместные тренировки — отчим теперь занимался со мной, но не с ним. И вот, наконец, пришел день, когда Ллуйор должен был доказать комиссии свою профессиональную состоятельность. Ему выпало казнить женщину, осужденную за отравление мужа. Сама я не пошла на это смотреть (я и отчима-то видела за работой лишь один раз, и то в тайне от матери), но позже узнала, что Ллуйор проделал свою работу с явным наслаждением — один из членов комиссии даже сделал ему замечание за излишнюю, не предусмотренную приговором жестокость. Тем не менее, он получил свой сертификат и отныне мог исполнять должность палача в любой из провинций Ранайи; однако для того, чтобы занять место королевского палача Йартнара (со всеми причитающимися правами и привилегиями), ему надо было дожидаться, пока отчим освободит этот пост. Ллуйору была выплачена предусмотренная законом сумма, которой хватило бы месяца на три умеренной жизни — после чего ему предстояло самому заботиться о своем обеспечении. В наш дом он уже не вернулся; получив сертификат, он издевательски поклонился отчиму и поспешно зашагал прочь, быстро скрывшись в ближайшем переулке.

Я почувствовала большое облегчение, узнав, что больше не увижу его — по крайней мере, в ближайшие годы, ибо отчим был здоров и крепок и в отставку не собирался. И все же в глубине души осталось какое-то смутное беспокойство.

Как всегда, вместе с зимой (как будто ее одной недостаточно!) начался новый учебный

год — однако на сей раз утешительная новость заключалась в том, что для меня этот школьный год был последним. Я все чаще задумывалась, чем займусь после выпуска. Хорошо бы, конечно, поступить в королевский университет — я надеялась, что уж там-то компания подберется поумнее, чем в школе — но это было не так просто. Хотя Аклойат III и издал эдикт, разрешающий женщинам получать высшее образование (так же, как другим указом он разрешил то же самое крылатым), и эдикты эти до сих пор не отменены, но на практике тем, кому долгие века отказывали в равных правах, по-прежнему чинятся всевозможные препоны. Казалось бы, чего проще — принимать экзамены только в виде письменных работ, помеченных не именами, а номерами; тогда каждый получит только ту оценку, которую заслуживает. Нет — "священные традиции ранайских университетов требуют, чтобы всякий, претендующий на высокое звание студента, прошел личное собеседование с профессорами", а потом гадай, за что тебе снизили оценку — за то, что у тебя в голове, или же за то, что у тебя за спиной либо в штанах, извините за грубость. А поскольку у меня сразу в двух последних местах не то, что положено иметь добропорядочному студенту согласно "священным традициям"... Нет, я, конечно, надеялась, что моей голове удастся пересилить все остальное, но тут возникала еще одна проблема, а именно плата за обучение. Пока отчим исполняет свою должность, сложностей с этим не будет, но зависеть от него не хотелось. Не лучше ли для начала найти какую-нибудь работу и самой накопить себе денег на образование? Конечно, перспектива шить или готовить меня не прельщала; не слишком-то я это и умела, да и как бы не поглупеть на такой работе. Идеально было бы устроиться секретарем к какому-нибудь ученому; вот где можно не только заработать, но и провести время с пользой для ума...

Все эти мои планы опрокинулись в одночасье за пять декад до Нового года. Именно тогда мальчишка-посыльный из лавки (несколько более разговорчивый, чем его предшественник пятнадцатилетней давности) принес в наш дом весть о пришельцах со звезд.

Точнее говоря, принес он весть о бродяге, явившемся в наш город откуда-то с запада и ныне сидящем в ближайшем кабаке и рассказывающем о пришельцах. Конечно, любой здравомыслящий аньйо решил бы, что это всего лишь байка, придуманная бродягой в надежде заработать бесплатную выпивку; но я-то видела летящую звезду...

Надеясь, что бродягу еще не напоили до полного бесчувствия, я поспешно сунула ноги в сапоги, набросила меховую накидку, подвесила к поясу шпагу и кинжал (все-таки кабак — не самое безопасное место) и, невзирая на протесты матери, выбежала на улицу.

Бродяга все еще был там — сидел в самом центре, окруженный плотным кольцом слушателей. Большинство из них, конечно, ему не верили — однако охотно ставили угощение за то, что "складно врет". Я с трудом протолкалась сквозь эту веселящуюся толпу.

— ... почти, значит, как аньйо, — рассказывал он, должно быть, уже по десятому разу, — только головы у них большие, круглые и без волос...

— Без волос? — удивилась я. Никогда не слышала, чтобы крылатые страдали повышенной склонностью к облысению.

Рассказчик покосился на меня, недоумевая, должно быть, что совсем юная девчонка, судя по одежде — из благородных, делает в таком месте.

— Ну да, без волос, — снизошел он до ответа. — Блестят на солнце, головы-то.

"Ладно, блестят так блестят, может, они специально бреются, как у нас священники", — подумала я и задала более важный для меня вопрос:

— А летать они умеют?

— Ясное дело, умеют, — он, должно быть, поражался моей глупости. — Со звезд они пешком пришли, что ли?

Несколько аньйо засмеялись.

— Я не про то, — нетерпеливо пояснила я. — Со звезд они, наверное, на воздушном корабле прилетели...

— Не на корабле, — бродяга наставительно поднял палец и отхлебнул из кружки. — В башне они прилетели. В большой-большой башне, выше, чем у любого замка, а снизу у нее огонь пыхает и гром грохочет.

— Вот ведь плетет и не краснеет! — хохотнул сочный бас у меня над ухом.

— Как это не краснеет? — удивился второй шутник. — Ты на нос его посмотри!

— Без башни! — крикнула я, перекрывая общий хохот. — Без башни, сами по себе, они летать умеют? Ну, как птицы или вйофны...

— Умеют, — размашисто кивнул бродяга, двигая по столу пустую кружку. Кто-то с готовностью налил ему еще. — Летают по небу так, что ни одна птица не угонится.

— Значит, и крылья у них есть? — уточнила я, чувствуя, как колотится сердце.

— Ну, знамо дело, есть! — я, должно быть, была в его глазах уже совсем законченной идиоткой. — Раз летают, значит, есть! Как без крыльев летать-то?

— Так, как башня летает, — мстительно возразила я.

— Нну... так то башня... — протянул он с явной растерянностью.

После этих слов у меня зародилось твердое подозрение, что сам он пришельцев не видел, а лишь пересказывает дошедшие до него слухи. Тем не менее, других источников информации не было, и я продолжала наседать.

— Так ты сам их видел?

— Как тебя! — уверенно ответил он.

— И говорил с ними?

Он на мгновение задумался, и я окончательно поняла, что он врет.

— Так они по-нашему-то не понимают, — вывернулся он. — Как с ними говорить-то?

— Ну ладно, а где это было? Где эта их башня?

— Башня-то? За морем она. На острове.

— За каким морем? На каком острове? — наседала я.

— За морем? Ну, этим... Илсудрумским...

— Нет такого моря! Может, Ирсалийским?

— Ну да, точно, Ирсалийским! Подумаешь, уж и оговориться нельзя...

— На северо-западе, значит, которое?

— Где же еще?

— Вот и врешь! Ирсалийское море на юге!

Снова послышались смешки. "Ишь, как она его... ученая, видать", — прокомментировал кто-то в толпе.

— Мужики, да уберите вы эту девку! — взмолился бродяга. — Что она рассказывать не дает!

Большинство встретило этот вопль души хохотом, но кое-кто, похоже, и впрямь был готов выполнить просьбу.

— На самом деле я знаю, что ты говоришь правду! — поспешно воскликнула я. Несколько аньйо, включая и самого рассказчика, воззрились на меня с удивлением. — Просто ты сам там не был и не видел, так? Тебе рассказали.

— Ну, так... — неохотно пробурчал бродяга, утыкаясь в кружку. Он понимал, что его бенефис на сегодня окончен.

— Кто и где рассказал? — продолжала допрос я.

— Матрос один... в ллойетском порту...

Это походило на правду. Ллойет находится на северо-западе.

— Он их сам видел?

— Говорит, что сам...

— Все-таки, какое море и остров? Постарайся вспомнить! — я перечислила ему моря и крупные острова, лежащие к северо-западу от нашего континента. Чувствовалось, что бродяге

хочется соврать, согласившись с первым попавшимся названием, но, один раз уже попавшись на удочку, он не решился вновь испытывать мою проницательность.

— Да не помню я, — сокрушенно покачал он головой.

— Ладно, не расстраивайся, — я положила перед ним серебряный. Кто-то хмыкнул, кто-то присвистнул, удивляясь такой щедрости. — Если вдруг вспомнишь, приходи к дому Штрайе, что в Старокаменном переулке. Спросишь Эйольту. Получишь еще денег. Только смотри, не врать!

Ну конечно же, произошло то, что должно было произойти. Как только я назвалась, вокруг меня начала сама собой образовываться пустота. В толпе зашушукались, и я явственно различила пару раз прозвучавшее слово "палач". Как только я уйду, они сразу объяснят бродяге, КТО живет в доме Штрайе, после чего, разумеется, этот аньо не решится приблизиться к нашему дому и за вдесятеро большую сумму. Проклятые предрассудки!

Тем не менее, три дня я жила надеждой, что он все-таки вспомнит и придет. На четвертый день к нам наведалься доктор Ваайне. Я перехватила его на входе и выложила новости, напомнив о виденной мной летающей звезде. Но, как оказалось, дополнительные подтверждения ему уже не требовались.

— Да, барышня, похоже, вы и в самом деле видели небесный корабль, — покивал он. — Я получил письмо из Королевского научного общества, до них тоже уже дошли эти сведения. Наш почтенный коллега из Илсудрума, чья добросовестность не вызывает сомнений, пишет о небесных пришельцах, высадившихся как раз в те дни на одном из островов к западу от Гантру. Он, правда, не наблюдал их лично, но ссылается на заслуживающие доверия гантрусские источники.

К западу от Гантру! За полмира от нас! Впрочем, можно было догадаться, судя по тому, как долго шли сведения... А я-то пыталась угнаться за ними на тйорле... Ох, ну почему я такая несчастная?!

Спустился отчим — он видел, как доктор Ваайне шел по дорожке к дому, и недоумевал, почему тот не поднимается. Я впервые рассказала ему все. Оказалось, он тоже уже знает.

— Моей работы напрямую это пока что не касается, — сказал он, — но я слышал, что первые донесения поступили в Тайную Канцелярию еще две декады назад. Правда, со ссылкой на непроверенные источники. Имеется директива пресекать слухи, как могущие вызвать смущение в умах — этого твоего болтуна, должно быть, уже упекли в тюрьму за бродяжничество, хотя точно не знаю, этим занимаются муниципалы... Но если все это правда, скоро придут новые подтверждения, и скрыть новости не получится...

— О чем ты говоришь! — возмущенно воскликнула я. — К нам прибыли гости из другого мира, а ваша Канцелярия только и думает, как бы это скрыть!

— Да, мне бы тоже не хотелось, чтобы эти господа пытались наложить свои длинные руки на то, что в принципе не могут контролировать, — согласился доктор Ваайне. — Хотя, с другой стороны, их тоже можно понять. Фактически мы сейчас в том же положении, в каком были северные дикари, когда к их континенту пристал первый ранайский корабль. Не могу сказать, чтобы жизнь большинства дикарей после этого изменилась к лучшему...

— Думаете, они хотят нас колонизовать? — эта мысль как-то не приходила мне в голову.

— Кто знает? — развел руками доктор. — Может быть, они собираются завоевать нас, может быть — торговать с нами, хотя не представляю, что мы можем предложить народу, умеющему летать меж звездами... А может быть, пока мы тут гадаем и волнуемся, они уже давно улетели и больше не вернутся.

Судя по его тону, несмотря на все свое научное любопытство, последний вариант он считал не самым худшим — но для меня не было ничего ужаснее. Столько лет в тайне даже от себя самой верить в несбыточное, вдруг дожидаться его и снова навсегда упустить?! Нет, только не это! Я не верила, что пришельцы прибыли как завоеватели, но даже если так... что ж, они

должны узнать во мне свою. И если для того, чтобы вернуться в мой по-настоящему родной мир, мир крылатых, мне придется сражаться в их рядах против армии Ранайи — я готова и на это.

Но надо спешить. Сколько времени прошло с посадки их летающей башни? Конец лета... осень и брачный сезон... зима на середине... шесть месяцев! И для того, чтобы добраться туда, понадобится не меньше... В нашем мире ни один корабль не стал бы так долго задерживаться возле новооткрытой земли. Но тут все-таки не остров, даже не материк — целая планета! Пусть, о, пусть они дождутся меня!

Я была в таком возбуждении, что готова была прямо сейчас броситься на улицу, оседлать Йарре и скакать к городским воротам. Каждая секунда промедления казалась мне катастрофой. Но я все же напомнила себе, что мне придется пересечь половину мира. Половину мира! Не каждый моряк может похвастаться столь дальним путешествием. И, конечно же, к нему стоило как следует подготовиться.

Я ничего не сказала отчиму. В тот момент я еще не решила, покину ли дом, бывший мне родным все эти годы, тайно, оставив лишь письмо — или прощальное объяснение все-таки состоится; но даже и во втором случае я намеревалась открыться не раньше, чем буду полностью готова. Хотя вообще-то все доводы были в пользу тайного отъезда. Во-первых, я все еще была несовершеннолетней, и родители имели не только моральное, но и юридическое право задержать меня, если понадобится — силой. Во-вторых... я представляла себе, насколько тяжелой будет сцена прощания (особенно с мамой), и не была уверена, что останусь столь же твердой в своем решении ехать. Однако и тайный отъезд казался мне предательством... Я готова была предать свою страну, но не своих близких.

В общем, думать обо всем этом было неприятно, и я отложила это на потом, а пока расспрашивала доктора и отчима о том, что им известно. Известно им, однако, было немного — слишком скупы и, вероятно, искажены были первые сведения, дошедшие до нас через два континента и океан. Хотя способность пришельцев летать вроде бы подтверждалась. Может быть, мне следовало дождаться более точных сведений — ведь пока я даже не знала, где именно высадились пришельцы! — но время не терпело; я решила, что узнаю все необходимое по дороге. Первой своей промежуточной целью я наметила Ллойет; если бы мне удалось сесть там на корабль, идущий на запад, то не пришлось бы даже пересекать посуху илсудрумскую границу, чего мне не слишком хотелось. Мир между Ранайей и Илсудрумом все еще сохранялся (несмотря на вечные трения вокруг северных колоний), но меня беспокоила другая проблема — насколько я знала, илсудрумские законы не признавали равноправия крылатых. Илсудрумская империя вообще и древнее, и консервативнее Ранайского королевства.

Обдумала я, впрочем, и еще одну возможность — если цель моего путешествия находится так далеко на западе, то, может быть, ближе будет путь в обратном направлении, на восток? Я долго рассматривала и измеряла ниткой глобус в библиотеке; не зная точных координат летающей башни, я не могла однозначно ответить на этот вопрос. Но по дороге на восток пришлось бы пересекать совсем дикие земли, в том числе Великую пустыню Гвайорат, да и восточных языков я не знала, так что решила придерживаться первоначального плана.

В тайне от родных я готовилась к путешествию три дня — не столько покупая вещи, сколько продавая их. Я рассудила, что путь мой, по крайней мере пока, лежит через цивилизованные страны, и удобнее будет делать покупки в пути по мере необходимости, чем тащить за собой громоздкую поклажу. Мне пришлось продать не только всю одежду, кроме той, в которой я планировала отправиться в путь, но и принадлежавшие мне лично книги. Увы, выручить за все это удалось немного (когда я заикнулась в одной из лавок о прибавке, оценщик заявил, что он вообще не должен ничего покупать у такой маля... — тут он покосился на шпагу у меня на поясе — у столь юной особы без разрешения ее родителей, и мне пришлось отступить). Мои сбережения, скопленные за прошлые годы, также были скудны — отчим

предпочитал покупать вещи, о которых я просила, нежели выдавать мне наличные. Так что теперь всего моего состояния хватило бы разве что на дорогу до Ллойета, а вот оплатить проезд на корабле было бы, скорее всего, уже нечем. Я знала, где в доме хранятся деньги, и понимала, что могу взять определенную сумму, не нанеся ущерба семье — но красть у собственных родителей? В то же время чем дальше, чем отчетливей я понимала, что не могу открыться им.

В общем, на четвертый день я все еще пребывала в мучительных раздумьях, так и не зная, на что решиться, и ругая себя за это. Отчим рано ушел из дома — в тот день должна была состояться очередная казнь; кажется, момент для отъезда был подходящим. И, даже если я возьму деньги, никакие упреки меня уже не настигнут — ведя я уезжаю навсегда... Навсегда. Пожалуй, впервые я поняла это со всей отчетливостью. И это простое слово показалось мне страшнее всех опасностей пути.

Пока я терзалась сомнениями, внизу послышался какой-то шум. Хлопнула дверь, зазвучали незнакомые голоса на лестнице... затем я услышала, как громко вскрикнула мать.

Я выскочила из своей комнаты и увидела, как двое стражников поднимают по лестнице носилки. Следом шел еще один; четвертый незнакомец, одетый в гражданское платье, что-то говорил плачущей маме. На носилках, укрытый плащом, лежал отчим; лицо его было неестественно бледным, в углу рта засохла струйка крови. Глаза были закрыты.

— Он мертв?! — кинулась я к пришельцам.

— Жив, но без сознания. Он серьезно ранен, — ответил одетый в гражданское, как выяснилось, врач, волею судьбы оказавшийся неподалеку от места трагедии.

Все произошло, когда отчим, исполнив свои обязанности, возвращался домой. Бандиты в масках напали на него в узком переулке, где, несмотря на дневной час, не оказалось народу; их было пятеро или шестеро. Несмотря на внезапность нападения, отчим сумел зарубить двоих и, судя по оставшимся на снегу следам крови, ранил еще одного; но, уже когда в конце переулка показалась пара прохожих, тут же бросившихся за стражниками, одному из преступников удалось нанести роковой удар. Когда подоспел патруль, отчим был еще в сознании, но он не узнал нападавших; он лишь распорядился нести его домой и послать за доктором Ваайне, а затем лишился чувств. Его перевязали в доме жившего на соседней улице врача, а затем принесли сюда.

Отчима осторожно уложили в его спальне. Прибыл доктор Ваайне, о чем-то озабоченно пошутукался с коллегой; затем тот, получив плату за свои услуги, откланялся. Ваайне велел маме вскипятить воды и погнал всех из комнаты. Двое стражников остались на всякий случай караулить внизу.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем доктор снова вышел к нам, неодобрительно покачивая головой. "Пока он жив, но шансов очень мало. Клинок прошел насквозь, повредив позвоночник. Даже если Кйотн выкарабкается, он уже не сможет ходить." Мама, заставившая было себя успокоиться, вновь расплакалась. Я чувствовала, что у меня тоже предательски влажнеют глаза, и зло стискивала зубы, пытаясь подавить это проявление слабости. Мне было в этот миг труднее, чем маме. Мне хотелось плакать не только от жалости к отчиму — хотя в тот момент, увидев его умирающим, я поняла, что все-таки любила его. Но не менее острой была и моя жалость к маме, которой вслед за мужем предстояло теперь потерять и дочь.

Ибо ничто на свете не могло отвратить меня от желания вернуться в мир крылатых.

В тот миг я твердила себе, что это расставание не окончательно, что, возможно, я еще прилечу в Йартнар со своими новыми друзьями со звезд, и что, может быть, они согласятся взять маму с собой на летающую башню, и мы заживем счастливо там, на небе... Конечно, это были очень детские, очень наивные мечты, но они помогли мне удержаться.

Я не заплакала.

Явился дознаватель из Тайной Канцелярии. Он спрашивал нас, нет ли у нас подозрений о

личностях злоумышленников. Мы ответили, что не знаем ничего конкретного и можем лишь предположить, что это месть сообщников кого-то из казненных. Дознаватель подтвердил, что следствие тоже склоняется к этой версии, тем более что в это утро отчим как раз казнил главаря банды, охота за которым шла уже не первый год. Затем он поинтересовался у доктора перспективами и, услышав, что отчим в любом случае уже не сможет исполнять свои обязанности, сообщил нам, что семье будет выплачена компенсация, но в то же время дом должен быть передан новому королевскому палачу, а потому нам следует позаботиться о поисках нового жилья. Услышав об этом, я вдруг поняла, что кое-какие подозрения у меня имеются. В самом деле, кто, как ни Ллуйор, был заинтересован в смерти отчима, дабы унаследовать дом и доходную должность? И он имел зуб на отчима, и даже высказал вслух угрозу, когда тот отказал ему от дома. Да и кабацкие дружки Ллуйора наверняка были немногим лучше бандитов из ныне обезглавленной шайки... Все это я немедленно высказала дознавателю, не обращая внимания на удивленный и осуждающий взгляд матери, которой подобная мысль явно казалась слишком чудовищной. Чиновнику, однако, моя гипотеза показалась вполне правдоподобной, и он заявил, что Ллуйор не вступит в должность, пока не будет проведено полное расследование.

Однако я не могла дожидаться, чем все это кончится. Я приняла твердое решение ехать на следующий день.

Не стану пересказывать все подробности разговора, состоявшегося у меня с матерью наутро. Сами понимаете, приятным и легким этот разговор не был. Сначала она просто не могла поверить, что я говорю серьезно, потом, конечно, решила, что моя затея — обычная подростковая блажь, от которой я, по здравом размышлении ("ну ты же умная девочка!"), откажусь. Не могу не признать, что со стороны это действительно выглядело безумием — мне еще не исполнилось пятнадцати, а я собиралась одна "на край света" (до чего же живучи в языке неграмотные выражения!), к каким-то пришельцам из чужого мира, о которых ходят лишь смутные слухи и которые, на самом деле, совсем необязательно настроены дружелюбно. Упомянуты были и мой родной отец, тоже сбежавший из дома в четырнадцать лет ("и ты знаешь, чем он кончил"), и отчим, находящийся в столь тяжелом положении, и грядущие сложности со сменой жилья и началом, фактически, новой жизни, где без моей помощи не обойтись, и как-то совсем жалко, почти смешно прозвучавший на фоне всей этой тяжелой артиллерии аргумент, что мне надо закончить школу. Все это было верно, но, каким был призрачным ни был мой шанс попасть в мир крылатых, я не собиралась его упускать. "Но ты хоть понимаешь, что, прежде чем ты до них доберешься, с тобой могут сотворить такое, что школьные беды покажутся ерундой? Ведь нас с тобой чуть не убили в родной деревне! А тут — чужие аньйо и другие страны, где нет наших мягких законов..." Я возразила, что ни в деревне, ни в школе у меня не было оружия, а теперь есть, и я умею им пользоваться. Но этот довод, похоже, лишь напугал маму еще больше, так что я поспешно добавила, что не стану показывать свои крылья там, где не надо. В конце концов она поняла, что ни увещевания, ни слезы не могут изменить моего решения, и что, даже обратись она в полицию, я все равно сбегу, так что лучше отпустить меня добром и дать денег на дорогу. "Ты жестокая, Эйольта", — сказала она. "Не моя вина, что я родилась крылатой среди бескрылых", — возразила я. Кажется, мама поняла это как личный упрек, хотя я вовсе не это имела в виду.

Наконец сборы были закончены; я оделась и спустилась по лестнице, по которой мне столько раз доводилось сбежать во двор... Отчим так и не пришел в сознание, и я не стала заходить в его комнату. Во-первых, это было бессмысленно, а во-вторых... я боялась, что это может поколебать мою решимость. Точно так же я не окидывала взглядом стены, портьеры, старинные картины, не пыталась сохранить в памяти каждую частицу этого дома — нет, я старалась делать все так, словно уезжала на обычную загородную прогулку. Я вышла во двор и вывела Йарре из тйорлена. Он возмущенно фыркнул, выражая недовольство холодом и снегом,

щекотавшим ему нос, но, пройдясь лихим аллюром вокруг двора, повеселел — все-таки это было приятнее, чем простоять всю зиму в сарае.

Мы с мамой обнялись (если вам когда-нибудь доведется обнимать крылатого, берите его за плечи, а не за крылья), потом некоторое время стояли молча.

— Ты хоть вернешься? — спросила она наконец.

— Да, — ответила я.

Мы обе знали, что это неправда.

Я снова почувствовала влажное тепло в глазах и поспешно отвернулась, шагая к тйорлу. Словно поняв мое настроение — а может, просто желая поскорее согреться — Йарре сразу же припустил крупной рысью. Я не оглядывалась, а спустя буквально несколько секунд это уже и не имело смысла — снег, валивший большими белыми хлопьями, скрывал все кругом, подобно густому туману. Наверное, он очень быстро замел мои следы в переулке...

Вечером этого дня я впервые в жизни заночевала в придорожной гостинице. Наутро, проснувшись в незнакомой постели, я в первый момент не могла понять, где нахожусь; лишь подойдя к окну и выглянув во двор, где на истоптанном снегу двое слуг запрягали в сани бурого тйорла, я все вспомнила — и, кажется, только в этот момент действительно поверила, что уехала из дома навсегда.

Первые дни пути обошлись без неприятных приключений — хотя и без них поводов для мрачных раздумий у меня было предостаточно. Я не просто покинула родной дом; я уехала, не зная, что будет с отчимом, к каким выводам придет следствие относительно Ллуйора... Даже природа не радовала — сырой холодный ветер, мокрый снег, унылые зимние пейзажи... как это все не походило на счастливые летние дни, когда мы с Йарре уносились прочь от города! Теперь я была от Йартнара уже во много раз дальше, чем во время самой дальней из тех прогулок...

Все же и в эти дни у меня бывали радостные минуты. Это случалось вечером, иногда на закате, а иногда уже и в сумерках, когда я наконец добиралась до очередного трактира. Так славно было, намерзшись и устав от долгого пути верхом, ввалиться в теплое помещение, где в огромном очаге весело трещит пламя, вдоль стен уютно мерцают огоньки масляных светильников, аромат смолистого дерева смешивается с восхитительным запахом жареного мяса, а над столами плывет негромкое гудение разговоров! Я топала сапогами на пороге, стряхивала снег с плаща, и, подав знак трактирщику, блаженно вытягивалась на свободном стуле поближе к очагу. Бывало, что за этим следовала легкая заминка — трактирщик не мог поверить, что столь юная особа путешествует в одиночестве, и ждал, пока войдут остальные путники. Но, наконец, убедившись в своей ошибке, сам хозяин или кто-то из слуг спешил ко мне, я королевским жестом протягивала ему серебряную монету и заказывала "комнату на одного, с камином и горячей водой" — пока что у меня было достаточно денег, чтобы это себе позволить. "И позаботьтесь о моем тйорле." "Ужин в номер подать прикажете?" — почтительно осведомлялся трактирщик уже без всяких скидок на возраст (мои деньги внушали ему еще большее почтение, чем моя шпага). "Нет, я поужинаю в общем зале", — неизменно отвечала я. Дело было не в том, что после многочасового пути по снежной пустыне мне было так уж приятно общество других анйю (хотя, признаюсь, не без этого, но разве что в первые минуты) — просто я надеялась, прислушиваясь к разговорам путешественников, разузнать что-нибудь новое о пришельцах.

Но увы, тут меня ждало разочарование! Они говорили о чем угодно — о последнем урожае и ценах на пиво, об охоте на твурков и ревматизме, о женах, детях и тйорлах, о столичных модах и недавних покупках, с особой охотой обсуждали сплетни из жизни губернатора провинции, йартнарской и столичной знати, с несколько большей осторожностью (обратно пропорциональной, впрочем, количеству выпитого) — из жизни королевского двора... однако событие, которое казалось мне едва ли не самым важным во всей истории нашего мира, похоже, не занимало их совершенно! Я просто не могла в это поверить. У меня мелькнула было

мысль, что они попросту боятся говорить на эту тему (я помнила слова отчима о директиве по пресечению слухов) — но, слыша, как они запросто перемывают косточки королевской семье, я была вынуждена отвергнуть это объяснение. Они, должно быть, и в самом деле считали, что пиво, масти тйорлов или ломота в суставах, третью зиму подряд одолевающая тетку чьей-то жены, важнее прибытия пришельцев со звезд!

Несколько раз я, потеряв терпение, пыталась сама завести разговор на интересующую меня тему, но наткнулась в ответ на пренебрежительное "байки!" (как будто все местные и столичные сплетни, которые они обсуждали, были святой истиной) или, в лучшем случае, "ну, это дела заморские, пусть гантрусы сами с ними разбираются". Лишь один тощий и неопрятный субъект с потасканным лицом (по виду — типичный спившийся подмастерье) проявил интерес к разговору и заявил, что хорошо бы этим чужезвездным летунам убраться подобру-поздорову, откуда приперлись, "а заодно и наших крылатых пусть с собой прихватят — воздух чище будет". От этого типа разило потом и пивом, и у меня было сильнейшее желание объяснить ему, без кого именно воздух будет чище — но я сдержалась. Скандал мне был не нужен, а разоблачение — тем более. Потому-то, даже садясь у очага в общем зале, я не снимала свой подбитый мехом плащ, а только расстегивала его. Лишь позже, поднявшись в свой номер и заперев дверь изнутри, я могла, наконец, дать свободу крыльям — это был второй блаженный момент моего вечера...

Когда я проснулась на следующее после разговора с тем кретином утро, комната была залита ярким солнечным светом. Я выглянула в окно; небо, впервые за время моего путешествия, очистилось от туч, и снег весело искрился на солнце. Не скажу, впрочем, что это сильно меня обрадовало: зима — настолько идиотское время года, что даже солнце в эту пору означает не тепло, а холод. Даже белый дым из труб сельских домов поднимался как-то особенному, так что с первого взгляда на него было ясно — на улице мороз. Однако делать было нечего, я оделась и спустилась вниз.

— Уезжаете, барышня? — спросил меня трактирщик и, не дожидаясь очевидного ответа, добавил: — Я бы на вашем месте повременил. В такую погоду ехать опасно.

— Неужели так холодно? — скептически осведомилась я. В этот момент кто-то из постояльцев вошел в трактир; из открытой двери дохнуло ледяным воздухом, и в солнечном луче сверкнула снежная пыль.

— Не просто холодно, — ответил трактирщик. — Днем будет сильная метель.

— По-моему, небо ясно, и ветра почти нет, — возразила я, вспомнив, как поднимался дым.

— Так то сейчас, — настаивал он. — У меня с вечера кости ноют, говорю вам, буря идет.

Я пожалала плечами. К подобному способу предсказания погоды я относилась скептически и, кроме того, у меня было подозрение, что хозяин просто хочет удержать выгодного клиента еще на день. Да и так ли страшна метель? Я уезжала из дома в сильный снегопад, и ничего. В этой части королевства дороги хорошие, и жилье встречается часто...

В общем, я распрощалась с трактирщиком, который неодобрительно качал головой, и вышла на улицу. Мороз тут же впился мне в лицо ледяными иголками. Я поплотнее закуталась в меховой плащ, нахлобучила шапку и натянула теплые рукавицы. Слуга вывел из тйорлена Йарре, выпускавшего из ноздрей густые струи пара. Тйорл с беспокойством крутил головой — похоже, ему погода тоже не нравилась. Тем не менее, я запрыгнула в седло и выехала со двора.

Вскоре селение осталось позади, и дорога углубилась в лес. Было очень тихо; лишь снег негромко поскрипывал под копытами Йарре. Несмотря на всю мою неприязнь к зиме, я не могла не залюбоваться снежным нарядом деревьев; мириады легких сверкающих кристалликов одели не только каждую ветку, но даже каждую иголку, превратив ее в серебряную стрелку. Во всем лесу не осталось иного цвета, кроме белого. Доктор Ваайне, глядя на такую картину, вероятно, отметил бы, что она возникает вследствие резкого падения температуры, вызывающего

быструю кристаллизацию атмосферной влаги, и что вторжение холодных масс воздуха при столкновении с теплыми чревато погодными катаклизмами; но я тогда не подумала обо всем этом.

Затем дорога стала подниматься, и, выехав из леса на гребень выгнутого подковой холма, я впервые ощутила резкий порыв ледяного ветра. Оглянувшись через плечо, я увидела тяжелую, отечного цвета тучу, которая ползла с юго-запада. В долине передо мной лежала маленькая деревенька, всего в десяток дворов; когда я добралась до нее, по дороге уже стелилась поземка, закручивая в воздухе мгновенные снежные вихри. Постоялого двора в деревне не было, и я не стала в ней задерживаться, зная по карте, что дальше будет большое село, где можно дать отдых тйорлу, погреться и пообедать. До него оставалось менее восьми миль, а заночевать я рассчитывала уже в Каарве — первом на этой дороге городе Лланкерской провинции.

Когда я проезжала мимо последнего дома деревеньки, дородная крестьянка, вышедшая на порог вытряхнуть на снег одеяло, окликнула меня: "Куда едешь, не видишь, метель собирается!" Но я отмахнулась от нее так же, как от трактирщика. Выросшая в городе, я просто не представляла себе, что какой-то ветер со снегом может представлять реальную опасность, особенно для моего могучего тйорла.

Метель настигла меня милях в трех за деревенькой. Только что лишь отдельные снежинки кружились в воздухе — и вдруг на нас с Йарре обрушился настоящий снежный шквал. Я пригнулась к седлу, прикрывая рукавицей левую щеку от жестокого ветра, но это помогало мало. Снег сек лицо, набивался за шиворот; на глазах у меня выступили слезы. Однако, даже проморгавшись, я не стала видеть лучше — все вокруг заволочло сплошное белое марево, сквозь эту кашу ничего нельзя было разглядеть уже в десятке локтей. Йарре повернул голову вправо, отворачиваясь от ветра; казалось, он предлагал вернуться в деревню. Но мы отъехали уже слишком далеко, да и вообще, я не хотела сдаваться, а потому лишь упрямо стиснула коленями его бока, погоняя тйорла вперед.

Мне оставалось полагаться лишь на его чутье. Йарре, как и я, никогда не бывал в этих местах, но, в конце концов, если верить карте, дорога шла практически прямо... Новый порыв ветра швырнул мне в лицо ледяную крупу, я зажмурилась и попыталась еще ниже натянуть шапку.

Йарре шагал все медленней. Ветер, дувший прежде в левый бок, теперь изменил направление и задувал спереди. Я потеряла рукавицей немеющее лицо, затем, чувствуя, что это не помогает, расстегнула верхний крючок накидки (холод сразу ворвался за пазуху), стащила с шеи шарф и обмотала им голову по самые глаза. Кожу лица начали покалывать иголки возвращающейся чувствительности, зато за шиворот снег полз еще охотнее, как я ни куталась.

Слева из снежной круговерти вынырнул какой-то куст. Ветер со свистом трепал его голые прутья... Откуда посреди дороги куст?! Я в испуге оглянулась и только тут заметила, что Йарре ступает уже по колено в снегу. Сбились! Я уже готова была высказать тйорлу все, что думаю о его способности, твурки его задери, идти по прямой дороге — но, когда ваш рот замотан шарфом, ругаться не очень удобно. Так что мои мысли приняли более конструктивное направление. Ветер слева, значит, Йарре, отворачиваясь от него, невольно забрал вправо. Нужно взять круче против ветра, и тогда мы снова выедем на дорогу.

Я почти легла на спину тйорлу, прячась за его рогатой головой от ярости вьюги. Внезапно мне стало стыдно за мою вспышку злости на Йарре. Ведь у него даже нет рук, чтобы прикрыть морду от ветра и снега, и его короткая шерсть не такая теплая, как мой меховой плащ... Я погладила его по холке, прося прощения, но он, наверное, даже не почувствовал, занятый борьбой с беснующейся стихией.

А меж тем холод начинал пронимать меня и сквозь плащ.

Йарре шел вперед против ветра, упрямо опустив голову, так что я едва могла дотянуться до его рогов и, в конце концов, просто обхватила его за шею. Он прошел еще немного и

остановился. Неужели выбился из сил? Нет, просто впереди лежали непроходимые сугробы, которые даже тйорлу были по грудь... То ли мы, не заметив, вновь миновали уже занесенную дорогу, то ли ветер дурачил нас, меня направление.

Я приподнялась на стременах, тщето пытаюсь разглядеть что-нибудь сквозь метель. Увы, все мои книжные познания были совершенно бесполезны в этой ситуации... "Йарре! — крикнула я, едва слыша собственный голос за воем и свистом бури. — Ищи дорогу!" Тйорл развернулся правым боком к ветру и двинулся в новом направлении. Через некоторое время путь нам преградил какой-то овраг; у меня мелькнула мысль, что в ложбине мы сумеем укрыться от вьюги, но склоны были слишком круты, и от этой идеи пришлось отказаться. Я вновь предоставила Йарре выбирать дальнейший путь; сначала он шагал вдоль оврага, потом тот остался в стороне. Снова вокруг не было ничего, кроме бушующей бури; Йарре брел вперед, с каждым шагом глубоко проваливаясь в снег, но теперь, по крайней мере, ветер дул нам практически в спину. Впрочем, у меня все равно не попадал зуб на зуб.

Внезапно мне показалось, что в стороне от нашего пути я различила сквозь пелену метели смутные очертания домов. Неужели мы все-таки выехали к селу? Или, может, это покинутая нами деревенька? Теперь я была бы счастлива попасть и в нее... Видение длилось одно мгновение, потом его скрыли новые снежные волны, но я была уверена, что мне не померещилось. Я решительно потянула тйорла за рог, вновь разворачивая круто к ветру. "Вперед, Йарре! Жилье близко!"

Он, похоже, не разделял моего оптимизма, однако повиновался и покорно двинулся сквозь сугробы, прокладывая себе путь в снегу по брюхо. Велико было искушение поискать дорогу, которая должна быть где-то рядом, раз рядом населенный пункт, и которая хотя и заметена снегом, но все же не настолько глубоко — однако я помнила, чем кончились предыдущие поиски, и решила не рисковать. Собственно, у меня не было уверенности, что мы и теперь движемся правильно, но темные силуэты вновь мелькнули в разрывах снежного марева.

Не знаю, какое расстояние мы одолели так против ветра — может быть, милю, может, две-три сотни локтей. Однако, когда Йарре, уже почти выбившись из сил, добрался до того, что я считала селением, выяснилось, что никаких домов там нет в помине. Это была маленькая редкая рошица посреди голой равнины, продуваемая всеми ветрами и потому непригодная в качестве убежища.

Тут мне пришла в голову мысль, до которой мне следовало бы додуматься уже на краю оврага. Пусть рошица не могла нас укрыть, но она была ориентиром! И, если она обозначена на карте (в чем, впрочем, у меня были большие сомнения), это позволит хотя бы определить наше местоположение. Как знать, может быть, жилье и вправду где-то рядом.

Окоченевшими даже в рукавицах руками я принялась распутывать узел своей дорожной сумки. Сделать это мне никак не удавалось, так что в конце концов я сняла рукавицы и сунула их за пояс. Теперь котомку удалось развязать, но руки заоченели окончательно. Едва я вытащила и развернула карту, как очередной порыв ветра вырвал ее из негнущихся пальцев и унес прочь, в снежную мглу.

Я послала Йарре в погоню, но, разумеется, безуспешно. Отчаянный рывок через сугробы привел лишь к тому, что мы вновь затерялись в буре и не могли даже вернуться к рошице, а тйорл без толку растратил силы. И снегу вокруг намело уже столько, что, куда бы мы ни ехали, вряд ли нам удалось бы продвинуться далеко.

Если прежде моими чувствами были в основном злость и досада, то теперь меня охватил настоящий ужас. Холод сковал все тело; я, похоже, уже не чувствовала пальцев ног, да и кожа между шапкой и шарфом полностью онемела. До меня, наконец, дошло, что я не просто сбилась с дороги — а что я могу погибнуть, умереть в самом буквальном смысле этого слова прямо здесь, на крохотном по географическим меркам пятачке между несколькими населенными пунктами, может быть, в какой-нибудь полумиле от жилья! И мой заледенелый труп так и

пролежит под снегом до весны...

Я вспомнила жуткую историю из жизни Йорпа Тнааксена, знаменитого путешественника и исследователя южных земель. Однажды на пути к лагерю его застиг страшный буран, его тйорл выбился из сил, и самому Тнааксену грозила верная гибель. Тогда он взрезал тйорлу живот и забрался внутрь. Тепло внутренностей помогло ему пережить буран и дожидаться товарищей, которые отправились его искать, когда непогода стихла... Впервые я прочла эту историю в детстве, когда у меня еще не было Йарре, но и тогда она произвела на меня очень тяжелое впечатление. Тнааксен даже не мог избавить несчастное животное от страданий — он был заинтересован, чтобы тйорл прожил как можно дольше, и тот, действительно, умер не сразу. Я не осуждала путешественника, понимая, что у него не было другого выхода, но... Я потом несколько дней не могла есть мясо — при взгляде на самые аппетитные куски мне все мерещились эти окровавленные, но все еще живые, пульсирующие внутренности.

И менее всего я ожидала, что сама окажусь в подобной ситуации! Там были высокие широты, суровые и дикие южные земли, где снег лежит по двенадцать месяцев в году — а здесь привычный умеренный климат и чуть ли не центр Ранайского королевства! Однако, в отличие от Тнааксена, меня даже никто не собирался искать...

И все же я совершенно не собиралась поступать так с Йарре! Что угодно, только не это!

Однако мысль об этом навела меня на другую идею. Непослушными руками я кое-как расстегнула верхние крючки плаща (не тронув нижние, чтобы ветер не разметал полы). Метель сразу ворвалась под накидку, но я и так уже промерзла насквозь и почти не заметила этого. Я разделалась с застежкой жакета, отряхнула от снега шерсть Йарре и легла на спину тйорла, плотно прижавшись к нему; теперь наши тела разделяла лишь тонкая ткань рубашки, и я надеялась, что живое тепло его могучего организма согреет меня. Вскоре мне и впрямь стало теплее; одновременно я почувствовала, до чего же меня вымотала эта борьба со стихией; глаза слипались сами собой, невыносимо хотелось спать... Я понимала, что уснуть на морозе — это смертельно опасно, но Йарре все еще куда-то шагал, и размеренные движения его большого тела укачивали, успокаивали, ублаживали...

И вскоре не осталось уже ни холода, ни ветра, ни снега; я снова оказалась в Йартнаре, и со мной были мама, молодая и веселая, и отчим, живой и здоровый, и Ллуйор, девятилетний мальчик. "Ты же взрослый, Ллуйор", — сказала я. "Нет, — ответил он, — это была просто игра, ты что, забыла? Мы играли в принцессу и злодея. Мы же друзья, Эйольта, друзья на всю жизнь!" "А ты не ранен?" — обратилась я к отчиму. "Нет, — ответил он, — тебе это просто приснилось. А теперь ты проснулась, и мы всегда будем вместе." И они все трое рассмеялись над моей недогадливостью. "А то, что я не умею летать, мне тоже приснилось?" — спросила я с надеждой. "Конечно, — ответила мама, — ты же прекрасно летаешь." И я расправила крылья, и взмахнула ими, и без всяких усилий поднялась над полом; тогда я тоже засмеялась, сделала круг по комнате и вылетела в окно. Стоял чудесный летний день, и всюду цвели большие цветы, похожие на цветы тнуала, только разноцветные; я поднималась все выше и выше, и теплый ласковый ветер нес меня над цветущей землей, и никогда в жизни я не испытывала такого полного всеобъемлющего счастья... Отчим, мама и Ллуйор бежали за мной по земле, и их голоса доносились все слабее, но меня это не беспокоило — я понимала, что налетаюсь и вернусь к ним, и мы опять будем вместе. "Правильно рассуждаете, барышня, — сказал доктор Ваайне. — А сейчас позвольте представить вам пришельцев со звезд." Я повернула голову и увидела крылатых аньйо, мужчин и женщин, которые летели сбоку от меня и махали мне руками. Двое подлетели совсем близко и подхватили меня. "Осторожней, держите!" — напутствовала их третья аньйо. Я хотела ответить, что в этом нет нужды, ибо я и сама прекрасно умею летать, но тут один из пришельцев-мужчин скептически осведомился: "Да он живой ли?" "Живой, вишь, дышит", — ответил ему один из державших. "Ну, повезло парню, считай, второй раз родился", — откликнулся другой пришелец. "Какой парень, глаза протри! — возразили ему неожиданно

визгливым голосом. — Девка это!" "Да ну? — удивился тот. — А шпага-то?" "Из благородных, видать", — уважительно предположил еще кто-то. Я хотела пояснить им, что, согласно ранайским законам, право носить шпагу, помимо дворян и солдат, имеют также королевские чиновники, члены городских магистратур, профессора и студенты королевских университетов, купцы трех высших категорий и ремесленники в ранге не ниже мастера — а также дети всех перечисленных с возраста 13 лет. Под детьми, разумеется, обычно подразумевают сыновей, но в законе это, к счастью, не прописано. Однако я с удивлением обнаружила, что язык мне не повинуется, и изо рта вырывается лишь какое-то мычание. Да и вообще, солнечный свет как-то померк, небо, цветущая земля и парящие аньйо исчезли, осталось лишь ощущение, что меня куда-то несут, и чувство непривычной легкости. Но я чувствовала, что нужно лишь приложить небольшое усилие, чтобы вновь вернуться в летнее небо.

— Кладите сюда, — напуганным первым из женских голосов. — И снимайте одежду. Сайкре, где спирт?

Я почувствовала — все еще с трудом осознавая, что происходит — как меня кладут на что-то мягкое, стаскивают сапоги, чулки, верхнюю одежду... Потом меня перевернули на живот. А затем вдруг раздался оглушительный визг.

От этого визга я окончательно проснулась. И поняла, что готова убить визжавшую. Не только потому, что ее голос был на редкость противен, но в первую очередь потому, что она отняла у меня, быть может, самый чудесный сон в моей жизни.

Впрочем, у меня не было сил не только кого-то убить, но даже открыть глаза.

— Фу-ты, дура, Сайкре, — произнес после короткой паузы тот же женский голос, что отдавал распоряжения и раньше. — Чего разоралась? Ну крылья, ну и что? Не ее вина, что она такой родилась. Судьба, значит, такая. Тебе бы судьба выпала — и ты бы такой была.

— Господь с вами, хозяйка, экие вы ужасы говорите, — испугано откликнулась визгливая Сайкре. — Нечистой силы вы не боитесь.

— Цыц, дура! — прикрикнула хозяйка. — Какая нечистая сила? Али не знаешь, что и по церковному, и по мирскому закону крылатые нам теперь равны? Вишь, шпага у ней, и деньги, верно, водятся... вон, кошель-то тяжелый. Может, графа какого дочка, у них ведь тоже крылатые рождаются. Мы за ней хорошо ухаживать должны. Йашна, Китная, не стойте столбом, разотрите ее! А, да что с вас взять, лучше я сама. А вы воду и чистое белье несите.

И жесткие сильные руки принялись растирать меня спиртом, так что в скором времени вся моя кожа горела; но я по-прежнему лежала без сил, не открывая глаз, и хотела только одного — чтобы меня оставили в покое и позволили вновь провалиться в черноту сна. Несколько раз меня переворачивали, я чувствовала прикосновение теплой воды, потом махрового полотенца и чистого белья; наконец моя мечта исполнилась — меня накрыли теплым одеялом и потушили свет.

Следующие несколько дней выпали у меня из памяти. Серо-коричневое вязкое марево бреда сменялось черной пустотой небытия; лишь иногда я на какие-то мгновения осознавала, что больна, что лежу в незнакомой комнате, и жадно глотала прохладную воду из чашки, поднесенной кем-то к губам. Но вот, наконец, в одно прекрасное солнечное утро... знаю, знаю, что это пошлый штамп, но что же делать, если так оно и было на самом деле — я проснулась. Именно проснулась, а не очнулась. Некоторое время я просто лежала, глядя на пылинки, порхающие в солнечном луче, и привыкая к вернувшейся реальности мира, потом высвободила руку из-под одеяла и потрогала лоб — он был влажный, но прохладный. Жара больше не было.

Я была еще очень слаба, и даже от этого движения у меня слегка закружилась голова. Тем не менее, подоткнув подушку, я отважилась сесть на постели. Комната, где я находилась, была обставлена безвкусно, но с претензией: пузатый, непропорционально громоздкий комод, аляповатый портрет короля в тяжелой раме, явно купленный на какой-нибудь сельской ярмарке, два стула с высоченными спинками, подсвечники в виде пухлых детских ручек... К

потолку была прибита неизменная икона — "молясь, аньйо должен поднимать глаза к небу". Дурацкий обычай — давно известно, что Земля круглая, и, значит, аньйо, молящиеся в разных частях света и смотрящие при этом в небо, смотрят на самом деле в совершенно разные стороны. Получается, большинство смотрит неправильно? Или бог окружает Землю со всех сторон? Может быть, он нас попросту проглотил, и весь наш мир, а заодно и прочие миры, находятся у него в желудке? Эта еретическая мысль показалась мне весьма забавной, и я рассмеялась.

Окинув взглядом комнату, я перешла к собственной персоне и откинула одеяло. С удивлением обнаружила на себе пижамные брюки — вещь дорогую, вошедшую в моду совсем недавно и считающуюся чуть ли не атрибутом роскоши; дома я никогда не надевала пижамы, и не потому, что дорого, а потому, что неудобно — что может быть глупее, чем одеваться, чтобы идти спать? А вот выше пояса на мне ничего не было — неудивительно, откуда здесь взяться пижамной куртке, подходящей для крылатой? Я заметила, что изрядно исхудала — ребра торчали, как корни из лесной тропинки. Еще бы, сколько дней ничего не ела... мелькнуло смутное воспоминание, что меня поили теплым бульоном, но теперь бы я явно отведала чего-нибудь посолиднее.

Словно в ответ на мои мысли о еде, дверь, почти не скрипнув, отворилась, и вошла плотная широколицая женщина средних лет, с упрятанными под чепец волосами.

— Очухалась, наконец? — приветствовала она меня. — Прав был доктор, говорил, что кризис прошел... Ну, считай, счастливо отделалась. И сама живая, и руки-ноги целые. Шутка ли, на таком морозе недолго без пальцев остаться. Кровь у тебя горячая, видать...

— Что это за место? — прервала я поток ее словоизлияний.

— Место-то? Это, девочка, село Кутна, трактир "Серебряный тйорл". А ты куда ехала?

— Йарре! — вспомнила я, игнорируя ее вопрос. — Мой тйорл! С ним все в порядке?

— В порядке, сперва-то еле на ногах держался, как тебя довел, а сейчас стоит у нас в тйорлене, хрумкает за двоих... Ты ему теперь прям памятник должна поставить, кабы не он, не быть бы тебе живой...

— Я должна его повидать! — я вскочила с кровати, но не успела сделать и шага, как меня повело в сторону. Пытаясь сохранить равновесие, я рефлекторно взмахнула крыльями, но все равно вынуждена была опуститься на постель.

— Лежи уж, рано тебе еще бегать-то, — ворчливо заметила женщина, подходя к кровати. До этого она держалась так, словно в моей внешности нет ничего необычного — думаю, не столько даже из вежливости, сколько потому, что насмотрелась на мои крылья, пока я лежала в бреду. Но теперь, когда я пустила их в ход, от меня не укрылся огонек интереса, вспыхнувший в ее глазах. — Да еще в таком виде, — добавила она.

— Вид как вид, — насупилась я. Конечно, я не собиралась бежать в тйорлен через весь трактир в одних пижамных штанах, но и кутаться в меховой плащ в теплой комнате считала излишним.

Моя собеседница присела на кровать рядом со мной, рассматривая меня уже в открытую. Чуть помолчав, она спросила, зачем-то понизив голос:

— А... ты и летать можешь?

— Нет, — ответила я совсем уже мрачно.

— А... тогда почему не... — она сделала рукой какой-то неопределенный жест, означавший, вероятно, движение ножа хирурга.

— Не хочу, — я отвернулась, не желая вдаваться в подробности.

— Ты вроде не из бедных, хорошего врача найти можешь... — не унималась она.

— Слушайте, почему бы вам ухо себе не отрезать? — со злостью обернулась я к ней. — Вы ведь и без него жить сможете, и даже не оглохнете?

— Да ладно, ладно, не обижайся... Я ж добра тебе... Ну прости. Звать-то тебя как?

— Эйольта Лаарен-Штрайе.

— Красивое имя. Из дворян, небось?

— Нет. Я дочь королевского... чиновника, — предпочла я закончить нейтрально.

— А я Майла Йекше, хозяйка этого трактира. Меня все тетушкой Майлой кличут. Ходила вот за тобой, пока ты в беспамятстве валялась. Служанки-то мои дуры, ничего им доверить нельзя...

— Ой, я же вам и спасибо не сказала, — смутилась я. — Вы ж мне, получается, жизнь спасли...

— Ну, не я одна, — улыбнулась она, явно, однако, довольная, — доктор из Каарва тебя смотрел...

— Сколько я тут провалялась?

— Да, почитай, больше декады уж... Метель-то когда у нас была? Уже... да, двенадцатый день нынче пошел.

— Ч-черт! — я сжала кулаки, злясь на собственную глупость. Не послушала доброго совета, потому что торопилась — и вот пожалуйста, потеряла впустую столько времени! Если я доберусь и узнаю, что пришельцы улетели пару дней назад...

— Радуйся, что жива осталась, — рассудительно заметила хозяйка; впрочем, где ей было знать, насколько критично для меня время. — Есть-то хочешь, небось?

— Еще как! — воскликнула я, мигом забывая об отдаленных перспективах.

— Пойду скажу Китнайе, чтоб принесла. Ты не волнуйся, я ей строго накажу, чтоб языком зря не трепала...

Китнайя, тоненькая невысокая девушка года на два старше меня, выглядела скромницей и тихоней, но это, конечно, не значит, что она и другие служанки не обсуждали меня за глаза. Так что наверняка весь трактир уже знал о необычной постоялице, и, когда в тот же день я впервые спустилась вниз, я даже не пыталась прятать крылья под накидкой. Конечно же, при моем появлении головы начали поворачиваться в мою сторону; некоторые косились украдкой, но многие разглядывали и в открытую. Впрочем, взгляды были скорее любопытные, чем неприязненные, но все равно, удовольствия мне они не доставляли. В Йартнаре-то я давно примелькалась и успела отвыкнуть от того, чтобы на меня пялились. Полагаю, однако, что моя шпага в любом случае внушала достаточное почтение.

Тетушка Майла отговорила меня от идеи сразу же ехать дальше, уверяя, что я еще не оправилась от болезни; я и сама это чувствовала, после обеда у меня даже поднялась температура, хотя, конечно, не так, как в прошлые дни. Кроме того, теперь я была более склонна прислушиваться к советам, так что согласилась провести в трактире еще два-три дня. Я выяснила, сколько успела задолжать хозяйке — сумма, с учетом ухода по первому разряду и доктора, за которым посылали в город, получилась немаленькая, но все-таки пока что не катастрофическая (все же я решила есть в общем зале — это обошлось дешевле). Вообще-то мне сильно повезло с тетушкой Майлой — другой на ее месте, вместо того чтобы возиться с крылатой, пусть и небескорыстно, мог запросто присвоить мой кошель, пользуясь моим беспомощным состоянием... И все же ее совет пожить в трактире еще несколько дней навлек на меня беду, хотя и не по ее вине.

Обыкновенно проезжающие останавливаются в трактирах лишь на одну ночь, но в те дни дороги были плохи из-за капризов погоды, и многие путешественники, не имевшие спешных дел, предпочитали переждать несколько суток, пока либо потепление, либо копыта тйорлов и полозья экипажей более нетерпеливых путников сделают путь более комфортным. Так что публика в "Серебряном тйорле" менялась не столь активно, и, когда утром третьего (четырнадцатого, если считать от прибытия в трактир) дня я спустилась вниз, многие из завтракавших в общем зале меня уже знали. Два-три удивленных взгляда я, конечно, поймала, но это — дело обычное...

— Это еще что такое? — раздался мужской голос у меня за спиной. — Я думал, здесь харчевня, а не цирк!

Я вздрогнула, как от удара. Собственно, ниоткуда не следовало, что фраза относится ко мне, так что я решила не обращать внимания, но уже чувствовала, что так просто мне не отделаться.

— С крыльями, да еще и со шпагой! — не унимался голос. — Это у нее вместо хвоста, что ли?

Я резко повернулась, кладя руку на эфес, и сразу заметила детину, глумливо скалившегося мне в лицо. Его желтые зубы были крупными и длинными, как у тйорла, а оспины на лице свидетельствовали о перенесенной когда-то болезни. Судя по одежде — из городского простонародья, хотя и не бедный.

— Ты что-то имеешь против крылатых, или мне послышалось? — прищурилась я, подходя к нему. Разговоры за соседними столиками притихли — публика ожидала зрелища. "Действительно, цирк!" — подумала я с отвращением.

— Смотрите-ка, еще и разговаривает! — удивленным тоном провозгласил этот тип. — Прям как настоящая аньйо!

Моя рука стискивала рукоять шпаги. Заколоть ублюдка прямо сейчас, пригвоздить его к стулу, посмотрим, как он тогда будет лыбиться! Но... он меня пальцем не тронул, и он был безоружен. По ранайским законам, это было бы убийство. И я не могла вызвать его на дуэль — он принадлежал к низшему сословию... Закон предписывает в таких случаях подавать на оскорбителя в суд, но мы были в сельском трактире, а не на площади перед магистратом. Он знал все это и продолжал нагло ухмыляться.

Однако он не учел, что отчим учил меня не только благородному искусству фехтования. Когда до него оставалось не больше шага, я вдруг сняла руку с эфеса и со всей силы вмазала ему кулаком в нос, почувствовав, как хрустнул под костяшками ломающийся хрящ. Сильный удар в скулу может вызвать потерю сознания, но хороший удар в нос куда болезненней и, главное, оставляет память на всю жизнь.

Он завопил, прикрывая рукой расплющенные остатки своей широкой мужской сопелки; из-под пальцев текла кровь. Раздались одобрительные возгласы, кто-то даже заплодировал — они явно не ожидали такой прыти от девчонки. Их не возмутило даже то, что крылатая бьет "нормального" аньйо — лишь позже я поняла, что все дело было в том, кого именно я ударила. Хотя он не относился не то что к дворянскому или купеческому, но даже к ремесленному сословию, ни у одного из сидевших в зале не хватило бы смелости на такой поступок.

— Не слышу извинений, — холодно констатировала я, готовясь в то же время отскочить, если он полезет в драку. Он был почти наверняка сильнее меня — все-таки взрослый мужик, и довольно крупный, хотя и не выглядевший тренированным — однако даже не попытался дать сдачи.

— Уродина чокнутая, ты не знаешь, с кем связалась! — гнусаво скулил он. — Я...

А вот на этот раз он получил в скулу, и, хотя в нем было добрых двести фунтов, свалился на пол. Правда, и у меня заныли костяшки.

— Что такое? — раздался вдруг еще один голос. — Кто смеет бить моего слугу?

Я обернулась. На лестнице, небрежно опершись о перила, стоял молодой красавец. Я не иронизирую — он действительно был красив и знал это. Ростом в четыре с четвертью локтя (на полторы головы выше меня), при этом изящно и пропорционально сложенный, с завитыми по столичной моде белокурыми волосами до плеч и желтыми, словно солнце, глазами... (мне всегда хотелось иметь такие глаза, ну или хотя бы синие, как море — но у меня они бездарно-серые, словно валяющийся в пыли камень!) И внешность была не единственным призом, выпавшим ему в лотерею судьбы; весь его облик говорил о богатстве и знатности. На нем был камзол темно-бордового бархата, такие же штаны, остроносые сапоги, начищенные до блеска (уж не

тем ли слугой?) и белые перчатки (такие делают из кожи новорожденных тйорлят, и стоят они очень дорого). На бедре висела длинная шпага в посеребренных ножнах, с рубином на рукояти.

Но мне было не до эстетики.

— Сударь, ваш слуга нанес мне серьезное оскорбление, — проинформировала я его. — Впрочем, полагаю, что уже воздала ему по заслугам, а потому не стану требовать с вас сатисфакции.

— Она полагает! — фыркнул он, делая пару шагов вниз по ступеням. — Да кто ты такая вообще?

— Эйольта Лаарен-Штрайе, дочь королевского палача Йартнара, — на сей раз я не стала это скрывать. — И извольте говорить мне "вы".

Он расхохотался.

— Дочь палача, говоришь? Твой папаша дурно справляется со своими обязанностями. Во-первых, он мог бы отрезать тебе эти опухавшие и сделать тебя похожей на анью, а не на вйофна. А во-вторых, ему следовало почаще тебя пороть, чтобы ты не воображала о себе невесту что. Впрочем, это никогда не поздно исправить.

Говоря это, он лениво-расслабленной походкой приближался ко мне, и, когда он был уже рядом, я обнажила шпагу. Сбоку кряхтел и стонал, поднимаясь с пола, его слуга, но я стрельнула глазами в ту сторону и убедилась, что тот пока не опасен.

— Я требую немедленных извинений! — крикнула я, становясь в боевую позицию. — Или же защищайтесь!

Но его рука даже не дрогнула в сторону эфеса. Он просто продолжал наступать на меня, но, по правилам дуэли, я не имела права атаковать первой, пока он не взял в руки оружия! Что за дурацкое положение! Мне пришлось сделать шаг назад, потом еще один. Послышались смешки. На третьем шагу я уперлась в стол позади меня. И тут он попросту протянул руку в перчатке, схватил мою шпагу и рванул, выворачивая! Рывок был таким сильным и неожиданным, что я выпустила рукоять. В следующий миг он уже выкручивал мне руку, разворачивая меня спиной к себе. Я пыталась вырваться, но он был чертовски силен. Я взмахнула крыльями, надеясь попасть ему в лицо, но тут он так рванул мою руку, что я вскрикнула от боли и беспомощно плюхнулась животом на стол.

— Да, никогда не поздно выбить из девки дурь, — повторил он. — Сейчас я отшлепаю тебя твоей собственной шпагой.

— Ты не смеешь! — крикнула я. — Я принадлежу к чиновному сословию!

Но в тот же миг обжигающий удар обрушился на мой зад — что делать, рассказываю, как было — и мне пришлось закусить губу, чтобы не закричать. Я уже говорила, кажется, что отчим никогда не бил меня, и в школе тоже не было телесных наказаний — все же это была не школа для простонародья. Так что я даже не представляла себе, что это такое... Но и этот тип не представлял, что такое я. Он не знал, что с внутренней стороны моего жакета пришиты четыре кармашка для метательных ножей — два под правую руку, два под левую. И, поскольку моя левая рука оставалась свободной, я сунула ее под жакет, прикрывая крылом. Он успел ударить меня еще один раз, а когда замахнулся для третьего, я со всей силы вонзила нож ему в ногу.

Он вскрикнул — в первый момент больше от изумления, чем от боли — и невольно ослабил хватку. Я тут же вывернулась и оказалась лицом к нему. Он стоял, глядя на свое бедро, из которого торчала рукоятка ножа, затем ухватился левой рукой за край стола, поднимая на меня перекошенное бешенством лицо, в котором в этот миг не осталось ни капли красоты.

Но моя жажда мести еще отнюдь не была утолена. Когда говорят, что унижение смывается только кровью, имеют в виду вовсе не кровь из бедренной артерии!

В правой руке он все еще держал мою шпагу — значит, был вооружен, и это давало мне право продолжать бой. Я выхватила второй нож и прыгнула вперед, всаживая лезвие точно в сердце.

Лицо его обрело на редкость глупое выражение. Он дважды открыл и закрыл рот, словно рыба, вытщенная на берег. На второй раз струйка крови сбежала изо рта по подбородку. Потом он упал.

Кровь на темно-красном бархате была почти незаметна, так что поначалу многие даже не поняли, что произошло. Я нагнулась и спокойно выдернула из мертвой руки мою шпагу. Когда я распрямилась, ступени уже скрипели под ногами тетушки Майлы, сбегавшей вниз с удивительной для ее комплекции проворностью.

— Несчастливая! — воскликнула она. — Что ты наделала?! Это же молодой граф тар Мйоктан-Раатнор!

— Он оскорбил меня и поплатился за это, — ответила я.

— Вряд ли его отец, губернатор Лланкеры, примет это объяснение!

М-да. Так вот, значит, почему этот тип вел себя так нагло. Сын члена Совета Одиннадцати... Выше губернатора провинции только король. Даже премьер-министр обладает меньшей властью — во всяком случае, он не может сместить губернатора, но Совет Одиннадцати может сместить премьера.

Но, разумеется, знай я, кто он, я бы вела себя точно так же.

Однако, взглянув на лицо тетушки Майлы, я поняла, что сейчас не время рассуждать о равенстве всех перед законом. Похоже, я навлекла крупные неприятности и на себя, и на ее трактир, и нужно как можно скорее уносить отсюда ноги. Но, конечно, выскакивать в зиму без теплого плаща и своих вещей я не собиралась, а потому, продолжая сжимать шпагу, бросилась мимо отшатнувшейся трактирщицы вверх по лестнице.

Я провела в своей комнате меньше минуты, но, когда я выбежала обратно, по лестнице уже поднимались двое солдат с обнаженными мечами. Вряд ли это были охранники тар Мйоктана, иначе они бы спохватились раньше; скорее всего, просто случайные гости трактира, которым вздумалось "исполнить свой долг".

Мы встретились на середине лестницы. "Шпагу в ножны!" — крикнул один из них, развеивая последние сомнения в том, что им нужна именно я. Оценив перспективы боя со шпагой против двух профессиональных мечников, я, буквально в одном шаге от них, перемахнула через перила и прыгнула вниз, на какой-то стол, расколотив сапогом тарелку с жареной рыбой. Солдаты, не рискуя повторить мой прыжок (я сиганула локтей с шести — спасибо отчиму, научившему меня группироваться), бросились вниз по лестнице. Я метнулась было в сторону выхода, надеясь их опередить, но заметила, что дверь уже загородили двое крепких аньё. Уж этих-то совсем никто не заставлял вмешиваться — но то ли они рассчитывали на награду за помощь в поимке убийцы тар Мйоктана, то ли ими просто овладел охотничий азарт. Второе даже более вероятно, особенно учитывая, что дичь была крылатой.

Поняв, что через дверь не пробиться, я прыгнула на соседний стол, потом на следующий, устремляясь к окнам. Кто-то ухватил меня за полу плаща; я развернулась и рубанула его шпагой по руке. Шпага — не меч, но все же клинок заточен по бокам, и несостоявшийся охотник с криком отдернул окровавленную руку. Тем не менее ему удалось задержать меня на несколько секунд, и тот из солдат, что был более проворен, подбежал уже близко. Я выхватила у застывшей в ужасе Китнайи кувшин с вином и бросила его в солдата. Тот не ожидал такого маневра и не успел ни укрыться, ни уклониться; кувшин ударил его по голове, раскалываясь, и солдат упал. Я махнула шпагой, отгоняя очередного охотника, и перепрыгнула на соседний стол. Но тут удача изменила мне: хотя стол выглядел прочным, ножка у него подломилась, и я полетела на пол, больно ушибив колено и локоть. Преследователи с радостным криком устремились ко мне; их с каждой секундой становилось больше — и ведь это были те самые аньё, которые только что аплодировали мне, когда я поколотила зарвавшегося слугу... Я ткнула шпагой первого подбежавшего — он отпрянул с тонким визгом — и, прежде чем остальные успели меня схватить, юркнула на четвереньках под стол и проворно выскочила с

другой стороны. Однако, вскочив на ноги, я убедилась, что и дорога к ближайшим окнам уже отрезана; оставалось разве что прорываться к окнам в противоположной стене. Я пару раз вильнула между столами, уворачиваясь от преследователей и специально роняя за собой стулья, а затем перемахнула через прилавок. Передо мной оказалась батарея бутылок; я схватила сразу три и швырнула в толпу. В следующий миг я заметила какую-то толстую веревку, закрученную узлом вокруг вмурованного в стену кольца. За долю секунды проследив взглядом ее направление, я поняла, что на этой веревке, перекинутой через блок, подвешена под потолком массивная люстра; периодически ее опускают, чтобы сменить свечи. Что ж, пожалуй, это будет потяжелее, чем бутылка или кувшин! Шпагой или даже ножом я бы не смогла рассечь такую веревку с одного удара, но под прилавком лежал тесак для разделки мяса, оказавшийся как нельзя кстати. Один взмах — и люстра рухнула на головы моим врагам. Раздались крики и стоны, те мои преследователи, что были уже рядом, вне досягаемости люстры, невольно обернулись, а я побежала дальше и вновь перепрыгнула через прилавок. Вопли за моей спиной становились все громче, и, бросив взгляд через плечо, я увидела, как на месте падения люстры взметнулось пламя. День был зимний и пасмурный, поэтому несколько свечей в люстре было зажжено (хотя и меньше, чем вечером); теперь, как видно, одна из них попала в винную лужу или на легко воспламеняющуюся одежду. По крайней мере, чья-то одежда точно уже горела. Наверное, в первый момент огонь было легко потушить, но об этом, похоже, никто не думал — всех охватила паника, и, забыв даже обо мне, они ломанулись к дверям и окнам. Я схватила тяжелый табурет и вышибла крайнее окно. Порезав осколками рукавицы и плащ, я, наконец, выкатилась на улицу и, не желая бежать впереди толпы, тут же свернула за угол.

Тяжело дыша, я опустилась в снег под стеной. Тйорлен не примыкает вплотную к зданию трактира, значит, огонь ему не грозит; пусть мои преследователи разбегутся и уляжется суматоха, а там я спокойно заберу Йарре и уеду... Но увы, этот разумный план был нарушен в самом начале. Несколько аньйо, видимо, забывшие от испуга, где находится тйорлен, свернули за угол следом за мной и остановились, растеряно оглядываясь. Я попыталась вжаться в стену, но это не помогло.

— Смотрите, это она! — крикнул один из них, и они все бросились ко мне. У двоих оказались шпаги, еще один размахивал длинным ножом. Я побежала вокруг дома в сторону тйорлена. Бежать по глубокому снегу было тяжело, впрочем, та же проблема была и у моих преследователей; но, если они и не могли меня догнать, то их громкие крики "Держи! Держи ее!" привлекали внимание остальных. Я сделала отчаянный рывок, но, когда из-за угла показался тйорлен, от него навстречу мне уже бежали другие аньйо.

Я поняла, что мне не прорваться, и метнулась в сторону, словно йитл, преследуемый твурком. Но они настигали. Черт возьми, там были рослые, длинноногие аньйо, для которых снег был не таким глубоким, как для меня; к тому же я только-только оправилась после тяжелой болезни... Я слышала злое хриплое дыхание у себя за спиной, потом кто-то схватил меня за плащ, я вырвалась, но тут же меня ухватили за волосы и дернули назад, я с трудом устояла на ногах, но сильный удар промеж крыльев повалил меня в снег...

Это был конец. Я знала, что они больше не собираются меня арестовывать. Дело было уже не в том, что я заколола сына губернатора. Я ранила или убила нескольких постояльцев, я подожгла трактир — теперь меня просто растерзают. Они вне себя от ярости, потом они, может быть, остынут и одумаются, но будет уже поздно...

— Йарре! — что есть сил закричала я под градом сыпавшихся ударов. — Йарре!!!

Шпагу выбили из моей руки, я корчилась в снегу, пытаюсь прикрыть голову. Плащ на меху смягчал удары, но кто-то догадливый уже сдирал его с меня. "Мечом ее, мечом! Где солдат?!" — визгливо крикнул еще кто-то.

И вдруг над головой у меня раздался трубный рев, и сразу следом за ним — вопль агонии. Побои прекратились. Я повернулась и подняла голову как раз вовремя, чтобы увидеть,

как один из моих врагов летит по воздуху со вспоротым животом. Другой рухнул в снег рядом, забрызгав меня кровью; половина его черепа была снесена ударом могучего копыта. Еще один валялся без движения чуть поодаль. Остальные с криками разбежались кто куда. Йарре, великолепный и страшный, возвышался надо мной, как демон мщения, и с рогов его капала кровь, а на шее болтался обрывок веревки, которой он был привязан в стойле.

Я, дрожа, как в лихорадке, кое-как натянула полусорванный плащ, подобрала в снегу свою сумку и шпагу, поднялась и обняла тйорла за шею. Горячие слезы уже заполнили мои глаза, я чувствовала, что вот-вот разрыдаюсь. Но расслабляться было рано — мои враги, убедившиеся, что на них обрушилась не небесная кара и не адский демон, а всего лишь тйорл, устремились к своим собственным животным; другие бежали к нам с вырванными из оград колыями... Я попыталась взобраться на Йарре; он был не оседлан, и без стремени это было не так-то просто сделать, особенно в моем тогдашнем состоянии. Но он сам все понял и опустился на колени, помогая мне сесть. "Вперед, мальчик, — шепнула я, хватаясь за липкие от крови рога, — Вперед!"

И он помчался вперед, словно под ногами у него был не снег, а прекрасная мощеная дорога. Я оглянулась через плечо и увидела пять или шесть преследователей, а также пламя, вырывавшееся из окон "Серебряного тйорла". Да, тетушка Майла, так-то я отплатила тебе за заботу... Но что мне оставалось делать?

Сзади хлопнул выстрел. Отчим научил меня не бояться выстрелов — пуля летит быстрее звука, поэтому, если ты слышишь выстрел, значит, угроза уже миновала. Да и попасть из пистолета, скача на тйорле и по скачущей же мишени — дело чрезвычайно сложное, если только стрелять не в упор, а этой возможности мы с Йарре давать им не собирались. Недаром говорят "пуля — дура"... Выходит, у кого-то из них есть пистолет, может быть, даже не у одного. Странно, что они не начали палить раньше — впрочем, ничего странного, стреляя в толпе, наверняка попадешь не в того, в кого хочешь. Сама я, хоть и умела обращаться с пистолетом, не взяла его с собой. Во-первых, ранайский закон запрещает огнестрельное оружие несовершеннолетним, а во-вторых, штука эта достаточно бесполезная. С одним врагом я справлюсь и шпагой, а против толпы пистолет, нуждающийся в долгой перезарядке после каждого выстрела, да еще дающий осечки — не защита.

Все-таки я пригнулась к холке тйорла, и вовремя — следующая пуля просвистела над моей головой. Я понимала, что Йарре старается изо всех сил, и все же еще сильнее сжала каблуками его бока. Кавалеристы используют шпоры, которые больно колют бока тйорлов, но я никогда не позволяла себе такого варварства.

Мы мчались по занесенной снегом дороге, где лишь одинокая цепочка следов обозначала единственного проехавшего после снегопада всадника. Было гораздо теплее, чем в тот день, когда я чуть не погибла в метель, и все же на такой скорости встречный воздух обжигал холодом лицо и уши. По мне выстрелили еще раз, после чего, как видно, у преследователей кончилось заряженное оружие, а перезаряжать его на полном скаку — тот еще акробатический номер, одна только засыпка пороха чего стоит... Однако, обернувшись через плечо, я увидела сквозь клубившуюся за копытами Йарре снежную пыль, что мои враги не оставили своих намерений, хотя расстояние между нами и продолжало постепенно увеличиваться. Не знаю, сколько времени продолжалась эта бешеная скачка — мне тогда казалось, что целую вечность, хотя на самом деле, наверное, не больше часа. Под конец уже только трое охотников продолжали погоню — остальные отстали раньше; но вот, оглянувшись в очередной раз, я увидела, что сдались и эти. Похоже, им было со мной по пути, так как они не повернули обратно, а лишь позволили своим тйорлам перейти на шаг. Это мне не понравилось, так что пришлось гнать Йарре вскачь, пока они окончательно не скрылись из виду.

Впереди показалась река. По льду с тихим шелестом полз ройк — легкий речной купеческий корабль. Летом при хорошем ветре ройки ходят под парусом, а при штиле или

встречном ветре их тянут на длинных канатах тйорлы, идущие по берегу; вдоль рек имеются станции, где можно нанять тягловых животных и погонщика. Зимой, в общем, все то же самое, только корабль ставят на полозья. В тот день ветра почти не было, так что шестерка тйорлов-тяжеловозов мерно шагала вдоль реки, волоча за собой торговое судно. Довольно часто в зимнее время животных пускают прямо по речному льду (для этого существуют специальные подковы с шипами), но есть риск провалиться, если лед в каком-то месте окажется недостаточно крепок, и этот погонщик, как видно, предпочитал осторожность скорости. (Кораблю-то, понятно, в любом случае ничего не грозит — в худшем случае его придется втаскивать на лед из полыньи, но высоко загнутые полозья позволяют это сделать). Что ж, мне эта встреча была весьма на руку. Мои преследователи, по всей видимости, переправятся через реку и поедут по дороге дальше, я же свернула и поскакала вдоль берега вниз по течению, впереди тяжеловозов, которые, таким образом, затаптывали мои следы.

Проехав вдоль реки с десятков миль (ройк к этому времени, естественно, давно остался позади), я добралась до еще одной дороги и лишь здесь переправилась на другой берег. Вокруг до самого горизонта не было ни души и никаких признаков жилья, но посреди белой равнины я чувствовала себя очень уязвимой и свернула в первую же попавшуюся по пути рощицу. Лишь здесь я, наконец, спешила и почувствовала, как страшное напряжение оставляет меня.

Плакать, однако, уже не хотелось — должно быть, чувства перегорели во время снежной скачки. Я лишь достала из сумки свое зеркальце (один из немногих моих предметов роскоши, настоящее стеклянное в бронзовой раме, а не просто отполированную металлическую пластинку — теперь, однако, стекло пересекала уродливая трещина) и деловито осмотрела себя. Кровоподтек в углу губ, ссадина на скуле — ничего, жить будем. Плащ пострадал сильнее, порван в нескольких местах, и вот это уже обидно — эти-то дырки сами не заживут, а ходить в штопаном плаще аньйо из чиновного сословия не пристало.

Я умылась снегом и почистила Йарре, стирая кровь с его шкуры и рогов. Он, как обычно, понял, что я хочу, и опустил шею, чтобы мне было удобней. Уже закончив, я притянула его большую тяжелую голову себе на плечо и какое-то время стояла, глядя его по холке и шепча ласковые слова в мохнатое ухо. Он уже второй раз спасал мне жизнь!

Но пора было подумать не о прошлом, а о будущем. Между мной и Ллойетским портом лежала Лланкерская провинция. На западе она упиралась напрямиком в Илсудрум, а на востоке — в Тйеклотский хребет. Перевалы по зимнему времени, естественно, непроходимы, а направляться еще дальше на восток, в обход гор — это крюк в добрые полторы тысячи миль. Значит, придется ехать через Лланкеру, где правит отец заколотого мною красавчика. При чем шансов проскочить провинцию прежде, чем весть достигнет губернатора, практически нет — что-то, а курьерская служба в Ранайе налажена еще при Паарне I.

И, главное, затеряться мне будет не так-то просто. Меня видело множество свидетелей. Они знают мое имя и мои приметы... в том числе главную особую примету. Любому стражнику достаточно заглянуть под мою накидку — и никаких иных доказательств уже не понадобится. Не уверена, что во всей Ранайе нашлась бы другая девушка моего возраста с неампутированными крыльями того же размера.

Совершеннолетие по нашим законам наступает в 15 лет, но оно касается в основном имущественных и гражданских прав. Уголовная же ответственность начинается с 13, что вполне логично, раз с этого возраста детям высших сословий дается право носить оружие. Правда, строго формально худшее, что мне грозило — это месяц гауптвахты. Официально дуэли были запрещены, но наказание за них полагалось именно такое, символическое — да и то применялось лишь когда дело доходило до суда, а это случалось крайне редко. (Аклойат III Добрый хотел было законодательно приравнять дуэль к убийству, но так и не решился — многие в высших сословиях и без того проявляли недовольство его реформами). Естественно, для того, чтобы стычка классифицировалась как дуэль, необходимо соблюсти дуэльный кодекс

— но он был нарушен как раз моим противником, а мною соблюден безукоризненно. Прочие же мои действия можно было отнести к самообороне. Сопrotивление аресту? У солдат не было приказа об аресте, среди них не было ни одного офицера — они действовали по собственной воле, и я не обязана была подчиняться. Поджог? Роковая случайность.

Но даже месяц гауптвахты плюс, как минимум, пара декад судебного разбирательства с привлечением и заслушиванием свидетелей были для меня абсолютно неприемлемой задержкой. А я прекрасно понимала, что, окажись я в руках старого графа тар Мйоктан-Раатнора, вряд ли отделаюсь так легко. Способов достаточно — от заслушивания исключительно нужных свидетелей, которые позволят пришить мне умышленное убийство, до подсылки головорезов, которые разделаются со мной и без помощи законов. Мне было четырнадцать с половиной, но я прочитала достаточно исторической литературы, чтобы знать, как обстряпываются подобные дела.

Да, кстати — вас, может быть, интересует, что я чувствовала после совершенного мной убийства, возможно, и не одного? Сожаление. Сожаление, что не прикончила кого-нибудь еще из этой толпы, с такой готовностью превратившейся в охотников, травящих дичь.

В общем, выходило, что через Лланкеру мне ехать нельзя, но и через Илсудрум — тоже хорошего мало. Во всяком случае, крылья мне пришлось бы прятать и там, и там. Правда, в Илсудруме меня никто не стал бы искать специально, но, с другой стороны, такой путь удлинял дорогу посуху, а морем путешествовать быстрее. Да и ехать на запад до границы пришлось бы опять-таки по ранайской территории вдоль Лланкеры — и как знать, не встретятся ли при этом патрули, посланные разгневанным тар Мйоктаном...

Отчим говорил с усмешкой: "Если не знаешь, как поступить — брось монетку, и поймешь, чего хочешь на самом деле". Именно так я и сделала. Мой кошель, к счастью, остался при мне. Я извлекла серебряный полуйонк, подкинула его ногтем в воздух, поймала, разжала кулак, глядя на ладонь, и со смехом вспомнила, что так и не загадала, какая сторона что означает. Сунув монету обратно в кошель, я оседлала Йарре и поскакала дальше на север, вглубь Лланкерской провинции.

Каарв теперь для меня отпадал — очевидно, что туда бы мои враги добрались в первую очередь. Я ехала весь день, лишь пару раз делая короткие остановки в чистом поле, чтобы дать отдохнуть тйорлу, и наконец уже в темноте добралась до какой-то деревушки. В двух домах хозяева наотрез отказались пускать в дом явившуюся после захода солнца незнакомку (хм, воображаю, что было бы, если бы эти суеверные тупицы увидели меня без плаща), в третьем, после уговоров, все-таки пустили, содрав целый полуйонк за небогатый ужин и ночлег в сенях на лавке, наскоро покрытой тощей грязной периной. Впрочем, последнее меня вполне устроило — спать было, конечно, жестко, зато в полумраке сеней хозяева вряд ли могли меня как следует разглядеть. Уехала я тоже в сумраке, когда пасмурное небо едва начало сереть.

Ближе к вечеру я добралась до города под названием Файетн, где, наконец, купила седло и сбрую, а также новый плащ (продавец в лавке все не мог понять, почему я не желаю его примерить, но ведь для этого мне пришлось бы снять мой старый в его присутствии; потом я наскоро переделалась в какой-то подворотне и продала рваный плащ старьевщику). Там же заглянула я и в лавку оружейнику, где пополнила запас своих метательных ножей (он тоже удивлялся, зачем они девчонке, но, глядя, как я со знанием дела взвешиваю их в руке и прищуриваюсь, перестал приставать с глупыми вопросами). Сразу же после этого я покинула город, не рискнув задерживаться на ночь; добраться до другого жилья мы с Йарре уже не успели, так что пришлось разжечь костер и ночевать в каком-то леске под открытым небом — удовольствие ниже среднего, доложу я вам, и к утру, несмотря на костер и теплый мех плаща, мои зубы стучали не хуже военного барабана.

Инстинкт заставлял меня держаться подальше от крупных городов, останавливаясь в маленьких, лежащих в стороне от большой дороги селениях — и лишь несколько дней спустя я

поняла, насколько это глупо. Если на меня и впрямь уже шла охота, то именно в большом городе мне было бы проще всего затеряться в толпе, а во всяких глухих углах каждый путник на виду и привлекает внимание. Поэтому следующий город я не стала огибать стороной и въехала прямо в ворота — хотя я покривила бы душой, если бы сказала, что въехала бестрепетно. Двое стражников стояли во въездной арке, опершись на алебарды и скользя по проезжающим привычно-равнодушным взглядом, но мне казалось, что они смотрят прямо на меня, и я столь старательно избегала встречаться с ними глазами, что это, пожалуй, и впрямь могло бы вызвать подозрение. Однако никто не проявил интереса к моей персоне, и я беспрепятственно въехала в город.

Проезжая по улице, я увидела вывеску цирюльни и решила остричься накоротко. Вообще-то мне идут длинные, с ними не так заметна моя "сутулость". Но, во-первых, стрижка помогла бы мне изменить внешность, а во-вторых, я помнила, какую дурную службу сослужили мне длинные волосы, когда я пыталась убежать от толпы. Цирюльник, скучавший в отсутствие клиентов (зимой ранайцы стригутся реже, чем летом), радостно приветствовал меня. Подобно многим анью его профессии, он был словоохотлив; выслушав мое пожелание, он принялся цокать языком и сокрушаться, что такая милая барышня хочет отрезать такие красивые волосы, предлагая взамен всякие мудреные прически, пока я не оборвала его. Он обиженно поджал губы и молча принялся за работу, но минуту спустя язык его снова развязался.

Как я поняла, весть о гибели сына губернатора еще не достигла здешних мест, иначе цирюльник поведал бы ее одной из первых. Я слушала вполуха его болтовню о местных новостях, не представлявших для меня никакого интереса, и вдруг, вслед за рассказом о смерти какого-то купца и разыгравшейся между его родичами тяжбы из-за наследства, он небрежно упомянул о машине пришельцев, недавно пролетевшей над городом. Естественно, моя скука моментально испарилась.

— Когда это было? — воскликнула я.

— Осторожнее, барышня, не дергайтесь, а то я отхвачу вам лишний клочок... Было это, кажется, вчера — а может, и позавчера. Если вообще было, вестимо. Сам я не видал, мне об этом рассказывал Дйетне Ктаар, а он известный мастер приврать. Говорит, мол, словно большая птица промчалась высоко над городом на рассвете. Об этих пришельцах болтают уже несколько декад, мол, они поселились где-то далеко, за морями... Только не знаю, верить ли. Анью чего только не придумают, особенно про заморские страны! Вот в запрошлом годе...

— Птица или огненная башня? — не позволила я ему углубиться в воспоминания.

— Птица, вестимо дело, большая железная птица; где это видано, чтоб башня летала? Да еще огненная... Говорю же, чего только не выдумают...

— Куда она полетела? — вновь перебила я.

— В Лланкеру, надо думать.

— Где мне найти этого Ктаара?

— Да где, небось, с утра в трактире зенки заливает... А на что он вам? Нового-то ничего не скажет, разве что успел сочинить еще что...

— А что еще говорят о пришельцах?

— Да много чего... Одни балакают, будто они на гигантских пауков похожи. А другие говорят — нет, такие же, как анью, только разноцветные...

— Как это — разноцветные? — не поняла я. — Пятнистые, словно твурки?

— Да нет, просто кожа у них не светло-серая, как у нас, а у каждого — своего цвета.

— Так, может, то одежда, а не кожа? — я опять-таки не слышала, чтобы крылатые когда-либо отличались цветом кожи.

— Может, и одежда. У нас-то их никто не видел... Ну вот, барышня, готово. Взгляните-ка, — он подал мне зеркало.

Я придирчиво изучила свое отражение. Да, пожалуй, теперь узнать меня было

затруднительно; все-таки прическа очень сильно меняет внешность. Конечно, за парня мне бы все равно сойти не удалось — тонкий женский нос от широкого мужского не отличит разве слепой, да и то пока не пощупает (слуга в "Серебряном тйорле" в первый момент ошибся только потому, что мое лицо было замотано шарфом). Но теперь я была почти благодарна судьбе за свои невзрачные серые глаза и рыжие волосы — такие у каждого второго, не запоминаются, не привлекают внимания...

Я расплатилась с цирюльником и вышла на улицу, к заждавшемуся меня Йарре. Двое зевак, стоя на противоположной стороне улицы, уважительно разглядывали его. Должно быть, они не решались подойти поближе из опасения, что такой великолепный тйорл принадлежит важной особе. Контраст между ожидавшимся и увиденным был столь велик, что один из них, едва я запрыгнула в седло, так и захрюкал от смеха. Я метнула на него сердитый взгляд и поскакала по улице. Скверно, они, пожалуй, меня запомнили, а моего тйорла и подавно... Я впервые подумала о том, что, если я не хочу быть узнанной кем не надо, мне вообще-то следует сменить не только прическу и плащ, но и своего скакуна. Но идея расстаться с Йарре была тут же с ужасом мною отвергнута.

Увидев вывеску трактира, я спешила и не без внутреннего содрогания — воспоминания о том, что случилось в "Серебряном тйорле", были еще слишком живы — вошла внутрь. Когда глаза после яркого уже почти по-весеннему солнца привыкли к полумраку помещения, я громко осведомилась, здесь ли Дйетне Ктаар. Несколько лиц обернулось в мою сторону, слышались насмешливые голоса:

— Здесь, где ж ему еще быть...

— Ишь ты, раньше за ним сюда только жена бегала, а теперь вон...

— Эй, Дйет, проснись, ты пользуешься спросом!

— На что он тебе, красавица, садись лучше выпей с нами!

Машинально подумав, назвал бы он меня красавицей, войди я сюда без плаща, я направилась к столу, на который мне указали. За столом в одиночестве дремал грузный аньйо, уронив голову на руки; перед ним стояла недопитая кружка. Цирюльник оказался прав — в том состоянии, в котором находился Ктаар, толку от него было мало. Потормошив его за плечо и добившись лишь невразумительного мычания, я повернулась, чтобы уйти. Но путь мне преградил трактирщик.

— Он задолжал мне два йонка. Платите, и можете забирать его.

Даже если бы я этого хотела, вряд ли у меня хватило бы сил сдвинуть Ктаара с места; я покачала головой.

— Я просто хотела расспросить его о железной птице звездных пришельцев, которую он видел.

Это вызвало новый град насмешек.

— В бутылочный телескоп еще и не то увидишь!

— Спроси его лучше о зеленых чертях, их он видит чаще!

— Что вы гогочете, как йупы в брачный сезон! — вмешался вдруг ворчливый старческий голос. — Ну, я тоже видел звездную птицу.

Я отыскала взглядом говорившего и направилась к нему. Он был сед, лоб и щеки пересекли резкие морщины. Должно быть, его возраст внушал гулякам почтение, ибо смешки смолкли.

— Третьего дня это было. Меня перед рассветом бессонница одолела, дай, думаю, пройду, все равно не засну уже... Ну, вышел на улицу, и как толкнул меня кто-то на небо посмотреть. А она там и летела... у нас-то солнце еще не взошло, а вверху уже светло было, облака розовели, и птица эта ихняя так и горела на солнце. Видать, и впрямь железная. Я сначала думал, она низко летит, а потом, как она за облако нырнула, понял, что в ней локтей сорок длины... Так и умчалась, вдоль Лланкерского тракта...

Я вдруг заметила краем глаза, что один из посетителей за соседним столом, как будто прислушивавшийся к нашему разговору, неслышно поднялся и направился к выходу. Мне сразу вспомнилось недовольство Тайной Канцелярии слухами о пришельцах; я, правда, надеялась, что этот нелепый запрет уже утратил силу — нельзя же запретить аньйо смотреть на небо, в конце концов! — но предпочла не рисковать. Поблагодарив старика, я поспешно покинула трактир, а сорок минут спустя и город (за это время, впрочем, я успела еще отыскать лавку, торгующую товарами для проезжих, и купить новую карту). Мне повезло — у ворот я нагнала купеческий обоз и выехала из города вместе с ним, словно бы в числе его сопровождающих, и все равно мне показалось, что один из городских стражников окинул меня подозрительным взглядом.

Обоз двигался по Лланкерскому тракту. Хотя я быстро оставила позади тяжело груженные сани торговцев, но продолжала ехать по той же дороге. Поначалу я собиралась на первом же перекрестке выбрать более подходящее для меня направление, но затем призадумалась. Конечно, ехать в столицу провинции для меня — значит совать голову твурку в пасть, не говоря уже о том, что дорога на Ллойет лежит западнее. Но если пришельцы и впрямь решили посетить Лланкеру, то вся моя задуманная полукругосветная экспедиция может оказаться лишеной смысла. Хотя, если их железная птица летела в сторону Лланкеры, это еще не значит, что они собираются там высадиться; но, с другой стороны, где им еще высаживаться? Я лишний раз сверилась с картой: Лланкера — самый крупный город на этом направлении до самого побережья, а дальше вообще нет никаких цивилизованных стран. Правда, если они и прилетели туда — а, наверное, двух дней им хватило, чтобы долететь, хотя на тйорле пришлось бы ехать не меньше декады — то надолго ли задержатся? Лланкера, конечно, огромный город, даже больше Йартнара — почти двадцать тысяч жителей! — но кто их знает, пришельцев, сочтут ли они его достаточно интересным, чтобы провести там целую декаду. Эх, если бы я не провалялась столько времени больная! Может быть, я бы даже сама увидела железную птицу в воздухе... И что тогда? Махать ей с земли руками?

Нет, не руками. Крыльями. Уж это-то должно привлечь их внимание.

Однако, как раз через декаду наступит Новый год. Может быть, пришельцы захотят остаться, чтобы посмотреть городской карнавал? Да и для меня карнавал — хорошая возможность проникнуть в Лланкеру относительно безопасно.

Теперь я понимаю, что это была безумная идея. Но что вы хотите, тогда мне еще даже не было пятнадцати... И я поехала по тракту дальше, напрямиком в столицу провинции, которой правил граф тар Мйоктан-Раатнор.

Стоило мне принять такое решение — и я легко убедила себя, что никто не ожидает, что я поеду в Лланкеру, а значит, мне удалось ловко провести своих врагов. Я даже осмелела настолько, что вновь стала останавливаться на постоянных дворах, правда, теперь уже не задерживалась в общем зале, а сразу уходила к себе в номер, и спала не раздеваясь, сняв только плащ, со шпагою под рукой.

Так прошло четыре дня пути по Лланкерскому тракту. Утром пятого я оставила позади небольшой городок, бывший селом еще столь недавно, что он еще даже не успел обзавестись каменной крепостной стеной. Возле самого города мне попались навстречу четверо кавалеристов, занятые каким-то спором и не обратившие на меня внимания, затем я обогнала крестьянский возок, хозяин которого нещадно хлестал кнутом по ребрам тощую безрогую тйорлицу, с трудом тянущую перегруженные сани — и, наконец, осталась один на один с распахнутой до горизонта заснеженной равниной и ярко-синим весенним небом. Шла последняя декада календарной зимы, но природа норовила опередить календарь; солнце пригревало так, что мне стало жарко даже в расстегнутом плаще, и подтаявший снег хлюпал под копытами. Доктор Ваайне говорит, что весна — самое скверное время года, когда в сыром воздухе так и плодятся болезни, а ослабленный за зиму организм аньйо не в силах им противостоять; пусть так, но все равно весна — это здОрово, хотя, конечно, и не так здОрово, как лето.

Я ехала, щурясь от солнечного света и целиком доверившись Йарре, а потому не сразу заметила, что мое безмятежное одиночество уже нарушено. Совсем рядом быстро зашлепали копыта, и я увидела всадника, что во весь дух несся мне навстречу. На нем был синий мундир с надраенными медными застежками и высокая шапка, по бокам которой трепетали два вымпела гербовых цветов — бело-красно-черный ранайский и желто-зеленый лланкерский. К седлу был приторочен медный рожок, а сапоги у верхнего края украшали стилизованные крылышки из птичьих перьев. Правительственный курьер!

Разумеется, я не знала, что везет он в своей сумке, запертой на два замка; скорее всего, не знал этого и он сам. Но мне явственно представилось, что там лежат приказы всем муниципальным полицейским начальникам Лланкерской провинции найти и арестовать убийцу губернаторского сына, "приметы же оной суть следующие..."

Он промчался мимо, даже не взглянув на меня. Гонцы королевской курьерской службы очень заносчивы; на почтовой станции даже графу, путешествующему по своим делам, придется ждать, если свежий тйорл нужен курьеру. Хотя курьеры вооружены — меч и два пистолета — им почти никогда не приходится пускать оружие в ход; всякое покушение на курьера считается тяжким государственным преступлением, за которое полагается смертная казнь, а с другой стороны, секретные донесения и предписания, которые они доставляют, не представляют интереса для обычных грабителей.

И все же, едва мы разминулись, у меня возникло острое желание развернуться и метнуть ему в спину нож. Мы были одни на много миль, и, пожалуй, я успела бы прихватить его сумку и ускакать, прежде чем появились бы какие-нибудь свидетели...

Меня тут же охватил ужас от этой мысли. Как я могла такое подумать, я же не преступница, я верноподданная ранайской короны!

Спустя несколько часов я подъехала к стенам очередного города — судя по карте, он назывался Нойар. У ворот скопились повозки и всадники; мне эта картина совсем не понравилась. Подъехав, я поинтересовалась у пассажира крайних саней, почему приехавших не пускают в город. "Черт их разберет! — раздраженно ответил тот. — Какой-то очередной взбрык бдительности, усиливают посты и все такое". Это мне понравилось еще меньше. Похоже, худшие подозрения оправдываются, и пора уносить ноги.

Развернувшись, я отъехала назад и пустила Йарре по дороге в объезд города. Страх заставил меня оглянуться через плечо — и сердце окончательно ухнуло куда-то в желудок: сперва один всадник, сиганув через рыхлый сугроб, увязался за мной, а затем его примеру последовали еще двое. Страх, впрочем, тут же сменился злостью. Какое вам до меня дело, черт вас побери?! Оставьте меня в покое! Йарре, повинувшись моей команде, прибавил прыти; но и преследователи не отставали.

Объездная дорога, вившаяся в снегу вдоль городской стены, была узкой и плохо расчищенной; как видно, большинство путников предпочитало ехать напрямик через город либо сворачивало в объезд раньше. Тйорлы шлепали копытами по раскисшему снегу, не развивая полной скорости; преследователи висели у меня на хвосте в какой-нибудь паре десятков локтей, не приближаясь, но и не отдаляясь, а мимо удручающе медленно ползла высокая зубчатая стена и круглые сторожевые башни Нойара, постепенно сворачивая к северу и увлекая за собой дорогу. Я в нетерпении кусала губу, дожидаясь, пока под копыта снова ляжет разъезженный тракт и Йарре покажет этим пижонам и их клячам, на что он способен на самом деле.

Объезжая город, мы достигли западных ворот — и здесь я увидела полусотню кавалеристов, скакавших мне наперерез.

Но прежде, чем паника успела захлестнуть меня с головой, здравый смысл взял свое, и я обругала себя трусливой дурой. Какой бы важной преступницей не считал меня губернатор, гнать ради меня в город армейские части — это уже чересчур. Значит, весь этот переполох не

имеет ко мне никакого отношения. А преследователи? А с чего я взяла, что это преследователи? Они ни разу не крикнули мне, чтоб я остановилась, не пытались воззвать к караульным на башнях... Я еще раз обернулась. Ближайший из них улыбнулся мне, да и двое других отнюдь не выглядели враждебно. И тут я поняла — они просто-напросто решили, что я знаю, где можно въехать в город без лишних проволочек, вот и последовали за мной.

Солдаты меж тем въезжали в ворота, не глядя в нашу сторону. Я пристроилась в хвост колонны, и "преследователи" настигли меня, развеяв последние сомнения. Я въехала в Нойар между двумя из них, не вызвав лишнего интереса у стражников.

Несмотря на прибытие солдат и усиление постов, город жил обычной предвечерней жизнью. По улицам шагали мастеровые, закончившие работу; служанки, спешившие в лавку за продуктами к ужину, перебирались через лужи, брезгливо подбирая подол; отучившиеся школяры лепили снежки из мокрого липкого снега и швырялись друг в друга, иногда попадая в случайного прохожего и с визгом бросаясь наутек; время от времени верхом или на извозчике проезжал возвращавшийся со службы чиновник. Возле длинных бараков — вероятно, это был городской склад — разгружался большой обоз, прибывший под охраной военных; несколько кумушек стояли у ворот дома напротив, наблюдая за разгрузкой и, должно быть, оживленно обсуждая это событие. Несколько раз я ловила на себе любопытные взгляды; такое случалось и раньше — мой возраст и пол в сочетании со шпагой, тйорлом, который сделал бы честь любому мужчине, и отсутствием взрослых спутников невольно обращали на себя внимание. Но сейчас мне было от этого как-то особенно неуютно, и я поспешила свернуть с широкой улицы в узкие кривые переулки. Пропетляв некоторое время, я отыскала третьесортную гостиницу и сняла номер на втором этаже. Окно выходило на глухой, сроду не метенный двор, но, в конце концов, я остановилась там переночевать, а не любоваться видами.

До ночи, однако, было еще далеко, и я отправилась прогуляться по городу, а заодно и выяснить, что это за переполох с военными и обозами (заводить лишние разговоры с хозяином гостиницы мне не хотелось — ни к чему ему запоминать меня, да и вообще, этот угрюмый тип со шрамом через всю щеку не внушал доверия). Йарре я оставила в тйорлене — пешком я привлекала значительно меньше внимания, чем верхом. Подумав, я пристроила шпагу так, чтобы полы плаща практически совершенно скрывали ее.

Довольно скоро ноги вынесли меня на относительно расчищенную улицу, которая, в свою очередь, привела к центральной городской площади. Хозяева уже навешивали замки на двери торговых рядов, но возле ратуши еще толпились кучки народу. Подойдя поближе, я услышала обрывки разговора: "...нагнали вояк, а что толку? Эти, если что, сверху явятся, что им стены... Говорят, им от Лланкеры сюда пять минут лететь... Ну, ври, да знай меру — пять часов, а не пять минут!... Да полноте, к чему эти страхи — они в нашем мире уж не первый месяц, и никому еще..." Мое сердце радостно забилося.

— Вы говорите о пришельцах со звезд, добрые аньйо? — спросила я. Несколько голов обернулось в мою сторону.

— О них, о ком же еще...

— Они прилетят сюда?

— Пойди и спроси у них, — усмехнулся дородный детина, судя по одежде — купеческий приказчик. — Пока что гонец принес весть, что они высадились в Лланкере. Губернатор принимает их, как почетных гостей, однако велел всем войскам изготавиться, на случай чего...

Больше они ничего о пришельцах не знали, и я отошла к другой группе, стоявшей у самой ратуши, в надежде почерпнуть какие-нибудь новые сведения. Там тоже спорили о гостях со звезд, но прежде, чем я успела встрять, мой взгляд упал на бумагу, приклеенную к стене ратуши (судя по всему, совсем недавно).

получит тот,
кто поможет арестовать
ЭЙОЛЬТУ ЛЛАРЕН-ШТРЕЙЕ,
разыскиваемую за убийство
графа тар Мйоктана-Раатнора-младшего
и других достойных анью.
Приметы преступницы суть следующие:
лет 18-20, росту 4 локтя,
волосы рыжие длинные,
лицо книзу заостренное,
нос прямой,
владеет шпагой и ножами,
ездит на черном тйорле.
Особая примета:
КРЫЛАТАЯ

То, что они переврали мою фамилию, меня не особенно удивило, но как целая толпа свидетелей могла приписать мне лишних пять лет возраста и лишние пол-локтя роста?! Но затем я поняла — им попросту была несносна мысль, что их оставила в дураках совсем еще девчонка, почти ребенок. Не думаю, что они ввали дознавателям сознательно — нет, наверняка в их воспоминаниях я и в самом деле сделалась старше и выше. Интересно все-таки устроены анью...

Так или иначе, мне эти их заморочки были на руку. Пусть теперь ищут двадцатилетнюю дылду... А рыжеволосых девушек с прямым носом и острым подбородком — пол-Ранайи. Правда, девушки со шпагами — действительно редкость (я озабоченно взглянула, не торчат ли ножны из-под плаща)... и, главное — моя особая примета всегда при мне.

И тут я прямо-таки кожей ощутила, что на меня кто-то смотрит. Я испуганно вскинула глаза и встретилась взглядом с... примерно с такой двадцатилетней дылдой, какую только что себе представляла. Правда, до четырех локтей она, пожалуй, не дотягивала четверти, волосы у нее были не рыжие, а светлые, почти белые, и нос тоже не прямой, а вздернутый. Ее наряд, бедный и аляповатый одновременно, изобличал принадлежность к городскому дну. На ней не было даже плаща или пальто — только длинное штопаное шерстяное платье темно-красного цвета и какая-то немислимая шаль, несколько раз обернутая вокруг шеи, плеч и груди. Полосатые чулки выглядывали из деревянных башмаков. Она лукаво улыбнулась мне (продемонстрировав нехватку двух зубов) и указала взглядом на объявление, потом снова на меня.

Первым моим движением было дать деру. Для такой особы тысяча йонков — несметное богатство, и она, конечно, не упустит свой шанс. Но я тут же сообразила, что, если она поднимет крик, убежать с площади я не успею. Да и вообще, что это она на меня уставилась? Разве это объявление про меня? Я ответила ей взглядом, полным оскорбленного достоинства. Знай свое место, голытьба! Я дочь королевского чиновника!

Она улыбнулась еще шире и тряхнула головой, разметав по плечам грязные волосы. Затем быстрым движением поманила меня и неторопливо пошла за угол. Прежде, чем свернуть, она вновь взглянула через плечо на меня и стрельнула глазами — мол, идем. Я рассудила, что за углом меня вряд ли ждет засада — с тем же успехом на меня можно было напасть и здесь — и решила все-таки разузнать, что ей нужно.

Засады не было; за углом меня ждала только эта девица.

— Не бойся, — сказала она полупшепотом, приближая свое лицо к моему (изо рта у нее воняло, и нос, как выяснилось, был не вздернутый, а просто перебитый). — Я тебя не выдам.

— Не понимаю, о чем ты, и что тебе вообще от меня надо, — холодно ответила я.

— Брось, подруга. Я знаю, что это ты. Я видела, как ты спала с лица, прочитав эту объяву, — она вдруг дернула полу моего плаща, прежде чем я успела воспротивиться, и с довольным видом указала на шпагу: — Ты этим заколола Мйоктана?

Я ничего не ответила, но ей это, похоже, и не требовалось.

— Вонючий твурк, — сказала она со злостью, — он давно это заслужил.

— Что он тебе сделал? — усмехнулась я.

— Да не только мне... Для него всякий был пустым местом, у кого нет миллионного бабла или родословной на двадцать поколений. Небось, многие дворяне тоже порадовались, что он не будет нашим следующим губернатором.

— Губернаторская должность не наследственная, — напомнила я. — Ее утверждает король.

— Ага, а когда последний раз было, чтоб король не утвердил сынка помершего губернатора?

— Сорок лет назад, — припомнила я, — при Аклойате Добром.

— Вот то-то и оно.

— Все-таки, чем он тебе насолил? — поинтересовалась я, имея в виду тар Мйоктана.

— Аа... — махнула рукой она, но все-таки призналась: — Он меня высек.

— Похоже, это было его любимым развлечением, — пробормотала я про себя.

— Что ты там бурчишь?

— Спрашиваю, за что он тебя?

— Да ни за что. Под руку попалась. Не поспешила освободить дорогу кортежу его сиятельства, — она зло сплюнула в снег. — Ну, он и велел слугам разложить меня прямо на обочине... Ладно, дьявол с ним. Надеюсь, он уже на Лла. Там ему черти устроят горячий прием, ха!

Меня, признаться, удивила ее щепетильность по части порки. Ведь она принадлежала к низшему классу, для которого телесные наказания — обычное дело... Впрочем, я тут же пристыдила себя, напомнив, что и сама происхожу из низшего класса.

— В Нойар-то тебя как занесло? — продолжала моя новая знакомая. — Видишь же, ищут тебя. Скажи спасибо, что сейчас из-за этих со звезд такой шухер поднялся, о них все думают. А то бы уж замели тебя.

— Приметы не совпадают, — возразила я, хотя и понимала, что она права.

— Совпадают-не совпадают, а штука йонков на дороге не валяется. Плащ сдернут, доказывай потом, — тут лицо ее вдруг обрело почти заискивающее выражение, и она попросила: — А можно мне посмотреть?

— Что? — насупилась я.

— Ну, крылья твои... Не здесь, конечно.

— Нечего там смотреть, — отрезала я. Я не стыжусь своих крыльев, но не выношу, когда ко мне относятся, как к балаганному уродцу.

— Ну, не хочешь — как хочешь, — обиделась она. — Я ж не чтоб надсмеяться... Ладно, будет нужна помощь — приходи к нам в Гнилой Угол, это туда, — она махнула рукой. — Спросишь Шайну, меня там все знают. Сразу скажешь, что ко мне, тебя никто не тронет.

Я фыркнула от этого покровительственного "не тронет" и сообщила, что не собираюсь задерживаться в городе.

— Вот и правильно, — одобрила Шайна. — Ну пока, подруга, — она двинулась прочь, но затем обернулась и подмигнула мне: — А здорово ты его! Я бы, наверно, не решилась.

Рассудив, что на площади мне маячить незачем, я обошла ее кругом, отыскала нужную улицу и направилась в гостиницу. Можно было, конечно, уехать прямо сейчас, пока суматоха, вызванная известием о пришельцах, не улеглась; но от одной мысли о ночлеге под открытым

небом, среди грязи и слякоти, меня пробрала дрожь. Я решила, что до утра ничего не случится. Разминувшись на лестнице с каким-то нетрезвым субъектом, который бухал сапожищами вниз по скрипучим ступеням, я поднялась в свою комнату. Ужин в номер здесь не подавали, светиться в общем зале мне не хотелось, так что я перекусила копченой ножкой йупы, купленной утром, и, некоторое время помаявшись от скуки, легла спать — как и в предыдущие дни, в одежде.

Мысли об объявлении, впрочем, не давали мне покоя, и я долго ворочалась, прежде чем уснуть. Я запоздало удивилась грамотности Шайны — хотя горожане, в отличие от крестьян, умеют читать почти поголовно, к горожанкам это не относится: неграмотные попадают даже среди привилегированных сословий (и некоторые даже кичатся этим — зачем, мол, мне разбирать какие-то буквы, если достаточно приказать слугам, и они сделают все, что надо), что уж говорить о представительницах дна. Я вспомнила, как она предложила мне покровительство себе подобных, и презрительно фыркнула. Даже то, что она умеет читать, еще не дает ей право... Нет, она, конечно, от чистого сердца, но все равно, уж как-нибудь обойдусь без помощи воров и нищих.

В конце концов я заснула, но, должно быть, и во сне оставалась настороже, потому что скрипа верхних ступенек лестницы оказалось достаточно, чтобы я открыла глаза. Может быть, конечно, это поднимался припозднившийся постоялец, но я на всякий случай спустила ноги с кровати и натянула сапоги. В следующий миг в дверь загрохотали тяжелые кулаки: "Именем закона откройте!"

Я метнулась к окну, отодвинула шпингалет и рванула ручку. Но набухшая от сырости рама даже не шелохнулась. Я ухватила двумя руками и дернула еще несколько раз. Бесполезно! А в дверь уже колотили руками и ногами, и засов с каждым ударом вздрагивал все сильнее. Тогда я схватила стул (к счастью, достаточно тяжелый) и в три удара вышибла им стекла вместе с внутренними деревянными перемычками.

Я вскочила на подоконник, бросила вниз сумку и шпагу, а потом прыгнула сама. Неудачный детский опыт прыжка с крыши так и не внушил мне страха перед высотой; правда, прыгать в плаще, не имея возможности взмахнуть крыльями, было все-таки неудобно. Я успела услышать, как за моей спиной с хрустом вылетел засов и распахнулась дверь, глухо бухнув об стену.

В следующий миг я, пробив ледяной наст, приземлилась в большой сугроб под окном. Отфыркиваясь и отплевываясь, я выбралась из липкого рыхлого снега, подхватила котомку, оглянулась в поисках шпаги (она воткнулась в сугроб стоямя) и бросилась бежать (насколько это слово применимо к перемещению по колено в снегу). Из разбитого окна доносились крики стражников, которые, конечно, уже заметили меня.

И тут я поняла, что бежать мне некуда. Единственный выход с глухого заднего двора вел на улицу перед гостиницей; я метнулась было туда, но увидела спешивших мне навстречу стражников. С противоположной же стороны двора дома смыкались углами, не оставляя прохода.

Тем не менее, я побежала туда; когда вас зажимают в угол, это, на самом деле, неплохая оборонительная позиция. Не знаю, всерьез ли я надеялась справиться с несколькими противниками, но сдаваться без боя точно не собиралась. Хотя вообще-то это было глупо — раз уж я считала себя невиновной, мне не следовало сопротивляться при аресте; правда, сомневаюсь, что мне бы это сильно помогло...

Когда я подбежала ближе, то увидела то, что не разглядела в ночной темноте прежде — щель между домами все-таки была! Правда, совсем узкая... Я пропихнула в нее сумку и попыталась протиснуться сама. Тут же я поняла, что в меховом плаще это сделать не удастся; выдравшись из щели, я сорвала плащ (благо он был застегнут на один крючок), просунула его между домами и снова полезла следом — левым боком вперед, со шпагой в правой руке. Мне

пришлось полностью расправить крылья. Первый из стражников, которых я видела в проходе, был уже во дворе, за ним вбежал еще один; третий, высовываясь из окна, кричал им, указывая на меня. Пыхтя и извиваясь, я протискивалась все дальше, обдирая голые крылья о холодные шершавые камни. Сначала левое крыло, а затем и левое плечо оказались на свободе, но стражники бежали быстрее. Первый из них крепко схватил меня за правое крыло.

Если бы он вцепился в кончик, мне бы не хватило совместной длины руки и шпаги, чтобы достать его; но он ухватился за середину, полагая, верно, что так надежнее, и я тут же с силой кольнула его в руку. Он вскрикнул и выпустил меня; я два раза хлестнула его крылом по лицу (это, между прочим, посильнее обычной пощечины) и последним отчаянным усилием продралась сквозь щель, упав на снег с другой стороны. Стражник, опомнившись, рванулся следом, но в своих доспехах не мог протиснуться в узкий лаз. Иногда в бою лучше быть маленькой девочкой, чем громилой в панцире...

Я оказалась в кривом переулке и бросилась бежать, слыша позади бессильную ругань своих противников. При первой возможности я свернула, потом еще и еще... Очень скоро я уже не имела понятия, куда бегу, следя лишь за тем, чтобы не выскакивать на широкие прямые улицы. Но таковых в этом районе, похоже, вовсе не было.

Час Лла, вероятно, миновал, но Лийа, наверное, еще не зашла; однако небо заволкли низкие рыхлые тучи, и ее не было видно. Ни в одном из окон тоже не было света. В темноте тускло белел снег. Ночью слегка подморозило, и под моими ногами хрупали ледяные корочки. Мне это не нравилось — я предпочла бы бежать более бесшумно.

Я нырнула в какую-то подворотню, и тут, перегораживая выход из нее, на моем пути возникли двое. Словно соткались из окружающего мрака.

— Куда спешишь, крошка? — осведомился один пропитым голосом.

— Не ваше дело, — ответила я, выхватывая шпагу. Моментально у них в руках появились кинжалы. Я подумала, что с их стороны это глупо — с таким коротким оружием у них нет шансов. Действительно, они не попытались атаковать, а лишь отступали, отмахиваясь ножами. Но мое предвкушение легкой победы длилось недолго — сильный удар обрушился сзади на мою голову, и я повалилась в снег.

Мое беспмятство длилось, должно быть, всего несколько секунд, но за это время мое положение изменилось радикальным образом. Очнувшись, я обнаружила себя растянутой на земле; один из бандитов крепко держал меня за руки, а второй, усевшись мне на ноги, шарил у меня под плащом. Я испугалась, что они тоже разгадали мою тайну и теперь ищут подтверждения; но в следующий миг поняла, что их интересует исключительно мой кошелек. Однако расставаться с кошельком тоже никак не входило в мои намерения, и я рванулась, выворачивая руки из захвата. Мне удалось выдернуть правое запястье, но тут же к моему горлу прижали нож и порекомендовали не рыпаться.

— Отпустите меня, — зло прошипела я, — я иду к Шайне!

Хватка чуть ослабла.

— К Шайне? — с сомнением переспросил один из грабителей. — Это где ж богатенькая крошка вроде тебя с ней познакомилась?

— Шайна у нее, небось, кошель увела, — хохотнул другой.

— Вот у нее и спросите, — ответила я. — Слезь с меня, верзила, я тебе не скамейка!

— Что ж ты сразу не сказала про Шайну, а полезла шпагой махать? — подключился к допросу третий.

— А откуда мне знать, что вы ее друзья? — на самом деле просто сама мысль вступить в переговоры с бандитами показалась мне унижительной.

— Да тут, в Гнилом Углу, ее все знают, — подтвердил слова Шайны первый. — Вот если б тебя вонючки прихватили...

— Это из Смердячего переуллка которые, — пояснил второй грабитель.

— ...тогда да. Они нам не друзья, чтоб у них твурки печень выели. Но это ж на другом конце города.

— Мне почему знать? Я в этот ваш город вчера приехала. И уже нахлебалась вашим гостеприимством по самое не хочу.

— Ладно, пусти девчонку, — смилостивился третий. — Идем, мы тебя проводим.

Оружие мне вернули, но почетный эскорт из трех налетчиков все равно сильно напоминал конвой. Слова о Гнилом Угле заставили меня более внимательно присмотреться к погруженным во мрак домам, и я поняла, что нахожусь в квартале трущоб. Облупившиеся фасады, окна без стекол, забитые фанерой и тряпьем, кучи размокшего мусора прямо на снегу и, наверняка, в еще больших количествах под снегом... Наконец по выщербленным и обледенелым ступенькам мы спустились в какой-то полуподвал.

В нос мне ударил тяжелый дух сырости, невымытых тел, мокрых тряпок, дешевого вина, прогорклого масла и какой-то овощной похлебки. В воздухе висел сизый туман — должно быть, от сочетания влажности с частичками дыма не очень хорошо сложенного очага. Сквозь этот туман тускло мерцали огоньки нескольких масляных плашек, но основным источником света был огонь в очаге.

В помещении находилось не меньше дюжины аньо, в основном мужчины, но были и женщины. Сидя за грубо сколоченными столами, обитатели трущоб играли в фишки, пили или хлебали свое варево из глиняных мисок; какая-то женщина чинила одежду при свете масляной плашки, двое мужчин спали на лавках. Я бегло оглядела присутствовавших — Шайны среди них не было.

Сидевшие за ближайшим столом заметили моих провожатых и вскинули кружки в знак приветствия.

— А это еще кто? — спросил один из них, лохматый детина с подбитым глазом.

— Говорит, ищет Шайну, — ответил один из налетчиков.

— Точно, Шайна говорила, что познакомилась... — откликнулась старуха за соседним столом и вдруг оборвала себя: — Йалка, пойдй позови ее.

Женщина, штопавшая одежду, отложила свою работу и, нехотя поднявшись, побрела к двери в углу комнаты. Она вышла, оставив дверь приоткрытой; я слышала стук ее башмаков — похоже, она поднималась по лестнице. Тем временем взгляды уже всех присутствовавших обратились на меня, и я бы не сказала, что в них читалось особое дружелюбие. Я к ним, впрочем, тоже не чувствовала большой симпатии. Воры, попрошайки, грабители... Впервые я видела обитателей городского дна столь близко и в таком количестве, и презрение к их образу жизни смешивалось у меня с чисто физическим отвращением к этой грязной дыре. И ведь подумать только — эти обитатели смрадных подвальных нор тоже считаются горожанами и кичливо задирают нос перед "неотесанной деревенщиной" — крестьянами, живущими на свежем воздухе и добывающими пропитание честным трудом! Подумав о своих родителях из крестьянского сословия, я вспомнила и об отчине — хорошо, однако, что эта публика не знала, кто он. Наверняка много им подобных прошло через его руки...

Йалка долго не возвращалась, и мне становилось все более неуютно под их взглядами. Один из приведших меня рассказал историю нашего знакомства; некоторые встретили ее одобрительными смешками, другие по-прежнему смотрели угрюмо. Кто-то спросил, как меня зовут.

— Эрнийя, — ответила я, вовремя сообразив, что мое подлинное имя им знать необязательно. Шайна его, конечно, знает, но одно дело она, а другое — вся эта компания скопом.

Наконец хлопнула дверь, и вернулась Йалка, а с нею и моя недавняя знакомая, зевающая во весь рот. На Шайне был все тот же наряд — возможно, то была ее единственная одежда, по крайней мере, в это время года.

— Привет, — сказала она, не удивившись — должно быть, поняла, что это я, еще по рассказу Йалки. — Тебя прихватили эти ребята, или проблема посерьезнее?

— Она чуть не проткнула меня шпагой, — сообщил один из грабителей.

— Ты мог оказаться в высокородной компании, — ухмыльнулась Шайна, но, перехватив мой взгляд, смекнула, что не стоит публично развивать тему. — Идем, подруга, расскажешь, что случилось.

Я последовала за ней по каким-то темным коридорам и шатким лестницам, оказавшись в итоге в небольшой каморке, вся меблировка которой состояла из кровати (поверх тощего матраса валялось скомканное лоскутное одеяло; простыней не было), трехногой табуретки, ящика, заменявшего стол, и какого-то хлама в углу; на стене, впрочем, висела пятиструнная гайала. Все это озарял тусклый свет коптилки. Вопреки моему ожиданию, в каморке было довольно тепло.

— Можешь снять плащ, — сказала Шайна и указала на торчавший из стены ржавый гвоздь. После короткого колебания я так и сделала; вешая плащ, я чувствовала любопытный взгляд Шайны всей поверхностью крыльев. Я поспешила повернуться и оседлать табурет. Хозяйка каморки уже сидела на кровати.

Мой рассказ не занял много времени.

— Кто-то, выходит, все же усек, кто ты, и настучал, — резюмировала Шайна. — Верней всего, хозяин той дыры, где ты остановилась — я знаю этого стремного йитла, скользкий тип... И ты правильно сделала, что не назвалась нашим. Конечно, стучать на своих — это запахло, за такое мигом на перо поставят... но ты все-таки не из нашего города, да и по сословию не наша, а штука есть штука. К тому же выдавшему опасного преступника дают амнистию за собственные дела... Ну да ладно. Что делать думаешь?

— Выбираться из города, конечно...

— Это верно, но, если сейчас подымется большой шухер, придется какое-то время переждать.

— Ну правильно, сначала нужно вытащить Йарре!

— Это еще кто?

— Мой тйорл.

— Брось, подруга, что в полицию попало, то пропало. Нового купишь, у тебя ж, я вижу, кошель не пустой.

— Йарре — это не просто тйорл! Это мой друг!

— Ха, ну вообще-то ты права, конечно — в этом гадском мире только тйорлу и можно доверять... Ладно, есть у меня знакомый тйорлокрад, попробую его подбить на это дело, хотя не обещаю. И, конечно, тебе придется заплатить ему за работу. Но вывести вас обоих из города... хм. Сложно, подруга. Куда сложнее, чем тебя одну.

— Шайна, ну придумай что-нибудь... — я вдруг поймала себя на том, что готова ее умолять. И куда только делось мое "достоинство сословия"?

— А потом куда думаешь податься? — спросила она.

— В Лланкеру.

— Чего?! Подруга, ты с крыши упала?

— Было дело, — усмехнулась я.

— Оно и видно! Лезть в самое змеиное гнездо, когда на тебя идет облава!

— Но мне очень нужно туда попасть! Я хочу встретиться с пришельцами.

— Час от часу не легче! Вся провинция в страхе трясется, а ты сама на рожон прешь! Эти-то тебе зачем сдались?

— Чтобы... Слушай, Шайна, неужели тебе самой не интересно? — перебила я готовую сорваться откровенность. — Ведь пришельцы со звезд!

— Интересно... — пробурчала она. — Северным туземцам, может, тоже было интересно,

когда первые корабли приплыли. А их в цепи и на плантации...

— Пока что пришельцы никому зла не сделали.

— Во-первых, может, мы просто еще не знаем, а во-вторых, те моряки тоже сначала вождей задабривали да стекляшки на серебро меняли.

— Нельзя же везде видеть одно плохое!

— Ох, подруга, пожила бы ты с мое...

— Ты всего лет на пять меня старше, — уязвленно ответила я.

— Да, но ты, небось, не в трущобах родилась...

Слово за слово, она рассказала мне о своей жизни, а я ей — о своей (утаив, впрочем, профессию отчима, а также самые неприятные воспоминания и самые заветные мечты). Не знаю, сколь много утаила Шайна — но уж наверное рассказала не все, ибо иногда она замолкала, помрачнев лицом, и досадливо махала рукой. Однако и рассказанного хватило, чтобы мои школьные проблемы показались мне мелкой неприятностью. Я росла в прекрасном доме, среди мудрых книг, окруженная заботой и вниманием; Шайне с первых же лет жизни приходилось терпеть голод, брань и побои вечно пьяной матери (отца не было), а также издевательства старших детей, которые, получив свою порцию зуботычин от взрослых, были рады сорвать злость на ком-то еще более беззащитном, чем они сами... Чтобы добыть хоть какую-то еду, ей приходилось рыться в отбросах и попрошайничать; зимой мать нередко выгоняла ее на улицу босиком, и не потому даже, что нельзя было раздобыть хоть самые плохонькие башмачки, а просто рассчитывая, что так ей подадут больше.

С девяти лет она начала воровать, чтобы подняться на более высокую ступень трущобной иерархии; несколько раз ее ловили, били до полусмерти, но, так как она была еще слишком мала для тюрьмы, отпускали. Период с 12 до 13 лет она назвала самым счастливым временем своего детства: она как раз отлеживалась после очередных побоев, когда в их доме поселился спившийся мелкий чиновник в отставке — ему платили пенсию, и по трущобным меркам он был аристократом. Шайна с подачи матери ("что ты тут без толку валяешься, я, что ли, тебя кормить должна") напросилась к нему в служанки; были и другие желающие, но он предпочел взять девочку, рассудив, что ей можно платить меньше всех. Шайна согласилась работать — стряпать, стирать и чинить одежду — только за еду, но у нее был далеко идущий план: заслужив своей прилежностью расположение старика, она упростила научить ее читать. Чиновник, в сущности, был добрый малый и не бил ее, даже когда напивался — вместо этого ей приходилось выслушивать слезливые рассказы о врагах-завистниках, погубивших его карьеру. В те же времена, когда старик бывал трезв, он исполнял свое обещание и обучил юную служанку грамоте и другим школьным премудростям. Он позволял ей читать свои книги; их скудный набор был, конечно, несравним с библиотекой моего отчима, но для Шайны и это было несметным богатством.

Так прошел год сравнительно сытой и спокойной жизни; зимой этого года мать Шайны по пьянке замерзла насмерть на улице, и для девочки это отнюдь не стало потерей. Но все хорошее кончается: периоды трезвости у чиновника становились все короче, и следующим летом он, допившись до белой горячки, умер. Шайне вновь пришлось искать пропитания на улице. Она снова пыталась устроиться в услужение, но в трущобах мало кто мог позволить себе такую роскошь, как прислуга, а среди добропорядочных ан्यों никто не взял бы в дом девочку из трущоб, будь она хоть трижды грамотной ("грамотная — это даже хуже: не просто сопрет первое попавшееся, а украдет самое ценное"). В ближайший же брачный сезон один из взрослых соседей предложил ей сделать с ним ребенка, мотивируя это тем, что с младенцем ей будут лучше подавать. Как ни противно было Шайне снова нищенствовать, воровать ей хотелось еще меньше — ведь с тринадцати лет уже наступает уголовная ответственность. Так что она согласилась ("а впрочем, подруга, — добавила Шайна, глядя куда-то в угол, — если бы я не согласилась, он бы просто сделал это силой, я по глазам видела." Я вспомнила безумные глаза

Ллуйора и передернулась от отвращения.) Мальчик родился ослабленным — сказались и слишком юный возраст матери, и ее скверное питание — и не пережил зиму. Шайна снова пошла воровать и в конце концов попалась. Ее били кнутом и посадили на четыре года — однако через пару лет выпустили по амнистии в честь рождения наследника престола. В тюрьме сокамерницы обучили ее фокусам с фишками (правда, сперва пришлось пережить серию глумлений и издевательств, предназначавшихся всякой новенькой). Вернувшись домой, она попробовала применить полученные навыки в игре, но была разоблачена и поколочена; впоследствии она уже не пыталась мухлевать, а показывала фокусы именно как фокусы, и этим ей порой удавалось заработать угощение или монетку-другую, но заработок был скудный и нерегулярный — многие в трущобах прошли тюремную школу и не хуже Шайны знали все эти штучки.

Позже в Нойар приехала бродячая труппа с цирковыми и театральными представлениями, и Шайне удалось проникнуть за кулисы — в надежде продемонстрировать свои фокусы и упросить принять ее в труппу. Ей сказали, однако, что ее фокусы рассчитаны на пару-тройку зрителей, а не на большую аудиторию, и потому не годятся, но, если она согласна работать за еду, ее могут взять в качестве обслуги. Шайна была рада вырваться из нойарских трущоб и на таких условиях. Она наблюдала представления из-за кулис, а потом, занимаясь своей работой — стиркой, починкой реквизита и т.п. — пела услышанные куплеты и песни. Тут-то и выяснилось, что у Шайны прекрасный музыкальный слух и красивый голос, на который прежде никто не обращал внимания. Не всем в труппе это понравилось — кое-кто испугался конкуренции — но одна из артисток прониклась участием к Шайне, помогла ей поставить голос и научила основным приемам игры на гайале.

Однако счастье и в этот раз длилось недолго. После турне по окрестностям труппа прибыла в Лланкеру, где и должен был состояться дебют Шайны. Но выступать на первом представлении ей не доверили — мало ли что может сорваться у новенькой, а впечатление от труппы будет испорчено — а следующие не состоялись. Артисты не договорились с местными бандитами, заломившими слишком большую мзду за "безопасность" (все-таки не глухомань какая-нибудь, столица провинции!), и ночью балаган подожгли. Один актер погиб, еще несколько получили ожоги, но главное — сгорел реквизит и все имущество труппы, после чего о продолжении турне не могло быть и речи.

Пришлось Шайне пешком брести в родной Нойар, где у нее были хоть какие-то знакомые; из огня ей удалось спасти лишь единственное платье из реквизита и гайалу. Но несла она с собой и кое-что более ценное: ее новое умение принесло ей больше пользы, чем все предыдущие. Слух о том, как здорово она играет и поет, быстро распространился по трущобам, и многие их обитатели приходили послушать или зазывали ее к себе. Сперва Шайна пела им то, что запомнила во время путешествия с артистами, а потом, чувствуя необходимость разнообразить репертуар, начала сочинять сама. Поначалу она стеснялась признаваться в этом и вместо "придумала" говорила "вспомнила", но потом поняла, что это просто глупо. Действительно, когда она обнаружила свои сочинительские способности, ее популярность еще более возросла; теперь к ней обращались с заказами, и сам Йутарь Крюк, один из самых влиятельных трущобных атаманов (а их здесь несколько: воры и нищие делятся по цехам, словно ремесленники), взял ее под свое покровительство. Теперь она всегда была сыта и даже могла позволить себе шикануть. Воровать ей больше не приходилось, но, поскольку песни она писала преимущественно из воровской жизни и от первого лица, многие по-прежнему считали ее воровкой. Ее это, впрочем, не смущало: в трущобах вор — это почетное звание (не считая, конечно, тех, кто крадет у своих, но таких здесь и не зовут ворами, для них есть более грубое слово).

— Так что в общем, подруга, все устроилось, — закончила она, — хотя я понимаю, что это тоже может в любую минуту кончиться. Вот застужу, к примеру, горло... Сплошь и рядом

такое бывает, даже с настоящими артистами.

Беспечный тон, которым она это говорила, мало вязался с содержанием ее слов, и я высказала свое удивление.

— Знаешь, какое самое главное правило жизни? — усмехнулась Шайна. — Справедливости нет и быть не может. И чем скорее ты это усвоишь, тем проще и спокойнее будет твоя жизнь. Каждый раз, когда с тобой случается беда, когда хочется плакать от обиды или рычать от злости — просто говори себе: "Справедливости нет и быть не может". А если случится что-то хорошее — помни, что это просто случайность, которой надо радоваться, пока она есть, а вовсе не награда за твои добродетели.

— А когда тебя выпорол тар Мйоктан, ты тоже успокаивала себя фразой по справедливость? — поддела ее я.

На мгновение губы ее сжались, но потом раздвинулись в улыбке:

— Тоже. А иначе я бы, наверно, его убила.

— Ну вот видишь, а я его убила. Разве это не справедливо?

— А то, что теперь у тебя на хвосте висит пол-Лланкеры сыщиков, хотя ты даже не нарушила этот дурацкий дуэльный кодекс — это справедливо?

— Игра еще не окончена, — пожала плечами я.

— Верно, — зевнула она. — Игра кончается вместе с жизнью, и всегда одинаково. Это справедливо? — она слегка отогнула уголок фанеры на окне. — Светает уже. Давай поспим хоть немного.

Она сбросила башмаки, стянула платье через голову и юркнула под одеяло:

— Иди сюда, места хватит.

— Да ничего, мне и на полу нормально, плащ мягкий, — ответила я (Шайне все-таки следовало бы почаще мыться). Расстелив плащ мехом кверху, я пристроила сумку в качестве подушки и заснула, едва закрыв глаза.

Когда я проснулась, в комнате было темно, но острые лучики солнечного света пробивались вдоль края забитой в окно фанеры — словно несколько шпаг и один довольно широкий меч. Шайны не было. Я подняла и отряхнула плащ (целые вихри пыли тут же взвились в солнечных лучах), повесила его на гвоздь, затем, послонявшись по комнате (учитывая ее размеры, это никак не могло занять меня надолго), села на кровать и сняла со стены гайалу. Увы, ничего, кроме немелодичного брэнчания, мне из нее извлечь не удалось. Мне негде было этому учиться — отчим, при всей его начитанности, к музыке был совершенно равнодушен, да и мама, хотя и знала много деревенских песен (которые она, впрочем, стеснялась петь при отчине), никогда не держала в руках инструмента.

В общем, я изнывала от скуки и, хотя и понимала, что прогулка по трущобам в одиночестве может оказаться опасной, в конце концов все же направилась к двери. Но в ту же минуту дверь распахнулась, и я практически нос к носу столкнулась с Шайной. С нею был какой-то длинноволосый парень, рослый, но тощий. Он стрельнул по мне любопытным взглядом, и я отступила в полумрак, невольно поджимая крылья за спиной.

— Привет, подруга, — сказала Шайна, зажигая коптилку. — Проснулась? Вот, это Пайве, я тебе о нем говорила. Расскажи ему про своего тйорла.

Не называя своего подлинного имени и причин моей конфронтации с полицией, я кратко рассказала, где и как рассталась с Йарре, и перечислила его приметы. Пайве поскреб пятерней свою спутанную гриву.

— Полтораца йонков.

— Сколько?! — возмущенно воскликнула я. Не то чтобы мне было жалко денег ради Йарре, но, в конце концов, я была не такой уж "богатенькой крошкой", как могло показаться местной публике. Правда, если в Лланкере мне удастся встретиться с пришельцами, то (надеялась я) ранайские деньги мне больше не понадобятся... Ну а если нет? Если мне предстоит

еще долгий путь?

— Если верно то, что ты о нем рассказала, он стоит больше, — осклабился тйорлокрад.

— Конечно. Но ведь я — не просто покупатель. Я его законная хозяйка, — настаивала я.

— Вот пойд и объясни это там, где ты его оставила.

— Пайве! — воскликнула Шайна. — Я же просила тебя! Не смотри, что она не из наших, Эрнийя сделала то, на что мало у кого здесь хватило бы духу, ей нужно помочь!

— Знаю я, что она сделала... Что у меня, глаз нет? Не прячь крылья, крошка, старина Пайве стукачом никогда не был. Но и за фу-фу тоже не работал. Дело-то гнилое. Если твоего Йарре прихватил хозяин гостиницы, ну тогда еще ничего. А если он достался тйарвам (я поняла, что по имени этих сторожевых птиц здесь называют стражников) — тогда даже я ничего не обещаю. Из их тйорлена скакуна увести... — он скептически покачал головой и поцокал языком.

Я уже готова была согласиться на любые условия, но Шайна, лучше меня разбиравшаяся в местных нравах, продолжала торговаться, и в итоге сошлись на сотне. Получив десять йонков задатка, Пайве удалился, и Шайна сообщила мне другие новости:

— Мне пришлось сказать нашим главным, кого я укрываю. Сама понимаешь, если сюда заявятся с облавой, мы должны быть готовы... В общем, они уважают тебя за то, что ты сделала, и согласны помочь. Мы спрячем тебя надежно, так, что никакие сыщики не найдут. Нойару много столетий, здесь от старых домов такие подземелья остались... Но стражники рыть серьезно будут, раз уж теперь знают, что ты в городе. Так что где-то месяц тебе придется посидеть под землей, а там все утихнет, и мы тебя спокойно выведем из Нойара.

— Месяц?! — взвилась я. — Пришельцы не будут столько ждать! Они улетят из Лланкеры, а может, и вообще из нашего мира!

— Тебе сейчас не о пришельцах, а о своей шкуре думать надо. Подруга, за убийство причитается виселица, ты в курсе? Хочешь попасть на небо быстрее пришельцев?

Я машинально отметила, как причудливо сочетаются новые знания с древними суевериями, а потом меня вдруг как окатило холодом: виселица! Нет, я знала, что моя жизнь в опасности, знала уже в тот момент, когда выбрала путь через Лланкерскую провинцию, но только сейчас по-настоящему *почувствовала* масштаб угрозы. Даже не смерть от кинжала подосланного убийцы, а позорная и мучительная смерть в петле, посреди площади, под насмешливые выкрики толпы, которая, конечно, не упустит такого зрелища — казни крылатой... Но ведь я невинна! И могу требовать, чтобы меня судили в Йартнарской провинции, а не в Лланкерской — и там меня наверняка оправдают! Вот только науськанные старым Мйоктаном судейские не станут слушать моих законных требований...

— Ладно, — пробормотала я, — в любом случае, надо сначала дождаться вестей от Пайве.

В этот момент откуда-то — как мне показалось, с крыши нашего дома — донесся залихватский свист. Для Шайны он был красноречивей любых речей.

— Стражники, — сообщила она, — и много. Уже на нашей улице. Быстро же они сунули нос в Гнилой Угол. Хотя, если ты убежала в этом направлении, почему не поискать здесь? Идем скорее.

Повторять ей не пришлось. Несколько секунд спустя, набросив на ходу плащ, я уже бежала вслед за Шайной по уводившей вниз крутой лестнице. Как раз когда мы спустились до первого этажа, в наружную дверь загрохотали кулаки, и я судорожно стиснула шпагу, но Шайна, увлекая меня за руку, свернула в узкий коридор, уходивший вглубь дома. Откуда-то доносился запах варящейся еды, но даже на голодный желудок я не могла назвать его аппетитным. Коридор под прямым углом изогнулся вправо (я еще расслышала за спиной шаркающие шаги и ворчание какого-то старика, пошедшего открывать стражникам), а затем мы нырнули в низкую дверь — все это происходило в полумраке, и без Шайны я бы, наверное, набила себе шишку, даже если бы знала, куда бежать. Стражникам, входящим с залитой

солнцем улицы, темнота должна была казаться совершенно непроглядной. Впрочем, у них наверняка были факелы.

Мы оказались в каморке, принадлежавшей, судя по всему, ветхой старухе; хозяйка комнаты лежала на когда-то роскошной, но ныне рассохшейся и лишившейся спинки кровати, вперив взор в икону на потолке и готовясь, похоже, навеки покинуть сию скорбную юдоль. В комнате стоял явственный запах застарелой мочи. Однако одного лишь знака, поданного Шайной, оказалось достаточно, чтобы свершилось чудо выздоровления: старушка весьма резво вскочила на ноги и помогла нам отодвинуть кровать, под которой скрывался люк. Шайна потянула за кольцо; из открывшейся квадратной дыры повеяло сыростью и холодом. Старушка протянула Шайне лучину, зажженную от светильника, и мы стали спускаться во мрак подвала. "Помоги закрыть люк", — велела мне Шайна, не оборачиваясь. Я, стоя на лестнице, подняла руки и приняла на них тяжелую крышку, плавно опустив ее. Сверху послышался глухой скребущий звук — старуха в одиночку двигала свое ложе на место. Впрочем, подумала я, она, должно быть, такая же старая, как и больная.

Лучина почти не давала света, к тому же я чуть не грохнулась, зацепившись шпагой за ступеньки. Шайна только цыкнула на меня, уверенно ступая по невидимой во тьме узкой лестнице, прилепившейся к стене. Наконец, спустившись на добрый десяток локтей, мы достигли пола. "Здесь скользко", — предупредила моя спутница. Действительно, пол был покрыт наледью, и вообще, холод стоял не лучше, чем на улице.

— Это и есть древние подземелья? — спросила я, почему-то переходя на шепот.

— Нет, это обычный подвал. Спуск в подземелья дальше. Где-то здесь должны быть факелы...

Мы практически ощупью добрались до другой стены и двинулись вдоль нее, пока Шайна не наткнулась на большой сундук. Колеблющийся свет лучины выхватил из мрака пыльный ржавый замок, не открывавшийся уже, должно быть, много десятилетий. Но Шайна не стала воевать с замком, а ковырнула какой-то гвоздик на задней стенке, и та откинулась. В сундуке, сбереженные от сырости, лежали факелы и свернутая веревочная лестница. Шайна зажгла два факела и протянула мне один из них. Стало светлее.

— Туда, — она указала на проход в другую часть подвала. Пройдя под массивными полукруглыми сводами, с которых неритмично капала вода, мы оказались в закутке, заваленном всяким хламом — старой разломанной мебелью, пустыми винными бочками, полусгнившим тряпьем... Шайна прошла в угол, сдвинула в сторону здоровенную, почти в мой рост, бочку. Под бочкой оказались какие-то доски, на первый взгляд ничем не отличавшиеся от барахла вокруг. Но Шайна подняла их, и под ними оказалась пустота.

У края провала были вбиты два железных костыля, и к ним моя провожатая привязала веревочную лестницу.

— Дальше ты одна, — сообщила она мне. — Лезь, не бойся, а потом я сброшу тебе факел. И не уходи там далеко, можно заблудиться.

— Если эти подземелья такие большие, может, по ним можно выбраться из города? — заинтересовалась я.

— Нет, — покачала головой Шайна. — В древности город был не таким большим, как сейчас. Подземелья нигде не выходят за нынешнюю стену.

Спускаться по раскачивающейся веревочной лестнице куда-то в непроглядный ледяной мрак — занятие не из приятных, доложу я вам. Вдобавок в голову упорно лезли дурацкие мысли, что лестница может оборваться или костыль — выскочить. И вот, в очередной раз опуская ногу в поисках следующей перекладины, я нащупала лишь пустоту. Перехватив руки, я осторожно опустила еще ниже, и тут моя нога коснулась твердой поверхности. Это был пол подземелья.

— Я внизу! — крикнула я, задирая голову.

— Поберегись, кидаю факел! — ответила Шайна.

Горящий факел, пару раз кувырнувшись в воздухе и оставляя за собой след из редких искр, ударился об пол недалеко от меня. Я подхватила его, пока он не успел погаснуть.

Я находилась в большом куполообразном помещении; дыра, через которую я сюда проникла, была проделана в верхней точке купола, где-то в дюжине локтей у меня над головой. Кое-где на внутренней поверхности купола еще сохранились остатки штукатурки, но в основном она давно осыпалась; ее куски вместе с вывалившимися из кладки кирпичами там и сям валялись на грязном полу. Не ровен час, такой кирпич может свалиться и мне на голову...

Из купола в разные стороны уводили проходы, обрамленные полукруглыми арками. Двинувшись с факелом вдоль стены, в одном из таких проходов — скорее даже в глубокой нише — я увидела старую массивную кровать, укрытую толстым слоем слежавшейся соломы. Подземелье, естественно, не впервые служило убежищем при облавах... Два соседних прохода были завалены (и, похоже, давно), а следующий коридор вел, видимо, в другое помещение — света факела не хватало, чтобы сказать наверняка.

В этот момент меня сверху окликнула Шайна, сообщившая, что вернется, когда стражники уйдут (впрочем, она тут же добавила, что в эти дни они будут наведываться еще не раз, стараясь застать трущобы врасплох). Я попросила ее принести поесть и, вспомнив тошнотворные запахи, витавшие в коридорах, добавила, что хорошо заплачу за приличную пищу. "Ладно, подруга, не скучай!" — крикнула Шайна, и веревочная лестница вдруг поползла вверх. Перспектива остаться здесь заживо похороненной заставила меня вцепиться в нижнюю ступеньку и уговорить Шайну оставить лестницу, хотя местные правила предписывали иное: даже если стражники и найдут дыру вниз, без лестницы им не спуститься. Затем сверху прошкрывали задвигаемые на место доски, и я осталась совсем одна.

По периметру стен шли позеленевшие бронзовые кольца для светильников; я воткнула факел в одно из них возле ниши и присела на кровать. Было холодно, хотя я куталась в плащ. Умом я понимала, что здесь вряд ли холоднее, чем на поверхности, но казалось, что холод этого древнего подземелья — особенный, что это место, принадлежащее умершим сотни лет назад, высасывает жизнь... Я не представляла себе, как здесь можно провести не то что месяц (чего, впрочем, по-прежнему делать не собиралась), но хотя бы один день. В конце концов я встала, разминая коченеющие конечности, и, несмотря на предупреждение Шайны, отправилась исследовать радиальные проходы.

Воображение рисовало мне жуткие казематы и скелеты в ржавых цепях, но ничего подобного здесь не было. Возможно, когда-то эти помещения использовались под склады или что-то в этом роде. Дрожащее пламя факела выхватывало из темноты одну и ту же картину: щербатые камни стен — пыльные, во многих местах обросшие бородой инея; замерзшие лужи на покрытом разводами полу; грязные сосульки, свисающие со сводов... И лишь в одном помещении я увидела нечто необычное. Плоская глухая стена была украшена мозаикой.

Я поднесла факел поближе. Конечно же, мозаика плохо сохранилась, многих камешков не хватало, а те, что были, поблекли под слоем грязи, и все же я отчетливо различила изображение фигуры. Фигуры, летящей по воздуху, раскинув крылья.

Неужели кому-то из нас это все-таки удалось? Мое сердце учащенно забилось, но я тут же сказала себе, что вряд ли панно воспроизводит историческое событие. Скорее это сцена из легенды или аллегория. Ведь крылатым долгое время, до самого Путнуройского Собора, изображали и самого дьявола.

Но, если это и был дьявол, то не такой, каким его обычно рисуют церковные художники. Никакой злобной усмешки не было на его лице. Скорее оно было проникнуто мудрой печалью. Я приблизила факел вплотную, стараясь разглядеть получше, и в этот момент по щеке крылатого вдруг скатилась слеза.

Я вздрогнула и даже отшатнулась, но тут же поняла, что это просто капля воды,

просочившаяся сквозь трещину камня. Наверное, оттаяла от огня моего факела... Кто создал эту мозаику? Может быть, когда-то в этих подземельях нашла прибежище тайная секта, относившаяся к крылатым совсем не так, как официальная религия того времени? Может быть, и сам художник был крылатым?

Пламя затрещало и заметалось, и я поняла, что факел скоро догорит. Надо было возвращаться.

Строители подземелий вовсе не планировали создать лабиринт, но в темноте здесь и впрямь легко было заблудиться. Я, однако, следовала простому правилу — сюда я все время шла вдоль правой стены, значит, возвращаться надо вдоль левой. Я прошла уже, наверное, половину пути, когда у меня над головой вдруг раздался шорох, и сверху посыпался песок. Я шарахнулась в сторону, чудом увернувшись от упавшего камня, а земля валилась мне на голову, за шиворот, на плечи... Другой камень больно ударил меня по руке, и я выронила факел. Тот упал и погас, сразу же засыпанный. Я убежала от обвала, закрывая руками голову. На пятом прыжке я споткнулась и рухнула на четвереньки, но, к счастью, опасная зона была уже позади. Еще какое-то время сзади что-то шуршало, стучало и сыпалось, но наконец все стихло. Я осталась в кромешной тьме.

Это было уже по-настоящему скверно. Вытряхнув землю из волос, я вытянула руки и двинулась, как мне казалось, в сторону стены. Однако, пройдя, наверное, пару десятков локтей, никакой стены я так и не обнаружила. Я повернула левее, но стены не было и там. Выходит, я потеряла ориентацию в пространстве и уже не знала, куда нужно идти.

В конце концов я, конечно, добрела до какой-то стены; все, что мне теперь оставалось — двигаться вдоль нее, но в какую сторону? Вернулась ли я к левой стене, или пересекла помещение? Ощупывая ледяные камни, я двинулась вперед, пока пальцы не обнаружили пустоту уводившего влево прохода; был ли это новый коридор, или тот, из которого я недавно вышла? "Спокойно, — сказала я себе, — самое худшее — это начать метаться, то и дело меняя направление. Правильный это путь или нет, я пойду по нему; в крайнем случае придется вернуться."

Логика — замечательная штука, но, если вам доведется бродить наугад в абсолютной темноте и холоде древнего подземелья, я сомневаюсь, что вам в голову ползут одни лишь логичные мысли. То мне казалось, что я обошла уже все подземелье, то представлялось, что я нарезаю круги по одной и той же комнате; во мраке мерещились какие-то шорохи, шепоты, шаги; я замирала — и воцарялась мертвая тишина, но стоило мне двинуться с места — и неведомые призраки приходили в движение. "Кто здесь?!" — крикнула я в отчаянье, сжимаясь от страха. "...эсь", — откликнулось эхо. Я понятия не имела, сколько уже брожу, ощупывая стены заочеченными пальцами — но, должно быть, прошло уже немало времени, ибо ноги ныли от усталости, и хотелось пить. Я вдруг поняла, что, может быть, уже побывала в куполе, но не узнала его и пошла дальше, и буду теперь так кружить, пока не иссякнут силы...

В какие-то несколько секунд паника захлестнула меня. Я бросилась бежать, запнулась о камень, упала, забилась в какую-то нишу. "Помогите! — кричала я. — Вытащите меня отсюда! Кто-нибудь!" Какое-то время я просто рыдала в голос, затем, окончательно выбившись из сил, притихла; и тут мне показалось, что я снова слышу призраков. Я всхлипнула в последний раз и затаила дыхание, прислушиваясь. Теперь я отчетливо различила два приглушенных голоса; один, высокий, что-то говорил обеспокоенно, другой отвечал ему низким ворчанием. Мне тут же представилось, что второй голос принадлежит какому-то жуткому подземному чудовищу. Я не знала, звать ли на помощь или прятаться.

"Эй, подруга! Эйольта! Где ты?" — громко позвал первый голос.

Шайна! "Шайночка, милая, я тут! Иди сюда!" — закричала я что было мочи.

— У тебя есть огонь? — крикнула Шайна.

— Нет! Мой факел погас!

— Тогда лучше ты иди к нам, на свет, а то в темноте мы тебя долго будем искать!

Я боялась, что, если двинусь с места, снова потеряюсь, но я взяла себя в руки и рассудила, что Шайна права. Звук, дробясь и отражаясь от стен залов и коридоров, многократно менял направление, так что искать друг друга на слух было не так просто. Но вот, наконец, впереди забрезжил рыжий колеблющийся отсвет, и через несколько секунд я добежала до устья прохода, другим концом выходящего в куполообразный зал.

"Подземным чудовищем" оказался Пайве; он и сейчас что-то бурчал, глядя, как я бегу к ним с Шайной, стоявшим возле веревочной лестницы.

— Я же говорила, нечего тут шляться... — начала Шайна, но я уже напустила на себя уверенный вид:

— Все было бы нормально, если бы не обвал, — и, торопясь уйти от этой щекотливой темы, повернулась к Пайве: — Ну как?

— Дохлый номер, — покачал головой тот. — Тйорла твоего прибрал к рукам сам капитан Тнейер. У него скакуна увести не проще, чем из тюрьмы кого вытащить.

— Но ты сможешь? — с надеждой заглянула ему в глаза я.

— Говорю же, дохлое это дело. Тут армия нужна, дом капитана штурмовать, или на улице на него напасть, а он один не ездит... Конечно, если побольше наших поднять, то можно... но никто на это не подпишется. Тйарвы ж потом весь Гнилой Угол по кирпичикам раскатают. Так что, крошка, извиняй. Задаток, как уговорились, у меня останется — мне ж пришлось кой-кому сунуть, чтоб все узнать, а больше ничем помочь не могу.

Я перевела умоляющий взгляд на Шайну, но та тоже мотнула головой:

— Нет, подруга, раз Пайве говорит — не выйдет, значит, не выйдет. Нам открытая война с тйарвами ни к чему. Тем паче из-за тйорла — добро б еще аньйо был...

Я стиснула зубы, но тут же попыталась успокоиться. Все равно пришельцы вряд ли разрешили бы мне взять Йарре к звездам. Значит, мы бы расстались с ним лишь на несколько дней позже — если, конечно, я перехвачу их в Лланкере. Ну что ж, прощай, Йарре, надеюсь, новый хозяин будет ценить тебя... Я почувствовала что-то похожее на укол ревности при мысли о том, что теперь на Йарре будет ездить мой враг. Конечно, враг не личный, а всего лишь в силу полученного им приказа, но все равно...

— Значит, мне больше нечего делать в Нойаре, — решительно заявила я, глядя перед собой сухими глазами. — Когда вы сможете меня вывести?

— Не горячись, крошка, — посоветовал Пайве. — Тйарвы на ушах стоят, тебя ищут. Обожди, пока притомятся.

— Мне некогда ждать, — непреклонно отрезала я. — И этими подземельями я тоже сыта по горло. Ни дня здесь не останусь.

— Эх, подруга, — невесело усмехнулась Шайна, — такие хоромы на одну, а ты брезгуешь... Посидела бы ты в камере на восьмерых... Мне-то еще повезло, я хоть по камере ходить могла, а есть тюрьмы, где даже по мелким делам на цепь сажают до конца срока...

Шайна оставила мне пару факелов и корзинку с едой (взяв с меня за еду два йонка — куда больше, чем она стоила на самом деле, но я не стала спорить) и следом за Пайве полезла наверх, пообещав вернуться вечером. "Вечер" в этом подземелье был таким же пустым звуком, как и "день", но я лишь молча кивнула, впиваясь зубами в сочную жареную йитлятину, совсем не похожую на ту бурду, которой обычно питались жители трущоб.

После сытной трапезы и всех предыдущих переживаний меня сморил сон, и, несмотря на все неудобство ложа из промерзшей соломы, я подрыхла до самого возвращения Шайны.

— Наши говорят, что ты чокнутая, — сообщила она, усаживаясь на кровать. — И это святая правда, если ты и впрямь собралась в Лланкеру. (Я нетерпеливо махнула рукой, показывая, что приняла решение и не собираюсь спорить.) Но, как у нас тут говорят, дурь — это единственное, что нельзя отнять у аньйо. Мы можем вывести тебя из города. Через ворота без

мазы — везде шмонают по-черному, и анью, и повозки, и груз. Летать ты, помнится, не умеешь. Так что остается дерьмопровод.

— Что?!

— Сточная труба. Она выходит в овраг за городом, а попасть в нее можно из наших подвалов. В конце там решетки, но наши их давно разломали, а стражникам, сама понимаешь, запахло лезть проверять.

— И... много там... этого...

— Не, сейчас немного, — заверила Шайна, — по щиколотку где-то. Вот когда замерзшее оттаает, тогда да.

Моя скривившаяся физиономия была, очевидно, красноречивее всяких слов.

— Подруга, ты хочешь выбраться из города или нет? Если нет, сиди здесь, декады через две выйдешь через ворота, как принцесса. А если хочешь...

— Ладно, я поняла, — обреченно кивнула я. — Когда?

— Завтра на рассвете.

— Может, безопасней ночью?

— По ночам теперь ворота запирают.

— Так а зачем нам ворота?

— Ну ты же не пешком в Лланкеру собралась? На рассвете один из наших выведет из города тйорла и будет ждать нас у оврага. Тйорл, конечно, не такой, как твой, но до ближайшего села доедешь, а там уж сама решай, нового купить или что... Монету за тйорла сейчас давай.

— Сколько?

— Сотни хватит, — ответила Шайна и, уловив сомнение на моем лице, добавила: — Тот, кто его приведет, тоже рискует, что ж он, за фу-фу работать будет? Да и мне, знаешь, в трубу лишний раз лезть не шибко охота...

Мы еще немного поболтали, а потом, когда Шайна собралась к себе наверх, я попросила ее спеть. Она сперва отнекивалась, ссылаясь на отсутствие инструмента, потом согласилась. Голос у нее и впрямь оказался красивый, но песни мне не понравились. Вся эта жалостливая воровская романтика не по мне, да и кому, как не Шайне, было знать, что в реальной воровской жизни все проще и грубее... К тому же рифма хромала едва ли не в каждом куплете, и мне, знакомой с лучшими образцами ранайской поэзии, это резало ухо почти физически.

— Тебе не нравится, — заметила Шайна, обрывая песню на полуслове.

— Ну, я привыкла немного к другому... Вот, например, послушай:

Даже в самой обыденной жизни хватает тревог,
Даже самое серое небо не схоже с землею.
Это следует помнить, когда переступишь порог,
Ибо нить путеводная кончиться может петлею.
Но какие-то странные анью смутят твой покой,
Обещая вершины и сказочно дивные дали,
И расскажут о тех, что стояли над звездной рекой,
Наблюдая процесс преломления света в кристалле.

И такие, как ты, опьяненные ядом речей,
Покидают свой дом и уходят в безвестные страны,
Не пугаясь ни холода долгих туманных ночей,
Ни нехоженных троп, ни пустынь, ни дождя, ни бурана.
Будут многие там сражены беспощадным мечом
(Только кровь придает завершенность отточенной стали).
Ты следишь сквозь замерзшие слезы за звездным лучом,

Наблюдая процесс преломления света в кристалле.

Средь унылых болот, в лабиринтах безжизненных скал
И обросших утесов, нависших угрюмо и грозно,
Ты счет дням потеряешь, забудешь о том, что искал
И свой путь проклянешь, но назад поворачивать поздно.
Те, кто вел вас к вершинам, растаяли в утренней мгле —
То ли умерли, то ли ушли, то ли просто устали...
Вы бредете по высохшей, древней, как скука, земле,
Наблюдая процесс преломления света в кристалле.

Ты состаришься в этом походе, сводящем с ума,
Но дойдешь до конца и признаешь дорогу напрасной:
Жизнь есть плесень и грязь, только холод и звездная тьма
Были целью твоей, совершенной и вечно прекрасной.
Ты дойдешь и увидишь, что ты совершенно один —
Те, что спереди, канули в ночь, те, что сзади, отстали —
И останешься вечно стоять среди мерцающих льдин,
Наблюдая процесс преломления света в кристалле...

— Здорово, — восхитилась Шайна. — Сама сочинила?

— Нет, — улыбнулась я, — это Йатнакир, он жил двести лет назад.

— Надо же. Вот ведь, сколько всякие богачи и аристократы не пыжатыся, а помнят спустя столетия все равно не их, а таких, как Йатнакир.

— Он был граф, — возразила я, — его настоящая фамилия тар Йирон-Вйатнолле. И он не знал недостатка в деньгах. Хотя помнят его, действительно, не за это.

— Справедливости нет и не может быть, — пробурчала Шайна. — Ладно, пойду. Завтра вставать рано.

Я уже выпалась и потому полночи ворочалась на соломе или ходила взад-вперед, стараясь согреться. Наконец, стоило мне прилечь и на минуту (как мне показалось) прикрыть глаза, как Шайна растолкала меня. Взбираясь по лестнице следом за ней, я обратила внимание, что на ногах у Шайны вместо башмаков сапоги — изношенные и замызганные до крайности, и явно большего, чем надо, размера, но, очевидно, наилучшим образом подходящие для путешествия по трубе. А мне придется пачкать мои славные сапожки из лучшей тайуловой кожи... Мы поднялись из древних подземелий в обычные подвалы Гнилого Угла, прошли под низкими мокрыми сводами, нырнули в какую-то каменную кишку, а из нее, отодвинув тяжелый дощатый щит — в земляной ход, укрепленный досками и криво торчащими деревянными подпорками. Этот ненадежный коридор вывел нас в другой подземный туннель, и по донесемуся спереди сырому зловонию я поняла, что мы близки к цели.

Труба представляла собой круглый, выложенный кирпичом туннель диаметром около десяти локтей; по дну его, покрытому толстым слоем бурого льда, текла вонючая жижа (пока еще, действительно, не слишком широким ручьем, так что в основном можно было идти рядом, не пачкая ног), а наверху через неравные промежутки виднелись отверстия стоков — в большинстве своем круглые, расположенные по бокам, но некоторые, квадратные, вертикально сверху — эти вели в трубу прямоком из уличных сточных канав, и через них проникал серый предутренний свет, полосатый от решеток. Куда существеннее, впрочем, было то, что из стоков текло, сочилось или капало, причем время от времени оно выплескивалось внезапно, когда где-то наверху кто-то опорожнял ведро помоев, и приходилось проявлять чудеса ловкости, уворачиваясь от летящих брызг.

По мере продвижения к окраине нечистот под ногами становилось все больше; мне пришлось подобрать полы плаща и дышать через рот из-за невыносимой вони. Вдобавок ко всему потолок туннеля начал понижаться, что отнюдь не добавляло уюта. Но вот, наконец, впереди забрезжил свет, показавшийся ослепительно ярким после мрака трубы. Выход перегораживали толстые вертикальные прутья, которые казались намертво вмурованными в пол и потолок (не достигавший здесь и пяти локтей в высоту.) Однако Шайна спокойно ухватила за четвертый и пятый прут слева и потянула их на себя. С хрустом и скрежетом их верхние концы повернулись в щелях между камнями, а нижние, подпиленные, вынырнули из бурой жижи. Мы протиснулись боком в образовавшуюся щель и оказались на крутом склоне оврага, куда стекали городские нечистоты.

Я поспешно отошла в сторону, и там, где легкие наконец наполнились чистым воздухом, долго возила ногами по глубокому ноздреватому снегу, отчищая сапоги. Шайна некоторое время с усмешкой наблюдала за этой гигиенической процедурой, а потом потеряла терпение: "Ладно, идем. Парень нас, небось, уже заждался, а ему тоже негоже маячить с тйорлом под стенами..."

Увязая в снегу, мы прошли дальше по склону, оставаясь невидимыми для дозорных на башнях, и, лишь добравшись почти до начала оврага, влезли наверх. Город был в четверти мили от нас; длинная тень внешней стены тянулась наискосок в нашу сторону. Небольшой пригорок, поросший кустарником, и здесь прикрывал от глаз стражи условленное место встречи.

Однако на этом месте никого не было.

— Странно... — пробормотала сквозь зубы Шайна, оглядываясь по сторонам, затем осматривая ровный, не истоптанный следами снег.

— Наверное, еще не успел, — пожалала плечами я, хотя на душе у меня сразу же заскулили твурки.

— Ворота уже открыты, — возразила Шайна, выглядывая из-за пригорка и всматриваясь.

И в этот момент из ворот вылетели кавалеристы. Они мчались во весь опор, и их было не меньше трех десятков. Практически сразу они развернулись в цепь — лишь правый фланг продолжал скакать по дороге, а остальные, вспарывая снежную целину, россыпью устремились к оврагу.

— Поганый йитл! — в бешенстве воскликнула Шайна. — Он нас заложил!

Да, это вам не романтические песни о "воровской чести". Тысяча йонков больше ста, арифметика тут нехитрая...

— Бежим обратно! — я схватила Шайну за руку. — Тйорлам не спуститься по склону!

— Им и не нужно, — покачала головой Шайна. — Нас перестреляют сверху, мы не успеем добежать до трубы, — она в отчаянии закусил губу, затем вдруг метнулась в другую сторону: — В обход!

Я поняла ее мысль — оставить овраг между нами и всадниками, обежав оставшуюся его часть. Вот только делать это на глазах у врагов не стоило, и я снова дернула Шайну вниз. Описав кривую по склонам, мы, тяжело дыша, вскарабкались на противоположный край оврага. Большинство кавалеристов и впрямь решили, что мы надеемся вновь укрыться в трубе, и мчались туда; теперь им пришлось бы сделать приличный крюк, скача в обход. Но командир отряда, как видно, учел все варианты, и правофланговые всадники, напротив, неслись к началу оврага; никаких шансов убежать от них на своих двоих, да еще по рыхлому снегу, конечно, не было. Впереди, значительно опережая остальных, скакал офицер на великолепном черном тйорле, которого мне трудно было не узнать. "Йарре! — подумала я в ярости. — Неужели и ты меня предал?!"

Бежать не было никакого смысла, и все-таки мы бежали. Правда, Шайна в своих неуклюжих больших сапогах сразу отстала, а затем и вовсе остановилась, как видно, решив не отягощать свое положение сопротивлением. Я бросила взгляд через плечо и увидела, как

офицер настиг ее. Однако он даже не сбавил скорость, оставив Шайну своим подчиненным — ему нужна была я.

Через несколько секунд я услышала дыхание тйорла и крик "стой! стой!" уже буквально над своим плечом. Я остановилась, разворачиваясь и выхватывая шпагу.

И тут произошло нечто неожиданное. Йарре резко затормозил, зарываясь передними ногами в снег, одновременно взбрыкивая задними и рывком наклоняя рога вперед. Капитан Тнейер отнюдь не был тьюфяком — он был опытным наездником, и все же он ничего не смог поделывать: вылетев из седла, он перекувырнулся в воздухе и тяжело грохнулся спиной в снег. Тйорл повернул ко мне морду, так и светившуюся лукавством.

— Йарре! — радостно воскликнула я, пихая шпагу в ножны и обнимая его за шею. — Ты понял, что покориться ему — лучший способ найти меня, да?

Я взлетела в седло. Капитан все еще лежал неподвижно, оглушенный падением. Я обернулась назад:

— Шайна! Быстрее сюда!

Она уже и сама поняла, что произошло, и всю бежала ко мне. Однако другие всадники были уже у нее за спиной. "Не успеет", — подумала я.

Один из всадников достал пистолет и выстрелил, целясь в Йарре. Он промазал, но расстояние между мной и преследователями быстро сокращалось. Вблизи, да по неподвижной мишени, нетрудно попасть и на скаку...

Шайна, услышав выстрел, сделала отчаянный рывок. Один из сапог свалился с ее ноги. Я видела ее умоляющий взгляд... Но тут вторая пуля пробила полу моего плаща, и я поняла, что медлить больше нельзя.

— Йо! — крикнула я, поворачиваясь вперед и поддавая каблуками в бока Йарре. Он, только этого и ждавший, стрелой сорвался с места. Шайна выкрикнула трущобное ругательство. Хотелось бы верить, что оно было адресовано не мне, а стражникам...

Еще одна пуля просвистела надо мной. Я оглянулась через плечо. Капитан уже сидел на снегу, двое стражников спешили и вязали Шайну, трое продолжали погоню. Прочие, оставшиеся по другую сторону оврага, меня уже не волновали — теперь, когда подо мной был Йарре, они с тем же успехом могли находиться на другой стороне Лла.

Однако, при всех достоинствах Йарре, тйорлы ближайших преследователей тоже не были клячами. Правда, рослые всадники в стальных нагрудниках весили, должно быть, вдвое больше, чем я. И все же пока что дистанция между нами оставалась опасной, и двое из них еще не разрядили свои пистолеты.

Я скакала вдоль оврага в сторону реки, пока еще не имея определенного плана. Здесь не было ни дорог, ни мостов — все это лежало по другую сторону оврага и города. Впереди показался крутой берег. Судя по глубине оврага, круча была достаточно высока, чтобы не надеяться на легкий спуск. Я вновь оглянулась. Пока что в меня никто не целился — видимо, рассчитывали подобраться поближе, но двое всадников стал забираться вправо, намереваясь перерезать мне путь вдоль реки. Я тоже стала заворачивать вправо. Расстояние между нами сокращалось. Я совсем вжалась в холку Йарре, погоняя своего скакуна. Хлопнул еще один выстрел — снова мимо. Я проскочила под носом преследователей, но теперь они были совсем близко. Мы мчались так около полумили, и во время этой гонки я явственно услышала металлический щелчок — похоже, последний заряженный пистолет дал осечку! Затем впереди показалась пологая ложбина, уводившая к самой воде; я свернула туда.

Река, поившая Нойар и уносившая прочь его отходы, была не так уж и велика; летом мы бы легко переплыли ее, а зимой переправа и вовсе не представляла бы проблем. Но была уже фактически весна, и по середине речки змеилась широкая полынья.

Йарре выскочил на лед, скользя всеми четырьмя копытами. Было очень скользко: днем лед подтаял сверху, ночью снова замерз, а утром опять начал оттаивать. Я обернулась, проверяя,

решатся ли более тяжелые стражники последовать за нами. Они решились. Но хватит ли их еще и на прыжок через полынью? Если нет, то это прекрасный способ от них отделаться.

Или утонуть.

Я не знала, каковы наши шансы. Через изгороди Йарре перемахивал лихо, но мы никогда специально не тренировали прыжки через широкие преграды. Оставалось полагаться лишь на его чутье. Поначалу он повернул голову вправо, намереваясь скакать вдоль берега, но, когда я потянула его за левый рог, не стал противиться. Ну, только не ошибись, Йарре! Йо! Йо!

Мы мчались к полынье, и, если издали она выглядела не слишком страшно, теперь с каждой секундой казалась все шире. А главное — разве сможет тйорл как следует оттолкнуться на таком скользком льду? Моя решимость таяла куда стремительней, чем снег под лучами солнца, и я уже совсем уверилась в глупости своей идеи — но теперь, даже потяни я со всей силы рога на себя, мы бы не успели остановиться.

Йарре прыгнул. Мгновенный полет, от которого у меня перехватило дыхание — а затем все четыре копыта ударили об лед, разбрызгивая воду.

И в тот же миг лед под задними копытами треснул и накренился. Йарре осел назад, соскальзывая в полынью. Я успела спрыгнуть на лед и забежала вперед, хватая его за рога. Конечно, я не смогла бы его удержать, но он тем временем подогнул задние колени и сумел зацепиться ими за кромку льда. Еще один могучий рывок — и он втащил себя на безопасное место. Отколовшаяся льдина уплывала ниже по течению.

Стражники остановили своих тйорлов, не решаясь даже близко подъехать к полынье. Я помахала им ручкой и пару минут спустя была уже на другом берегу.

Окончательно удостоверившись, что меня никто не преследует — по крайней мере, пока — я достала карту и сориентировалась на местности. Несмотря ни на что, я решила продолжать путь в Лланкеру. Да, собственно, и вариантов особенно не было — я была теперь куда ближе к столице провинции, нежели к ее границе. Но, разумеется, городов до самой Лланкеры я решила избегать. Мне пришлось сделать крюк до следующего моста, а затем я выбралась на дорогу — уже не на Лланкерский тракт, а на какую-то местного значения, но меня это вполне устраивало.

Я ехала по раскисшей дороге и думала о Шайне. Что с ней теперь будет? По кодексу Паарна II укрывающий преступника подлежит тому же наказанию, что и сам преступник. А наказание убийце — смерть. Правда, при Аклойате III в этот кодекс были внесены изменения, в частности, гласящие, что разыскиваемый не считается преступником, пока нет приговора суда; в соответствии с этим законом, Шайне грозило только 5 лет тюрьмы. Хм, "только"... Да и то, если губернатор не успел организовать заочный суд, что, впрочем, может быть оспорено в Высшем королевском суде — вот только откуда у нищенки из трущоб адвокат, который этим займется? И все это лишь за то, что она помогла мне... А я... Но я поступила правильно. У меня не было шансов ее спасти. Ну, может, один на тысячу. Это глупо.

В тот день я не рискнула проситься на ночлег даже в небольшой деревеньке. Добралась я до нее еще засветло, но, не доезжая пары миль, свернула с дороги. Нам с Йарре пришлось "гулять" по окрестностям до темноты, и, лишь дождавшись восхода Лла, я въехала в деревню.

Йарре легко перескочил через плетень крайнего, явно небогатого дома. Из птичника, брэнча цепью на задней ноге, выбрался старый тйарв, угрожающе, но в то же время лениво, расправил крылья и разинул клюв, глядя в нашу сторону. Я бросила ему кусок жареного мяса — остаток вчерашней трапезы (мне, между прочим, стоило немалого труда сохранить его нетронутым специально для такого случая, голодая весь день). Страж с готовностью принял взятку (наверное, мои трущобные знакомые сказали бы по такому поводу, что все тйарвы одинаковы) и, прихватив мясо клювом, полез обратно в свое жилище.

Вообще-то удар клюва взрослого тйарва способен проломить череп анйю, особенно в пикировании, а вдобавок этих птичек обучают бить в висок и выклеивать глаза. Да и когти в полпальца на всех четырех ногах не следует сбрасывать со счетов. Но этот тйарв был слишком

стар, чтобы быть серьезным противником, тем более для аньйо со шпагой. Куда большую опасность его клюв представлял в другом качестве — как источник пронзительных хриплых криков, которые, конечно же, подхватят и небойцовые птицы. Но я недаром выбрала для визита час Лла: даже если бы моя уловка с мясом и не сработала, хозяйева, скорее всего, не решились бы в такое время выйти на улицу и лишь наложили бы на дверь дополнительный засов изнутри. Все-таки и от суеверий бывает польза.

Однако в птичнике было тихо, и я без помех открыла двери хлева, ведя за собой Йарре. Из темноты пахло теплом и навозом — не самый приятный запах, но в нойарской трубе было еще хуже. Я засветила лучину. Дрожащий огонек озарил двух сонных тайулов, деревянную кормушку, солому на полу и лестницу на сеновал. По этой лестнице я и вскарабкалась, а Йарре тем временем пристроился к кормушке и довольно захрумкал. Увы, мне пришлось довольствоваться лишь несколькими глотками воды из фляжки.

Зимой даже крестьяне встают достаточно поздно, так что в предрассветных сумерках мы выбрались из хлева, никем не замеченные. Я подумала было, не оставить ли монетку в качестве платы за съеденное Йарре, но тут же сказала себе, что для разыскиваемой беглянки, вынужденной ночевать в хлеву на голодный желудок, подобная щепетильность совершенно неуместна. Так никого и не встретив, мы покинули деревню.

Вскоре после рассвета я миновала еще одно селение, а затем обогнала несколько крестьянских саней, груженных горшками, клетками с йупами, тюками шерсти и прочим подобным товаром. Я поняла, что где-то поблизости развернулась бойкая предновогодняя торговля, и действительно, еще до полудня въехала в село, где кипела и бурлила большая ярмарка. В ее шумной толчее я, не привлекая ничьего внимания, купила еды для себя и зерна для Йарре на несколько дней вперед, а заодно разжилась и подходящим маскарадным костюмом (разумеется, пока что надевать его было еще рано). Теперь единственной проблемой оставался ночлег; еще дважды мне удалось тайком переночевать в чужих сараях, но на следующую ночь излишне ретивые и злобные тйарвы поджидали меня в трех дворах подряд — одного пришлось даже ранить шпагой. К этому времени голосили уже все окрестные птицы, так что, несмотря на час Лла, я сочла за благо плюнуть на эту деревню и ночевать в ближайшей роще. Наконец, последнюю ночь перед Лланкерой — и перед Новым годом — я провела в заброшенной полуразвалившейся хибаре у дороги, в холоде, но хотя бы под крышей.

И вот настал вечер, когда я подъехала к стенам Лланкеры. Уже смеркалось; в честь праздника на стенах и башнях горели многочисленные факелы, а вскоре должны были взвиться огни фейерверков... Карнавал будет продолжаться всю ночь, если, конечно, пришельцы не внесли, вольно или невольно, свои коррективы в городские порядки. Даже суеверное простонародье считает, что в новогоднюю ночь злые духи Лла не имеют силы... В Йартнаре я никогда не участвовала в карнавалах, хотя, казалось бы, для крылатой это была прекрасная возможность среди многочисленных ряженых почувствовать себя такой, как все...

Но я не хочу чувствовать себя такой, как все. И вообще, те, кто может радоваться только толпой и по команде, достойны в лучшем случае жалости.

Теперь, однако, мне этот обычай был как нельзя кстати. Я решительно поехала к городским воротам, уже облаченная в карнавальный костюм. Это был костюм гвардейца — высокая островерхая шапка с гербом, синяя накидка, бело-красно-черная перевязь, даже скрещенные мечи ордена Доблести. Разумеется, герб был деревянный, накидка — из бумажной ткани, орден из фольги; все это выглядело откровенно бутафорски, и я надеялась, что на этом фоне такой же бутафорией воспринимается и моя шпага (я даже неряшливо обмотала фольгой ее рукоятку). Мое лицо закрывала маска с великолепным мужским носом, доходившим мне почти до подбородка. Рога Йарре я по обычаю перевела зелеными ленточками — символ наступающей весны.

Я попыталась воспользоваться уже испытанным приемом и пристроиться в качестве

эскорта к саням зажиточных селян, въезжавшим в город, но бдительного капрала городской стражи это не убедило.

— Мальчик с вами? — строго осведомился он у сидевшего в санях главы семейства. Прежде, чем крестьянин или я успели что-нибудь ответить, женщина — вероятно, его жена — быстро обернувшись, поспешно и, как мне показалось, даже с некоторым испугом заявила: "Нет, впервые видим".

— Проезжайте, — махнул рукой караульный, еще раз цепко окинув взглядом сани, и жестом преградил путь мне: — А вы, молодой анью, постойте.

Послушный моей команде, Йарре остановился в воротах. Мне вдруг стало жарко, нестерпимо захотелось обмахнуться крыльями. Я напомнила себе, что пока ничего страшного не происходит, и вообще, у них нет правильных примет.

— Как зовут? — осведомился капрал.

— Тайель Клаайре, — придумала я себе на ходу новое имя.

— Откуда?

— Из Тйертена, — назвала я город, который объехала стороной утром.

— Ну-ка снимите маску.

Вот это было уже скверно, но что делать? Я стянула маску на шею. Стражник хмыкнул:

— Мне казалось, Тайель — это мужское имя.

— Ну, Тайелла... Карнавал же, — я попыталась улыбнуться той глупой улыбкой, которую мужчины обычно считают очаровательной.

— Карнавал для гуляющих, а не для стражи, — строго возразил караульный. — Ты едешь одна от самого Тйертена?

— Нет, что вы, — сказала я самым детским и невинным голосом, на который была способна, — мы поехали на праздник с папой, но у него расковался тйорл, и я поехала вперед... Еле упростила меня отпустить. Что мне торчать в той деревеньке, правда? Хочу поскорее попасть на карнавал. Надеюсь, я еще ничего особенного не пропустила? А то мы так долго ехали по этой раскисшей дороге...

— Славный у тебя тйорл, — перебил стражник мою болтовню. — Впервые вижу, чтобы девчонка ездил на этаким звере. Какой же тогда у твоего отца?

— Такой же, — продолжала вдохновенно врать я. — Они из одного помета.

Капрал о чем-то тихо перемолвился со своим товарищем. Напрягая слух, я уловила слова "не похожа... совсем малявка... тйорл..." Дальнейшее заглушил шум подъехавшего сзади экипажа.

— Ну-ка спустись на землю, — принял решение капрал. Если он просто хотел оценить мой рост и сверить его со списком примет, то это только хорошо — но что, если он для очистки совести пожелает заглянуть под мой плащ? Пока я в седле, у меня, по крайней мере, оставалось преимущество перед пешими стражниками...

— Сейчас, — сказала я, лихорадочно обдумывая, что же делать. — Ой, погодите, сумка от седла отвязалась... сейчас подтяну ремень, а то свалится...

— Ну что вы там копаетесь? — раздался сзади раздраженный мужской голос. — Что привязались к ребенку?

(Слово "ребенок" резануло мой слух, хотя я и стремилась произвести именно такой эффект.)

— Обычная проверка, ваша милость! — вытянулся в струнку капрал. — Не извольте беспокоиться, мы сейчас!

— "Сейчас..." — передразнил голос. — Моя семья платит четыре тысячи годовых муниципального налога не для того, чтобы муниципальная стража не пускала меня в родной город!

Я обернулась. Мы с Йарре перегораживали проезд запряженной четверней роскошной

кажете, дверцы которой украшали гербы купеческого рода первой категории. В окно недовольно выглядывал молодой аңыз в опушенной мехом модной четырехугольной шляпе.

— Э... девочка... как там тебя... освободи дорогу его милости! — засуетился капрал.

Освободить дорогу я могла лишь одним способом — проехав вперед, внутрь города. И хотя мне хотелось тут же сорваться в галоп, скрываясь в лабиринте улиц, я двигалась нарочито медленно, оборачиваясь назад и всем своим видом демонстрируя готовность подчиниться дальнейшим распоряжениям стражников. Йарре при этом ступал боком, продолжая загромождать путь карете.

— Ладно, ладно, проезжай! — нетерпеливо махнул рукой капрал.

Карета обогнала меня. Пассажир покровительственно улыбнулся мне и тут же утратил ко мне всякий интерес. Я бросила последний взгляд на его надменный профиль в окне экипажа. А ведь он, пожалуй, тоже старше меня от силы лет на пять, и вряд ли имеет какие-то собственные заслуги... Неужели все в нашей жизни зависит от слепой игры случайностей, определяющей обстоятельства нашего рождения? "Справедливости нет и не может быть..."

Снова надвинув маску на лицо, я ехала по украшенным лентами и гирляндами из бумажных цветов и листьев улицам, глаза по сторонам. Народу было много, в основном пешие, большинство — в разноцветных маскарадных костюмах; отсутствием масок выделялись разве что разносчики сладостей и прочие мелкие торговцы, сновавшие в толпе. Горели факелы (укрепленные, конечно, подальше от бумажных гирлянд) и стеклянные светильники, специально на эту ночь подвешенные на протянутых через улицу веревках (обычно муниципалитеты весьма экономят на уличном освещении). На перекрестке стоял большой снеговик на железном поддоне, а под поддоном были сложены вязанки хвороста — на рассвете их подожгут и растопят снежное чучело во славу наступившей весны (дело, вроде, нехитрое, но тоже требует определенного искусства, чтобы вода не залила костер). Обычай вполне безобидный, но я его не люблю. Не могу отделаться от ассоциации с временами, когда в Ранайе на таких же кострах сжигали крылатых...

Все же народу на улицах было, пожалуй, меньше, чем в такие ночи в Йартнаре — а ведь жителей в Лланкере больше, и улицы не шире. Пришельцы, подумала я. В них все дело. Конечно, их прибытие привлекло любопытных, но, наверное, еще больше оказалось тех, кто предпочел в эти дни уехать от города подальше... Но главное — здесь ли еще пришельцы? После отъезда с ярмарки я и словом ни с кем не перебросилась, а ведь мало ли что могло измениться за несколько дней...

— Эй, парень, куда едешь верхом, там дальше не пустят, — окликнул меня какой-то веселый аңыз в расшитом перьями плаще и птичьей маске. — Только пешее гулянье. Сам подумай, ежели все в наши-то улочки со своими тйорлами, это же что получится? Сворачивай сюда, на Кузнечную улицу. Там в конце большой тйорлен для гостей и каретный сарай.

— Спасибо, сударь, — вежливо ответила я. — А скажите, пришельцы со звезд все еще в городе?

— А, эти-то... На них посмотреть приехал? Ничего не выйдет. Говорят, они все еще гостят в губернаторском дворце, только доподлинно никто не знает. Весь центр оцеплен, не пускают никого.

— А может, можно туда как-нибудь попасть?

— Да как туда попадешь, говорю же, перекрыто все.

— Ну, я не знаю... под землей как-нибудь... или по крышам. Понимаете, мне очень надо их увидеть, — под маской я не видела выражение лица моего собеседника и поспешила добавить: — Я могу заплатить, если мне помогут.

— А ты смелый парень, — усмехнулся он. — Ладно, тебе повезло, что меня встретил. Ступай привяжи тйорла и возвращайся сюда.

Я поехала, куда он указал, и действительно, обнаружила площадь, уже наполовину

запруженную повозками (не все загоняли свои экипажи в сарай — многие рассудили, что за ночь и под открытым небом ничего с ними не случится). Длинный тйорлен в обычное время был, вероятно, складом какого-нибудь купца; теперь пол его был усыпан опилками, и натянутые канаты и цепи огораживали символические стойла. Я подала медную монету смотрителю и оставила Йарре у самого выхода; наученная горьким опытом, я лишь обмотала веревку вокруг цепи, не завязывая узла и, напутствовав тйорла словами "жди меня и будь умницей", поспешила на встречу с моим новым знакомым.

Он первый заметил меня в пестрой толпе и, цапнув под руку, увлек за собой. Он без умолку болтал, но я не слишком внимательно его слушала, стараясь, во-первых, запомнить дорогу, а во-вторых, следить за сохранностью своего кошелька (ибо отчим не раз говорил, что если кому и есть реальная польза от этих карнавалов, так это карманным ворами). К тому же на улицах было шумно; мы пробирались мимо уличных клоунов и музыкантов, громкоголосых разносчиков и торговок, зрителей, криками подбадривавших жонглеров и акробатов, и просто перекрикивающейся и смеющейся публики. Наконец, несколько освоившись во всей этой толчее и суматохе, я попыталась расспросить своего провожатого о пришельцах, но ему мало что было известно. По его словам выходило, что, хотя большая железная птица и летала несколько раз над Лланкерой и окрестностями, самих пришельцев в городе практически никто не видел, кроме губернатора и высших сановников. Впрочем, он тут же добавил, что некоторым из простых горожан все же удалось пообщаться с чужезвездными гостями, но они, эти горожане, слишком высоко задрали нос и рассказывают об этой встрече только тем, кто заплатит им полновесным серебром. Я пропустила этот прозрачный намек мимо ушей: что мне чьи-то рассказы, если я собираюсь сама встретиться с пришельцами! А вообще, наблюдая всю эту праздничную суету на улицах, я лишней раз подивилась, насколько мало пришельцы занимают простых ранайцев. Город, в центре которого впервые за всю историю находятся существа с неба, из другого мира, фактически живет своей обычной жизнью, если не считать усиленных постов. Сюда не стекаются толпы паломников со всей страны, никто не штурмует заграждения... кажется, рождение двухголового тйорла (не такое уж небывалое событие) и то вызвало бы больше интереса. Ну, пришельцы, ну, непривычно, конечно, любопытно было бы взглянуть, но раз нельзя — значит нельзя, мы ж понимаем... Поразительно.

Хотя, разумеется, эти аньюо никогда не жили мечтой о полетах и других мирах.

Мой провожатый тем временем перешел к более практичным материям. Лезть по крышам и ломать шею, равно как лезть под землю и ломать ноги, нет никакой необходимости, объяснил он, ибо стражники во всем мире — народ продажный, и Лланкера, слава богу, не исключение. Тем более что у него имеется среди них знакомый, который как раз дежурит до полуночи. Конечно, несмотря на знакомство, платить все равно придется...

— Сколько? — спросила я.

Глаза сквозь прорези птичьей маски скользнули по моей фигуре.

— Полста серебряных.

— Пятьдесят йонков всего лишь за то, чтобы караульный пропустил меня?! — возмутилась я.

— Во-первых, он должен поделиться с товарищами. А во-вторых, не только пропустит, а проведет в самый дворец. А иначе — ну, пройдешь ты первый кордон, а дальше? Там же везде солдаты. И парень, кстати, тоже рискует — неведомо кого провести, за это и на каторгу можно, если ты, к примеру, делов натворишь... Ты не смотри, что праздник — город-то все еще на особом положении, и вся провинция тоже.

Мы вышли на длинную прямую улицу, и я вдруг заметила, что ее дальние дома видны как-то смутно, а огни факелов и светильников окружены мягким ореолом. После захода солнца похолодало, и в сыром воздухе сгустился туман. Такое ведь бывает не только летом.

Мой спутник вновь увлек меня с кишачей народом улицы в какой-то кривой переулочек;

мы прошли дворами и остановились под полукруглым сводом подворотни. Он выглянул наружу и удовлетворенно кивнул.

— Угу, вон они стоят. Ну, давай деньги, пойду договариваться.

Я выглянула следом за ним. Действительно, в конце (точнее, в начале, считая от центра) узкой улочки стояли, опираясь на алебарды, трое стражников. Им, должно быть, было чертовски скучно — здесь, в этом пустынном закутке, вдали от огней и веселья праздника... Даже в окнах домов здесь не было света — как видно, это были не жилые здания, а запертые на ночь конторы. Впрочем, если караульные заполучат полсотни йонков (минус комиссионные, которые, как я догадывалась, возьмет мой провожатый), это будет им неплохой компенсацией. Не думайте, что я так уж безоглядно доверилась новому знакомцу: я взглянула на дома по обе стороны улицы — они стояли плотно сомкнутой стеной, и улизнуть с моими деньгами, не дойдя до стражников, ему было бы просто некуда. Так что я отсчитала требуемую сумму и проводила его взглядом, когда он пошел договариваться. Выглядывая из подворотни, я видела, как он о чем-то говорил с крайним справа солдатом, указал ему в мою сторону, а затем повернулся и пошел обратно.

— Все в порядке, — сообщил он мне. — Ну, счастливо тебе повидать пришельцев.

— Спасибо, — поблагодарила я и почти бегом устремилась к кордону. Неужели моя мечта осуществится прямо сейчас?!

Я направилась напрямиком к правому стражнику, но во взгляде его отнюдь не читалась готовность уступить мне дорогу. Я вынуждена была остановиться.

— Вы проводите меня во дворец? — произнесла я полувопросительно, полутвердительно.

— Иди проспись, парень, — усмехнулся он. — Маскарадный костюм еще не делает тебя офицером.

— Но... ведь с вами только что договорились... к вам подходил аньйо... — пробормотала я, уже начиная понимать истину.

— Он просто спросил короткую дорогу до Пекарской улицы.

Я обернулась. Разумеется, мошенника уже и след простыл. Гнаться за ним было бесполезно — лланкерцу ничего не стоило затеряться в лабиринте хорошо знакомых ему дворов и переулков. Я даже не могла пожаловаться на него стражникам — они меня же и арестуют за попытку подкупа. Или все же попытаться предложить им денег? Уж больно рискованно... Один бы, наверное, взял, но их трое — каждый побоится, что другой может донести.

— А зачем тебе во дворец? — прервал стражник мои мучительные раздумья.

Соврать, что там работает кто-то из моих родных? Нет, пожалуй, это легко разоблачат. А что, если сказать правду? Но, похоже, ни король, ни губернатор не хотят, чтобы простые ранайцы общались с пришельцами...

— Нну... эээ... дело в том, что... — протянула я, лихорадочно подыскивая ответ, который оставлял бы мне шанс проникнуть внутрь.

— И вообще, сними-ка маску, парень, — не стал дожидаться моего ответа второй стражник.

— Ну ладно, раз нельзя, значит, нельзя, — поспешно согласилась я. — Я пойду...

— Я сказал — сними маску!

Третий солдат прислонил к стене свою алебарду (теоретически, конечно, таким оружием можно разрубить аньйо пополам, но стражники пользуются им, главным образом, чтобы перегораживать улицы, а для боя с легким и юрким противником оно слишком громоздко) — и неслышно двинулся вперед, с явным намерением зайти мне за спину. Я покорно стащила маску, подавляя желание схватиться за эфес шпаги.

— Вот так парень! — хохотнул второй. Ну еще бы, где тебе, дубине носатой, предположить, что девушка может надеть костюм гвардейца. У женщин ведь другие интересы, они только и могут, что работать по дому и нянчиться с детьми, правда?

— Как твое имя? — спросил мой несостоявшийся проводник.

— Тайелла Клаайре.

— Ты не лланкерка? (Уж это-то им ничего не стоит проверить.)

— Я из Тйертена. (Надеюсь, никто из них не знает Тйертен достаточно хорошо.)

Третий был уже у меня за спиной, я теряла драгоценную возможность для бегства, но, может, все еще обойдется?

Двое стражников внимательно меня разглядывали.

— А ножны у тебя не игрушечные, — заметил второй. — Небось, и шпага тоже?

— Мне скоро пятнадцать, имею право, — пожалала плечами я. — Мало ли хулиганов на улице? Мой отец не настолько богат, чтобы приставлять ко мне телохранителя, уроки фехтования обошлись дешевле.

— Сними плащ.

— Что?

— Сними плащ! — повторил первый, кладя руку на эфес. Он тоже предпочел отставить алебарду в сторону. "Пистолетов у них нет, — отметила я про себя, — только шпаги. И стальных нагрудников тоже. Собираясь стоять полночи на этой тихой и пустой улочке, они не стали надевать тяжелые и холодные железяки..." Я потянулась к булавке, которой крепилась бумажная накидка, но стражник сделал нетерпеливый жест: — Не маскарадный, настоящий.

— Зачем? — изобразила недоумение я.

— Хочу проверить, не прячешь ли ты кое-что за спиной, — осклабился он.

— Что я там могу прятать? Что это вообще за произвол? Раздевают на морозе, как какие-нибудь бандиты! Я буду жаловаться вашему начальству! Мой отец — королевский чиновник, он это так не оставит!

— Хорошо, — неожиданно согласился солдат. — Отдай шпагу, и пойдем в караулку. Там тепло, и там наше начальство.

В этот момент рука третьего с силой легла мне на спину. То есть, конечно же, на сложенные крылья, скрытые плащом. Сквозь мех одежды он мог и не понять, что нащупал — если бы только не знал, что именно ищет...

Я резко крутанулась на месте, нанося ему удар левым локтем в челюсть, прежде чем он успел хоть что-нибудь сказать. Пошатнувшись, он все же устоял на ногах, но при этом практически отключился — "поплыл", как говорят кулачные бойцы. В следующий миг я уже выхватила шпагу — как раз вовремя, чтобы парировать выпад первого стражника. Второй махнул алебардой, пытаясь отсечь мне путь, но я поднырнула под ней, отскакивая дальше в глубину улицы. Тогда он тоже бросил тяжелый топор и обнажил шпагу. Шутить они не собирались — хотя перед ними, вопреки объявленным приметам, была четырнадцатилетняя девчонка, они помнили судьбу младшего тар Мйоктана.

В этот миг я еще надеялась просто убежать, но краем глаза заметила, что, пока второй стражник рвется ко мне со шпагой, первый уже вытащил глиняный свисток на цепочке и сейчас поднимет тревогу. Мне доводилось слышать, как пронзительно свирячат такие свистки. А учитывая, что рядом дворец и караулы на других центральных улицах, подмога моим врагам прибудет быстро.

Увернувшись от шпаги второго, я метнулась к первому, сделала обманный выпад в грудь, а когда он поспешно закрылся, изменила направление шпаги и пронзила ему предплечье левой руки. Он выронил свисток (тот закачался на цепочке возле его пояса), а я с неожиданным трудом выдернула свое оружие. Он на мгновение замешкался — кажется, пока еще больше от удивления, чем от боли — и я воспользовалась этим, чтобы выбить его шпагу и отшвырнуть ее ногой.

В тот же миг я, даже не тратя времени на поворот головы, отпрыгнула в сторону, чувствуя, что второй уже рядом — и вовремя: его клинок успел на излете кольнуть меня в бок

сквозь одежду, но не успел вонзиться достаточно глубоко.

Я повернулась к этому новому противнику и стремительно контратаковала, не давая ему опомниться. С большим трудом парируя мои удары, он был вынужден отступить. Но, должно быть, что-то в выражении его лица указало мне на новую опасность, и я развернулась, встречая очухавшегося третьего. В первую долю секунды я поднырнула под его клинок, а во вторую снизу вверх вонзила шпагу ему между ребрами.

Собственно, теперь я даже не уверена, что главная роль тут была моя. Может быть, он сам с разбегу наткнулся на острие. Но факт оставался фактом: нелепо дернув руками, он вдруг завалился набок, соскальзывая с моего клинка. Я убила ранайского стражника! Убила служителя закона!

Но размышлять об этом было некогда. Я быстро перекатилась по снегу, уходя от шпаги второго из моих врагов. Он так надеялся приколоть меня к мостовой, что его клинок, с силой ткнувшись в камни улицы, сломался; однако он тут же подхватил оружие убитого товарища. Едва я вскочила, наши шпаги снова скрестились, и тут я поняла, что должна убить и его, и последнего из стражников. Только так я смогу избежать погони. Я, только что считавшая себя законопослушной ранайской гражданкой, жертвой несправедливой пристрастности губернатора Лланкеры...

Я прыгала на полусогнутых вокруг своего противника, стараясь все время держать его между собой и первым солдатом, который был всего лишь ранен в левую руку и обезоружен, но отнюдь не списан со счетов. Впрочем, теперь он уже не был и безоружен: пока я фехтовала с остальными, он успел подобрать свою шпагу и лишь выбирал удобную позицию для атаки. Однако, видя, что я не даю ему удобной возможности, он вдруг вспомнил о своем свистке, все еще болтавшемся на цепочке. Не выпуская из руки оружия, он нашарил свисток, поднес его двумя пальцами ко рту — а я не могла ему помешать, занятая отражением атаки второго! — и громкий переливчатый свист разодрал воздух. От этого внезапного звука рука атакующего меня дрогнула, я легко отбила его выпад и пронзила его насквозь в верхнюю часть живота.

Остался последний стражник, но было уже слишком поздно. Тревога уже поднята. Но тут же в голове у меня мелькнула мысль, что, если я прикончу и его, преследователи не будут знать, кого им преследовать. Видимо, он прочел эту мысль в моих глазах, потому что, не выпуская свистка изо рта, вдруг повернулся и бросился бежать в сторону дворца. Взрослый мужчина, профессиональный солдат, в страхе улепетывал от меня! Но мне было не до гордости, и не до попыток преследования. Его коллеги будут здесь с минуты на минуту. Я помчалась в противоположном направлении.

Добежав до подворотни, я сорвала карнавальный плащ, отерла им от крови шпагу и сунула ее в ножны. За плащом на снег полетела и "гвардейская" шапка. Маска все еще болталась у меня на шее; мгновение подумав, я вновь надвинула ее на лицо.

К счастью, я хорошо запомнила дорогу, хотя похоже, что мошенник вел меня не самым прямым путем. Издали доносились чьи-то радостные взвизги, треск первых шутих и музыка, но я бежала по узким пустынным улочкам и переулкам, слыша, как сзади перекликаются свистки преследователей. Казалось, сам воздух вокруг обогрился кровью — это рассеивался в тумане свет взошедшей на западе Лла.

Наконец я выскочила на запруженную народом улицу и смешалась с толпой. В этом был свой плюс — найти меня в этой кутерьме было бы крайне затруднительно — но и свой минус: теперь я при всем желании не могла передвигаться быстро, а какой прок от возможности прятаться в толпе, если стража закроет все выходы из города?

Тут же мой мозг пронзила новая мысль: если я сейчас выберусь из города, вряд ли смогу попасть обратно, оставаясь свободной. Но ведь моя цель здесь! Здесь пришельцы! Пожалуй, смешавшись с толпой, я могу не опасаться стражи до утра, но что дальше? Гости уедут, жители разойдутся по домам, по улицам двинутся патрули... Как мне пробраться к пришельцам сквозь

кордоны?

Я лавировала между гуляющими, машинально пресекая попытки вовлечь меня в хоровод или в танец посреди улицы, а в голове моей роились планы один фантастичнее другого. Крыши... подвалы... нет, так просто во дворец не проникнуть, его строители все же не были дураками... свести знакомство с кем-нибудь, кто работает во дворце... сколько времени на это уйдет?... оборудовать себе наблюдательный пункт где-нибудь на чердаке в центре и, когда железная птица пришельцев в очередной раз взлетит, выскочить на крышу и махать крыльями — вдруг заметят... пожалуй, не больно-то много шансов! Хотя... что, если запустить шутиху? На это они, пожалуй, обратят внимание. Сначала ее, конечно, надо раздобыть. Уличные разносчики такие вещи не продают — слишком опасная игрушка в неумелых руках. Но в праздничной суматохе шутиху можно украсть из уже выстроенной для полуночного фейерверка батареи. Я спросила у ближайшего прохожего, где улица Оружейников — всей пиротехникой традиционно занимаются они. Прохожий оказался таким же приезжим, как и я, но со второй попытки я наткнулась на местного и получила ответ. Оказалось, что это совсем рядом, и я не заблудилась даже в сгущающемся тумане. По дороге я еще запаслась провизией на будущее, купив у разносчиков пирогов и сладостей.

На площади, которой заканчивалась улица Оружейников, была возведена уже целая пирамида шутих. Через какую-нибудь пару часов они ярус за ярусом взвьются в небо со свистом и треском, волоча за собой рассыпчатые хвосты искр и распускаясь над городом огненными соцветиями... А здесь, внизу, будет не продохнуть от порохового дыма. Несколько оружейников в парадных красных костюмах прохаживались рядом с донельзя самодовольным видом, охраняя пирамиду и снисходительно отвечая на вопросы зевак. Тут же уже стоял большой бак с водой и помпа со шлангом, на случай, если возникнут неприятности с огнем. Шутихи каждого яруса связаны друг с другом запальными шнурами, чтобы их можно было поджечь одновременно — придется перерезать. Я отошла в ближайшую подворотню, расстегнула плащ, достала метательный нож и сунула его в левый рукав. Затем спрятала под плащом шпагу, а немного подумав, и маску. Нет-нет, господа оружейники, я не мальчишка, ищущий приключений, я тихая скромная девочка, которой и в голову не придет воровать у вас шутиху...

Завязать разговор оказалось несложно — пара идиотских вопросов, позволивших им посмеяться над моей неграмотностью, виноватое оправдание, что, мол, это все мой кузен, который пошел в оружейники и, хотя он еще всего только ученик, уже жутко важничает, и что он специально рассказал мне эти глупости, чтобы выставить меня в смешном свете, добродушные улыбки в ответ — через кузена уже как бы и я становилась им не чужой, затем ловко вброшенная невинная реплика о достоинствах холодного оружия ("я-то, конечно, в этом ничего не понимаю, но слыхала..."), вызвавшая бурный отклик собеседников — с тех пор, как некогда единый цех разделился на делающих холодное и огнестрельное оружие, споры между ними не затихают... А сама тем временем, переминаясь с ноги на ногу, все ближе подбиралась к пирамиде... вот уже и пальцы как бы невзначай коснулись плотного цилиндрического тела шутихи... вроде никто не смотрит... слегка покрутила кистью левой руки — лезвие скользнуло в ладонь, придержала его правым большим пальцем, а левым прихватила шнур запала... теперь несколько движений пальцем вверх-вниз (а собеседника всюю занимаем разговором, а плащ закрывает от него руку)... черт, кажется, порезалась, зато и шнур перепилен... а вот теперь очередь самой шутихи переключать ко мне под плащ! Сердце бешено колотится, я со смехом несу какой-то вздор... неужели они не замечают... нет, не замечают! Не замечают, потому что не ждут ничего подобного! Прощаюсь, еще несколько секунд — и я растворюсь в сгустившемся тумане.

— Черт, туман... — словно откликается на мою мысль один из оружейников. — Как бы весь фейерверк не испортил. Что за невезение такое, не пришельцы, так туман...

— Ничего, сейчас еще чуток похолодает, он снегом и просыплется, — успокаивает его другой.

— А что пришельцы? — я, уже полуобернувшись, чтобы уйти (а уходить надо быстро, появившийся в пирамиде изъясн могут заметить!), замерла на месте. — Разве они мешают фейерверкам?

— Они-то, может, и не мешают, а власти наши, как обычно, до часа Лла спать ложатся: то солдат полный город нагонят, то шутихи запретят — как же, вдруг пришельцы летать будут, а по ним кто шутиху пустит, а те решат, что это нападение...

— А теперь, значит, все-таки разрешили? — про себя я удивилась совпадению опасений властей с моим планом. А вдруг они правы? Вдруг гости со звезд и впрямь примут шутиху за агрессию? Да нет, они в нашем мире уже давно, должны знать, как выглядят наши пушки и как — увеселительные фейерверки...

— ...дня назад, — за своими мыслями я даже не расслышала ответ и переспросила:

— Что?

— Три дня уже, говорю, как улетели! Ты что, не знала?

— Нет, — убито ответила я, чуть не выронив украденную шутиху. Значит, мошенник врал мне с самого начала. А кордоны в центре охраняют вовсе не пришельцев, а покой губернатора. На него слишком много свалилось в последнее время — смерть сына, гости со звезд — и теперь он не желает видеть и слышать праздную толпу у себя под окнами.

— На них посмотреть приехала? — догадался оружейник по моему потерянному виду. — Ничего, не печалься. Жили тысячи лет без чужаков и еще проживем. Мы их и сами тут не видали, только эту их летающую лодку...

Я пошла прочь с площади. Через несколько секунд сзади послышался какой-то переполох — должно быть, пропажу заметили, но я уже смешалась с толпой и вновь скрыла лицо под маской.

Значит, все было напрасно. И моя дерзкая операция по похищению шутихи... и смерть стражников. Впрочем, второй, наверное, не умер, а только ранен. Хотя рана в живот — скверная штука, да и, как говорит доктор Ваайне, самое опасное в клинке — не острие и не лезвие, а грязь на нем. Сколько аньйо умирают от заражения крови даже после хирургической операции, не говоря уж о ране в бою... Но, даже если он выживет, дело уже сделано: теперь я — опасная преступница, и мой удел — бежать и прятаться, если я не хочу окончить жизнь на виселице еще до своего совершеннолетия. А я попусту потеряла время с этой шутихой...

Пару раз я все же свернула не туда, но в конце концов вышла на Кузнечную улицу. На площади, заставленной экипажами, никого не было — как видно, все желавшие попасть в город уже приехали, а для отъезжающих было еще слишком рано. Впрочем, могло существовать и другое объяснение: ворота уже закрыты.

Никто не помешал мне вывести Йарре на улицу; смотритель лишь проводил меня взглядом. Кажется, он успел уже выпить по случаю праздника. Я не рискнула ехать через уже знакомые ворота — караульным могли уже сообщить, чем отметилась Тайелла Клаайре в городе. Пришлось искать другой путь — впрочем, это было нетрудно, достаточно было добраться до первой же широкой радиальной улицы, и она вывела меня к городской стене в новом месте. Вот только, когда в тумане проступили ворота, я поняла, что они и впрямь заперты.

Двое стражников маячили на посту, еще несколько их товарищей, очевидно, грелись в тепле привратной башни; огонь в окне весело мерцал сквозь белое марево. Я оценила диспозицию с расстояния в пару сотен локтей. Не прорваться. Караульные предупреждены и настороже; у них, похоже, даже не шпаги, а мечи. Ни обман, ни внезапное нападение не помогут. Вот если бы у меня был двуствольный мушкет... Хотя новых смертей мне не хотелось.

Тут я вспомнила про засунутую в карман шутиху. Идея была рискованной, но ничего

другого не приходило мне в голову. Пока Йарре шагал к воротам, я прикинула длину обрезанного запала, подождала еще немного, а затем, стараясь прикрыть свои манипуляции плащом, высекла огонь и подпалила шнур. Стражники заметили мою возню, но пока не понимали, что происходит; однако я видела, как они взяли оружие наизготовку. В следующую секунду я метнула шутиху вперед, как метала ножи. Уже в воздухе запал догорел, и шутиха, выстрелив снап пламени, помчалась, набирая скорость, к воротам. Ударившись о тяжелые створки, она отскочила, срикошетила от стены и заметалась в узком проходе, с оглушительным треском расшвыривая снопы разноцветных искр. "Йо!" — крикнула я, сжимая ногами бока Йарре. Тйорл бесстрашно поскакал навстречу свистящей и взрывающейся круговерти, а стражники, напротив, в первый момент застыли, как вкопанные. Фейерверк не мог причинить им большого вреда — его огонь холодный, иначе любой праздник заканчивался бы пожаром — но внезапный грохот и ослепительные вспышки вокруг, да еще после ночной тишины и спокойствия, способны вогнать в шок кого угодно. После первого замешательства один караульный метнулся в башню, а второй — мне навстречу, но вовсе не с целью меня задержать. Он просто уносил ноги; свой меч он бросил и пробежал мимо, прикрывая голову руками.

Таким образом, площадка у ворот осталась за мной, но я понимала, что это лишь на несколько секунд — потом стража опомнится. Фейерверк уже закончился (остатки шутихи шипели, дотлевая в снегу), но в воздухе висели клубы густого дыма, от которого у меня сразу потекли слезы и запершило в горле. Я спрыгнула на мостовую и навалилась двумя руками на тяжелую рукоять засова. Она поддалась, но лишь чуть-чуть. Я попробовала надавить сильнее, но мои ноги заскользили по мокрой наледи, и я повисла на рукояти. Тогда я уперлась одной ногой в створку ворот, и мне удалось сдвинуть засов еще на осьмушку локтя; однако из башни уже доносился топот сбегавших по ступенькам сапог. "Черт!" — прошипела я сквозь зубы, скользя и упираясь. Засов полз, но слишком медленно...

И вдруг пошел значительно быстрее. Я повернула голову и увидела, что Йарре, нагнув могучую шею, уперся рогом во вторую его рукоять. Через пару секунд ворота были отперты. Йарре встал на дыбы и ударил передними копытами сразу в обе массивные створки; те нехотя открылись. Первый стражник уже выскочил на улицу, но замешкался, кашляя в дыму; я тем временем взлетела в седло, и Йарре, не дожидаясь команды, помчался прочь от города. Вслед нам грянуло несколько выстрелов, но пули, пущенные наудачу в темноту и туман, не прошли даже близко от цели.

И тут, наконец, пошел снег. Туман оседал мелкими кристалликами, мягко поблескивавшими в голубом свете взошедшей Лийи. Это длилось всего несколько минут, а затем воздух сделался прозрачным до самого горизонта. Я оглянулась на опоясанную гирляндой огней Лланкеру. Погони не было, и на таком расстоянии я уже могла ее не опасаться.

Теперь ничто не удерживало меня в Лланкерской провинции, и я выбралась на дорогу, ведущую на северо-запад. За восемь дней я рассчитывала добраться до Ллойета. С летающей лодкой я разминулась — что ж, оставалась надежда, что я не разминусь с пославшим ее звездным кораблем.

В первый день нового года мне так и не удалось толком поспать: я дремала, сидя в седле и просыпаясь всякий раз, когда меня начинало опасно кренить набок. В дальнейшем меня ожидали очередные малоприятные ночевки в сараях и под открытым небом. И все же, пересекая три дня спустя границу между Лланкерской и Вийеррской провинциями, я вздохнула свободнее. Здесь я уже не подлежала лланкерскому суду. Правда, после убийства как минимум одного стражника меня могли арестовать по всей Ранайе, но вряд ли вийеррская полиция будет заниматься этим с тем же рвением, что и лланкерская, да и дело это не столь важное, чтобы гнать ради него королевского курьера. Отчим не раз сетовал, что службы, подчиненные властям разных провинций, изрядно недолюбливают друг друга, да и с Королевской Тайной Канцелярией сотрудничают без должного усердия, ставя местные интересы выше

общегосударственных; могла ли я подумать, слыша эти слова и разделяя его возмущение, что когда-нибудь такое положение будет мне на руку! Кстати, Тайная Канцелярия, вероятно, уже провела свое расследование смерти губернаторского сына и знает, что это была просто дуэль без политической подоплеки, а банальной уголовщиной вроде убийства муниципального стражника Канцелярия не занимается, так что с этой стороны мне, похоже, нечего опасаться. Да и вообще, надо еще доказать, что Эйольта Лаарен-Штрайе и Тайелла Клаайре — одно и то же лицо. Единственный анью, который знал это наверняка, получил укол шпагой в сердце. А сводить вместе свидетелей, видевших ту и другую и живущих за сотни миль друг от друга — дело слишком хлопотное, тем более в весеннюю распутицу.

Правда, оставалась еще тысяча йонков, обещанных старшим тар Мйоктаном. Ради таких денег меня могли попросту похитить и доставить в Лланкеру, не утруждая себя соблюдением законных процедур. Так что я решила по-прежнему избегать запирающихся ворот и постоянных дворов.

Впрочем, с каждым днем становилось теплее, и не только из-за ранней и дружной весны, но и из-за моего продвижения на север. Всего лишь день мне пришлось ехать по грязи (и, к счастью, не пришлось в этой грязи ночевать), а утром следующего дня я выехала на прекрасную мощеную дорогу, проложенную по насыпи, и к вечеру добралась до северных степей, где снег давно сошел и земля успела просохнуть. На исходе восьмого дня я все еще не достигла Ллойета, но рассудив, что отоспаться смогу и на корабле, дала лишь короткую передышку Йарре, а потом ехала всю ночь. Полная Лийя освещала путь, копыта ступали по хорошей дороге, вокруг простиралась степь, поросшая уже в этих широтах молодой травой, и я чувствовала себя превосходно. Даже ночной холод казался приятным после того, как мне пришлось целый день жариться в меховом плаще под ярким весенним солнцем.

Ллойет стоит в дельте Йатлы; два мощных рукава огибают стены портового города, вздымающиеся, как кажется издали, прямо из воды. Впрочем, в тот день это не казалось, а и в самом деле было так: река, незамерзающая в районе устья, разлилась из-за таяния льдов и снегов выше по течению. Вода плескалась по обе стороны насыпи, ведущей к мосту, и непривычно близко текла под брюхом самого моста. Как раз когда я переправлялась через правый рукав, большая серая льдина, плывшая по течению, тяжело ударилась об одну из каменных опор и с пушечным грохотом раскололась надвое; мост дрогнул от этого удара, и ехавшая впереди на телеге толстая тетка испуганно осенила себя святым треугольником.

Мост уходил прямо в ворота, сделанные на высоте добрых шестнадцати локтей над землей; из-за наводнения они казались ниже, и все же я въезжала под своды привратной арки без трепета — если что, единственным путем отступления был бы прыжок с высоты в ледяную воду. Но стражники едва взглянули на меня. Порт переживал обычное весеннее оживление, с раннего утра по мосту в обе стороны тянулись повозки и всадники, и караульным было не до досмотра приезжих, если, конечно, те исправно платили въездную пошлину.

За воротами оказался пологий пандус, по которому я, наконец, спустилась на землю. Прикинув разницу в высоте стен снаружи и внутри, я поняла, что, случись в них сейчас брешь, город зальет по вторые этажи. Но ллойетцев это, похоже, совершенно не волновало — и впрямь, стены выглядели весьма внушительно.

Не тратя времени на поиски гостиницы, я поехала напрямик в порт. Набережную от моря отделяла широкая дамба, выдерживающая и весенние паводки, и двойные приливы Лийи и Лла, и свирепые зимние штормы; за ней неожиданно высоко покачивались мачты ближайших кораблей. Копыта Йарре простучали по пандусу, и я, наконец, впервые в жизни увидела океанский порт во всем его великолепии, с его ступенчатыми причалами, позволяющими кораблям швартоваться при любом уровне воды, многочисленными талями, с которыми управлялись сноровистые грузчики, громоздящимися на причалах и дамбе груды тюков и ящиков, двумя белыми свечами маяков-близнецов на концах окаймляющих бухту мысов — и,

конечно же, множеством парусников разных флагов, размеров и оснастки. Попадались здесь и скромные одномачтовые рыбацьи лодки, и спустившиеся по реке ройки — и все же у большинства кораблей на корме гордо вращались лопасти крутильных компасов. То были океанские суда, способные уйти за тысячи миль от берега и обогнуть весь мир! У меня перехватило дух — может быть, от этого зрелища, которое прежде я представляла лишь по книгам, а может, от холодного сырого ветра в лицо. Ветер трепал полы плаща и кисточки на ушах Йарре; я облизнула губы и почувствовала капельки соленой влаги. Скоро я отправлюсь за океан — эта мысль была настолько захватывающей, что даже затмила на время идею о куда более грандиозном путешествии, для которого это, морское, должно было стать лишь прологом...

Смельчаки, а вернее сказать — безумцы, пытавшиеся пересечь океан на утлых галерах, ориентируясь лишь по солнцу и ночным светилам, находились и в древности. Бог весть сколько их поглотила пучина, но кому-то все же удавалось достичь другого берега — первое упоминание о Гантру, загадочном острове далеко в западном океане, встречается в илсудрумских летописях уже во времена Кайллана Завоевателя (тогда еще никто в Инйалгдаре не знал, что Гантру — не остров, а огромная страна, занимающая больше половины континента Глар-Цу). Но, конечно, ни о каком регулярном морском сообщении в то время не могло быть и речи, а о существовании северного континента Йертаншехе и вовсе никто не помышлял. Тогда считали, что экватор — это край земного купола, и корабль, приблизившийся к нему, сорвется в бездну.

Но и много позже, когда парусники стали больше и надежнее, а теория сферической Земли прочно утвердилась в науке, самые дальние экспедиции, посылаемые морскими державами, отправлялись лишь вокруг своего континента, но не через океан. Солнце и звезды — слишком ненадежные ориентиры для многодекадных путешествий вдаль от всякой земли; тучи могут надолго скрыть их, а ветры и течения отнесут за это время корабль за сотни и тысячи миль от прежнего курса. А за экватором, как докладывали редкие храбрецы, все же забравшиеся так далеко на север, звезды и вовсе другие, неведомые тогдашним астрономам... Одно время для навигации пытались приспособить магнитную стрелку, подвешенную на нитке, но оказалось, что этот прибор не только ненадежен и неудобен (стрелку надо долго уравнивать в полном покое — слишком слаба действующая на нее сила; в условиях морской качки задача неразрешимая), но и попросту непригоден для путешествий на большие расстояния. Как объясняли нам в школе, магнетическая субстанция, вопреки первоначальным теориям, объемлет не весь земной шар, но лишь отдельные области его, не сопряженные друг с другом.

Прорыв свершился лишь два с половиной столетия назад, когда гантрус Гнех-Игд-Ур, прозванный впоследствии Мореходом, обратил внимание на странное стремление быстро крутящихся массивных тел сохранять положение своей оси вращения. Собственно, свойство это давно использовалось в детской игрушке "юла", но до Гнех-Игд-Ура никому не приходило в голову применять его для чего-то серьезного (просто поразительно, до чего тупы бывают анью!) И лишь аг-Магхадаб (с гантрусского это можно перевести как "Мореход с большой буквы" или "тот самый мореход") додумался до крутильного компаса. В зависимости от относительных скоростей воды, ветра и корабля, маховик компаса приводится в движение либо лопастями ветродвигателя, либо размещенной под килем крыльчаткой, либо (в штиль) вахтенными матросами, крутящими педали. Любопытно, что первые гантрусские галеоны, достигшие берегов Инйалгдара (а конкретно — Илсудрума), ветряных лопастей не имели, поэтому принцип их навигации оставался загадкой для илсудрумцев (впрочем, даже если бы они увидели лопасти, еще неизвестно, как скоро они бы поняли идею аг-Магхадаба). Гантрусом это поначалу вполне устраивало — они хотели сохранить монополию на морскую торговлю — но потом по Илсудруму поползли слухи, что чужеземцы в сговоре с дьяволом, что их корабли

ведет через океан нечистая сила и т.п. Конечно, очень может быть, что простонародье додумалось до такого самостоятельно — это вполне в его духе — но мне все же кажется, что за слухами, удивительно быстро распространившимися вдоль всего западного побережья, стояли купцы, желавшие разрушить гантрускую монополию. А учитывая, что гантруская религия не имеет ничего общего со Святым Троекнижием (гантрусы вообще язычники), слухи эти падали на самую подходящую почву. Торговля весьма осложнилась; хотя гантруские купцы по-прежнему получали охранную грамоту илсудрумского императора, бумага с печатью — не очень хороший аргумент против запрудившей пристань разъяренной черни. Иноземные гости требовали прислать солдат, солдаты теснили толпу, но местные торговцы с виноватой улыбкой разводили руками: мы бы, дескать, с радостью приобрели ваш превосходный товар, но не хотим погромов наших магазинов. В конце концов гантрусы не выдержали и выдали свою тайну, чтобы доказать, что в ней нет ничего сверхъестественного. Илсудрумцы дополнили конструкцию компаса ветряными лопастями, и уже в таком виде их корабли пришли в ранайские порты. Из трех держав, впоследствии поделивших между собой владычество над океаном, Ранайа узнала секрет крутильного компаса последней, однако именно ранайский капитан Йав Ллатнооре первым достиг северного континента (точнее, острова Йекла к юго-востоку от него).

Ну вот, не упустила случая блеснуть эрудицией; впрочем, если вы этого не знали, вам, надеюсь, было интересно. Возвращаясь к своему рассказу. Я отправилась искать подходящее судно, и после получаса расспросов и скитаний по причалам мне, наконец, указали на бриг "Звезда тропиков". Его маршрут подходил мне идеально: он должен был не только пересечь океан, но и обогнуть с севера часть Глар-Цу, придя в Лац, один из северных гантруских портов. На флагштоке брига трепетал на ветру штандарт ранайского торгового флота, что меня порадовало: несмотря на все проблемы, возникшие у меня с ранайскими властями (о чем, как я надеялась, здесь не знали), на борту иноземного судна, не защищенная эдиктом о равноправии крылатых, я чувствовала бы себя менее уверенно. Вообще корабль мне понравился — его изящные стремительные обводы вызывали ощущение скорости, даже когда он неподвижно стоял у пирса, а девятнадцать пушек (я видела только девять по левому борту и одну на корме, но, очевидно, правый борт не отличался от левого) невольно внушали уважение. Я оставила Йарре на причале и поднялась по сходням; какой-то аньйо (судя по одеянию — из дворянского или чиновного сословия) как раз собирался спускаться, но учтиво пропустил меня.

Капитана я увидела сразу же: он стоял на палубе, заложил руки за спину и широко, по морской привычке, расставив длинные ноги в здоровенных сапожищах с отворотами. Ветер трепал его густую рыжую гриву; медное кольцо в левом ухе символизировало некогда совершенное им кругосветное путешествие.

Я изложила капитану свою просьбу, и он воззрился на меня, удивленно приподняв левую бровь.

— Ты хочешь сказать, что едешь в Гантру одна?

— Я уже совершеннолетняя, — соврала я.

Он недоверчиво хмыкнул.

— Ты там кого-нибудь знаешь?

— Да, — врать, так врать. — Там живет мой дядя, он представитель ранайской торговой компании.

— Все равно, твоим родителям не следовало отпускать тебя одну... Но, в любом случае, ты опоздала. Вон тот парень только что купил последнюю каюту, — он кивнул в сторону пропустившего меня аньйо, который уже спустился на причал.

Я закусила губу от досады. Ну что мне стоило приехать на пять минут раньше! Впрочем, вспомнив об учтивости моего конкурента, я решила, что не все потеряно.

— А что, если я уговорю его уступить мне место?

— Попробуй, — пожал плечами капитан. — Мне все равно, кто платит мне деньги. Мы отходим завтра за час до полудня. А ну гоните ее! — гаркнул он вдруг.

В первый миг я решила, что он имеет в виду меня, и изумилась, чем вызвана подобная грубость. Но, проследив направление взгляда капитана, увидела большую чернокрылую йувву, которая кружила над бригам. Я вспомнила, что, по морским поверьям, эти птицы, питающиеся падалью и отбросами, приносят несчастье; если йувва сядет на мачту корабля, на борту кто-нибудь умрет, а то и весь корабль пойдет ко дну. Разумеется, это суеверие столь же глупо, как и любое другое, однако не только безграмотные матросы, но и многие флотские офицеры принимают его всерьез. Сто тридцать лет назад, во время очередной ранайско-илсудрумской войны, адмирал Ллой Твайтен отложил выход в море целой эскадры из-за йуввы, севшей на мачту флагмана. В результате илсудрумский флот беспрепятственно прошел через узкое горло Йатнуронского пролива. Адмирал был отдан под трибунал; в свое оправдание он сказал, что из-за йуввы боевой дух его подчиненных настолько ослаб, что сражение все равно было проиграно — а так, по крайней мере, удалось сберечь корабли, которые стали бы трофеем противника. Суд учел это соображение, и вместо разжалования и тюрьмы адмирал отделался лишь отставкой с сохранением чинов и пенсионера...

Матросы принялись кричать и размахивать тряпками, отгоняя птицу, а самый сноровистый сбегал за мушкетом. Выстрел громыхнул, когда йувва, безразличная к суете внизу, уже делала тормозные махи крыльями, готовясь примоститься на рее. Пуля не задела птицу, однако заставила переменить намерение: недовольно взыв, йувва вновь набрала высоту и полетела прочь.

Я сбежала на пирс, запрыгнула в седло и быстро догнала шедшего пешком пассажира.

— Сударь!

— Чем могу служить, сударыня? — несмотря на вежливые слова, тон его был холодный. Но меня это не остановило.

— Можете, — заверила я его. — Дело в том, что мне крайне необходимо как можно скорее попасть в Лац (я специально назвала конкретный город — "срочное дело в Лаце" звучит убедительней, чем "срочное дело на западе Гантру"), а вы, как мне сказали, купили последнее место на корабле. Не могли бы вы уступить мне его... я заплачу вам за задержку, разумеется, — добавила я, подумав про себя, что после всех обманов, с которыми мне пришлось столкнуться, денег у меня остается не так уж и много.

— Увы, нет, — ответил он, не раздумывая ни секунды. — У меня самого дела в Гантру, и я не могу ждать следующего корабля. Будь вы из низшего сословия, я мог бы взять вас в свою каюту в качестве служанки, но вы, как я вижу, носите шпагу.

На какой-то миг я подумала, не ухватиться ли, отбросив гордость, даже и за это предложение, но тут же поняла, что оно неприемлемо. Дело даже не в том, что мое согласие шокировало бы его и вызвало подозрение, и не в том, что служанка из меня получилась бы посредственная — я выросла, не обремененная работой по дому; просто, живя в одной каюте с ним, я не смогла бы скрыть свои крылья, и я изрядно сомневалась, как он к этому отнесется.

— Может, вы знаете еще кого-то из пассажиров, кто мог бы оказать мне эту любезность? — спросила я.

— К сожалению, нет.

— Ммм... ну хорошо. А хотите пари? Вы, я вижу, тоже при шпаге. Ставлю двести йонков, что смогу выиграть у вас поединок. А вы поставите место на корабле.

Его одежда хоть и говорила о принадлежности к высшему сословию, но особым богатством не отличалась, так что 200 йонков должны были быть для него солидной суммой — как, впрочем, и для меня (строго говоря, это практически все, что у меня еще оставалось). И вызов от какой-то девчонки он, конечно, должен был воспринять как возможность получить эти деньги без особого труда. В общем, ловушка была идеальная (хотя в глубине души я все же

побаивалась, что он может оказаться более искусным фехтовальщиком, чем я).

— Вы и в самом деле умеете обращаться со шпагой? — он, кажется, впервые взглянул на меня с интересом. — Так или иначе, я не приму ваше предложение. Победить вас значило бы воспользоваться вашей наивностью, а проиграть вам — лишиться места на корабле. А я, как я уже сказал, спешу и не намерен откладывать свою поездку. Так что, если у вас нет ко мне других дел...

— Прощайте, сударь, — убито согласилась я. — Или, может быть, до свидания — если мне удастся найти кого-нибудь более сговорчивого.

— Желаю успеха, — кивнул он, направляясь к лестнице, ведущей через дамбу в город.

Глядя ему вслед, я вдруг почувствовала, как наваливается доселе отгонявшаяся усталость. Надо где-то найти пристанище, пока я не уснула прямо посреди улицы. К счастью, проехав совсем недалеко вдоль набережной, я заметила вывеску припортовой гостиницы. Гостиница была так себе — не кабак низкого пошиба, но и не респектабельный отель — но меня это вполне устраивало. Войдя в номер, я скинула плащ, уселась на кровать, стянула один сапог — и заснула прежде, чем успела снять второй.

Наверно, я продрыхла бы до позднего вечера, если бы не приснившийся мне сон. Во сне я дралась на шпагах с вежливым незнакомцем, причем не по-спортивному, а по-настоящему, насмерть. Он шел в порт по каким-то длинным тусклым улицам, а я нападала на него, потому что знала — чтобы занять его место на корабле, мне нужно убить его. И я прокалывала его шпагой раз за разом, а он поднимался и шел дальше. Я не могла понять, почему он не умирает, и у меня текли слезы от злости и бессилия. Наконец мы подошли к стоянке брига; я подняла голову и увидела, что на борту, расставив ноги и заложив руки за спину, стоит Ллуйор. Лицо его было бледным, а на шее болтался обрывок висельной веревки.

— Ты капитан? — удивилась я.

— Да, — сказал он, — но ты не поплывешь на этом корабле. Последнее место досталось ему, — он кивнул на моего противника.

— Но ведь я убила его!

— Именно поэтому, — ответил Ллуйор. — Это корабль мертвых, разве ты не видишь мачты?

Я посмотрела на мачты. На них не было парусов. Вместо них на реях сидели йуввы, готовясь расправить крылья и умчаться корабль в неизвестность.

— А пришельцы тоже мертвые? — спросила я.

— Конечно, — кивнул Ллуйор, — поэтому их никто и не видит.

От осознания тщетности моих усилий меня охватила жуткая тоска, и я рванулась прочь из унылого мира сна; секунду спустя я пришла в себя на кровати, мое сердце бешено колотилось, а лоб и шея были мокрые. Мерзкий сон не шел из головы. Меня неприятно поразило, насколько легко я убивала постороннего аньйо просто потому, что мне нужна была его каюта; пусть во сне наши мысли и чувства искажены, и все же... Но затем меня осенила блестящая мысль, тоже почерпнутая из сна. Я поспешно оделась и сбежала по ступенькам вниз в общий зал.

Было как раз обеденное время, и народу в зале было много. Здесь были и постояльцы (главным образом пассажиры, ждавшие отплытия своих судов), и зашедшие перекусить и пропустить кружку-другую моряки и портовые рабочие. Я присела на крепко сбитую лавку у длинного стола, некоторое время молча прислушивалась к разговорам, пару раз кому-то поддакнула, а затем улучила момент и как бы между прочим рассказала, что утром на мачте "Звезды тропиков" долго сидела йувва; матросы пытались согнать ее, даже стреляли, но никак не могли попасть — "сидела как заговоренная", добавила я значительно. Потом-де один из моряков залез на мачту с саблей, но птица лишь перелетела на соседний клотик. Лишь когда матросы забрались на все верхние реи, йувву удалось прогнать.

Посидев за столом для приличия еще некоторое время, я вышла на улицу и отправилась на поиск других портовых заведений, где можно было повторить эту историю. Из одного кабака меня позорнейшим образом выставили ("а эта пигалица что еще здесь делает?"), в другом, чтобы втереться в доверие, пришлось выпить предложенную мне кружку крепкого пива (ужасная гадость!), но, в общем, за полтора часа я пустила зловеющий слух еще в четырех местах. Теперь я не сомневалась, что к вечеру история обрстет художественными подробностями, и даже скептики уверуют в нее, поскольку "все об этом говорят". Мне, конечно, повезло, что ни в одном из заведений я не нарвалась на моряков со "Звезды тропиков" — не уверена, что они стали бы делать скидки на мой пол и возраст, заслышав, как я распространяю клевету на их корабль, и вряд ли даже шпага помогла бы против их кулачищ...

После выпитого пива кружилась голова, и во рту стоял мерзкий привкус, но к себе в номер я вернулась, как победительница. Да, и от глупых суеверий есть польза.

Утром я поехала в порт, не сомневаясь, что на сей раз на "Звезде" найдутся свободные каюты. Уже на подъезде к бригау я услышала громовой рык капитана.

— Тысяча чертей и святой Туй Терпеливый! Забирайте свои деньги и проваливайте!

Следом за этими словами по гнущемуся под его тяжестью трапу, надменно пыхтя, спустился тучный аньо в сопровождении вертлявого коротышки-слуги.

— Господин капитан! — позвала я невинным голоском. Над фальшбортом появилось темное от гнева лицо. — Я верно расслышала, что у вас освободилось одно место?

— Одно! — фыркнул он. — Дьявол знает что творится в богохранимом Ллойете! С утра уже четверо отказались плыть! — тут он, верно, сообразил, что может отпугнуть и нежданную удачу в моем лице, и сменил тон: — Так что тебе повезло. Плати, и каюта твоя.

— Отлично! — заверила я его в неизменности своих намерений. — Отходим по графику?

— Клянусь Святым Троекнижием, да! Я не намерен простаивать в порту из-за каких-то кретинов!

— Вот и славно. А место для моего тйорла у вас найдется?

— Что? Нет, в этом городе точно все рехнулись! Ты еще кавалерийский полк с собой приведи! Я, кажется, сказал — каюта! Тйорл поместится в каюту, как ты думаешь?

— Ладно, поняла, — мрачно ответила я. Не то чтобы я не предполагала такого исхода, но все же надеялась... — И между прочим, капитан, можно и повежливей. Я, как-никак, плачу вам деньги.

— Ладно, девочка, не бери в голову, — махнул рукой он, осознав последнее обстоятельство. — Просто сегодня с утра какой-то безумный день. Не опаздывай к отходу.

У меня оставалось достаточно времени, чтобы позаботиться о Йарре. Большинство ллойетских рынков располагались прямо возле порта, так что я быстро нашла тйорлоторговцев. Узнав, что я продаю такого замечательного скакуна, сразу несколько из них выразили живейший интерес.

— Я уступлю его тому, кто не станет продавать его в течение года, — сказала я. — Если я вернусь в это время, то выкуплю Йарре за хорошую цену. Если не вернусь... тогда можете перепродать его.

— Я представляю интересы господина Штаайме, тйорлозаводчика, — сказал один из торговцев, внимательно осмотрев стати Йарре. — Ему нужны породистые производители. Возможно даже, он сам захочет ездить на этом тйорле. Я полагаю, пятьсот йонков серебром вас устроят? Это хорошая цена, вряд ли кто-нибудь даст вам больше.

Я и сама понимала, что это хорошая цена! Особенно когда увидела, как поскучнели лица конкурентов. "А за мою голову все же назначено вдвое больше", — невесело усмехнулась я про себя. Торговец принял эту усмешку за скепсис в отношении названного числа и предложил "пятьсот пятьдесят, но это уже максимум того, что я могу себе позволить".

— Идет, — согласилась я. — И десять йонков за сбрую.

Торговец кивнул; мы прошли в его лавку, он отсчитал мне пять мешочков серебра и двенадцать пятийонковых монет сверху, а затем вручил отпечатанную афишку с адресом господина Штаайме.

Я вышла, чтобы в последний раз обнять Йарре за шею. Я избегала встречаться с ним взглядом.

— Прощай, мальчик, — тихо сказала я, глядя теплую шерсть. — Веди себя хорошо. Может быть, я еще прилечу, чтобы забрать тебя к звездам... — Затем я обернулась к торговцу: — Привязывайте его как следует. Он, наверное, будет сильно тосковать в первые дни, а ему ничего не стоит порвать веревку.

Он заверил, что все будет в порядке, и я быстро пошла прочь, пока он не увидел, как предательски блестят мои глаза...

Я еще успела купить на соседнем базаре более подходящую к плаванию в тропических широтах одежду, а также по пути в порт заглянула в книжную лавку и приобрела там первую попавшуюся книжку в дорогу. Спешила я, как выяснилось, зря: поскольку плата за стоянку в порту взималась по дням, а не по часам, капитан все же предпочел задержать отплытие до вечера, надеясь, что найдутся еще пассажиры. Действительно, вскоре после полудня на борт поднялся сутулый длиннолицый аньйо из ремесленного сословия; товара при нем не было, так что он, вероятно, ехал поучиться у гантрусских мастеров, среди коих особенно славятся ткачи, стеклодувы и ювелиры. Больше желающих плыть не нашлось, и за час до заката капитан приказал отдать швартовы.

Я стояла на корме и смотрела на медленно удаляющийся берег. На пристани еще стояли и махали вслед кораблю провожающие, да и вообще, несмотря на вечер, порт продолжал жить насыщенной жизнью: волокли тюки и катили бочки грузчики, куда-то шагали небольшие группы матросов, кое-где на свободных пирсах пристроились с удочками горожане-любители порыбачить, фланировали и просто гуляющие, предпочитающие свежий морской воздух чаду городских очагов...

Вдруг на берегу возникла какая-то суэта; послышались испуганные крики, что-то с грохотом опрокинулось и покатилось. Собравшиеся на пристани недоуменно оглядывались, а затем шарахнулись в стороны. В следующий миг, угрожающе склонив рогатую голову, на берег вылетел могучий черный тйорл. На шее у него болталась толстая цепь; другой ее конец был продет в стальное кольцо, вмурованное в обломок широкой доски. Выскочив на пирс, он остановился, поводя головой из стороны в сторону.

— Йарре, нет! — крикнула я. — Назад!

Он услышал меня, но результат был прямо противоположным команде. Большим прыжком он сиганул с причала и, с шумом войдя в воду, поплыл за бригом.

— Йарре, назад! — снова закричала я. — Домой!

Ну, конечно, ничего глупее я придумать не могла. Что значит "домой"? От дома в Йартнаре нас отделяли почти две тысячи миль, а чужой тйорлен, где его приковали цепью, Йарре тем более никак не мог считать домом. Значит, домом для него было то место, где находилась я...

Я снова и снова кричала ему в отчаянье, чтобы он повернул. Но он продолжал плыть в ледяной воде за кораблем. Догнать нас он не мог (а если бы и смог, что дальше?), но и не отставал. На корме собрались любопытные; кто-то уже заключал пари, сколько он продержится. Я едва удержалась, чтобы не броситься на них со шпагой. Затем подошел матрос с мушкетом.

— Нет! — я вцепилась в ствол и рванула его вверх.

— Да я только пугнуть, — объяснил матрос. — Потонет ведь.

— Дай сюда, я сама, — потребовала я. — Я умею стрелять.

С некоторым сомнением он позволил мне завладеть мушкетом.

— Назад, Йарре! — крикнула я еще раз и, высоко задрвав ствол, выпалила в воздух.

Отдача грубо и больно ударила в плечо; прежде мне не доводилось стрелять из столь громоздкого оружия. На тйорла все это не произвело никакого впечатления. От берега его уже отделяло не меньше полумили.

— Поближе взять надо, иначе не поймет, — констатировал матрос.

Я требовательно протянула руку за боеприпасами, перезарядила мушкет, опустила на одно колено, оперев ствол о кормовую балюстраду, и принялась целиться. Из длиннствольного оружия я прежде стреляла лишь несколько раз в жизни, но оно бьет точнее пистолета, а уж с пистолетом я тренировалась достаточно.

Голова Йарре покачивалась на волнах где-то в сотне локтей от кормы. Так же покачивалась и сама корма... Эх, если бы не эта качка! Я пыталась приноровить к ней тяжелый ствол, поводя им то вверх, то вниз... Несколько раз я начинала давить на спуск и тут же испуганно отпускала палец. Наконец я выстрелила.

Я увидела фонтанчик воды, взметнувшийся слева от головы Йарре, и в первый момент решила, что все вышло так, как я рассчитывала. Тем более что тйорл снизил темп. Но затем... я пыталась убедить себя, что это отблеск заката на воде, но это была кровь. Я попала ему в плечо или в шею...

Жалобный трубный рев пронесся над морем. Не знаю, чего в нем было больше — боли от раны, заливаемой соленой водой, или горечи при виде ускользящего корабля... Даже и теперь Йарре пытался плыть за мной!

— Дурак! — крикнула я ему сквозь слезы. — Ну почему ты не повернул?!

— Теперь ему уже точно назад не доплыть, — заметил матрос. — Добить надо, чтоб не мучился. Дайте сюда, барышня.

— Я сама, — упрямо стиснула зубы я. Я не могла доверить это чужому. Слезы заливали глаза, я несколько раз вытирала их, чтобы не мешали целиться. Мушка накрыла рогатую голову. Вверх... вниз... вверх...

Вам когда-нибудь доводилось целить в голову своего лучшего друга?!

— Прости меня, Йарре, — прошептала я и нажала на спуск.

На сей раз все получилось точно. Он не издал ни звука. Просто голова дернулась и сразу же скрылась под водой. Я сунула мушкет в руки матросу и побежала к себе в каюту, где упала на койку и разревелась...

После этого я проспала почти сутки. Уж очень мне не хотелось возвращаться в реальный мир. Отчим... Шайна... Йарре... сколько еще жертв мне придется принести на пути к моей мечте? И есть ли в этой мечте хоть какой-то смысл, или я попросту сама задурила себе голову детской фантазией о счастливом мире крылатых где-то среди звезд?

Но, так или иначе, я сделала свой выбор, и обратной дороги уже не было.

Я отсиживалась в каюте первые три дня, пока корабль шел на северо-запад вдоль ранайского побережья. Хотя и не похоже было, чтобы на вийеррской территории за мной охотились, я сочла за благо оказаться подальше от ранайских портов, прежде чем обнаружить себя. Разумеется, выбравшись на палубу утром четвертого дня, я все равно не рискнула выставить напоказ крылья и набросила плащ — не меховой, в нем было слишком жарко, а летний, купленный в Ллойете. Солнце припекало всюду, хотя от воды тянуло холодом. Земли больше не было видно. Мы шли на север, огибая Ландаримское море. Илсудрумцы требуют от всех судов, проходящих через их воды, уплаты значительной пошлины; нарушителям грозит конфискация корабля и груза. Разумеется, имперский флот, сколь бы ни был он обширен и быстроходен, не в состоянии контролировать каждую квадратную милю окружающих Илсудрум морей, и находится немало капитанов, готовых рискнуть и проскочить без уплаты; иные предпочитают платить, тем более что плавание в этих водах имеет свои плюсы — военные патрули отпугивают не только прижимистых торговцев, но и пиратов. Наконец, третья категория капитанов и судовладельцев полагает, что плавание в обход имперских вод обойдется

дешевле, чем уплата пошлины, и не столь рискованно, как игра в догонялки с илсудрумским флотом. Очевидно, что наш шкипер избрал именно третий вариант. Я бы, конечно, предпочла оказаться в Гантру пораньше, но выбирать не приходилось.

Я вдруг почувствовала удовольствие от этого отсутствия выбора. В ближайшие декады мне ничего не нужно решать, ничего не нужно делать. Меня будут просто везти. Другие будут заботиться о том, чтобы я в срок попала туда, куда надо, а я могу просто стоять, опершись о фальшборт, жмуриться, подставив лицо теплым лучам солнца, вдыхать свежий морской воздух, слушать, как поскрипывают снасти... хорошо...

— Я вижу, вам все же удалось попасть на корабль?

Я нехотя повернула голову, открывая левый глаз. Разумеется, это был тот учтивый, но несговорчивый господин, которого я тщетно упрашивала в порту. Тогда я почти не разглядела его, а сейчас заметила, что ему, пожалуй, лет сорок, и то, что он называл меня на "вы", мне льстило. Вообще-то я терпеть не могу, когда мне "тыкают", ожидая услышать "вы" в ответ. Но проще с этим мириться, чем устраивать скандал. Я не заинтересована в скандалах...

Ответа его слова не требовали, так что я просто кивнула, показывая, что узнала его.

— Я не видел вас на палубе раньше, — продолжал он. — Вам нездоровилось?

Несмотря на то, что это было мое первое плавание, морская болезнь благополучно миновала меня; если организму и потребовалось какое-то время, чтобы приспособиться к качке, то он успешно сделал это во сне.

— Просто отдыхала после долгой дороги, — пожала плечами я.

— Вы пределали долгий путь в одиночку? И сейчас тоже едете одна?

Было ли это просто светской болтовней, или он что-то разнюхивал?

— Хотя бы и так, а что? — ответила я не слишком дружелюбно.

— Ничего, просто во времена моей молодости юные девушки не предпринимали столь дальние вояжи, — улыбнулся он.

— Во времена моей молодости тоже, — заверила его я. — Но это их проблемы.

— Вы знаете, к кому вам обратиться по прибытии?

Я повторила историю про дядю-торговца.

— О, я знаю всех ранайских торговых представителей в Лаце, — обрадовался он. — Как, вы говорите, его зовут?

Незадача!

— Коммерческая тайна, — отрезала я. Подумав, что это звучит неубедительно, я добавила: — Узнав, к кому я еду, кое-кто из конкурентов мог бы догадаться и о цели моего визита.

— О, так это не просто родственник визит?

— Гантру далековато для просто родственных визитов, вы не находите? Впрочем, я, кажется, и так уже сболтнула вам лишнее!

— Хорошо-хорошо, забудем об этом, — он вновь улыбнулся. — Вы говорите по-гантрусски?

— Убхэм, — ответила я, что по-гантрусски значит "немного".

Он тоже перешел на этот язык, и мы некоторое время поболтали на ничего не значащие темы. Он владел гантрусским лучше меня, так что я была рада возможности попрактиковаться. Уже потом у меня мелькнула мысль, что он, возможно, прощупывал мои лингвистические познания.

На палубу тем временем вышло еще несколько пассажиров, желавших погреться на солнышке — в этих широтах оно припекало уже по-летнему, на радость путешественникам, еще недавно мерзшим на промозглых дорогах ранней весны. Мой собеседник, напротив, засобирился к себе в каюту; на прощанье я спросила его имя, и он назвался Дйартом Каайле. Мне, в свою очередь, пришлось придумать очередной псевдоним — Йерка (фамилию я,

согласно ранее сделанному заявлению, называть не стала). "Еще немного, и мне придется записывать свои имена, чтобы не запутаться", — подумала я.

Другие пассажиры не проявляли ко мне особого интереса; как я поняла, старательно, но незаметно прислушиваясь к разговорам, большинство их направлялось в Гантру по торговым делам, и они явно не считали какую-то девчонку достойной собеседницей. Вероятно, они даже не догадывались, что я еду одна. На корабле плыли представители нескольких конкурирующих компаний, и забавно было послушать, как они учтиво беседуют друг с другом, пытаюсь одновременно и спровоцировать собеседника на случайную откровенность, и самим не сболтнуть лишнего. Хотя на самом деле эти их разговоры, которые, даже начинаясь с замечаний о погоде, неминуемо сползали на цены, товары, оптовые партии, займы, процентные ставки, торговые пути и т.д. и т.п., были изрядно скучны. Но, по крайней мере, никто из них не упоминал историю с убийством тар Мйоктана, и то хорошо.

Так прошло несколько дней плавания. Купленная в спешке перед отплытием книга оказалась изрядно скучной, и выбор занятий у меня был невелик — сидеть в каюте или торчать на палубе. Второе было все-таки повеселее, хотя в основном я просто смотрела на море. Иногда ко мне присоединялся Каайле, и я пользовалась этим, чтобы усовершенствовать свой гантрусский, но он (хотя и оставался неизменно любезным), как мне показалось, не слишком любил подолгу маячить на виду у других. Среди пассажиров обнаружили две женщины — мать с дочерью, семья какого-то обосновавшегося в Гантру ранайца, который теперь выписал их к себе. Мать, некогда, вероятно, красивая, но теперь изрядно располневшая (что нередко случается с купеческими женами), была болтлива, набожна и глупа. Начала она с того, что посоветовала мне "не сутулиться" (я уже говорила, куртка мне не идет, но даже и в просторном плаще впечатление легкой сутулости остается), причем совет этот больше походил на приказ. Мне хватило нескольких минут, чтобы утратить всякое желание продолжать знакомство, и примерно вдвое больше времени, чтобы объяснить это ей (естественно, она оскорбилась и с тех пор демонстративно отворачивалась при моем появлении). Ее дочка, девочка на пару лет моложе меня, сразу же взглянула на мою шпагу с таким отвращением, словно увидела раздавленного грызуна; кажется, она осуждала даже мои брюки, хотя многие ранайки надевают платья только на официальные церемонии. Плыли на корабле и четверо гантруссов, возвращавшихся на родину; я впервые увидела представителей этой далекой страны так близко. Закутанные с головой в свои белые хламиды, они держались особняком и негромко переговаривались исключительно между собой, а на прочих пассажиров лишь стреляли узкими черными глазами из-под низко надвинутых круглых капюшонов. Я хотела было подойти к ним и познакомиться — всегда полезно побеседовать с носителями языка — но, наткнувшись на этот колючий взгляд, передумала.

Меж тем "Звезда тропиков" начала оправдывать свое название — мы достигли тропических широт и шли теперь на запад. Дни стояли ясные, солнце жарило изо всех сил, и я даже и в легком плаще обливалась потом. Пассажиры, сколь бы важными господами они ни были дома, с каждым днем прогуливались по палубе во все более легких нарядах, а самые смелые, раздевшись догола, на ходу принимали морские ванны: забирались в веревочную сбрую, и их спускали на лебедке через борт, а потом по команде втаскивали обратно. По ранайским обычаям, нагота не считается чем-то непристойным. Конечно, по улицам и на службу в таком виде не ходят, но без одежды выступают и спортсмены, и артисты классического балета (того, что появился за пару тысяч лет до современного и представлял собой искусство танца в чистом виде, без сюжета, костюмов и декораций). Никаких различий между полами в этом смысле в Ранайе не делают. В Ислудруме порядки несколько другие — женская нагота там тоже не возбраняется, а вот мужская считается неприличной. Это пошло от древних воинственных традиций Ислудрума, когда каждый мужчина воспринимался как воин — а воину не пристало оставлять тело незащищенным, он должен иметь доспехи или щит.

Когда-то это правило было вполне рациональным, а теперь бедным илсудрумцам приходится надевать специальные костюмы для купания — воистину, одеваться, чтобы лезть в воду, еще глупее, чем одеваться, чтобы лечь спать. Будь у нас на борту илсудрумцы, они бы, вероятно, громко возмущались развязностью наших пассажиров. Но эти имперские снобы редко путешествуют на судах под чьим-либо флагом, кроме собственного. Что на сей счет думали гантруссы, я не знаю; сами они оставались в своих хламах и, казалось, вовсе не замечали происходящего на борту.

Однако мне от ранайского здравомыслия было ни жарко, ни холодно — то есть именно что мне было жарко, и я ничего не могла с этим поделать. Сами понимаете, почему. Хотя я говорила себе, что этим анью явно нет никакого дела до расклеенных по всей Лланкерской провинции объявлений и что ранайский закон защищает меня точно так же, как и любого крылатого — стоило мне попытаться выйти из каюты без плаща, как ноги сами прирастали к полу. Однако в конце концов я не выдержала — да и моя манера вечно кутаться в плащ, несмотря на жару, кажется, вызвала уже насмешливые взгляды. Так что я, уже стоя на палубе, озлилась на свою нерешительность, резко расстегнула крючки и повесила сложенный плащ на фальшборт. После чего с наслаждением расправила крылья и принялась обмахиваться ими, по-прежнему глядя в сторону океана.

Результат не замедлил воспоследовать. За моей спиной затихло бубнение разговоров. Стало так тихо, словно я осталась на палубе одна. Но я понимала, что все они по-прежнему здесь и неотрывно пялятся на меня. У меня аж зачесались крылья от этих взглядов.

— Да что ж это делается? — прорезал тишину визгливый голос с интонациями базарной торговки. Разумеется, это была толстая купчиха. — Я думала, это порядочный корабль! Я заплатила за каюту первого класса! Я не нанималась ехать в зверинце!

Я резко обернулась.

— Напрасно, — сказала я, растягивая губы в улыбке. — Там бы вы оказались в достойном вашего интеллекта обществе.

Ее толстые щеки отразили мучительную работу мысли, а затем, когда до нее, наконец, дошел смысл моей фразы, купчиха разразилась новым визгом:

— Капитан! Эта тварь меня еще и оскорбляет! Где капитан?!

— В самом деле, добрые анью! — поддержал ее еще один голос, на сей раз мужской, но все равно довольно высокий. Его обладатель вынырнул откуда-то с кормы, и я, взглядевшись, вспомнила, кто он: ремесленник, последним севший на корабль. — Кто вообще это бесово отродье на корабль пустил? Она ж беду на нас накличет! Потопнем, как есть потопнем! Уу, дочь Лла!

Вид у него был такой, словно он прямо сейчас готов вцепиться мне в горло, но стоило мне шевельнуть бровями и положить руку на эфес (а, не будь при мне шпаги, я не решилась бы снять плащ), как его словно невидимой рукой отбросило назад, и он продолжал выкрикивать проклятья уже из-за спин других анью.

Я обвела взглядом пассажиров. Граждан Ранайи, одной из самых свободных и просвещенных стран на земле (по крайней мере, так меня учили в школе), тридцать лет назад признавшей равноправие крылатых и даже имеющей крылатого в своем пансионе святых... Никто из них не одернул этих двух идиотов. Более того, многие — наверняка не такие уж дураки, раз вели успешную торговлю с заморскими странами — явно сочувствовали их словам. Лишь один из купцов, стоявший ближе всех, посмотрел на меня с брезгливой жалостью и негромко сказал: "Иди в каюту, девочка, и лучше тебе не выходить до конца плавания."

Я уловила краем глаза какое-то движение. Это был гантрус, вышедший на палубу узнать, что за шум. Его и без того узкие глаза склеились совсем в щелочки; он что-то злобно прошипел и поспешно вновь скрылся за дверью.

И тут я заметила Каайле! Я расслабилась и улыбнулась ему. Ну хоть один анью на этом

судне мне не враг...

Но улыбка застыла на моем лице, как гримаса манекена. Нет, если бы я обратилась к нему, он бы наверняка ответил с прежней вежливостью и на "вы"... Но взгляд его жег меня таким ледяным презрением, что у меня едва не перехватило дыхание.

— За борт ее, за борт! — бесновался ремесленник, избегая попадаться мне на глаза.

— И то дело, — пробасил один из торговцев. — Не просто так, конечно, мы ж не звери.

А посадим в лодку, и пусть плывет, куда хочет...

Не звери! Да ни один зверь до такого не додумается — вышвырнуть себе подобного посреди открытого океана! Впрочем... доктор Ваайне как-то говорил, что некоторые животные убивают сородичей, если те не похожи на них. Скажем, йуввы заклевывают альбиносов...

Я обнажила шпагу.

— Что здесь происходит?

Это наконец-то подошел капитан. Выглядел он спокойным, но из-за его широкого кушака выглядывали рукоятки двух пистолетов.

— Кажется, у ваших пассажиров какие-то проблемы, — проинформировала его я.

Он окинул меня сумрачным взглядом.

— Капитан, я жена купца второй категории! Я оплатила проезд первым классом! Если бы я знала, что на вашем корабле будет плыть всякое...

— Она не "всякое", — перебил капитан визг купчихи. — Она такая же ранайка, как и вы. И она тоже оплатила свой проезд. А если вы будете устраивать беспорядки на моем судне, я, согласно Морскому кодексу, велю заковать вас в кандалы и посадить в трюм. Еще вопросы есть?

Купчиха, уже налившаяся кровью до цвета спелого кетнала, вдруг быстро побледнела.

— Я буду жаловаться, — пискнула она.

— На кого? — осведомился капитан. — На короля Аклойата Доброго, подписавшего эдикт о равноправии крылатых?

Толстуха окончатительно стушевалась и заторопилась в свою каюту. Ремесленник исчез еще раньше, при первых словах капитана. Я уже решила, что инцидент исчерпан, как вдруг на палубе вновь появился гантрус (не знаю, тот же или его товарищ — в их капюшонах я не слишком хорошо их различала). Направившись напрямик к капитану, он обратился к нему с речью, из которой я поняла не все слова, но смысл был вполне ясен — во-первых, мало того, что они, благородные гантруссы, вынуждены ходить по одной палубе с женщинами, что само по себе возмутительно, так среди этих женщин имеются еще и стоящие ниже низшей касты крылатые, что уже просто оскорбление; во-вторых, что подобное попрание священных законов Земли и Неба навлечет на корабль гнев богов, а в-третьих, что меня следует немедленно "удалить" с корабля, и если таковая мера означает для капитана финансовый убыток, то они, высокородные гантруссы, будучи деловыми аньё, готовы даже оной компенсировать. Капитан, однако, ответил им на превосходном гантрусском языке (по крайней мере, я понимала его лучше, чем речь самих гантруссов), что, во-первых, он подчиняется не священным законам Земли и Неба, а Морскому кодексу Ранайи, а гантрусские боги пусть командуют на судах под гантрусским флагом; а во-вторых, если высокородных гантруссов что-то не устраивает, то они вправе сами удалиться с его корабля в любом желаемом ими направлении. Гантрус, опять прошипев что-то невразумительное, предпочел удалиться в направлении каюты. Подумать только, и с этой публикой я еще надеялась завязать знакомство! Я, конечно, знала, что у них кастовая система, но не представляла, что они распространяют ее и на чужестранцев — а тем более в прочитанном мной не говорилось об их отношении к крылатым. Слишком уж редкое это в наши дни явление, чтобы заострять на нем внимание... И в то же время — вклад Гантру в мировое искусство и науку невозможно отрицать, недаром я стала учить их язык еще тогда, когда и не думала, что отправлюсь в те края. Однако, похоже, меня ждет веселенькое путешествие!

Прочие участники сцены тоже разбрелись, стараясь не смотреть в мою сторону; впрочем, несколько злобных взглядов я все-таки поймала.

— Шла бы ты к себе в каюту, — сказал мне капитан. — Мне скандалы на борту ни к чему.

— Ладно, — я подхватила плащ и, демонстративно не надевая его, ушла с палубы. Уже сидя у себя на койке, я пыталась понять, откуда в них столько злобы? Ну ладно — чужаки-гантруссы, но ранайцы? Ведь даже в "Серебряном тйорле" на меня накинудись только после убийства тар Мйоктана. А тут — вообще без всякого повода... Может, просто "повезло", что подобралось такое общество. А может, дело в том, что мы в открытом море. За тысячи миль от берега узы цивилизации слабнут, и аньйо проявляют свою истинную природу... И суеверные страхи тоже обостряются пропорционально опасности — а плавание через океан опасно, что ни говори. Мне не доводилось читать, чтобы относительно крылатых на корабле существовали какие-то специальные суеверия, вроде тех, что касаются йувв — но бредни о том, что крылатые связаны с нечистой силой, вколачивались в головы аньйо столетиями, такое не исчезает так просто. И даже Каайле... а ведь он казался таким культурным...

Я решила больше не выходить на палубу. Может быть, вы упрекнете меня в слабости или трусости, скажете, что я из принципа должна была отстаивать свои права... но доводилось ли вам стоять под перекрестным огнем ненавидящих взглядов? В конце концов, сам капитан попросил меня не провоцировать их, а просьбы капитана надо уважать.

Но, как говорят в Ранайе, гони судьбу в дверь — она влезет в окно. На пятый день моего затворничества я была разбужена поутру частыми тревожными ударами корабельного колокола. По палубе протопали башмаки матросов, спешащих на свои места. Я выглянула в иллюминатор. Море было спокойно, небо практически безоблачно — вряд ли опасность грозила с этой стороны. Может быть, где-то открылась течь? Но, если и так, команда быстро заделает ее и откачает воду; это достаточно рутинная неприятность, о которой пассажирам и знать не следует, а не повод для общей тревоги. Тогда... неужели нас атакуют пираты? В мой иллюминатор чужих кораблей не было видно — должно быть, они заходят с другого борта...

Я быстро оделась, затянула пояс со шпагой и выбежала на палубу. Плащ надевать не стала — если придется драться, он будет стеснять движения, да и свободные крылья могут пригодиться в бою — как-никак, лишняя пара конечностей. Кажется, настало время показать этим торгашам, кто чего стоит на самом деле!

Действительно, что-то творилось по правому борту. Капитан, двое его офицеров и, в некотором отдалении, несколько пассажиров стояли там, вглядываясь в океан; капитан прильнул глазом к окуляру подзорной трубы. Я услышала скрип и стук за бортом и поняла, что это открываются люки портов, обнажая жерла пушек.

Но океан был пуст по правую сторону от корабля точно так же, как и по левую. Сколько я ни всматривалась — а зрение у меня хорошее — до самого горизонта нигде не белел парус другого судна.

Я решительно пересекла расстояние, отделявшее пассажиров от офицеров, и спросила капитана, что происходит. Он лишь что-то буркнул, не отрываясь от трубы.

— Капитан, я спрашиваю не из праздного любопытства, — настаивала я. — Если мы готовимся к бою, моя шпага к вашим услугам. Но я не вижу...

— Шпага? — недобро хохотнул он, наконец удостоив меня взглядом. — Шпага — это то, что нам сейчас больше всего необходимо, клянусь святым треугольником!

В первый миг я решила, что он смеется над моими способностями, как обычно, делая неверный вывод на основании моего пола и возраста, но прежде, чем я успела обидеться, мне был продемонстрирован ответ на мой вопрос.

Не более чем в полтора сотнях локтей от брига море вдруг вспучилось огромной волной, которая в следующий миг лопнула, стекая потоками пены с бурой чешуи исполинского

горба. Он поднялся над водой на дюжину локтей как минимум, а в длину вдвое превосходил наш корабль. И ведь это не считая того, что осталось под водой...

Морской дракон! Ранайская королевская академия наук называла их матросскими легендами до тех самых пор, пока тушу одной такой легенды не прибило к берегам Йирдона, одной из наших северных колоний. В ней было 70 локтей длины, и это была самка. Говорят, самцы еще больше...

Одна из пушек выпалила — как видно, бомбардир поднес фитиль по собственной инициативе, не получив команды стрелять; этот выстрел послужил сигналом еще троим. Но за мгновение до первого выстрела дракон начал погружаться так же внезапно, как всплыл, и все ядра прошли над ним. Море с шумом сомкнулось над могучей спиной.

— Дьявол! — капитан стиснул в кулаке свою трубу. — В следующий раз он может вынырнуть прямо под нами!

— А надо ли по нему стрелять? — вслух засомневалась я. — Может, если его не раздражать, он не сделает нам вреда? Ученые говорят, драконы питаются рыбой, а не кораблями.

— Только твоих остроумия нам и не хватает! — рявкнул капитан, и я поняла, что в эту минуту раздражать его не разумнее, чем дракона. Волны, поднятые чудовищем, дошли до брига и несколько раз ощутимо качнули нас с борта на борт. Мне пришлось ухватиться за леер.

— Я говорил! Я говорил, это все она! Она навлекла на нас чудовище! Может, оно за ней и приплыло! Надо бросить ее за борт, пока не поздно! — ну конечно, это был все тот же ремесленник.

— Заткнись, — бросил капитан через плечо, но без той резкости, которую я ожидала. Неужели и он усомнился? Тем более что его нельзя было назвать свободным от суеверий — я вспомнила его реакцию на йувву... Нет, наверное, он просто занят более важным делом и не считает нужным обращать внимание на дураков. Последуем же примеру капитана.

Держась за канат, я перегнулась через борт, пытаюсь рассмотреть в чистой темно-синей воде очертания огромного тела. Но солнечные блики мешали мне. Внезапно меня охватил страх, что, пока я так стою, кто-нибудь и впрямь может подойти сзади и спихнуть меня в море. Я поспешно выпрямилась и оглянулась. Нет, ко мне никто не подкрадывался, но желание сделать это явственно читалось не только на лице ремесленника, но и еще на нескольких физиономиях. Их удерживал только страх совершить покушение на убийство при свидетелях, но дай капитан знать, что готов поверить в "несчастный случай" — и они не колебались бы ни минуты.

— Эй, на орудиях! — крикнул капитан. — Как только он снова покажется, стрелять! Целить под ватерлинию!

Никакой ватерлинии у дракона, конечно, не было, но, очевидно, этим оборотом обозначался угол, под которым следует направить пушки. Так, чтобы ядра ударили в тело над самой водой или даже уже под водой...

Несколько минут прошло в напряженном ожидании. "Уходи, — мысленно обратилась я к дракону. — Они убьют тебя. Этих анью хлебом не корми, дай только убить того, кто не похож на них."

Вновь с шумом отхлынула в стороны вода, выпуская огромный горб — на сей раз гораздо ближе, но не напротив борта, а чуть впереди — дракон плыл быстрее корабля. Лишь первая пушка могла достать его; бабахнул одиночный выстрел. Сквозь пороховой дым я не видела его результата, однако горб тут же вновь пошел в глубину, а вдоль всего борта над водой взметнулся гигантский хвост! У основания он был толщиной с набатную колокольню, да и по длине ей отнюдь не уступал. Два вертикальных плавника, сверху и снизу, тянулись вдоль него до самого кончика. Мы в ужасе смотрели, как этот хвост навис над нами; если бы он ударил по кораблю, то, несомненно, разнес бы бриг в щепки. Но хвост вновь ухнул в море с оглушительным плеском; судно швырнуло на бок, и на палубу обрушились потоки воды. Я не

устояла на ногах, но успела вцепиться в леер; ослепленная, оглушенная, захлебывающаяся, я держалась за него скорее инстинктивно, чем сознательно. Затем вода, наконец, схлынула; я смогла проморгаться и вытряхнуть влагу из ушей. Большинство пассажиров ползали по палубе возле левого борта, куда их отнесло волной; кто-то обнимал мачту, другой держал его за ногу. Лишь капитан и его помощники по-прежнему стояли, держась за леер правого борта, хотя с них текло ручьями. Капитан ругнулся и принялся протирать рукавом камзола объектив трубы.

Я поднялась на ноги и взглянула за борт. Справа по курсу в синей воде расплывалось бурое пятно в клочьях розовой пены. Значит, выстрел попал в цель. Но вряд ли одно ядро, тем более попавшее не в голову, могло убить столь крупное существо.

— Аньйо за бортом!

Это крикнул матрос с мачты. Удивительно, как он сам не свалился оттуда... Впрочем, морякам в шторм доводится переносить и не такое. Пассажиры, еще не оправившиеся от внезапного купания, должно быть, не скоро заметили бы, что одного из них не хватает. Но теперь они торопливо вскакивали на ноги и оборачивались туда, куда показывал вахтенный. Я тоже поспешила к левому борту.

Увы, волной смыло отнюдь не гадкого ремесленника и не кого-то из сочувствующих ему. За кормой бултыхался купец, который во время конфликта первым посоветовал мне вернуться в каюту. Конечно, он тоже смотрел на меня не как на равную, а скорее как на дворовое животное, которое обижают мальчишки, но он, по крайней мере, не хотел мне зла. Я оглянулась в поисках каната, который можно было бы ему бросить, но не увидела ничего подходящего; прочие просто стояли и галдели.

— Шлюпку на воду!

Дробной россыпью протопали башмаки, заскрипели тали; буквально через несколько секунд шлюпка шлепнулась широким брюхом в волну, и шестеро матросов дружно заработали веслами. Вряд ли они могли не думать об опасности, но ни один не пытался спорить с приказом.

Пострадавший, как видно, неплохо умел плавать и уже вовсю греб навстречу спасателям. До него оставалось локтей двадцать, когда вдруг вокруг него поднялось и лопнуло несколько крупных пузырей. Один из матросов резко затабанил; остальные продолжали грести вперед, и лодку повело в сторону. Купец испуганно вскрикнул и забил по воде руками. Пару секунд спустя голова его ушла под воду, словно поплавок рыбака. Мгновение спустя он отчаянным усилием снова вынырнул, чтобы затем скрыться уже окончательно. Там, где он только что боролся за жизнь, образовалась небольшая воронка.

Теперь уже все матросы поняли, что происходит, и изо всех сил гребли назад, к кораблю. Воронка росла, и казалось, в следующий миг в нее утянет и шлюпку. Но гребцам, яростно орудовавшим веслами, удалось удержать лодку на месте, а затем вода на месте воронки вновь сомкнулась, и из глубины всплыли еще несколько пузырей. Вслед за ними на том же месте расплылось еще одно кровавое пятно...

Матросы так спешили, что едва не разбили шлюпку о борт; ее поспешно втащили на корабль. Несостоявшиеся спасатели тяжело дышали и не могли вымолвить ни слова; кто-то из товарищей поднес им флягу с вином.

— Пассажирам очистить палубу, — сумрачно приказал капитан.

— Но, согласно регламенту, — возразил Каайле, — в случае опасности для корабля пассажирам надлежит быть на палубе, дабы успеть вовремя покинуть судно...

— Что будет с покинувшими судно, вы видели, — отрезал капитан.

Каайле не стал настаивать, не говоря уж об остальных, которые, как видно, считали, что каюты защитят их, как раковина — улитку. Но меня совершенно не прельщала перспектива дрожать от страха в неизвестности; я, как ни заезженно это звучит, предпочитаю встречать опасность лицом к лицу. Поэтому я решила встать боком за грот-мачтой, укрываясь от глаз капитана; правда, меня могли видеть другие члены команды, но я понадеялась, что у них хватит

своих дел.

Корабль шел, не меняя курса, и я мысленно одобрила решение капитана: чудовище все равно могло догнать нас, куда бы мы ни направились (во всяком случае, при таком ветре), а, начни мы вилять, мы лишь вернее привлекли бы его любопытство. В последний раз оно было у нас за кормой; но кто знает, откуда оно вынырнет снова? И если опасения капитана оправдаются и оно атакует нас снизу, нас не спасут никакие пушки...

Время тянулось ужасающе медленно. Казалось, после гибели купца прошло уже не меньше получаса, но, взглянув на тень от мачты, я поняла, что на самом деле протекли лишь считанные минуты. И все же, казалось, с каждой минутой наши шансы увеличиваются. Может быть, дракон оставил нас в покое? Может быть, несчастного торговца оказалось достаточно, чтобы утолить его голод? Впрочем, вряд ли, учитывая размеры животного...

— Ты что здесь делаешь?

Надо мной нависал боцман. Занимался б ты, боцман, своими матросами...

— Принимаю солнечные ванны, — ответила я, нагло стоя в тени мачты. Он, однако, не оценил моей иронии.

— Давай-давай, дуй отсюда. Не слышала, что капитан велел?

— Я же никому не мешаю, — сопротивлялась я.

— Йорп, что там у тебя? — окликнул капитан.

— Да снова эта девка с крыльями, сударь. Команда и так бурчит из-за того, что она на борту...

— Опять ты?! — капитан уже шагал ко мне, разгневанный не на шутку. — Я тебе что, нянька?! Сейчас же брысь в каюту, чёрта тебе за пазуху! Одни проблемы от тебя в этом рейсе!

Но тут громкий всплеск напомнил ему, что у него имеются проблемы и посерьезней. Прямо по курсу из воды вздыбилась голова на гибкой шее длиной с наши мачты! В широкой пасти, усеянной коническими зубами, мог поместиться небольшой крестьянский дом — по крайней мере, сарай точно; сейчас из этой пасти, сверкая на солнце, стекали потоки воды. На фоне головы зубы казались мелкими, хотя, наверное, в каждом из них было не менее полулоктя. Ученые, исследовавшие ту мертвую самку, установили, что еще одни зубы, помельче, у морского дракона в горле и последние, самые мелкие — в желудке... и мне очень не хотелось проверить это экспериментально!

— Право руля! — истошно закричал капитан. — Право руля, чтоб тебе черти все кишки вытянули!

Команда была своевременной, ибо рулевой на корме, похоже, впал в ступор от этого зрелища. Теперь же он очнулся и всю закрутил штурвал. Корабль накренился, волна зашипела под левым бортом — но даже телегу нельзя развернуть на ходу мгновенно, а не то что идущий под всеми парусами бриг. Мы продолжали двигаться прямо на дракона, и у нас даже не было орудия, чтобы в него выстрелить — "Звезда тропиков", не будучи военным кораблем и не предназначаясь для преследования, не имела носовой пушки. Я обхватила мачту, предчувствуя удар...

Но дракон сам предпочел уклониться от удара. Должно быть, нацеленный в шею бушприт казался ему чем-то вроде рога, которым вооружены некоторые крупные морские животные. Живая колонна, вспенивая воду, сдвинулась чуть левее, и бриг, раскачиваясь на волнах, поплыл мимо нее, почти касаясь бортом. Первая из левых пушек поравнялась с шеей и выстрелила практически в упор.

Шея конвульсивно дернулась; по палубе и волнам веером хлестнули кровавые брызги. Чудовище издало рев, больше, однако, похожий на многократно усиленное мычание тайула, чем на рык хищника. Но не успела я додумать эту мысль, как дракон, резко изогнул шею, ударом головы переломил, словно спичку, фок-рей и вцепился зубами в фок-мачту почти у самого основания. Вопль ужаса вырвался из глоток матросов (и, кажется, я тоже в нем поучаствовала).

Огромная зубастая голова вгрызалась в мачту в каких-нибудь двадцати локтях от меня; я видела грубую бугристую кожу, всю в ямах и трещинах, поросшую водорослями и ракушками — дракон, как видно, был немолод, недаром он вымахал до таких размеров. Круглые черные глаза, глядевшие из морщинистых складок, казались бусинками на этой морде, хотя один такой глаз был втрое больше головы взрослого анью. На плоской макушке с негромким чавканьем смыкались и размыкались два продолговатых отверстия, служившие не то для дыхания, не то для процеживания воды — а может, и для того, и для другого; в каждое из них легко пролез бы самый тучный анью. Хотя дракон находился с подветренной стороны, в нос мне ударил тяжелый запах рыбы и сырой гнили.

Я описываю это так, словно неторопливо рассматривала его в зверинце, хотя на самом деле вся эта картина отпечаталась в моем сознании за считанные секунды. Я не пыталась бежать (куда?!), только стояла, вцепляясь мертвой хваткой в грот-мачту. И это оказалось самым правильным, потому что в следующий миг чудовище потащило корабль из воды. Палуба вздыбилась и накренилась набок, мимо меня с криком прокатился какой-то матрос, тщетно пытаясь уцепиться за мокрые скользкие доски...

Дракон был очень силен, но и бриг — тоже не пушинка, причем его вес возрастал по мере того, как дракон тянул нас из воды, так что одновременно шея чудовища локоть за локтем погружалась в пучину. И все же водоизмещение гигантского животного было больше нашего, так что оно смогло бы полностью поднять "Звезду" в воздух — и уж не знаю, чем бы это кончилось (к примеру, мачту могло вырвать вместе с куском днища, и корабль затонул бы в считанные минуты), но в тот момент, когда под водой, должно быть, оставался один киль, надкушенная мачта с треском сломалась, оставшись в зубах у чудовища, а бриг рухнул кормой вперед в родную стихию. Белая пена с шумом взметнулась над обоими бортами и пролилась дождем на палубу, заново окатив меня с головы до ног.

Пока бриг качался с носа на корму, обретая равновесие, дракон, воздев голову, еще раз хрустнул зажатой в зубах мачтой, и она вместе с раскушенными обломками полетела с высоты вниз. Паруса слегка затормозили падение, но все же удар, обрушившийся поперек палубы, был силен; мачта разнесла оба фальшборта и сильно повредила настил. Судя по крику, оборвавшемуся предсмертным хрипом, зашибло и кого-то из матросов, но я этого не видела за накрывшими палубу парусами.

Но дракону этого было мало. Собственно, его не трудно понять — он был ранен и разъярен, более того, он защищался от брига, напавшего на него первым... Но, по правде говоря, мое первоначальное сочувствие к нему в тот момент совершенно испарилось, я думала лишь о собственном спасении. Как говорят в Ранайе, рубаха на своих плечах теплее шубы на чужих.

Итак, не дав нам опомниться, дракон атаковал снова — на сей раз грот-мачту! Оцепенев от ужаса, я смотрела, как, с треском ломая рей и разрывая такелаж, прямо на меня пикирует чудовищная оскаленная морда. Наконец, стряхнув с себя ступор, я метнулась бежать, но в этот момент на меня упал парус (хорошо, что не рей!), и я растянулась на скользкой палубе, путаясь в обрывках снастей.

И в тот же миг грянул пушечный выстрел. Несмотря на все кульбиты нашего корабля (как позже выяснилось, одну из пушек сорвало с места, и она каталась по нижней палубе, круша все на своем пути), кому-то из бомбардиров удалось исполнить свой долг, и он всадил чудовищу в шею второе ядро. Дракон рванулся назад, так и не достав зубами мачты; как видно, сочтя, что с него хватит, он решил уйти в глубину. Однако его голова и шея успели запутаться в оборванном такелаже, и он поневоле потянул нас за собой. Корабль резко накренился влево; откушенная фок-мачта шумно свалилась в воду. Я, едва успевшая высунуть голову из-под паруса, покатила к левому борту, заматываясь, как в кокон, в липкую от драконьей крови парусину (не будь ее, крылья помогли бы мне удержаться); с каждым оборотом эфес шпаги больно впивался в бедро.

— Рубить мачту! — заорал боцман. — Опрокинемся к... (с вашего позволения, я не буду цитировать фразу полностью.)

Лежа в беспомощности у борта, я видела, как двое матросов, оскальзываясь на все больше кренящейся палубе и хватаясь за нее руками, подобрались к грот-мачте, держа тяжелые топоры на длинных рукоятках. Один из них уперся ногой в мачту, чтобы не скользить вниз; второму опоры не осталось, но он, сорвав с себя кушак (оказавшийся довольно длинным), намотал один конец на левое запястье, а второй бросил товарищу. Тот тоже намотал этот конец на левую руку, и так, в связке, они заработали топорами: пока один замахивался, второй наносил удар. Я даже не представляла себе, что массивными топорами можно молотить с такой скоростью. Щепки летели во все стороны.

Корабль, однако, все сильнее заваливался на бок, и у меня были серьезные сомнения, что они успеют. А если успеют... черт, да ведь мачта рухнет прямо на меня! Я тщетно извивалась в своих пеленах, пытаюсь освободиться. Если бы со мной были мои метательные ножи! Но они остались в каюте вместе с жакетом — я уже много дней не надевала его из-за жары. Поняв, что быстро размотать мокрый парус не удастся, я попыталась ползти вдоль борта, изгибаясь, как гусеница. Получалось не очень хорошо.

Крен стал критическим; я чувствовала, что еще чуть-чуть — и мы перевернемся. Но тут дракон решил сменить тактику, мотая головой и пытаюсь перекусить туго натянувшиеся ванты. Большого успеха, однако, это ему не принесло, канаты застревали между коническими зубами, лопнул лишь один из них, подарив нам небольшое уменьшение крена. Потеряв терпение, дракон снова потянул назад и вглубь. Мачта затрещала; матросы, один из которых уже практически висел на кушаке, продолжали колотить по ней. Мне наконец удалось высвободить правую руку, и я дважды оттолкнулась ею от палубы, помогая себе ползти. Треск стал громче, и мачта рухнула.

К счастью, я уже успела отползти достаточно, и она меня не задела, хотя и разбила фальшборт всего в паре локтей за моими спутанными ногами. Этот удар смягчил рывок выпрямляющегося корабля, но все равно меня подбросило вверх, как из катапульты. Однако я каким-то чудом успела ухватиться свободной рукой за болтающийся после сноса фальшборта леер; меня крутануло по короткой дуге и перебросило за борт. Я повисла над водой на одной руке; корабль все еще раскачивался, и меня несколько раз ударило о корпус. Сама удивляюсь, как мне удалось не разжать пальцы.

— Помогите! — крикнула я. Но то ли у матросов были проблемы поважнее, то ли они не слишком желали мне помочь; во всяком случае, я не могла висеть слишком долго и ждать. "Если я упаду в воду, мне конец, — сказала я себе. — Даже если меня не съест дракон, в этом коконе я сразу утону. Но я не упаду. Нужно просто спокойно, без паники, освободить левую руку."

Я напрягла крылья, стараясь растянуть парусину, и аккуратно повела руку вверх, сгибая вдоль туловища. Через несколько секунд мне удалось извлечь ее наружу и перехватить канат. Я чуть повисела на левой руке, давая отдых правой, а затем, подтягиваясь на руках, добралась до палубы. Здесь, однако, возникла новая проблема — мои ноги все еще были спутаны, и я никак не могла влезть на борт. Наконец мне удалось, раскачавшись, забросить на палубу обе ноги разом. Еще один рывок — и я, наконец, лежала на горизонтальной поверхности. Для верности я откатилась подальше от края и лишь после этого окончательно распутала свой кокон.

Следующие минуты две я просто лежала, простершись на палубе — сил у меня больше ни на что не осталось. Затем почувствовала саднящую боль в правой ладони; взглянув на нее, я увидела, что она вся в крови. Я уперлась крыльями в доски палубы, помогая себе встать.

Лишившийся обеих мачт бриг представлял собой странное зрелище. Этакая баржа с нелепо торчащим бушпритом; кливера, естественно, теперь полоскались в воде, а разбросанные по палубе паруса и канаты выглядели так, словно хулиганы сорвали сушившееся в переулке

белье. Вот только пятна крови на этом белье и розовые лужи на палубе наводили на мысль, что простым хулиганством здесь не ограничилось. Как я поняла позже, эта кровь была не только драконьей... В первый момент меня удивило, что на палубе почти никого не было; затем я услышала крики и подошла к левому борту. Несколько матросов плавали в воде среди обломков; похоже, один из них был мертв — я видела лишь его спину со вздувшейся пузырями головой, голова и конечности были под водой. Но куда более странное зрелище представляла собой грот-мачта, которая, рассекая волны, быстро удалялась от корабля. Вот она клюнула клотиком, задирая обломанный конец; еще некоторое время он, торча под углом, чертил по воде пенный след, а затем встал вертикально и рывком ушел в глубину. Пена была розовой — раны дракона продолжали кровоточить...

Через несколько минут всех уцелевших, оказавшихся за бортом, втащили на корабль. Я тоже бросила канат кому-то из них, и этим кем-то оказался сам капитан. Увидев меня, он злобно поворачивал глазами, но ничего не сказал. Тем более что на палубу выбирались уже и другие пассажиры, осознавшие, что бой кончился, и желавшие узнать наши потери.

Потери команды оказались довольно умеренными, учитывая, с каким врагом мы имели дело — двоих матросов убило мачтой, один разбился, упав с нее на палубу, одного на нижней палубе раздавило сорванной пушкой, и еще пятерых членов экипажа так и не нашли — очевидно, они утонули, выброшенные за борт в травмированном или бессознательном состоянии. Правда, среди этих пятерых оказался и первый помощник капитана. Еще четверо на верхней палубе и шестеро на нижней отделались переломами. (Кстати, двое пассажиров тоже сломали руку и один — ногу; точнее, не один, а одна, та самая жирная купчиха, что меня чрезвычайно порадовало.) Несколько аньо получили мелкие травмы — вывихи, растяжения, ушибы. В общем, в строю оставалось еще четыре десятка моряков — вполне достаточная численность экипажа, да вот только работы для них больше не было. Лишившись мачт, гордый бриг о девятнадцати пушках превратился в беспомощную игрушку океана.

— Сколько мы будем так дрейфовать — неизвестно, — подвел итог капитан, обращаясь к пассажирам и команде. — Мы в открытом океане между Инйалгдаром и Глар-Цу, на веслах до берега не доберемся. Но здесь проходят морские пути, рано или поздно кого-нибудь встретим. В этих широтах полно рыбы, а у нас есть снасти — это позволит растянуть пищевые запасы. А вот пресную воду пополнить негде. Поэтому отныне вводится норма: матросы будут получать по две трети пинты в день, все прочие — по полпинты.

— Что? Полпинты в такую жару?! — послышались возмущенные крики пассажиров.

— Для желающих охладиться воды полный океан, — отрезал капитан. — Вот только пить ее нельзя.

— С чего это какой-то матрос будет получать больше нас? — воскликнул кто-то из пассажиров. — Мы платили за проезд первым классом!

— С того, что матросы работают, а вы прохлаждаетесь. Впрочем, могу выдать вам всю вашу долю сразу, и выпейте ее хоть за один день. На четвертый день ваш высохший труп отправится на корм рыбам. Еще вопросы есть?

К сожалению, еще вопросы были. И обратился с ними гантрус, который уже предлагал отправить меня за борт. Он интересовался, какие еще доказательства требуются капитану после того, как разгневанные боги послали морское чудовище. Удивительная все-таки штука — суеверия. С точки зрения гантруса, беда, случившаяся с нами, не удивительна, потому что крылатой предоставили права высшей касты. А ранайцы в Ллойете, когда до них дойдет весть о судьбе брига, скажут, что это не удивительно, потому что перед отплытием на мачте сидела йувва. Самое смешное, что историю с йуввой я попросту выдумала, но сообщи им кто теперь об этом — они не поверят, потому что правдивость истории "доказана" постигшим корабль бедствием. Представители других народов, наверное, нашли бы свои "бесспорные" предзнаменования...

Капитан, однако, не стал вступать в теологический спор и попросту посоветовал гантрусу заткнуться. Однако, едва чужеземец оскорбленно замолчал, раздался еще один голос. Говоривший, скорее всего, не понимал по-гантруски, но мысль его работала в сходном направлении:

— Капитан, а почему добропорядочные ранайцы должны делиться последней водой не пойми с кем? Я имею в виду крылатую и этих вот закутанных, — он брезгливо покосился в сторону гантрусов. — Ладно, пока все шло нормально, мы могли играть в эти игры с равноправием, но теперь каждая капля важна для нашего выживания. Я против того, чтобы давать им воду. Море все спишет.

Это сказал не полуграмотный ремесленник, а один из торговцев (чей бизнес, вероятно, напрямую зависел от "закутанных"). И хотя я испытала мгновенное злорадство по поводу гантрусов, которые так хотели разделаться со мной, а теперь сами получили по той же мерке, на самом деле радоваться было нечему, ибо сразу несколько голосов согласно загудели.

— Иди сюда, ты, ублюдок! — не выдержала я, выхватывая шпагу. — У меня тоже нет желания делиться с тобой водой!

Сам автор идеи был безоружен (по крайней мере, в данный момент), но двое пассажиров обнажили свои шпаги, и явно не для того, чтобы сражаться на моей стороне. Один из гантрусов, как видно, тоже почуял неладное, и в руке у него сверкнул длинный кривой нож.

— Тихо все! — рявкнул капитан, выдергивая из-за пояса пистолет и поднимая ствол в воздух (он уже успел переодеться и вооружиться после невольного купания). — Оружие в ножны! Слушайте меня внимательно: если кто-то еще на этом корабле заикнется на тему сокращения расхода воды за чужой счет, я сокращу расход воды за его собственный! Пуля из этого пистолета оставляет дыру в осьмушку локтя! Это всем ясно? Не слышу!

— Ясно, ясно... — нестройно откликнулись пассажиры. Я тоже кивнула "ясно!", убирая в ножны шпагу. Я, конечно, больше всех выигрывала от позиции капитана, и все же на какую-то долю секунды почувствовала разочарование, что мне не удастся всадить клинок в брюхо ни одному из этих "добропорядочных ранайцев".

Потянулись тоскливые дни дрейфа. Пассажиры прятались по каютам от жары, стараясь как можно меньше двигаться и не потеть, но это помогало слабо. Небо оставалось безоблачным, и ничто не защищало нас от немилосердно палящего солнца; в полдень доски палубы раскалялись настолько, что их жар ощущался даже сквозь обувь, а в каютах стояла такая тяжелая, теплая духота, что я удивлялась, как еще не покрылась поджаристой корочкой, словно йитл в духовке. А ведь по ранайскому календарю шел лишь второй месяц весны! Но в тропиках практически нет смены времен года. Вдобавок ко всему ветер совсем стих; в такой штиль и корабли с мачтами обречены на бессильный томительный дрейф, а это значило, что на прибытие помощи в ближайшее время рассчитывать не приходится. Лопастей крутильного компаса уныло висели без движения, и вряд ли от крыльчатки под килем было больше пользы. Подозреваю, что и на педалях никто не сидел — все же такой труд требует повышенного расхода воды; к тому же при ясном небе определять наше положение можно было и по светилам.

На палубе поставили бочку, в которой каждые несколько часов меняли воду (естественно, морскую); любой желающий мог подойти и макнуть туда голову или даже окунуться целиком, что было проще, чем спускаться за борт. Поначалу для этого раздевались, а после бултыхались и в одежде. В каютах, наверное, все валялись голыми, но на палубу выходили, непременно накинув что-то на себя — жестокие солнечные ожоги быстро научили тех, кто не следовал этому правилу. Выяснилось, что у гантрусов мода на хламиды возникла не просто так... Но если от жары хоть как-то помогали купания, то от жажды спасения не было. Пить хотелось даже во сне; полагаю, не только мне все время снились вариации одного и того же кошмара — долгое блуждание по пустыне, потом наконец находится колодец или оазис, и

вот я жадно глотаю воду или даже какой-нибудь экзотический напиток, но рот по-прежнему остается пересохшим... Ежедневная рыба, сваренная в морской воде, лишь усиливала наши страдания; впрочем, будь она жареной, было бы еще хуже. Я стала отказываться от еды, и не я одна. Есть действительно совершенно не хотелось.

Мне к тому же досаждали громкие страдальческие стоны купчихи — оказалось, что ее каюта рядом с моей. В первые полчаса эти звуки доставляли мне мстительное удовольствие, но вскоре я уже готова была лезть от них на стенку. Если в первые дни она явно стонала от боли, то потом, по-моему — просто из принципа. Жара, жажда, вечный запах вареной рыбы и стоны за стеной — все, что нужно для увеселительной морской прогулки!

Я, наверное, все же страдала меньше других — не только из-за природной теплолюбивости, но и потому, что могла обмахиваться крыльями. Но по ночам все-таки выбирался из каюты проветриться. Я, конечно, не одна была такая умная, поэтому, чтобы избежать встреч с остальными, прогуливавшимся по палубе, облюбовала себе место на высокой, огражденной балюстрадой корме. Неподалеку теплился граненый кормовой фонарь, бросая желтые отблески на воду. В небе горели крупные тропические звезды.

Прошло несколько ночей, прежде чем я заметила, что с этими звездами что-то не так. Я не могла найти ни одного известного мне созвездия, и лишь взглядевшись внимательно, убедилась, что некоторые из них все еще видны, просто они оказались не на своих привычных местах, а спустились гораздо ниже к южному горизонту. Другие созвездия, очевидно, и вовсе оставались за горизонтом в течение всей ночи. Зато в северной части небосвода сияло множество незнакомых звезд, в том числе и новых Глаз Творков.

Разглядывая небо, я услышала, как скрипнули доски у меня за спиной и поспешно схватилась за эфес: уж не подбираются ли враги, решившие разделаться со мной под покровом ночи? Но это оказался капитан. В руках он держал какой-то прибор, похожий на большой разведенный циркуль с полукруглой шкалой — наверное, секстант или астролябию, я не читала о них в книгах, но не знала, как они выглядят. Некоторое время он наводил окуляр прибора то на одну, то на другую точку в небе (очевидно, на звезды), затем принялся при свете фонаря что-то царапать грифелем на листе бумаги, прижав его к перилам балюстрады. На меня он не обращал внимания. Дождавшись, пока он закончит, я вежливо окликнула его.

— Господин капитан!

— Чего тебе? — откликнулся он неприветливо. Возможно, он и впрямь только что меня заметил.

— Мы ведь пересекаем экватор, так?

Он немного помолчал, затем, очевидно, решил, что правду не скроешь, раз уж она написана на небе.

— По моим расчетам, пересекли еще вчера, — хмуро констатировал он.

— Но почему? Как нас могло в штиль отнести так далеко на север?

— Мы попали в течение Зарлангур, — нехотя пояснил капитан. — Самое сильное в этой части океана.

— Выходит, с каждым днем нас все дальше уносит от морских путей, связывающих северные порты Инийалгдара и Глар-Цу?

— Зато несет в сторону Йертаншехе, а там наши колонии, и туда тоже ходят корабли.

— До сих пор освоена лишь небольшая часть Йертаншехе и далеко не все острова. Говорят, не все острова даже открыты, — заметила я.

— Ну а от меня что ты хочешь? — раздраженно воскликнул капитан. — Чтобы я повернул течение, или вырастил новые мачты, или мановением руки перенес нас в Лац?

— Я все понимаю, — вздохнула я. — Просто делюсь опасениями.

— Не вздумай делиться еще с кем-нибудь, — пробурчал он.

— На этом корабле я не страдаю от избытка собеседников, — усмехнулась я. — Да и

какая разница? У других глаз не меньше, чем у меня.

— Зато о мозгах этого не скажешь, — проворчал капитан; не думаю, что он специально хотел сделать мне комплимент — скорее, прорвалось презрение моряка к "сухопутным йитлам". — Не уверен, что хоть один из них разбирается в навигации хотя бы настолько, чтобы отличить звезды северного неба от звезд южного.

У меня, впрочем, такая уверенность была. Интуиция почему-то подсказывала мне, что Каайле разбирается и в навигации, и много в чем еще. Вот кого было бы любопытно расспросить... но не после того брезгливого взгляда.

Следующие дни были так похожи друг на друга, что я не могу даже приблизительно сказать, сколько их было. Все тот же штиль, жара, соленая рыба, слепящий блеск солнца в спокойной воде... и злобные взгляды, кидаемые на меня не только пассажирами, но и некоторыми матросами, когда мне доводилось встретиться с кем-нибудь из них на палубе.

Но вот в одну прекрасную ночь (оказавшуюся, впрочем, не столь прекрасной впоследствии) я проснулась от полузабытого ощущения свежести. Высунувшись в открытый иллюминатор, я первым делом обратила внимание на багровый серп Лла, который, в отличие от предыдущих ночей, висел в небе не четко вырезанной долькой, а мутным продолговатым пятном. По ущербному лику Лла скользили пока еще полупрозрачные облака — и, судя по их скорости, ветер наверху был приличный. Затем на юге, где не было видно звезд, сверкнула зарница, на мгновение озарив набрякшие тучи; некоторое время спустя донеслось отдаленное погромыхивание. С юга шла гроза, а возможно, и шторм.

Жара и духота так измучили меня, что в первый момент я не почувствовала ничего, кроме радости; к тому же ливень — это пресная вода, и если экипаж будет достаточно расторопен, чтобы вытащить на палубу все открытые емкости... О качке я при этом как-то не подумала. Сбросив скомканную пропотевшую простыню, я растянулась на койке, надеясь проснуться полной сил, а не вареной, как в предыдущие дни.

Разбудил меня грохот в дверь. Это был не стук, а именно грохот; сквозь сон он казался мне громом грозы, но, проснувшись наконец, я убедилась, что дела обстоят намного хуже.

— Открывай, вйофново отродье! — услышала я голос чертова ремесленника. — Мы все равно сломаем дверь!

Я взглянула на дверь, вздрагивавшую от ударов, затем бросила мгновенный взгляд в иллюминатор. Светало; на уровне моря солнце еще скрывалось за горизонтом, но в вышине его лучи уже окрасили багрово-фиолетовым края черно-синих туч, нависших почти над самым кораблем. Сильной волны еще не было, но тут и там грозно вспенивались барашки.

Я растерянно оглянулась, ища, чем бы забаррикадировать дверь. Увы, вся немногочисленная мебель в каюте была привинчена.

— Что вам нужно? — крикнула я, поспешно натягивая штаны и выхватывая шпагу.

— Довольно бед ты навлекла на корабль! — раздалось из-за двери. — Теперь еще и шторм!

Оценив расстановку сил — а врагов явно было не один и не два — я попыталась воззвать к их логике.

— Если бы я даже и могла такое сделать, зачем бы я стала вредить кораблю, на котором плыву сама?

— А кто тебя знает! — последовал железный ответ. — Может быть, сам дьявол поможет тебе спастись!

— В таком случае, какой смысл вам сюда ломиться? Если дьявол ни при чем, то я невиновна; а если он защищает меня, вам со мной не справиться.

Я удовлетворенно замолчала, полагая, что этот аргумент сразит их наповал. В самом деле, трудно было на это что-то возразить. Увы, у них возражение нашлось моментально:

— Не заговаривай нам зубы! — и на дверь обрушились новые удары.

Что ж, оставалось только драться. Я встала напротив двери, приготовившись пронзить шпагой первого, кто ворвется. Через несколько секунд щеколду вырвало из косяка, и дверь резко распахнулась.

Тот, кто ее выбил, видимо, сам не ожидал такого эффекта и растянулся на полу у моих ног. Я могла пригвоздить его к полу, но не сделала этого — то ли подсознательно сработали остатки дуэльного кодекса, не позволяющего колоть лежачего, то ли просто здравый смысл подсказал, что остающиеся на ногах представляют большую опасность. Все происходило настолько быстро, что теперь я уже не могу сказать, о чем думала в тот момент...

Следующим оказался тот самый ремесленник, причем, похоже, в дверь его просто пропихнули. Я с превеликим удовольствием устремила шпагу ему в грудь, но он с проворством йитла метнулся в сторону и прижался к стене, а на мою шпагу нарвался дородный торговец. Даже пронзенный насквозь, он едва не повалил меня своей массой; мне пришлось отступить, и я едва успела выдернуть шпагу, чтобы встретить следующего врага. Это оказался матрос с топором на длинной ручке; мне пришлось уклоняться от удара, который я никак не смогла бы парировать, но, пока противник, поворачиваясь, делал новый замах, я скользнула в другую сторону и проткнула его сбоку. Но за это время в каюте оказались еще двое — пассажир со шпагой и матрос с саблей, какие, как я знала из книг, обычно применяются в абордажном бою. Это было уже действительно скверно — действуй эти двое слажено, они сумели бы скомпенсировать слабые стороны оружия друг друга и соединить сильные. Однако они явно не упражнялись прежде в парном бою и больше мешали, чем помогали друг другу. Но все же сабля — это сабля, шпагой ее не отразишь, а для маневра в тесной каюте мало места. Только тут я подумала о метательных ножах, но они были в жакете, а жакет — в шкафу недалеко от двери; я же дралась уже почти возле иллюминатора. Мне удалось обманчивым финтом спровоцировать рубящий удар матроса и уйти из-под него влево, под руку пассажира, одновременно отбивая вверх его шпагу. Маневр был рискованным, но оправдал себя — матрос, пытаясь достать меня, не смог вовремя остановить руку и ранил своего союзника в предплечье. Тот с проклятием шарахнулся назад, выронив оружие, и я рванулась мимо него к шкафу, готовясь следующим ударом проткнуть уже поднявшегося с пола первого из ворвавшихся, который загоразживал мне путь. За эту долю секунды, по моей прикидке, матрос уже не успевал сделать серьезный замах — в худшем случае он успел бы уколоть меня острым концом сабли, но не серьезно ранить.

Но он поступил иначе. Сильный рывок за правое крыло отбросил меня назад. Прыгая и уворачиваясь, я инстинктивно помогала себе крыльями сохранять равновесие, а лучше бы было держать их сложенными за спиной... Одно дело рассуждать о пользе лишней пары конечностей в теории и другое — использовать их в реальном бою. На самом-то деле при грамотном подходе крылья можно превратить в грозное оружие — но беда в том, что меня не учили специальной технике боя, предназначенной для крылатых. Такой техники просто не существует — или, во всяком случае, мне о ней ничего не известно. Крылатых во все времена было слишком мало, чтобы сформировать собственную культуру — особенно крылатых с нормально развитыми крыльями...

Но, естественно, в тот миг мне было не до философских размышлений. Будь у меня шпага в левой руке (а я одинаково хорошо владею обеими), я бы тут же вонзила ее в бок матросу. Но она была в правой, и я никак не могла извернуть ее для укола. Мне удалось лишь хлестнуть его шпагой по лицу, до крови рассекая щеку (увы, он успел мотнуть головой, и в глаз я не попала). Но его это не остановило. Продолжая крепко держать меня за крыло выше первого сустава, он замахнулся саблей с явным намерением снести мне голову. Все, что я еще успела сделать — ударить его коленом в пах. Он охнул, но рука с саблей дернулась в ранее выбранном направлении.

И в этот момент грохнул выстрел. Голова матроса взорвалась, как гнилой йовул, когда по нему ударят палкой. Осколки костей, клочья волос, брызги крови и ошметки мозга — все это

полетело во все стороны, в том числе и мне в лицо. Сабля скользнула плашмя по моему голому плечу, не причинив вреда; пальцы, сжимавшие крыло, конвульсивно дернулись и разжались. Труп стал падать на меня; я инстинктивно отпихнула его обеими руками, не выпуская шпаги, и он рухнул навзничь.

В дверях каюты стоял капитан, и в каждой руке у него было по пистолету; один из них дымился, второй смотрел в сторону коридора, где, очевидно, оставались другие мои враги (в каюте их в тот момент было двое, включая раненого и исключая убитых). На поясе капитана висела внушительного вида сабля.

— Кто-то желает быть следующим? — осведомился капитан, направляя заряженный пистолет в каюту, затем снова в коридор. — Если кто забыл, бунт на корабле карается смертью. Оружие на пол, если хотите жить.

"Капитан — второй после бога на корабле!" — говорят илсудрумские моряки. На что ранайские отвечают: "Бог первый на небе, а на корабле первый — капитан!" И все же он был один, и у него была лишь одна пуля и сабля — а дисциплина была слишком подорвана этим долгим мучительным дрейфом. Хуже всего было то, что среди линчевателей оказались члены экипажа — уж если они преступили запрет капитана, что говорить о пассажирах. В первый момент после выстрела и властного окрика капитана кто-то бросил оружие, но таковые оказались в меньшинстве, и прочие не спешили последовать их примеру. Не решались они, впрочем, и напасть — уже не только на меня, но и на своего шкипера. Стало совсем тихо. Пауза затягивалась. Опасно затягивалась.

И вдруг тишину раскололи частые удары тревожного колокола.

— Шквал! — услышала я. — Шквал по левому борту!

Капитан бросил короткий взгляд в иллюминатор за моей спиной, и то, что он там увидел, понравилось ему еще меньше, чем зрелище в моей каюте.

— Все по местам! — гаркнул он. — Пассажирам — пристегнуться к койкам и молиться!

Двое моих врагов, находившихся в каюте, проследили направление взгляда капитана и, изменившись в лице, торопливо прошмыгнули мимо него в коридор. Я, брезгливо переступая босыми ногами через трупы и лужи крови, подошла к своей койке, подобрала скомканную простыню и, наконец, стерла с лица и груди липкую мерзость. Почему-то в тот момент именно это казалось мне самым важным. Когда я снова бросила это импровизированное полотенце, из кровавых складок на меня смотрел глаз матроса.

Этот мертвый взгляд словно вернул меня к реальности, напомнив, что проблемы не кончились. Я посмотрела в иллюминатор.

На нас шла сплошная стена воды. Высотой, наверное, локтей тридцать, если не больше. Ее слегка вогнутая поверхность глянцевито лоснилась, а наверху кипела ярящаяся пена.

Я слышала топот бегущих по коридору и палубе ног; когда я отвернулась от иллюминатора, капитана уже не было видно. Мне совсем не хотелось оставаться в каюте с тремя мертвецами и выбитой дверью, но времени на поиски иного прибежища, похоже, не оставалось. Я упала на койку и кое-как затянула ремни.

Затем я услышала шум, словно где-то закипали тысячи больших котлов. А затем корабль осел вниз, резко завалился набок и помчался вверх. У меня перехватило дыхание от этого кульбита, ремни врезались в тело. С треском распахнулись дверцы шкафа, в коридор, звеня и кувыркаясь, вылетела миска, а за нею туда же покатались трупы...

Если бы у нас были мачты, нас бы наверняка опрокинуло. Но без них центр тяжести находился куда ближе к килю. Поэтому уже на гребне волны бриг выровнялся, а затем завалился на левый борт и помчался вниз по спине волны. Ощущение было такое, что мы валимся в пропасть; мои крылья непроизвольно напряглись, словно пытаюсь удержать меня в воздухе...

Наконец жуткий спуск с горы закончился — но оказались мы отнюдь не на равнине.

Таких огромных валов больше не было, но за авангардом шквала шел шторм.

Хватаясь за стены, я все-таки выбралась из своей каюты. Шторм может затянуться на несколько дней, и оставаться все это время среди трупов и размазанной повсюду крови... Оказавшись в кренящемся с боку на бок коридоре, я услышала, как в конце его со скрипом распахивается дверь. Затем корабль корабль завалился на другой бок, и дверь захлопнулась. На следующей волне все повторилось. Шарахаясь зигзагами от стены к стене, я поспешила туда.

На сей раз мне, наконец, повезло. Каюта и впрямь оказалась пустой, хотя и не нежилой — как видно, она принадлежала убитому мной пассажиру. Я вошла внутрь и заперлась.

В этой каюте я провела три дня. Все это время шторм продолжал бушевать, и за эти дни я не видела ни одного анью (как, разумеется, никто не видел и меня). Мне даже не пришлось выбираться за водой — хоть предыдущий хозяин помещения и оказался достаточно невежественен, чтобы верить, будто убийство крылатой может остановить бурю (а может, просто нашел удобный повод сорвать злость), но в практической сметке ему трудно было отказать: он умудрился запасти здоровенную бутылку воды, и, когда я ее нашла, в ней оставалось еще пинты четыре. Что до еды, то во время этой жуткой качки одна мысль о таковой вызывала у меня дурноту. Так что из каюты я выходила только, чтобы... ну, вы понимаете. Кстати, это тоже непросто делать в шторм.

К вечеру третьего дня буря, вроде бы, начала стихать; дождь уже не хлестал в иллюминатор, правда, его периодически окатывало пеной волн, но и те уже словно подустали и исполняли свою работу только по обязанности, без прежнего энтузиазма. Я валялась в полудреме, пристегнутая к койке, и тщетно пыталась заснуть по-настоящему (больше делать все равно было нечего). Корабль в очередной раз задрал нос, карабкаясь на волну, потом скользнул вниз...

И вдруг койка резко толкнула меня в ребра, и я не столько даже услышала, сколько всем телом ощутила раздирающий треск. Мне не надо было объяснять, что это значит. Отбросив ремни, я кое-как оделась, подхватила шпагу и выскочила из каюты. Из дверей слева и справа высовывались встрепанные головы, кто-то спрашивал, что случилось, кто-то выскакивал в коридор полураздетым...

Когда я выбежала на палубу, бриг уже заметно опустил нос и с каждой секундой зарывался все глубже. Если бы скала, на которую мы напоролись, подвернулась нам в более спокойную погоду, корабль бы так и остался на ней, как насекомое на булавке, и мог продержаться в таком виде довольно долго; но в шторм следующая же волна сняла нас с рифа, обнажив здоровенную, судя по скорости погружения, пробоину в носовой части... Воистину, это был несчастливый рейс!

Колокол трезвонил, как сумасшедший, полуголые пассажиры в панике метались в полумраке по мокрой кренящейся палубе. На меня, узнав, зыркали безумными глазами — как я сказала, в эти три дня меня никто не видел и, должно быть, на судне и впрямь решили, что меня унес дьявол. Но теперь уже никто не пытался сводить счеты... Кто-то не удержал равновесия и с криком свалился за борт, но на это не обратили внимания. Матросы, подгоняемые отборной бранью капитана, готовили к спуску шлюпки, пинками и кулаками пытались навести порядок среди рвавшихся туда пассажиров. Грохнул выстрел, чье-то тело повалилось под ноги дерущихся, его топтали...

У меня пропало всякое желание лезть в эту кучу малу; я просто стояла, держась одной рукой за фальшборт, и смотрела, надеясь, что после первой волны паники они успокоятся. Вдруг из двери, ведущей на корму, донесся громкий женский крик. Затем на палубу выбежала девчонка, дочь толстой купчихи. "Помогите! — кричала она. — Там моя мама, у нее сломана нога, она не может выбраться! Помогите ее вынести, кто-нибудь!" Ей уделили не больше внимания, чем свалившемуся за борт; когда она пыталась схватить кого-то за руку, ее просто отшвыривали. Тут она заметила, что я стою без дела, и вцепилась в меня мертвой хваткой.

— Помоги мне! Надо спасти мою маму!

— Даже если б я и хотела, чтобы сдвинуть ее с места, понадобится пять таких, как я, — ответила я, пытаясь отодрать ее от себя.

— Эй, девчонки! — крикнул пробежавший мимо капитан. — Быстро в шлюпку! Корабль вот-вот потонет!

— Моя мама! Я никуда не пойду без моей мамы!

— Поздно, ее уже не спасти! Не видишь, что делается?!

В самом деле, волны уже перекатывались через бак, и удерживать равновесие на палубе становилось все труднее. Две шлюпки уже отходили от корабля слева и справа, причем они отчалили в такой поспешности, что в них остались свободные места; несколько аньйо пытались догнать их вплавь. Остальные дрались за место в оставшихся шлюпках, и я только сейчас поняла, что их две, а не четыре. Очевидно, две мы потеряли во время шторма. Кажется, мое решение дожидаться, пока восстановят порядок, было опрометчивым...

Капитан схватил дочь купчихи за локоть, но она вырвалась и, оскользаясь на досках вздымавшейся все круче палубы, побежала вверх к корме. Капитан ругнулся, бросил короткий взгляд на шлюпки, а затем побежал следом. Они оба скрылись в кормовой надстройке.

Я подумала, что, если надеюсь занять место в шлюпке, это мой последний шанс, и, отпустив борт, в несколько прыжков вклинилась в толпу. Кто-то обернулся, узнал меня; мелькнуло перекошенное злобой лицо, занесенный кулак... Я успела увернуться, но тут же получила удар ногой от его соседа и отлетела на палубу.

— Скоты! — я поднялась на ноги, готовая броситься на них со шпагой, но в этот момент корабль издал протяжный вздох (это вырвались остатки воздуха из носовых отсеков), и нос стремительно ушел под воду, а корма задралась почти вертикально. Лодка, которую не успели спустить, опрокинулась; пассажиры и матросы покатались кубарем в воду, и я вместе с ними.

Вынырнув из мутной волны, я увидела рядом аньйо, цеплявшихся за перевернутую шлюпку, но я знала, что первым делом надо отплыть подальше от корабля, иначе затянет в воронку. Я перевернулась на спину. Надо сказать, что обычным образом мне плавать трудно — когда крылья оказываются над водой, центр тяжести смещается, и голова уходит под воду. Зато на спине или в подводном плавании мне нет равных: один взмах крыльями в жидкой среде посылает меня вперед на добрый десяток локтей. Правда, крылья в таком режиме быстро устают.

В несколько взмахов я оказалась на безопасном расстоянии и, подняв голову, увидела, как корма "Звезды тропиков" уходит в пучину. В следующий миг волна скрыла от меня место катастрофы, но я слышала крики увлекаемых в водоворот аньйо. Обернувшись в другую сторону, я увидела на гребне следующей волны плывущую прочь шлюпку. Когда волна подняла меня, а шлюпку опустила, я заметила, что там имеется пара свободных мест, и поплыла следом. Шпаги у меня уже не было, но я надеялась, что теперь, когда уже не надо бороться за место, меня примут на борт.

Недостаток плавания на спине — не видишь, куда плывешь; перевернувшись, чтобы оценить расстояние до шлюпки, я вдруг обнаружила ее совсем рядом и встретилась взглядом с Каайле, сидевшим на руле. Мне показалось, что он улыбается мне. Я тоже улыбнулась ему — к черту старые обиды, теперь мы все, потерпевшие крушение, должны помогать друг другу выжить... и в этот момент в руке у него появился пистолет.

Я не сразу осознала, что улыбка была вовсе не улыбкой, а скорее оскалом. Промедли я еще долю секунды — и вы бы не читали этих строк. Но я все уже успела нырнуть за мгновение до того, как он нажал на спуск. Работая крыльями, я ушла в глубину, хотя это была излишняя предосторожность — никто не смог бы разглядеть меня сквозь мутную воду, да еще в сумерках. Я плыла под водой, сколько могла, пока в ушах не начало звенеть и грудная клетка не забила в агонии; когда я, наконец, вынырнула, жадно и тяжело дыша, лодка была далеко.

"Без паники, — сказала себе я. — Раз мы наткнулись на риф, наверное, где-то поблизости есть и суша."

Вытягивая шею (что, конечно, было смешно, учитывая, что меня качало на волнах высотой минимум в три моих роста), я огляделась вокруг, но нигде не было признаков земли, да и трудно было что-то разглядеть в сгущающейся тьме. Возле места крушения еще виднелись головы нескольких аньйо, какие-то доски и мусор, но эти доски были слишком мелкими, чтобы соорудить что-то вроде плота, и я не поплыла в ту сторону. "Ладно, — решила я, — раз уж я все равно не знаю, куда плыть, самое разумное — отдаться на волю волн и максимально экономить силы." Не скажу, что мне не было страшно, но, знаете, была у меня в глубине души какая-то уверенность, что я выберусь из этой передраги. Как неудачный детский опыт так и не внушил мне страха перед прыжками с высоты, так и предыдущие зловключения лишь укрепили меня в мысли, что какой-нибудь выход отыщется. Если уж говорить о чувствах, то скорее я испытывала злость, чем страх. Злость, что мне опять придется потерять невесть сколько времени, а пришельцы, быть может, уже готовятся к отлету из нашего мира...

Окончательно стемнело. За тучами не было видно ни звезд, ни лун, и, пройди теперь спасительный корабль в полусотне локтей от меня, я бы, наверное, его не заметила. Волны мягко поднимали и опускали меня; расправив под водой крылья, я легко держалась на поверхности, и лишь изредка какой-нибудь особо наглый гребень окатывал пеной мое лицо, так что приходилось отфыркиваться и отплеиваться. Тем не менее, со временем я почувствовала отрыжку от горько-соленой воды. Но была проблема и посерьезнее. В тропиках вода теплая, но она все же холоднее, чем тело аньйо, и если часами висеть в ней практически неподвижно, этот факт становится весьма ощутимым. Тем более что из-за большой поверхности крыльев я теряю тепло быстрее, чем обычный аньйо. А все время двигаться — значит быстро выбиться из сил, которых у меня вообще-то было не так много. Только теперь, почувствовав первое головокружение, я подумала о том, что ничего не ела в последние три дня, да и перед этим питалась весьма скудно. Для того, чтобы сутками валяться на койке, кусочка-другого ненавистной вареной рыбы хватало, а вот для того, чтобы вплавь бороздить океан...

Меня пробирали крупная дрожь; я пыталась сжаться в комок, обхватив под водой колени руками, но лучше не становилось. От спринтерских заплывов сердце принималось скакать, как бешеное, и накатывала противная слабость, но холод не отступал. В конце концов я решила, что лучше всего совсем не двигаться — тогда вода, нагревшаяся от моего тела, останется под одеждой, а не будет сменяться свежей холодной. Но это рассуждение оказалось безупречным только в теории... Зубы сами собой принимались выбивать чечетку. Я вдруг почувствовала, как что-то горячее стекает по щеке. "Прекрати реветь, дура, — мысленно сказала я себе, зло сжимая губы. — Ты теряешь тепло и воду."

В прореху между тучами вышла ущербная Лла, расплескав кровавые отблески по черной морщинистой шкуре волн. Мне некстати подумалось об огромных хищных рыбах, обитающих в тропических морях. Встретить еще одного дракона шансов мало, все-таки эти твари — большая редкость, а вот йаргарры — это да. До двадцати локтей в длину, три ряда зубов в каждой челюсти, скорость выше, чем у самого быстроходного корабля. Иногда они ходят сразу стаями... А у меня нет ни шпаги, ни ножа — если нож вообще может что-то сделать такой туше.

То тут, то там вспыхивали в лунном свете пенные гребни; я всматривалась в них, и мне мерещилось, что я различаю на их фоне движение страшных плавников. Но внезапно мое сознание зацепилось за более реальное обстоятельство. Далеко впереди какой-то длинный гребень уж больно регулярно возникал на одном и том же месте. Конечно, это тоже могло быть лишь иллюзией, просто на таком расстоянии разные волны сливаются в одну... но могло быть и полосой прибоа.

Я постаралась проморгаться, всматриваясь в даль, но тут Лла снова закрыли тучи, и

океан опять погрузился во тьму. Все, что мне осталось — это плыть туда, где я последний раз видела пенную линию, и надеяться, что, несмотря на непроглядный мрак и волны, мне удастся хоть как-то выдержать направление. Я то ложилась на спину, то ныряла, то пыталась грести брассом, высовывая голову из воды. Ни один из способов не давал никакой уверенности; вокруг была все та же тьма и миллионы тонн воды. В конце концов я окончательно выбилась из сил и беспомощно зависла на месте, опустив ноющие крылья. Ни злости, ни страха уже не было. Была тупая покорность и желание, чтобы все поскорее кончилось.

И тут, когда я перестала плескаться и тяжело дышать, до меня донесся другой звук. Он был знаком мне больше по книгам, чем по реальной жизни, проведенной вдали от моря, но я сразу поняла, что он означает. Это был шум прибоя.

Он доносился вовсе не спереди, а слева и даже уже слегка сзади. Не зря я беспокоилась насчет направления. Будь у меня сил побольше, я бы геройски уплыла снова в открытое море — вовремя же мне захотелось все бросить... Однако теперь силы были мне снова нужны — до берега надо было еще добраться. К счастью, пока я отдыхала, шум стал сильнее — волны сносили меня в верном направлении. Наконец я снова легла на спину и зашевелила крыльями и ногами, стараясь плыть на звук...

Труднее всего оказалось выбраться на берег. Вот тут мне стало страшно по-настоящему. Огромные волны, вовсе не такие пологие, как в открытом море, яростно вставали на дыбы и со страшным грохотом рушились куда-то в темноту; я с ужасом ждала, когда они подхватят и швырнут меня, расплющивая о камни, хороня под водопадом ревущей пены... Представьте себе, что вас выкидывают из окна, как минимум, двухэтажного дома, который при этом валится вслед за вами! Я успела лишь зажмуриться и задержать дыхание, когда меня закрутило в пене, бросило вниз, ударило, поволокло — к счастью, не по камням, берег оказался песчаным... Ничего не соображая, оглушенная и полузахлебнувшаяся, я все же сумела подняться на ноги и сделать несколько шагов, в то время как пена откатывалась назад, бурля вокруг моих ног и норовя снова утащить меня в море. Затем следующая волна сбила меня с ног и вынесла дальше на пляж. Упершись руками в мокрый песок, я поползла на четвереньках; третья волна меня уже не достала.

Больше всего мне хотелось лечь и не двигаться, но я понимала, что прежде надо найти какое-нибудь укрытие. Походкой сомнамбулы я пересекла узкую песчаную полосу пляжа и уперлась рукой в ствол какого-то дерева (почему-то поросший жестким волосом). Обойдя его, я сделала еще несколько шагов; под ногами шуршала высокая трава, и, кажется, вокруг были еще деревья. Я улеглась прямо в траву и, успев подумать, что в ней могут быть змеи и ядовитые насекомые, уснула мертвым сном.

Проснувшись я, наверное, ближе к полудню, и долго не могла сообразить, где я и что со мной. Я понимала лишь, что мне холодно, и что я почему-то спала под открытым небом. Точнее, не совсем: небо от меня закрывали широкие листья невысокой пальмы, у подножия которой я лежала, сжавшись в комочек. Я потрогала бурый волосатый ствол, уверившись наконец, что он мне не снится, затем потянула затекшие конечности, поднялась на ноги и выбежала из пальмовой рощи под жаркое солнце пляжа (небо почти совершенно очистилось, лишь у горизонта еще плыло несколько плотных облаков). Тут уже я пришла в себя окончательно.

Итак, я одна на берегу неизвестной земли в северном полушарии. Может быть, это Йертаншехе, но скорее всего, до материка мы не добрались, и это просто остров. Возможно, что и необитаемый. И даже отсутствующий на картах. Пить хочется ужасно, да и есть тоже. Солнечное тепло пока что наполняет меня блаженством, но со временем может превратиться в проблему. В активе у меня — лишь кожаные штаны, сапоги и остатки рубашки, изорванной, когда волны волокли меня по песку. На коже, кажется, тоже есть несколько ссадин, но это как раз ерунда... Все прочее мое имущество, включая оружие, деньги, сумку и все, что было в ней,

теперь покоится на дне морском.

М-да. Меньше надо было в детстве мечтать о приключениях в тропиках.

Я окинула взглядом пляж, сначала в одну, потом в другую сторону. Вдалеке на белом песке маячило что-то темное и продолговатое. Камень? Непохоже. Скорее, ствол толстого дерева. Или же...

Через десять минут, когда я дошла туда, мои подозрения подтвердились. Это была лодка. Шлюпка со "Звезды тропиков"; на корме было вырезано название судна. Она была разбита и вряд ли подлежала ремонту, так что бросившие ее здесь, вероятно, не собирались возвращаться. Рядом валялось сломанное весло. Я подобрала его: хоть какое-то оружие.

Судя по следам, приплывшие на лодке, в отличие от меня, переночевали на пляже, не решаясь в темное время углубляться в заросли. Однако утром они все же отправились в джунгли. Цепочка следов, пересекая пляж, терялась в траве под покровом пальм.

Я задумалась, идти ли мне следом. Среди спасшихся могли быть моряки, знающие, как выжить на диком острове, или же как найти дорогу к поселению, если остров не совсем дикий — да и вообще, вместе удобней и безопасней. Но у меня не было никакой уверенности, что при встрече меня в лучшем случае не прогонят, а в худшем — не убьют. А у меня даже нет настоящего оружия. С другой стороны, подумала я, у меня преимущество: я знаю, что они здесь, а они про меня — нет. И значит, я могу следовать за ними тайно. А там уж попытаемся понять, что у них на уме и стоит ли открываться...

Впрочем, войдя под кроны тропического леса, я убедилась, что выследить моих бывших спутников будет не так-то просто. Мне доводилось читать об охотниках-следопытах, для которых лес был открытой книгой, но сама я легко читала следы разве что на песке. Трава, примятая ногами, давно распрямилась, и я не имела понятия, куда они пошли.

"Ладно, — решила я, тщетно осмотрев ближайшие ветки в поисках зацепившихся клочков одежды, — допустим, я — это они. Куда бы я пошла, не зная, куда идти? Наверное, все прямо и прямо, по крайней мере, до тех пор, пока не встретится веская причина свернуть."

Так я и сделала. Я знала из книг, что одна нога у аньйо обычно чуть более развита, чем другая, а потому идущий без четкого направления постепенно забирает вправо или влево; но у группы из нескольких аньйо это качество, наверное, взаимно компенсируется, и они движутся по прямой. Поэтому я всякий раз выбирала впереди ориентир — какое-нибудь дерево — чтобы самой не отклониться в сторону.

В скором времени моя догадка подтвердилась. Я вышла к небольшому ручью, весело журчавшему между травянистых берегов; длинные изумрудные стебли, вытянувшиеся по течению, устилали дно. В замшелой грязи у воды отчетливо отпечатался каблук; след был совсем свежий. Значит, они были здесь и, судя по положению каблука, не стали сворачивать вдоль ручья, а перешагнули его и пошли дальше. Однако прежде, чем продолжать преследование, я легла на землю, опустила лицо в воде и впервые за много дней напилась до отвала. Доктор Ваайне, конечно, рассказывал мне про страшные тропические болезни, про лихорадку, за несколько дней превращающую цветущего аньйо в дряхлую развалину, про червей длиной чуть ли не в локоть, вырастающих из личинок прямо в кишках, и т.д. и т.п. — но тут уж приходилось положиться на удачу. Кипятить воду мне все равно было не на чем и не в чем. Вода была теплая и с каким-то металлическим привкусом, но я не привередничала.

Утолив жажду, я почувствовала прилив сил и настроения. Держа свою дубину на плече, словно солдат — мушкет, я легко шагала через заросли и даже чуть было не начала насвистывать, но вовремя подавила это желание. Тропические джунгли бывают совершенно непроходимыми — толстые стволы перевиты лианами, ветви деревьев и кустарников образуют сплошную колючую стену, да еще под ногами чавкает какое-нибудь болото со змеями (и они же ползают по ветвям сверху); через такую чащу можно двигаться, лишь прорубая себе дорогу саблями и топорами и преодолевая считанные сотни локтей в день. Но мне повезло —

растительность вокруг была вовсе не такой густой, хотя и более буйной и разнообразной, чем в лесах под Йартнармом. Периодически приходилось перебираться через поваленные стволы или раздвигать руками гибкие ветки, только и всего. Под открытым небом мне бы уже, наверное, напекло голову, но раскидистые кроны надежно защищали меня от тропического солнца; правда, теплый и влажный воздух под деревьями все равно с непривычки казался каким-то тяжелым и вязким, и лохмотья рубашки противно липли к телу. Я подумала, не сбросить ли ее совсем, но мое имущество было слишком скудным, чтобы выбрасывать даже пропотевшее тряпье... Тем временем, следов мне больше не попадалось, и это начинало меня беспокоить.

Еще меня беспокоил голод. Я уже замечала на ветках аппетитные крупные ягоды, но не имела понятия, можно ли их есть. Риск тут был куда больше, чем с водой. Тщетно мой взгляд искал чего-нибудь привычного на деревьях: растения умеренных широт здесь не росли, а тропические фрукты быстро портятся и потому знакомы лишь жителям колоний, но не метрополии.

И вдруг, выйдя на небольшую полянку, я увидела дерево, сплошь увешанное большими ярко-желтыми плодами причудливой формы, отчасти похожими на витые морские раковины. Кура! Единственный съедобный дар северных лесов, выдерживающий долгую транспортировку на корабле. И все равно у нас он стоит чертовски дорого; я ела кура лишь в несколько раз в жизни, по большим праздникам. При мысли о восхитительной сочной мякоти мой рот тут же наполнился слюной; я подошла и принялась лупить своей палкой по висевшим на нижних ветках плодам. С третьего удара мне удалось сбить на землю один из них.

Однако, чтобы добраться до мякоти, надо расколоть скорлупу, а это не так-то просто. Удары палки, во всяком случае, не произвели на плод кура особого впечатления, разве что чуть вдавили его в мягкую землю. Я беспомощно огляделась в поисках более подходящего орудия. Никаких камней поблизости не было, стволы пальм, покрытые губчатой корой, тоже не выглядели особенно твердыми... И тут я обругала себя идиоткой. Зря, что ли, говорят, что алмаз гранят алмазом? Полминуты спустя второй плод упал рядом с первым; я, чувствуя себя дикарем-первооткрывателем, занесла один над другим и — хрясь!

Есть! Кожура обоих плодов треснула. Я поскорей отколупнула твердый осколок и запустила руку в розовую мякоть. Предвкушая удовольствие, вонзила зубы в сочащийся липким соком кусок...

...И долго потом не могла отплеваться от этой горько-кислой гадости. Рот вязало, словно я глотнула клея; прилипшие изнутри кусочки плода пришлось доставать пальцами. Как я могла забыть, что, хотя в тропиках и не бывает зимы, это не означает полного отсутствия сезонов! И плоды кура бывают спелыми вовсе не круглый год!

Уж спасшиеся с брига об этом не забыли — иначе я бы нашла другие разбитые плоды. Если, конечно, они вообще проходили здесь... Поляна — хорошее место, чтобы сверить направление по солнцу, и я убедилась, что по-прежнему иду перпендикулярно побережью. Что ж, решила я, пойду так и дальше. Разминулась я с остальными или нет, все равно надо исследовать остров. Если это и впрямь остров, в конце концов я выйду из леса на берег с другой стороны. Да, но острова бывают большие. Такой путь может занять несколько дней. А если это каким-то чудом все-таки Йертаншехе... И до чего же глупо помирать от голода посреди тропического изобилия!

Тем не менее, я решила пока двигаться вперед. По моим расчетам, я еще успевала вернуться на побережье до темноты.

Однако недостаток сил все же давал о себе знать. Я шла не так уж и долго, а мне уже отчаянно хотелось сделать привал. Может быть, и аньйо с брига где-то здесь пришла в голову такая мысль, и они начали озиаться в поисках подходящего места... Я поозиралась и заметила справа от своего маршрута довольно обширный просвет между деревьями. Я свернула в ту сторону и двинулась своим обычным шагом, но быстро спохватилась — что, если они все еще

там? — и стала подкрадываться, передвигаясь на цыпочках, выглядывая из-за стволов и прислушиваясь.

Так, с предосторожностями, я подобралась к краю большой поляны и затаилась за последним разлапистым деревом, заслонявшим мне обзор. Единственными звуками по-прежнему оставались крики птиц (я видела в листве их яркие оперения), и, наконец, присев пониже, я решила выглянуть.

И поняла, что все это время шла правильно, но лучше бы я этого не делала.

Они действительно сделали здесь привал. На это указывали кострище, опрокинутый котелок, разбросанная нехитрая утварь, чей-то камзол, чья-то шляпа, чей-то обгоревший сапог, вероятно, сушившийся над огнем... И кровь. Кровь на траве, на раскиданных вещах, даже на стволах и листьях некоторых соседних деревьев.

Но нигде не было ни одного аныю. Ни живых, ни мертвых.

Разумеется, я не решила выйти на поляну со своим обломком весла. Тем, кто сделал это до меня, не помогли пистолеты и сабли... Успели ли они пустить оружие в ход? Кажется, в стволе одной из пальм была дырка от пули, но на расстоянии я не могла сказать наверняка, а подойти ближе не рискнула.

Прочь от поляны я кралась еще осторожнее, чем к ней. Наконец, решив, что удалась на достаточное расстояние, я бросилась бежать — назад, в сторону побережья.

До побережья я, впрочем, не добежала. Может, сбилась на этот раз с направления (что неудивительно), а скорее мне просто не хватило сил. Ведь поесть мне так и не удалось, а рванула я со всех ног, да по жаре... В общем, в какой-то момент в глазах у меня потемнело, в ногах разлилась противная ватная слабость, и я почувствовала, что сейчас упаду. Я едва успела обнять ствол какого-то дерева и сползти по нему на землю, после чего отключилась.

Не знаю, как скоро я очнулась. Солнце, кажется, стояло еще достаточно высоко, но знойная духота начала понемногу отступать... Пока мой вяло возвращавшийся к работе мозг тяжело переваривал эти обстоятельства, я нехотя открыла глаза и сфокусировала взгляд на том, что маячило прямо передо мной.

Это был высокий дикарь, коричневый, почти голый, в красных, белых и черных разводах раскраски ("прямо как ранайский флаг!" — мелькнуло где-то на периферии сознания). В руке он держал копьё с длинным наконечником. И внимательно смотрел на меня.

Мой взгляд затравленно метнулся влево-вправо. Там было то же самое. Я была со всех сторон окружена вооруженными дикарями.

Я схватила свою дубину обеими руками и вскочила, готовясь подороже продать свою жизнь — что мне еще оставалось? Перед глазами снова зароились темные точки, но на сей раз я не упала. Вместо этого упали дикари.

Да, выдохнув какой-то клич вроде "Эйя!", они дружно повалились на колени, а затем уткнулись лбами в землю. В первый миг мне показалось, что мой сон-обморок все еще продолжается; но дурнота отступила, вернув ощущение реальности происходящего, а картина не изменилась. Я даже быстро оглянулась через плечо, проверяя, не вызвана ли реакция туземцев каким-нибудь подкравшимся сзади монстром, священным хищником, готовым закусить столь кстати подвернувшейся жертвой... Но и сзади я видела лишь коричневые спины и задранные кверху тощие зады аборигенов. Не могли же они так испугаться простого обломка весла?

Я медленно опустила свое грозное оружие. Дикарь, бодавший землю прямо передо мной, осторожно приподнял голову. На его лице робость смешивалась с радостью, но распрямиться он не решился. Я вдруг прыснула от смеха, глядя на этого коленопреклоненного верзилу и его уставивших зады в зенит соплеменников.

Кажется, они сочли это добрым знаком. Неуверенно поднимая головы, они улыбались, с каждой секундой все шире. Проверяя, действительно ли я имею над ними власть, я сделала жест

рукой снизу вверх, позволяя им подняться. Они вскочили на ноги. Честно говоря, в таком ракурсе они понравились мне несколько меньше — тому, кого я увидела первым, я была по грудь, да и остальные пигмеями не выглядели, разве что размалеваны были не столь обильно. Пока я еще раз окидывала их опасливым взглядом, первый верзила ударил тупым концом копья в землю и вдруг громко запел, глядя то на меня, то на небо. Остальные нестройно подхватили песню и принялись пританцовывать, двигаясь то влево, то вправо, в то время как главный — я уже поняла, что тот, кто больше всех раскрашен, тот и главнее — оставался на месте и лишь отбивал такт копьем.

Это зрелище надоело мне довольно быстро (а от громкого заунывного пения просто голова шла кругом), и я махнула рукой, призывая их замолчать. В тот миг я не подумала, что могу оскорбить их религиозные чувства — а церемония явно носила религиозный оттенок — но, к счастью, они не обиделись. Кто раньше, кто позже, они замолкли и остановились в некоторой растерянности. Я несколько раз поднесла руку ко рту и подвигала челюстями, показывая, что хочу есть. Тут же несколько дикарей разбежались в разные стороны и довольно быстро вернулись, неся, каждый на своем пальмовом листе, свои подношения. Не все дары вызвали у меня одинаковый энтузиазм: если ягоды и фрукты я заглотила, практически не жуя, то жирных белых гусениц или громадного лилового жука, которому предусмотрительные кулинары оторвали ножки, я пробовать не решилась, хотя и знала из книг о путешествиях, что такая еда ничем не хуже обычного мяса. Кажется, тех туземцев, чьи подношения были отвергнуты, это опечалило.

Наевшись (точнее, есть все еще хотелось, но было уже просто некуда), я задумалась, как объяснить аборигенам, чтобы отвели меня в селение. Это оказалось несложно. Стоило мне сделать несколько шагов — и передо мной на землю положили некую конструкцию из двух длинных косо перекрещенных ветвей, оплетенных лианами и накрытых сверху пальмовыми листьями. Я догадалась, что это носилки, и с улыбкой уселась на них. Весло, после коротких колебаний, я оставила на земле, решив, что вряд ли обязана именно ему столь радушным приемом. Действительно, дикари больше не обращали на него никакого внимания. Четверо мускулистых воинов, присев, подняли носилки вместе со мной и водрузили каждый свой конец ветви на плечо. Впрочем, им даже не пришлось особо напрягать свои мускулы — даже после трапезы я вряд ли весила больше ста десяти фунтов вместе с сапогами и носилками.

Шествие двинулось через лес. Я ехала в самом центре отряда, насчитывавшего две дюжины аньо. Носилки были узкие, я сидела фактически верхом, свесив ноги с обеих сторон перекрестия, но свалиться не боялась. Беспокоило меня другое — как предупредить гостеприимных туземцев, что где-то рядом рыщет другое, враждебное племя, а может, страшные хищники — словом, те, что уничтожили других спасшихся с брига? Вздумай я показывать это жестами, дикари, чего доброго, примут это за агрессию и угрозу с моей стороны. Впрочем, окинув взглядом ошестиненный копьями отряд, я решила, что эти дети джунглей куда лучше разбираются в ситуации, чем я, не проведшая на острове и суток, и мои советы им были бы попросту смешны. Все же, пользуясь высотой своего положения, я внимательно смотрела по сторонам, чтобы, в случае чего, первой предупредить об опасности.

Однако по дороге с нами ничего не случилось. Один раз я вздрогнула, когда туземцы, шедшие в авангарде, закричали — но тут же поняла, что это крики радости, а не угрозы. Им тут же ответили из зарослей впереди, а затем деревья расступились, и я увидела селение.

Оно было довольно большое — около полусотни хижин, не во всякой ранайской деревне наберется столько, правда, ранайские избы больше и, разумеется, прочнее. Туземцы не строили домов из бревен, а просто каркас, плетеный из ветвей, обмазывали глиной и крыли сверху пальмовыми листьями. В итоге получалось цилиндрическое сооружение восьми-десяти локтей в диаметре. В центре деревни росло не очень высокое, но исключительно толстое и ветвистое дерево с плотной куполообразной кроной; края купола свисали неровной зеленой бахромой чуть

ли не до земли. Я не очень хорошо его разглядела, потому что солнце, спустившееся уже достаточно низко, било в глаза; заметила лишь, что вокруг собралось немало жителей деревни, и подумала, что там проходит какой-то совет или, может быть, праздник. Но крики "моих" туземцев отвлекли их соплеменников от дерева, и те поспешили нам навстречу.

Вновь повторилась сцена общего восторга. Поскольку я теперь не размахивала дубиной, лбом в землю больше никто не падал, но практически все — мужчины, женщины, дети — кричали, пели и приплясывали вокруг носилок. Среди выкриков я вновь несколько раз различила слово "эйя" и решила, что это, должно быть, местное приветствие. "Эйя!" — крикнула я в ответ, вызвав новую бурю радости. Туземцы свистели и улюлюкали, а некоторые от избытка чувств отбивали быструю дробь ладонями по голым животам и ляжкам. Смотреть на это было ужасно смешно, и я чуть не свалилась с носилок.

Однако всеобщее ликование нарушила тощая длинноволосая старуха в ожерелье из причудливой формы корешков на морщинистой шее; она что-то кричала визгливым голосом, который мне сразу не понравился. Перехватив мой недовольный взгляд, она, однако, почтительно мне поклонилась, однако тут же снова принялась кричать на своих соплеменников, указывая коротким кривым черным ножом на заходящее солнце. Наконец ей удалось привлечь общее внимание; раскрашенный предводитель отряда что-то скомандовал, и толпа вместе с носильщиками двинулась к дереву.

Я догадалась, что им важно завершить свое мероприятие до заката, и что я тоже приглашена участвовать. Главным моим чувством было любопытство, но все-таки зашевелилось и беспокойство: нож в руке старухи мне не понравился. Могло ли быть так, что вся буря эмоций, принятая мною за восторг, на самом деле выражала гнев и злобу? Нет, определенно нет. Как бы сильно ни отличались дикари от ранайцев, улыбки и смех у всех народов одинаковы. Да, но, может быть, они радовались не мне, а возможности расправиться со мной? Я вспомнила задранные к небу зады нашего отряда. На приготовление к расправе это никак не походило. И все же, чтобы окончательно увериться, я властно скомандовала: "Стойте!"

Они, конечно, не поняли слова, но, должно быть, по моему решительному тону и сдвинутым бровям догадались о его смысле. Носильщики и остальная процессия остановились. Десятки глаз смотрели на меня выжидательно. Да, они повиновались мне. "Как видно, истории о свирепости северных дикарей сильно преувеличены, — подумала я. — По крайней мере, в отношении некоторых племен. Которые чувствуют превосходство нашей цивилизации и почитают за счастье служить нам." Ладно, не будем мешать их обычаям. "Вперед!" — разрешила я, делая взмах рукой. Процессия вновь тронулась; кажется, на многих лицах мелькнуло выражение облегчения.

Шествие приблизилось к цели; туземцы встали вокруг дерева в несколько рядов. Старуха с ножом и двое молодых воинов с чем-то вроде глиняного таза шагнули под сень ветвей. Головы зрителей находились примерно на уровне края лиственного купола, так что они могли заглянуть под крону, я же с высоты носилок не видела за густой листвой происходящего. Так что я без долгих раздумий перекинула ногу через перекрестие и, не дожидаясь, пока меня опустят со всей почтительностью, прыгнула на землю.

Ближайшие туземцы обернулись, поспешно расступились, пропуская меня под крону; сами они входить туда не хотели или не осмеливались. Я шагнула вперед и едва не уткнулась лицом в перевернутую мертвую голову гантруса.

Они все были там — приплывшие на лодке. Я видела только шестерых, но остальных, очевидно, скрывал от меня ствол. Они висели, скрученные лианами и привязанные за ноги к ветвям дерева. И на шее у каждого из них багровел страшный отверстый рот с тянувшимися к подбородку кровавыми подтеками.

Впрочем, пока еще не у каждого. Пока я в полном ступоре созерцала это зрелище, старуха шагнула к молодому матросу, который был еще жив и смотрел выпученными от ужаса и

прилива крови глазами, ухватила его голову за свисавшие волосы, оттянула ее назад и ловко, одним движением перерезала горло от уха до уха. Из раны с коротким булькающим хрипом вырвался воздух, и тут же в подставленный воинами таз хлынула кровь. Из-за перевернутого положения тела она вытекала быстро. Тяжелый, железистый запах мешался с ароматом листвы.

— Они вас слушают? Ведь правда? Слушают?

Голос вывел меня из ступора. Я не сразу узнала Каайле в перевернутом положении. Зато он не только узнал меня, но и сообразил, что я — не очередная жертва, доставленная на заклятие. Меж тем старуха с ножом уже направлялась к нему.

— Остановите их! Вы же можете!

Я смотрела на него. На аньйо, который стрелял в меня только за то, что я родилась с крыльями, а он нет. И он понял, что означает для него этот взгляд.

— Пожалуйста! Не время сводить счеты! Мы же цивилизованные аньйо, неужели вы позволите этой дикарке...

Дикарка взяла его за волосы.

— Я умоляю вас! Ради всего святого!

Я демонстративно скрестила руки на груди.

— Ты ответишь за это! — в последний момент он решил сменить тон. — У меня важная мис...

Нож не дал ему договорить. Кровь с журчанием, словно вода, полилась в таз.

Каайле был последним. Старуха опустила свое оружие и обернулась ко мне, словно спрашивая моего одобрения. Я не подала ей никакого знака и медленно обошла дерево. Всего жертв оказалось одиннадцать, у всех было перерезано горло, но некоторые, видимо, умерли раньше — у четверых были раны на груди; как видно, это были те, что успели оказать сопротивление во время нападения туземцев. Вряд ли вся кровь, которую я видела на поляне, могла быть кровью четырех аньйо — значит, аборигены тоже понесли потери...

Зрелище, конечно, было не слишком эстетичным, но желания хлопнуться в обморок, как полагается приличной барышне в такой ситуации, у меня не возникало. Не потому даже, что мне уже приходилось убивать самой — аккуратные дырочки от шпаги несравнимы с подобными ранами. Но и по части подобных сцен кой-какой опыт уже имелся — начиная с того дня, когда я видела отчима за работой, и заканчивая головой матроса, разлетевшейся от выстрела капитана прямо перед моим лицом. А когда я увидела висевшего вверх ногами ремесленника, того самого, так и вовсе испытала всплеск радости. Все-таки справедливость время от времени бывает! Жуткая смерть остальных у меня восторга не вызвала, но и сожаления тоже. Я помнила, какими глазами они на меня смотрели; возможно, среди них были и те, кто пытался линчевать меня перед началом шторма... Единственным аньйо на корабле, которому я симпатизировала, был капитан, но он, очевидно, утонул вместе со своим судном.

Обогнув дерево, я вышла из-под кроны. Некоторые аборигены смотрели на меня встревоженно, ожидая моей реакции. Но я, честно говоря, просто растерялась и не знала, как реагировать. Если бы мне хотя бы был знаком их язык... Мое молчание было, похоже, принято за одобрение, на лицах снова замелькали улыбки.

Меж тем ритуал, оказывается, не закончился. Несколько воинов длинными копьями перерубили веревки, и трупы попадали на землю (я услышала, как хрустнули, ломаясь, шейные позвонки). Тем временем другие туземцы толпой двинулись к западной окраине деревни; не зная, что предпринять, я пошла следом за ними. Носилки мне на этот раз не предложили, да это было и к лучшему — передвигаться на чужих плечах все время было бы не слишком удобно.

Мы миновали околицу и вошли в лес, но на этот раз путь оказался совсем коротким — через какие-нибудь полторы сотни локтей мы вышли на берег неширокой реки. Меня удивило, что деревню не построили прямо на берегу — все-таки, когда за водой приходится ходить каждый день, и полтора локтей — расстояние. Позже я получила ответ на свой вопрос —

селение было выстроено вокруг священного дерева, что в глазах туземцев было важнее непосредственной близости воды.

На берегу уже были сложены груды хвороста; некоторые аборигены подносили последние охапки. Когда показались воины, тащившие за руки и за ноги тела казненных, я поняла, что здесь готовятся погребальные костры. Моя догадка не замедлила подтвердиться; старуха-палачка торопила своих соплеменников, укладывавших трупы, ибо солнце, невидимое за деревьями другого берега, уже, должно быть, касалось горизонта — еще немного, и стемнеет, в тропиках это происходит быстро.

Все-таки после всего случившегося я, должно быть, еще туго соображала, потому что первые охапки хвороста уже вспыхнули, когда я подумала, что убитых сжигают, как были, в одежде и обуви. Дикарям-то все равно, они не носили ничего, кроме юбочек из листьев, а вот верхняя половина моего гардероба явно нуждалась в замене, да и для нижней запас не помешал бы. Я метнулась к старухе, требуя, чтобы она остановила церемонию; но хворост разгорался быстро, и огонь успел охватить тела. Тушить его, несмотря на близость реки, было нечем — единственной емкостью был большой сосуд, куда слили кровь из таза, но он явно предназначался для других целей. Старуха лишь почтительно качала головой, указывая на огонь — мол, прерывать ритуал поздно — однако я столь выразительно встряхивала свои лохмотья, что она, наконец, поняла, в чем дело, и что-то крикнула. Трое воинов копьями скатили на землю тело Каайле, лежавшее с краю и потому пока почти не пострадавшее от огня — обгорели только волосы, щека и задравшаяся пола камзола.

Дикари не умели обращаться с костюмом, так что мне пришлось самой раздевать своего несостоявшегося убийцу. Я принялась за дело, стараясь не смотреть на почерневшую половину лица с мутным спекшимся глазом и не обращать внимания на мерзкий запах горелых волос и мяса. В первый же момент я обожгла руку о раскалившиеся железные крючки застежек; но, пока я дула на пальцы, металл остыл. Я стащила с мертвеца камзол, рубашку, сапоги, брюки; все это было мне велико, но выбирать не приходилось. Туземцы нетерпеливо дожидались, пока я закончу — им, видимо, важно было завершить кремацию до темноты — и, едва я подала знак, бросили труп обратно в огонь.

Камзол пострадал сильнее, чем мне показалось в первый момент, да и к тому же не выглядел необходимой одеждой в этом жарком климате. Наверное, из его добротного сукна можно было выкроить что-то полезное, но портниха из меня никакая (я всегда считала себя слишком умной и образованной, чтобы изучать это классическое женское ремесло). Обследовав карманы, я нашла чистый платок и две официального вида бумаги — это оказались векселя на предъявителя гантрусского банка (не самая необходимая на тропическом острове вещь, но меня такая находка весьма порадовала). Если у Каайле и было при себе что-то еще, оно, очевидно, вывалилось раньше (позднее я нашла под священным деревом несколько монет, выпавших из карманов казненных). Но я решила на всякий случай тщательно обшарить камзол еще раз, проверяя, не пропустила ли какой-нибудь потайной карман. Новых карманов я не обнаружила, но под подкладкой, недалеко от прожженной дыры, мои пальцы нащупали какое-то плоское уплотнение. Ножа у меня по-прежнему не было, но разорвать ткань, начав с обугленного места, оказалось нетрудно. В руках у меня оказался белый конверт с побуревшим от жара уголком. На конверте не было ни имени, ни адреса — ничего.

Разумеется, я тут же нетерпеливо распечатала его. Внутри лежал сложенный вдвое лист бумаги. Увы, меня ждало разочарование — он тоже оказался чистым. Но я, конечно, сообразила, что Каайле не стал бы запечатывать в конверт и зашивать в камзол пустой листок. А значит, листок заслуживал более внимательного осмотра; однако дневной свет уже угасал, а вновь подходить близко к погребальным кострам и вдыхать их запахи мне не хотелось, так что, сколь бы велико ни было мое нетерпение, я решила оставить эту загадку на завтра.

К тому времени, как костры догорели, сгустились сумерки, но ночь еще не вступила в

свои права. Туземцы принялись разравнивать пепел и забрасывать кострища песком. Двое воинов по знаку старой жрицы (ее все же вернее было называть жрицей, чем палачкой) подтащили к воде свой большой кувшин (кровь одиннадцати аньюо весит не так уж мало!) и накренили его набок, сливая в реку содержимое. Старуха тем временем повторяла одну и ту же фразу: "Иньх штехе, лой штала, квон эрхе; руш, мнатата гу". Как я узнала впоследствии, это означает "Прах земле, кровь воде, дух небу; враг, забудь о нас". Туземцы верят, что дух умершего возносится в небо вместе с дымом, а если тело не сжечь, так и останется на земле и станет мстить своим убийцам; вот почему так важно провести ритуал до наступления ночи. Аборигены полагают также, что, разъединяя врага на элементы и возвращая каждый из них своей стихии, они как бы отменяют его земную жизнь, восстанавливают все так, как было до его рождения, лишают его дух памяти о прежнем бытии. Соответственно, для своих похоронный обряд другой — их тоже сжигают, чтобы они могли попасть на небо, но не выпускают при этом кровь. Она, обращаясь в пар, возносится ввысь вместе с духом, так что даже и на небе духи предков сохраняют в себе кровь родного племени, а значит, сохраняют и способность помогать ему. Что ж — концепция по-своему стройная, и в ее рамках похоронные ритуалы туземцев исключительно логичны, чего не скажешь о перегруженных бессмысленными формальностями похоронах цивилизованных народов.

Впрочем, в тот момент я еще не знала этих подробностей и не могла ни о чем расспросить туземцев из-за языкового барьера. Я лишь поняла, что ко мне они относятся совершенно иначе, нежели к моим соотечественникам, и, конечно, уже догадывалась о причине этого различия. Я уже уверилась, что они не причинят мне зла, и все же чувствовала себя чертовски неуютно одна среди этих чужих дикарей. А хуже всего была мысль, что теперь я застряла на острове надолго, может быть, на годы, и все мои мечты об аньюо со звезд, похоже, пошли прахом... Впрочем, хотя разум и говорил о призрачности шансов, в глубине души я отказывалась верить в свое поражение.

Церемония закончилась, и туземцы потянулись обратно в свое селение. Обо мне не забыли — многие оборачивались в мою сторону и улыбались. Я несколько растерянно пыталась улыбаться в ответ. Когда мы вошли в деревню, толпа направилась к хижине, стоявшей неподалеку от ритуального дерева, обтекла ее кругом и остановилась. Я оказалась в нескольких локтях от завешенного циновкой входа. На моих глазах несколько женщин по очереди нырнули туда с охапками душистой травы; выходили они с пустыми руками. Затем старая жрица сделал приглашающий жест, и я поняла, что хижина предназначена для меня. Наклонив голову (даже для моего роста входной проем был низковат), я вошла.

Внутри, разумеется, не было никакого светильника, но я и в полумраке разглядела, что разглядывать, собственно, нечего. Мебели не было вовсе, если не считать той самой травы, которая, очевидно, должна была послужить мне постелью, а из утвари имелся лишь глиняный кувшин (наполненный прохладной водой) да пара мисок из скорлупы кура. На мгновение вновь мелькнуло опасение, права ли я, считая себя почетной гостьей, а не пленницей — уж больно скудны были апартаменты; но я погнала от себя дурные мысли, кинула к стене свои трофеи, стянула с себя грязные лохмотья и сапоги и растянулась на травяной подстилке, которая, как выяснилось, по мягкости не уступала перине, зато пахла куда лучше. Спать не хотелось, но делать в наступившей темноте все равно было нечего, так что я, послушав некоторое время, как затихает селение, все-таки задремала. И никакие кровавые призраки не тревожили меня в эту ночь. (Правда, тревожило кое-что другое. Если вы внезапно окажетесь в тропическом лесу, никогда не ешьте сразу много фруктов, даже если они спелые. В книгах о путешествиях об этом обычно не пишут, а зря.)

Проснувшись на рассвете, я первым делом вспомнила о загадочной пустой депеше. Последними словами Каайле было упоминание о какой-то важной миссии; вероятно, зашитый конверт имел к этому отношение. Я нетерпеливо вытащила из него бумагу и поднесла ее к

окошку, куда уже пробился первый солнечный луч.

И на свету я заметила то, чего не различила в сумерках! Уголок конверта, как вы помните, побурел от жара; листок возле сгиба тоже потемнел с одного края, и рядом с этим пятнышком проступили несколько мелких букв. Хотя лист в этом месте чуть не загорелся, они были едва заметны; должно быть, получатель использовал для проявки какие-то химикаты, а не подогрев. Но и подогрев годился. Не озаботившись надеть рубашку и обуться, я выскочила из хижины, чтобы добыть огня — и едва не влезла босой ногой в блюдо с мягкими розовыми фруктами.

Все пространство перед моим жилищем было уставлено подношениями. Причем там была отнюдь не только еда и кувшины с соком. На круглых деревянных подносах стояли фигурки — глиняные, деревянные или даже вырезанные из кости. Самые крупные были почти с пол-локтя, самые мелкие — с осьмушку. Среди фигурок были и примитивные, но многие были сделаны с большим искусством, так что их не стыдно было бы показать и в йартнарском музее. Некоторые фигурки изображали аньюо (мужчин, женщин и детей), другие — зверей, птиц, рептилий и рыб. Среди аньюо не было ни одного крылатого; впрочем, не видела я их и среди жителей деревни.

Я так увлеклась разглядыванием фигурок, что даже забыла на время о письме. Тем временем показались и сами дарители. Очевидно, им пришлось встать до зари, чтобы принести мне все это, а кто-то, видимо, и не ложился, работая всю ночь — некоторые фигурки явно были вырезаны совсем недавно и еще пахли свежей древесиной. Туземцы робко тянули шеи, пытаясь разглядеть мою реакцию; убедившись, что мне нравится, они снова стали расплываться в улыбках.

— Куда я это все поставлю? — спросила я, понимая, конечно, что они не знают ранайского. — В хижине это все не поместится.

Затем я огляделась в поисках костра. Действительно, неподалеку дым поднимался к небу из обложенной камнями ямы; несколько женщин сидели вокруг на корточках, должно быть, готовили еду на общем огне. Я поспешила туда и увидела, что они жарят лепешки на плоских камнях, которыми выложен изнутри этот своеобразный очаг (лепешки были какие-то бурые, совсем не похожие на пышное белое тесто, из которого пекут хлеб ранайские булочки, и пахло от них тоже иначе, хотя и недурно). Я выбрала камень с краю, не такой нагретый, как внутри, осторожно коснулась его уголком листка, проверяя, не загорится ли, потом приложила листок к камню. На бумаге начали проступать буквы.

Увы! Меня ждало разочарование. Буквы образовывали бессмысленную мешанину; послание было зашифровано. Алфавит, впрочем, использовался тот же, что в Ранайе и Илсудруме, так что получателем в Гантру, вероятно, тоже был ранаец. Но кто? Если бы я знала это, может, это помогло бы мне найти ключ к шифру? Какая тайна в моих руках — коммерческая или государственная?

Внезапно у меня мелькнула идея, и я приложила к камню конверт, сначала одной стороной (это ничего не дало, он был плотный), потом другой. Есть! На конверте появился адрес. На сей раз не зашифрованный и написанный по-гантрусски. "В Акх, на улицу Марладу, в дом 27левый, купцу Фах-Ца-Гару в собственные руки от Ра-Дада, брата его". Выходит, не Каайле должен был вручить письмо получателю, раз от него скрыли адрес? Акх... Я не очень хорошо помнила карту Гантру, но, кажется, это к юго-западу от Лаца. Ближе к моей цели. Но не на океанском берегу, а в глубине континента.

Я подумала, что вряд ли мне удастся расшифровать письмо. Раз уж оно доставлялось с такими предосторожностями, шифр там наверняка много сложнее простой перестановки букв. И все же я решила сохранить депешу. Если я доберусь до Гантру (не "если", а "когда", зло поправила я себя), она, быть может, сослужит мне полезную службу. Или, что вернее, подвергнет большой опасности. Но, в конце концов, уничтожить ее никогда не поздно...

Женщины, пекшие лепешки, смотрели на мои манипуляции с некоторым испугом — естественно, они ведь никогда не видели письменных текстов и вообще не могли понять, что я делаю. Я улыбнулась им, рассеивая тревогу, и подумала про себя, что пора бы начать осваивать и другие способы общения. Пока что из туземного языка я знала лишь слово "эйя", да и то нетвердо — не то приветствие, не то выражение радости...

Я вернулась к хижине и позавтракала на свежем воздухе, стараясь брать по чуть-чуть с каждого блюда, чтобы никого не обидеть (на сей раз, к счастью, насекомых в меню не было). Едва я сплюнула последнюю косточку, как увидела направлявшуюся в мою сторону процессию в составе старой жрицы, раскрашенного воина, напугавшего меня накануне (я догадалась, что он был вождем не только нашедшего меня отряда, но и племени в целом) и двух помощников жрицы (на мгновение перед моими глазами вновь мелькнула струя крови, стекающая в глиняный таз). "Эйэ", — приветствовала меня старуха (кажется, правильно это слово звучало так) и добавила еще что-то почтительным тоном; я поняла, что мне предлагается следовать за ними. Вид у них был столь торжественный, что я подумала, не дополнить ли мне мои штаны прочими предметами туалета, но, взглянув еще раз на "костюмы" моих провожатых, решила, что здесь без этого вполне можно обойтись.

Мы покинули селение, но на сей раз шли не на запад, к реке, а на север. Лес здесь становился гуще, все чаще приходилось пробираться через заросли какой-то полутравы-полукустарника с раскинутыми веером тонкими длинными листьями, с ветвей низко свисали толстые, почти с руку, бурые лианы, под ногами то хрустели толстые скользкие стебли, то чавкала прохладная грязь, и я уже жалела об оставленных в хижине сапогах, но мне казалось, что я уроню себя в глазах туземцев, если потребую вернуться. Сами-то они шагали по джунглям, как по пляжу.

Впрочем, не совсем. Время от времени они быстро прощупывали дорогу тупыми концами копий и бросали взгляды по сторонам; несколько раз мы меняли направление — кажется, новый путь указывала старуха по одной ей ведомым приметам. Я старалась запомнить повороты, но, разумеется, это было безнадежно; без сопровождения в этом густом лесу я заблудилась бы сразу.

Наконец дорогу преградила сплошная стена листвы — это был какой-то кустарник высотой в два моих роста. Туземцы бесстрашно нырнули в эти дебри, и мне ничего не оставалось, как последовать за ними, надеясь, что кусты не окажутся слишком колючими. Действительно, тонкие ветви скользили по коже, не причиняя вреда; через несколько секунд заросли остались позади, и я увидела цель нашего путешествия.

Мы находились на небольшой поляне, со всех сторон окруженной кустарниковой толщей. В центре поляны, освещенная солнцем, возвышалась статуя, вырезанная из ствола некогда росшего здесь дерева, так что ноги ее переходили в корни. Как вы, наверное, уже догадались, это была статуя крылатой.

Поклонник реалистичного искусства нашел бы изображение чересчур условным, но в нем была своя гармония. Крылатую изобразили в натуральную величину — может быть, чуть повыше меня. Руки, некогда бывшие ветвями, были подняты и разведены в стороны, но крылья за спиной были раздвинуты лишь слегка; вряд ли на всем острове нашлось бы дерево достаточно толстое, чтобы вырезать их распростертыми, да и аборигены не смогли бы обработать такой исполинский ствол своими каменными и костяными ножами.

При всей условности деревянного лица, где рот и нос были намечены лишь схематически, статуя не была слепой. Ее глаза ярко горели желтым огнем. Так же сверкали на солнце и соски, большие, как в брачный сезон. Я поняла, что это какой-то металл, вставленный в дерево. Медь? Нет, медь во влажном тропическом воздухе давно бы окислилась, да и цвет у нее иной, красноватый...

— Эйэ, — благоговейно произнесла жрица, обращая лицо сначала в сторону статуи,

потом ко мне, и тут я поняла, что это слово — вовсе не приветствие и не выражение радости. Потом, когда я уже достаточно выучила язык, я узнала подробности этой легенды. Эййэ, крылатая дочь солнца и неба, проводила жизнь, порхая в вышине; на земле же тогда царили мрак и холод. Но вот Эййэ сделалось скучно в пустом небе, и она захотела навестить землю. Родители, солнце и небо, предостерегали ее, говоря, что земля холодна и опасна. "Где бы я ни была, вы сможете смотреть за мной сверху и убережете меня от опасности", — возразила Эййэ и спустилась вниз. И солнце светило туда, куда она ступала, и от тепла и света расцвели деревья и выросли сладкие плоды, появились яркие бабочки и голосистые птицы. Но увидел ее Великий Змей Шуш, сын земли и воды, и проникся к ней темной страстью. Однако крылатая Эййэ лишь посмеялась над ним, ползающим на брюхе в грязи. Шуш уполз прочь, но поклялся, что дождется своего часа. Он воззвал к своей матери-воде, и та напитала влагой воздух; тучи закрыли солнце и небо, лишив Эййэ помощи родителей. От воды крылья ее отяжелели, и она не могла лететь; ища укрытия от дождя, она спряталась в пещере, где уже поджидал ее змей Шуш. Он обвился кольцами вокруг Эййэ и овладел ею. От пережитого разум Эййэ помрачился, и она перестала противиться Шушу. Так продолжалось, пока солнце и небо не разогнали тучи, и свет не проник в пещеру. Эййэ очнулась от дурмана и увидела, что ее обвивает мерзкий змей. Она закричала, призывая на помощь своего отца-солнце, и тот послал свой огонь, чтобы испепелить змея. Но земля, отец Шуша (на языке туземцев слово "земля" мужского рода), встала щитом на пути солнечного огня, и тот, попав в холодную грязь, застыл каплями желтого металла; Шуш же скрылся в земляной норе. С тех пор все змеи прячутся от света в сырых и темных местах (на самом деле, конечно, не все, но туземцам, очевидно, не доводилось бывать в пустынях).

Эййэ вышла на поверхность, хотела вернуться к родителям, но почувствовала, что стала слишком тяжелой для полета. Она была уже беременна. Ей пришлось оставаться на земле восемь с половиной месяцев, пока не родились ее дети. От матери они унаследовали дух, стремящийся к небу, и общий облик, от отца же — тело, состоящее из земного праха и воды, и бескрылость. Так и появились на свете анйю. Эййэ заботилась о них, пока они не выросли, а потом вернулась на небо; но и после этого по ее просьбе солнце посылает своим потомкам тепло и свет. Однако раз в год тучи закрывают небо, и наступает сезон дождей. Тогда в мужчинах просыпается их праотец Шуш, и ими овладевают злоба и похоть, и они готовы ползать в грязи на брюхе перед женщиной, лишь бы овладеть ею; разум же женщин помрачается, и они отдаются мужчинам.

Но и Эййэ не забыла своих детей. Время от времени она посылает им свое благословение, и тогда в семье обычных анйю рождается крылатый мальчик, а иногда и сама нисходит на землю, воплощаясь в крылатой девочке. Это бывает редко, но туземцы не ропщут, понимая, что Эййэ приходится заботиться и о других анйю, живущих на других островах...

Поскольку я даже не родилась в племени, а появилась на острове неведомо откуда, словно бы с неба (мысль, что я могла приплыть вместе с врагами, даже не приходила туземцам в голову), да и крылья у меня были больше, чем обычно (если слово "обычно" вообще применимо к столь редким явлениям), в представлении туземцев я была даже не земным воплощением богини, а богиней как таковой. К счастью, вера туземцев не простиралась настолько далеко, чтобы считать меня совершенно неземным существом, не нуждающимся ни в пище, ни в крыше над головой, и обязанным на каждом шагу демонстрировать свое всемогущество. Дикари вообще во многих отношениях напоминают детей (и по части жестокости тоже), и их религиозные верования столь же наивны, как у ребенка, желающего богу доброго здоровья и приятного аппетита. Ко мне относились с любовью и почтением, как к прамати (это было, конечно, забавно, в мои-то неполные пятнадцать лет!), но в целом вполне по-свойски, без фанатизма, какой непременно возник бы при появлении "живого бога" в более развитой культуре.

Любопытно, кстати, совпадение имен. Ведь "Эйа" — это краткая форма от "Эйольта".

Правда, меня так почти никогда не звали. Отчим всегда называл полным именем, и, надо сказать, именно это я предпочитаю. Мама в детстве звала "Йоль", но потом тоже перешла на полное, когда я объяснила, что оно мне больше нравится. В школе чаще всего звали по фамилии (причем обычно второй, Штрайе, а не полной), ну или, если говорить о сверстниках, разными дурацкими кличками, пока я не отбила у них охоту к последнему...

Ну вот, опять я углубилась в воспоминания, а о том дне так и не досказала. Когда я пошла к статуе, на миг мне показалось, что я вижу в высокой траве у ее ног желтые цветы, но это был все тот же странный металл. Все пространство между корнями бывшего дерева было выложено самородками разных форм и размеров, самые крупные — величиной почти с мой кулак, правда, гораздо больше было мелких. Я присела на корточки, взяла несколько гладких металлических кусочков, пересыпала их из руки в руку, любуясь, как они вспыхивают на солнце. Они оказались неожиданно тяжелыми — наверное, вдвое тяжелее меди и стали, намного тяжелее даже серебра и свинца. Туземцы, естественно, не возражали против моих манипуляций — ведь все это принадлежало Эйэ, то есть мне. Будь это серебро, я стала бы обладательницей более чем внушительного состояния (при условии, конечно, что сумела бы вывезти его с острова), но это был какой-то неизвестный металл, красивый, но бесполезный. Заинтересоваться им могли разве что химики, а они, во всяком случае с тех пор, как официально признана невозможность превращать неблагородные металлы в серебро — народ небогатый. Впрочем, подумала я, хотя желтый металл и не сверкает так ярко, как начищенное серебро, может быть, все же удастся заинтересовать им какого-нибудь ювелира, не боящегося смелых решений. Все-таки этот металл лежал в земле и не окислился, а это что-нибудь да значит... Я наполнила самородками карманы штанов; на земле, естественно, осталось гораздо больше, так что было даже незаметно, что я что-то взяла.

Пока я занималась этими прозаическими прикидками, туземцы благоговейно молчали. Я решила, что надо сделать какой-нибудь символический жест и встала рядом со статуей, приняв ту же позу, что и она. Это оказалось то, что надо: "Эйэ" — прошелестели туземцы и опустили на колени. Я поспешно сделала им знак подняться (сколько я в детстве ни играла в королеву, а зрелище аньйо, стоящих передо мной на коленях, меня смущает, тем более что среди них была старая женщина). Еще раз обойдя вокруг статуи и потрогав теплую гладкую древесину, я жестами скомандовала возвращение.

Так началась моя жизнь в качестве богини племени нгарэйху. Задачей номер один, конечно, было выучить язык. К счастью, это оказалось несложно, ибо он гораздо проще ранайского и илсудрумского, не говоря уже о старокйарохском или, тем более, гантрусском. К примеру, у глаголов нет ни времен, ни лиц, ни чисел, а у существительных — падежей. Родов, правда, целых четыре — для мужчин, женщин, животных и неодушевленных предметов (при этом туземцы одушевляют и, соответственно, относят к мужскому или женскому роду многие неживые вещи — например, стихии (такие как земля или вода), или солнце и луны).

На острове много дичи и плодоносящих растений, поэтому у нгарэйху обычно нет проблем с добычей пропитания и много свободного времени. Так что желающих пообщаться с живой богиней всегда было более чем достаточно, и уже к концу третьей декады своего пребывания на острове я не только довольно сносно изъяснялась на их наречии (а кое-кто из молодых воинов, в свою очередь, выучился складывать простые фразы по-ранайски), но и узнала немало подробностей об их мире. (В том числе и легенду об Эйэ; мне, кстати, пришло в голову, что за мифической аллегорией может скрываться реальная история прошлого визита крылатых пришельцев на нашу планету.)

Остров напоминает по форме овал, слегка вдавленный с одной стороны. Его длина — около 30 миль, ширина в самом узком месте — примерно 10 (у туземцев нет больших мер длины, подобных милям; они измеряют расстояние временем в пути, так что мне пришлось проделать целую серию экспериментов, чтобы выяснить их среднюю скорость передвижения по

джунглям, а уже по ней оценить расстояние). Нгарэйху — единственное обитающее на острове племя, но они знают о существовании других островов и говорят, что несколько поколений назад их предки приплыли оттуда. Увы, мои расспросы о том, в каком направлении лежат эти другие острова и сколько до них плыть, остались тщетными. Тогда я стала спрашивать, приплывали ли сюда когда-нибудь большие корабли светлокожих аньё; если остров нанесен на карты, мои шансы выбраться с него повышались.

— Да, — нехотя ответил старый туземец по имени Нэрх. — Мы приняли их, как братьев, но они обманули нас. Выбрали самых сильных охотников и самых красивых девушек и позвали в гости на свою большую лодку. А когда те пришли, опоили их и связали звенящими веревками...

Впрочем, лучше перескажу эту историю своими словами, ибо в туземном языке не хватает нужных понятий. Итак, остров был открыт работорговцами. Бросив пленников в трюм, они готовились отчалить. Придя в себя, туземцы, конечно, стали кричать и рваться из цепей, но моряки, очевидно, только посмеивались, слыша доносящиеся из трюма вопли. Однако у одной из девушек созрел отчаянный план, и она поделилась им с самым сильным из мужчин. Тот сдвинул ей правое запястье с такой силой, что переломал кости; девушка едва не потеряла сознание от боли, но зато сумела вытащить изуродованную руку из кольца кандалов, а именно за правые руки пленники были прикованы к общей цепи, проходившей через вмурованные в стену кольца. После этого туземцы притихли, а потом стали кричать с новой силой, что один из них разбил себе голову о стену, и надо убрать мертвеца. К этому морякам пришлось уже отнестись серьезно — если оставить труп гнить в душном и влажном трюме, это не пойдет на пользу здоровью остальных рабов, а то и команды. Капитан послал двоих аньё разобраться; наверняка он понимал, что туземцы могут и врать, но знал, что разорвать цепи не под силу даже самому сильному мужчине, и не видел оснований для беспокойства. В трюме царила полная тьма, и тот из матросов, что спускался первым, держал в руке фонарь. Девушка притаилась под лестницей и, когда он проходил над ней, здоровой рукой дернула его за ногу. Вряд ли это был такой уж сильный рывок, учитывая ее состояние, но он, во всяком случае, был неожиданный, и матрос сверзился с лестницы, выронив свой меч и разбив фонарь. Горящее масло разлилось по деревянному настилу. Второй матрос, видя это, бросился вниз и попытался затоптать огонь. Но пленник, прикованный ближе всех, уже завладел отлетевшим в сторону мечом. Цепь была слишком короткой, чтобы он мог ударить матроса, однако туземец метнул меч, как метал копье на охоте — и попал. А чьи-то руки уже вцепились мертвой хваткой в запястье первого матроса, пытавшегося подняться...

Через пару минут оба матроса были мертвы, но пламя разгоралось. У второго из спустившихся были при себе инструменты, чтобы расклепать кандалы предполагаемого мертвеца — однако туземцы не знали, как ими пользоваться, да и времени оставалось совсем мало. Они попытались мечами перерубить цепи, но те были слишком толсты и прочны. Один меч сломался. Тогда пленники приняли страшное, но единственное остававшееся им решение — по очереди отрубать друг другу правую кисть оставшимся мечом. Культю совали в огонь, чтобы быстрее остановить кровь. Освободиться таким образом успели лишь пятеро, прежде чем пламя, охватив со всех сторон подножие лестницы, отрезало путь вверх.

Меж тем другие моряки, почуяв неладное, заглянули в трюм — и отпрянули, когда из люка повалил дым, а из дыма, вопя от ярости и боли, выскочили окровавленные дикари. Трое, безоружные и однорукие, бросились на врагов и, конечно, были изрублены или застрелены; Нэрх утверждал, что они успели убить десятерых своих врагов, но это, очевидно, преувеличение; вряд ли им удалось нанести смертельную рану хотя бы одному. Но трое других, включая девушку, воспользовались замешательством матросов, прорвались к борту и спрыгнули в воду. Вслед им стреляли из пистолетов и мушкетов — и, как видно, не безуспешно, ибо до берега добрались лишь двое из трех (а может быть, третий просто потерял в воде

сознание от боли).

Что происходило в это время на судне, точно сказать трудно, ибо живых свидетелей не осталось. Думаю, не успевшие освободиться рабы помешали матросам потушить пожар, пока это было еще возможно, предпочтя погибнуть вместе с врагами. В итоге огонь добрался до порохового погреба, и как раз тогда, когда измученные юноша и девушка выползли на пляж, стоявший в бухте корабль взлетел на воздух.

Не все моряки, однако, погибли при взрыве — кое-кто оказался в воде. Деваться им было некуда, кроме как плыть в сторону острова. Несколько декад они прятались в джунглях, но в конце концов туземцы переловили их по одному и предали той казни, которую я уже имела возможность наблюдать. Нгарэйху уже давно не приходилось применять этот ритуал — в последний раз при предшественнике тогдашнего, уже старого вождя, да и то не против внешнего врага, а против преступника из собственного племени — однако они его помнили и не стали изобретать для своих пленников какие-то дополнительные мучения...

Нэрх рассказывал все это столь уверенно, словно сам был на том корабле; я невольно покосилась на его правую руку, но та была в порядке. Тогда я спросила, живы ли еще те юноша и девушка.

— Она жива, — сказал старик, — но она ничего не может рассказать тебе: после того, что с ней было, у нее отнялся язык. А молодой охотник умер через несколько дней. Черный огонь пожрал его руку и добрался до сердца ("гангрена" — догадалась я), — Нэрх еще чуть помолчал и добавил: — Это был мой сын.

Выслушав эту историю, я поняла, почему туземцы расправились со спасшимися со "Звезды тропиков"; дело, как видите, вовсе не в природной агрессивности нгарэйху. У них довольно мирный нрав, и мужчины гораздо чаще именуют себя охотниками, чем воинами. Но они вполне правильно поняли, что в их интересах как можно дольше оставаться "не открытыми" для светлокожих пришельцев с юга. Однако, хотя я и сочувствовала туземцам, у меня были совсем другие интересы...

Я поинтересовалась, когда приплывал корабль работорговцев. Летоисчисления у нгарэйху нет (хотя считать до десяти или даже до двадцати они в большинстве своем умеют), но после перекрестных расспросов и воспоминаний о том, кто когда родился, женился или умер, удалось выстроить цепочку событий и выяснить, что злосчастный визит состоялся ровно пятнадцать лет назад. Что ж, выходит, это была одиночная экспедиция, и новый корабль уже не приплывет на поиски первого. И о том, что в этой части океана есть земля, никто по-прежнему не знает... Я решила выяснить хотя бы чье это было судно и попросила принести мне разных красок, которыми нгарэйху разрисовывают себя, обозначая таким образом свой статус в племени. Зеленой и синей среди них не оказалось, но первую я с успехом заменила соком травы, а вместо второй пришлось тоже использовать зелень, но объяснить, что "на самом деле здесь синее". На белой глиняной стене хижины я изобразила ранайский, илсудрумский и гантруский флаги. Нэрх и еще несколько пожилых туземцев уверенно узнали ранайский. Я, конечно, ничем не дала знать аборигенам, что враги, пытавшиеся обратить их в рабство, были моими соотечественниками...

Внезапно меня пронзила новая мысль: ранайский торговый корабль, пропавший в северных водах 15 лет назад! Да ведь это могло быть судно моего отца, Тнайа Лаарена! И, может быть, он тоже висел вверх ногами под кроной дерева, и та же самая жрица (она исполняла свои обязанности уже три десятка лет) перерезала ему горло тем же черным от крови ритуальным ножом...

В волнении я снова и снова расспрашивала туземцев о деталях, интересовалась, не сохранилось ли каких-нибудь обломков корабля или личных вещей казненных. Но аборигены ничем не могли мне помочь. Тела были сожжены вместе с одеждой и всем, что могло находиться в карманах, а если какие обломки и выбросило тогда на берег, то их давно уже

унесло последующими приливами и штормами... Да и, даже если бы вдруг отыскалась табличка с названием того судна, это бы ничего мне не дало — ни я, ни мама не знали, на каком корабле ушел в свое последнее плавание Тнай Лаарен. И все же вероятность весьма велика. Не так уж много ранайских кораблей пропадает без вести в одно и то же время.

Я спросила (до того мне как-то не пришло в голову озаботиться этим вопросом), куда дели оружие казненных — как в прошлый, так и в этот раз. Ведь сабли, мечи и пистолеты не горят. Оказалось, что холодное оружие хранится в хижине вождя (и то, что осталось с прошлого раза, даже использовалось при нынешнем нападении — правда, больше как элемент устрашения, ибо искусством фехтования туземцы не владели), а пистолеты, по настоянию жрицы, выбросили со скалы в море ("пусть заберет назад то зло, что исторгло"). Мысленно выругав старуху, я потребовала, чтобы мне показали сохраненное оружие. Хранилось оно без всякого почтения, сваленное в кучу у стены; мумифицированным головам зверей, водруженным на воткнутые в земляной пол колья, воздавалось куда большее уважение. В куче оказалось два меча, полдюжины сабель и три шпаги. Как пояснил мне вождь, были еще ножи, но их, как предметы полезные, разобрали лучшие охотники.

Оружие работорговцев было легко отличить от оружия со "Звезды тропиков": старые клинки потускнели, на них появились следы коррозии. Туземцы не имели понятия, как следует обращаться с металлом. Я внимательно осмотрела эти трофеи и все-таки нашла то, что искала: у одной из шпаг на круглой чаше эфеса, защищающей руку, со стороны клинка были выбиты не слишком аккуратные буква "ТЛ". Дешевая пиратская мода, подражание аристократам прошлого, гравировавшим родовые имена на клинках своих мечей...

Строго говоря, это тоже не доказательство. Мало ли кто может иметь инициалы Т.Л. и следовать пиратской моде (на подобных кораблях встречаются аньо с самым разным прошлым). И все же при таком количестве совпадений у меня почти не осталось сомнений. Мой родной отец был здесь и был убит теми самыми туземцами, которые теперь принимали меня, как богию.

Впрочем, если это меня и смутило, то лишь на какой-то момент. Я не испытывала никаких чувств к тому, кого совершенно не знала, да и туземцы, лишившие его жизни, были в своем праве. И, пожалуй, я лишь выиграла от того, что он не вернулся. Кем бы я была, окажись его экспедиция успешной? В лучшем случае — зажиточной крестьянкой, не умеющей ни писать, ни читать. И почти наверняка бескрылой.

Я объявила, что беру шпагу "ТЛ" себе. Может, туземцев это и удивило, но они, естественно, не противились воле Эйэй. Я чуть согнула пружинящий клинок, сделала несколько пробных выпадов и добавила, что отныне буду учить нгарэйху владеть таким оружием. И для начала научу как следует ухаживать за ним.

Когда под моим руководством они вернули клинкам блеск и остроту, я огорошила их еще больше, сообщив, что стану учить не только мужчин, но и женщин. Роптать и тут никто не осмелился, но удивленные возгласы все-таки вырвались. Тогда я напомнила о подвиге девушки, благодаря которой возмездие настигло работорговцев, и сказала, что если все девушки племени будут уметь сражаться наравне с мужчинами, любой враг сильно пожалеет, если свяжется с нгарэйху. (Позже мне показали ту, кого я ставила в пример. Ей должно было быть лет тридцать, но выглядела она заметно старше. Неправильно сросшаяся правая рука превратилась в уродливую клешню, из-за чего женщина практически не могла работать, и после смерти родителей ее кормила из милости семья дяди. На ногах — старые следы от ожогов. Но хуже всего были потухшие глаза на безразличном ко всему лице. Я пыталась говорить с ней, но она никак не реагировала на мои слова. В общем, не самый подходящий образ для воодушевления других. Но, когда я выступала с речью, ее, по счастью, рядом не было.)

Впрочем, учить боевому искусству из-под палки — занятие малоэффективное, что бы ни думали по этому поводу в Илсудрумской империи (где армия, в отличие от ранайской,

призывная). Поэтому я набрала себе в ученики только добровольцев. Не считая троих взрослых охотников, на призыв освоить неизвестное оружие откликнулась одна молодежь: три десятка парней, уже более или менее владевшие копьями и дубинками, и шестеро самых смелых девушек, прежде не державшие в руках ничего грознее деревянного пестика. Клинков у нас, как вы помните, было всего 11, включая мою "фамильную" шпагу, так что для начала пришлось изготовить деревянное оружие для тренировок. Право взять в руки настоящую шпагу или меч давалось лучшим ученикам, и было забавно видеть, как их прямо распирает от гордости: дикари, в отличие от цивилизованных народов, не склонны скрывать свои чувства. Когда я доверила шпагу первой из девушек, Ййхэ, она издала торжествующий звонкий вопль и от избытка чувств несколько раз промчалась туда-обратно по берегу реки, выворачивая песок босыми пятками.

Но я учила своих подопечных (половина из которых была старше меня, хотя и не намного) не только фехтованию. После тренировок мы обычно усаживались в кружок на теплом песке или мягкой траве, и я рассказывала что-нибудь из школьной программы. У слушателей вырывались изумленные восклицания, некоторые, особенно трое старших охотников, недоверчиво закатывали глаза, но — как было не соглашаться со словами живой богини?

Впрочем, я делилась знаниями не только со своими учениками, но и с племенем в целом. Полезнее всего, конечно, было бы научить нгарэйху обрабатывать металл, но увы — в этом я совершенно не разбираюсь. Зато, как выяснилось, туземцы, достигшие большого искусства в обращении с копьем и дротиком, не знали луков, и эта технология оказалась очень кстати. Хотя луки, изготовленные под моим дилетантским руководством, были далеко не так хороши, как творения ранайских оружейников домушкетного прошлого, все же они посылали стрелу дальше, чем мог метнуть копье самый сильный воин. Объяснила я им и что такое колесо, но это изобретение вызвало куда меньше интереса — туземцам, при их образе жизни, редко доводилось заниматься транспортировкой грузов более внушительных, чем заброшенная за плечи или привязанная к палке охотничья добыча.

Все это я делала не только чтобы отблагодарить аборигенов или подкрепить свой божественный статус, но и просто чтобы было чем заняться. В тесных стенах промозглого грязного города кажется, что ничего не может быть прекраснее жизни на тропическом острове, но на самом деле тропический рай сам по себе чертовски скучен. На то, чтобы накупаться, нагуляться и наестся экзотических плодов, уходит от силы полмесяца, а дальше начинаешь понимать, что даже зима, будь она четырежды неладна, меньшее зло по сравнению с отсутствием книг.

Ну и, конечно, я не забывала о том, что мне нужно как можно быстрее выбраться с острова. Может, другая на моем месте была бы только рада отказаться от сомнительного путешествия с неясным исходом и остаться здесь, в единственном, может быть, на Земле месте, где крылатых почитают, как богинь... но я — не другая. Я понимала, что из моей погони за пришельцами может ничего не выйти, но я никогда не простила бы себе, если бы не боролась до последнего. А значит, выход был только один — построить корабль. Луки и колеса этой цели вроде бы напрямую не служили, зато позволяли надеяться на энтузиазм нгарэйху, когда я предложу им очередной проект. А кроме как на энтузиазм, надеяться мне было не на что — кораблестроитель из меня немногим лучше, чем рудознатец, да и строить пришлось бы без единого гвоздя. Опять же паруса — ткацкого искусства туземцы тоже не знали, не особо нуждаясь в нем в этом благодатном климате...

У нгарэйху были легкие пироги, на которых они выходили рыбачить в бухту при спокойной воде, а если море волновалось, ограничивали свое рыбное меню тем, что могли наловить в реке (последнее, впрочем, было делом небезопасным из-за больших зубастых рыб, способных поменять ловца и добычу местами. Эти рыбы были единственными хищниками на острове, представляющими серьезную угрозу для аньйо.) Но я помнила, что предки нынешних

нгарэйху приплыли с другого острова, да и потом им пару раз приходилось отражать нападения приплывавших из-за моря дикарей; увы, это было слишком давно, и даже самые старые члены племени не помнили конструкции тех лодок. Вот что значит не иметь письменности... Так что пришлось все изобретать самой. Я прикинула, что, если взять две пироги, поставить их параллельно на некотором расстоянии и перекрыть сверху трубчатыми стволами гигантского тростника, в изобилии росшего в северо-западной части острова, то получится достаточно прочное и устойчивое сооружение, способное выдержать если не шторм, то волну средней силы. Если даже вода затопит пироги, полые внутри стволы (которые следует заткнуть заглушками с обоих концов) удержат судно на поверхности. Проблему парусов я решила еще проще: для этой цели годились высушенные шкуры животных, которые надлежало обрезать и сшить по краям. Для шитья можно было использовать иглы из рыбьих костей и нитки из жил (тех же, что шли на тетивы луков).

Впрочем, даже после всех этих теоретических прикидок (которые еще нуждались в проверке практикой) корабль был лишь частью проблемы. Вопрос, куда на нем плыть? Я даже не знала своих координат. По высоте солнца в полдень (трое туземцев были отряжены следить, когда тень от вертикально воткнутой палки станет самой короткой, и аккуратно отметить ее длину — быть богиней все-таки неплохо) я определила, что нахожусь примерно на пятнадцатом градусе северной широты (попутно определив и стороны света), но долгота оставалась для меня загадкой. Долготу, в принципе, можно определить по времени восхода Лла, но для этого нужно иметь таблицы... Я лишь понимала, что и Глар-Цу, и Инйалгдар слишком далеко, чтобы пытаться добраться до них на подобном суденышке. Ближайшим континентом был, очевидно, Йертаншехе; при благоприятной долготы до него или, по крайней мере, крупных островов к югу от него всего порядка тысячи миль строго на север, зато при неблагоприятной можно так и переть, не встречая никакой суши, до самых северных полярных льдов. Но даже это не могло меня остановить. Я уже говорила о безумцах, которые пытались пересечь океан еще до изобретения крутильного компаса — теперь я и сама готова была на подобное же безумие. У меня не было даже карты звездного неба северного полушария... Впрочем, последнее обстоятельство я собиралась хоть частично поправить личными наблюдениями. И, конечно, я не собиралась плыть одна. Мне нужно было несколько аньйо команды, и я намеревалась набрать их из числа своих учеников.

Если нам удастся выдержать курс на север и среднюю скорость в пять узлов, думала я (не зная, много это или мало для задуманного мною суденышка), то на преодоление тысячи миль декады хватит с лихвой. С учетом возможных неудач и отклонений от курса увеличиваем этот срок вдвое. В худшем случае, конечно, он увеличивается не вдвое, а до бесконечности, но этот случай и рассматривать бессмысленно — все равно подготовиться к нему нельзя... Значит, две декады, из расчета "пинта в день" надо брать 20 пинт пресной воды на члена команды. 200 пинт — вполне приемлемый груз даже для легкого суденышка, значит, можно брать на борт десятерых, численность уже вполне достаточная, чтобы грести в штиль или при встречном ветре. С едой все проще — в море полно рыбы...

Сделав предварительные расчеты параметров судна (многое в них, конечно, было слишком предположительно), я объявила туземцам очередную волю Эйэ. Пока что речь шла лишь о постройке корабля, а не о плавании на север, и все же я заметила в толпе несколько недовольных лиц. "Зачем напрягаться и что-то строить, если и так все хорошо?" — отчетливо читалось на этих темно-коричневых физиономиях. Без большой симпатии посмотрела на меня и Чаха, старая жрица, тут же, впрочем, перехватившая мой взгляд и растянувшая морщинистые губы в улыбке. Я и прежде замечала, что старухе не доставляет удовольствия мое присутствие. До моего появления она олицетворяла в племени то, что в более цивилизованном обществе называют высшей духовной властью, и, хотя я не стала вмешиваться в религиозную жизнь и не мешала ей проводить ритуалы, однако при живой богине положение Чахи сделалось столь же

двусмысленным, как у принца-регента при выздоровевшем короле. Она не переставала демонстрировать свою почтительность, и я не думала, что у нее хватит духу злоумышлять против богини, но все же меня огорчало, что и в этом райском уголке у меня имеются недоброжелатели... Кстати, официально Чаха считалась женой вождя, хотя он был чуть ли не на сорок лет ее моложе. Таков обычай нгарэйху — высшая светская и духовная власть всегда должны быть объединены семейными узами. Когда умирает вождь или жрица, преемник покойного наследует и его супруга — что в принципе может привести к кровосмешению, если новый вождь или жрица в прямом родстве с предшественником, но такое бывает редко, ибо обе должности у нгарэйху выборные, а не наследственные (причем вождя выбирают мужчины, а жрицу женщины). Иногда случаи брака вождя с собственной матерью или жрицы — с отцом все-таки бывают, но туземцы относятся к этому спокойно. Унг не был сыном Чахи, но получил ее в том возрасте, когда ее детородные способности давно остались в прошлом; это, впрочем, не мешало вождю продолжать свой род, ибо, по обычаям нгарэйху, мужчина может брать себе столько жен, сколько сумеет прокормить.

Впрочем, я опять отвлеклась. Итак, осмотрев пироги племени, я отобрала две из них (менее всего осчастливив этим тех, кому предстояло изготовить им замену — выдолбить лодку каменным топором из цельного древесного ствола не так-то легко, знаете ли). После чего я организовала экспедицию в северо-западную часть острова, где и решила устроить свою верфь. Я вместе с девятью учениками отправилась вдоль берега на пирогах, желая приобрести соответствующий опыт, а еще три десятка рекрутированных мною анью пошли к зарослям гигантского тростника по суше, неся с собой топоры, костяные пилы, трофейные стальные ножи, шкуры, которым предстояло стать парусами, и веревки из высушенных лиан.

Стояло чудесное утро. Небо, еще не успевшее вылинять от полуденной жары, было такого свежего синего цвета, словно его только что вымыли. У берега вода была совершенно прозрачной; легкие, словно стеклянные, волны лениво набегали на желтый песок. Дальше от берега море обретало кристально-чистый бирюзовый оттенок; кое-где в глубине, словно бледные солнца, покачивались медузы, иногда, сверкая чешуей, быстро проносился косяк мелких рыбок. В бухте, куда нгарэйху обычно отправлялись рыбачить и где лежали на берегу их пироги, вода была гладкой, почти как в озере, но, когда мы обогнули мыс, появилась небольшая волна, не представлявшая, впрочем, никакой опасности. Пироги стремительно скользили по воде; я гребла вместе со своими учениками. Точнее говоря, теперь уже я выступала в роли ученицы — прежде мне не доводилось грести даже в цивилизованной лодке, а уж тем более работать веслом без уключины. Это, между прочим, не такое простое дело, с непривычки довольно быстро устают плечи, хотя мне помогли мои регулярные тренировки с оружием. Сначала было несколько забавных моментов, когда я обрызгивала соседей или сталкивалась с ними веслами, но потом втянулась в единый ритм.

За юго-западной оконечностью острова нам в корму подул ветер, и мне вдруг пришла в голову одна идея. Я положила весло в лодку и велела остальным перестать грести, а сама поднялась на ноги (Нэн, старший сын вождя, предостерегающе крикнул, боясь, что мы опрокинемся, и действительно, я тут же ощутила неустойчивое качание пироги). Стоя спиной к ветру, я расправила крылья. Послышалось чье-то восхищенное восклицание. Несколько секунд мне казалось, что мы лишь скользим по инерции, но затем я убедилась, что лодка, почти уже остановившаяся, вновь набирает скорость. Впервые в жизни крылья действительно, а не в воображении, несли меня вперед, пусть и не по небу...

Все-таки вторая пирога, где не переставали грести, двигалась быстрее, и я, поработав парусом еще некоторое время, вновь села на весла (точнее, весло у каждого гребца было одно, и им гребли попеременно то слева, то справа). Но будь ветер сильнее, как знать, кто вышел бы победителем в гонке...

Пироги плыли быстрее идущих через джунгли анью, зато те двигались по прямой, так

что к тростниковым зарослям мы прибыли одновременно. Я критически осмотрела членистые стволы, постучала по ним рукоятью каменного топора (тяжеленная, доложу я вам, штука!), проверяя на прочность, отобрала те, что сочла подходящими, и отдала распоряжения рубщикам. С первым этапом строительства корабля мы управились довольно быстро; солнце еще не добралось до полудня, а из стволов тростника уже был связан трубчатый настил, укрепленный снизу двумя поперечными (точнее, продольными, если смотреть по курсу корабля) стволами. Каждый седьмой ствол сделали длиннее прочих на три ширины пироги и дважды просверлили насквозь с каждой стороны. Сложнее было пробуровать каменными инструментами отверстия в бортах лодок, но, наконец, и это было сделано, после чего настил был уложен так, что выступающие концы стволов легли поперек пирог, и через борта и отверстия в стволах пропустили веревки, крепко привязав настил к лодкам. Между длинными стволами в пирогах по-прежнему можно было сидеть. Внутренние борта обеих пирог уперлись в продольные трубки, что придало конструкции дополнительную жесткость.

Самые большие сложности, однако, возникли с мачтой. Тростничину подходящей длины (около десяти локтей) найти удалось, и прорубить для нее дырку в центре плота тоже было несложно, однако она упорно не хотела стоять вертикально — то валилась набок, то проваливалась в дыру. Весила она пусть и не столько, сколько сплошной древесный ствол того же диаметра, но полсотни фунтов в ней все-таки было, и мне меньше всего хотелось, чтобы она свалилась, когда мы будем в открытом море. Мы закрепили на ее вершине четыре веревки-растяжки и привязали их к четырем углам плота-настила, а чтобы мачта не проваливалась, привязали, на манер крестовины меча, перпендикулярный кусок тростничины немного выше основания, но конструкция все равно выглядела хлипкой и ненадежной. А если подует ветер? Наконец мне пришла в голову идея: опустить мачту так, чтобы ее основание уходило в воду, и насадить на это основание большой и массивный, но при этом узкий и обтекаемый деревянный поплавок. Он сыграл бы роль и противовеса, и киля, а заодно снял бы нагрузку на поперечный брус, удерживающий мачту. Теперь я понимаю, что, если бы не эта идея, нас перевернуло бы первым же хорошим порывом ветра...

На то, чтобы вырубить эту штуковину из древесного ствола, продолбить в ней гнездо под мачту, а потом еще просверлить с боков перпендикулярные отверстия для закрепляющих мачту веревок, у моих подопечных ушло два дня. Сразу все не могли обрабатывать один поплавок, поэтому большинство туземцев вернулось в селение, но я ночевала возле тростниковых зарослей вместе с оставшимися. Я была так возбуждена, что почти не спала и все время подгоняла сменявших друг друга работников. Думаю, без моих понуканий они провозились бы втрое дольше. Нгарэйху — неплохой народ, но жизнь в тропиках слишком комфортна, чтобы воспитать привычку к усердному труду.

Рей я решила не делать, чтобы не усложнять конструкцию, где и так слишком многое держалось на связанных крест-накрест стволах тростника. По моему проекту, основания паруса, имевшего форму равнобедренного треугольника, следовало привязывать к концам тех стволов настила, более длинных, чем остальные, с помощью которых настил крепился к пирогам. Этих стволов было пять, соответственно, пять уложенных поверх пирог концов с каждой стороны, что позволяло ставить парус под разными, хотя и фиксированными, углами.

И вот, наконец, после того, как усилиями дюжины мужчин и женщин был сшит парус (я тоже было в этом поучаствовала, но быстро исколола себе пальцы рыбьей костью и предоставила туземцам с их более грубой кожей доканчивать остальное), корабль был готов. Еще раз осмотрев это чудо судостроительной мысли (особенно жутко выглядел тяжелый кожаный парус из неряшливо и криво сшитых лоскутов), я отдала команду спустить его на воду. На берегу он весил довольно-таки много, мы не без труда дотащили его волоком до воды. Но, когда это сооружение наконец закачалось на волнах (которые были посильнее, чем в первый день строительства, но еще далеко не штормовые), я еще раз мысленно обозвала себя

сумасшедшей. Вот на этом углу плоту, уложенном на две долбленные лодки, я собираюсь пересечь две тысячи миль океана? Но — другой надежды выбраться с острова не было.

Я пригласила своих подопечных занять места в пирогах. Лодки при этом погрузились несколько глубже, чем я рассчитывала — видимо, парус вышел все же слишком тяжелым. Впрочем, все могло быть и хуже. Мы немного прошли на веслах (теперь, естественно, в каждой пироге гребли только с одной стороны), а потом осмелели и попробовали растянуть парус. Пока ветер дул в корму, все было замечательно, но при попытке сменить галс судно управлялось из рук вон плохо. Весел, спускаемых с кормы обеих лодок в качестве рулей, было, похоже, недостаточно ("надо будет изготовить специальные, пошире", — подумала я), да и вообще, полное отсутствие навыков хождения под парусом сказывалось. Так и не сумев лечь на желаемый курс, я сдалась, велела спустить парус (то есть привязать его нижние концы к основанию мачты — верхний был намертво закреплен наверху, и туда, учитывая отсутствие вант, было не добраться) и на веслах идти к берегу. Как я ни жаждала как можно скорее покинуть остров, приходилось признать, что перед выходом в океан необходимо еще немало практиковаться в бухте.

Я еще не решила, кого из моих подопечных взять с собой, и выходила в море то с теми, то с другими. Кажется, не всем им нравилось, что акцент наших занятий сменился с фехтования на мореходство, но желающих дезертировать не нашлось, хотя я и не стала бы никого принуждать. Мы по-прежнему много разговаривали, отдыхая после упражнений и потом, теплыми тропическими вечерами, причем в этих беседах звучало все больше ранайских слов. Первоначально я думала лишь о том, чтобы команда туземцев помогла мне довести корабль до какого-нибудь колониального порта, где я бы села на корабль, идущий в сторону Гантру, а нгарэйху отправились бы в обратный путь. Признаться, я не очень задумывалась, насколько сложнее им будет найти свой остров, чем мне — материк; мысли о том, что их предки доплыли сюда вообще на веслах (во всяком случае, о парусах в племени не сохранилось даже смутных воспоминаний), было достаточно, чтобы я до поры отгоняла от себя эту проблему. Но по мере того, как мы отваживались все дальше отходить от берега в своих тренировочных заплывах, я все чаще задумывалась, насколько мизерны их шансы найти дорогу домой от самого Йертаншехе. Пожалуй, шансов добраться до острова было не больше, чем у меня самой, когда я оказалась в воде после гибели "Звезды тропиков".

Но во время наших бесед, когда я замечала, как быстро схватывают новое самые способные из туземной молодежи, у меня возникла другая идея. А нужно ли им вообще возвращаться? Было бы жалко, если бы знания из области математики, физики, истории, ранайского языка, бесполезные при образе жизни островитян, так и забылись через несколько лет. Вот бы отправить этих ребят учиться в метрополию... В колониях им, конечно, делать нечего — там туземец может в лучшем случае рассчитывать на участь поденщика, а в худшем и вовсе раба. Но в Ранайе имеются туземные диаспоры, образовавшиеся после того, как два столетия назад в метрополии отменили рабство (совсем, впрочем, небольшие — в те годы колонизация только начиналась, и с севера успели привезти мало невольников; большинство ранайских рабов были родом из самой Ранайи или других стран Инйалгдара). Они помогут своим... (Тогда мне и в голову не пришло, что ранайские потомки северных туземцев принадлежат к совсем другим племенам, и нгарэйху для них не более свои, чем для меня гантрусы или живущие на юго-востоке Инйалгдара шакабары; впрочем, среди аньйо чужой расы представители разных племен, наверное, все же чувствуют себя ближе друг к другу, чем у себя на исторической родине.) Однако для того, чтобы отправить их на корабле в Ранайу и дать возможность обустроиться на новом месте, нужны деньги, а с этим наблюдались серьезные проблемы. Помимо почти бесполезного желтого металла, в моем распоряжении были гантрусские векселя, но мне доводилось читать, что в колониях признают только наличные — а если колония, куда мы доберемся, будет не гантрусской, на эти бумажки тем более никто и

смотреть не станет. Еще у меня имелось несколько серебряных монет, найденных под ритуальным деревом, но там не набралось бы и двух десятков йонков. Хотя на "Звезде тропиков" плыли в основном торговцы, такая скудость добычи меня не удивила: бриг затонул слишком быстро, аньйо, первыми попрыгавшие в шлюпку, думали о спасении своей жизни, а не своих финансов... Если бы хоть был сезон для плодов кура, их можно было бы взять с собой и продать — но до сезона, как я узнала от туземцев, оставалось еще почти пять месяцев, да и все равно, учитывая малую вместимость нашего суденышка, много мы бы на этом не заработали.

В общем, это была проблема. Тем не менее, я продолжала реализовывать свой план и сместила акцент в своих рассказах на географию, так что скоро мои подопечные уже наперебой мечтали побывать за морем и увидеть удивительные страны, где строят каменные хижины высотой в несколько этажей, в одном селении, именуемом "город", может жить больше десяти тысяч аньйо (нгарэйху, не учившиеся у меня, и чисел-то таких представить не могли), зверей не только едят, но и запрягают в ездящие по земле лодки, а цепные птицы сторожат дома. Представьте себе, им даже захотелось увидеть, что такое зима и снег — вот уж, воистину, не понимают аньйо своего счастья...

Непогода, пришедшая с севера, вынудила нас прервать мореходные упражнения. Три дня бушевал шторм, даже более сильный, чем тот, что выбросил меня на остров за три месяца до этого. Сидя на краю джунглей, мы смотрели, как огромные волны, грязно-бурые от взбаламученного песка, с грохотом рушатся на берег, и жадные языки кипящей пены вытягиваются через весь пляж, норовя облизать стволы крайних пальм, а потом бессильно откатываются обратно, сталкиваясь по пути с пеной пришедшей следом волны и вспухая бурунами. Буро-зеленые мочалки высыхающих водорослей обозначали границу, до которой доставала вода. Иногда волна выносила на пляж какой-нибудь предмет — большую дохлую рыбину, или пальмовый орех, или даже целый ствол пальмы; как правило, следующая волна утаскивала это обратно. Я подумала, как было бы здорово, если бы шторм выбросил на берег сундук с сокровищами затонувшего корабля — хотя бы и того, что взорвался здесь 15 лет назад, ведь были же там, наверное, какие-то деньги в капитанской каюте... Но, конечно, подобные мечты сбываются только в сказках.

О том, что будет с нами, если такая буря застанет нас посреди океана, и думать не хотелось. Наверняка мое суденышко или рассыплется, или перевернется. Правда, с прошлого шторма прошло три месяца, а я рассчитываю лишь на двухдекадное плавание, но где гарантия, что следующая буря заставит себя ждать столь же долго?

В бурлящей пене мелькнуло длинное, в пару локтей, темное тело очередной рыбины. Лежа среди обтекающих ее пузырчатых потоков, она вдруг вяло приподняла тяжелый хвост и шлепнула им по воде. Живая!

— Я ее достану! — вскочил с места Нэн и побежал прямо навстречу волнам. "Стой, стой!" — крикнули разом и я, и несколько нгарэйху, но его было не остановить. Разбрызгивая пену, он помчался через залитый волной пляж и добежал до рыбы как раз в тот момент, когда обрушился очередной вал. Нэн даже успел подхватить свою добычу (весившую, наверное, фунтов под сорок) и повернуться к нам, прижимая ее к груди (рыба меланхолично открыла зубастый рот, куда явно не следовало класть палец), но тут сплошная стена клокочущей пены, налетев сзади, сбила его с ног. Кто-то вскрикнул, многие, включая меня, вскочили; опасность, что его унесет в море, была нешуточной. Несколько секунд в пене не было ничего видно, но затем в воздухе мелькнула рука, потом нога, и вот весь мокрый Нэн поднялся на четвереньки уже заметно ближе к нам. Пена, откатываясь назад, вскипала белыми валиками вокруг его рук и коленей. Свою добычу он потерял. Встав на ноги, он поспешил к нам — сверкая зубами в улыбке, несмотря на неудачу.

— Можно подумать, племя голодает! — накинулась я на него. Действительно, еды хватало и на суше, не говоря уже о реке.

— Никому еще не удавалось поймать голыми руками унэ-чу, — оправдывался он.

— И ты только что подтвердил эту истину, — констатировала я. — Хорошо еще, что не догадался взять с собой и утопить шпагу. Завтра твое оружие будет деревянным.

— Прости, Эйэй, — он смиренно наклонил голову, но глаза его по-прежнему смеялись. — Я понадеялся на твое покровительство, но забыл, что над стихией воды ты не властна.

Я оценила по достоинству эту контратаку, намекавшую не только на мое "божественное" происхождение от солнца и неба, но и на мою первоначальную неумелость в управлении лодкой — но все же проворчала: — Если ты жить не можешь без рыбалки, потренируйся лучше ловить рыбу на крючок. Боюсь, когда мы будем в море одни, от сетей будет мало проку.

Действительно, удочка была нгарэйху столь же в диковину, как и лук. Они либо ловили рыбу сетями, растягивая их между несколькими идущими параллельным курсом пирогами, либо били острогой на мелководье. Первая удочка на острове была изготовлена под моим руководством: леска из жил, как и тетивы луков, деревянный поплавок, камушек-грузило и крючок из рыбьих же крупных костей. Изобретение, впрочем, не прижилось — в отличие от луков, оно было менее эффективным по сравнению с традиционными способами ловли. Однако во время плавания могло пригодиться — сети хороши, когда протянуты на большое расстояние, а для этого при ловле на ходу нужно минимум два корабля.

— Я чту твою небесную мудрость, Эйэй, — философским тоном изрек Нэн, — но мне до сих пор кажется странным скармливать большого белого червяка рыбе, если можно съесть его самому. Рыба, конечно, больше, зато червяк вкуснее и без костей.

Я поморщилась. Эти жирные белые червяки, личинки огромных, с ладонь, лиловых жуков, должно быть, действительно очень питательны, но когда я видела с аппетитом уплетающих их туземцев, мне приходилось делать усилие, чтобы удержать в желудке собственный обед.

— В самом деле, Эйэй, — поддержала Нэна Ийхэ, — ты ведь ешь другую нашу пищу, почему ты не любишь червяков? Ты же не можешь знать, что это не вкусно, пока не попробовала.

— Червяки напоминают мне о Шуше, — усмехнулась я. — И брать целую корзину их с собой в море, наверное, не слишком удобно. Куда проще ловить на блесну, но я пока не решила, из чего ее можно изготовить.

Ученики, естественно, поинтересовались, что такое блесна, я объяснила, и на некоторое время нгарэйху погрузились в задумчивость: они пытались припомнить предметы, блестящие, как рыба чешуя, но, как и мне, им не приходило в голову ничего подходящего. Но вечером, когда я уже забыла об этом эпизоде, ко мне вдруг подошел Нэн.

— Эйэй, ты больше не сердись на меня?

— Нет, — ответила я рассеянно, погруженная в свои мысли о будущем плавании.

— Значит, я могу снова взять настоящую шпагу?

Я вспомнила, что он наказан, и строго сдвинула брови:

— Настоящая шпага — оружие взрослых воинов, а не легкомысленных мальчишек.

— А если я скажу, что нашел для тебя блесну?

— Вот как? — заинтересовалась я, только тут заметив, что он прячет что-то за спиной. — Ну-ка, покажи.

Он протянул руку и с гордым видом разжал кулак. На ладони у него лежала большая, как медаль, серебряная монета в десять йонков.

— Где ты это взял?!

— В лесу, — беспечно ответил Нэн. — Там, где наши воины схватили врагов, в тот день, когда ты спустилась с неба. Там таких еще много.

Действительно, я видела место боя лишь один раз из-за деревьев, и была слишком напугана, чтобы рассмотреть все подробности, да и то, что видела, запомнила весьма смутно —

а после этого туда уже не возвращалась, да и не нашла бы дороги без провожатых. Выходит, кто-то из торговцев все же подсуетился и успел прихватить с собой наличность... Я велела Нэну немедленно отвести меня на то место.

Угли кострища уже почти скрыла трава (в джунглях она растет удивительно быстро), но вещи убитых валялись на прежних местах. Лишь увидев их во второй раз, я ярко вспомнила ту жуткую картину, что открылась мне десять декад назад. Теперь из сапога при моем приближении выскочил какой-то грызун и скрылся в траве, а камзол, переживший несколько дождей, больше походил на тряпку. Впрочем, добротная дорогая ткань еще не начала гнить, и я решила взять его с собой: на острове мой гардероб ограничивался штанами, но перед прибытием в цивилизованный мир мне все же придется что-то надеть сверху, а у этого камзола хотя бы нет прожженной дыры, как у того, что остался от Каайле. В карманах я обнаружила кремень и огниво, а также формочку для отливки пуль и кисет с отсыревшим порохом. Прихватила я и шляпу — пригодится от солнца. Но Нэн уже указывал мне на то, что я проглядела в прошлый раз — притаившийся под кустами коричневый саквояж из тайуловой кожи, некогда, очевидно, аккуратно застегнутый на три ремня с замочками, но теперь два из этих ремней были перерезаны — наверняка ножом моего провожатого. Нэн непочтительно пихнул саквояж пяткой, и внутри глухо и дробно звякнуло.

Там было почти 2100 йонков серебром. Больше, чем сулил за мою голову губернатор Лланкеры. Больше, чем мог рассчитывать заработать в своем рейсе Тнай Лаарен... На эти деньги я могла не просто оплатить каюты первого класса для себя и своих подопечных на судне, идущем в любой порт мира — я могла нанять корабль целиком, а какой попроще, так и вовсе купить. Впрочем, у меня были более разумные планы, чем покупка корабля: моим спутникам этих денег хватило бы на обустройство, а мне — на дальнейшее путешествие до острова пришельцев. Даже не потребуется высаживаться в Гантру, чтобы обналечить векселя. Теперь только бы добраться до ближайшей северной колонии...

Интересно, подумала я, как сложилась бы судьба этих денег, если бы не туземцы. Их обладатель не смог бы долго скрывать от остальных, что лежит в саквояже, а ранайские суды и полиция далеко... Его спутники сначала прирезали бы его, а потом передрались бы друг с другом из-за такой добычи? Или, может, все они осознали бы бесполезность денег на отрезанном от цивилизации острове и использовали бы их так, как предлагал Нэн — в качестве блесен?

Так или иначе, последняя беспокоившая меня проблема была решена, и я решила отплыть как можно скорее, как только закончится шторм. Ах да, оставалось еще объявить мой план нгарэйху и утвердить окончательный состав экипажа. Когда мы с Нэном дотащили тяжеленный саквояж до селения (точнее, тащила я, а он скакал вприпрыжку впереди и даже не подумал поинтересоваться, не тяжело ли мне — все же статус богини имеет и свои отрицательные стороны), так вот, когда мы пришли, уже смеркалось, но я не захотела ждать до утра и велела ему собрать остальных из нашей компании.

Не желая проводить собрание на виду у всего племени, я отвела учеников на берег реки, где мы разожгли собственный огонь (мысль о погребальных кострах, недавно горевших на этом месте, неприятно царапнула меня, но я отогнала ее). Я объявила, что отправляюсь в настоящее плавание к другим землям, о которых рассказывала раньше, и что мне нужна команда; как я и предполагала, почти все загалдели, наперебой предлагая себя — не пожелали расставаться с островом лишь старшие охотники, уже вышедшие из юношеского возраста, но я и так не собиралась брать их с собой: им уже поздно учиться и привыкать жить в более развитой культуре. "Но, — продолжала я, перекрывая шум, — те, кто поплывет со мной, не просто увидят другие страны. Они смогут поселиться там и узнать намного больше того, что я успела рассказать, намного больше того, что до сих пор узнавал нгарэйху за всю свою жизнь..." Некоторые задумались, поняв, что речь не просто о морской прогулке, но большинство это

разожгло еще больше. "Однако, — перешла я к самому сложному, — я не знаю, как и когда вы сможете вернуться домой. (Это была, конечно, ложь; я знала, что из Ранайи они не смогут вернуться никогда, если только не захотят выдать свой остров очередным работорговцам; а если бы даже и захотели, они все равно не знают его координат). Дело в том, что я уже не смогу помогать вам. Я должна вернуться на небо", — добавила я чистую правду.

Молодые нгарэйху попритихли, осознав смысл моих слов. У меня мелькнула мысль, что не надо было предупреждать их, надо было просто поставить перед фактом, когда мы уже доплыли бы до колонии — но я тут же устыдила себя за это.

— Там, куда вы приплывете, тоже есть аньйо вашей расы, — поспешила сообщить я, — они помогут вам устроиться. Там есть законы, защищающие всякого аньйо, будь он южный или северный. И у вас будут деньги, а там это могучая вещь, — я показала серебряную монету с профилем Паарна III.

— Это волшебный амулет? — спросил один из парней. Прежде я как-то не успела рассказать им о деньгах — признаться, я не знаю ничего скучнее экономики.

— В некотором роде, — усмехнулась я. — На юге эти амулеты сильнее, чем все корешки Чахи.

Послышались смешки; молодежь старуху не любила, хотя и побаивалась. Затем вдруг встала Ийхэ.

— Я поплыву с тобой, Эйэй. До того, как ты пришла к нам, мне часто становилось тоскливо, когда я смотрела на море, и я не понимала, почему. Ведь я была сыта и здорова, и мать советовала мне не забивать голову глупостями. А теперь я поняла — просто наш остров слишком маленький, чтобы прожить на нем всю жизнь. Я бы зачахла, если бы осталась.

— Я тоже с тобой, Эйэй, — поднялся Нэн. — Если я упущу возможность повидать все эти штуки, о которых ты говорила, я буду жалеть об этом всю жизнь.

— И я... и я... — стали подниматься другие. Когда вызвался девятый, я сделала знак рукой — хватит. В основном я не ошиблась в них — плыть хотели лучшие ученики, те, на кого я возлагала наибольшие надежды. Правда, Чог, внук старого Нэрха, лучше всех моих подопечных овладевший мечом (так что я в последние дни даже избегала фехтовать с ним, чтобы не подрывать авторитет богини) и в то же время выучившийся перемножать в уме трехзначные числа, продолжал сидеть на песке, скрестив ноги и поглаживая рукоятку меча, с которым теперь не расставался.

— А ты, Чог? — спросила я.

— Я благодарен тебе за науку, Эйэй, но я остаюсь. С теми знаниями, что ты мне дала, я буду великим вождем нгарэйху.

Кто-то засмеялся над этой похвальбой, но замолк под колючим взглядом Чога. Похоже, подумала я, через пару лет для вождя Унга настанут сложные времена.

— Что ж, я никого не неволю, — пожала плечами я. — Завтрашний день отводится на сборы, а послезавтра, если будет хорошая погода, мы отправляемся в путь.

С раннего утра новость уже знало все племя. Когда я, сладко потягиваясь, вышла из своей хижины, меня уже поджидала целая делегация во главе с Унгом и Чахой, пожелавшими услышать подтверждение из первых уст. Как обычно, открыто протестовать никто не осмелился, но я видела, как нахмурился вождь, не желавший расставаться с сыном. Помимо Нэна, моего ровесника, у него было еще два мальчика, трех и шести лет, но — к первенцу всегда особое отношение.

— Если тебе нужно вернуться на небо, Эйэй, — решил он, — почему бы тебе не взлететь прямо отсюда? Зачем плыть через стихию воды, которая тебе не подвластна?

Ну вот. Все время, пока я жила в племени, я в глубине души ждала этого. Что кто-нибудь наберется смелости и спросит, почему я не летаю. Конечно, не летали и прежние "живые воплощения", но те рождались среди нгарэйху с маленькими крыльями, а я-то "пришла с неба"...

— Так предначертано стихиями, — привела я заготовленный ответ. — Смертным этого не понять. ("И мое собственное непонимание тому свидетельство", — мрачно добавила я про себя.)

— В самом деле, Унг, — визгливо воскликнула Чаха, — к чему ты споришь с Праматерью Эйэй? Разве она не старше и не мудрее всех нас? Ты навлечешь на нас гнев стихий!

Очевидно, старуха так рада была наконец от меня избавиться, что пожертвовать девятью молодыми, здоровыми и способными членами племени не казалось ей чрезмерной ценой. Что ж, как гласит ранайская поговорка, "не любит меня пивка, а дурную кровь отсасывает". Так или иначе, даже те, кто не хотел отпускать своих детей, вынуждены были смириться, а многие нгарэйху выразили желание помочь в подготовке нашего суденышка к плаванию.

На корабль были погружены большие оплетенные кувшины с водой (мне было нечем померить точно, но, думаю, пинт двести пятьдесят там было), две корзины с фруктами, небольшой запас копченого мяса, несколько одеял, сшитых из шкур ипу-ипу (обитавших на острове всеядных зверей с пятнистым мехом, достигавших в длину где-то трех локтей и безвредных для анйю) и, конечно, саквояж с деньгами, а также оружие. Последнее стало-таки предметом спора между мной и Унгом: он хотел, чтобы стальные клинки остались в племени, а отплывающие взяли с собой лишь традиционные копья и дубинки. В этом была логика: раз мы плывем в страны, где делают оружие из металла, то сможем добыть его там, а на острове взять новое негде. Но и мне хотелось получше вооружить наш отряд — все-таки мы везли с собой немалые деньги, и неизвестно, с каким сбродом придется столкнуться, прежде чем мы сможем купить все необходимое. Слухи о колониальных нравах ходили не самые приятные. Но, отдавая должное справедливости аргументов вождя, я согласилась оставить ему один меч, три сабли и одну шпагу.

Изначально я собиралась взять с собой весь желтый металл, но для этого пришлось бы обращаться к Чахе с просьбой снова проводить меня в святилище, а мне этого не хотелось. Теперь, когда у меня был полный саквояж настоящих денег, в желтом металле уже не было нужды, да и ни к чему было утяжелять груз. Что самое смешное, я и впрямь решила, что в качестве блесен можно использовать серебряные монеты — те мелкие, что я нашла под деревом; вот ведь до чего доводит богатство! Хотя, в принципе, эти монеты не должны были потеряться — разве что рыбе удастся оборвать леску...

И вот, наконец, весь груз был уложен в пироги или привязан к центральному настилу кораблика; буря уже улеглась, и я назначила отплытие на рассвете. Не знаю, как провели члены моего экипажа последнюю ночь перед расставанием с родными; во всяком случае, мне в свое время тоже пришлось пройти через такое, теперь же я безмятежно спала. На рассвете меня разбудил Нэн, робко просунувший курчавую голову между циновкой и краем входного проема: "Эйэй, светает..."

"Угу..." — пробурчала я, глядя на него непонимающими со сна глазами, но затем вспомнила, что нам предстоит, и сон тут же улетучился. Я собрала трофейную одежду, взяла шпагу, в последний раз оглядела хижину. Затем набросила на голые плечи поверх крыльев камзол и рассовала по его карманам наиболее нравившиеся мне деревянные и глиняные фигурки. Ну что ж, пора. Не так уж много времени я здесь провела, а уезжать навсегда все-таки жалко...

Провожать нас, конечно же, пришло все племя. Мы вышли на пляж. Море было пусть и не зеркально гладко, но спокойно, небо безоблачно; все благоприятствовало отплытию. Несколько охотников помогли столкнуть кораблик в воду. Мы — две девушки и восемь парней — забрались в пироги, где после загрузки всех припасов было тесно (в пироге и так не очень-то много места, это вам не баркас), но все же можно было сидеть и грести. Я услышала, как киль-поплавок осевшего суденышка проскрежетал по дну, но следующая волна, хотя и совсем невысокая, приподняла нас; мы вгрызлись веслами в воду и сделали гребок, отходя от берега. В

какой-то момент казалось, что нас прибудет обратно, но еще несколько сильных гребков — и мы ушли с мелководья. Удалившись от побережья локтей на девяносто, мы взяли курс на западный мыс, ограждавший бухту. Провожающие все еще стояли на линии прибоя, многие вошли в воду и махали нам, но нам некогда было махать в ответ — мы работали веслами. Однако я, уже сбросившая камзол, помахала остающимся крыльями за всех нас.

Ветра почти не было, и мы так и шли на веслах, огибая остров с запада; думаю, для моих спутников это было не самое приятное испытание — так долго плыть вдоль родных берегов, зная, что вряд ли увидишь их снова. Им было бы легче, если бы остров быстро скрылся за кормой... Но селение и бухта находились в его южной части, а наш путь лежал на север.

Наконец мы легли на курс, который, как я надеялась, спустя декаду или максимум две должен был привести нас к побережью Йертаншехе. Нам пришлось грести еще несколько часов, а остров все еще был виден за кормой; он словно не хотел нас отпускать. Правда, в не имеющих уключин лодках гребут лицом вперед, а не назад, так что мои спутники смотрели уже не на остров, а в открытый океан. Я сидела второй в правой пироге, следом за Нэном, задававшим темп.

К полудню, когда остров, наконец, окончательно скрылся за горизонтом, мы уже порядком устали. К счастью, еле заметный юго-юго-западный ветерок вскоре окреп, и мы поставили парус. Тренировки пошли на пользу: мы сразу расположили его под правильным углом, да и новых рулей кораблик слушался хорошо. Мои спутники, приунывшие было от монотонной работы веслами, вновь повеселели; мы смыли пот морской водой и выпили пресной. Немного отдохнув, опробовали удочки, но до самого вечера так ничего и не поймали; правда, у Нэна один раз клюнуло, но добыча сорвалась с крючка. Впрочем, пока у нас и без того хватало пищи. Поскольку в пирогах было тесно, мы по трое-четверо выбирались на центральный настил и сидели там; двое парней, устроившись на передней кромке плота, свесили ноги в бегущую навстречу воду, но я строго сказала им, чтоб не тормозили судно. Потом я, наконец, вспомнила, что нужно назначить вахты, и распределила, кто будет спать вечером, кто в первую половину ночи, кто во вторую. Лийа в эти дни как раз всходила около полуночи, и это был удобный способ разграничить вахты; себя я велела разбудить с ее восходом, а если что-нибудь случится (например, заметно изменится ветер), то раньше.

Вообще Лийа и остальные светила играли для нас в этом плавании, без преувеличения, жизненно важную роль. Еще на острове, готовясь к путешествию, я наблюдала за дневным и ночным небом, составляя некое подобие навигационной таблицы. За неимением бумаги и карандаша чертить приходилось палочкой на земле возле хижины; нгарэйху было строго запрещено подходить к этим чертежам, чтобы ненароком не затоптать их. Потом, правда, дождь уничтожил мою работу, но я к тому времени уже успела изготовить свой навигационный прибор. Состоял он из плоской дощечки с дыркой от сучка в середине; в эту дырку была воткнута проходящая насквозь прямая палочка. От дырки были процарапаны радиальные черточки разной длины, а возле верхнего края дощечки я вырезала стрелку. Каждая черточка соответствовала положению и длине тени от палочки в тот или иной момент дня, при условии, что стрелка смотрит строго на север. В результате, если повернуть доску таким образом, чтобы тень совпала с одной из черточек (или, по крайней мере, оказалась между соседними черточками, наиболее близкими ей по длине), то стрелка укажет в северном направлении. Естественно, надо учитывать, что тени бывают одинаковой высоты до и после полудня; послеполуденные черточки я подкрасила красной краской.

Правда, прибор этот не универсальный — высота, на которую поднимается солнце, а значит, угол падения его лучей и длина тени в определенный час меняются как с ходом дней, так и с удалением от экватора. Для того, чтобы воспроизвести исходный угол, достаточно наклонить дощечку в полдень (а наступление полудня определяется по самой короткой тени) так, чтобы тень от нее вновь совпала с эталонной для этого времени. После чего дальнейшие

измерения, вплоть до следующей корректировки, надо проводить, сохраняя этот наклон. Проблема, однако, в том, что для того, чтобы в любое время знать, в какую сторону наклонять дощечку, нужно уже знать, где север.

Можно, впрочем, сначала определить это приблизительно, потом наклонить дощечку и получить уже более точное приближение. Наверное, в высоких широтах, где солнце движется по пологой траектории, такой метод давал бы слишком большую ошибку, но в тропиках, где длина тени в течение дня меняется очень сильно, он вполне годится. Для измерения угла наклона я привязала к нижней части палочки (прямо под дощечкой) отвес (сделанный из куска лески и маленького желтого самородка — самого тяжелого из имевшихся у меня мелких предметов). К нижнему концу палочки была привязана полукруглая шкала, вырезанная из толстой скорлупы пальмового ореха; ее концы упирались в дощечку и были для верности приклеены смолой.

Я жутко гордилась собой, когда все это придумала. Однако я не учла одного обстоятельства — что на корабле, качающемся на волнах, не так-то просто держать прибор все время под одним углом. Приходилось снимать показания вдвоем: один старался держать дощечку ровно, следя за отвесом снизу, а второй в это время определял направление по тени сверху. На молодых нгарэйху мой навигационный инструмент произвел неизгладимое впечатление — правда, не столько гениальностью, сколько совершенно лишней, на их взгляд, сложностью: определять дорогу по солнцу им было не в новинку, но они всегда делали это на глазок. Однако, им прежде не доводилось путешествовать на тысячу миль вдоль меридиана посреди лишенной всяких ориентиров водной пустыни...

С ночной навигацией все было намного проще: я заметила, что вблизи севера над горизонтом в течение ночи поднимаются три довольно ярких звезды. Когда меня, как и было уговорено, разбудили с восходом Лийи, я первым делом отыскала их взглядом и заметила, что мы отклонились к востоку. Я тут же, перебираясь через спящих нгарэйху, полезла на корму делать втык рулевым обеим порог, но те ответили, что не виноваты — парус загораживает им обзор, они следят лишь за тем, чтобы северные звезды не появились слева или справа от него. Я смутилась: иногда не удается предусмотреть даже самые простые вещи. Во время наших тренировок мы проводили в море по много часов, но всегда возвращались до темноты... Решив, что вырезать смотровое окно в парусе смысла не имеет — от мачты до кормы было все же довольно приличное расстояние, и дыру, позволяющую не терять звезды из виду при всех эволюциях кораблика, пришлось бы делать слишком большой — я полезла обратно, взобралась на настил, обогнула парус, уцепившись за его край, и уселась спереди, чтобы при необходимости корректировать курс. Делать это, конечно, пришлось бы голосом, несмотря на спящих, но — если молодой аньюо хочет спать, его никакие крики не разбудят, а если разбудят, значит, не так уж ему хочется спать. Это я по себе знаю.

Лийа поднималась над восточным горизонтом, но не только ее лунная дорожка переливалась ртутными блестками в черной воде. То тут, то там в море вспыхивали искры, покачивались островки бледно-голубого света. Я знала, что это — люминесцентный планктон, мелкие живые организмы, хорошо известные ученым, и все же призрачное, холодное, струящееся из моря сияние казалось чем-то таинственным, даже мистическим. Я не удержалась и опустила ногу в прохладную воду, а потом смотрела, как капли жидкого пламени падают со светящихся пальцев... А над нами сверкали звезды, выглядевшие довольно-таки невзрачно на фоне этой водной феерии — и все же где-то среди них, я верила, была звезда моих предков, куда мне во что бы то ни стало надо вернуться...

Неприятности начались на второй день. В качестве первого сюрприза у двух нгарэйху разыгралась морская болезнь. Я никак не ожидала, что после всех наших тренировочных заплывов такое возможно. Но те заплывы длились максимум часов семь, а теперь мы провели в море уже больше суток. Оба парня поначалу здорово перепугались, решив, что навлекли на себя

проклятие стихий, а когда я объяснила им, в чем дело — смутились. К счастью, уже к вечеру им стало лучше (все-таки тренировки сказались), но к этому времени уже обнаружилась другая проблема — менялся ветер. Всю ночь и утро он был практически попутным, как и накануне, лишь слегка отклоняясь к востоку, но к полудню дул уже в борт, а несколько часов и вовсе сменился на северо-западный. Я читала, что суда с косыми парусами хорошо ходят круто к ветру, но одно дело — читать, а другое — уметь. После пары часов довольно неуклюжего маневрирования я приказала братья за весла. Похоже было, что грести придется и ночью, поэтому я ввела скользящий график: восемь гребли, двое отдыхали.

Единственной отрадой этого дня стала рыба, которую на закате поймал парень по имени Нгош — горбоносая, с глазами навывкате и ярко-красными плавниками. В ней было фунтов десять; когда Нгош подтащил ее к лодке, Нэн, опасаясь, что повторится вчерашняя история и добыча сорвется, молниеносным выпадом пронзил ее шпагой. Я рассмеялась, впервые наблюдая подобное использование благородного оружия... На борту, естественно, негде было развести огонь, так что добычу съели сырой. Я, правда, воздержалась, предпочтя кусок копченого мяса и несколько фруктов, но прочие усталые гребцы не жаловались.

Пока разбирались с рыбой, начало темнеть; в низких широтах это происходит быстро. На востоке уже появилась первая из неподвижных звезд, но на западе скрывшееся за горизонтом солнце еще подсвечивало розовым пушистые животы двух облаков. Облака выглядели мирными и не желающими ничего дурного, но это были лишь разведчики вражеской армии. Ее основные порядки двинулись маршем по небу позже, гася звезды и не позволив даже самой Лла выйти на небо — лишь смутное багровое пятно еле маячило сквозь их толщу. Какое-то время на севере еще оставалась полоса свободного неба, но ближе к рассвету облачный фронт дотянулся и туда, лишив нас ориентира. Я сдалась и велела лечь в дрейф — признаюсь, сделала это не без удовольствия, как, вероятно, и мои спутники, ибо многочасовая гребля всех вымотала.

Мы проспали все утро — все, включая вахтенных. Я, конечно, накинулась на них за это, но они вяло оправдывались, что за время их сна все равно ничего не изменилось. Действительно, небо было словно закрыто толстым ватным одеялом. Средний силы ветер дул нам в корму, но это, конечно, не значит, что он был попутным, ибо определить его направление не представлялось возможным. Хотя парус был убран, ветер все же сносил наш легкий кораблик — куда, неизвестно.

Понятно, что на настроении команды это отразилось не лучшим образом. Юноша по имени Тонх даже заикнулся, не вернуться ли на остров, от которого мы еще не так далеко. Нэн сверкнул на него глазами, собираясь, как видно, обзвать трусом, но я упредила перепалку.

— Если ты хочешь вернуться, Тонх, готов ли ты указать точный курс на остров? — осведомилась я.

— Ну... где-то там, — махнул рукой он, скорее всего, наудачу.

— Отлично. Предположим, ты ошибся всего на один румб. Это, как ты знаешь, одна тридцать вторая часть круга, или, приблизительно, 0.2 радиана. За эти два дня мы проплыли около двухсот миль (на самом деле я отнюдь не была в этом уверена). На сколько мы отклонимся, если пройдем это расстояние с ошибкой в один румб?

Тонх замялся. Он уже явно жалел, что вылез со своим предложением.

— Смелее, Тонх. Я же совсем недавно объясняла вам основы тригонометрии. Здесь нет ничего сложного. Как определить одну сторону прямоугольного треугольника по перпендикулярной ей стороне и противостоящему углу?

— Ну... надо умножить... на синус...

— На тангенс, — подсказала сердобольная Ийхэ.

— Таблиц у нас нет, но для малых углов тангенс приближенно равен самому углу в радианах. Значит, умножаем 200 на 0.2, сколько получается?

— 40, — на сей раз без запинки ответил Тонх. С тригонометрией даже у моих лучших

учеников еще были проблемы, но действия с дробями они усвоили твердо — неплохой результат для тех, кто четыре месяца назад умел считать лишь до двадцати.

— Вот. Мы пройдем в сорока милях от острова при ошибке только в один румб, при условии, что будем все время плыть прямо, а не отклонимся от курса еще двадцать раз по пути. Он останется далеко за горизонтом.

— А как же мы попадем туда, куда плывем сейчас?

— Ну я же вам говорила, что там не остров, там большой материк! Мимо него невозможно промахнуться!

Увы, и в этом я отнюдь не была уверена. Однако, продолжив спонтанно начавшийся урок, я сумела отвлечь экипаж от мрачных мыслей. Вообще, маленькое суденышко, дрейфующее посреди океана — весьма подходящее место для учебных занятий. Больше-то делать все равно нечего, и удрать с урока ученики не могут.

Небо прояснилось лишь спустя два дня (первые просветы, впрочем, появились еще накануне, позволив убедиться, что мы плывем хотя бы не на юг). Ветер снова сносил нас к востоку, и мы, хотя и поставили парус, периодически помогали себе веслами, выгребая в нужном направлении. Затем мы какое-то время наслаждались южным ветром, но наслаждаться пришлось недолго, ибо с утра седьмого дня он все больше свежел, крепчал, поднимая темно-синие волны и вспенивая их гребни. Низкие борта пирог то и дело захлестывало водой, и нам приходилось все время вычерпывать ее чашками из скорлупы кура, которые мы обычно использовали для питья. При порывах ветра мачта угрожающе кренилась, заставляя носы лодок зарываться в волну, и нам пришлось сначала уменьшить площадь паруса, отвязав один его край, а потом и вовсе обмотать лоскутное кожаное полотнище вокруг мачты. Ночь с седьмого на восьмой день была бессонной — попробуйте уснуть, когда вас регулярно окатывает морская вода! К тому же, мокрые, на ветру, мы дрожали от холода (одеяла и мой камзол, разумеется, промокли насквозь и не могли служить защитой). Восьмой день был настоящей пыткой; измученные бессонницей и качкой, мы продолжали вычерпывать воду, фактически сидя или стоя в ней. Тростниковые стволы угрожающе скрипели, сдвигаясь друг относительно друга в своих веревочных путях. А ведь, по меркам больших кораблей, это был не настоящий шторм, просто сильный ветер... Единственным способом отдохнуть было привязаться к мачте и немного подремать в таком положении. Чудо, что никто из нас не свалился от усталости за борт; зато, хоть весь наш груз и был привязан, мы потеряли один из кувшинов с водой — как видно, ослабли размокшие веревки...

Лишь на девятый день ветер спал до умеренного, но у нас уже не осталось сил даже чтобы поставить парус. Полдень этого дня застал нас спящими вповалку в пирогах и на настиле.

Проснувшись, я вытащила левое крыло из-под пристроившегося на нем Нэна и некоторое время махала им, восстанавливая кровообращение. Был штиль; синяя морская гладь играла ослепительными солнечными искрами. Прищурившись в сторону солнца, я поняла, что пропустила полуденные измерения, и выругала себя за это, но без особого энтузиазма. Хотелось пить. Я дотянулась до привязанного у мачты кувшина, вытащила деревянную пробку и огляделась в поисках чашки. Но та, как видно, давно уже плавала по морю отдельно от нас, так что я, наклонив кувшин, сделала несколько глотков прямо из горлышка. Вода была теплая, но так было даже лучше — оторваться от холодной было бы труднее. Наши запасы и так были рассчитаны на скромное потребление, а теперь, с потерей кувшина...

Завозился, просыпаясь, кто-то из парней. Ийхэ, свернувшаяся калачиком в обнимку с мачтой, заморгала, села, сладко потягиваясь, потом улыбнулась — не то мне, не то солнцу, не то нам обоим сразу. И вдруг, не успела я улыбнуться в ответ, выражение ее лица резко изменилось: рот испуганно открылся, распахнувшиеся глаза уставились на что-то за моей спиной.

Я мгновенно обернулась. В первый миг я ничего не заметила, ослепленная сверканием солнечных бликов, но затем различила бледно-сиреневый плавник, стремительно скользивший

над водой по направлению к нам.

— Рэтэ-чу! — крикнула Ийхе, обретя наконец дар речи.

По-ранайски эти морские хищники называются морьйалами. Неграмотные аньйо считают их рыбами (и нгарэйху не исключение — "чу" значит "рыба"), но морьйалы только внешне похожи на рыб, а на самом деле они, как и мы, дышат легкими и вскармливают детенышей молоком. Еще их от рыб отличает хвост — горизонтальный, а не вертикальный. Прежде я никогда не видела их, даже в виде чучела, но не раз читала в книгах о путешествиях и географических открытиях про "наводящий ужас сиреневый плавник". Морьйалы не так зубасты, как йаргарры, и по размерам уступают наиболее крупным из них — зато намного умнее этих рыб...

От крика Ийхэ мигом проснулись остальные. Те, что спали на настиле, шарахнулись к мачте, инстинктивно убирая руки и ноги подальше от края плота. Буквально в считанных локтях от нас плавник вдруг ушел в воду, и я успела заметить в прозрачной глубине длинное, не меньше десяти локтей, тело, скользнувшее под плот. Мы в первый момент замерли, потом принялись оглядываться, ожидая, где плавник покажется снова.

Но плавника нигде не было.

— Должно быть, в глубину ушел, — сказал Тонх после, наверное, десятиминутного ожидания.

— А по-моему, он прямо под нами, — возразил Нэн, приглушая голос.

— Сколько он там может сидеть? — скептически фыркнул Тонх. — Приплыл, увидел, что тут только несъедобное дерево, и уплыл.

— Столько, сколько нужно, чтобы с дерева свесилось что-нибудь съедобное, — усмехнулся Нэн.

— Да брось ты, у рыбы на такое ума не хватит.

— Он не рыба... — начала объяснять я, но тут Тонх, желая проверить свою гипотезу, нагнулся над краем пирога, пытаясь увидеть, что делается в воде под настилом.

И в тот же миг кораблик содрогнулся от мощного удара снизу, пришедшегося в правую пирогу (как раз из нее и выглядывал Тонх). Крик вырвался разом из нескольких глотков (и моя не исключение); те, кто стоял или сидел в недостаточно устойчивой позе, потеряли равновесие и полетели на трубки настила, на дно пирог или — в воду. Я услышала минимум пару всплесков, но, возможно, некоторые слились в один. Но мне было не до того, чтобы считать всех упавших — я видела, как кувырнулся через борт Тонх; сейчас он бултыхался между пирогами, пытаясь ухватиться за скользкий от воды край настила. Мы с Нэном находились ближе всех и разом, перегнувшись через край, протянули ему руки; он вцепился в них мертвой хваткой, и мы потащили его вверх. Но это не так-то легко — рывком выдернуть из воды здорового парня, даже вдвоем! Быстрее, чем мы втаскивали его, из глубины приближалось бледное веретенообразное тело — я видела, оно мчалось, словно шутиха. И все-таки мы почти успели. В тот миг, когда поверхность воды с шумом вспорол бутылкообразный сиреневый нос и раскрылась зубастая пасть, способная без особого труда раскусить аньйо пополам, Тонх уже уперся одним коленом в край настила, а вторую ногу старался задрать как можно выше. Но в этот момент его мокрая рука вдруг соскользнула с моего предплечья, сразу же сорвалось колено — и, хотя я успела перехватить его за запястье, ноги Тонха ухнули прямо в пасть чудовищу.

Однако прежде, чем морьйал успел сомкнуть челюсти, откуда-то сбоку метнулось весло, втыкаясь между зубами у самого основания пасти. Раздался хруст разгрызаемого дерева. Мы с Нэном снова рванули изо всех сил и повалились навзничь; между нами грудью и пузом на стволы шлепнулся Тонх, застонав от боли. Я тоже морщилась — зашибла при падении крылья. Где-то вне поля нашего зрения морьйал с плеском вновь ушел в воду.

— Цел? — спросил Нэн, садясь на плоту.

— Да вроде... — Тонх, как некую диковину, разглядывал собственные ноги, которых

было по-прежнему две, и недоверчиво шевелил пальцами. Цел он был, впрочем, не совсем — чуть выше левой лодыжки сверху и снизу обнаружились две довольно глубокие раны, и кровь, смешиваясь с водой, стекала на мокрые стволы настила.

— Весло из-за тебя потеряли, — сердито сказала Ийхэ. Я взглянула на нее; девушка держала в руках обломок, точнее, огрызок весла (к счастью, пара запасных весел у нас с собой была). Так значит, это она успела сориентироваться быстрее, чем кто-нибудь еще, и проделала то, что требовало ловкости и смелости одновременно! Я с усмешкой оглядела парней; я знала, кое-кто из них был против того, чтобы брать в команду девчонку (я — другое дело, я — богиня, а вот Ийхэ...) Вот так-то, носатики!

Впрочем, посреди открытого моря не стоило заострять противоречия. "Ладно, все хорошо, что хорошо кончается", — сказала я примирительно.

— Ничего еще не кончилось, — хмуро возразил Нэн, указывая на розовые лужицы между стволами. Кровавая вода, несомненно, просачивалась вниз. — Он учуял кровь, теперь он точно не уйдет, — констатировал юноша и добавил: — Возьмите копьё.

Мне не очень понравилась командирская интонация — все же не он был здесь капитаном — но распоряжение было разумным, и я не стала возражать.

Несколько парней ощетинились копьёми в разные стороны, держась за мачту; остальные крепко ухватились одной рукой за борта пирог, готовясь нанести удар оттуда. Я не умела обращаться с копьём, но на всякий случай держала наготове шпагу. Снова потянулось невыносимое, как тонкий звон струны, ожидание. Мы ждали атаки каждую секунду, и все же она пришла неожиданно. Удар пришелся прямо в настил; на сей раз все держались надежно, и никто не упал, но мне не понравился треск, который я услышала. Пожалуй, такими темпами эта туша разнесет корабль... Нгош наугад ткнул копьём в воду — с опозданием и явно без особой надежды на успех; остальные даже не пытались.

— Так мы его не достанем, — мрачно изрек Нэн. — А он нас может.

— Надо его выманить под удар, — сказала я.

— Как? — усмехнулся Нэн. — Есть желающие сунуть ногу в воду?

— Зачем ногу? — возразила я. — У нас еще остался кусок копченого мяса.

— Последний, — напомнил Нгош.

— Корабль у нас тоже последний, — заметила я, снимая крышку с корзины. Нэн насадил мясо на копьё. Выглядел кусок явно скромно для такой здоровой твари.

— Не знаю, любит ли рэтэ-чу копчености... — произнес он с сомнением.

— У нас есть свежая кровь, — напомнил Тонх. Он чувствовал себя виноватым и изо всех сил старался быть полезным. Нэн кивнул и несколько раз провел насаженным на копьё куском мяса по его раненой ноге, затем скомандовал остальным: "Идите сюда и приготовьтесь", указав, что собирается опустить копьё между лодками со стороны кормы, туда же, откуда мы вытащили Тонха. Трое парней встали у края настила, по двое — в каждой пироге; я, Ийхэ (тоже владевшая шпагой лучше, чем копьём) и, по моему настоянию, раненый Тонх остались на плоту за спинами охотников. Нэн опустил наконечник в воду. Я видела, как под коричневой кожей его руки напряглись мускулы, превратившись в сжатую стальную пружину для молниеносного удара.

На сей раз ждать пришлось недолго. Дразнящий запах крови сделал свое дело. Снова из воды взметнулась коническая морда с разинутой пастью, и в эту-то пасть, в самую жадно отверстую глотку, Нэн со всей силы всадил свое оружие вместе с приманкой. Копьё слева вонзилось в белесое сводчатое небо хищника, копьё справа воткнулось в лишенный ноздрей нос (ноздри у морьёйалов на затылке), нгарэйху с пирог тоже нанесли свои удары; звук был такой, как будто палками ударили по туго набитому мокрому мешку. Брызнула кровь; морьёйал издал свистяще-щелкающий звук, мотнул головой влево, сомкнул челюсти, с треском ломая застрявшие в пасти копьё (я успела разглядеть, что еще один каменный наконечник торчит у

него из глаза), и ушел в глубину. Еще несколько секунд мы видели, как он скользит вниз в толще воды; тянувшийся за ним багровый след казался дымом...

Теперь надо было заняться ногой Тонха. Я порезала на полосы часть рубашки Каайле (ту, со спины, которую все равно следовало вырезать, если я собиралась носить эту рубашку сама) и перевязала раны (этому меня отчим тоже научил). Сквозь повязку проступили два пятнышка крови, побольше и поменьше, но дальше они не разрастались, и я решила, что принятых мер достаточно. Тонх говорил, что это все ерунда, что в детстве он как-то рассадил ногу до кости об острый осколок ракушки (и демонстрировал шрам на подошве в качестве доказательства), но я велела ему не хорохориться и не напрягать пострадавшую конечность, пока раны не затянутся. Тем не менее, грести он сел вместе с остальными — ибо все эти события никак не отменяли необходимости продолжать путь на север.

Штиль вынудил нас грести, с периодическими перерывами на отдых, остаток этого дня и весь следующий. Измерив в полдень широту, я получила, что мы находимся между двадцать второй и двадцать четвертой параллелями — не так хорошо, как по идеальному сценарию, но заметно лучше, чем по наихудшему. Я рассчитывала, что мы достигнем земли дня через три-четыре, даже если придется и дальше грести — а если подует ветер, и того быстрее.

И ветер действительно подул. Вот только он был встречный.

Может быть, настоящий моряк на настоящем корабле шел бы галсами и в таких условиях. Даже наверняка. Но нам оставалось лишь свернуть парус, сжать зубы и грести.

Когда на следующий, двенадцатый, день я измерила широту, получилось, что за сутки мы не продвинулись. А с учетом возможной ошибки измерений, может быть, нас даже отнесло назад.

Припасы еды к этому времени уже кончились, мы целиком зависели от рыбной ловли, проходившей с переменным успехом. Я уже не брезговала сырой рыбой, которая оказалась не такой уж плохой на вкус (запах был хуже). Но гораздо хуже было то, что, с учетом потерянного кувшина, у нас на исходе была вода.

Вдобавок ко всему северный ветер нес плохую погоду. По небу проплывали облака и даже тучи, пока, правда, не в таком количестве, чтобы лишить нас возможности ориентироваться. И становилось ощутимо холоднее. Все-таки в северном полушарии была зима, и ветер донес ее зловещее дыхание и до тропиков. Мне-то, всю жизнь прожившей за пятидесятой параллелью, было еще ничего (тем более что у меня была одежда), а вот нгарэйху по ночам мерзли даже под одеялами.

И еще меня беспокоила нога Тонха. Конечно, мгновенно такие раны не заживают, но эти даже не пытались сделать вид, что идут на поправку. Напротив, они воспалились, и лодыжка начала опухать. При движении из них все еще сочилась кровь. Я уже извела на повязки оба рукава рубашки и смирилась с мыслью, что придется извести ее всю, но что толку в простой ткани, к тому же не очень чистой? Вот если бы приложить к ране мазь или целебные травы... увы, у нас не было ничего подобного. Наверное, это была моя вина — мне следовало подумать об аптечке, отправляясь в плавание. Хотя сама я все равно не разбираюсь во всяких снадобьях, пришлось бы просить помощи у Чахи...

Тринадцатый и четырнадцатый дни не принесли перемен к лучшему. Ветер все так же дул в лицо, морщил волны, срывал с весел холодные брызги. Солнце все чаще скрывалось за тучами. Мы активно работали веслами, стараясь согреться, но от этого разыгрывалась жажда, а рацион воды был урезан до минимума. Некоторые нгарэйху уже чихали и кашляли. Спали, сбившись в кучу, чтобы согреть друг друга. Самой лучшей печкой был Тонх, но радоваться тут было нечему: его раны загноились, и у него начался жар. Обычно у дикарей раны заживают лучше, чем у нас, избалованных цивилизацией аньё, но, как видно, все дело было в зубах морьяла. Зубах, между которыми гнили остатки съеденной рыбы. Теперь этот трупный яд отравлял кровь Тонха, и мы ничего не могли поделать.

Я все чаще ловила на себе угрюмые взгляды. Вслух ругать меня никто пока не решался, но я догадывалась, о чем они думают. Вряд ли они ждали от меня чуда; они знали, что море — не стихия Эйя. Но богиня, легкомысленно втянувшая смертных в своих дела и заставившая их бросить дом, друзей и родных ради того, чтобы погибать от жажды, усталости и холода посреди открытого океана — такая богиня явно не пользовалась прежней симпатией. Не решаясь высказать все это мне, они срывали зло друг на друге. Любой пустяк мог послужить поводом к перепалке. "Смотри, куда машешь веслом! Ты меня всего обрызгал, глупый ипу-ипу!" "Ой, поглядите на него! На него попало три капельки, а он уже визжит, как новорожденная девчонка!" "Можно подумать, новорожденные мальчишки визжат тише!" (это уже не могла удержаться Ийхэ). Я старалась мирить их, и они неохотно успокаивались, но в адресованных мне взглядах явственно читалось: "А вот уж ТЫ бы помолчала бы". Кажется, только Нэн и Ийхэ хранили мне верность, несмотря ни на что.

На пятнадцатый день облачность окончательно закрыла небо. Но я велела продолжать грести против ветра (и сама, разумеется, подавала пример, хотя мне все чаще приходилось делать передышки). Во-первых, я была уверена, что ветер остается северным, и что мы заметим, если он существенно сменит направление (дул он замечательно ровно — одно удовольствие идти в такую погоду под парусом, если бы, конечно, нам нужно было на юг). А во-вторых... пусть лучше тратят силы на греблю, чем на ссоры.

Утром шестнадцатого дня воды в последнем кувшине оставалось на доньшке. Буквально по глотку на каждого. Я объявила, что этот глоток откладывается до вечера, а кому невтерпеж, может полоскать рот морской водой. Однако Нгош демонстративно взялся за горло кувшина с явным намерением отпить прямо сейчас.

— Нгош, ты не слышал, что я сказала?

— Слышал, — ответил он. — Но слова не утоляют жажду. И грести я тоже больше не буду.

— Еще как будешь! — угрожающе шагнул к нему Нэн. Я остановила его жестом, надеясь решить дело миром.

— Если мы не будем грести, мы никогда не доберемся до северной земли, — рассудительно заметила я.

— Попроси свою мать-небо, пусть повернет ветер, — пожал плечами Нгош.

— Ветер зависит не только от неба, но и от моря, — возразила я, что, в общем, было правдой. — И если мои слова не утоляют жажду, то и твои не наполняют парус. Так что бери весло.

— Нет.

— Эйя, с ним не так надо говорить! — Нэн вырвал кувшин из рук Нгоша. Тот не ожидал стремительного рывка, но теперь дернулся за отнятым. "Сейчас завяжется драка, и они разольют нашу последнюю воду", — подумала я и выдернула из-за пояса шпагу.

— Отойти от кувшина, Нгош!

Он вновь повернулся ко мне, глаза сощурились, сойдясь на вытянутом в его сторону стальном жале.

— Я тоже умею махать саблей, — сказал он с угрозой.

— И ты осмеливаешься угрожать мне? — я даже растопырила крылья, демонстрируя все превосходство богини над простым смертным.

Нгош молчал, недобро глядя на меня. Нэн стоял слева от него, все еще держа кувшин на весу.

— Эйя! Ребята! — крикнула вдруг Ийхэ. — Берег на горизонте!

Действительно, впереди, в трех румбах левее нашего курса, чернела полоска земли. Ссора сразу была забыта (или, по крайней мере, все сделали вид, что это так). Мы взяли за весла все вдесятером — и Нгош, и даже Тонх, уже два дня как освобожденный от гребли.

Казалось, что наши злоключения наконец-то позади.

Нам пришлось грести против ветра часа четыре (Тонх выбился из сил куда раньше и был уложен отдыхать), прежде чем мы наконец приблизились к берегу. Еще по пути у меня зародились серьезные сомнения, что это Йертаншехе, а теперь стало окончательно ясно, что перед нами остров. Причем небольшой, мили четыре в поперечнике, так что вряд ли здесь могли быть какие-то поселения. С той стороны, откуда мы подплыли, не было ни бухт, ни пляжей — одни лишь угрюмые скалы, о которые разбивались синие-зеленые волны.

— Здесь никого нет, — выразил общую мысль Нгош. — Никого и ничего.

— Тем не менее, нам надо высадиться, — возразила я. — Мы можем найти там воду и пищу.

Мы снова налегли на весла. Пришлось обойти остров по периметру почти целиком, прежде чем отыскалась подходящая каменистая бухточка. В ней было мелко, и большие камни дна, хорошо различимые в прозрачной воде, обильно поросли водорослями, кое-где даже достигавшими поверхности. Бурные лохмы водорослей оставались и на веслах; плыть в этом супе было неприятно, зато вода была совершенно гладкой — мелководье и водоросли гасили волны. Спустя несколько минут мы выбрались на берег, который представлял собой базальтовую плиту, наклонно уходившую в воду. При первых шагах по твердой суше после полутора декад в океане нас качало, это было даже забавно... Тонха оставили лежать в пироге, хотя он порывался идти с нами, говоря, что уже отдохнул и прекрасно себя чувствует — но достаточно было потрогать его пылающий лоб, чтобы убедиться, что это не так. На его распухшую ногу (опухоль распространилась уже вверх и вниз от повязки) и смотреть было страшно, вряд ли он смог бы идти, даже если б я ему разрешила...

На обследование острова у нас ушло около двух часов, хотя все было ясно с самого начала. Всюду нас встречал голый базальт, застывшие потеки лавы, острогранные каменные глыбы, куски ноздреватой вулканической породы. Ни клочка почвы, ни стебелька травы, ни капли пресной воды. Кое-где, впрочем, камни были в частых белых оспинах птичьего помета — как видно, остров служил местом отдыха для перелетных стай. Но следующей такой стаи пришлось бы ждать пару месяцев...

К тому времени, как мы завершили осмотр этого унылого места, дело уже шло к вечеру. Каким бы неприветливым ни был остров, продуваемое северным ветром море выглядело еще неуютнее, и, когда Ййхэ предложила переночевать здесь, все, включая меня, ее тотчас же поддержали. Мы спустились к кораблю и хотели сообщить нерадостные новости Тонху, но тот спал тяжелым, нездоровым сном. Я потрогала покрытый испариной лоб больного (он замычал, но не открыл глаза), потом почти силой влила в его запекшиеся губы пару глотков воды.

Ночевка на твердой земле имела свои несомненные плюсы: мы смогли развести костер, пустив на растопку опустевшие корзины. Прежде, чем стемнело, нгарэйху успели насобирать на прибрежных подводных камнях ракушек. Моллюсков сварили в кувшине, куда налили морскую воду — первая горячая еда с начала путешествия. Впрочем, "сварили" — это громко сказано: корзины сгорели быстро, вода едва успела закипеть. Когда последние угольки потухли, мы все же вернулись спать на корабль — это было теплее, чем ночевать на голых камнях.

Ночью пошел дождь. Не тропический ливень, скорее обычный дождь умеренных широт. Я пробурчала что-то нелестное, разбуженная барабанившими по щеке холодными каплями, и вдруг до меня дошло: это же вода! Пресная вода! Я принялась расталкивать остальных, говоря, что надо как-то собрать эту воду, но они мычали, сонно отбрыкивались и втягивали головы под одеяла. Наконец растормошенный Нэн, зевая, объяснил мне, что кувшины стоят открытые, и сейчас все равно ничего больше не сделаешь, а к утру на острове будут лужи, и вот тогда-то мы пойдем на водопой. Но я не согласилась с его дикарской мудростью. Что значит "не сделаешь"? А парус? Ведь он, свернутый вокруг мачты — почти готовая воронка, которую надо лишь направить в горло кувшина! Чем я и попыталась заняться, правда, без внушительного успеха —

в основном вода стекала по мачте и капала вокруг нее, в кувшин попадало совсем немного. Все же утром пинты две там было.

Вообще, если бы не мысли о воде, пробуждение было бы отвратительным. Вылезать из-под промокшего одеяла в сырое и холодное утро, брррр... Над морем висел туман, а над туманом висели скалы острова, словно бы парившие в этом белом мареве. Прихватив с собой уцелевшие чашки и кувшины, мы отправились на поиски подходящих луж. Пока мы поднимались по наклонной плите, нас не ждало ничего приятного — вода стекла по ровному базальту в море, а тем, что задержалось в небольших пологих впадинах, не напилась бы и йупа. Но дальше, у скал, дела пошли лучше — здесь отыскивались углубления в камне, куда вода стекала со всех сторон. Мы сперва напились сами (могла ли я представить, живя в своем уютном йартнарском доме и читая умные книги, что когда-нибудь буду стоять на четвереньках и с наслаждением пить из лужи?), а затем принялись черпать воду чашками и наполнять кувшины. Всего, облазив практически весь остров, удалось набрать около тридцати пинт. К тому времени было уже за полдень (я опять прозевала момент для измерений, что было совсем непростительно — на твердой земле они вышли бы точнее), и туман полностью рассеялся; небо было в дымке, и солнце, хотя и походившее на яичный желток, плавающий в молоке, все же могло вновь служить нам ориентиром. Я скомандовала отплытие, и вскоре мы навсегда покинули безжизненный берег.

Ветер наконец-то сменился на западный; то, что когда-то воспринималось, как неудача, теперь было благословением. Мы развернули мокрый парус. Правда, ветер теперь был не только не попутным, но и слабым, и мы тащились, как сонный тайул; несколько раз я, потеряв терпение, брала весло, но моему примеру следовали с явной неохотой; сытые и напившиеся, мои спутники уже не считали наше положение отчаянным. Хотя я по-прежнему не знала, насколько далеко до материка, да и Тонху становилось все хуже. Он бредил.

Утром восемнадцатого дня над морем снова поднялся туман, такой густой, что было непонятно, плывем мы или летим. Неубранный парус висел дряблыми складками. Было холодно; даже я, в своем камзоле, штанах и сапогах, сидела, обхватив руками плечи крест-накрест и подтянув колени к груди. Нгарэйху кутались в одеяла, которые, однако, вновь отсырели и приносили не слишком много пользы. То и дело кто-нибудь покашливал или хлюпал носом. Картину дополняло неразборчивое бормотание Тонха. Он все время пытался сбросить с себя одеяло — ему было жарко.

— Оставь его! — неожиданно сказал Нгош, когда Ийхэ в очередной раз укрыла больного. — Если ему не нужно одеяло, отдай мне. Он все равно скоро умрет.

— Нгош, как ты можешь так говорить! — возмутилась девушка.

— Не веришь мне — спроси у Эййэ. Ведь это правда, Эййэ?

Черт бы побрал этого Нгоша! Приемы фехтования он схватывал на лету, и ранайский алфавит выучил одним из первых, но знала бы я, как он себя поведет — ни за что не взяла бы его с собой. Однако теперь требовательные взгляды обратились в мою сторону, и нужно было отвечать. Я не нашла в себе сил соврать что-то успокаивающее. Действительно, решение надо было принимать — я и так слишком долго оттягивала это, надеясь, что мы вот-вот доберемся до колоний и передадим больного в госпиталь.

— Я не врач, — сказала я и, вспомнив, что они еще не учили это ранайское слово, пояснила: — Не жрица, ведающая травы. Но, думаю, Тонх действительно... может умереть. Боюсь, в нынешнем состоянии его может спасти только ампутация.

— Амбу... что?

— Его нога гниет, и ее надо отрезать, — произнесла я уже более твердо. — Тогда яд от раны перестанет отравлять остальное тело. Тонх, конечно, уже не будет ни охотником, ни воином, но в Ранайе это не обязательно.

Какое-то время все молчали, шокированные моими словами. Смерть охотника,

получившего опасную рану — это было в порядке вещей и вполне укладывалось в их головах, но сознательно искалечить собрата по племени? Правда, пятнадцать лет назад их соплеменникам уже доводилось проделывать подобное, чтобы освободиться от цепей...

— Он же умрет, если это сделать, — нарушил, наконец, молчание Нэн. — Кровь вытечет из него. Сыну моего дяди рэтэ-чу откусил ногу, он умер очень быстро.

— Такая опасность есть, — подтвердила я. — Но, если как следует перетянуть ногу, может, удастся этого избежать.

— Чем? От твоей рубашки почти ничего не осталось.

Я вытащила ремень из своих штанов.

— У нас нет топора, — продолжила я, — но есть меч. У кого из вас хватит сил сделать это одним ударом?

Мои спутники нерешительно переглядывались.

— А захочет ли он жить так? — снова усомнился Нэн. — Без ноги?

— Умереть никогда не поздно, — возразила я. — Ну? Может, ты, Нэн? У тебя твердая рука.

— Я готов это сделать, — сказал вдруг Нгош, и, конечно же, добавил: — Если все тут такие слабаки.

— Хорошо, ты сделаешь это, — поспешно подтвердила я, упреждая ответные реплики. — Давайте уложим Тонха на настил.

Мы уложили его с краю, вдоль борта пироги, в которую встал "хирург" — так ему было удобней рубить. Я в последний раз осмотрела ногу больного, морщась от резкого мерзкого запаха. Пожалуй, Нгошу не пригодилось бы одеяло Тонха — оно тоже успело провонять... Опухоль подползала уже к колену, но все же еще не добралась до него; я понадеялась, что достаточно будет перерубить ногу в верхней части голени, и показала Нгошу, куда он должен ударить. Потом туго обмотала и изо всех сил затянула ремень выше этого места.

Нгош поднял меч. Нгарэйху смотрели на него, как зачарованные, но я в последний момент отвела взгляд. Конечно, в обморок бы я не хлопнулась, но — не самое приятное зрелище, знаете ли.

Итак, я отвернулась и посмотрела в сторону моря, машинально отметив, что туман развеивается; появившийся ветерок быстро разгонял его. И в этом редющем тумане не так уж далеко от нас вдруг обозначился стройный силуэт.

— Стойте! — крикнула я.

Нгош натужно гыкнул: ему стоило усилий остановить уже начатый замах. Все же меч замер в воздухе, не коснувшись Тонха. Теперь все глаза устремились туда, куда я показывала.

Туман окончательно растаял в считанные минуты, и теперь мы отчетливо видели трехмачтовую баркентину, шедшую в нашем направлении, хотя и не прямо на нас; ее курс пролегал локтях в двухстах правее, а расстояние до нее в тот момент было где-то вдвое больше. Пока я не видела ее флага, но — какая разница? Серебро принимают в любой стране! Тут же, впрочем, я напомнила себе, что судно может оказаться и пиратским. Однако, решила я, если что-то в этом корабле покажется мне подозрительным, мы уйдем от него на веслах против ветра. Конечно, в погоню могут выслать шлюпки, опять же, пушечные ядра летят далеко, но вряд ли пираты на таком хорошем корабле станут напрягаться ради такой маленькой и хлипкой скорлупки, как наша.

Я скомандовала свернуть парус — при этом ветре он только мешал — и грести, не выкладываясь, навстречу баркентине. Не кричать, руками не махать и вообще соблюдать достоинство. Те, что на борту, не должны догадываться о нашем бедственном положении.

Сама я нахлобучила шляпу, вновь вдела в брюки ремень и засунула за него шпагу. Плохо, конечно, что нет ножен, но что поделаешь... Камзол и шляпа имели, разумеется, жалкий вид, но я надеялась, что издали это не так заметно. Камзол к тому же был мне явно велик, но это

было даже хорошо — я помнила прошлые уроки и не хотела, чтобы экипаж баркентины догадался о моей крылатости.

Вскоре я уже различила цвета вымпела над грот-мачтой — это были цвета ранайского торгового флота. Само по себе это ничего не значило — вопреки фантазиям романистов, у пиратов нет своего флага, они всегда поднимают цвета мирных судов, чтобы их не раскусили раньше времени — но не слишком мощное пушечное вооружение, в частности, отсутствие носовой батареи, подтверждало, что это торговый, а не боевой корабль. Затем я разглядела и буквы на носу — баркентина называлась "Королева морей".

На "Королеве" нас наверняка уже заметили, но продолжали идти прежним курсом. Оно и понятно — слишком много чести сворачивать ради такого суденышка, тем более что мы и так плыли к ним... Наконец мы подошли практически к самому борту. Сверху, перегибаясь через фальшборт, на нас уже смотрели дюжины две матросов — кто-то просто пялился, кто-то показывал пальцем, кто-то непочтительно ржал. Зрелище мы и впрямь представляли колоритное — какая-то жуткая тростниковая конструкция с черным кожаным парусом, а на ней — девять полуголых туземцев, некоторые из которых, однако, вооружены стальными саблями, и во главе них — светлокожий аньо в камзоле и четырехуголке. В ответ на сыпавшиеся сверху недоуменные возгласы и насмешки я хранила гордое молчание, показывая, что с этим сбродом мне говорить не о чем. Мои спутники продолжали грести, чтобы держаться рядом с баркентиной.

Наконец, властно раздвинув подчиненных, показался капитан. Он был лыс, круглолиц и изрядно упитан; пальцы рук, ухватившихся за фальшборт, походили на сардельки. Пышный, но засаленный кружевной воротник давно тосковал по стирке. Тем не менее, серьги в обоих ушах свидетельствовали, что за плечами у капитана "Королевы" — две кругосветки.

— Приветствую, сударь, — я небрежно махнула шляпой. — Вы не подскажете наши координаты? Дело в том, что я испытываю недостаток в точных навигационных приборах.

— Двадцать седьмой градус северной широты и девятый — западной долготы, — ответил он с усмешкой. Голос у него был низкий и рокочущий, словно ему нужно было прочистить горло.

Двадцать седьмой градус! Я и не предполагала, что мы забрались так далеко на север. Видимо, мои измерения и расчеты были все же слишком неточными... Но значение долготы мне мало о чем говорило. Без карты я не могла определить, близко мы к Йертаншехе или нет. Кажется, девятый — это все-таки слишком далеко к востоку...

— А каково расстояние до ближайшего порта? — продолжала я тоном светской беседы.

— Примерно пятьсот сорок миль на запад-северо-запад.

От него, разумеется, не укрылось, как вытянулась моя физиономия.

— Кажется, вы с вашими коричневыми друзьями немного заплутали, так? — он продолжал усмехаться. — Рассчитывали вернуться домой к ужину?

— Не забывайте, что смех — дорогое удовольствие, — холодно осадил его я. — За него приходится платить.

— В самом деле?

— Разумеется. В данном случае вы платите полновесными серебряными йонками, которые могли бы переключиться из моего кармана в ваш, если бы я и мои друзья воспользовались вашим кораблем. Но, разумеется, мы не поднимаемся на борт судна, где к нам не проявляют должного уважения, — видя, что последний тезис он явно не воспринимает всерьез, я добавила: — Мы уже проплыли больше тысячи миль и можем проплыть еще столько же. Так что, если вам не нужны деньги, то спасибо за координаты и прощайте.

К моей радости, среди моих спутников никто не оказался настолько простодушным, чтобы поверить в мою решимость, испугаться и сорвать весь блеф (а может, они просто не настолько еще понимали беглую ранайскую речь).

— Не надо пороть горячку, — примирительно изрек капитан. — Даже если бы у вас не было денег, с моей стороны было бы преступно бросить вас посреди океана на этой плетеной корзинке. Но если вы способны оплатить проезд — тем лучше. Сейчас вам спустят шторм-трап.

Через борт полетела веревочная лестница, разматываясь на ходу и стуча дощечками ступенек.

— У нас один больной, — предупредила я, — он не сможет подняться сам.

— Он заразен? — нахмурился капитан.

— Нет, но у него серьезно повреждена нога и... это похоже на гангрену. У вас на судне есть врач?

Капитан переглянулся с кем-то на борту.

— Да, — сказал он, — у нас есть врач. Мы спустим сеть для вашего больного.

Они действительно спустили сеть на четырех веревках по углам — что-то вроде большого гамака или кокона. Мы осторожно уложили туда Тонха, и его втащили наверх. Следом по трапу поднялась я (надо сказать, что взбираться по веревочной лестнице, держа в одной руке тяжелый саквояж с деньгами, вовсе не такое простое занятие — хорошо хоть, что море было спокойным).

— Господи Вершитель, Обличитель и Заступник! — изумленно пробормотал капитан, едва я перелезла через борт. — Девчонка!

Выходит, до сих пор он думал, что разговаривает с юношей! Конечно, на мне был мужской камзол, и тень от шляпы падала на лицо... и все же на несколько секунд я шляпу снимала; удивительно, как можно было не заметить мой нос. Должно быть, мысль о том, что девушка может командовать кораблем, пусть даже "плетеной корзинкой", была для капитана настолько невозможной, что мозг просто отказался воспринять информацию, которую передали глаза.

— Йерка Лаарен, к вашим услугам, — я, не выпуская из левой руки саквояж, демонстративно отсалютовала ему шпагой. Именно потому, что это была шпага моего родного отца, на сей раз мне захотелось назваться его фамилией — хотя, если капитан вдруг был в курсе моих отношений с губернатором Лланкеры, некоторый риск в этом был. Но эта фамилия ничего ему не сказала.

— Вы не могли бы убрать ваше оружие? — поморщился он. — У нас, как видите, мирное судно... (Действительно, у толпившихся на палубе матросов я почти не заметила оружия — лишь у нескольких за поясом торчали ножи; из-за кушака капитана, однако, выглядывала, словно змеиная голова, рукоятка пистолета). И мне бы не хотелось пускать на палубу вооруженных дикарей.

— То, что они туземцы, еще не значит, что они дикари, — возразила я. — Вряд ли хоть один из ваших матросов знает математику так, как они.

— Хорошо, хорошо, — нетерпеливо закивал капитан, — но все же, не могли бы они оставить свое оружие? Мои матросы, может быть, не так хорошо знают математику, зато они знают туземцев. Мы потеряли шестерых аньйо на островах. Кстати, откуда у ваших математиков мечи и сабли цивилизованных аньйо?

— Выловили в бухте, где затонул мой корабль, — ответила я, упреждая дальнейшие расспросы. — Послушайте, капитан, экипаж такого судна, как ваше, минимум впятеро больше моего, и ваши аньйо не похожи на слабосильных трусов (добавила я не без умысла). В любом случае, я гарантирую вам безопасность со стороны моих друзей.

В этот момент над бортом появилась кудрявая голова Нэна. Шпагу он держал в зубах, закусив возле эфеса, и вид у него был самый разбойничий. Кто-то из матросов многозначительно хмыкнул. Я боялась, что капитан упрется и откажется пускать нгарэйху на корабль, пока те не разоружатся, но он лишь поморщился:

— Ладно, пусть сохраняют эти железки, раз они им так дороги, но никто из них не должен

показываться с оружием на палубе. Если хоть один это сделает, мы будем расценивать это, как нападение.

— Хорошо, — согласилась я и, обернувшись к Нэну, который уже спрыгнул на палубу, изложила капитанское условие на той нгарэйху-ранайской смеси, на которой мы общались. Тот оскалил зубы и завращал глазами, изображая стр-р-рашного дикаря, мечтающего съесть печень капитана сырой. Я велела ему не валять дурака и вновь повернулась к капитану:

— У вас найдутся для них свободные каюты? Я не требую каждому индивидуальную, им, наоборот, будет веселее вместе, но мои спутники должны быть размещены со всем возможным комфортом.

— Об этом можете не беспокоиться, — улыбнулся капитан. — Сейчас их проводят. А я покажу вам вашу, и мы заодно обсудим финансовые вопросы.

Я бросила через борт последний взгляд на свой кораблик, что ни говори, а с честью выдержавший нелегкое плавание, и двинулась следом за капитаном. Миновав расступившихся моряков, я, однако, увидела Тонха, который все еще лежал на палубе.

— В чем дело, капитан? Почему больной до сих пор не в лазарете?

— Безобразие, — кивнул капитан. — Эй вы там, олухи! Слышали, что сказала эта юная дама? Ну-ка займитесь им, да повежливей!

Двое матросов склонились над Тонхом, и я, успокоенная, пошла дальше на корму за своим провожатым.

Каюта, куда он меня привел, была небольшая, но довольно уютная. Помимо кровати и полированного шкафа, в ней были круглый столик и два стула с изящно выгнутыми спинками. Круглый иллюминатор в медной оправе задерживался шторкой. Капитан приглашающе указал мне на стул, стоявший ближе к иллюминатору, и неторопливо, как делают толстые аньо, опустился на другой, приставив его с противоположной стороны стола.

— Куда идет ваше судно? — я предпочла сразу перейти к делу.

— Это зависит от многих причин, — туманно ответил шкипер. — Морские ветры переменчивы, как и судьба торговца. А вы желаете попасть в какую-то из ранайских колоний?

— Я направлялась туда, но лишь затем, чтобы посадить моих друзей на корабль до Ранайи. А самой мне нужно на западное побережье Гантру.

— Так в Ранайу или в Гантру? — усмехнулся капитан.

— Сначала в Гантру, потом в Ранайу, — решила я. В Гантру моим подопечным делать было нечего — гантрусы, с их кастовой системой, вряд ли относились к темнокожим лучше, чем к крылатым. — Я оплачу вам оба рейса.

— "Королева морей" — не рыбацкая шхуна, — заметил он, — наши рейсы стоят недешево. И плату я беру только наличными.

— У меня есть деньги.

— Мне кажется, самое время на них взглянуть. Они здесь, не так ли? — он указал на саквояж. В самом деле, большой догадливости тут не требовалось. Я открыла саквояж (от внимания капитана наверняка не укрылись перерезанные ремни). Он взял одну монету, повертел, попробовал на зуб, положил обратно.

— Здесь около двух тысяч, — определил он наметанным глазом.

У меня мелькнула мысль, не занижить ли эту сумму, соврав, что деньги лежат только сверху, но я сочла, что это бессмысленно — если капитан порядочен, мне нечего скрывать, а если нет, он все равно сможет проверить.

— Да, — коротко подтвердила я.

— Могу я узнать, откуда у столь юной особы такая сумма?

— Это наши семейные деньги, которые мне удалось спасти при крушении. (И куда только девалась моя врожденная правдивость?)

— Я верно понимаю, что ваши родные погибли?

— Да, — на сей раз мне почти не пришлось врать, — мой отец, капитан Лаарен. (На самом деле, конечно, он вряд ли был хотя бы первым помощником, но я решила, что капитан "Королевы" скорее захочет помочь дочери коллеги.)

— Что ж, это весьма печально. Так или иначе, я готов доставить вас на запад Гантру, скажем, за пятьсот йонков. Разумеется, я запросил бы куда меньше, если бы нам было по пути. Но нам нечего делать в Гантру, поэтому вам придется уплатить не за место в каюте, а за фрахт целого корабля.

Так я и знала! Как только он отказался назвать их пункт назначения, я поняла, чем все кончится! Не то чтобы мне было так уж жалко денег для себя — я ведь надеялась улететь туда, где ранайские йонки не имеют никакой ценности — но моим нгарэйху в Ранайе начальный капитал очень бы пригодился.

— Я передумала, — холодно изрекла я. — Высадите нас в ближайшем порту, а там мы сами найдем суда, которым с нами по пути.

В этот момент до моего слуха донесся какой-то шум снаружи. Вроде бы крик и звон металла.

— Что там такое? — напряглась я, кладя руку на эфес.

— Где? — удивился капитан. — Я ничего не слышал.

Но в следующее же мгновение распахнулась дверь. На пороге стоял матрос в окровавленной безрукавке и с саблей в руке.

— Капитан, они... — он осекся, увидев меня, а может быть, открытый саквояж. И в наступившей на миг тишине раздался полный отчаяния крик: "Эйэ!"

Кричала Ййхе. Я вскочила и выхватила шпагу. Мне хотелось бы сказать "мгновенно выхватила", но увы — выдергивать ее из-за пояса не столь удобно, как из ножен. Когда я завершила это движение, в лицо мне уже через стол смотрел пистолет капитана. Когда надо, он действовал с поразительным для его комплекции проворством.

— Не дергайся, девочка. Брось свою ковырялку, или я убью тебя.

Если бы он сказал "я вышибу тебе мозги", или "в твоей голове будет новая дырка", или что-нибудь еще позаковыристей — я бы, может, и сочла это пустой угрозой. Но эта спокойная констатация — "я убью тебя" — убедила меня, что он так и сделает.

Матрос с саблей загораживал выход, и рана его, похоже, была пустяковой царапиной. Да и не успела бы я выскочить, даже будь путь свободным. Пришлось бы пробежать мимо капитана, а с такого расстояния невозможно промахнуться. И стол на врага не опрокинешь — ножки привинчены к полу, как часто делают на кораблях...

Я разжала пальцы, позволив шпаге упасть.

— Хорошая девочка, — кивнул капитан. — Теперь подними руки и подойди к двери.

Мне пришлось исполнить и это. Матрос глумливо ухмылялся мне в лицо, направив острие сабли в мою сторону.

— Сейчас мы немного прогуляемся, — сообщил капитан. — Кажется, твои друзья пытаются создать нам проблему, вот ты и поможешь ее решить. Вы попытались их разоружить, и вам не удалось, так? — голосом, предвещавшим мало хорошего, спросил он матроса.

— Это все первый помощник, капитан. Он сказал...

— Кретины! Напоить и взять тепленькими, что может быть проще? Нет, вам надо обязательно устраивать побоище и портить товар!

— Первый помощник сказал, мы не можем позволить им шнырять по кораблю... Тем более, если у них будет оружие...

— Ладно, с ним я еще разберусь! Любой убыток вычту у него из жалования, и в тройном размере, чтоб неповадно было! А ты иди вперед, и не забывай — одно резкое движение, и я стреляю! — последнее, очевидно, относилось ко мне. Матрос уступил дорогу.

Мы вышли на палубу. За несколько минут ситуация там радикально изменилась.

Нгарэйху стояли в центре, сгрудившись вокруг грот-мачты и оцетинившись во все стороны клинками и копьями. Их окружали матросы, не менее трех дюжин, вооруженные саблями. У нескольких моряков, выстроившихся полукругом справа, были мушкеты; они держали аборигенов на прицеле, но не стреляли. Один из матросов сидел в стороне на бухте каната, прижимая руку к правому боку; между пальцами сочилась кровь. Еще один, разорвав безрукавку, озабоченно осматривал окровавленное голое плечо.

— Сейчас ты скажешь им, чтобы положили оружие и не сопротивлялись, — напутствовал меня капитан. — Если они это сделают, вы все будете жить. Если нет, мы застрелим сначала тебя, потом их. Ты ведь понимаешь, что других вариантов нет? Отвечай, понимаешь?

— Да, — хрипло сказала я.

— Отлично. Постарайся быть убедительной.

Мои ученики смотрели на меня с надеждой. Они не понимали, что значит наставленный на меня пистолет, не понимали, что я тоже пленница. Как можно взять в плен богиню? Когда-то подобное удалось Шушу, но он тоже был богом, да и то потребовалась помощь стихий, его родителей... А тут просто светлокожие аньйо, которых смогли одолеть простые нгарэйху!

— Друзья, — сказала я, чувствуя, что мой голос дрожит. — Мы в большой беде. Нас предали. Эти аньйо — такие же, как и на корабле, приплывшем на ваш остров пятнадцать лет назад. У них оружие, против которого клинки бессильны. Если вы не сдадитесь, нас всех убьют. И меня тоже.

— Нет, Эйэй! — в отчаянье воскликнул Нэн. — Ты же не можешь умереть!

— Могу, Нэн, — покачала головой я. — Увы, очень даже могу.

Я хотела добавить, что на самом деле я никакая не дочь неба и солнца, а такая же аньйо, как они — но не сказала этого. Потому что... потому что боялась, что тогда они меня не послушают. А мне очень хотелось жить.

— Эйэй, одно твоё слово — и мы будем драться, как ты нас учила!

— Нет, Нэн. Это безнадежно.

Они молчали, и я почувствовала, как к моему виску прижимается дуло пистолета. Я даже не могу сказать, что испугалась. Меня охватило ощущение нереальности происходящего. Казалось, я просто должна отыграть некий ритуал, а потом все будет хорошо.

— Только ради тебя, Эйэй, — сказал Нэн, швыряя шпагу на палубу.

За ним еще двое нехотя бросили копья. И тут Нгош, издав боевой клич, ринулся вперед, размахивая мечом. Двое матросов в ужасе шарахнулись. В тот же миг грохнул выстрел.

Лоб и волосы юноши превратились в кровавое месиво, и он рухнул навзничь, выронив меч. Тот воткнулся в доски палубы и закачался из стороны в сторону.

Ийхэ с плачем упала на колени. Остальные нгарэйху побросали оружие.

— Отлично, парни, теперь давайте их в трюм к остальным, — распорядился долговязый тип в офицерском костюме, должно быть, тот самый первый помощник. Кто-то из матросов уже открыл люк в палубе.

— Скажи им, чтоб спускались по одному, — приказал капитан.

Я сказала.

Хотелось бы мне забыть взгляды, которые они бросали на меня, прежде чем скрыться в темном чреве баркентины... Но я не решилась отвернуться, пока люк закрылся за последним из них. Тут до моего слуха донесся стон; я повернула голову и увидела Тонха, по-прежнему лежавшего у борта. Капитан тоже скосил глаза в ту сторону, не сводя с меня пистолета.

— Вышвырните эту падаль за борт, олухи, — брюзгливо распорядился он. — Сами не могли догадаться, что нам не нужен одноногий?

— Ты ответишь за это, поганый пират, — процедила я. — Ты будешь болтаться на рее!

— Кто говорит о пиратстве? — вздернул брови капитан. — Я — честный торговец, а

рабы — такой же товар, как и любой другой.

— Рабство отменено и в Ранайе, и в Илсудруме!

— Только в самих метрополиях. И потом, помимо них на свете есть немало стран. Где за молодых, сильных и здоровых аньйо дают хорошую цену.

Раздался двойной всплеск — матросы выбросили в море Тонха и тело Нгоша. Ярость перехватывала мне горло, но я понимала, что бранью и угрозами не добьюсь ничего хорошего.

— Что ты собираешься делать со мной? — холодно спросила я.

— Тебя я тоже продам, — равнодушно сообщил он. — И, кстати, ты должна говорить мне "вы".

— Ты... — я вновь совладала с собой, — вы не смеете! Я — ранайская гражданка!

— И что с того? Если то, что ты мне рассказала — правда, значит, в Ранайе у тебя никого не осталось. Во всяком случае, никого, кто мог и хотел бы о тебе позаботиться. Иначе после гибели отца ты не отправилась бы одна в Гантру с семейными деньгами, даже не попытавшись навестить Ранайу. А если ты, как я подозреваю, наврала мне, то, скорее всего, ты просто украла эти деньги и пыталась бежать с ними. Так что если на родине кто тебя и ждет, то лишь затем, чтобы отправить за решетку. В любом случае, вступить за тебя некому, да и вообще, для всех ты погибла в море.

Я подавленно молчала, не зная, что сказать. Тем временем несколько матросов обступили меня и, ухмыляясь, разглядывали. Подошел и первый помощник.

— Как думаете, где лучше ее продать? — спросил у него капитан, словно я была неодушевленным предметом.

— Для плантации она, пожалуй, мелковата, — ответил тот, оценивающе оглядывая меня с головы до ног. — Эй, ты что-нибудь умеешь? Ну там шить или готовить как следует?

— Нет, — мстительно ответила я. — Но если кому-то нужна рабыня, чтобы поговорить о философии Йирклойа, везите меня прямо туда. Вам объяснить, кто такой Йирклой?

— Ишь, хорохорится, — усмехнулся капитан почти дружелюбно. — Ну ничего, гонор-то из нее быстро выбьют.

— Пожалуй, в брачный сезон за нее бы дали неплохие деньги, — подытожил свой осмотр помощник. У меня все похолодело внутри от такой перспективы.

— До брачного сезона еще три с лишним месяца, — проворчал капитан. — Да и потом, какая-то она вроде сутулая... хотя в этом камзоле не поймешь. Ну-ка раздевайся, покажись нам во всей красе.

Я не двинулась. На какой-то миг мне стало все равно: пусть стреляет. Впрочем, в глубине души я уже поняла, что он слишком жаден, чтобы убить меня и лишиться денег.

Сразу двое сильных матросов грубо схватили меня за плечи и стали срывать камзол. Вырванные с мясом крючки веером брызнули на палубу. А потом... ну вы сами понимаете, что они все увидели.

Представьте себе, среди изумленных восклицаний я не услышала ругани в свой адрес. Для них я была не порождением дьявола, а источником дохода. Впрочем, они бы, наверное, рады были и дьяволу, если бы рассчитывали выручить за него деньги.

— Боже карающий и милующий, никогда такого не видел, — резюмировал капитан. — Ну что ж, теперь я знаю, где нам за нее дадут наилучшую цену. Отвезем ее на Ктито принцессе Анкахе. Она таких любит.

Поглазеть на меня собрался весь экипаж, и неизвестно, сколько бы мне пришлось стоять на палубе, утоляя их любопытство (кто-то уже тыкал меня концом сабли, требуя, чтобы я помахала крыльями), но тут отходивший куда-то капитан вернулся и гаркнул: "Ветер меняется, бездельники! Ну-ка живо за работу!" Моряки побежали по своим местам. Я подобрала валявшийся на палубе камзол и набросила на плечи. Мне никто не препятствовал, но уже в следующий момент подошел здоровенный детина с кандалами в руках. Мне сковали запястья

довольно длинной, но ужасно тяжелой цепью; вздумай я броситься с ней за борт, она бы утащила меня на дно. Поднять руки я могла, хотя это и требовало усилий.

— Сегодня чертовски удачный день, — разглагольствовал капитан. — В благодарность за прибыль, которую ты мне принесешь, я не отправлю тебя в трюм к остальным. Мы же все-таки цивилизованные аньо. Ты продолжишь путь в той же каюте, что я тебе показывал. Но, разумеется, при условии, что ты будешь вести себя хорошо. Иначе живо окажешься на одной цепи с дикарями.

Прежде, чем отправить меня в каюту, он обыскал мои карманы и, конечно же, забрал все их содержимое — довольно хмыкнув, когда в его руках оказались гантрусские векселя, и недоуменно осмотрев шифрованное письмо. "Это что еще за чертовщина?" — он помахал письмом перед моим носом. "Не знаю, это принадлежало хозяину камзола", — ответила я. Он поверил — должно быть, решил, что, если бы я знала какую-то ценную тайну, то сама попыталась бы выторговать в обмен на нее свободу.

— Теперь ступай, — велел он мне, даже не приставив никакого конвоира — действительно, куда бы я делась с этой плавучей тюрьмы? Шагая в сторону каюты, я припомнила, что такое Ктито. Маленькое островное государство вблизи южного тропика, между Инйалгдаром и Глар-Цу, ближе к первому, но явно западнее девятого градуса долготы — а значит, какое-никакое, но продвижение к моей цели... Да, представьте себе, даже и в этом положении я не забыла о своей мечте. И тут же мне пришла в голову гениальная мысль, и я обернулась к капитану, рассеянному смотревшему мне вслед.

— Я знаю, кто даст вам за меня самую хорошую цену! Пришельцы со звезд! Отвезите меня к ним, на остров у западного побережья Гантру, и вы не пожалеете!

— Совсем рехнулась девка, — изрек первый помощник.

— Ступай-ступай, — поморщился капитан, — не пудри мне мозги, я этого не люблю.

Видя раздражение в его взгляде, я не решилась настаивать. Я вошла в каюту (саквояжа, естественно, уже не было) и села на кровать. Через минуту в двери повернулся ключ и клацнул замок.

Первые дни плена я провела в самой черной депрессии. Я перестала следить за датами и лишь как-то рассеянno подумала, что мой день рождения, должно быть, уже прошел. А ведь это был мой пятнадцатый, я стала совершеннолетней и обрела все права... Не очень-то много от этого проку, когда сидишь в кандалах под замком!

Казалось, ничего хуже и быть не может, хотя задним числом я понимаю, что обращались со мной вполне сносно: кормили прилично, и два раза в день, утром и вечером, я могла выходить из каюты. Цепь была единственным серьезным неудобством (не считая, конечно, самого факта лишения свободы), да и та, как я понимаю, была мерой предосторожности, а не средством преднамеренного унижения. Поначалу я обдумывала, нельзя ли обратить эту "меру предосторожности" против моих тюремщиков — у меня бы вполне хватило сил ударить кого-нибудь цепью по голове, и мало бы тому не показалось — но в конце концов я поняла, что это бесполезно. Все равно бежать с корабля некуда, а со всей командой, даже завладей я огнестрельным оружием, мне не справиться.

Несколько дней я ждала бунта рабов, может быть, даже пожара и гибели судна. Ведь мои нгарэйху знали историю, случившуюся пятнадцать лет назад... Но, может быть, на "Королеве морей" рабов сковывали более основательно, чем на корабле моего родного отца, а может, они просто не решились на членовредительство, за что их трудно осудить. Тем более что здесь, вдали от берегов родного острова, это все равно означало практически гарантированную смерть.

Затем, однако, мои мысли приняли более оптимистичное направление. Меня собираются продать какой-то принцессе — это гораздо лучше, чем плантация, не говоря уже о потных лапах какого-нибудь похотливого маньяка, которыми становится большинство мужчин в брачный сезон. Если моей хозяйкой будет девушка, с ней мне куда вернее удастся найти общий язык.

Если я расскажу ей о своей мечте... может быть, мне удастся уговорить ее отпустить меня. Тем более что, раз она принцесса, в деньгах у нее недостатка нет, и она вполне может позволить себе такую щедрость. К тому же капитан сказал, что она любит таких, как я... Может быть, она вообще специально выкупает попавших в беду крылатых? Почему бы и нет — вдруг она сама родилась крылатой (но ей, конечно, сразу сделали операцию), или крылатые были среди ее близких... Тогда (продолжала мечтать я), возможно, я смогу упросить ее выкупить и моих нгарэйху, если, конечно, их тоже продадут на Ктито...

В последнем я не была уверена, так как по пути баркентина дважды останавливалась в каких-то портах — как я понимаю, это были островные колонии. Каждый раз я думала, что это уже Ктито, но ошибалась. Одна стоянка длилась два, другая — три дня, и оба раза я была заперта в каюте безвылазно. Перед заходом в порт мне оставляли увеличенный запас пищи и воды, и после этого дверь уже никто не открывал, пока судно вновь не выходило в открытое море. Иллюминатор, естественно, был наглухо задраен, я обломала все ногти, тщетно пытаюсь отвернуть хоть один болт... Это было ужасно — видеть совсем рядом свободу, волноломы и пирсы, лодки, спующие по акватории порта, купающихся и рыбачащих мальчишек, прогуливающих колонистов, грузчиков, волокущих тюки... и не мочь ничего сделать. К тому же в запертой каюте стояла жуткая жара и духота, и... ну вы понимаете, нужду приходилось справлять в ведро, и, хоть оно и закрывалось крышкой... Впрочем, напоминала я себе, рабам в трюме гораздо хуже. Но и этой мыслью трудно было утешаться, ибо семеро из них оказались там по моей вине.

Но вот корабль (насколько я могла судить из иллюминатора) взял стабильный курс на юг, и я поняла, что следующей остановкой уж точно будет Ктито. Других портов посреди океана в этом направлении просто не было.

Баркентина прибыла на Ктито спустя семнадцать дней. Еще пару часов после швартовки корабля я провела взаперти, а потом за мной пришли. В сопровождении двух рослых матросов я спустилась по сходням на причал, где меня уже поджидал капитан, восседавший в носилках под балдахин. Длинные деревянные ручки носилок лежали на плечах четверых полуголых мускулистых рабов — то, что это не свободные слуги, ясно было по металлическим ошейникам. Учитывая вес капитана, я им искренне посочувствовала. Лишь двое рабов были северянами, а двое других — светлокожими. Еще одна четверка носильщиков стояла вокруг большого сундука, готовясь поднять его за ручки. Это были уже не рабы, а матросы с корабля; переноску товара капитан не доверил чужим. Четверо их товарищей с саблями скучали рядом; это был вооруженный эскорт. Я крутила головой, высматривая моих нгарэйху, но их нигде не было. Если их и собирались продать здесь, то, видимо, отдельно от меня и содержимого сундука.

Один из матросов, приведших меня, достал толстую веревку длиной в пару локтей и привязал один ее конец к середине моей цепи, а другой — к своему поясу. "Вперед", — велел капитан, и вся процессия двинулась сквозь сутолоку порта в город.

Несмотря на всю незавидность своего положения, я с любопытством осматривалась по сторонам. Остров был, несомненно, вулканического происхождения; морщинистый центральный конус возвышался над ним на добрую тысячу локтей, и над срезанной верхушкой курился сизый дымок. Впрочем, сновавшие вокруг местные жители и приезжие не уделяли дымку никакого внимания, так что я поняла, что здесь это дело привычное. Да и сам вулкан не выглядел особенно грозно; его суровые каменные морщины были оголены лишь вблизи кратера, где склоны вздымались практически отвесно, а ниже гору одевал нарядный зеленый бархат лугов, кустарников и рощ. На темно-зеленом фоне дикорастущей зелени выделялись яркие заплатки плантаций винных ягод. Еще ниже, у подножия, белели домики многочисленных селений. Город ("Тала? Тлаха? Тхана!" — вспомнила я название столицы острова) спускался от подножия вулкана к морю, по пути неоднократно переползая через холмы и впадины, и в нем, похоже, не было ни одной горизонтальной улочки. Мало того, что улицы скакали вверх-вниз,

как горные йимпаны, они еще и извивались во все стороны, как змеи, так что я быстро поняла, почему здесь отдают предпочтение носилкам, а не запряженным тйорлами повозкам (некоторые улочки и вовсе представляли собой лестницы). Впрочем, в центральном районе дороги все же были попрямее и пошире, и выложены не булыжником, а мрамором, который, очевидно, добывали где-то здесь же на острове. В центре почти совсем не было зелени, и повсеместный белый мрамор плит и колонн так сверкал на летнем (язык не поворачивается назвать его осенним) тропическом солнце, что с непривычки болели глаза. У меня возникло впечатление, что колонна была любимым элементом местных архитекторов, и они соревновались, кто настроит их больше. Несомненно, все дома в центральной части Тханы принадлежали знати и богачам, но публика на улицах кишела самая разная, не исключая многочисленных оборванцев, так что матросы с саблями, охранявшие капитана и его товар, явно были не лишними.

Я рассматривала толпу не только из любопытства, но и из прагматических целей: пожалуй, если бы мне удалось как-то отвязать или перерезать веревку, в этой толчее легко затеряться... Точнее, оторваться от преследователей — попробуй-ка затеряйся, когда у тебя на руках болтается и звенит такое украшение! Оставалось полагаться исключительно на милость местных жителей, но у меня возникли большие сомнения, что они станут помогать беглой рабыне. Объясниться с ними я, положим, смогла бы — по долетавшим до меня обрывкам разговоров я поняла, что на Ктито говорят на каком-то из современных диалектов кйарохского; кажется, в древности остров был кйарохской колонией. Но что толку? Богатые предпочитают вернуть меня хозяину из классовой солидарности (они тут, наверное, все рабовладельцы), бедные — в надежде на награду. Мне же, в свою очередь, предложить им совершенно нечего. Ладно, положусь лучше на просвещенность и милосердие принцессы... тем более что и веревку перерезать нечем, а отвязать на глазах у нескольких матросов — нереально.

Местные, в свою очередь, практически не обращали на меня внимания. Камзол по-прежнему прикрывал самую впечатляющую деталь моей внешности, а просто рабов и рабынь они здесь навидались предостаточно, в том числе и в довольно необычных нарядах. Сами они в таком климате не носили не то что камзолов, но и штанов — и мужчины, и женщины обходились легкими накидками без застежек (респектабельные анью их закалывали, те, что попроще — завязывали узлами) и юбками чуть выше колен. Впрочем, в одной из книг я прочитала, что появлением штанов мы обязаны не столько даже холодному климату, сколько верховой езде, и у тех народов, где мужчинам приходилось ездить чаще, чем женщинам, брюки стали преимущественно мужской одеждой...

Вдалеке уже был виден дворец (судя по количеству колонн, ничем другим это здание быть не могло), как вдруг земля качнулась у меня под ногами. В первый миг у меня мелькнуло мысль, что это мне напекло голову. Но нет, пошатнулись и прохожие, кто-то оступился, кто-то взмахнул руками, а один из матросов, несших сундук, выронил свою ношу. Остальные трое не удержали массивный груз, и сундук тяжело грянулся углом о мраморную мостовую, а потом завалился набок, и замок, не выдержав удара, позволил крышке откинуться.

На мостовую вывалились тонкие разноцветные ткани, звякнули, сверкнув серебром, какие-то украшения, застучал гранями, перекатываясь по мрамору, хрустальный флакон, который каким-то чудом не разбился, но лишился стеклянной пробки, и от оставшейся за ним дорожки бесцветной жидкости начал распространяться приторный аромат... Какой-то уличный попрошайка, мгновенно сориентировавшись, шмыгнул к сундуку, нацелившись подхватить серебряный браслет, но капитан, с проклятиями выпрыгнувший из носилок, огрел его жирным кулаком по костлявой спине. В следующий миг в руках у капитана уже был пистолет, а четверо матросов, размахивая саблями, разгоняли оборванцев, слетавшихся со всех сторон, словно йуввы на падаль.

Капитан ругался последними словами, особенно понося неловкого матроса и его родных в нескольких прошлых и будущих поколениях, ну а заодно и его товарищей, но в перерывах

между потоками брани успевал и отдавать приказания по делу. Он велел уронившим сундук укладывать вещи обратно, "да поаккуратней, болваны криворукие!", а остальным шести (включая, соответственно, и того, к чьему поясу я была привязана) держать оборону. При этом сам капитан зыркал страшными глазами то на толпу, то на своих подчиненных, следя, чтобы они тоже что-нибудь не прикарманили под шумок. Стрелять в толпу он, впрочем, не решался — то ли не хотел разбирательств с местными властями, то ли опасался, что разъяренные ктитойцы сомнут и растерзают его прежде, чем он успеет перезарядить оружие.

В общем, все были заняты делом, воздух дрожал от рыка капитана, грозных выкриков матросов и воплей падких до дармовщины местных, и я, отбросив недавние разумные рассуждения, решила, что мой час настал. Смирненно стоя за спиной "моего" матроса, махавшего саблей и уже успевшего, кажется, кого-то ранить, я медленно перебрала руками несколько звеньев цепи и добралась до центрального, через которое была пропущена веревка. Кажется, этого никто не заметил, но — пробовали вы когда-нибудь развязать крепко затянутый, незнакомый вам морской узел, да еще придерживая при этом на весу тяжелую цепь? Если да, вы не станете осуждать меня за то, что мне не удалось это сделать ни за тридцать секунд, ни за три минуты. От напряжения пот заливал глаза, а сердце колотилось так, что впору было удивляться, как мои порабитители его не слышат. Зато я услышала, как хлопнула крышка сундука, и поняла, что мой шанс упущен: все товары, кроме разлившихся духов, были водружены на место. Я еле успела выпустить цепь прежде, чем на меня обратили внимание; она глухо звякнула, провисая. Капитан все-таки услышал этот звук и посмотрел на меня долгим недобрим взглядом. Но, так или иначе, он собирался отделаться от меня спустя буквально считанные минуты, а потому лишь ворчливо велел двигаться дальше.

Шагая за своим конвоиром, я вдруг поняла, что единственным источником переполюха на улице было происшествие с сундуком; сам же вызвавший его подземный толчок никакого волнения не вызвал. Как видно, это тоже было здесь привычным делом.

Дворец выходил фасадом на относительно ровную площадь и не был обнесен оградой; лишь перед широким пирамидальным крыльцом (разумеется, мраморным), опираясь на мушкеты с примкнутыми штыками, жарились на солнце двое солдат — без штанов, зато в надраенных стальных шлемах. (Если от белого мрамора болели глаза, то на шлемы и вовсе невозможно было смотреть.) Их товарищи стояли на ступенях крыльца по углам — соответственно, по двое на каждом ярусе. Всего ярусов-ступеней было шесть, и я подумала, что в случае беспорядков эти стоящие на разной высоте стражники вполне смогут держать под огнем всю площадь, не мешая другу другу и по очереди перезаряжая оружие.

Капитан вновь выбрался из паланкина и вынужден был открыть сундук, показывая его содержимое охранникам. Начальник караула кивнул, и мы поднялись по ступеням. Рабы-носильщики остались ждать возвращения капитана у крыльца.

Во дворце царили прохлада и полумрак — во всяком случае, так мне показалось после слепящего солнца улицы. У самого входа был еще один пост, где капитану и матросам пришлось оставить оружие. Затем мы поднялись на второй этаж по лестнице, лишенной, вопреки моему ожиданию, всякого ковра, зато украшенной по бокам посеребренными статуями (или все же статуэтками?) ростом около двух локтей, возвышавшимися над каменными перилами. Пройдя по длинной галерее (свет, падавших через разноцветные квадраты стекол, делал ее однородный беломраморный пол клетчатым), мы миновали очередных стражников (на сей раз с копьями, а не с мушкетами) и вошли в тронный зал.

Хотя не уверена, что он был тронный. Скорее, он предназначался для неофициальных приемов — во всяком случае, был он невелик, и обстановка в нем была какая-то... неторжественная, что ли. Узорчатые ковры с длинным ворсом на полу, тяжелые занавеси и драпировки (солнечный свет едва пробивался из-за них — если бы я вошла сюда прямо с улицы, то, наверное, мало бы чего разглядела), расставленные без видимого порядка статуи,

изображавшие обнаженных молодых анийо обоего пола и каких-то мифических персонажей, густой запах благовоний — во всем этом была скорее роскошь богатой спальни, чем холодное и строгое королевское величие.

В противоположном входу конце зала на невысоком, всего в две небольших ступени, постаменте стоял трон — или, может быть, просто глубокое кресло с высокой спинкой. В кресле в свободной позе, опершись на правый подлокотник и чуть склонив голову к плечу, сидела женщина, задрапированная в хитон. Ее длинные светлые волосы перехватывал на лбу серебряный обруч; многочисленные браслеты охватывали предплечья оголенных рук. Дневной свет, сочившийся сквозь занавеси, падал на трон сзади, так что лицо сидевшей разглядеть было трудно, и я не могла понять, сама ли это принцесса Анкаха или ее мать-королева (вообще-то я ровным счетом ничего не знала о правителях Ктито; слишком уж мелкая это была страна по сравнению с могущественным Ранайским королевством). У ног ее на нижней ступеньке пьедестала примостился мальчик в аляповато-цветастом костюме (меня удивила безвкусица этого наряда). Слева и справа от трона стояли стражники с мечами наголо, но позы у них тоже были расслабленные и скучающие. Судя по тому, как они держали свое оружие, у меня возникло твердое ощущение, что на самом деле мечи эти — бутафорские, а истинные охранники держат нас сейчас на прицеле откуда-нибудь из-за драпировок.

Капитан произнес церемонное приветствие; я поморщилась, слыша, как его варварский акцент уродует благородные звуки кйарохского языка. Однако из-за своего эстетического отвращения я упустила начало речи и теперь слушала, как он нудно зачитывает список товаров — прозрачные ткани, украшения из добытых на островах самоцветов, экзотические туземные статуэтки, ковры, изготовленные в северных колониях благовония, серебряная посуда... Все это вместе, должно быть, стоило целое состояние, но принцесса, конечно, могла себе такое позволить (другое дело, что, будь у меня столько денег, я бы никогда не стала тратить их на подобную ерунду). Дворцовые слуги, выпорхнувшие откуда-то из-за занавесей, уже подтащили открытый сундук к трону и держали его на весу, чтобы сидевшая могла сама оценить товар. Она нетерпеливо махнула рукой, веля невидимой за драпировками прислуге отдернуть одну из занавесок, и яркий солнечный луч осветил сундук, засверкав на серебряных вещицах. Тут я лучше увидела ее лицо и поняла, что это вовсе не молодая девушка. "Видимо, мать принцессы... кабы даже не бабушка", — подумала я, разглядев на свету ее сухую жилистую руку, перебиравшую товары.

— Сколько ты хочешь за все вместе, купец? — спросила она надтреснутым старческим голосом. Ее произношение мне тоже не понравилось. Удивительно, до чего создатели современных кйарохских диалектов испохабили этот красивый древний язык!

— Всего девять тысяч девятьсот, о светлейшая, — поклонился капитан (очевидно, это была сумма не в йонках, а в местной валюте).

— Я еще не выжила из ума, торговец. Восемь, и ни тфархой больше.

— Но, светлейшая, подумай, насколько нелегко и опасно доставлять тебе столь превосходный товар из другого полушария. Жестокие штормы и еще более жестокие морские разбойники...

"Кто бы говорил!" — едва не воскликнула я вслух.

— Как видно, другие торговцы не столь трусливы, — насмешливо перебила его правительница.

— Ни один торговец не обеспечит тебе такое качество товара, как я! — пылко возразил капитан. — И потом, ты еще не видела мой главный подарок тебе — держу пари, никто больше не привозил тебе подобное!

"Подарок?" — удивилась я. Но матрос, обернувшись ко мне, уже размыкал мои оковы. Я недоверчиво подняла руки к лицу, рассматривая запястья — ощущение кандалов настолько въелось в кожу, что казалось, будто они и сейчас на мне. Еще бы, я провела в них больше

месяца!

— Это крылатая девчонка, и крылья у нее такие огромные, что тебе придется хорошо присматривать за ней, а то она, того и гляди, улетит! ("Знал бы ты, над чем ты ржешь, скотина!")

Матрос уже стаскивал с меня камзол. Я не стала сопротивляться, но не стала и помогать ему.

— Подойди сюда, — проскрипел голос правительницы.

Я прошла по ковру и встала в полосу света у трона, расправляя крылья. Владычица Ктито рассматривала меня, а я, в свою очередь, смогла с близкого расстояния рассмотреть ее.

Она была не просто старой — она была древней. Ей было, наверное, под восемьдесят; волосы, конечно, были не светлыми, а седыми, а осанка, которую я издали приняла за лениво-небрежную, была на самом деле порождена физическим уродством: горбом над левой лопаткой и кривой шеей. Все лицо ее было в мелких бороздах морщин, словно на нем порезвился плуг сумасшедшего пахаря, но глаза, хотя и выцветшие, смотрели по-прежнему властно. И, что самое поразительное, на этом лице были заметны явные следы косметики, да и запах духов был таким сильным, что я подумала, как бы у меня не заболела голова. Эта старая уродина до сих пор всерьез относилась к своей внешности!

— Ты и в самом деле можешь летать? — спросила старуха. Она даже не поинтересовалась, знаю ли я кйарохский.

— Нет, — коротко ответила я.

— Это хорошо... — пробормотала она. — Повернись. Помаши крыльями. Сильнее.

— Ма-а-а-мочка, зачем сюда пустили этого вйофна? — проблеял вдруг мальчишка. — Капис боится. Каписа ветром сдувает. От сквозняка у Каписа простуда. Кыш, кыш!

Мамочка? Это ее сын? Что за чепуха, ее самому младшему сыну не может быть меньше сорока...

— А от ветра в голове у тебя простуды нет? — не сдержалась я. Конечно, если это и впрямь был ее сын (внук, правнук?), я рисковала, но старуха вдруг несколько раз каркнула — я не сразу поняла, что она смеется.

— Хорошо. То, что надо. Торговец, я беру все вместе с девчонкой за девять пятьсот. Соглашайся или проваливай.

— Как будет угодно светлейшей, — вновь поклонился капитан (при его пузе это, должно быть, нелегко ему давалось.) — Прикажешь получить у казначея, как обычно?

— Прикажу. Ступай.

— Благодарствую, светлейшая Анкаха.

Капитан и его матросы пятились к дверям, а я стояла, как окаменевшая. Анкаха! Это и есть Анкаха! Привыкшая к современным ранайским реалиям, я как-то забыла, что принц — это не только член королевской семьи. Это еще и титул самостоятельного правителя государства, слишком маленького, чтобы называться королевством. До того, как Кайллан Завоеватель объединил первые девять ранайских провинций, во главе каждой из них стоял принц (собственно, и сам Кайллан был одним из них). И вполне естественно, что титул наследной правительницы Ктито переводится на ранайский как "принцесса"...

— Мои старые шуты мне надоели, — продолжала она, вперив в меня свой тусклый взгляд. — Надеюсь, ты будешь развлекать меня лучше. Эй, вы там! Принесите костюм нашей новой шутовке!

Что-то больно клюнуло меня в щеку. Я резко повернулась к мальчишке. Он хохотал, держа у лица тростниковую трубочку. Хорошо знакомая мне штука. Из подобных плевались жеваной бумагой мои одноклассники, пока я не научила их вежливости на наглядном примере... Черт, будь, что будет! На корабле я проявила слабость, решила, что лучше покориться — и вот результат. Но Анкаха и ее любимчики от меня смирения не дождутся. Я шагнула к маленькому

мерзавцу с твердым намерением надрать ему уши.

Однако прежде, чем я до него дотянулась, он вскочил и, быстро перебирая короткими ножками, побежал и спрятался за тронем принцессы, откуда несколько секунд спустя высунул глумливую рожу. Но теперь я и его разглядела как следует.

Это был не мальчишка. Ему было даже не сорок, а все пятьдесят. Это был карлик, и уж конечно он не приходился Анкахе сыном. Сына, даже урода, она бы ни за что не обрядила в подобные нелепые лохмотья. Мне внезапно расхотелось его бить. Пытавшийся унижить меня был куда больше унижен сам. Старик, вынужденный кривляться, изображая мальчишку-недоумка...

Я услышала шорох и позвякивание и повернула голову влево. Из-за драпировок ко мне приближались другие уроды. Хромые, кривобокие, трясущиеся, со сросшимися пальцами, жировыми наростами вместо глаз... Их было не меньше десятка. Впереди, тяжело переваливаясь, шествовала невероятно жирная лысая тетка; ростом она была ниже меня, так что казалась почти квадратной. Бледные отечные складки ее телес омерзительно тряслись и колыхались при каждом шаге тумбообразных ног — из одежды на ней была только коротенькая юбочка, смотревшаяся удивительно нелепо на этой туше. В ее ушах звенели медные колокольчики. В вытянутых руках она несла цельный костюм, что-то вроде рабочего комбинезона ремесленника — только скроен он был из разноцветных лоскутов, некоторые из которых болтались, полуоторванные. Но покрой этого костюма был еще хуже: рукава разной длины и пришитые под разным углом, один выше другого; со штанинами похожая история. Надеть этот кошмар можно было только скособочившись. Жирное чудище остановилось, с улыбкой (о боже, видели бы вы эту улыбку!) протягивая костюм мне. Я в ужасе попятилась и наткнулась на другого урода. Багровая опухоль занимала у него полголовы, из-за чего лицо съехало на другую сторону. Он бросил мне под ноги пару туфель с длинными матерчатыми носами. При ходьбе такие носы непременно должны загигаться, вынуждая постоянно спотыкаться того несчастного, кто их наденет — для чего, очевидно, и были придуманы.

Даже если бы меня окружали рослые, сильные вражеские воины в полном вооружении, я бы не испытала такого ужаса. У меня даже на какой-то, хоть и очень краткий, миг мелькнула мысль бежать вдогонку за капитаном "Королевы морей". Все-таки он был всего лишь жадным, бесчестным негодяем, жестоким лишь в той мере, в какой этого требовал его бизнес. Он не был полусумасшедшей старухой, которая, комплексую из-за собственного уродства (уж не знаю, врожденного или приобретенного в старости), окружает себя теми, кто еще безобразней, чем она сама. Я бросила быстрый, но внимательный взгляд на гвардейцев у трона и поняла, что это касается даже их. О, никаких врожденных дефектов — сделав своими стражами вырожденцев, принцесса осрамила бы себя перед гостями; но лицо одного солдата было рассечено глубоким шрамом, проходившим в том числе и через рот, от чего у него получилось как бы четыре губы, а на левой руке другого не хватало полутора пальцев. К боевым ранам отношение совсем не то, что к врожденным аномалиям, никто не станет смеяться над шрамами воина — и все же из всех своих солдат Анкаха предпочла выбрать именно этих.

Следом за ужасом волною накатил гнев. Мало того, что меня продали и купили, как какую-нибудь тряпку или побрякушку, так эта тварь еще считает, что я, с моими изящными, пропорциональными крыльями — такая же уродина, как эти? На себя бы посмотрела!

— Надень это, — приказала Анкаха.

— Сама надевай, если подобные наряды в твоём вкусе! — воскликнула я. Я хотела еще добавить, что, во всяком случае, некрасивее она от этого точно уже не станет, но в последний момент сдержалась.

— Раздеть ее, — велела принцесса все тем же равнодушным тоном.

Уроды, уже окружившие меня со всех сторон, набросились на меня, спеша исполнить приказание. Сразу несколько рук — сухих, жирных или скрюченных — вцепились в остатки

моей рубашки. Кривясь от отвращения, я заехала кому-то из них в нос локтем, другого ударила сапогом под колено, а еще двоих хлестнула по лицам крыльями. Рубашку они все-таки разорвали — это было нетрудно — но, получив еще пару ударов, отступили с ключьями в руках. У двоих из ноздрей текла кровь, один, подвывая, дул на сломанный палец, опухавший на глазах.

Старуха сделала знак своим стражникам, и они, сунув в ножны мечи, стремительно шагнули вперед. Вот это было уже серьезно — каждый из них был выше меня на голову, да и в плечах заметно шире. Я попыталась отскочить — пожалуй, между статуями они бы долго за мной гонялись, путаясь в портьерах и драпировках — но уроды, вновь сомкнувшись, задержали меня. В следующую секунду меня схватили сильные грубые руки, и я поняла, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Может, мечи у них были и бутафорские, но мускулы — вполне настоящие.

"Ладно, — сказала я себе, — будем считать, что это я тут принцесса. Такая богатая, капризная и избалованная, что считаю ниже своего достоинства одеваться и раздеваться самой. За меня это делают слуги. Давай, холуй, сними со своей госпожи сапоги", — думала я, презрительно глядя на солдата, копошившегося у моих ног.

Не прошло и минуты, как я осталась стоять совершенно голой. Мою одежду сразу куда-то унесли. На ковре передо мной лежал шутовской наряд. Альтернатива была очевидной — либо надеть это, либо оставаться нагишом.

Я выбрала второе. Как я уже говорила, в Ранайе хоть и не ходят в таком виде по улицам, но неприличной нагота не считается. Правда, судя по взглядам, которые устремили на меня Анкаха и ее уроды, на Ктито, несмотря на жаркий климат и легкость повседневной одежды, были другие обычаи. Здесь, как видно, полностью обнажаться разрешалось только статуям. Не знаю, почему к живым аньйо относились иначе — может быть, здесь нагота считалась символом крайней бедности... Казалось бы, мне-то что до их предрассудков — но под этими взглядами я вдруг ощутила то же, что много лет назад в детстве, когда Ллуйор с осуждением смотрел на мои босые ноги: чувство, что нечто, всегда казавшееся тебе нормальным и естественным, на самом деле постыдно и унижительно. Но я подавила рефлекторное желание прикрыться крыльями. Мои враги не должны заметить, что я испытываю хоть малейший дискомфорт.

Пауза затягивалась. Я стояла под их взглядами и думала: "Смотрите-смотрите. Где вам еще доведется увидеть красивое, совершенное тело? Уж точно не в зеркале!" Лицо Анкахи вдруг болезненно дернулось, словно она прочитала мои мысли — а может, это был просто нервный тик.

Тут я почувствовала легкий сквозняк — должно быть, сзади бесшумно открылась дверь, и чей-то голос сказал:

— Светлейшая, посланник Гантру Их-Зар-Кан ожидает твоей аудиенции!

Анкаха досадливо поморщилась (от чего ее мелкие морщины собрались в крупные складки), но государственные дела были важнее какой-то строптивой рабыни. "В карцер ее", — нетерпеливо махнула рукой старуха, и стражники, ухватив меня под локти, повели куда-то за драпировки. Естественно, одежду мне так и не вернули.

За занавесями, как я и ожидала, оказалась дверь. Меня провели по длинному пустому коридору с маленькими оконцами под потолком, затем по узкой, явно не парадной лестнице на четыре пролета вниз. Там стояли еще двое стражников, и один из них, звеня ключами на большом кольце, отпер тяжелую, окованную железом дверь; за дверью начинался еще один коридор, его пол, стены и потолок были уже не мраморными, а выложенными из крупных желтоватых камней, а окон не было вовсе — единственным источником света служили редкие бронзовые светильники на стенах. Я поняла, что нахожусь под землей — что, разумеется, было неудивительно. За поворотом коридора начались железные двери; одну из них мои конвоиры открыли и втолкнули меня внутрь.

К счастью, там не было совершенно темно. Свет проникал через узкое горизонтальное

окошко, скорее даже щель (туда можно было просунуть в лучшем случае руку, но не голову), у самого потолка. Тем не менее, и эту щель перегораживали несколько вертикальных прутьев решетки. Стекла там не было, что в хорошую погоду было только кстати, но во время дождя вода с улицы наверняка стекала в карцер (и грязные разводы на стене это подтверждали). Сейчас, впрочем, пол был сухой, и даже, благодарение прогретому солнцу тропическому, не холодный. Вся обстановка помещения состояла из поганого ведра в одном углу и треснутого кувшина в другом. И больше совершенно ничего, даже какой-нибудь несчастной подстилки из гнилой соломы. Ах да, еще с вмурованного в стену ржавого кольца свешивалась цепь, свернувшаяся на полу, словно змея, подстерегающая жертву. Я с опаской взглянула на нее, но Анкаха не позаботилась отдать приказание на сей счет, а стражники не стали проявлять инициативу. Они просто заперли за мной дверь и ушли.

Первым делом я заглянула в кувшин — от долгого путешествия по пылающим зноем городским улицам и нервного напряжения ужасно хотелось пить. Вода в кувшине была, правда, на доньшке, а стенки изнутри обросли какой-то зеленью, склизкой на ощупь. Но рассудив, что ничего лучше мне все равно не дадут, я сделала несколько глотков. Вкус был затхлый, но я не смогла оторваться, пока не осушила кувшин до дна. В конце концов, чем эти водоросли хуже тех, что росли на дне ручья?

Несколько раз обойдя свою камеру и не обнаружив, разумеется, никаких возможностей для побега, я уселась на грязный каменный пол (а что было делать?) и предалась невеселым размышлениям. Такой плохой ситуация не была еще никогда. Впервые в жизни я лишилась абсолютно всего, даже одежды. Какой-то философ утверждал, что по-настоящему свободным может быть лишь тот, кто не владеет ничем. Его бы на мое место, теоретика чертова... Но хуже всего было то, что, как я понимала, так просто Анкаха от меня не отстанет. Убедившись, что меня не удалось сломать психологически, она перейдет к более действенным мерам. Будучи приемной дочерью палача (хоть он и не учил меня своему ремеслу), я вполне могла себе их представить... И даже не физическая боль сама по себе пугала меня больше всего. Самое страшное, что Анкаха может захотеть меня изуродовать, искалечить на всю жизнь. С нее станется. Там, в зале, я старалась не смотреть на ее шутов, уж больно сильное отвращение они вызывали — а теперь силится припомнить каждую черту их облика. Нет, вроде бы, своим безобразием все они обязаны природе, а не инструментам палача... но, даже если и так, это ничего не доказывает. Просто никто из них не оказался достаточно строптивым. Они, небось, еще и радуются, что хорошо устроились, развлекая такую богатую и могущественную госпожу вместо того, чтобы побираться на улице...

Можно, конечно, наступить на собственную гордость и смириться. Надеть шутовской наряд и кривляться на потеху старой стерве. Но... стоит позволить сломать себя один раз, и тебя будут ломать всегда. Будешь уступать все дальше и дальше, скатываться все ниже и ниже. Сначала твердя себе, что делаешь это лишь для того, чтобы втереться в доверие и выждать удобный момент для побега... потом желание бежать померкнет перед страхом наказания в случае поимки... потом начнешь отыскивать в своем положении и положительные стороны... и в конце концов превратишься в абсолютное ничтожество, пресмыкающееся перед хозяйкой уже совершенно добровольно. Лучше тысячу раз смерть, чем это. Я не знала, действительно ли я — я! — могу пасть так низко, но проверять экспериментально у меня не было никакого желания. Я со стыдом вспоминала то, пусть очень краткое, мгновение, когда мне захотелось искать спасения от Анкахи у капитана "Королевы морей". Он был негодяем, он продал в рабство меня и моих учеников, я ненавидела его и с удовольствием бы убила, если бы представилась возможность — и все же на миг я могла подумать о нем, как о защитнике. Конечно, мысль была абсолютно идиотской, и я поняла это в момент ее возникновения, и сразу же устыдилась — но кто знает, в какую бездну способна со временем разрастись такая трещинка, если дать ей шанс... Нет, я должна оставаться твердой, что бы со мной ни делали. Хотя легко, конечно, давать себе

такие обещания, пока с тобой еще ничего особенного не делают...

К счастью, до вечера принцесса обо мне так и не вспомнила. Может, надеялась, что, посидев в карцере подольше, я стану покорной, а может, ей просто было не до меня. Я сидела и мечтала, чтобы началась война, и старухе стало бы не до меня уже окончательно. А там, глядишь, вражеская армия — армия цивилизованной страны, не признающей рабства! — взяла бы штурмом дворец и освободила бы узников... А что, почему бы и впрямь кому-нибудь не напасть на Ктито? Остров, конечно, не велик, зато лежит на середине торговых путей между двумя континентами, что делает его довольно выгодным приобретением. Правда, войны — настоящие, большие войны, в которых завоевываются целые государства, а не просто решаются мелкие территориальные конфликты — случаются так редко... Дело даже не в абсолютных размерах территории, а в принципе. Одно дело — воевать из-за колоний, пусть даже вдесятеро больших, чем Ктито, и совсем другое — угрожать чужой стране как таковой, нарушая равновесие в мире и подрывая, в конечном счете, собственную стабильность. Ведь если позволительно свергать чужих правителей, то почему нельзя своих? И если ты не уважаешь суверенитет соседей, будут ли они уважать твой? Так что... шансов у меня было, прямо скажем, немного.

Когда совсем стемнело, я еще какое-то время терзала себя всеми этими рассуждениями, но вскоре попросту уснула, свернувшись калачиком у стены. Спать голой на голом каменном полу — удовольствие сомнительное, но сон, как и смерть — такая штука, которая приходит, не спрашивая нашего желания.

Разбудил меня грубый толчок. Если бы подо мной была кровать, я бы, наверное, свалилась на пол, но, так как я уже была на полу, то лишь перекадилась на живот. Я лежала во тьме, тупо соображая, где я и что происходит. Тут пол подо мной снова дернулся, а сверху послышался подозрительный хруст, и на спину мне посыпалось что-то мелкое. Все еще не до конца придя в себя, я поджала крылья и быстро перекадилась несколько раз вправо. Сделала я это очень вовремя, ибо секунду спустя сверху раздался грохот, и на то место, где я только что лежала, рухнули каменные глыбы; пол вздрогнул от их тяжелого удара, до меня долетело несколько мелких осколков. Прижавшись к противоположной стене, я осознала, что вижу дыру в потолке и нагромождение камней внизу, а значит, в помещении уже не совсем темно. Слабый багровый свет проникал и через пролом, и через оконную щель, и я решила, что взошла Лла — а может, уже светает.

Тут, наконец, я проснулась окончательно, осознав, что началось самое настоящее землетрясение, и следующий толчок запросто может похоронить меня здесь, как чуть было не сделал предыдущий. Я вскочила и бросилась к двери. "Выпустите меня!" — кричала я, колотя в нее сперва кулаками, а потом, развернувшись — пятками. — Здесь все рушится!" Но, если снаружи и был кто-нибудь, способный меня услышать, его, очевидно, заботило лишь собственное спасение.

Новый толчок отбросил меня от двери. Пытаясь устоять на ногах, я пробежала по диагонали к стене. За спиной с грохотом рухнул еще один кусок потолка. Обернувшись, я увидела на груде обломков кровать, свалившуюся из помещения сверху, и мне вдруг стало смешно: не хотела спать на полу — и вот, пожалуйста, какой своевременный подарок судьбы! Однако, когда я взглянула дальше, смеяться мне расхотелось: камни завалили дверь, которая, как я помнила, открывалась внутрь — значит, теперь, даже если меня и захотят выпустить, это уже невозможно!

Однако оставался путь вверх, через пролом. Пожалуй, с этой каменной кучи есть шанс допрыгнуть до потолка, точнее, до пола следующего этажа... Стараясь не обращать внимания на острые края обломков, врезавшиеся в мои босые ступни, я вскарабкалась на груду камней, а затем — на кровать, предварительно подвинув ее так, чтобы она заняла более устойчивое положение. Стоило мне встать на нее, как положение оказалось вовсе не таким устойчивым, но

я успела оттолкнуться, одновременно изо всех сил махнув крыльями. Вряд ли, конечно, мне помог именно этот мах, однако мне удалось зацепиться пальцами за край пролома. Внизу под мной кровать с шорохом сползла на пол; если бы я сорвалась, то прямо на камни... Хорошо, что отчим приучил меня к регулярным тренировкам: втащить себя наверх, вися на шести пальцах, не так-то просто. Правда, когда мой подбородок был уже выше уровня пола первого этажа, я помогла себе крыльями — уцепиться ими нельзя, но отталкиваться можно. Потом я закинула наверх локоть, потом ногу и, наконец, изрядно ободравшись о край пролома, влезла в верхнее помещение.

Это была, вероятно, казарма стражников, в длину вчетверо превосходившая ширину моего карцера. Здесь тоже рухнул потолок, как и на следующем этаже, и так до самой крыши — но наибольшие разрушения были в дальней половине казармы (той, что не находилась над карцером) — там остались одни стены, остальное масса обломков увлекла вниз вместе, очевидно, со спавшими в кроватях солдатами. Мне послышалось, что я различаю стоны, но, возможно, это была игра воображения. Скорее всего те, на кого рухнули перекрытия нескольких этажей, погибли сразу... В той же части помещения, где стояла я, уцелела значительная часть потолка и пола. Четыре кровати все еще стояли на своих местах, но они были пусты, как и та, что свалилась в карцер. Очевидно, эти, более везучие, стражники успели выскочить из казармы после первого толчка. Дверь была распахнута, и до нее (в отличие от окон) легко можно было добраться, обойдя дыру вдоль стены.

Но прежде, чем сделать это, я все же сдернула простыню с ближайшей кровати и кое-как набросила ее на себя. Может быть, в условиях, когда остатки пола могли рухнуть в любую секунду, я бы и пренебрегла местными приличиями, но выставлять напоказ крылья здесь явно не стоило. На то, чтобы искать в полумраке казармы еще что-нибудь — скажем, более подходящую одежду, обувь или оружие — времени уже не было.

Я выскочила в коридор, где царил почти полный мрак. Светильники не горели, где-то что-то продолжало сыпаться и падать, я понятия не имела, в какой стороне выход. Вдали раздавались испуганные крики, но они доносились со всех сторон. Пробежав наугад несколько десятков локтей, и, к счастью, не провалившись ни в какую дыру, я вспомнила, что нахожусь на первом этаже, и, значит, наружу можно выбраться через любое окно. Я свернула в ближайший дверной проем (обозначенный багровым светом с улицы) и действительно оказалась в комнате с целым полом. Правда, я на пути к окну успела заметить, что на полу блестят осколки стекла. Наверное, и это меня бы не остановило, но, взглянув еще раз в окно, я поняла, что оно выходит вовсе не на улицу, а во внутренний двор дворца — как, очевидно, и другие окна в этой части здания. Теоретически это все равно было безопасней, чем оставаться внутри помещений, но тогда я об этом не подумала и метнулась обратно в коридор, чуть не сбив с ног кого-то, бежавшего в противоположном моему прежнему направлению. Он ругнулся, отпихнул меня и побежал дальше, топоча сандалиями, и я устремилась следом, ориентируясь по звуку. Потом впереди мелькнул свет, испуганно шарахнулись назад тени — это был кто-то с факелом, выбежавший с лестницы и нырнувший в боковой проход. Владелец сандалий и я свернули за ним. Затем к нам присоединились еще какие-то аньйо, а другие уже маячили впереди. Когда мы, наконец, добрались до выхода, там уже была пробка. Это был не парадный холл, а один из многочисленных черных входов дворца, потому там было не слишком просторно — и вот в узком коридоре перед дверью толкались, ругались и чуть ли не дрались, пытаясь отпихнуть друг друга, десятка три аньйо. Не знаю, было там больше прислуги или знати — никто не успел как следует одеться, а в таком виде все выглядят одинаково, и ругались они тоже одними и теми же словами. Трое размахивали факелами, и их соседи вскрикивали от боли и раздражались новыми проклятиями, когда их обжигали искры. У кого-то был меч, и он визгливо грозил порубать остальных, если его немедленно не пропустят — но то ли не решался, то ли просто не мог пустить оружие в ход в такой давке. Меня толкали со всех сторон и наступали мне на ноги (в

основном босыми ступнями, но пару раз и каблуком), а сзади уже напирали новые спасавшиеся...

Но, наконец, меня вынесло наружу вместе с соседями, и я, чудом устояв в первый момент на ногах (хоть у черного входа и не было крыльца), выбежала на площадь сбоку от дворца.

И только тут я поняла, что багровый свет не был светом Лла, и отдаленный гул, который я, не отдавая себе в этом отчета, слышала все это время, не был шумом толпы или чем-то подобным.

Над вулканом стояло зарево. Жидкий огонь фонтанировал из жерла, вышвыривая далеко вверх рдеющие искры, которые, как я понимала, были на самом деле огромными камнями. Пламя окрашивало в багровые тона нависшие над кратером тяжелые тучи дыма и пепла. По склонам горы, ярко светясь в ночи, вытягивались хищные щупальца лавы. Пока они казались еще далеко, но я читала, что лава способна течь с такой скоростью, что от нее не спастись самому быстроногому тйорлу. Я увидела, как вспыхивают пятна пожаров там, где щупальца добираются до неразличимых во тьме роц и плантаций.

Зрелище было красивое и величественное, но я, естественно, не стала долго им любоваться, а со всех ног помчалась в противоположную вулкану сторону — то есть в направлении моря. Туда же, разумеется, бежали и другие аньйо, выскакивавшие из полуразрушенных землетрясением домов. На какой-то момент багровое зарево полыхнуло ярче, и затем земля содрогнулась от нового толчка, сопровождавшегося раскатом грома. На моих глазах раскололись колонны портика здания напротив, и фасад сложился, как картонная декорация; развалины скрыло тут же поднявшееся облако известковой пыли. Я устояла на ногах, хотя меня и швырнуло в сторону. Обретя равновесие, я остановилась на несколько секунд, чтобы получше подвязать свою простыню, почти сорванную в давке у выхода, и побежала дальше. Хотя вообще на мой внешний вид никто не обращал внимания — во-первых, многие выскакивали на улицу раздетыми, а во-вторых, всем было не до того, чтобы глазеть на бегущих рядом товарищей по несчастью.

Кое-где на улицах мелькали факелы, но в основном источником света в полуразрушенном и обреченном городе служило лишь зарево извержения. Чаще всего этого освещения хватало, чтобы не наступать на валявшиеся тут и там мелкие обломки и не спотыкаться о крупные, но в узких и кривых переулках, лежавших в густой тени, поневоле приходилось сбрасывать темп. В некоторых из этих переулков развалины полностью перекрыли проход, но, поскольку впереди меня бежало достаточно много народу, я не боялась уткнуться в тупик или заплутать в бесчисленных поворотах. Зато стены зданий могли рухнуть в любую минуту прямо на меня; я старалась держаться от них подальше, но в узких улочках деваться было попросту некуда. К счастью, хотя земля периодически дрожала, новых сильных толчков не было; должно быть, лава достаточно расчистила себе путь через жерло предыдущими. Кое-где в разрушенных домах уже занялись пожары.

На улицах было много криков, но в какой-то момент сзади накатила волна особенно отчаянных воплей. Я обернулась и увидела, что языки лавы дотянулись уже до западной, ближайшей к вулкану окраины Тханы (как я уже говорила, город спускался от горы к морю, и потому западная окраина находилась выше остальной столицы и была хорошо видна.) Огненные реки вливались в улицы, тяжелые потоки расплавленной породы сокрушали вспыхивающие дома. Все это происходило в какой-нибудь паре миль от меня; порт, впрочем, как я надеялась, был уже ближе.

Бежать, однако, становилось все тяжелее, и не только из-за естественной усталости. Воздух сделался горячим, сухим и душливым, к нему примешивался резкий запах, от которого першило в горле. Я видела аньйо, падавших в изнеможении, тяжело хрипевших; кто-то из них даже попытался схватить меня за ногу. Я вырвалась, но сбилась на шаг и так вскарабкалась на

вершину очередного городского холма, где вынуждена была остановиться, переводя дыхание, прежде чем вновь припустила вниз. Но, не успела я порадоваться легкости бега под уклон, как впереди взорвались новые панические крики, а затем толпа перепуганных аньёю ломанулась навстречу, сталкиваясь с теми, кто бежал в одном со мной направлении. Я остановилась вовремя, чтобы не попасть в эту кучу малу, но по обрывкам криков поняла, что лава уже прорвалась справа от холма, а теперь обтекает его спереди, отрезая путь. Буквально секунды спустя я сама увидела сперва огненное зарево, а затем и саму лаву, заполнявшую улицу внизу, в каких-нибудь ста — ста двадцати локтях впереди. Больше всего она походила на густую жирную грязь, достигавшую в высоту середины первых этажей домов. За время своего пути от кратера она заметно подостыла и подрастеряла скорость, но все еще тускло светилась сквозь верхнюю черную корку, и я даже на таком расстоянии ощутила идущий от нее жар.

Я метнулась в боковую улочку, шедшую влево с небольшим уклоном вверх. Дорогу загораживала упавшая колонна, но я перелезла через нее и побежала дальше. Своеобразный рельеф Тханы позволил лаве быстро прорваться на одних направлениях, но должен был задержать ее на других. Вероятно, до порта еще можно было добраться, держась возвышенностей. Вскоре топот и сопение за спиной возвестили мне, что тот же путь избрали и другие беглецы — то ли пришли к тем же выводам, то ли просто устремились за мной, как испуганное стадо за вожаком.

Впрочем, поскольку я совершенно не знала города, вожак из меня был неважный. Когда я, тяжело дыша, остановилась в растерянности у развилки, меня обогнал какой-то мужчина с мечом в руке. Вид у него был решительный, так что я выбрала ту же улицу, что и он, и побежала следом. Все же я предпочла удостовериться, что он понимает ситуацию, и крикнула ему, что лава прорвалась в низины справа, и надо бежать по высоко расположенным улицам. Он, не оборачиваясь, раздраженно крикнул, что знает.

Не знаю, сколько еще мы петляли по пригоркам; тогда мне представлялось, что ужасно долго, и я уже сама не верила своему счастью, когда впереди показался порт. Здесь, у моря, воздух был чуть посвежее. Лава еще не добралась сюда; единственными огнями были фонари кораблей. Некоторые суда уже держали курс в открытое море, другие пока оставались у причалов. И в зловещих отсветах извержения на этих причалах и возле них колыхалась, подобно лаве, другая вязкая густая масса — это была толпа.

Быстро сбегав по крутой улице-лестнице на набережную, я врзалась в это столпотворение. Еще сверху я заприметила большой четырехмачтовый корабль и постаралась вклиниться поближе к нему. Во-первых, он был вместительней, а во-вторых... четыре мачты точно гарантировали, что это не "Королева морей", которая, вероятно, тоже была еще где-то тут.

Впрочем, это был мой последний сознательный выбор в Тхане. Оказавшись в гуще давки, я уже ни на что не могла влиять и лишь твердо помнила главную задачу: не упасть, иначе затопчут. Пару раз такие неудачники оказывались и под моими ногами. Стиснувшая меня толпа не оставляла другого выхода, кроме как ступать по телам. Один еще дергался, другой, похоже, был уже мертв. Кто-то, оступившись, ухватился за мое крыло сквозь простыню и удержался на ногах — но вряд ли понял в этом хаосе, что это было. Все же я постаралась протолкаться в сторону от него, от греха подальше. Сколько раз меня пихали локтями и наступали мне на ноги — это я уж и не считала...

Но вот, задрав голову, я увидела мачты и реи почти прямо над собой — меня таки вынесло к борту судна. Однако тут же спереди донесся резкий крик по-илсудрумски: "Все, отчаливаем! Убрать трапы! У нас нет больше места!" "Уберешь тут! — ответил другой голос и раздраженно рявкнул по-кйарохски: — Да куда вы прете, все уже забито, назад!" Но на искавших спасения от лавы беженцев этот призыв, разумеется, произвел прямо обратное действие: они ломанулись вперед с удвоенной энергией. "Назад!" — еще раз гаркнул голос, а затем раздались выстрелы — первые, наверное, в воздух, а потом кто-то застонал, и дважды

что-то плюхнулось в воду. На находившихся у трапов это, должно быть, все же произвело впечатление, и они попытались попятиться, но задние напирали. Меня сплющило так, что я не могла дышать; я с ужасом поняла, что сейчас мои кости просто хрустнут, как яичная скорлупа. Но в следующий миг сопротивление спереди резко ослабело, и через несколько секунд — о чудо! — я ощутила подошвами не шершавый камень пирса, а гладкие доски трапа.

Я ступила на борт одной из последних. Корабль уже отчаливал, и через несколько мгновений запруженные трапы просто рухнули в воду. Толпа сзади еще не поняла этого и продолжала напирать, заставляя все новых ан्यों с криками валиться с причала.

"Вперед, вперед! Не задерживайтесь на палубе!" — кричали по-кйарохски с сильным акцентом справа и слева. Я различила фигуры матросов с мушкетами и успела бросить последний взгляд на гибнущую Тхану (лава уже показалась на двух ведущих к порту улицах, слева и справа, словно смыкая раскаленные клещи). В следующий миг передо мной оказался открытый люк, и я, следом за другими беженцами, начала спускаться по крутой лестнице в трюм.

Внизу действительно все уже было забито; приходилось перешагивать через сидевших и лежавших на полу, выискивая, куда поставить ногу. В тусклом свете единственного подвешенного сверху фонаря я заметила тощего невысокого старика, который, все еще тяжело дыша, вытянулся у переборки. Между ним и переборкой оставалась узкая щель; я рассудила, что если он немного подвинется, мне как раз хватит там места. Мне пришлось несколько раз повторить ему свою просьбу, но он глядел на меня отсутствующим взглядом. Могу его понять — нелегко на склоне лет лишиться всего: дома, имущества, вероятно, и семьи... В отличие от многих полуголых беженцев, этот был одет — на кйарохский, разумеется, манер: просторная накидка с узорчатой каймой, юбка, сандалии. Причем, кажется, все это — весьма недурного качества; как видно, еще несколько часов назад старик был богат...

Я уже начала терять терпение и готова была просто отпихнуть его, когда он, наконец, понял, что я от него хочу, и сдвинулся где-то на пол-локтя вправо, упершись в своего соседа. Я втиснулась в образовавшееся слева пространство, немного посидела, потом легла на бок — так было просторнее. Только тут я ощутила, что совершенно вымоталась, что за весь день ничего не ела и сделала лишь несколько глотков воды, что у меня болит голова от той гадости, которой я надыхалась по милости вулкана, что мои босые ноги изранены каменными осколками и вдобавок оттоптаны башмаками в давке, что тело в синяках, полученных там же... Но, по крайней мере, я была жива и свободна.

Свобода, впрочем, была довольно относительной. Формально на нее никто не покушался, но фактически я плыла туда, куда меня везли, не спрашивая моего мнения на сей счет. Наученная горьким опытом, я поначалу опасалась, как бы меня вместе с другими беженцами опять куда-нибудь не продали. Но потом рассудила, что это невозможно: нас куда больше, чем матросов, пусть только попытаются! Конечно, северных дикарей тоже перевозят большими партиями, нередко превышающими численность команды, но там другое дело. Там рабов спускают в трюм по одному и сразу заковывают. А здесь мы все свободны, и многие — ну или хотя бы некоторые — наверное, вооружены.

Утром кто-то из офицеров команды, открыв люк, но не спускаясь вниз, объяснил нам дальнейшие перспективы.

— Тихо все! Вы находитесь на борту илсудрумского барка "Гламдруг Великий". Сейчас мы в десяти милях от Ктито. Извержение все еще продолжается, остров закрыт тучами пепла. Вряд ли там сейчас остались пригодные для жизни места: кого не сожгла лава и пожары, тот задохнулся. Впрочем, если кто-то хочет туда вернуться, мы готовы выделить одну шлюпку. Или больше, если вы в состоянии заплатить. Корабль идет в Илсудрум. Это не обсуждается. В зависимости от погоды, путь займет от декады до двух, или еще больше. Там мы вас высадим, и вы сможете обратиться за помощью к властям Империи. Но у нас нет излишков продовольствия,

чтобы кормить вас всю дорогу. Мы не планировали никаких пассажиров, а вас здесь сотни четыре, даже из расчета один сухарь в день на аньйо получается слишком много. Мы будем давать вам немного еды, но на всех ее не хватит. В первую очередь еду будут получать те, кто способен за нее заплатить. Если у кого-то есть с собой что-то съестное — вам повезло. Остальные — обходитесь, как знаете. Врачи говорят, что месяц аньйо может прожить без еды достаточно спокойно. Не пытайтесь искать наши запасы провизии, они не здесь. Зато в этом трюме — часть запаса пресной воды. Она ваша, но расходуйте ее экономно, другой не будет. Надеюсь, вы сами сможете поддерживать порядок в своей среде — во всяком случае, мы не собираемся заниматься разрешением ваших конфликтов. Но если вы станете создавать угрозу безопасности судна — матросы вооружены мушкетами и будут стрелять. Выходить на палубу разрешается только вашим делегатам, не более четверых за раз. Всем все ясно? — не дожидаясь ответа, он захлопнул люк.

Так началось это ужасное плавание. Если говорить о чисто физической стороне дела, то оно было во много раз хуже моего злосчастного путешествия на "Королеве морей". Там главным неудобством была цепь, здесь цепей не было, зато во всем остальном я сполна ощутила, каково приходится перевозимым в трюме рабам. Впрочем, не уверена, что даже рабов набивают в трюмы так густо. Теснота была такая, что нескольким аньйо, спавшим рядом, приходилось переворачиваться на другой бок синхронно. Мой сосед мог бы сто раз нащупать мои крылья, если бы это его хоть сколько-нибудь интересовало... В спертом воздухе висел смрад потных немых тел, а позже к нему прибавился и более отвратительный запах. Несколько бочонков, выпитых в первый же день, приспособили в качестве отхожих мест, но добираться до них из разных концов трюма, перешагивая через лежащие впритирку тела, было далеко и неудобно, особенно для слабеющих от голода аньйо, и с каждым днем становилось все больше тех, кто ходил под себя. Подозреваю, что среди них были и купцы, и аристократы. Удивительно быстро слетает пленка цивилизации... Впрочем, уже спустя несколько часов от начала плавания — а качка была хоть и не штормовая, но ощутимая — у многих разыгралась морская болезнь, и они вынуждены были блевать на себя и на соседей (к счастью, мой старик избавил меня от такого удовольствия, как и я его). Умыться, естественно, было нечем, так что после этого удара по безразличности неудивительно, что вскоре пал и следующий бастион.

В первый же день нас покинули несколько аньйо — около десятка воспользовались предложением сесть в шлюпку и вернуться на Ктито (сомневаюсь, что они выжили), еще столько же, прихватившие с собой достаточно серебра, купили право ехать наверху, как нормальные пассажиры. Ну или, скорее, как освобожденные от работы матросы, поскольку пассажирских кают на судне не было. Но даже эти места куплены были за баснословную цену в результате импровизированного аукциона, ибо желающих вырваться из трюма любой ценой было больше. Среди оставшихся внизу, естественно, сразу же начали возникать группировки — одни имели деньги и объединялись для того, чтобы сохранить их и получать еду, другие не имели ничего и объединялись, чтобы отобрать упомянутое у первых. К утру второго дня в трюме было уже два трупа — один погиб в драке, второго задушили во сне. Посланные наверх делегаты — точнее, четверо самых резвых, провозгласивших себя таковыми — доложили о случившемся. Им было велено вынести трупы, а также собрать с других деньги, получить провизию (сухари и немного солонины) и раздать ее (при этом они получили и свою долю). Но централизованная система раздачи продержалась недолго: уже на третий день на делегатов набросились и отобрали у них еду прежде, чем они успели отдать ее заплатившим. Никакой службы охраны порядка организовать не удалось, потому что в ней было заинтересовано лишь меньшинство — те, у кого что-то было. Так что в дальнейшем матрос просто кидал пищу в люк, и ее расхватывали те, кто оказывался ближе.

Был и альтернативный источник продовольствия. Нет, до каннибализма, к счастью, не дошло — для этого мы плыли все же недостаточно долго. Я имею в виду йагов, грызунов,

водящихся на каждом уважающем себя корабле. Их ловили и ели сырыми. Я видела это неоднократно, но сама участия не принимала. Может, я бы и сумела преодолеть брезгливость (тем более что в смердящем загаженном трюме представления о ней сильно меняются), но доктор Ваайне говорил, что йаги переносят кучу заразных болезней, включая Багровую Смерть.

В драках за бросаемые в люк подачи я тоже не участвовала. Их счастливые победители, вероятно, тратили больше энергии, чем получали в итоге. Я с самого начала рассудила, что разумнее лежать и экономить силы. Пару декад можно и поголодать. Причем это оказалось не так уж и трудно. Вероятно, атмосфера трюма, которую можно было назвать какой угодно, только не аппетитной, весьма этому способствовала. Пару дней побаливала голова и бурчало в животе, а потом ничего; если лежать, было вполне терпимо, вот только, когда я все-таки вставала — за водой или по нужде — перед глазами темнело, и я чувствовала головокружение и слабость в ногах. Потом, правда, и лежать стало неудобно. Собственно, с самого начала не было — голые доски не самая мягкая постель — но постепенно они сделались какими-то особенно жесткими. Сначала я не могла понять, в чем дело, а потом догадалась: это не доски затвердели, это я отошала, утратив жировую прокладку между костями и кожей.

Сколько точно мы плыли, я не знаю; явно больше декады, но, скорее всего, меньше двух. В трюме день не отличается от ночи. Сначала я отмеряла сутки по собственному сну и бросаемой в люк еде, но упадок сил и безделье способствовали тому, что я спала все больше, по несколько раз в сутки, и уже не была уверена, что очередная драка у лестницы — действительно очередная, а не следующая за той, которую я проспала. Драки, впрочем, становились все более вялыми, по мере того, как тощали и слабели их участники.

Но знаете, что было для меня самым неприятным во всем этом плавании? То, что мы плыли на восток, а мне было нужно на запад.

Но переносить физические лишения могли не все. Если первые жертвы трюма были убиты, то потом не так уж мало беженцев умерли сами. Начиная уже с пятого дня, наверх ежедневно выносили трупы. Умирили, конечно, самые слабые — больные, старики, дети. Однажды, проснувшись в очередной раз, я поняла, что упираюсь плечом в окоченевшее безжизненное тело. Мой сосед был мертв. Даже странно, что это не произошло раньше — за время плавания я не заметила, чтобы он вышел из своей протрации. К счастью, до импровизированного туалета он все же добирался (благо от нас это было недалеко), но делал это скорее автоматически. Вряд ли у него оставалось много воли к жизни...

Пока, кроме меня, этого никто не замечал, и мне это было весьма на руку. Как вы помните, вся моя одежда и все мое имущество состояли из не первой свежести простыни, и настала пора обновить гардероб. Осторожно, стараясь не привлечь внимание других потенциальных наследников (это было нетрудно — большинство находившихся поблизости спали), я раздела покойника. Под накидкой у него была нижняя рубаша из тонкой шерсти — очень кстати, учитывая осеннее время года. Самый ценный подарок, впрочем, оказался под рубашой — дорогой кулон с прозрачным фиолетовым камнем на серебряной цепочке (полагаю, это был аметист, хотя вообще я в драгоценностях не разбираюсь), да и изящная серебряная заколка накидки йонков двадцать да стоила. Кошеля с деньгами, однако, у старика с собой не было. Все предметы одежды, конечно, уже нуждались в стирке, ну да мне было не до брезгливости. Главное, что они подходили по размеру; сандалии оказались великоваты, но было бы куда хуже, окажись они малы. Переоделась я быстро, и моих на мгновение выставленных наружу крыльев никто, к счастью, не заметил. Выждав еще немного, я громко сообщила, что здесь мертвец; труп, завернутый в бывшую мою простыню, вынесли наверх, чтобы выбросить в море. Думаю, морьялы неплохо поживились, плывя в эти дни за "Гламдругом Великим"... Второй сосед старика, лежавший с другой стороны, конечно, понял, что я присвоила одежду умершего, и наградил меня злобным взглядом — должно быть, сам имел на нее виды. Но, встретившись с моим ответным взглядом, оценил свои силы и нападать не решился.

Но настал, наконец, день, когда я была разбужена всеобщей суматохой и оживлением (насколько, конечно, эти слова применимы к обессиленным от голода аньйо). Кошмарное плавание все-таки закончилось; корабль стоял в илсудрумском порту Далкрум. Зевакам на пристани мы, должно быть, казались выходцами из ада: изможденные, еле держащиеся на ногах, грязные, провонявшие смрадом трюма... Не все могли идти сами, некоторых, подхватив под руки, тащили соседи. Поначалу все беженцы сгрудились прямо возле причала, не зная, куда идти и что делать дальше, да и мигом объявившиеся солдаты из охраны порта, похоже, не горели желанием пускать нас в город. Нас продержали под полуденным солнцем (а на широте Далкрума погода все еще была вполне летней), должно быть, не меньше часа, прежде чем пришел какой-то чиновник и объявил (на совершенно ужасном кйарохском), что для нас будет оборудован палаточный карантинный лагерь, где нас накормят и пришлют врачей для осмотра. Мне во всем этом понравилось только слово "накормят". Подвергаться осмотру мне никак не хотелось (уж если в Ранайе крылья навлекли на меня столько бед, то в Илсудруме...), а засиживаться в карантине — тем более. Я поглядывала на солдат, ища способа улизнуть, но, конечно, в моем тогдашнем состоянии, когда от каждого шага кружилась голова, нечего было и думать устраивать с ними соревнования по бегу.

Пока мы ждали отправки в лагерь, какая-то сердобольная торговка, впечатлившись нашим видом, подкатила нам тележку, груженую спелыми йовулами. Теперь, когда мы были на твердой почве и голодная смерть больше не грозила, беженцы вели себя куда более цивилизованно — никаких битв за еду уже не было. Правда, несколько первых йовулов разбились прямо о брусчатку набережной и руками выламывали куски сочной рыжей мякоти, но потом у кого-то нашлись ножи, и следующие плоды были порезаны на ломтики и розданы в порядке общей очереди.

Не скажу, конечно, что наелась своей порцией — напротив, она лишь пробудила к жизни усохший от голода аппетит — но, по крайней мере, почувствовала себя бодрее. Настолько, чтобы спуститься к воде и окунуться (разумеется, в одежде, и даже в обуви — учитывая, что среди беженцев хватало босых, оставлять на берегу сандалии было не умнее, чем кошелек с серебром). Полноценного мытья и стирки это не заменяло, но позволяло хоть как-то отбить трюмное зловоние. Со стороны моря, естественно, никакого оцепления не было, и мне никто не препятствовал; некоторые из беженцев последовали моему примеру. Но, когда прозвучала команда строиться в колонну, чтобы идти в лагерь, все они поспешно выбрались из воды. Им, лишившимся домов и имущества, не было никакого резона ссориться с имперскими властями, от которых они теперь целиком зависели, да и вообще, они сами хотели попасть поскорей в лагерь, где о них позаботятся. Я же, напротив, спряталась под причалом, держась за обросшую водорослями каменную сваю и покачиваясь на невысоких волнах по горло в воде. По головам нас никто не пересчитывал, и моего отсутствия не заметили. Все же, на всякий случай, я просидела там достаточно долго, так что, когда я все-таки вылезла на берег, мои зубы выбивали дробь от холода — зато ни одного солдата поблизости не было, и я могла идти, куда вздумается.

Одежда, которую я кое-как выжала на себе, подсохла на солнце довольно быстро. Вообще особого интереса прохожих мой ктитойский наряд не вызывал — в порту кого только не встретишь; если что и привлекало внимание, так это мое исхудавшее лицо. Однако я с детства привыкла ходить в брюках и в юбке чувствовала себя ужасно нелепо. Поэтому я решила, что после того, как найду лавку ювелира и продам кулон и заколку, первым делом куплю себе более подходящую одежду. Нет, первым делом я съем что-нибудь более основательное, чем ломтик йовула, а потом куплю одежду. Дальнейшие планы тоже были просты и реализуемы: найти корабль до Гантру и купить место на борту.

Поскольку язык я знала, то лавку нашла довольно быстро (правда, по пути пришлось пару раз присесть передохнуть — удивительно мерзкое все же состояние, когда организму не хватает сил). Ювелир, толстый пожилой аньйо с брызгливо оттопыренной нижней губой,

внимательно изучил мои сокровища через увеличительное стекло, затем взвесил на маленьких весах, аккуратно укладывая пинцетом крошечные гирьки.

— За кулон с цепочкой — пятнадцать дилумов, — объявил он. — И тридцать за заколку.

— То есть как пятнадцать? — опешила я. Курса я не знала (о чем вспомнила с сожалением), но кулон должен был стоить во много раз больше заколки. — Это вообще сколько в ранайских йонках?

— Текущий курс йонка к дилуму — один к трем, — проинформировал он меня. — А сколько вы хотите за цветную стекляшку?

— Стекляшку?

— А вы не знали? И цепочка с оправой тоже не серебряные, а посеребренные.

Я молчала, убитая этой новостью. Значит, весь мой капитал составляют какие-то паршивые пятнадцать йонков? Этого никак не хватит до Гантру. На это я едва смогу отъесться...

— Заколка стоит двадцать йонков, — хмуро сказала я, пытаюсь отбить хоть что-то. — В смысле, шестьдесят дилумов.

— Если кто-то предложил вам такую цену, почему вы не продали ему? — пожал плечами ювелир. — Я вижу, что вы в затруднительном положении, и могу дать вам сорок, но это уже практически мне в убыток.

— И двадцать за кулон.

— Восемнадцать. И медью, а не серебром.

— Ладно, — вздохнула я.

Уже выйдя из лавки и отойдя на приличное расстояние, я вдруг поняла, что единственным свидетельством фальшивости кулона были слова ювелира. И что, даже если хорошо одетый старик и впрямь носил дешевую подделку, он вряд ли стал бы прятать ее под рубаху. Раз он так сделал, значит, понимал, что вещь представляет ценность, и в трюме ее могут украсть или отнять. Конечно, он мог и сам не знать, что вещица поддельная, но как раз это было наименее вероятным. Неужели меня опять обвели вокруг пальца?! Конечно, почему не обмануть молодую наивную девчонку. Которая одета по-ктитойски, но говорит с ранайским акцентом и имеет слишком заморенный вид, чтобы владеть драгоценностями на законных основаниях. Как и капитан "Королевы морей", ювелир, должно быть, мгновенно просчитал, что заступиться за меня некому. Если я теперь заявлюсь к нему с полицией, он скажет, что впервые меня видит. Или, еще лучше, предъявит действительно фальшивый кулон — не обязательно даже такой же, хотя бы похожий. А вот мне привлечь внимание полиции совершенно ни к чему...

"Ладно, — сказала я себе, — в конце концов, у меня действительно не было законных прав на этот кулон. Как и на те деньги, которые у меня отобрали на "Королеве". А то серебро, что действительно было моим, забрало море, так что обижаться не на кого." Правда, это разумное рассуждение не мешало мне стискивать кулаки от гнева.

В портовых городах основные торговые заведения, как правило, сосредоточены вблизи берега, так что вскоре я была уже на рыночной площади, где купила и съела, прямо не отходя от прилавков, несколько фруктов, а затем упоительный аромат привел меня в пекарню, где в мою собственность перешел пышный теплый каравай с румяной корочкой. Не буду говорить банальности, что ничего вкуснее никогда не ела... впрочем, уже сказала. Отламывая от него по кусочку и растягивая удовольствие, я отправилась на поиски старьевщика — при моем нынешнем скудном бюджете я не могла покупать одежду у более уважаемого продавца. В лавчонке, больше похожей на конуру тйарва, за ветхой занавеской я переделалась в полотняные штаны, просторную рубаху (ее пришлось пока натянуть поверх крыльев, что было ужасно неудобно) и короткий плащ, отдав взамен старьевщику ктитойский наряд. Сандалии с их переплетенными тонкими ремешками я тоже сменила на более практичные башмаки. Никакой доплаты я не получила, хотя и отдала одежду зажиточного ктитойца, потратившего, должно быть, на одну лишь вышитую кайму не такие уж маленькие деньги, а получила костюм, в

лучшем случае, средней руки ремесленника, и даже латаный в двух местах, хотя и аккуратно. Старьевщик заявил, что на ктитоийские наряды на материке нет спроса, тем более в преддверии холодов, и он вообще делает мне большое одолжение. Я спросила, нет ли у него недорогого ножа; он предложил мне четыре на выбор, из которых два были со скругленными концами и не годились, как оружие, один без ручки и один совершенно тупой. Я взяла последний, выложив пятнадцать дилумов; позже на берегу я наточила его о камень и вырезала необходимую мне дыру в рубашке.

Три дня подряд я только и делала, что отъедалась и восстанавливала силы. Спала я прямо на пляже, рассудив, что гостиница для меня — непозволительная роскошь. Далкрумский порт с двух сторон сторожат двадцатипушечные бастионы, коими оканчивается стена, подковой охватывающая город. За северным бастионом — устье реки Гирры, и на другом его берегу — рыбацкий поселок (кажется, в том же районе разместили и лагерь беженцев), но если пройти по узкой полоске гальки между прибоем и южным бастионом, дальше начинаются дикие пляжи, где почти никто не бывает, тем более осенью (по местным избалованным меркам, вода была уже слишком холодна для купания). Там я и спала на мягком песке, закутавшись в плащ; ночами было уже не жарко, но терпимо, пока на четвертую ночь не пошел дождь, так что к утру я вымокла и продрогла. Поскакав немного вприпрыжку и постаравшись отряхнуть плащ от мокрого песка, я поплелась в город в прескверном настроении.

Я шла и думала, что мои дилумы тают, а я все еще не знаю, что делать дальше. Пока я не оправилась от голодовки, нечего было и думать искать работу, но теперь самое время этим заняться. Однако вряд ли кто-то здесь захочет платить за мои знания (может, я и могла бы учить детей в каком-нибудь богатом семействе, но кто ж меня возьмет без рекомендательных писем? Да в таком костюме меня и на порог не пустят!). От владения шпагой (которой я к тому же теперь и не владею, хм!) тоже мало проку — если вдруг кому здесь и нужны частные охранники, то уж точно не пятнадцатилетние девчонки. А так как ремеслам я не обучена, меня могут взять лишь на самую черную работу. Скажем, мыть пол в таверне. Мало того, что это противно само по себе, так это еще и очень скудно оплачивается. Мне придется год копить на проезд до Гантру.

Предаваясь этим мрачным мыслям, я брела в направлении рынка и поначалу даже не обратила внимания на крики, раздавшиеся где-то неподалеку. Затем, однако, я подняла голову. Я как раз находилась у выхода из переулка на улицу, и с этой улицы неслось: "Стой! Стой, йаг! Держи вора!" В следующий миг в подворотню прямо мне навстречу влетел какой-то паренек и, не успев затормозить, врезался в меня.

Я шатнулась назад, рефлекторно хватаясь за него, чтобы устоять на ногах. Прямо перед своим лицом — он был выше меня, но не намного — я увидела синие глаза, распахнутые от испуга: очевидно, он решил, что пойман. Произойди вся эта история год назад, так бы оно и было: как и положено добропорядочной гражданке и уж тем более — дочери сотрудника Тайной Канцелярии, я бы приложила все усилия, чтобы задержать преступника. Но после всего, что со мной случилось, я вдруг приняла противоположное решение. Властным движением я потянула его за плечо вниз, одновременно толкая себе за спину. После мгновенного сопротивления он понял, пригнулся и присел позади меня. Я слегка приспустила плащ и чуть развела крылья под ним, чтобы прикрыть парня еще лучше.

Через несколько секунд показалась и погоня. Несколько разгоряченных ан्यों — в основном мужчины, но была среди них и тетка, настроенная весьма решительно — на миг остановились, вертя головами: куда побежал вор — в мой переулок, в переулок наискосок напротив или дальше по улице?

— Туда! — крикнула я, указывая на подворотню напротив. — Скорее, уйдет!

Если у кого из них и мелькнула мысль осмотреть мой переулок повнимательней, то последняя фраза подстегнула их, и они помчались в указанном направлении. Я выждала еще

немного, затем обернулась к спасенному.

Он выпрямился в полный рост, улыбаясь. В улыбке не хватало двух резцов, сверху и снизу, отчего рот казался разделенным пополам.

— Будь, — сказал он. Вероятно, это означало "будь здорова" или "будь удачлива". Стандартным илсудрумским "спасибо" он явно брезговал.

— Буду, — пообещала я. — Эйольта, путешественница. (В Илсудруме я, наконец, уже могла не играть в псевдонимы.)

— Нодрекс, вор, — ответил он мне в тон.

"Хоть этот сразу признался", — подумала я, разглядывая его. Симпатичный мальчик (он был, пожалуй, даже моложе меня), но не похоже, чтобы воровство было для него прибыльным бизнесом. Вся его одежда состояла из рубахи с широкими рукавами и подпоясанных простой веревкой брезентовых штанов с неряшливыми заплатами на коленях. В тот момент он был бос, однако на глазах у меня достал из-за пазухи пару поношенных туфель и обулся.

— Ты слышала, как я бежал? — спросил он в ответ на мой удивленный взгляд.

— Нет.

— Вот именно. А в туфлях — бум-бум, бум-бум на всю улицу. Да и быстрее получается босиком. Идем, пока они не вернулись.

Мы быстро зашагали в противоположную от рынка сторону.

— А пораниться не боишься? — продолжила разговор я, вспоминая свой бег по ночной Тхане.

— Догонят — больней поранят, — усмехнулся он.

— Плохой день сегодня? — посочувствовала я.

— Кто сказал? — удивился он и сделал короткое движение рукой. Из его широкого рукава в ладонь выскользнул небольшой кошелек. Не успела я опомниться, как добыча снова исчезла в рукаве. Я невольно проверила свой собственный карман. Он рассмеялся.

— У своих не краду. Но ты ухо остро держи. Тут не только я работаю.

— Мы уже свои?

— Ну, ты же мне помогла.

— Ты даже не спросишь, почему?

— Спрашивать — дурной тон. Захочешь, сама скажешь.

На самом деле он сказал "спрашивать — флюхаг", да и другие его реплики я привожу, так сказать, в переводе. Не меньше трети его слов были илсудрумским уличным жаргоном, который я, разумеется, никогда не изучала и теперь вынуждена была догадываться по контексту.

— Скажу, — решила я. — Хотя... это долгая история. Короче, я тут проездом, у меня почти не осталось денег, и я не знаю, что мне делать.

— Тюфяк есть?

— Что?

— Ночуешь где?

— На пляже.

— Оно и видно.

— Почему это видно? — вдруг обиделась я.

— Да одежду твою как тайул жевал. И песок в волосах.

"На себя посмотри!" — хотелось воскликнуть мне, но я сдержалась. Он-то на проблемы не жаловался.

— Как с присосками? — продолжал расспрашивать он.

— С деньгами, что ли? Говорю же...

— Не, про звяки я понял. Спрашиваю, к хвосту присосался кто? Ну, в смысле, гонятся за тобой?

— Нет. Здесь уже нет.

— Ты ведь не илсудрумка?

— Ранайка.

— Далековато учесала... Небось, из дома сбегла?

— Мне бежать незачем. Я совершеннолетняя, — холодно ответила я. Положим, на момент моего отъезда это было не так, но мне не понравилось, что он считает меня совсем несмышленной девчонкой.

— Да я уже тоже, дрыть... 14 стукнуло, теперь все, поймают — вкатают по полной.

Да, вспомнила я, в Илсудруме мужчина считается совершеннолетним с 14, хотя женщина, как и у нас — с 15. Это чтобы юношей можно было пораньше призвать в армию. Глупость, конечно, полная, никогда в истории не только Илсудрума, но и всей Земли не было такой войны, чтобы понадобилось призывать четырнадцатилетних... но закон ввел Прадрекс Великий, один из самых почитаемых илсудрумцами императоров (он действительно возродил государство после эпохи упадка и смуты, но на военной почве был малость сдвинутый), и с тех пор — традиция.

— А отсюда куда собираешься? — продолжал он.

— На запад Гантру.

— Чо ты там забыла? — Нодрекс удивленно уставился на меня. — Они ж язычники!

Вот уж не думала встретить защитника святой веры в уличном карманнике. Рассказывать ему про пришельцев сразу расхотелось.

— Спрашивать — фюлхаг, — усмехнулась я.

— Флюхаг, — поправил он. — Ладно, как знаешь. Чо-нибудь придумаем.

— Ты куда идешь?

— А ты?

— Вообще-то я шла на рынок, купить еды.

— Дело, — обрадовался Нодрекс. — Идем.

— Только ты там это... по карманам не шарь.

— Ха! А чо еще на рынке делать?!

— Не хочу, чтобы меня повязали как твою сообщницу, — непреклонно сказала я. — И вообще, запомни, пожалуйста — я тебе помогла, но я не воровка.

— Ну ладно, — скривился он. — Вообще-то в паре хорошо работать. Но если ты не умеешь, только больше риску засыпаться. Так что пока разделяемся. А на закате приходи ко мне. Подумаем, чо дальше делать. По крайности, спать на пляже больше не придется.

Как я поняла из его объяснений, он жил где-то в районе портовых доков. В каком именно доме, он не уточнил, сказав лишь, что без его помощи внутрь я все равно не попаду, так что он меня встретит. После чего мы пошли каждый своей дорогой, и я искренне пожелала ему не попасться.

Днем я бродила по городу, несколько часов провела в порту, сидя с ногами на парапете и глядя на морские суда (два из них отчалили на моих глазах, одно — под гантрусским флагом; впрочем, я уже достаточно знала об обычаях гантруссов, чтобы не рваться плыть на их корабле), а когда вечерние тени затопили улицы и в небе, пока еще беззвездном, засветился полумесяц Лийи, я была уже на месте встречи. Нельзя сказать, чтобы это место мне понравилось. Нодрекс точно описал дорогу, и я явно не ошиблась поворотом, но никаких жилых домов, даже трущобных, поблизости не было. Только глухие каменные стены, какие-то сараи, заборы, нагромождения гнилых досок и старых ящиков, сквозь которые прорастали кусты колючки... Вокруг не было ни души, и если бы кому-то захотелось со мной разделаться без свидетелей, место было бы идеальным. "Брось, — сказала я себе, — никому ты здесь не нужна!" И тут же у меня за спиной раздался лихой разбойничий свист. Я обернулась, сунув руку под плащ и хватаясь за рукоятку ножа.

Но это был всего лишь Нодрекс. Он сидел на плоской крыше низкого сарая и махал мне рукой. Видя, что я его заметила, он повернулся, скользнул с края крыши, на какой-то миг повис на руках и легко спрыгнул вниз.

— Идем, — он подошел ко мне, отряхивая руки.

— Ты зачем туда забрался?

— Мало ли... посмотреть, не увязался ли кто за тобой. Здесь народ разный попадаетеся...

Была ли это забота о моей безопасности, или он боялся, что я наведу полицию на воровское логово? Я предпочла не уточнять. Мы еще немного прошли по пустынной улочке между глухими стенами, потом нырнули в щель между длинными сараями (там было почти совершенно темно, пахло сыростью и гнилью), затем Нодрекс отодвинул доску в заборе, и мы вдруг очутились на морском берегу. Никаких домов здесь, конечно, не было. Справа прямо в море уходила каменная стена дока. Слева в полусотне локтей от нас в песок вросла старая баржа, на каких сплавляют по рекам зерно и лес (вверх по течению их втаскивают тйорлы-тяжеловозы); должно быть, много лет назад в шторм ее вынесло в море из устья Гирры, а потом выбросило на берег; это было так давно, что кромка воды с тех пор успела отступить. Над волнами в рыжих закатных лучах реяла одинокая йувва.

— Пришли, — сообщил Нодрекс.

— Где же твой дом?

— Вот, — он зашагал к барже.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Нос баржи, в непогоду омываемый прибоем, совсем сгнил, в боку зияла дыра, полузанесенная песком, но корма выглядела достаточно крепкой. Нодрекс прошел вдоль борта и нырнул в пролом, откуда вскоре показался с деревянной лестницей в руках. Приставив ее к борту ближе к корме, он вскарабкался на палубу и махнул мне рукой — давай за мной. Когда я тоже влезла, он втащил лестницу наверх и хозяйским жестом указал мне на проход в кормовую надстройку.

Его нынешние апартаменты, вероятно, раньше служили и кубриком, и камбузом. По крайней мере, вдоль одной стены располагались в два ряда четыре койки (команды барж очень невелики), а у другой стояла железная плита с уходящей в потолок закопченной трубой; дрова, точнее, доски для плиты были сложены рядом. Еще в помещении были: изящный (если бы не отсутствие одной ножки) круглый столик в центре, явно не из первоначального интерьера судна, а откуда-то притащенный Нодрексом, бочка с водой в углу, надтреснутое деревянное корыто рядом с ней и в разных местах — несколько ящиков, которые, в зависимости от необходимости, использовались и как шкафы, и как стулья. На койках, конечно, не было ни белья, ни матрасов, но на двух нижних таковые заменяли большие охапки соломы (не иначе как вторую подстилку Нодрекс сделал только сегодня специально для меня). Солома была разбросана и кое-где по полу.

— А говорил — не придется больше спать на пляже, — усмехнулась я.

— Пляж внизу, — обиделся Нодрекс, — а здесь мой дом. Шикарная хата, на самом деле. Здесь даже зимой классно, у меня все щели законопачены. ("Ну, — подумала я, — учитывая, что Далкрум всего в нескольких градусах южнее южного тропика, зимы здесь не самые страшные.") Воду, правда, таскать далеко. Зато такая здоровая баржа — и вся моя. Это тебе не вшестером в одной комнате на чердаке, как когда еще мать жива была... Только ты смотри, не сболтни никому. А то много найдется желающих, на дармовую-то квартиру... Все ж думают — тут сгнило все, а оно еще сто лет простоит. Сюда без лестницы не добраться, но узнают, так и лестницу притащат...

— Не скажу, — пообещала я со смехом. — Да и кому бы я рассказала, я ж тут не знаю никого...

— Утром ты и меня не знала, — логично возразил он. — Ладно, ты жрать хочешь?

— Я поела в городе, — ответила я. Хотя это была правда, на предложения подкрепиться

мне было все еще трудно было отвечать отказом; но при взгляде на эти роскошные апартаменты мне стало стыдно объедать их хозяина. Хотя, учитывая его утренний улов, он был в этот момент, пожалуй, богаче меня — но я тогда не подумала об этом, ибо все еще воспринимала себя представительницей одного из высших сословий, а он был из простонародья.

— Вот классно, и я тоже, — обрадовался Нодрекс. — Значит, не готовить. Ну, чаю поьем, — он открыл плиту, вытащил из ее нутра закопченный чайник, зачерпнул им воды из бочки, кинул в плиту несколько досок, предварительно сломав их об колени, достал из ближайшего ящика кремень и огниво. — Ты плащ-то сьмай, — предложил он, сидя на корточках спиной ко мне и чиркая огнивом. — И так тепло, а горячего напьемся — жарко будет.

М-да. А собственно, на что я рассчитывала? Если я собираюсь прожить с ним хотя бы несколько дней, он все равно узнает. А если я буду демонстративно кутаться в плащ все это время, станет подозревать неизвестно что — это, пожалуй, еще хуже правды...

Он, кажется, спиной почувствовал мои сомнения и повернулся, внимательно уставившись на меня своими синими глазами. Я сделала вид, что не замечаю вопроса в этом взгляде.

— У тебя... что-то есть под плащом, да? — негромко спросил он. — Я ведь заметил, как он раздвинулся, когда ты меня прикрывала. А руки у тебя при этом не шевелились.

Да, профессия обязывает. Вору нужно быть внимательным не менее, чем сыщику.

Ладно. Я решила и быстро сняла плащ.

— Есть гвоздь, чтобы повесить? — спросила я, как ни в чем не бывало.

— Да... вот там, — указал он в угол, не сводя с меня взгляда. Я почувствовала этот взгляд, пока вешала плащ; когда я шла обратно и садилась на ящик перед столом, он старался отвести глаза, но все равно смотрел украдкой.

— Давай так, — потеряла терпение я, — ты подойдешь и посмотришь, сколько влезет, можешь даже потрогать. Но после этого перестанешь на меня пялиться, как на двухголового тйорла. Я этого не люблю.

— Ты, это, извини, — сказал он, смутившись. Кажется, извиняться в его среде было так же не принято, как и говорить "спасибо". — Сам знаю, пялиться флюхаг, за это и по морде огрести можно... Просто... никогда не видел, тем более таких больших...

— Ты в этом не одинок, — заверила его я. — Вот. (Я расправила крылья.) И вот. (Я помахала ими.) Нет, летать я не умею. И отрезать их не собираюсь. Потому что они мне очень даже нравятся. Все? Тема исчерпана?

— Еще один вопрос можно? — попросил он почти жалобно.

— Задавай.

— Ты из-за них сбег... ну, в смысле, это... путешествуешь?

— Ну, в общем-то да.

— А чо там, на западе Гантру?

— Это уже второй вопрос, — усмехнулась я, однако ответила: — Не знаю. Может быть, уже ничего. А может, корабль со звезд, — и как-то вышло так, что я рассказала ему свою мечту в подробностях, о которых не говорила прежде никому. Даже маме перед расставанием я не сказала прямо, что хочу улететь в мир пришельцев, а не просто пообщаться с ними, хотя она наверняка догадалась...

— Да, их железная птица несколько раз пролетала над Далкрумом, — подтвердил Нодрекс, — однажды я даже сам видел. Только, если у них правда есть свои крылья, зачем им железная птица?

— У тебя есть свои ноги — зачем ты едешь на тйорлах?

— Не-е, я пешком хожу, — беззлобно хохотнул он.

— Ну, другие ездят... Птица, она быстрая. Куда быстрее живых птиц.

— Ну, наверно... — не стал спорить он. — Чайник кипит.

В Илсудруме чай настаивают на других травах, нежели в Ранайе, так что с непривычки вкус мне не очень понравился. Пока мы не спеша потягивали горячую темно-зеленую жидкость, Нодрекс пытался как-нибудь обиняком вывести меня на рассказ о моих приключениях. Воры не любят любопытных, и, блюдя воровской кодекс, он не решался расспрашивать напрямую. Но мне не хотелось рассказывать о своем путешествии. Слишком мало в нем было веселого, и слишком свежи были воспоминания. Поэтому я предпочла перейти к практическим материям:

— Ты говорил, что подумаешь, как мне добыть денег. Что-нибудь надумал?

— Ну... сколько тебе надо?

— Как минимум сотни три серебром (я имела в виду, конечно, в дилумах). Нужно же иметь хоть какой-то запас — корабль не привезет меня прямо к пришельцам, придется еще добираться до них из Гантру. А если, не дай бог, окажется, что пришельцы уже улетели, и мне придется плыть обратно... — я безнадежно махнула рукой.

— Эвон хватила — три кучки! Такие звяки в грязи не валяются. Хотя, конечно... Так говоришь, по карманам никогда не работала?

— Не работала и не собираюсь!

— Ну и зря. Я мог бы поучить. Хотя это время, конечно. С полтычка такую науку не схватишь. А вдруг твои пришельцы за это время улетят.

— Не больно-то твоя наука прибыльна, — усмехнулась я, обводя взглядом его жилище.

— Народ осторожный пошел, в кошельках много не носит... Но главное не это, конечно.

Отдавать много приходится.

— Отдавать? — удивилась я. — Кому?

— Барону, дрыть!

— Барону? — я совсем ничего не понимала. Неужто местные дворяне опустились до связи с карманными воришками?

— Ну, смотрящему над ворами, — нетерпеливо пояснил Нодрекс. — Он тоже вор, но сам уже на дело не ходит, только дань собирает. Ну и разбирается, если наедет кто. От полиции отмазать может, но это уж как сойдется, на это лучше не закладываться...

— Главный вор в городе?

— Не, барон — не главный. В городе главный — князь, а над ними еще короли есть, те сразу несколько городов держат...

Забавно, подумала я. Империя всегда кичилась своей строгой иерархической организацией, противопоставляя ее "бардаку" излишне свободолобивой и децентрализованной, по илсудрумскому мнению, Ранайи. Действительно, случись мне здесь убить сына губернатора (или, как их тут называют, имперского комиссара), за мной целенаправленно охотились бы по всей стране, а не в одной провинции, и даже наместникам северных колоний ушли бы соответствующие предписания... Но, оказывается, столь же строгая организация пронизывает и здешний преступный мир.

— А откуда барон знает, сколько ты наво... заработал?

— А он не долей берет, а по счету. ("Фиксированную сумму" — поняла я.) А где и как я столько добуду, ему без разницы...

— А если не платить?

— Руки переломают. Не хочешь на общак работать — и на себя не будешь.

— Значит, и мне бы переломали?

— Так это сперва узнать надо, что ты работаешь. А пока разнохают, ты бы уплыла уже...

Я на миг представила себя шарящей по карманам. Это было до того нелепо, что даже смешно.

— Нет, — твердо сказала я.

— Вообще-то правильно, — признал он, помолчав. — Не стоит в это дело сейчас влезать, тем более с непривычки. Про новый закон, небось, не слышала?

— Какой закон?

— Император подписал. Чтоб вора́м, пойманн́ым с поличным, на лбу клеймо выжигать. Вообще-то такой закон и раньше был, давно, лет триста назад или больше. Потом отменили, только за особо тяжкие оставили. А сейчас вот опять за любое воровство.

— Что ж ты сразу не предупредил?!

— Так ты все равно отказалась.

— А если б согласилась?

— Ну, сказал бы потом...

Я посмотрела на него недоверчиво.

— Сам-то не боишься?

— Боюсь, а чо делать? Жрать-то надо.

— А честным путем — никак?

— Что ж ты ко мне пришла, если честный путь знаешь? — усмехнулся он.

Да, о том, что выбраться со дна почти невозможно, я наслушалась и от Шайны. И вряд ли, пользуясь гостеприимством Нодрекса и прихлебывая купленный на ворованные деньги чай, я была вправе читать ему мораль.

— Вот если б какое крупное дело провернуть, тогда потом можно и в завязку, — продолжал он мечтательно.

— Пожалуй, я знаю такое дело, — неожиданно сказала я. — Грабануть ювелира на улице маршала Гродла.

— Ого, вот это замах! — рассмеялся Нодрекс. — А прикидывалась скромницей... Не воровка она...

— Он сам меня обокрал, — строго возразила я. — Выманил настоящий камень как поддельный. Вот пусть и получит по заслугам.

— Да, чужестранцу всегда ухо остро держать надо. Их-то первым делом и облапошивают... Только ювелир нам не по зубам. Там такие замки и решетки... — он покачал головой.

— А что нам по зубам?

— Если бы крупное дело было легко обстрипать, кто бы стал по карманам мелочь выгребать? Вот раньше, бывало, меня трубочистом брали, там много можно было заработать...

— Трубочистом? — в первый миг я удивилась, что такая работа считается здесь прибыльной, но тут же поняла, что это тоже какой-то воровской жаргон.

— Ну, хаты чистить... Через трубу влезает, когда очаг не горит, и подельникам дверь открываешь. На такое только мелких берут, взрослый-то не пролезет. А хату богатую взять — это потом годы припеваючи жить можно... Только трубочисту, понятно, крохи достаются, главную-то добычу взрослые воры меж собой делят. Но, когда куш хороший, даже и крохами вся семья месяц кормилась. А потом все, вырос, дрыть...

Меж тем совсем стемнело. Лийа светила в окно напротив, обволакивая голубоватым контуром силуэт моего собеседника; его лица я уже не видела. Негромко, успокаивающе шелестел прибор.

— Ладно, давай спать, что ли, — сказал Нодрекс. — Я тут свет зря стараюсь не жечь...

— И то верно, — согласилась я, — а то у меня уже в горле першит от этих разговоров.

Однако першило у меня не от этого. Купание в день прибытия мой ослабленный организм еще как-то выдержал, но ночевка под дождем не прошла для него даром. Наутро я проснулась с большим горлом, хлюпающим носом и тем неприятным ощущением легкости, которое сопутствует высокой температуре (и голоду, кстати, тоже, как я уже имела возможность узнать).

— Вставать будешь? — осведомился Нодрекс, подходя к моей кровати, но, должно быть, вид у меня был такой больной, что ответ не потребовался. — Не будешь, — констатировал он,

трогая мой лоб. — Ну-ка ляг на спину.

Я подчинилась, и он встал у койки на колени, прикладывая ухо к моей груди: — Давай, дыши глубже!

Я улыбнулась: мне представился на его месте доктор Ваайне с его холеными, приятно пахнущими цветочным мылом руками и отполированной до блеска медной трубочкой с широким раструбом. Если ему случалось пользоваться меня зимой, он всегда предварительно отогревал эту трубочку, чтобы холодное прикосновение не было неприятно горячей коже пациентки. "А теперь, барышня, вздохните поглубже..." Что-то с ним сейчас, вспоминает ли он меня?

— Нормально, — Нодрекс с облегчением распрямылся. — Хрипов нет, оклемаешься. У меня мать померла от этой, как ее, нимонии — вот у нее в груди клокотало... И сестры в ту же зиму померли... Тогда жуткие холода были, даже снег шел.

Несмотря на всю печальность его слов, я вдруг испытала зависть к жителям Далкрума: гОрода, где снег — редчайшая катастрофа, а не заурядное явление. Я ведь уже говорила, кажется, как ненавижу холод и зиму?

Тем не менее, простудиться можно и теплой, по йартнарским меркам, осенью, в чем я и убедилась. Болезнь была не то чтобы тяжелая, до бреда и тем более угрозы жизни дело не доходило, но все же четыре дня проваляться в койке с температурой мне пришлось. Лекарств-то никаких не было. Я, конечно, вручила мои оставшиеся немногочисленные дилумы Нодрексу с указанием купить в аптеке что-нибудь от простуды, но он сказал, что аптекарь ничего не продаст без рецепта врача (хваленая имперская организация!), а на то и другое у нас денег не хватит. Вместо этого он в первый же день вернулся домой с еще живой здоровенной жирной йупой, которая, наверное, тоже стоила немало. Птица испугано курлыккала и дергала связанными короткими крыльями.

— Украл? — осведомилась я.

— Купил... — проворчал он, доставая из ящика нож и пробуя пальцем остроту лезвия. — Мне щас красть нельзя — вдруг заметут, а ты тут одна останешься. Ничего, монет, что ты дала, хватило, еще даже осталось чуток... — с этими словами он вдруг взмахнул ножом и резким ударом отсек птице ногу. Искалеченная йупа закричала.

— Ты что, сдурел?! — возмутилась я. — Она же живая!

— То-то и оно, — спокойно ответил он. — У меня тут ледника нет. Если ей сейчас бошку оттяпать, ты сразу все не съешь, и она испортится. А так на несколько дней растянуть можно, — и, встретившись с моим обалделым взглядом, добавил: — Да ты ее не жалея. Йупы, они же совсем глупые.

В общем, четыре дня он отпаивал меня горячим наваристым бульоном и кормил птичьим мясом, отрубая для этого у йупы каждый раз по ноге; сам он при этом питался в основном хлебом и дешевыми в это время года фруктами. Лишь на четвертый день, когда он, наконец, зарезал йупу и сварил не только последнюю ногу, но и остальное мясо, он разделил со мной эту трапезу (у йуп, впрочем, самое питательное — именно ноги, обеспеченные аньйо едят только их, все прочее слишком костлявое и хуже на вкус).

То ли бульон и впрямь оказал целебное воздействие, то ли мой организм справился сам, но на пятый день я уже чувствовала себя вполне неплохо, хотя еще немного покашливала. Нодрекс, который в эти дни почти не отлучался (хотя я и говорила ему с улыбкой, что вовсе не так плохо, но, по-моему, ему было просто приятно демонстрировать мне свою заботу), наконец отправился в город, предварительно строго наказав мне, чтоб я сидела дома, потому что болезнь еще может вернуться. Это было, вообще-то, резонно, но мне не понравился его тон, и я возмущенно заметила, что его широкий нос еще не дает ему права командовать, ибо мозги помещаются вовсе не в носу. "Ладно, — пожал плечами он, — я оставлю тебе лестницу, но будешь уходить — не забудь ее спрятать в трюме."

Впрочем, хотя сидеть "дома" и было скучно, мысль о городской суете тоже энтузиазма не вызывала. Я ограничилась тем, что немного погуляла по пустынному в этом месте пляжу и сделала свой комплекс упражнений, пофехтовал с тенью ножом за неимением шпаги. Зато потом я отыскала в одном из ящиков Нодрекса бурый обмылок, нагрела воду в кастрюлях, наполнила корыто и наконец-то по-настоящему вымылась — боже, как давно я это делала в последний раз! Я извела почти весь запас пресной воды, но дело того стоило.

Нодрекса не было допоздна; я доела остатки вчерашнего супа и уже начала беспокоиться, но на закате, наконец, в иллюминатор стукнул брошенный камушек. Я взглянула вниз, потом вышла на палубу и спустила ему лестницу. Глаза его азартно блестели, и я поняла, что у него появилась какая-то грандиозная идея.

— В город приехал зверинец, — сообщил он таким тоном, словно извещал о прибытии звездных пришельцев или наследстве от доселе неизвестного богатого дедушки. — Вообще-то он уже четыре дня тут.

— Ну и что? Ты никогда не видел диких зверей?

— Да не, не в том дело. Там, кстати, не только звери. Там уроды сросшиеся, и старуха дикая на цепи, в шерсти вся... Но я не про то. Это наш шанс!

— Наш?

— Ну! Крупное дело! Народ к ним толпой валит. Вход — четвертак, я прикинул, за день сотни две у них набирается, а то и больше. Кусок, почитай, уже есть! И при этом — ни одного серьезного замка. Я там все обсмотрел, эти их вагончики ногтем открываются. Значит, ночью мы туда залезаем...

— Постой, постой. Я никуда лезть не собираюсь.

— Ну ясное дело, я полезу, ты на стреме постоишь. И берем кассу. Тебе триста, мне семьсот. Ну, ты ж понимаешь, основная работа моя, значит, мне больше... и потом, ты к звездам улетишь, а мне тут еще жить.

— А ты бы не хотел со мной к звездам? — спросила я в порыве великодушия, словно согласие пришельцев уже было у меня в кармане.

— Не-е... Ты ж говоришь, они крылатые. Что я среди них без крыльев делать буду? Они ж на меня, как на урода, смотреть будут. Все равно, что тут на... ой, извини, я не то имел в виду...

— Все нормально. Я знаю, как тут смотрят на таких, как я.

— Да и вообще, — поспешно продолжал он, — здесь мой дом, а там...

— Не очень-то он у тебя тут роскошный, — жестко заметила я.

— Не роскошный, зато свой! А там все чужое. Нее, не надо мне такого счастья...

— Как знаешь, — пожала плечами я и вернулась к более практическим материям: — А как ты деньги-то взять собираешься? Ведь хозяева ночью у себя будут?

— Ну, может, и в кабак пойдут, хотя это жалко было бы — часть звяков потратят... Но если у себя, они ж дрыхнуть будут. Мы поздно пойдем.

— Не разбудишь?

Он посмотрел на меня с видом оскорбленной гордости.

— Когда трубочистом работал — ни разу не разбудил! А я тогда совсем пацаном мелким был, никакого опыта, страх один...

— А животные? Они же тебя учуют, шум поднимут.

— Ха! Да мимо них за день столько народу проходит! Одним больше, одним меньше...

Я немного помолчала.

— Сегодня ночью? — спросила я наконец.

— Лучше бы, конечно, завтра, тогда у них в загашнике больше будет. Но, говорят, они завтра уже уезжать собираются. Так что — сегодня.

Я подумала над этим. В первую очередь меня беспокоила практическая сторона дела —

не слишком ли велик риск, особенно в свете этого нового-старого закона. Впрочем, я понимала, что основной риск берет на себя Нодрекс — если мне придется всего лишь, как он выразился, "стоять на стреме", и поймать меня, и доказать мое соучастие будет не так-то просто, тем более при строгости формальной процедуры, принятой в имперских судах. И лишь затем я озаботилась более тонкими материями. Действительно ли я, приемная дочь королевского палача, бывшая школьная отличница, готова стать воровкой? До сих пор все мои столкновения с законом, включая убийство стражников, носили характер самозащиты. Меня несправедливо преследовали и не оставляли мне другого выхода. Но теперь я собираюсь взять деньги, украденные у владельцев зверинца, не сделавших и не собиравшихся делать мне ничего плохого... Но разве у меня есть другой выход сейчас? Разве я знаю другой способ достать деньги, и разве я не потеряла уже совершенно бездарно черт знает сколько дней, в то время как пришельцы, быть может, готовятся к отлету? Почему в мире, где аньйо с репутацией честных торговцев могут продать меня в рабство или обманом выманить драгоценность, где я должна прятать свои крылья, словно одно обладание ими делает меня преступницей — почему одна лишь я должна проявлять щепетильность? Нет, добрые аньйо, к черту! Вы этому меня научили.

— Сегодня, так сегодня.

Мы попили чаю и легли спать, чтобы проснуться в середине ночи. То есть проснулся, конечно, Нодрекс и растолкал меня; я спала так же крепко, как и всегда, и никакие тревожные сны мне не снились. При свете Лийи мы спустились на прибрежный песок (море было удивительно спокойным) и зашагали в город. За исключением единственной луны (Лла уже успела зайти), никакого освещения в Далкруме (во всяком случае, в этой его части) не было, но моего товарища это не смущало. Вскоре район доков остался позади, и мы шли по погруженным во мрак улицам. В какой-то момент мне показалось, что звук наших шагов раздвоился, и в тот же миг Нодрекс, схватив меня за руку, увлек вглубь темной подворотни. Через пару минут мимо прошел ночной патруль — трое стражников с мечами; лунный свет тускло блеснул на их шлемах.

Наконец мы подошли к площади, на которой остановился передвижной зверинец. Она находилась на окраине; мои глаза, привыкшие к темноте, различали над крышами очертания близкой городской стены. Как видно, разместиться на площади ближе к центру стоило дороже, но не сильно увеличило бы приток посетителей — слух о зверинце и так быстро распространился по всему городу. На площадь выходило три улицы: по одной мы пришли, вторая вела в другом направлении практически под прямым углом к первой, а третья, с другой стороны площади, шла в сторону стены и, видимо, кончалась тупиком. В вершине прямого угла, принадлежа, таким образом, сразу двум улицам, находилась какая-то лавка или, может быть, дневная харчевня; сейчас ставни и дверь этого заведения были на замках. Если смотреть сверху, это здание представляло собой не квадрат, а пятиугольник — тот угол, что должен был вливаться в площадь, был срезан; именно в этой пятой стене находился вход, а над ним — плоский деревянный навес, поддерживаемый резными столбиками. Фургоны зверинца стояли на площади кольцом, сцепленные друг с другом; их борта были опущены до земли, отрезая любителям посмотреть животных на дармовщинку возможность пролезть под повозками. Как раз напротив дома с навесом между двумя фургонами, поставленными задом друг к другу, был оставлен проход, перекрытый самыми натуральными воротами: их створки были привешены на петлях к задним стенкам фургонов. Сейчас ворота, очевидно, были заперты изнутри.

— Влезешь туда, — прошептал мой сообщник, указывая на навес. — Оттуда видны и улицы, и лагерь. Если что — просигналишь мне вот этим, махнешь в ту сторону, где опасность... не, лучше в обратную, чтоб точно не засеки, — он протянул мне осколок зеркала. Лийа освещала стену с навесом достаточно ярко, но ведь она осветит также и меня? — Будешь лежать на навесе — тебя снизу не заметят, если только специально не искать, — уловил мои сомнения

Нодрекс.

Я подошла к резным столбикам, окинула взглядом ближайший из них, провела рукой по его тонкой талии. В это сужение как раз было удобно упереться ногами, перехватывая руки со столбика на край навеса. Даже учитывая, что я еще не восстановила форму, влезть большого труда не составляло.

— Я подсажу, — пообещал мой спутник.

— Сама справлюсь.

Все же он постоял внизу, пока я карабкалась наверх. Убедившись, что я благополучно заняла наблюдательный пост, он снял туфли и беззвучной тенью двинулся к повозкам.

Какое-то время он возился, стоя на коленях возле угла одной из повозок — очевидно, расцеплял крепеж, удерживавший борта в опущенном положении. Наконец Нодрекс приподнял дощатый борт (тот слегка скрипнул) и скользнул под фургон. Через некоторое время я увидела его уже внутри кольца повозок. Со своей позиции я видела не всю внутренность лагеря — для этого я находилась недостаточно высоко — а лишь дальнюю ее часть; именно в этой части располагалась пара вагончиков с окнами, своим видом отличавшихся от прочих глухих фургонов и служивших, по всей видимости, жилищем и складом инвентаря для хозяев зверинца. Нодрекс подошел к левому вагончику и какое-то время колдовал над дверью, затем очень медленно и осторожно потянул ее на себя; как он ни старался, короткий жалобный скрип все же вырвался, и я услышала еще какие-то приглушенные звуки — должно быть, завозилось спросонья одно из животных. (Самих клеток со зверями я не видела — внутренние стенки фургонов, где они размещались, раскрывались лишь во время приема посетителей.) Нодрекс замер, но затем, осмелев, просунул голову в щель — причем не на высоте своего роста, а пригнувшись практически к полу стоявшего на колесах вагона. Убедившись, что все спокойно, похититель забрался внутрь.

Отсутствовал он довольно долго. Я понимала, что, хотя вагончик был и невелик, действовать приходилось в темноте и с крайней осторожностью — однако все равно начала тревожиться. Впрочем, признаюсь честно, сердце мое с самого начала билось быстрее, чем следует. Навес, на котором я лежала, был на самом деле слегка наклонным, так что мои ноги оказались несколько выше головы, но, подперев подбородок руками, я ликвидировала это неудобство. Периодически я крутила головой влево и вправо, проверяя прилегающие улицы, но там было по-прежнему пусто. Со стороны зверинца время от времени доносилось то пыхтение и возня, то сонное урчание, но все эти звуки были негромкими и, очевидно, привычными владельцам, так что вряд ли могли их разбудить. И все же, чем дольше торчал в вагончике Нодрекс, тем больше у меня крепла уверенность, что вот сейчас какому-нибудь зверю приснится кошмар, и он издаст трубный крик...

Наконец он показался, и я вздохнула с облегчением. Но, как выяснилось, рано: Нодрекс размашисто помотал головой, давая мне понять, что поиски оказались неудачными, и занялся дверью второго вагончика.

Лежать на навесе практически без движения было холодно, и я подумала, как бы не вернулась моя простуда. Не успела я это подумать, как мне захотелось чихнуть, и я, затаив дыхание, терла нос пальцами, пока желание не пропало. Хотя вряд ли, конечно, мой чих мог кто-то услышать — тем более что в одной из повозок снова завозилось и глухо зарычало какое-то, судя по всему, крупное животное. Я нетерпеливо ждала, когда оно угомонится, но вышло наоборот: как видно, зверь разбудил соседа, и к рычанию добавилось повизгивание, а потом кто-то громко хлопал крыльями. Я лежала, как на иголках, не отрывая взгляда от двери, в которой, исчез мой товарищ; потом вспомнила, что надо следить и за улицами. Мне показалось, что на улице слева я различила какое-то движение; замерев, я вглядывалась во мрак. Но по прошествии пары-тройки минут я убедилась, что это была лишь игра перевозбужденного воображения, и вновь посмотрела в сторону вагончика.

Нодрекс уже вышел. Но вместо того, чтобы пробираться наружу, он стоял перед открытой дверью и махал мне рукой... точнее, даже не махал, а делал загребающие движения, явно призывая меня к себе. Я махнула ему в ответ, пытаясь дать понять, что все в порядке, и он может спокойно возвращаться. Он сделал несколько шагов от вагончика, но вновь остановился, повторяя те же жесты. Ему явно зачем-то нужна была моя помощь в самом лагере.

Это мне никак не понравилось. Подобный план действий мы с ним даже не обсуждали, да и чем я, с моим полным отсутствием опыта в подобных делах, могла бы ему помочь? Однако он упорствовал и не двигался с места; с раздражением подумав, что этак мне придется лежать на навесе до рассвета, я еще раз окинула взглядом улицы и полезла вниз.

Я помнила, какой из бортов он открыл; приподнять его и пролезть под повозку было нетрудно. Я подняла внутренний борт (сверху бил острый звериный запах) и выползла на территорию лагеря. Затем выпрямилась, отряхивая ладони и колени.

И в тот же миг меня крепко схватили за руки, выкручивая их за спину.

Я отчаянно рванулась, все еще безмолвно, но у врагов было преимущество в численности, силе и внезапности. Я все же успела захватить кому-то из них ногой по колену (и, судя по раздавшемуся вскрику, удар был неплох), но в тот же миг тяжелый кулак обрушился на мой затылок с такой силой, что все поплыло у меня перед глазами. Когда сознание встало на место, я уже стояла на коленях со связанными со спиной руками, и кто-то сдирал с меня плащ.

Я еще попыталась хлестнуть их крыльями, но это был уже жест отчаяния. Даже если бы мне удалось вырваться, со связанными руками я бы уже не смогла поднять борт, чтобы нырнуть под повозку. Меня ударили по спине, не то чтобы сильно, скорее, просто призывая прекратить сопротивление.

Я опустила крылья и подняла голову. Нодрекс все еще стоял на прежнем месте, но теперь я увидела рослого полуголого мужчину, который вышел следом за ним из открытой двери вагончика. Пистолет в его руке смотрел в спину мальчишке. Нодрекс обернулся, потом сделал несколько нерешительных шагов вперед.

— Ну, видите, я не обманул, — сказал он, стараясь не смотреть в мою сторону. — У нее правда большие крылья. Теперь вы меня отпустите?

— Ладно, проваливай, — бросил один из моих пленителей. — И молись Господу Заступнику, что так легко отделался.

— Предатель! — рванулась я, но меня удержали за плечи. — Вонючий твурк!

— Прости, Эйольта, — пробормотал тот. — Я не хотел, но... они меня поймали... я говорю — ну отлупите меня и отпустите, какой вам прок меня в полицию сдавать, вы же даже не здешние... а они ни в какую, получишь, говорит, что по закону... ну и... я подумал... это что ж выходит, ты к звездам улетишь, а мне клеймо на лоб и на цепь в каземат? Я, в конце концов, из-за тебя на это дело пошел!

Первые слова он произнес виновато, а последние — чуть ли не с ненавистью. Очевидно, пытался заглушить свою совесть... Этот мерзавец даже не крикнул, когда его схватили! За шумом животных я не слышала, что происходило в вагончике, но крик я бы услышала. Однако он с первой же секунды решился на предательство. Это только в слезливых воровских балладах уголовники не сдают своих...

— Беги стирать штанишки, герой носатый, — процедила я сквозь зубы.

— Ты... Я... — он так и не нашелся, что сказать, и поспешил к фургонам, пока хозяева зверинца не передумали. Я слышала, как у меня за спиной скрипнул борт повозки, под которым он полз на брюхе навстречу свободе.

Подошел коренастый анйю с факелом, одетый в грубый свитер и кожаные штаны. Мне, наконец, позволили подняться. Я огляделась. Моих врагов было пятеро: двое по-прежнему держали меня сзади, трое зашли спереди. Ни один не выглядел слабаком; это и не удивительно — им приходилось иметь дело с дикими животными, включая опасных хищников, а значит, с

силой, ловкостью и реакцией у них все было в порядке. Однако хладнокровие уже вернулось ко мне, и я решила, что отнюдь не все потеряно. Правда, я все еще не понимала, причем здесь мои крылья...

— Я требую немедленно освободить меня, — сказала я с достоинством. — Вы не имеете права меня задерживать.

— В самом деле, воровка? — осклабился тот, что с пистолетом (он уже сунул свое оружие за пояс и сложил руки на груди).

— Я не воровка. Я не знаю, что вам наплел этот трусливый йитл, но мне он сказал, что лезет внутрь, чтобы посмотреть на зверей. Ему было жалко четвертака, чтобы прийти днем. Я ждала его снаружи и стала беспокоиться, что его долго нет. Я, конечно, виновна, что полезла внутрь без разрешения, но готова заплатить вам за это дилум, вчетверо больше обычной платы.

Мои последние слова потонули в их гоготании.

— Складно врешь, — оценил тот, что с факелом.

"Не очень, если ты мне не веришь", — мрачно констатировала я про себя.

— Хорошо, если вам так нужна лишняя волокита — зовите полицию, — пожала плечами я. — У вас нет никаких доказательств, что я пыталась у вас что-то украсть. Даже если мальчишка вам что-то и наплел, он уже далеко отсюда. Я виновна только в незаконном проникновении в ваш лагерь, при том, что эта площадь принадлежит не вам, а городу. Имперский суд чтит презумпцию невиновности и отпустит меня за недостаточностью улик.

— Обойдемся без полиции, — сказал аньйо с пистолетом. Похоже, он был здесь главным.

— Вот и хорошо. Тогда развяжите меня, я дам вам... даже два дилума за беспокойство, и будем считать конфликт исчерпанным.

— Не нужны нам твои жалкие монетки, — поморщился тот. — Ты принесешь нам гораздо больше.

— Каким образом? — я вновь почувствовала страх.

— В любом городе найдется немало желающих поглазеть на тебя. После того, как сдох Вурс, у нас как раз имеется свободная клетка...

Нет! Я вспомнила, что Нодрекс что-то говорил об уродах, которых держат в зверинце вместе с животными, но тогда мне и в голову не пришло, что это может как-то касаться меня!

— Я не стану работать на вас в таком качестве! — возмущенно воскликнула я.

— А кто тебя спрашивает, рабыня?

Это слово обожгло меня, как удар кнута.

— Рабство отменено! Ни один аньйо в метрополии не может быть рабом другого!

— Ты плохо знаешь закон, — усмехнулся хозяин зверинца. — Там сказано — ни один полноценный аньйо. Крылатые полноценными не признаются, как и другие, родившиеся уродами.

— Все равно, вы не имеете права! Я не ваша собственность, я свободная ранайская гражданка!

— Да-а? И ты можешь подтвердить это документами?

— Документами?... — я на миг растерялась. Сами понимаете, никаких документов у меня не было — их, кстати, не было даже когда я выехала из Йартнара, ибо тогда я еще не была совершеннолетней. В Ранайе бумаги требуются главным образом при заключении письменных сделок или вступлении в государственную должность, а не для путешествий. Впрочем, даже если бы я и предъявила теперь документы, меня бы (как я догадалась чуть позже) это не спасло — их бы тут же и порвали у меня на глазах. — Конечно, могу! Но они у меня не с собой. Развяжите меня, и сходим за ними.

Эта жалкая уловка удостоилась лишь презрительного смеха.

Меня обыскали, отобрали нож, забрали заодно и те три дилума, что были у меня с собой.

И тут я услышала шаги на улице. Дробный раскатистый стук — шаги анью, привыкших ходить в ногу. Стражники!

"Помогите!!!" — заорала я во все горло, опасаясь, что мне вот-вот заткнут рот. Действительно, чья-то рука дернулась к моим губам, но хозяин зверинца отрицательно качнул головой: "Пусть орет".

Шаги перешли в бег, в ворота загрохотали кулаки: "Отворяйте, патруль!" Один из моих врагов отошел к воротам и откинул засов. Трое патрульных в блестящих шлемах и нагрудниках, держа руки на рукоятках мечей, двинулись в мою сторону: "Что здесь происходит?"

— Все нормально, господин капрал, — ответил хозяин зверинца. — Мы купили крылатую девку для нашего заведения, ну, а ей вдруг вздумалось ерепениться.

— Он все врет! — крикнула я. — Они захватили меня силой, я не рабыня!

Хозяин лишь с улыбкой кивнул в мою сторону — вот, мол, полюбуйтеся.

— Если это правда, — обратился ко мне капрал, — назови свое имя и адрес, и мы тотчас проверим.

— Я... я не из Далкрума.

— Но ведь где-то ты остановилась? Или у родственников, или зарегистрировалась в гостинице?

Я, разумеется, уже отнюдь не считала себя обязанной хранить секрет жилища Нодрекса, но ссылка на подобный "дом" явно не пошла бы мне на пользу.

— Я приехала только сегодня, ну в смысле вчера вечером, и не успела найти жилье.

— Но документы у тебя есть?

Сказать, что они в другом месте, уже не получалось, раз я только что заявила, что у меня нет жилья в городе.

— Нет... — видя, как все больше брезгливости проступает на лице капрала, я поняла, что выдумывать что-то нет времени, и попыталась ухватиться за правду: — Я беженка с Ктито, то есть на самом деле я из Ранайи...

— Почему сразу не с обратной стороны Лла, — оборвал меня капрал и повернулся к хозяину зверинца: — Ладно, заткните ей пасть. Ваши животные не должны нарушать сон и покой мирных граждан.

Животные. Он так и сказал.

— С удовольствием, господин капрал, — ухмыльнулся владелец зверинца и протянул ему отобранные у меня дилумы: — Извините за беспокойство.

Капрал равнодушно ссыпал монеты в карман и повернулся к своим: "Пошли, ребята". А мне и впрямь принялись заматывать рот какой-то широкой лентой, кисло пахнувшей зверем. Должно быть, ею завязывали пасти хищников, чтобы те не кусались или не выли. В первый момент меня чуть не стошнило.

— Ну что, убедилась? — хозяин зверинца посмотрел на меня сверху вниз, благо рост позволял. — Никто тебе не поможет. Ладно, давайте ее в вагон с барахлом, пока Прум подготовит клетку, — он все еще стоял, голый по пояс, и, наконец, обратил внимание на ночной холод и поежился: — Прохладно, черт.

"Не надо было говорить про Ранайу", — убито думала я, шагая под конвоем к вагончику, первым обследованному Нодреksom. Все-таки, несмотря на очередное соглашение о вечном мире, илсудрумцы и ранайцы не очень любят друг друга. Еще с тех самых пор, как пять будущих западных провинций Ранайи вышли из состава Илсудрума, воспользовавшись тогдашним упадком империи — было это за полтора года до Кайллана Завоевателя... В образованной среде эти настроения если и проявляются, то скорее в виде духа соперничества, часто даже добродушно-ироничного, а не враждебности. Но вот среди простого народа, такого, как эти стражники или те же балаганщики...

Впрочем, главное, конечно, было не это. На лице капрала читалось отвращение вовсе не

к ранайцам, а к крылатым. А если и к ранайцам, то главным образом за то, что те дали крылатым равные права. И, должно быть, ему доставило особое удовольствие поправление этих прав.

Ужасно не хочется рассказывать, что было дальше. Но придется, раз уж я взялась за это повествование.

Они все-таки не решились выставить меня напоказ в Далкруме. Должно быть, побоялись, что у меня все же могут отыскаться друзья в городе — пусть не среди властей, так среди бандитов. За это их опасение я заплатила несколькими лишними часами, которые провела в вагончике в куче какого-то тряпья, связанная и с замотанным ртом. Мне не только скрутили руки и ноги, но и крылья тоже примотали к телу в сложенном состоянии, так что шансов выбраться из-под тряпья не было. Я там чуть не задохнулась. Хорошо хоть, что вязали меня не веревками, а специальными длинными ремнями, которые, хотя и держали крепко, не нарушали кровообращения — очевидно, их использовали для длительной фиксации животных...

Лишь где-то в районе полудня зверинец снялся с места, и караван повозок покатил прочь из Далкрума. Я могла лишь догадываться об этом по толчкам и покачиванию вагончика. Вскоре, однако, он снова остановился, и я услышала, как открылась дверь. На какой-то миг — уж больно недолгой была поездка — у меня мелькнула надежда, что караван остановлен какими-нибудь неведомыми спасителями...

Увы. Когда меня вытащили из-под тряпья, я увидела все те же лица — хозяина зверинца (его звали Илдрекс Гарвум, как я узнала, прочтя имя на валявшихся в том же вагончике афишах) и пары его подручных. Мне, наконец, освободили рот, но прочие пути пока не тронули.

— Сейчас ты займешь свою клетку, — сказал Гарвум, — но прежде, чем мы приедем в следующий город, ты должна кое-что усвоить. Мы не изверги и без нужды не станем делать тебе зла (значит, посадить меня в клетку, как животное, и выставить на потеху толпе — это уже не зло?!), но и ты веди себя, как надо. Когда на тебя придут смотреть, ты не должна забиваться в угол и прятать крылья. Напротив, расправляй их пошире и время от времени маши ими.

Мои челюсти сжались до боли в скулах, но я взяла себя в руки. Раз им от меня что-то еще надо, открывается пространство для маневра и торговли. И если прямо сейчас нет шансов освободиться, то почему бы не попытаться извлечь хоть какую-то выгоду из неизбежного?

— Ладно, у меня к вам предложение, — сказала я. — Я буду кривляться перед зрителями, как вы хотите, и стараться, чтобы вы заработали побольше денег. Но спустя... мм... некоторое время вы меня отпустите и заплатите мне за работу.

— У меня другое предложение, — усмехнулся Гарвум. — Или ты будешь делать то, что я сказал, или мы отберем у тебя одежду и посадим на цепь, как старуху.

Эту старуху я увидела чуть позже. Она действительно сидела в своей клетке без одежды, но и голой ее тоже нельзя было назвать. Все ее тело было покрыто седой шерстью. Обычно-то у анью волос на теле нет совсем, в редких случаях — легкий пушок. А тут — настоящий звериный мех, даже длиннее, чем короткая шерстка тйорлов. Афиши и надпись на клетке называли старуху дикой, хотя на самом деле она наверняка родилась в каком-нибудь сельском или городском доме. Старуха была совсем сумасшедшая. Даже говорить не могла, только время от времени мычала какой-то мотив, всегда один и тот же. Имени у нее не было, или, по крайней мере, его никто не знал; так и говорили — старуха. Чтобы подчеркнуть ее дикий статус, ее держали в железном ошейнике и на цепи, хотя она была неагрессивная, просто сидела целыми днями без движения, иногда только раскачивалась, когда мычала свой мотив; на происходящее вокруг она никак не реагировала. Впрочем, обычных сумасшедших в психдомах тоже держат в кандалах, никогда ведь заранее не известно, что они выкинут, так что как раз тут ничего необычного нет.

Тогда я этих подробностей не знала и не поняла, почему это в представлении хозяина зверинца старух надо сажать на цепь. Но угроза была достаточно весомой и сама по себе, без

аналогий. И я не успела спрятать от Гарвума свой испуг.

— Так что, будешь хорошей девочкой? — он испытующе взглянул мне в глаза. Что ж, ловушка была безупречной — согласиться на одно унижение, чтобы избежать другого...

— Буду, — пробурчала я, отводя взгляд.

Мне развязали ноги, отобрав при этом башмаки ("в клетке они без надобности"; это была, конечно, дополнительная помеха на случай побега), после чего, наконец, вывели из душного вагончика на свежий воздух. Караван остановился милях в двух к югу от Далкрума, посреди дороги, вившейся над обрывистым берегом океана. Полуденное солнце припекало, но тепло его было уже не палящим, а мягким, осенним. Слева от дороги, буквально в тридцати локтях, начиналась вечнозеленая роща; там свирители какие-то мелкие пичуги. Рвануть бы туда, несмотря даже на связанные за спиной руки... но нет, на всем коротком пути до фургона с клеткой меня держали слишком крепко.

Предназначенная мне клетка была в фургоне не единственной, а лишь средней из трех. В той, что сзади по ходу фургона, помещались три крупных северных вйофна, на каких я когда-то в детстве смотрела с завистью в йартнарском зверинце (вот и дозавидовалась, дрыть!), а в той, что спереди, обитала кйалла — большая нелетающая хищная птица, что водится в степях восточного Инйалгдара и легко догоняет на своих голенастых ногах степного йимпана, забывая это не такое уж мелкое копытное одним ударом клюва. Что и говорить, тому, кто подобрал мне таких соседей, не откажешь в остроумии...

Обстановка клетки живо напомнила мне карцер Анкахи — правда, тут на деревянный пол была щедрым слоем набросана свежая солома. Ну и, разумеется, вместо каменных стен — железные решетки, заметно, впрочем, меньшего периметра. Всей моей свободы тут было — встать в полный рост (а будь я на пол-локтя выше, не вышло бы и этого) да сделать четыре шага из угла в угол...

Меня завели внутрь и лишь после этого окончательно освободили от ремней. Разумеется, двое верзил при этом загоразивали выход... Потом клацнул замок, захлопнулись половины открывающейся левой стенки фургона, и меня оставили в покое — почти в полной темноте (свет проникал лишь сквозь щели между досками стенок), в компании других крылатых узников.

Ну а на следующий день караван прикатил в другой город, не такой большой, как Далкрум, но тоже вполне способный принести владельцам зверинца не одну сотню медных дилумов. И мне пришлось... "работать". От рассвета до заката. Счастье еще, что представлявшее такой интерес для зевак находилось у меня за спиной, поэтому меня не заставляли сидеть к ним лицом. Не знаю, как бы я пережила *такое* унижение... Сидеть, отвернувшись к глухой стене фургона, было все-таки легче. Хотя поначалу мне тоже казалось, что я умру со стыда, особенно когда я услышала первые глумливые реплики... Но за пару часов я научилась абстрагироваться от толпы за спиной. Ее шум становился бессмысленным фоном, подобным шуму моря или дождя, который перестаешь замечать, погружаясь в свои мысли. Некоторые особо громкие или визгливые восклицания все же пробивали мой защитный кокон, но в основном мне удавалось отрешиться от зрителей. Я автоматически расправляла крылья и периодически помахивала ими, но думала при этом о своем.

Хотя, разумеется, мысли эти тоже вертелись главным образом вокруг происходившего. Сначала я говорила себе, что сама во всем виновата. Идея обокрасть зверинец принадлежала не мне, но я ее поддержала — и вот расплачиваюсь. Я повторяла себе это не только потому, что это было справедливо; дело еще в том, что мысль о заслуженности моих страданий была все же не так тяжела, как бессильная ненависть. Но со временем ненависть брала верх. Пусть я воровка, но это не значит, что со мной можно обращаться, как с животным! Я заслужила тюрьму, но не клетку в зверинце! Со школьных лет я не испытывала ничего подобного. На мне были штаны и рубаха (вырезанная на спине), но я чувствовала себя еще хуже, чем когда стояла голой перед

Анкахой. Там я стояла гордо. Гордо сидеть в клетке невозможно...

Так что каждый день моей "работы" — а за первым городом был второй, потом третий... — был наполнен, по сути, двумя мыслями: как мне сбежать и как отомстить своим поработителям. Я строила планы один фантастичнее другого, но увы — все они куда больше походили на бесплодные мечты, чем на практическую программу действий.

Разумеется, я тщательно исследовала клетку в первый же день, еще до того, как меня впервые выставили напоказ. И убедилась, что замок невозможно ни сбить, ни сломать, а на прутьях никаких следов коррозии, и они слишком толстые, чтобы выломать их или погнуть. Правда, я все же решила, что буду тратить часть выдаваемой мне воды, чтобы поливать один и тот же прут у основания — но для того, чтобы он достаточно проржавел, потребовались бы, как минимум, многие месяцы. Значит, оставалось вооружиться терпением, а также тезисом, который не раз повторял мой отчим: "Самое слабое звено любой системы — это анью". Я начала внимательно присматриваться и прислушиваться к своим врагам при каждой предоставлявшейся возможности.

Всего их было восемь. Илдрекс Гарвум — действительно главный, но зверинец принадлежал ему не целиком; два его брата были, как я поняла, компаньонами-пайщиками. Еще двое были наемными работниками, но на их попечении состояли не столько экспонаты зверинца (исключая случаи, когда надо было снять клетку с повозки или поставить ее обратно), сколько тйорлы; также они занимались всякой починкой, если, к примеру, у фургона надо было поправить колесо и т.п. Практически вся забота о животных (и других узниках) лежала на третьем работнике, Пруме. Вероятно, его полное имя было длиннее, но все звали его именно так. Это был старик, разносивший пищу и убиравшийся в клетках; остальные относились к нему с явным пренебрежением, и получал он наверняка меньше всех, хотя его работа была самой грязной и опасной. Казалось бы, он и был тем самым слабым звеном — подожди, пока он откроет замок, ударь его и беги — но, когда я впервые увидела его (в моей поимке он не участвовал), меня взяла оторопь. Да, он был стар, дурно одет, его длинные седые волосы слиплись от грязи, и сам он пропитался запахом животных — но он отнюдь не был слабым. Его мускулистые руки были оплетены веревками жил, а прямой осанке могли бы позавидовать многие юноши. В нем было полных четыре локтя роста, может, даже четыре с четвертью. Левую половину его лица, от лба до подбородка, бороздили три жутких глубоких шрама — очевидно, след удара когтистой лапы. Когти чудом не выдрали мутно-голубой глаз, хотя из-за повреждения соседних тканей он тарашился между багровыми шрамами как-то особенно отвратительно и жутко. Крайний левый коготь вырвал у него кусок носа и угол рта, так что, даже когда Прум держал рот закрытым (а так было почти всегда), в не до конца заросшую дыру был виден его желтый клык. Одного взгляда на это обезображенное лицо было достаточно, чтобы вызвать кошмары — не у меня, конечно, но у более впечатлительной особы точно. Но лицо — это было еще не все... На поясе у него всегда висели с одной стороны свернутый кнут, а с другой — тяжелая, налитая свинцом дубинка. И я видела — не в первую встречу с ним, а позже... тут надо сделать отступление и заметить, что осень давно перевалила за середину, да и двигался караван на юг, поэтому с каждым днем становилось все холоднее, и, если в первых двух городах зверинец еще работал на открытом воздухе, прямо в повозках с раскрытыми стенками, как в Далкруме, то позднее для показа арендовали какой-нибудь большой сарай, где и расставляли клетки. Тут-то я и получила возможность получше рассмотреть своих соседей и товарищей по несчастью... Так вот, я видела, как Прум входил в клетки к самым опасным из имевшихся в зверинце хищников. И они — и грэрро, ужас йертаншехских джунглей, и свирепый райов, король Великой пустыни Гвайорат — приседали и пятились в угол, стоило ему открыть дверь. Должно быть, уже отведали дубинки и кнута... И, глядя в жуткое лицо Прума, которое (возможно, из-за травмы) никогда не меняло выражения, я не сомневалась, что он без колебаний угостит тем же самым и меня, стоит мне дать ему хоть малейший повод. Нет,

поймите меня правильно, я вовсе не струсил (хотя посмотрела бы я на вас, окажись вы в тесной клетке один на один с таким типом). Просто я понимала, что действовать надо только наверняка, что в случае неудачи меня и впрямь прикуют цепью, и второго шанса уже не будет. Так что пока я лишь наблюдала и выжидала. Войдя в клетку — неважно, чью — Прум первым делом запирает за собой дверь, не сводя глаз с узника. Дверь никогда не оставалась открытой дольше, чем на несколько секунд, и все это время он загоразживал ее своим телом.

Прошло несколько дней с нашей первой встречи, прежде чем я попыталась заговорить с ним. Но он ничего не ответил и вообще не отреагировал на мои слова. Лишь позже до меня дошло, что он был вообще немой (хотя, судя по командам, которые ему отдавали хозяева, понимал то, что ему говорили). В общем, хотя я и не отвергла совершенно идею как-нибудь заставить этого монстра врасплох, я предпочла пока что отодвинуть ее на задний план.

Куда большую надежду мне в первые дни внушили двое оставшихся балаганщиков. Это были женщины, жены Гарвума и одного из его братьев. Первой, как и самому Гарвуму, было под сорок, вторая была почти девчонка, всего на несколько лет старше меня. Я очень рассчитывала на их сочувствие, а в дальнейшем, возможно, и помощь. Прошло больше декады, прежде чем я улучила момент заговорить сначала с одной, потом с другой так, чтобы не услышали мужчины... Но увы! Они в полной мере разделяли предрассудки относительно крылатых, а в их глазах я к тому же была и источником семейного дохода. "Тебя тут кормят и не бьют, а всей работы — просто сидеть цельными днями. Тебе, чай, как мне, стряпать да штопать да стирать не приходится. И ты еще недовольна чем-то?" — неприязненно резюмировала свою позицию старшая. Младшая и вовсе не стала со мной разговаривать, одарив полным брезгливостью взглядом. Им даже и в голову не приходило смотреть на меня, как на анью, представить себя на моем месте. Как же, они были "полноценные"! Тупые безмозглые йупы, едва ли умевшие читать хотя бы по слогам...

Хорошо, что у них не было детей. Воображаю, какой желанной жертвой я могла бы стать для малолетних мучителей... Кто и когда придумал байку о детях как о невинных ангелочках? Наверное, тот, кто слишком быстро забыл собственное школьное детство.

Короче, во вражьем стане у меня союзников не было. Среди своих, как выяснилось, тоже. Под своими я тут имею в виду, конечно, не животных, а других анью, содержавшихся в зверинце. Про старуху я уже рассказала. Кроме нее, было еще двое, сидевшие в одной клетке. Это были сросшиеся близнецы. Они срослись спинами и затылками, поэтому, хотя и обречены были всю жизнь провести вместе, никогда не видели друг друга. Ноги у них были у каждого свои, и они могли ходить, хотя им это было неудобно — если идти обычным образом, одному пришлось бы пятиться, поэтому они обыкновенно передвигались боком. Ростом они были ниже среднего, хотя и не карлики; уродливые сросшиеся головы непропорционально большие. В отличие от старухи, они не были слабоумными, хотя интеллект у них был неразвит, ибо всю свою жизнь — а выглядели они лет на пятьдесят, хотя, полагаю, на самом деле были моложе — они провели в различных балаганах и, разумеется, не получили никакого образования. Собственная мать продала их врачу сразу же после родов, ибо тот сказал, что они все равно не проживут и нескольких часов, и хотел поместить их в спирт и показывать студентам; однако младенцы упорно не хотели умирать, и врач в конце концов перепродал их хозяину бродячего цирка (сами они, конечно, не могли этого помнить — им рассказали в том самом цирке несколько лет спустя). Так началось их пожизненное путешествие из балагана в балаган, и нынешний, по их словам, был еще не худший. Естественно, никуда бежать они не могли, да и не хотели.

В общем, дни шли за днями, а я по-прежнему не видела никаких реальных путей к спасению. На поливаемом водой пруте появился ржавый налет, но, как и предполагалось, до полной победы там было еще очень далеко. Я надеялась, что как-нибудь Прум напьется и забудет закрыть клетку — или, по крайней мере, утратит быстроту реакции — но он, похоже,

вообще не пил. Впервые я решительно осуждала трезвый образ жизни... Моя ненависть к порабощателям, а заодно и к приходившим смотреть на меня зевакам, не слабела, но теперь еще мучительнее было растущее отчаяние при мысли о пришельцах, которые, наверное, уже покинули Землю, или собираются сделать это на днях...

Было и нечто более земное, угнетавшее меня. А именно, приближался брачный сезон. Гарвумы не собирались сворачивать на это время свои гастроли — с какой стати? — и я чувствовала, что сидеть в клетке на потеху толпе во время брачного сезона будет намного унижительней, чем в обычное время. Сидеть под взглядами всех этих мужиков... Но даже это было не самым худшим. Я не знала, чего можно ожидать от самих балаганщиков в эту пору. Пору, когда в мужчинах просыпается Великий змей Шуш.

Я давно сбилась со счета календарных дат — да и не для всех брачный сезон наступает одновременно, тут плюс-минус несколько дней — но уже чувствовала первые признаки сезонных изменений в собственном теле. Терпеть их не могу. Эти набухающие губы, увеличивающаяся грудь — так некрасиво! Опухаешь, словно тебя покусали насекомые. Но самцам нравится. Не ищите здесь логики. Когда мужчина превращается в самца, логика его оставляет.

Зверинец прибыл в очередной город — кажется, он назывался Лорн. Здесь, как видно, не нашлось достаточно вместительного пустого помещения по приемлемой цене, и зверинец разместился в двух сараях с небольшими окошками вдоль крыши. Моими соседями по сараю оказались одни лишь животные, и это было кстати — и старуха, и сросшиеся были мне неприятны. Как обычно, к вечеру у меня ныли крылья, а заодно плечи и спина (попробуйте просидеть целый день, держа руки разведенными в стороны и помахивая ими, и вы поймете мои ощущения к концу "рабочей смены"). Съев свой ужин (надо отдать должное хозяевам — для еды мне все же давали ложку, а не вынуждали есть прямо из миски, как животных; правда, ложка была деревянная и в качестве оружия не годилась), я улеглась в темноте на солому. Делать было, как всегда в это время, нечего, и, привычно перебрав в голове несколько неосуществимых планов, я быстро уснула.

Проснулась я в неурочное время. Было еще совершенно темно. Я не знаю, разбудил меня звук или движение, но я сразу же почувствовала, что в моей клетке есть кто-то еще. Я резко села, отодвигаясь в угол, и смутно различила во мраке высокий силуэт. В этот момент, вырвавшись из облаков, в окошко сарая заглянула Лла, и ее тусклый багровый свет отразился в глазах смотревшего на меня чудовища. Глубокие шрамы на выступившей из тьмы неподвижной маске казались бездонными черными каньонами...

Прум! Внутри меня все оборвалось от ужаса. Что он хочет от меня, придя посреди ночи в брачный сезон?! Я судорожным глотком набрала в легкие воздуха, чтобы закричать — не слишком, впрочем, рассчитывая на помощь...

Он понял мое намерение и поднес руку к губам, призывая меня к молчанию. Это вселило в меня надежду — значит, он все же боится моего крика. Но прежде, чем заорать, я все-таки заметила, что в руках он держит какой-то сверток, а вовсе не кнут или дубинку. И не пытается подойти, чтобы заткнуть мне рот. Мой взгляд на мгновение скользнул за его спину... может, я все еще сплю? Дверь клетки была приоткрыта!

Что бы это ни значило, я решила пока не поднимать шума и лишь подобралась для молниеносного прыжка в сторону двери. О том, что за воротами сарая — холодная осень, а я босиком и в легкой одежде, и мне нечем прикрыть крылья, я в тот момент не думала. Зато подумала в следующий, когда Прум положил передо мной свой сверток и отступил на шаг, давая мне спокойно обследовать свой дар. И сверток оказался каким-то длинным одеянием, плащом или пальто с капюшоном, в которое была завернута пара матерчатых туфель.

Не сводя с него глаз, я стала надевать все это. Он кивнул одобрительно.

— Я могу уйти? — тихо спросила я, не веря своему счастью.

Кивок.

— Совсем уйти? — уточнила я.

Кивок, за ним еще один. Мол, не сомневайся, ты поняла меня правильно.

Все еще опасаясь какого-то подвоха, я встала и, стараясь держаться подальше от Прума, обошла его и выскользнула в дверь. Сердце билось, как сумасшедшее. Неужели наконец-то свобода?!

Однако, стоило мне подбежать к двери сарая, я убедилась, что она заперта. Я обернулась, сжимая кулаки, но Прум шел ко мне, держа наготове ключ. Я сделала шаг в сторону; он отпер ворота и повернулся ко мне. Ткнул себя в грудь, пошевелил двумя пальцами, изображая идущие ноги, затем повторил тот же жест, указав на меня.

— Сначала вы, потом я? — поняла я (к нему все обращались на "ты", но мне было велено называть на "вы" всех балаганщиков, хотя, если Гарвум думал, что это внушит мне покорность, он сильно ошибался). Прум снова кивнул.

— Почему вы это делаете? — я не могла не задать этот вопрос. Как не могла и не понимать, что у него будут большие неприятности из-за моего побега.

Вместо ответа он отвернулся и встал в багровый параллелограмм лунного света. Затем сделал несколько шагов назад, давая свету вползти по ногам к нему на спину, и, закинув руки назад, задрал свою рубаху до самой шеи. При таком тусклом освещении я скорее угадала, чем различила два старых вертикальных шрама в верхней части спины.

Он тоже когда-то был крылатым.

Не знаю, почему он не помог мне раньше. Может, копил деньги из своего скудного жалования, чтобы купить для меня одежду и обувь. Может, просто не решался, боясь потерять работу — и трудно его за это осуждать... Полагаю, Гарвумы не знали о его прошлом, иначе вряд ли доверили бы меня его попечению. Интересно, какие у него были крылья — обычное жалкое недоразумение, или настоящие, как у меня?

Он вышел в ночь, и я, подождав некоторое время, осторожно последовала его примеру. Прума уже нигде не было видно. Я с удовольствием вдохнула холодный и чистый, свободный от запахов зверинца воздух свободы. Впрочем, прежде чем окончательно оказаться вне власти своих врагов, следовало миновать сгрудившиеся возле сараев повозки. Они стояли уже не кольцом, а сдвоенным углом, и внутри этого угла потрескивал небольшой костерок. Вокруг него стояли несколько ящиков и валялись доски, приготовленные, но не скормленные пламени; над огнем, удерживаемый двумя врытыми в землю немощеной площади рогатками, протянулся горизонтальный железный прут. Должно быть, еще недавно балаганщики готовили здесь ужин и грелись у костра, но теперь ушли спать в вагончик, опрометчиво оставив огонь догорать.

План возмездия созрел моментально. Я выбрала самую толстую из валявшихся у костра досок и подперла ею дверь вагончика. Затем употребила для этой цели и другие доски, которым хватило длины. Для пущей гарантии я использовала и прут, ухватив его за конец завернутой в полу одежды рукой. Теперь дверь не смогли бы выбить изнутри и сильные мужчины, во всяком случае, за короткое время. А для того, чтобы сгорел деревянный фургон, много времени и не надо...

Я уже выхватила из костра горящую головню и направилась к вагону, предвкушая, как будут вопить и корчиться в огне мои враги. Те, кто держал меня в клетке, как животное, кто заставлял меня день за днем, декаду за декадой терпеть самое страшное унижение в моей жизни... Но тут мне пришли в голову два соображения. Первое — что там мог находиться и Прум. Это было, впрочем, практически исключено — я знала, что он спит не здесь, Гарвумы считали ниже своего достоинства делить один вагончик с ним, нанятым для самой грязной работы. Второе соображение, однако, было куда более весомым. Если я устрою пожар, в котором заживо сгорят несколько аньё, полиция тут же займется этим делом. Что называется, по горячим следам. И сразу же установит, что это был поджог, и что среди экспонатов зверинца

не достает крылатой, о которой сообщалось в афишах и которую многие видели днем. Дальше будет сделан очевидный вывод и начнется охота. А имперская полиция куда дотошней ранайской и так просто от меня не отстанет; просто покинуть город будет недостаточно. Будь у меня деньги, тйорл, оплаченное место на корабле, да хотя бы приличное оружие — меня бы это не остановило. Но у меня не было ничего, и я не знала, как скоро смогу удалиться от Лорна на безопасное расстояние. С другой стороны, простым побегом из зверинца полиция заниматься не будет. Все-таки, несмотря на отдельные экзотичные исключения (в каковые меня угораздило попасть), института рабства в метрополии давно нет, а значит, нет и системы охоты за беглыми рабами. Если бы сбежал опасный хищник, тогда другое дело, а если аньйо — это проблема исключительно тех, кто за ним не доглядел. Хотя на самом деле аньйо опасней любого хищника, что я только что собиралась продемонстрировать...

Но не собралась. Мне было чертовски досадно оставлять их безнаказанными, но благоразумие все же взяло верх над жаждой мести. Я оставила дверь подпертой досками (пусть-ка помучаются, выбираясь из вагончика утром!), но железный прут взяла с собой — хоть какое-то оружие; я сунула его в рукав пальто и придерживала пальцами, чтобы не выпал, но если что — он бы удобно скользнул прямо в ладонь. Поспешно пройдя мимо повозок, я нырнула в первый же переулок.

Свободна! Наконец-то свободна! Мне хотелось петь и танцевать прямо на мостовой. Но, на самом деле, время для хореографических упражнений еще не настало. Мне все еще нужно было пересечь океан, но нечем было заплатить даже за кусок хлеба. К тому же начался брачный сезон, самая опасная пора в году, а у меня не слишком хорошо с оружием.

Я припомнила илсудрумские обычаи. Надо сделать белую ленточку. После некоторых усилий мне удалось оторвать полосу ткани от полы моей рубашки. Конечно, белой ее можно было назвать весьма относительно, но, за неимением лучшего... Я свернула ее вдоль, чтобы выглядело аккуратнее, и обвязала вокруг головы.

В цивилизованную эпоху, когда аньйо, наконец, поняли необходимость бороться с безумием брачных сезонов, у разных народов появились разные способы введения брачного поведения в какие-то рамки. Сезонные признаки появляются у женщины независимо от ее воли, поэтому, поскольку инициатива традиционно исходит от мужчины, понадобились дополнительные атрибуты, обозначающие женское желание либо его отсутствие. В Ранайе в брачный сезон женщина, которая ищет знакомства с мужчиной, носит красную ленту на голове или на плече, или красный платок на шее, или красный шарф, или красный пояс; домогаться ранайки, не имеющей такой детали в одежде — не просто дурной тон, но и нарушение порядка, за которое виновный может загреметь в тюрьму до конца сезона. В Илсудруме действует обратный принцип — специальные атрибуты в виде белой ленты носят женщины, которые не хотят сексуального внимания со стороны мужчин. Разумеется, вне брачного сезона (а у мужчин — и во время его) красные и белые ленты тоже могут носиться, но никакого особого значения не имеют.

Вот только далеко не все мужчины (да и женщины тоже, будем справедливы) могут и хотят держать себя в предписанных законом и обычаем рамках... На то он и брачный сезон — пора безумств.

Было холодно. Я поплотнее запахнула пальто и обняла себя за плечи. Явно неподходящая погода для ночевки на открытом воздухе. Да еще, судя по затянутому облаками небу, и дождь может пойти... Нужно ли мне как можно скорее выбраться из города (до ближайшей деревни, наверное, придется идти пешком часа два), или опасность уже позади, и можно поискать пристанище здесь? Вопрос, на самом деле, бессмысленный — я все равно не ориентировалась в Лорне, так что оставалось лишь шагать наугад. Перед каждой площадью я замедляла шаг и осторожно выглядывала из-за угла — вдруг ноги сыграли со мной злую шутку и привели обратно к зверинцу...

Но нет, этой встречи мне удалось избежать. Зато, проплыв некоторое время по погруженным во мрак улицам, я вышла к порту.

Это был речной порт; как я и опасалась, Гарвумы завезли меня не только на юг, но и вглубь континента. Однако, судя по стройным мачтам явно морских судов, возвышавшимся у дальних причалов, за баржами и ройками, океан был все же недалеко.

Порт, как обычно и бывает ночью, выглядел совершенно безжизненным. От реки тянуло тинистым запахом сырой рыбы; изредка доносился тихий всплеск. Кое-где на воде подрагивали желтые отсветы кормовых фонарей, но в целом порт, как и весь город, лежал во тьме.

Я двинулась по набережной, мимо сваленных в кучу тяжелых мешков и накрытых брезентом ящиков, мимо посаженных на цепь лодок и застывших неподвижно грузовых стрел, в сторону вытянувшихся вдоль берега длинных сараев. Если бы мне удалось пробраться в какой-нибудь из них, там можно было бы достаточно комфортно переночевать.

Поначалу меня ждало разочарование в виде висевших на дверях портовых складов замков, слишком массивных, чтобы взломать их моим прутом — чего, в общем-то, и следовало ожидать. Но один из сараев в дальнем конце порта оказался заперт на простой металлический засов, без замка. Не без труда сдвинув с места тяжелую чугунную полосу, я приоткрыла дверь и скользнула внутрь.

Когда я закрыла дверь за собой, темнота стала абсолютной. Вытянув руки, я двинулась в сторону дальнего угла. Под ногами раздался писк, и мелкие коготки быстро процокали по доскам пола. Йаги. Не очень приятное соседство, бывали случаи, что они отгрызали пальцы слабым и больным аньёо... Ну ничего, у меня-то достаточно сил, чтобы их отпугнуть.

Я наткнулась на какие-то ящики, уступами громоздившиеся у стены, ощупала рукой сплошные стенки из толстой фанеры. По этим ящикам я полезла вверх, подальше от сновавших внизу грызунов. Лучше бы, конечно, это были мешки с чем-нибудь мягким. Но в мешок имеет смысл класть только то, что не заинтересует йагов, иначе они легко прогрызут его. Значит ли это, что в ящиках что-то съедобное? Совсем не обязательно, конечно, да и представления о съедобности у йагов гораздо шире, чем у аньёо... Все же я решила проверить — еда бы мне пригодилась.

С большим трудом мне удалось просунуть конец моего штыря между стенкой и крышкой одного из верхних ящиков. Я осторожно надавила, стараясь не сломать крышку, а выдернуть удерживающие ее гвозди. После нескольких расшатывающих усилий мне это удалось. Я откинула крышку и сунула руку внутрь; пальцы погрузились во что-то рассыпчатое, мелкое и твердое. Зерно. Действительно, для йагов — желанная добыча, а вот для меня пользы мало: грызть немолотые зерна — способ скорее испортить зубы, чем наестся. Зато постель из них получится более мягкая, чем из голых досок. Да и теплее, если в них зарыться...

Я, в одежде и обуви, улеглась в ящик (если свернуться калачиком, длины как раз хватало) и поерзала, устраиваясь поудобнее. Часть зерна при этом, конечно, с шумом ссыпалась вниз, на радость йагам, но имущественные права его владельцев меня не слишком заботили. Больше меня волновало, как бы не проспать рассвет и вовремя покинуть сарай; но в последние декады мне не давали залеживаться по утрам, и я понадеялась, что выработавшаяся привычка сработает.

Но не успела я задремать, как снаружи послышались шаги и приглушенные голоса. Я испуганно распахнула глаза, поднимая голову из ящика. Сквозь щели между досками двери пробивался свет фонаря; загремел отодвигаемый засов (заметили ли они, что он уже был открыт? я ведь сдвинула его всего чуть-чуть!) Выходит, замка на двери не было не просто так — сарай ждал гостей... Понимая, что сейчас они войдут, я быстро выбросила из-под себя еще несколько пригоршней зерна, углубляя свое ложе. Конечно, рассыпанное зерно может вызвать их подозрения, но пусть лучше они увидят его, чем меня. Дверь уже отворялась, когда я легла и накрылась крышкой. Слепую мне не удалось попасть гвоздями в прежние дырки; судя по

звукам, пришедшие были уже внутри, а я все еще двигала крышку влево-вправо, вперед-назад, пытаюсь пристроить эти чертовы гвозди. К счастью, у вошедших был лишь один фонарь, и не очень сильный, а сарай был велик, и они, должно быть, еще не различали как следует в полумраке мой ящик. Наконец гвозди нашли свои места, и крышка легла, как надо. Но не слишком ли поздно? Я слышала, как они идут ко мне, и затаилась, не дыша.

— Вот эти ящики, — сказал грубый пропитой голос. — Вишь, крестом помечены.

— Ага, — откликнулся другой. — Ну-ка, взяли!

Кто-то крикнул, башмаки тяжело затопали обратно к выходу.

— Подымай, — тут же скомандовал своему напарнику следующий грузчик. Затем раздался шаркающий звук, будто кто-то споткнулся, йагиный писк и грубая ругань.

— Кыш, проклятые, чтоб вам черти...!

— Какой-то болван зерно рассыпал, вот они и сбежались.

(Я похолодела.)

— Черт с ним, с зерном, нам не за него платят.

(У меня отлегло от сердца).

Они продолжали выносить груз, и я почти успокоилась, уверившись, что зерно их не интересует, а значит, скоро они уйдут и оставят меня в покое. Но стоило мне утешить себя этой мыслью, как я услышала, что кто-то лезет наверх ко мне. Судя по звукам, сразу двое. Неужели что-то заметили? Я сжала свой прут. Я понятия не имела, что будет, если меня найдут, но догадывалась, что извинениями не отделаюсь, и даже предложение отработать причиненный ущерб вряд ли будет принято. Эти грузчики, работающие в столь неурочное время, вызывали куда больший страх, чем их обычные дневные коллеги.

— Взяли!

Ящик дрогнул, качнулся. Я поняла, что его спускают вниз. Только бы не ухватили за крышку!

Башмаки топали где-то недалеко от моей головы. Затем звук смягчился, почти пропал: грузчики шли уже не по деревянному полу, а по земле. Затем шарканье по камням, легкий крен, и снова топот по доскам, которые на сей раз скрипели и прогибались под тяжестью. Слабый проблеск света сквозь щели крышки, быстрые шаги навстречу — должно быть, возвращались налегке их товарищи, доставившие предыдущий ящик — а затем меня вдруг наклонили головой вниз, и зерно с шорохом потекло мне на лицо, норовя засыпать ноздри. Ощущение не из приятных. К счастью, длилось оно недолго: спуск по лестнице закончился, и ящик куда-то поставили. Послышались удаляющиеся шаги. Я прислушалась, пытаюсь определить, есть ли кто-нибудь поблизости. Вроде было тихо, но едва я взялась за крышку, как затопали башмаки новых грузчиков, спускавшихся с очередной ношей. К счастью, они поставили ее рядом, а не на мой ящик — мне бы, разумеется, не хватило сил сдвинуть то, что с трудом поднимали двое здоровых мужиков. Потом и они поднялись по лестнице, где-то наверху хлопнул люк, погасив даже тусклый свет в щелях крышки, и все окончательно затихло.

Я, разумеется, понимала, что меня вместе с зерном погрузили в трюм неизвестного и подозрительного корабля, и что оставаться здесь весьма небезопасно. С другой стороны, небезопасно и вылезать прямо сейчас. Я решила выждать хотя бы полчаса — пусть уляжется всякая активность, связанная с этой странной ночной погрузкой. И стала ждать. Лежа в ящике, в полной темноте...

Если вы знаете, что такое недосып, вам не надо объяснять, что произошло. В общем, когда я проснулась, корабль уже покачивался на волнах. И явно не речных.

Я обругала себя всеми словами, какие знала, и даже хотела дать себе пощечину, но меня остановила мысль, что это все равно не поможет. Оставалось лишь выяснять, в какую передрыгу я вляпалась на этот раз.

Наверняка уже наступил день, но тьма в трюме по-прежнему была абсолютной.

Выбравшись из ящика, я чуть не упала — он стоял не на полу, а на других таких же ящиках, как и в сарае. Добравшись, наконец, до пола, я двинулась ощупью вдоль стены, впервые в жизни отчетливо осознавая, до чего же ужасно быть слепым.

К счастью, мне повезло. После долгих обшариваний стен, ящиков и тюков я наткнулась на лампу, висевшую на крюке. Несколько раз чиркнула колесиком, высекая искру; наконец внутри пыльного стекла затеплился огонек. Я сразу же убедилась, что масла в лампе на доньшке, и его надо экономить.

Трюм оказался заметно меньше, чем у "Гламдруга Великого" — очевидно, меньше был и сам корабль. Правда, теперь все эти подпалубные апартаменты приходились на меня одну, а не на сотни беженцев. Помимо ящиков с зерном, здесь были более многочисленные тюки с мехами, что мне очень не понравилось. Значит, корабль идет на юг, в высокие широты... а мне-то нужен северо-запад Гантру!

Впрочем, куда больше мне не понравилось другое. Обследовав весь трюм, я не нашла ни пищи, ни воды. Очевидно, они хранились в каком-то отдельном помещении.

М-да. Опыт плавания без еды у меня уже был (да и, в крайнем случае, можно как-нибудь растолочь зерно), но без воды я протяну от силы дня четыре. Сдаться команде? Той самой, которая почему-то очень не хотела, чтобы у загрузки простого зерна были свидетели — иначе зачем грузиться ночью? А сейчас к тому же и брачный сезон... Ох, ну почему мне так не везет?! Да еще и бок болит, словно я спала не на мягком зерне, а на круглых булыжниках...

Последняя мысль заставила меня задуматься. Вместо того, чтобы задуть лампу, я вновь полезла к своему ящику, сунула руку внутрь и нащупала под ставшим моими усилиями тонким слоем зерна какие-то твердые цилиндрические предметы.

Это были бутылки с вином. Судя по этикеткам — дралигамское 13 года. Я не пью спиртного и не разбираюсь в алкогольных напитках, но судя по упоминаниям, попадавшимся мне в книгах, это очень дорогое вино. Одна бутылка может стоить до сотни йонков. В ящиках с зерном передо мной лежало целое состояние.

Час от часу не легче — я на корабле контрабандистов! Теперь я уж точно не сомневалась, что мне нельзя попадать им в руки. С другой стороны, поразмыслив, я решила, что судно, наверное, все же идет в Гантру, ибо именно туда такой товар можно везти только контрабандой и получить, соответственно, наибольший куш. Официально гантрусы не пьют ничего крепче кислого пива. Исключение делается только для жрецов их богини плодородия, да и то не круглый год, а в честь праздников богини. Но сами понимаете — если есть запрет, найдутся и богачи, жаждущие его нарушить. А богачей в Гантру много. Как гласит тамошняя поговорка, "Гант-Ру зибех зангал-гал", что в дословном переводе значит "Гантру покоится на купцах".

Вообще, если в Ранайе два высших сословия, дворянское и купеческое, равны между собой (за исключением одного пункта: купец не может стать королем), а в консервативном Илсудруме аристократии отдается предпочтение, то в Гантру выше всех стоят именно купцы. Точнее говоря, именно купеческая каста и образует там аристократию. Дворянства в инийалгдарском смысле там нет; ближе всего к этому понятию гантруская военная каста, но она объединяет всех военных, от генералов до рядовых, что, конечно, не позволяет считать ее аристократической с нашей точки зрения. В иерархии каст ее положение достаточно высокое, но все же подчиненное: военные существуют для того, чтобы защищать интересы торговцев, да и вообще, дело военных — исполнять приказы, а не управлять государством. Страной управляют именно купцы; единого правителя в Гантру нет, да и само слово "Гант-Ру", которое в Инийалгдаре воспринимают, как имя собственное, и пишут слитно, на самом деле термин, означающий что-то вроде "союз гильдий". Существует и территориальное деление, но именно гильдии (скажем, банкиры, торговцы скотом, железом и т.п.), а не территории (в отличие от той же Ранайи), посылают своих делегатов на Ра-Хаб (периодически собирающийся съезд), который

избирает из своего состава правительство (включающее по одному представителю от каждой купеческой гильдии).

В отличие от наших сословий, принадлежность к гантрусским кастам пожизненна; ни заслуги, ни преступления, ни иные перипетии судьбы не могут ее изменить. Меняется лишь положение внутри касты. Так, купец, даже разорившись, скатится на самое дно среди себе подобных, но все равно останется купцом, и представители низших каст должны будут относиться к нему с соответствующим почтением. Это, однако, не так удобно для привилегированных каст, как может показаться на первый взгляд. Почтением-то сыт не будешь. А нанять купца на работу, предназначенную для низшей касты, или, упаси гантрусские боги, подать ему милостыню нельзя, это оскорбление кастового достоинства. Причем закон не спрашивает у такого неудачника, что для него важнее — сохранить достоинство или не умереть с голода. Оскорбление достоинства одного есть оскорбление достоинства всей касты, и посему терпимо быть не может. Что ж — при всей глупости негибкой кастовой системы как таковой нельзя не признать, что такая ее особенность, по крайней мере, дисциплинирует.

Все это, конечно, интересно. Но плыть до Гантру предстояло не меньше месяца, а у меня не было воды...

Вы, наверное, будете смеяться. Но поверьте — мне было не до смеха. Я уже сказала, я не пью спиртного. И по идейным соображениям, и просто потому, что мне не нравится вкус алкоголя. И тем не менее, весь этот месяц, день за днем, я пила исключительно дралигамское 13 года. Самое дорогое вино во всем западном Инийалгдаре. Такое может себе позволить разве что король и некоторые купцы первой категории. Да и то не станут этого делать, ибо подобное мотовство свидетельствует о дурном вкусе. Я пила его с отвращением. Ну, может, отвращение — слишком сильное слово, по сравнению с другими винами это, должно быть, действительно превосходно... но соки все равно вкуснее. Не говоря уже о мерзкой сухости во рту, которая, как мне вскоре пришлось убедиться, является расплатой за подобное питье...

А еще я вымачивала в нем зерна и ела. Уверена, никто и никогда не использовал дралигамское для такой цели!

К счастью, оно не слишком крепкое, так что мне хватало утолить жажду, не слишком при этом пьянея. То есть выпитое проявлялось главным образом в том, что я много спала — ну да оно и к лучшему, все равно делать было нечего. Во время же бодрствования сознание оставалось вполне ясным.

По крайней мере, достаточно ясным, чтобы задумываться, как мне выбраться отсюда в конце плавания. Прежний способ, в ящике, не годился: наверняка сразу же после разгрузки эти ящики доставят в укромное место с надежными стенами и, конечно, сразу откроют, чтобы убедиться в наличии и качестве товара. Можно было бы дождаться, пока на борт поднимутся гантрусские таможенные чиновники, и сдать им — но контрабандный груз, скорее всего, выгрузят, не заходя в порт, в какой-нибудь укромной бухте, так что помощи ждать неоткуда. Внаглую выскочить на палубу и выпрыгнуть за борт, когда берег будет уже близко, тоже не получится — они, конечно, растеряются и, прежде чем начнут стрелять (если вообще осмелятся поднимать шум), я была бы уже далеко, но в ледяной воде мне долго не продержаться...

По правде говоря, не знаю, повлиял ли алкоголь на план, который я приняла в итоге. Во всяком случае, он был дерзкий до безумия — как, впрочем, и все мое путешествие через полмира к звездным пришельцам. Основывался он на трех предпосылках: 1) если контрабанду грузили темной ночью, подгадав, когда в небе не будет ни Лийи, ни Лла — видимо, в такое же время и будут разгружать; 2) никто из команды даже в мыслях не допускает, что на борту может находиться чужак — а аньйо, как я уже могла убедиться, склонны видеть то, что ожидают увидеть, а не то, что есть на самом деле; 3) моя верхняя одежда весьма напоминает робу, какие носят матросы в такую пору, и капюшон в холодную и промозглую погоду можно будет надвинуть поглубже, не вызвав подозрений. Правда, даже в капюшоне рост у меня был ниже,

чем у среднего матроса, но и тут все не так страшно — за одиннадцать месяцев своего путешествия я несколько подросла. Вот, правда, туфли мои не похожи на грубые матросские башмаки, но будем надеяться, у них найдутся дела поважнее, чем пялиться на мои ноги.

Были, конечно, и другие уязвимые места. Если судно невелико, значит, не велика и команда — а тогда могут заметить, что появился лишний аньо. Особенно если все роли при разгрузке четко расписаны заранее, и я окажусь, как говорится, лишним камнем в кладке. Хотя это вряд ли — нарушителей закона редко отличает высокая дисциплина, даже если это илсудрумцы... Или со мной могут заговорить. Сделать вид, что простыла и осипла? Сошло бы в толпе, но не на корабле, где все друг друга знают... Однако была ли у меня лучшая альтернатива? Я решила, что в худшем случае фактор неожиданности остается все же на моей стороне, и спрыгнуть за борт я успею. Хотя лучше бы, конечно, отложить купания до более теплых времен.

Несколько дней я провела в полной тьме, экономя последние остатки масла. Мои глаза настолько привыкли к темноте, что различали даже самый слабый проблеск света; так, хотя крышка люка прилегалла плотно, я теперь уже видела, когда дневной свет очерчивает ее едва заметной каймой, и таким образом различала время суток. Слух тоже обострился и, прикивая ухом к борту, я по звуку рассекаемой корпусом воды делала выводы о скорости корабля. Доносились до меня и команды, которые выкрикивал на палубе боцман. И вот, когда в вечерних сумерках корабль лег в дрейф, я поняла, что решающий этап близок.

Я зажгла лампу, готовая задуть ее при первых звуках со стороны люка. Предстояло выполнить еще одну деталь моего плана. Я достала пригоршню зерен и бросила на пол, сидя на ящике с прутом наготове. Свет лампы тут же отразили глаза-бусинки, и из темноты в освещенный круг высунулась острая бурая мордочка. Йаги меня совершенно не боялись, потому что в последние дни я их кормила. Делала я это, конечно, не из любви к этим шестиногим голохвостым тварям — кто их вообще любит? — а ради этого вот момента. Молниеносный удар прутом — и грызун, отчаянно пища, засучил лапками в агонии. Дождавшись, пока он затихнет — еще не хватало, чтобы тяпнул за палец! — я сунула мертвого йага в карман своей верхней одежды, перебралась за лестницу, спрятавшись среди тюков с мехами, и потушила лампу. Теперь оставалось только ждать.

Ждать пришлось довольно долго. После заката прошло несколько часов, прежде чем до меня донесся отдаленный лязг разматывающейся цепи и плеск упавшего в воду якоря. Затем, наконец, открылся люк, впусив свет фонаря и уличный холод.

Я застыла с бешено стучащим сердцем, когда матросы склонились над первым ящиком. Но они ничего не заподозрили. Просто подняли его и потащили наверх.

Разумеется, я приняла меры, чтобы ящики выглядели, как нетронутые. Даже, орудуя прутом вместо молотка, заново вбила гвозди, чтобы крышки держались. Бутылки снова лежали внутри под слоем зерна, и даже весили почти столько же. Дело в том, что... не знаю, стоит ли об этом рассказывать, но раз уж это тоже помогало моему плану... Короче, сами понимаете, специально оборудованного туалета в трюме не было. А я все же слишком чистоплотна, чтобы разводить скотство там, где живу. Мочиться в бутылку ужасно неудобно, даже если использовать отбитое горлышко другой бутылки в качестве воронки, но... Кстати, руки после этого я тоже мыла дралигамским 13 года.

Матросы вытаскивали один ящик за другим; как я и предполагала, меха их не интересовали — легальный груз предназначался для легального порта. Только бы получатель не полез обследовать первый ящик, пока из трюма еще не извлечен последний... Правда, и в этом случае сохранялся шанс — несколько ящиков остались нетронутыми, я просто не успела до них добраться.

Вот, наконец, и последний ящик, помеченный крестом, двинулся наверх на руках матросов. Я чуть выждала, выбралась из своего убежища и, держа дохлого йага за хвост,

направилась следом за ними.

Погода полностью благоприятствовала моим планам: не просто безлунная ночь, но еще и густой туман. Вряд ли это было простым везением — скорее всего, туманы в это время года бывали здесь часто, и капитан специально ждал такой погоды для нелегальной разгрузки. Сквозь туман бледным пятном подрагивал впереди огонек сигнального костра. Только он и позволял определить, что до берега было порядка двухсот локтей.

— Чего шляешься без дела? — кто-то из корабельного начальства все же заметил, как я выхожу из трюма одна и без всякого груза. Вместо ответа я показала ему йага. Как я уже сказала, этих тварей никто не любит, а моряки особенно. Так что если матрос задержался в трюме, чтобы прикончить одну из них — это повод похвалить его, а не ругать. Боцман (или это был сам капитан?) буркнул что-то одобрительное, я швырнула тушку за борт и направилась туда, где матросы грузили ящики на лодки.

Первый баркас уже отчалил и почти скрылся в тумане, второй пока висел за бортом. Я немного посуетилась вокруг, имитируя помощь при погрузке, а когда ящики, наконец, были уложены, одной из первых забралась в лодку, чтобы занять носовую банку. Самая подходящая позиция: остальные гребцы сидят к тебе спиной, а рулевому за ними тебя не видно. К счастью, оспаривать у меня это место никто не попытался. Как только расселись остальные матросы, баркас спустили на воду, и я вместе с остальными налегла на весла.

Только когда мы отошли от корабля, я, наконец, впервые разглядела судно, на котором провела около месяца. Это была двухмачтовая шхуна, судя по всему, быстроходная и маневренная — идеальный корабль для контрабандистов. Впрочем, долго любоваться мне ею не пришлось, ибо уже через минуту она была лишь призрачным силуэтом, а затем и вовсе растаяла в мутном мареве. Мне стало интересно, как моряки собираются отыскивать ее на обратном пути — а может, они останутся на берегу и подождут, пока туман рассеется? Сидя спиной к берегу, я не видела огня, и вскоре мне стало казаться, что мы вообще никуда не плывем. Море было спокойно, воздух неподвижен; в полной тишине слышался лишь негромкий равномерный плеск весел. Ночь, туман, холод и беззвучие создавали странное ощущение — словно это уже и не наша реальность, словно мы уже умерли и дрейфуем где-то между мирами, и будем дрейфовать так неведомо сколько...

Мягкий толчок в днище вернул меня к действительности. Нос баркаса уткнулся в прибрежный песок. Берег был очень пологий, а лодка — тяжело нагруженной, поэтому до собственно суши оставалось еще с десятков локтей, и даже мне, сидевшей на носу, пришлось прыгать в ледяную воду. Тут я и получила возможность оценить преимущество высоких матросских башмаков из грубой кожи перед матерчатыми туфлями... Впереди маячили тени — от костра к нам шагали принимающие груз, а может, матросы с той же шхуны, приплывшие на первом баркасе. Вроде бы пока еще никто ничего не заметил — во всяком случае, я не слышала никаких криков и ругательств. Подождав, пока они войдут в полосу прибоя, я постаралась смешаться с ними, а затем, шмыгнув за их спины, выскочила, наконец, на сухое и стала беззвучно отступать вдоль береговой кромки (влево, так как справа маячил первый баркас), стараясь держаться на равном отдалении и от лодок, и от костра. Наконец, когда от матросов и встречающих остались лишь почти неразличимые силуэты, я повернулась и бросилась бежать.

Я успела пробежать, наверное, локтей сто, когда сзади раздались крики. Не знаю, что именно они обнаружили — только лишь отсутствие одного из прибывших, или же содержимое бутылок... так или иначе, туман уже укрывал меня со всех сторон, и я мчалась по пляжу, постепенно забирая вглубь суши. Песок под ногами сменился твердой землей, каменистой и поросшей редкой пожухлой травой, затем почва начала подниматься — я явно взбиралась по склону холма; но крики не умолкали, иногда мне казалось, что они звучат совсем рядом — в тумане трудно ориентироваться по звуку — и я старалась не снижать темпа. В гору — так в гору, лишняя гарантия, что не описала петлю и не бегу прямо в руки преследователям. Во рту

стоял железистый привкус крови, каждый вдох, казалось, раздирал легкие, и наконец, достигнув вершины холма, я без сил повалилась на четвереньки. Наверное, я пробежала с хорошей скоростью не менее трех миль... пожалуй, в тумане преследователи обязаны были отстать, даже если угадали первоначальное направление.

Действительно, никаких признаков погони уже не было слышно. Может, они и с самого начала не гнались за мной, а ругались между собой... Но, должно быть, в этих местах нет никаких поселений, подумала я, иначе они бы не стали кричать, боясь привлечь к себе внимание. Может, здесь и живет какой-нибудь одинокий фермер, который не осмелится выяснять, что происходит... и если я наткнусь в тумане на его дом, благоразумней будет обойти его стороной.

Перевалив через гребень холма, я начала спускаться вниз, оказалась в зарослях сухого колючего кустарника, давно сбросившего листья, затем слышала впереди журчание и с разбегу перепрыгнула через ручей, берега которого уже подернулись ледяной корочкой, потом снова карабкалась вверх, плутала между какими-то криволапыми деревьями, опять шагала по жухлой траве... Иногда я ненадолго останавливалась и даже присаживалась передохнуть, но перестать двигаться надолго значило замерзнуть — так что, когда туман начал светлеть, я все еще шла, не разбирая дороги.

Наконец — прошел уже, наверное, час или два после рассвета — туман стал развеиваться, и я увидела перед собой длинный пологий склон холма, спускавшийся к темно-зеленому хвойному лесу; по лесу вилась дорога, втекавшая на расстоянии пары миль в ворота многобашенного города, стоявшего в излучине реки.

Хотя теперь мой путь лежал под уклон, я едва держалась на ногах, когда добралась до города. Городок был невелик — должно быть, в нем не было и тысячи жителей, типичная провинциальная дыра где-то на окраине большой державы — и все же, если бы не усталость, жажда и голод, я бы пялилась во все глаза на его непривычные круглые дома и протянувшиеся через улицы висячие галереи. Я ведь впервые в жизни очутилась на другом континенте, который тысячелетиями развивался без всякого контакта с родной для меня культурой!

Гантрусские дома — почти все они в горизонтальном разрезе круглые, овальные или, по крайней мере, имеют скругленные углы — действительно необычны с точки зрения жителей западного Инйалгдара (особенно илсудрумцев, у которых круглых построек нет вообще — даже башни крепостей и храмы у них квадратные или многогранные). Мы еще готовы ожидать таких изысков от дворцов или церквей, но не от домов простых горожан и тем более селян. Нам кажется нелепым жить в круглой комнате, поскольку там неудобно размещать прямоугольную мебель. А гантруссы считают, что нелепо делать прямоугольную мебель, имея округлые формы тела. Вообще в их представлении углы противоречат гармонии: угол — это всегда результат разлома, раскола, разрушения, в живой природе нет углов. Кстати говоря, при той же площади помещения круглое здание имеет меньшую протяженность стен, чем квадратное — а значит, на него уходит меньше материалов, и оно лучше сохраняет температуру.

Висячие галереи — еще одна альтернатива инйалгдарским архитектурным решениям. Любой город, стиснутый в пределах крепостной стены, страдает от тесноты, особенно когда его население растет. Но если мы решаем эту проблему, надстраивая новые этажи, то гантруссы предпочитают жить поближе к земле (это опять-таки отвечает их религиозно-философским традициям), а наверх переносить улицы. Кстати, еще одно преимущество круглых домов — их можно ставить практически вплотную друг к другу, и все равно солнце будет проникать в окна. Конечно, главные улицы все равно не застраивают, но галереи вместо переулков и огражденные перилами пешеходные дорожки на крышах — обычное дело в гантрусских городах.

Обо всем этом мне прежде доводилось читать в книгах, но, как я уже сказала, теперь я больше смотрела под ноги, чем по сторонам. Хотя идти мне было, в сущности, некуда, и вскоре я просто опустила на вторую ступеньку подковообразного крыльца какого-то богатого дома.

Камень был, конечно, холодный, но мне было уже все равно. Я вытянула гудящие ноги и уронила голову на грудь, прикрыв глаза.

Кажется, я уже начала дремать, но из этого состояния меня вывел короткий металлический звон. Я открыла глаза и увидела у своих ног медную монету; какой-то гантрус в традиционной для них хламиде, только не легкой, как в тропических широтах, а отороченной мехом, шагал, не оглядываясь, прочь. Первой моей мыслью было, что он ее обронил, и что для меня это пусть небольшая, но удача — однако в следующую секунду до меня дошло. Мне подали милостыню!

Кровь прихлынула к моим щекам. А я-то уж думала, что моя гордость извела все удары... Неужели я произвожу впечатление нищенки?! Ну да, а какое же еще? В этих грязных матерчатых туфлях на босу ногу, выставленных на всеобщее обозрение... правая, кажется, еще и порвалась... и это старое пальто с капюшоном, в котором я месяц спала в трюме... а когда я в последний раз не то что мылась, но хотя бы умывалась? Не видя себя со стороны, я все еще воспринимала себя той чистенькой девочкой из хорошей семьи, которая некогда выехала из ворот Йартнара со шпагой на поясе, с полным кошельком денег и на великолепном тйорле, какой сделал бы честь лучшим аристократам королевства. А на самом деле... Я даже порадовалась, что давно лишилась своего зеркала в бронзовой раме. Мне не хотелось увидеть то, что я бы там увидела.

Первым моим движением было окликнуть гантруса и возмущенно сказать, что он ошибся. Но, подумав получше, я нагнулась и подобрала монету.

У меня ведь совсем ничего не было, кроме этих грязных шмоток и небольшого количества зерна в карманах. Готовясь к бегству в трюме, я подумала, не прихватить ли бутылку дралигамского, но тут же отказалась от этой идеи: во-первых, горлышко торчало бы из кармана на виду у матросов, а во-вторых, при попытке продать ее здесь я скорее всего получила бы вместо денег тюремную камеру...

Ладно, подумала я. Если рассуждать трезво, что здесь унижительного? Я ведь не стою на коленях, не протягиваю руки, ни о чем не прошу и не умоляю. Просто присела отдохнуть. А если кому-то охота кидать деньги, так это их личное дело. Ну и посижу еще немного, тем более что ноги все еще гудят. Глядишь, наберется на еду и ночлег.

Однако этому плану не суждено было осуществиться. За спиной послышались тяжелые шаги, и кто-то грубо потрянул меня за плечо:

— А ну, проваливай, попрошайка!

Я поспешно вскочила на ноги, пока он не ощупал мою спину более тщательно, и обернулась. Мне в лицо скалился отъевшийся широкомордый тип в бледно-зеленых одеждах, подпоясанных толстым витым шнуром с серебряными кистями; такая же кисть свешивалась с его кургузого колпака. Я догадалась, что, несмотря на важный вид, передо мной всего лишь слуга. И, кажется, даже не гантрус — судя и по акценту, и по слишком широкой физиономии. Южные области Гант-Ру — результат экспансии этнических гантрусов (в соответствии с их традициями, не столько военной, сколько торговой). Сами гантрусы презрительно именуют эти земли "урба" — слово, означающее нечто среднее между провинцией и колонией. Как правило, эти территории, некогда бывшие самостоятельными княжествами, сами попросили принять их в состав Гант-Ру, что и было им с тщательно разыгранной неохотой позволено. Эти земли имеют особый статус: с одной стороны, у них больше самостоятельности, чем у обычной гантрусской провинции, с другой — меньше прав. К примеру, от внешнего врага они должны обороняться силами собственного ополчения — гантрусские гарнизоны на юге чисто символические. В общем, их отношения с метрополией — скорее экономический союз (в котором они занимают подчиненное, хотя и не лишнее выгод, положение), чем полноценное членство. Истинные гантрусы, даже если на севере их статус не слишком высок, считают себя здесь представителями просвещенной нации среди варваров и всячески задирают нос; а вслед за

ними, очевидно, пыжатася и их слуги из местных.

— Не распускай руки, — ответила я ему тоном, демонстрирующим, что его лакейская гордость — еще не самая большая в мире. — Если здесь нельзя просто посидеть, я уйду. А твой хозяин пусть повесит табличку "Негостеприимный дом — нам жалко даже крыльца", дабы впредь не вводить в заблуждение прохожих.

Он выпучил глаза и стал раздуваться от гнева; за всеми своими проблемами я как-то забыла, что в Гантру женщине не положено говорить так с мужчиной. Так и не найдя, что сказать, он принялся замахиваться для удара, а я, в свою очередь, изготвилась увернуться от его кулака и угостить его моим фирменным дуплетом: сначала прямым левым со всей силы в живот, потом правым снизу в челюсть. Прут был все еще при мне, засунутый за пояс достаточно высоко, чтобы не торчать из-под полы, но его я приберегала на крайний случай.

— Стой, Трабдор! — донесся еще один голос со стороны дома. Не теряя противника из вида, я метнула взгляд налево и увидела немолодого аньо, выглянувшего в окно второго этажа. Вот это, похоже, уже был хозяин дома. — Зайди в дом, девочка, — приветливо добавил он.

— Зачем? — насторожилась я. Видели мы уже разных добреньких...

— Разве ты не хочешь есть? — приподнял брови он.

— Пожалуй, я не откажусь от стакана воды, — ответила я с достоинством, добавив про себя "А лучше — от кувшина-другого!"

— Ну так поднимайся сюда. Трабдор, проводи, да повежливее.

Моих крыльев он не видел, рассудила я, и я их ему ни за что не покажу. Брачный сезон кончился, по крайней мере, у меня сезонные признаки уже пропали. Что еще мне может грозить? Я двинулась вверх по ступеням, сопровождаемая надутым от обиды Трабдором.

Я долго вытирала ноги перед порогом, прежде чем решилась ступить на ковры внутри. На второй этаж вела изящная винтовая лестница — не крутая, как в ранайских замках, где она служит исключительно целям фортификации, а пологая, беломраморная, с широкими слегка изогнутыми ступенями и посеребренными перилами — конструкция столь эстетичная, что казалось даже странным наличие у нее утилитарной функции. Все-таки, при всех нелепостях кастовой системы, вкус у гантросов есть...

Хозяин, облаченный в желтый парчовый халат до пят, встретил меня, широко улыбаясь, и сразу проводил к столу. Я ожидала, что меня накормят где-нибудь на кухне, где питается прислуга, но нет, меня ожидал накрытый стол во внутренних покоях. Полированная овальная столешница прекрасно вписывалась в интерьер полукруглой комнаты, солнце сияло на серебре приборов и дробилось радугами в хрустальных гранях бокалов, но аппетитные запахи интересовали меня в тот момент больше, чем эстетичные виды. Хозяин сел на свое место и приглашающе указал на круглый стул напротив.

— Мне сейчас нечем отблагодарить тебя, — на всякий случай уточнила я (в гантроском языке нет обращения на "вы"; кастовые различия подчеркиваются всякими титулами, в которых я, однако, толком не разбиралась, как и в знаках каст, носимых гантросами на одежде).

— Ничего. Ешь, ты голодна.

Больше меня не надо было уговаривать. Большинство блюд (а их было добрых полтора десятка, хотя и маленькими порциями) было мне незнакомо, и есть приходилось не отсутствующей у гантросов вилок, а чем-то вроде широкого серебряного пинцета, но это не имело никакого значения после месяца питания размоченным в вине зерном... Прошло совсем немного времени, и я уже откинулась на изогнутую спинку стула, обводя осоловелым взглядом пустые приборы.

— Спасибо, — на самом деле я попыталась компенсировать незнание титулов более церемонной гантроской формой благодарности: "Пусть боги дадут тебе то, что ты не можешь взять сам". Он вновь улыбнулся:

— Думаю, тебе следует принять ванну.

По гантрусским понятиям, фраза была грубой — типичное обращение хозяина к слуге — но я не чувствовала ничего, кроме благодарности. Новый слуга, уже не Трабдор, проводил меня в небольшую комнатку с медными крючками для одежды на стенах. Я, однако, сказала, что разденусь рядом с ванной.

— Сними хотя бы свою робу.

— Нет.

— Неужели ты думаешь, что в доме рацаха Зак-Цо-Даба кто-то позарится на твои... — последнего слова я не знала, но оно наверняка значило "лохмотья" или "тряпки".

— Повежливей, а то пожалуюсь твоему хозяину, — одернула я слугу. Он усмехнулся, однако спорить не стал и открыл передо мной дверь, откуда дохнуло влажным теплом и какими-то экзотическими ароматами.

Ванна — это было очень скромно сказано. За дверью меня ожидал настоящий мраморный бассейн овальной формы, заполненный горячей водой, от которой исходил приятный запах. В углублениях вдоль бортика лежало прозрачное мыло нескольких цветов, щетки с мягким и жестким, длинным и коротким ворсом, стояли флаконы с благовониями... Я мигом скинула одежду и нырнула в бассейн.

И за что мне такое счастье, лениво думала я, нежась в теплой воде. Ну а почему нет? Почему пожилой гантрусский богач не может просто бескорыстно сделать добро попавшей в беду девчонке? Его ведь от этого не убудет. И роскошный завтрак, больше похожий на хороший обед, и все эти благовония для него — совсем пустяковые траты. Может быть, у него нет своих детей. Или, напротив, я напредила ему любимую внучку...

Я уже и не помнила, когда мне в последний раз было так хорошо. Глаза слипались в блаженной полудреме, и я бы, наверное, совсем уснула, откинув голову на обитый чем-то мягким бортик, но негромкий шаркающий звук вывел меня из этого состояния. В трюме я привыкла просыпаться от малейшего шороха — а вдруг это матросы спускаются и найдут меня спящей? — так что сразу же вскинулась. И увидела "доброе дедушку". Совершенно голый, в одних шлепанцах, Зак-Цо-Даб подходил к бассейну.

Моей первой мыслью было, что он тоже хочет принять ванну. Я, должно быть, залежалась здесь сверх всяких норм приличия, и сейчас он попросит меня освободить бассейн. А может, у гантросов есть обычай принимать ванну вместе с гостями, подобно тому, как у нас с гостями обедают? Мне, правда, никогда не приходилось слышать о таком обычае, да и не очень-то он был бы гигиеничным...

Но тут я заметила, что с его телом что-то не так, и поняла, что именно. Мне, разумеется, прежде приходилось видеть голых мужчин, но никогда — в возбужденном состоянии, со всем этим хозяйством, не упрятанным в кожную складку, а вылезшим наружу. Чем-то мне это зрелище неуловимо напомнило сросшихся близнецов. Некой дисгармонией, неуместной непропорциональностью. Что ни говори, а женщины даже с сезонными признаками куда эстетичней... Итак, для Зак-Цо-Даба брачный сезон еще не закончился! Притом не закончился настолько, что его даже не останавливало угасание сезонных признаков у меня. Вообще-то совокупление с женщиной, у которой нет сезонных признаков, означает для нее не только психическую, но и физическую травму. Вплоть до смерти от внутреннего кровотечения. Поэтому такое карается еще суровей, чем просто изнасилование, по крайней мере, по ранайским законам... И, разумеется, заведомо не может привести к зачатию. До какого же безумия доводит мужчин похоть, если они готовы даже на то, что абсурдно и с точки зрения разума, и с точки зрения биологии!

Конечно, он не мог этого не знать, но, должно быть, решил, что с нищенкой можно не церемониться. И предпочел идти на преступление, нежели потерпеть еще день-два, пока его собственный сезон тоже закончится. Старый йитл, возомнивший, что деньги дают ему право на все...

Я вскочила, разбрызгивая воду.

— Не подходи ко мне!

— Ну, ну, — увещевающе произнес он. — Я был добр к тебе, теперь ты должна быть добра ко мне. Ты же не хочешь, чтобы я позвал на помощь слуг?

И тут глаза его расширились — он заметил мои крылья. Но это ничуть не охладило его пыл. Напротив, его, похоже, особенно возбудила мысль о столь необычной партнерше.

Я выскочила из бассейна и метнулась к своей одежде. Он попытался схватить меня. Для начала я его просто оттолкнула, но он вцепился мне в левую руку и крыло, за что и получил в челюсть. Он отшатнулся, выпустив меня, но устоял на ногах. Я быстро нагнулась и выхватила из-под сваленного в кучу тряпья железный прут.

"Не убивать, — напомнила себе я, хотя желание прикончить этого подонка было велико. — Хватит с меня тар Мйоктана."

Но он явно не был готов отпустить меня с миром.

— Слуги! — истошно завизжал он, не сводя глаз с прута и пятясь. — Скорее сюда!

Не выпуская свое оружие, я стала торопливо натягивать штаны; это было неудобно, они липли к мокрым ногам. Не успела я закончить с этим, как двое рослых плечистых слуг ворвались в помещение. Они были вооружены дубинками с длинным металлическим шипом на конце — такой штукой можно и бить, и колоть. Но даже с голыми руками они представляли бы собой серьезную опасность. Причем они явно были не единственными слугами в доме. Я подхватила с полу оставшуюся одежду и успела сунуть левую ногу в туфлю — на правую уже не хватило времени, пришлось уворачиваться от удара. Удар был явно рассчитан на то, чтобы выбить мое оружие; я отскочила назад и, пока противник не успел вернуть руку с дубинкой в исходное положение, огрела его по локтю прутом. Что-то хрустнуло, и слуга взвыл от боли.

Но на меня уже летел второй. Я успела отпрыгнуть в сторону, и он оказался на краю бассейна, но тут же, в развороте, обрушил на меня удар дубинки. Я едва смогла парировать его, однако удар был так силен, что выбил мой прут. Мой противник, видя, что я безоружна, тут же отбросил свою дубинку и схватил меня за руки — его хозяйину я была нужна живой и, видимо, по возможности не искалеченной. Пожалуй, обычной девушке и впрямь было бы затруднительно вырваться из этих железных лап, но я применила прием, с которым он в жизни своей не сталкивался — одновременно со всей силы хлестнула его концами крыльев по ушам. Его лицо на миг обрело болезненно-обалделое выражение. Я дополнила эффект коленом в пах (для пущей устойчивости он стоял, раздвинув ноги — это было его ошибкой), а когда он рефлекторно согнулся, ударила его головой в челюсть. Этого оказалось достаточно, чтобы его хватка ослабла, и я рывком высвободила руки, чтобы тут же пробить обоими кулаками в грудь. Он, как сомнамбула, шагнул назад и с шумным плеском рухнул в бассейн, окатив водой все вокруг.

Одежду я, естественно, выронила, но теперь заново подхватила с мокрого пола — а заодно и валявшуюся под ногами дубинку. Зак-Цо-Даб выскочил из комнаты и, как был голый, бросился бежать по коридору, призывая на помощь других своих холопов. Я устремилась следом. Тот, кому я сломала руку, попытался встать у меня на пути, но, видя мой решительный замах дубинкой, переменял свои планы.

Едва я оказалась в коридоре, слева запахнулась дверь, и еще один громила выскочил мне навстречу. Причем в руке у него была уже не дубинка, а кривая сабля. Не задумываясь, я швырнула одежду ему в лицо, а когда он вскинул руки, пытаюсь избавиться от сырой тяжелой тряпки, прошмыгнула у него под локтем. Обернувшись, я ударила его дубинкой по затылку — думаю, что не до смерти, но, во всяком случае, он рухнул, и я смогла забрать не только свои вещи, но и саблю. Так как вторая рука была занята одеждой, дубинку я бросила.

Я пробежала дальше по плавно искривлявшемуся коридору, вломилась в комнату, которая показалась мне столовой, напугав до полусмерти прибиравшуюся там служанку (тоже

уже без сезонных признаков, отметила я машинально), выскочила обратно, шуганула саблей еще одного слугу, куда более плюгавого, чем предыдущие, нашла настоящую дверь в столовую, а оттуда уже выход в коридор, ведущий на лестницу.

На верхней площадке меня поджидал еще один слуга с саблей, а сзади уже топала погоня. Не тратя времени на поединок по правилам, я видоизменила свой прошлый прием, набросив на сей раз мокрое тяжелое пальто на его изготовившийся клинок, после чего, поскольку он не поспешил немедленно освободить мне дорогу, рубанула его по шее. Он был из невысокой касты, так что вряд ли его смерть означала для меня серьезные проблемы. Обливаясь кровью, он упал на низкие перила и кувырнулся через них вниз — вместе со своим оружием и моей верхней одеждой; скомканная рубашка еще оставалась зажатой у меня в левом кулаке.

Прыгая через несколько ступенек, я понеслась вниз по лестнице. Вот уж где я прокляла ее эстетичную пологую длинность... Действительно, пока я бежала, у дверей внизу показался мой старый знакомый Трабдор. Вооружен он был, правда, несолидно — всего лишь кочергой, но в бою длина и вес оружия значат больше, чем его благородное происхождение.

— Уйди, если хочешь жить! — крикнула ему я, подбегая. Он ухмылялся, помахивая своей железкой. Я сделала обманное движение и устремила саблю ему в живот.

Он, конечно, попытался парировать удар кочергой и опоздал на целую секунду. Слишком много, чтобы спасти ему жизнь, но слишком мало, чтобы я успела вновь выдернуть клинок. Удар тяжелой кочерги переломил мое оружие у самого эфеса.

И тут, едва он упал, грохнул выстрел, и в двери передо мной взорвалась дыра, швырнув мелкие щепки мне в лицо. Я обернулась, одновременно пригибаясь. Еще двое слуг с саблями сбежали по лестнице, а на верхней площадке стоял сам хозяин — все еще голый, но в руке его дымился пистолет. В левой у него был второй, еще заряженный, и я, не став дожидаться, пока рацах переложит его в правую, выскочила на улицу.

Хотя, по логике, закон должен был быть целиком на моей стороне, я, наученная прошлым опытом, даже и здесь не ощутила себя в безопасности и мчалась вперед, пугая прохожих. Свернуть было некуда — для этого нужно было подняться на поперечную галерею, а там, на глазах у всей улицы, я почувствовала бы себя еще уязвимей. Наконец я выскочила на крохотную, по ранайским меркам, площадь, больше похожую на простой перекресток, и свернула на другую улицу, такую же узкую, как и первая. Пробежав еще локтей двести, я остановилась в ложбине между двумя круглыми домами, тяжело переводя дух.

На бегу я не замечала холода, но теперь он быстро напомнил мне, в каком виде я выскочила из дома рацах. Я натянула мятую сырую рубашку и поджала босую ногу. Положение было совсем скверным. Судя по погоде, того и гляди пойдет снег, а у меня — ни нормальной одежды и обуви, ни денег, чтобы все это купить. И, что еще хуже — мои крылья выставлены на всеобщее обозрение, а я со "Звезды тропиков" помнила отношение гантрусов к крылатым. "Ниже низшей касты" — так, кажется, сказал тот торговец, которому потом Чаха перерезала горло. Интересно, к какой касте, по его мнению, относились дикари...

Ладно. Ежась на одной ноге между домами, толку не добьешься. Надо куда-то идти, хотя бы чтобы согреться. Я вышла на улицу и быстро зашагала в прежнем направлении.

Я вскоре заметила, что иду, не поднимая глаз на прохожих. Мне вовсе не хотелось встречаться с брезгливо-презрительными взглядами. Я бы, конечно, могла достойно ответить на такой взгляд, но это было слишком опасно. Наверное, вот так, опустив глаза, и должны в их представлении ходить крылатые... Ладно, когда-нибудь я еще посмотрю на них на всех сверху вниз. С высоты летящего звездного корабля!

Мои мечтания были прерваны самым грубым образом. Камень больно ударил меня в левое крыло. Ну нет, всему есть предел! Я резко повернулась и увидела троих парней. Лет по шестнадцать, если, конечно, судить по внешности, а не по интеллекту. Они весело ржали, один из них подкидывал в ладони следующий камень, а другой оглядывался по сторонам, как видно,

тоже подыскивая метательный снаряд.

И тогда... я просто бросилась наутек. С одним бы я еще справилась (и то при условии, что прохожие не встали бы на его сторону), но с тремя, без всякого оружия... Естественно, они с улюлюканьем пустились в погоню.

И вновь я неслась по улице, с которой некуда было свернуть. Второй камень пролетел у меня над плечом, слегка зацепив ухо. С лестницы, ведущей на галерею, спустились несколько аньё; я резко вильнула в сторону, огибая их. И сделала это как раз вовремя — пущенный в меня камень угодил в одного из них. Тот с криком бросился навстречу обидчикам, увлекая за собой товарищей. Но я предпочла не дожидаться, чем закончится скандал, и побежала дальше.

Улица привела меня на другую площадь, заметно больше предыдущей. В центре ее возвышалось круглое здание, похожее на огромную беседку с витыми колоннами по периметру и посеребренным куполом. Горожане, поднимаясь по концентрическим мраморным ступеням, втекали ручейками меж колоннами с разных сторон — как видно, у здания было несколько входов, расположенных по всей окружности. Административное сооружение, храм или, может быть, театр? Для театра, правда, рановато — было еще около полудня, но кто их, гантрусков, знает... А может, и вовсе крытый рынок? Выглядит чересчур роскошно, но, учитывая гантрусское отношение к торговле...

Я остановилась (вроде бы погони больше не было) и стала приглядываться к публике. Если туда может войти любой, там можно по крайней мере погреться. Может быть, даже найти какую-нибудь работу (теперь я была уже согласна на любую).

Народ, заходивший в здание, выглядел по-разному; по гантрусским хламам я не могла определять статус столь же уверенно, как по ранайским костюмам, но уж, по крайней мере, могла отличить богатых от бедных. Я заметила, что они входят через разные двери, и догадалась, что каждый из входов предназначен для своей касты. Это притом, что здание было круглое и входы — одинаковые... Заметив нескольких оборванцев, уверенно поднявшихся по мраморным ступеням, я решила и последовала за ними.

Это оказался не рынок и не театр, а храм; я догадалась об этом, увидев над головами воздвигнутый в центре серебряный алтарь, сверкавший в лучах света, падавшего сквозь вертикальные щелевидные окна в куполе. Над алтарем стоял жрец в синей маске и синем балахоне, расшитом серебряными блестками. Остальная часть обширного помещения была погружена в полумрак. Как видно, в храме должна была состояться какая-то церемония, но то ли до начала оставалось еще достаточно времени, то ли горожане не отличались религиозным рвением — во всяком случае, народу внутри пока было не очень много. Я успела заметить, что все верующие стоят по своим секторам, границы которых были выложены выпуклым белым камнем на черном полу. Служба была общей для всех каст, и все же они не должны были смешиваться.

Больше я ничего не успела рассмотреть, ибо вокруг меня послышались возмущенные возгласы, быстро переросшие в гневный гул. Я испуганно огляделась. Стоявшие поблизости явно не отличались ни богатством, ни высокой кастовой принадлежностью — однако пятились от меня, как от заразной, гневно тыча в мою сторону пальцами и что-то визгливо выкрикивая. У некоторых от усердия аж слюна летела изо рта. "Осквернение!... Оскорбление!... Крылатая в храме Неба!..." — различила я.

— Извините, — воскликнула я, осознав свою роковую ошибку, — я не знала, что это нельзя! Я не здешняя! Я уже ухожу!

Но уйти мне не дали.

Брезгливо раздвигая оборванцев, ко мне уже шагала храмовая стража — в синих плащах и серебряных шлемах, с зазубренными мечами в руках (по-моему, эти мечи должны были символизировать молнии). Я попыталась прорваться к выходу, но те, кто только что пятился от меня, внезапно переменили намерение и стали хватать меня за руки, за плечи и, с некоторой

робостью, за крылья. Пока я отбивалась от них, подросли стражники, заломили мне руки за спину и крепко их связали.

Из храма меня отвели напрямик в тюрьму. Она располагалась неподалеку, как, впрочем, и все в этом небольшом городе. Здание тюрьмы было не круглым, но с закругленными углами. На входе храмовая стража передала меня тюремщикам, облаченным в простые серые одежды. Камера представляла собой каменный стакан высотой в семь локтей, закрывавшийся тяжелой решеткой на петлях сверху. В полу зала, куда меня ввели, было множество таких стаканов; сверху, прямо по решеткам, прогуливался стражник. Он поднял одну из решеток, мои конвоиры спустили вниз лестницу, развязали мне руки и велели спускаться. Когда я достигла пола, точнее, месива из гнилой соломы и вонючего тряпья, лестницу втянули наверх.

Не знаю, сколько времени я там провела — сами понимаете, оно в таких условиях тянется долго. Впрочем, я старалась не предаваться отчаянию, а продумывать линию защиты. Раз уж меня арестовали официальные органы правопорядка, должен быть суд, не так ли? С точки зрения логики, моя позиция выглядела беспроектной. Я чужестранка, я не знаю местных законов, я нарушила их случайно и искренне сожалею; кроме того, я сама стала жертвой преступных посягательств и хочу дать показания против рацаха Зак-Цо-Даба...

В общем, прошло несколько часов. И вот решетка со скрипом поднялась, и мне спустили лестницу. Наверху меня встретили профессионально равнодушными взглядами трое стражников. Один — этнический гантус и двое местных.

— Раздевайся, — буркнул гантус.

— Чего? Это еще зачем?

Он посмотрел на меня не столько гневно, сколько удивленно, но, как видно, снизошел к моему иностранному акценту и пояснил:

— Такой обычай. Подсудимый предстает перед судьей нагим, показывая, что ему нечего скрывать.

Ну, обычай, так обычай. Все, что мне стоило скрывать, здесь уже видели. Хотя лучше бы, конечно, пришлось следовать такому обычаю летом — правда, от моего скудного одеяния все равно тепла не много... Я уже расстегнула рубашку, но чертов Зак-Цо-Даб все еще стоял у меня перед глазами, и я предпочла уточнить:

— Гантуские судьи ведь не приступают к своим обязанностям, пока не закончится брачный сезон?

— Разумеется, — возмущенно фыркнул стражник. — Гант-Ру — цивилизованная страна, ты что, считаешь нас дикарями?

— Нет-нет, — заверила я его, продолжая раздеваться.

— Давай сюда, — он протянул руку за моими вещами. — Получишь назад, если приговор будет в твою пользу.

Мне сковали руки за спиной поверх крыльев и по винтовой лестнице отвели наверх, в зал суда. Собственно, это был не зал, а небольшая комната. Как я поняла, гантусское судопроизводство не предполагает зрителей. Прокурора и адвоката тоже не было. Я поднялась на круглый деревянный помост перед подковообразным столом судьи, как бы отгораживающим его от остального мира.

Я приготовилась защищаться, но разбирательства, как такового, не было. Судья, старый морщинистый гантус с мохнатыми седыми бровями, сразу зачитал мне обвинительное заключение, по которому мне инкриминировалось оскорбление богов и анью. Как я поняла по цитирувавшемуся им текстам, крылатые виновны уже тем, что они — крылатые. Своими крыльями они оскорбляют и Небо, претендуя на привилегии небесных существ, и Землю, не довольствуясь уделом существ земных. Поэтому они прокляты и Небом, и Землей. Сам факт крылатости, впрочем, у гантусов преступлением не считается (он всего лишь обрекает на положение презираемого изгоя, не имеющего прав даже низшей касты), но, войдя в Храм Неба,

да еще во время службы ("Служба еще не началась!" — пыталась возразить я, но судья не слушал), я совершила святотатство и должна быть подвергнута "очищению водой". После всех его грозных формулировок эта звучала не слишком страшно, и я расслабилась. Должно быть, какой-то религиозный обряд. Что-то вроде ритуального омовения, какое совершают ранайские священнослужители при посвящении в сан.

— Очищение совершится с первым лучом солнца грядущего дня. Увести, — распорядился судья, так и не давший мне произнести ни слова в свое оправдание. Кстати, говорил он обо мне в третьем лице, словно меня тут не было.

— Стойте! — крикнула я. — Я хочу сделать заявление!

Судья жестом остановил стражников.

— Я прибыла из-за океана и не знаю местных правил...

— Незнание закона не освобождает от ответственности, — сразу же поскутнел судья.

Стражники взяли меня за локти.

— Я заявляю о преступлении, совершенном рацахом Зак-Цо-Дабом!

Судья живо заинтересовался, даже морщины его разгладились на щеках и собрались на лбу. Он вновь остановил стражников и велел мне продолжать.

Я рассказала, что случилось после того, как я присела отдохнуть на крыльце рацаха. Меня, правда, смущало, что пришлось рассказать и о зарубленных мною слугах (я не сказала, что убила, сказала, что ранила их), но ведь они напали на меня с оружием! Должно же даже у крылатых быть элементарное право на самозащиту?

Судья тщательно записал мои показания, особенно дотошно расспрашивая о деталях интерьера дома и даже об анатомических подробностях голого рацаха. Я поняла, что все эти детали нужны для доказательства правдивости моих слов.

— Крылатым запрещено брать в руки оружие, — резюмировал судья, — но, учитывая, что подсудимой уже вынесен приговор за более тяжкое преступление, я оставляю его без изменений.

— А Зак-Цо-Даб? — спросила я.

— Если слова подсудимой подтвердятся, он понесет суровое наказание. Попыткой совокупления с крылатой он оскорбил достоинство своей касты.

И все?! Его преступление только в этом?! У меня, впрочем, хватило ума не выражать свое возмущение вслух.

Кстати, я так и не знаю, что это за титул или должность — "рацах". Ну да какая разница.

— Увести, — повторил судья.

— Когда мне вернут одежду? — спросила я стражников, когда меня вели обратно по лестнице.

— Зачем? — буркнул гантрус.

— Холодно же!

— Потерпишь, недолго осталось.

— Что, только после купания?

Он остановился и впервые поглядел на меня с жалостью. До него дошло, что я и впрямь не понимаю.

— Тебя утопят завтра на рассвете, — разъяснил он.

Если бы я лучше знала язык, я могла бы и сама догадаться. Ну да, все сходится. В Ранайе крылатых когда-то жгли на кострах, потому что у народов западного Инйалгдара символом очищения считается огонь. А у гантрусов — вода...

Я шла как в ступоре, механически переставляя ноги, и очнулась уже на пороге камеры. Это был не прежний каменный стакан, а камера с дверью. Смертников следует держать там, откуда их легко достать... Окон в помещении не было, но в свете факелов я увидела, что камера перегороджена решеткой, отделявшей заключенного от обитой железом двери — очевидно,

чтобы тот не мог притаиться у двери и наброситься на конвоиров. Все продумано... Даже устройство решетки. Ее прутья были не параллельными и не "в клеточку", а радиальными, как спицы колеса. Только, на самом деле, вовсе не с колесом она ассоциировалась. А с паутиной. Думаю, это лишнее психическое давление на жертву было не случайным.

Решетку подняли, меня втолкнули внутрь. Лязгнули замки — сначала на решетке, потом на глухо бухнувшей двери. Я осталась в абсолютной темноте.

Кандалы с меня так и не сняли, поэтому я решила, по крайней мере, перевести скованные руки вперед. Я села на пол и протащила через кольцо, образованное руками и цепью, сначала зад, потом по очереди обе ноги. Затем прошлась по камере, ощупывая босыми подошвами пол; он, как и в "стакане", был по большей части покрыт соломой и тряпками. Я сгребла все это в один угол и зарылась внутрь, подтянув колени к груди. Так было теплее, а на запах я вскоре перестала обращать внимание.

Ни еды, ни воды в камере не было, и приносить их, похоже, не собирались. Зачем тратить? Впрочем, есть мне не хотелось, хотя во рту, действительно, пересохло. Но больше всего я хотела спать. Я ведь провела на ногах всю прошлую ночь, да и вообще, это обычная реакция моего организма на потрясения. Так что я заснула сразу же, как только более-менее согрелась, что избавило меня от ужасных часов ожидания смерти. Не помню, что мне снилось, но, кажется, не кошмары.

Когда меня разбудили, я в первый миг не могла понять, кто эти грубые анью с факелами. А потом все вспомнила, и живот закололи ледяные иглы страха. "Нет-нет-нет, — стучало в виски. — Нет-нет-нет..." Все же внешне мне удалось сохранить достоинство. Я не кричала, не плакала, не цеплялась ногтями за камни стен. Стражники ничего не сказали по поводу рук, скованных спереди — всего лишь молча разомкнули один из браслетов и снова сковали их сзади. Перед этим, правда, мне все же дали кой-какую одежду. Что-то вроде длинной и узкой юбки из грубой мешковины. Думаю, это было сделано отнюдь не из гуманизма, а чтобы, наоборот, подчеркнуть мой статус приговоренной грешницы; эта матерчатая труба была до того тесной, что идти в ней можно было лишь короткими шажками. Но куда хуже был тяжелый, обвязанный лохматыми веревками камень, который повесили мне на шею. В нем было, наверное, фунтов сорок; веревки сразу же больно врезались в заднюю сторону шеи и плечи. На камне было что-то написано — может быть, описание моего "преступления" — но я не успела прочитать.

В таком виде меня вывели из тюрьмы и повели по улице. Казнь должна была состояться на реке за городскими стенами. Разумеется, ниже по течению, а не там, где город берет воду для питья.

До рассвета оставалось еще достаточно времени, но темнота казалась светлее из-за снега, который запорошил улицы и продолжал падать крупными пушистыми хлопьями. Почти как в тот день, когда я уезжала из Йартнара, только тогда он был еще гуще... Снег мокро хрумкал под моими босыми ногами — поначалу это показалось даже не очень холодно, но потом ступни и особенно пальцы начало нестерпимо щипать. Снежинки покалывали мои обнаженные плечи, бока, крылья; впрочем, холодный воздух доставлял куда больше дискомфорта, чем собственно снег. Мои зубы стали выбивать дробь — пожалуй, больше от холода, чем от страха. Из-за раннего часа зевак на улице почти не было — довольно многие, правда, наблюдали за процессией из окон, но от них я быстро абстрагировалась — они были в тепле, в другом мире...

В каком-то смысле было даже хорошо, что меня вели по зимней улице полуголой — холод отвлекал на себя все внимание, не позволяя ужасу захлестнуть сознание. Мне и раньше случалось бывать в смертельной опасности — вы знаете, раз дочитали до этого места — но там всегда был шанс, была надежда, в которую я вцеплялась мертвой хваткой. Теперь же... впрочем, до конца я не верила в собственную смерть и теперь. Основным моим ощущением было — это происходит не со мной. Это просто не может происходить со мной. Это какая-то шутка, которая

сейчас закончится...

Вот и городские ворота остались позади; под ногами захлюпала смешанная со снегом полужидкая грязь — температура была все еще выше точки замерзания. Интересно, отвлеченно подумала я, как здесь топят в разгар зимы, когда река замерзает? Прорубь долбят, наверное...

Я думала, что за воротами процессия сразу свернет к реке, но нет, двое стражников, шедших с обнаженными мечами впереди меня, продолжали шагать прямо. Как видно, для таких церемоний существовало специальное место... Я поймала себя на мысли, что это вызывает у меня раздражение. Спешить мне, конечно, было некуда, но семенить босиком по холодной грязи с камнем на шее — тоже приятного мало.

— Как называется ваш город? — внезапно спросила я.

— Доргот, — машинально откликнулся один из стражников и неприязненно покосился в мою сторону. — А тебе-то что?

— Так, буду знать, куда посылать демонов с того света, — пожала плечами я (пожимать плечами, пожалуй, не следовало — веревки впились еще больней). Стражник отшатнулся и что-то забормотал — как видно, принял мои слова всерьез.

А почему бы и нет? Вдруг загробная жизнь действительно существует? Вам это, может быть, кажется смешным, но посмотрела бы я на вас, конвоируемых на казнь... Я никогда не была религиозна — слишком уж много противоречий в Святом Троекнижии — но увязывание вместе идеи бога и идеи бессмертия — это великое мошенничество церковников, без которого им бы вряд ли удавалось улавливать свою паству. Ведь, по логике, это совершенно не связанные вещи — и бог может не давать никакого бессмертия, и бессмертие может существовать без бога... Правда, утешало это слабо. Возможность-то гипотетическая, а река и камень — реальные.

В конце концов свернувшая вправо тропинка привела-таки меня на берег. Вообще от самого города он был пологим, но здесь вспучивался бугром. Река подмыла этот бугор, получился обрыв высотой локтей в десять, отвесно уходивший в воду. Наверняка там сразу было глубоко.

Видя, что идти больше некуда, я впервые испуганно обернулась — и увидела всю процессию. Оказалось, меня сопровождали на казнь около полусотни ан्यों (до этого-то я видела только тех стражников, что шли впереди). Из них два десятка, окружившие бугор — городская и храмовая стража (наверняка их было столько не из опасения, что я сбегу — вот уж на что не было шансов! — а по требованию ритуала), трое официальных лиц — напыщенный жрец и двое явно скучавших чиновников, а остальные — зеваки.

Стражник взял меня за плечи и вновь развернул лицом к реке. Неужели уже все?! Но нет, жрец, поднявшийся на бугор рядом со мной, принялся читать что-то нараспев гнусавым голосом. Слов я почти не понимала, я и современный-то гантрусский знаю нетвердо, а это был какой-то древний диалект. Так что мне ничего больше не оставалось, как стоять и ждать, пока все это кончится.

Я промерзла уже, кажется, до костей. Ступни заоченели так, что их даже и не щипало; я шевелила пальцами ног, чтобы убедиться, что они мне еще повинуются. Удивительное дело, но мысль о смерти в эти минуты пугала меня меньше, чем мысль о ледяной воде внизу. Наверное, потому, что второе я представляла себе лучше, чем первое...

Постепенно начинало светать. Наверное, это еще не считалось "первым лучом", хотя сквозь тучи определить точный момент восхода было затруднительно... Я стала осторожно оглядываться по сторонам — без какой-либо надежды, а просто что еще было делать. Ничего интересного я, конечно, не видела, тем более за пеленой снега, который шел все гуще. Черные воды реки, почти в полумиле справа — стены города с редкими и слабыми огоньками на башнях, угрюмый хвойный лес, голые ветви лиственной рощи на том берегу...

И вдруг из-за деревьев, скрывавших поворот реки, показался корабль. Снег и сумрак мешали разглядеть его, но по мере того, как он приближался, я поняла, что это — одномачтовое

и однопарусное гребное судно, очертаниями похожее на морскую галеру, но поменьше, хотя и крупнее, чем ройк. На крутом носу гордо вздымалась оскаленная деревянная голова твурка. По причине безветрия парус был убран, и корабль поднимался по течению на веслах.

Должно быть, даже мои чувства успели закоченеть, поскольку несколько секунд я смотрела на корабль тупым равнодушным взглядом. Еще одни гантрусы, только и всего. Но затем разум все же вырвался из кокона, в котором он прятался от страха, и заработал на полную мощность. Если это обычный гантрусский корабль, тогда почему он подходит к городу ранним утром? Ведь для этого, очевидно, он должен был идти на веслах всю ночь. На гребных судах редко бывают столь большие команды, чтобы можно было грести круглосуточно, в несколько смен; обычно ночью делают отдых. Тем более что идти ночью по извилистой реке, да еще когда видимость ухудшена снегопадом — дело нелегкое и чреватое, того и гляди сядешь на мель или налетишь на какую-нибудь корягу. И, главное, как можно идти в таких условиях без бортовых огней — это же нарушение всех правил безопасности? Я еще не знала, что из всего этого следует, но горячая волна надежды уже захлестнула меня.

Мои враги тем временем ничего еще не замечали. Они смотрели на меня и на жреца, который, кажется, уже заканчивал ритуал. Неожиданно меня освободили от кандалов. Неужели я все-таки помилована?! Но нет, двое стражников крепко держали меня за руки, а еще четверо их товарищей стояли вокруг с теми же каменными лицами. Гантруская рачительность, поняла я. Если всех узников топить в цепях, железа не напасешься... Жрец глядел на северо-восток (а корабль подходил с юго-запада), высматривая, очевидно, момент, наиболее соответствующий "первому лучу солнца". Вот он начал поднимать руку... нет, ждать больше нельзя!

— Смотрите! — крикнула я, указывая крылом на корабль. По гомону, поднявшемуся пару секунд спустя, я поняла, что попала в точку. Кто бы ни плыл на этом корабле, дорготцам они не друзья. Кстати, за первым кораблем уже показался второй...

Была, конечно, опасность, что меня предпочтут поскорей столкнуть с обрыва, чтобы потом уже без помех разбираться с новой проблемой, но теперь я изготвилась бороться за жизнь всеми шестью конечностями. Да, именно шестью — пару из них, и притом самую длинную, мои враги постоянно недооценивали. Одни лишь Гарвумы в свое время догадались связать мне не только руки, но и крылья — очевидно, потому, что хозяевам зверинца приходилось иметь дело и с другими крылатыми узниками, пусть и не разумными. Все же прочие мыслили стереотипно, исходя из анатомии обычного анью. Действительно, когда крылья сложены, они выглядят не особенно грозно...

Первый корабль находился уже в каких-нибудь полутора локтях, и там уже поняли, что их заметили. Что-то коротко свистнуло, и жрец, хрипя и захлебываясь собственной кровью, повалился наземь с арбалетной стрелой в горле. Отличный выстрел! Корабельщики безошибочно угадали в нем важную шишку. Я не знала, есть ли на борту огнестрельное оружие, но если оно и было, его, должно быть, не пускали в ход, чтобы не предупредить раньше времени Доргот.

У стражников, однако, интересы были прямо противоположными. Храмовые были вооружены лишь мечами, но у городских имелись пистолеты. Нестройно захлопали выстрелы. Меня удивило это сопротивление — уж наверное на кораблях приплыло не меньше сотни воинов, дорготцам следовало бежать... С другой стороны, дали бы им убежать? В обычных условиях — конечно, но теперь, когда они собирались поднять в городе тревогу, скорее, перестреляли бы в спину! Первый корабль уже подходил к берегу, и я видела изготовившийся к высадке десант.

Стражники все еще держали меня, но хватка их произвольно ослабла, ибо все внимание было устремлено на вражеский корабль. У меня был выбор — или принять сторону дорготцев, обрекших меня на смерть, и предложить им помощь, которая была для них теперь совсем не лишней, в обмен на помилование, или встать на сторону их врагов, от которых

вообще неизвестно, чего ожидать. Я не колебалась ни секунды. Рывком я расправила крылья и со всей силы хлестнула ими стоявших сзади стражников, одновременно рванувшись вперед. Мне удалось высвободить из захвата обе руки. Я подхватила ими свой камень и в развороте ударила им ближайшего стражника по голове. Он был в шлеме, но удар пришелся в незащищенную скулу, и я услышала, как хрустнули кости. Держать камень на высоте их голов было тяжело, так что следующего я ударила в грудь. Под его синим церемониальным плащом не было доспеха, и он завалился назад как минимум с парой сломанных ребер. Продолжая свое движение, я бросилась под ноги третьему. Когда он рухнул с переломанной голенью, в моей левой руке уже был меч, оброненный его предшественником, а сама я, лежа грудью на камне и упираясь пальцами ног в землю, отчаянно сдирала концами крыльев тесную юбку. Пара движений мечом — и веревки, удерживавшие камень, разрезаны; как раз вовремя, чтобы вернуться от двух других стражников, бросившихся ко мне! Юбка все еще была у меня на бедрах, но, перекатившись на спину, я саданула ближайшему врагу обеими пятками в живот и, пока он ловил ртом воздух, наконец избавилась от мешковины.

Вот теперь, вскочив с мечом в руке, я могла продолжать разговор на равных. И даже более чем, ибо наконец ухватила, как использовать крылья в ближнем бою. Это было что-то вроде вдохновения...

Четверо стражников валялись вокруг, мертвые или серьезно раненые, еще один, уворачиваясь от моего меча, сорвался с обрыва в воду. Последний из шести предпочел бежать; спасались бегством и его сограждане, израсходовавшие боезапас, а за ними, размахивая широкими прямыми мечами, гнались десантники с корабля. Издав грозный боевой клич, я помчалась с бугра, присоединяясь к погоне. Точнее, возглавив ее, ибо была ближе к дорготцам, чем приплывшие.

Мною двигала не только жажда мести. Я не знала, как эти корабельщики относятся к крылатым, но собиралась зарекомендовать себя с лучшей стороны. Конечно, вздумай я сейчас просто убежать в лес, вряд ли кто-то стал бы мне препятствовать. Но бегать голый зимой по лесам, пусть даже и с мечом — нет уж, как говорят в Ранайе, предложите это своей йупе.

Расстояние между мной и врагами довольно быстро сокращалось. Бегать босиком по пересеченной местности не слишком удобно, зато мне не приходилось путаться в полах тяжелой хламиды. Готовясь к бою, гантруссы, конечно, одеваются удобнее, но в данном случае даже на стражниках были длинные церемониальные наряды. Первым я настигла одного из зевак, громко пыхтевшего коротышку. Я рубанула его мечом и побежала дальше, не останавливаясь. Мелькнула мысль забрать его одежду, хотя бы обувь, но — некогда, надо перебить врагов прежде, чем они добегут до ворот Доргота! Еще один любитель смотреть на казни крылатых упал с разрубленным плечом. А вот и один из чиновников... получай, тварь!

Первые крики агонии лишь подхлестнули бегущих, но вот кто-то из стражников догадался обернуться и увидел, что основные силы врага еще далеко, а урон арьергарду наносит всего лишь та самая крылатая девчонка, которую они только что чуть не утопили. Он крикнул об этом и остановился, разворачиваясь. Он не видел, как я орудовала на бугре, и рассчитывал справиться со мной один.

Наши клинки скрестились сперва в верхней, потом в нижней позиции. Тут-то я хлестнула его крылом по глазам, а когда он инстинктивно зажмурился и отшатнулся, всадила ему прямой колющий в грудь. Обернувшись на мгновение, я отсалютовала мечом своим потенциальным друзьям и побежала догонять врагов.

На этот раз меня попытались остановить сразу трое. Первый, правда, атаковал слишком решительно, надеясь покончить со мной одним ударом. Удар был действительно страшной силы — я бы не смогла его парировать, но для такого удара ему потребовался слишком широкий замах, так что я десять раз успела понять направление и легко уклонилась, тут же перерубив ему кисть с увлеченным инерцией мечом, а в следующий миг мой клинок перечеркнул его горло. Но

двое других были опытнее и задали мне серьезную задачку. Как чертовски прав был отчим, заставивший меня учиться мечному бою! Я успевала парировать их удары, но и они не давали мне удобного момента для атаки. Я перехватила меч левой рукой — во-первых, правше труднее биться с таким противником, а во-вторых, честно говоря, правой уже требовался отдых. Все-таки в последнее время у меня было не слишком много возможностей для тренировок! Однако мне удалось выбить меч у одного из них, и он предпочел обратиться в бегство, видя приближающихся за моей спиной корабельщиков. Второй не успел защитить внезапно открывшийся бок, и я достала его в бедро. Он оступися, потом запрыгал на одной ноге в сторону; я оставила его корабельщикам, сделав еще один рывок за убегающими. С учетом урона, нанесенного как мной, так и стрелками с корабля в первый момент, их осталось менее трех десятков. Однако эти трое достаточно меня задержали, и шансов достать еще кого-то было мало. Разве что того, который бежал, потеряв оружие, но он вдруг вильнул вправо и понесся в сторону леса, справедливо рассудив, что за ним одним погони устраивать не будут.

Городские стены были уже близко, и стражники в городе не могли не понимать, что происходит. Однако, очевидно, не хотели лишать бегущих шанса, и ворота оставались открытыми. Я слышала за спиной тяжелый топот почти нагнавших меня союзников.

Я не знала, успеем мы ворваться в город на плечах беглецов или нет, но дорготский командир, как видно, решил, что успеем. И предпочел выслать нам навстречу своих бойцов. Правда, лишь два десятка — больше, очевидно, за столь короткий срок было не собрать, но, они, должно быть, рассчитывали на помощь бежавших от нас стражников и подкрепление из города. Судя по разному в одежде, среди них были и городские стражники, и ополченцы. У половины были пистолеты, но они не стреляли, боясь попасть в своих.

Меня обогнали слева и справа, и через несколько секунд бойцы с обеих сторон схлестнулись у ворот. Я оказалась в самом центре схватки. Где-то рядом грохнули несколько выстрелов, кто-то застонал, кто-то рухнул мне прямо под ноги, веером разбрызгивая по снегу кровь, но мне уже было не до того, я рубилась на мечах с очередным врагом и не могла отвлекаться по пустякам. Мой противник, впрочем, сидел в глухой обороне; похоже, я внушала ему трепет. И не мудрено. Нагая, с окровавленным мечом, с распахнутыми крыльями, с ног до головы забрызганная кровью, я, должно быть, являла собой впечатляющее зрелище. Жаль, что поблизости не было художника, ищущего модель для богини войны...

Схватка у ворот была жаркой и стремительной. Подкрепление к защитникам подошло, но не успело. Мы уже ворвались внутрь и продолжали теснить противника вглубь улицы. Нас встретили мушкетным огнем сверху, с висячей галереи. Но тут уже и корабельщики наконец пустили в ход огнестрельное оружие. Поскольку оборонявшиеся могли разместиться на галерее лишь в один ряд, а нападающие на улице — в несколько, перестрелку дорготцы проиграли. После чего все кончилось. Уцелевшие защитники города бросали оружие, признавая свое поражение — немудрено, ведь их потери вместе с ранеными составили почти четыре десятка анью! Для небольшого городка число огромное; только офицер, одержимый безумием брачного сезона, решил бы продолжать бой. Теперь, очевидно, между градоправителем и предводителем нападавших должны были состояться переговоры о контрибуции.

Но этого я уже не увидела. После того физического и психического напряжения, что я пережила, силы вдруг оставили меня. Меч безвольно опустился; я пошатнулась и ухватилась за чье-то плечо, чтобы не упасть. У меня мягко забрали оружие, и чьи-то сильные руки подняли меня, как ребенка — что вовсе не показалось мне унижительным. Полминуты спустя я уже лежала на этих руках, укутанная в нагретую чужим теплом безразмерную куртку, пахнущую кожей, и доверчиво обнимала чужеземного воина за шею. Потом меня куда-то несли...

Дальнейшее помню смутно. Помню, как лежала, завернутая в теплый, приятно щекочущий голое тело мех, и чьи-то крепкие горячие ладони растирали мои намерзшие ступни — а у меня не было ни сил, ни желания даже открыть глаза, и я лишь тихо урчала от

удовольствия. Помню сладкое душистое питье, согревавшее изнутри — должно быть, там присутствовал какой-то градус алкоголя, но на вкус он совершенно не ощущался. Помню красивую песню на незнакомом языке, которую напевал мужской голос у моего изголовья. Помню мягкое покачивание и уютное поскрипывание плывущего корабля...

Наконец, я отоспалась, отлежалась и пришла в себя окончательно. Я села на кровати, изучая дощатый потолок, такой же пол и слегка изогнутую стену с иллюминатором, откуда лился мягкий белый свет. Каюта была, в общем, как каюта, а вот моя постель — не совсем обычная: не было ни простыни, ни пододеяльника. Я лежала на шкуре какого-то большого зверя с белым мехом, и такой же шкурой, мехом внутрь, была укрыта. Выбравшись из этого уютного логова, я подошла к иллюминатору. Корабль шел по черной воде мимо пологого заснеженного берега. Кое-где кривились под снежным бременем одинокие деревца, но в целом равнина была безлесой и лишенной всяких признаков жилья. Где-то возле горизонта она упиралась в гряду разновеликих холмов, почти сливавшихся с белесым небом. Ото всей этой картины веяло... не столько даже тоской, а каким-то обреченным спокойствием.

Однако воздух в каюте был довольно прохладным, да и пол тоже, и я обернулась в поисках одежды. Действительно, таковая была сложена на столике в изножье кровати. Толстые теплые штаны, шерстяные чулки, сапоги с меховой опушкой, байковая рубашка с трогательно прорезанными щелями на спине (но я уже говорила, просто щелей мне недостаточно, если одеваться без посторонней помощи), длинный и широкий шарф, белый полушубок с огненно-рыжим, почти под цвет моих волос, воротником, теплые варежки и тонкие кожаные перчатки (в которых удобно не только орудовать мечом, но и нажимать на спуск мушкета и арбалета), а также хвостатая шапка из серого с белыми кончиками меха. Трофейного меча я не обнаружила, зато под полушубком лежал крепкий кожаный пояс с квадратными заклепками, к которому крепились черные ножны, украшенные бисером. В ножнах был нож из превосходной стали с костяной рукояткой, на удивление удобно ложившейся в руку. На клинке угловатыми буквами незнакомое мне алфавита было выгравировано короткое слово.

Этим ножом я дорезала рубашку на спине и оделась, попутно обратив внимание, что скругленный столик, на котором лежали вещи, куда изящней добротной, но громоздкой кровати. Не иначе, трофей, добытый в одном из рейдов... Мне вдруг пришла в голову мысль, что жесткая и жестокая гантруская кастовая система, столь нелепая с точки зрения житейского здравого смысла, выглядит совсем иначе, если смотреть на нее с позиций любви гантруссов к искусству. Ведь искусство — это, в некотором роде, антоним хаоса и аморфности, в основе его всегда — строгий порядок, причем, чем сложнее и совершеннее упорядоченность — слов, красок, нот — тем выше мастерство художника. Даже если на первый взгляд произведение кажется экспрессивно-хаотическим, на самом деле все оно пронизано четкой внутренней гармонией. Если, конечно, это настоящее произведение искусства. Истинный хаос в живописи — мазня, в музыке — какофония, в литературе — бредятина. Так что, если рассматривать социальные системы как объекты искусства и эстетики, то совершеннее всего окажутся жесткие, строго упорядоченные, предельно структурированные общества с кучей условностей, регламентаций и ритуалов — а аморфная вольница заслужит самые низкие оценки. И случайно ли, что понятие классики в искусстве ассоциируется у нас в первую очередь с наследием тоталитарных империй?

Вот только жить в такой утонченно-эстетичной конструкции... у меня были еще слишком свежи воспоминания на сей счет.

Ладно, пора было поближе познакомиться с приверженцами иных эстетических взглядов. Я пристроила шапку так, что хвост спадал на плечо, и вышла из каюты в коридор, а оттуда на палубу. В первый момент я никого не увидела, хотя до меня донесся негромкий плеск весел; очевидно, гребцы находились на нижней палубе. Парус по-прежнему был убран. Я подошла к правому борту (моя каюта выходила на левый); второй берег реки выглядел так же, как и

первый, разве что никакие холмы там уже не маячили, и горизонт попросту таял в белой дымке.

Я немного постояла у борта, глядя в заснеженную даль. Из-за дымки невозможно было определить положение солнца, да и времени я не знала, так что не могла сориентироваться по сторонам света, но снег, укрывавший оба берега толстым, без единой прорехи одеялом, плотный, слежавшийся, выпавший наверняка не пару дней назад — этот снег указывал, что мы плывем на юг. В высокие широты, к Морю Вечных Льдов, как называют южный океан. Все дальше от тропиков и острова где-то у северо-западных берегов этого континента...

С юта раздался гортанный крик — должно быть, вахтенный матрос заметил меня. Я обернулась в ту сторону. Вскоре из той же двери, что и я перед этим, на палубу вышел могучий воин с мечом на поясе. Высокий и широкоплечий, он весил, наверное, вдвое больше меня, но главными были даже не размеры — просто от него исходило ощущение уверенной, спокойной силы. На нем были черная куртка с нашитыми металлическими бляхами и черные штаны, заправленные в высокие, почти до колен, сапоги; но у сапог была белая опушка, а у куртки — белый меховой воротник и белые манжеты. И длинные волосы, падавшие на плечи из-под кожаного подшлемника, были снежно-белые — не от старости, а от природы, хотя он был не так уж молод. В прозрачно-голубых глазах стыло южное небо и полярные льды.

Он облокотился о борт рядом со мной и улыбнулся.

— Хейги, — сказал он.

— Эйольта, — ответила я, указывая на себя.

— Дйаргур, — он продублировал мой жест. Выходит, "Хейги" — не его имя?

— Дйаргур? Хейги? — я проверила свою догадку, коснувшись его груди.

Он качнул головой и приложил ладонь к груди: "Дйаргур", а затем взял меня за руку: "Эйольда. Хейги".

Не то чтобы я все поняла из этого первого урока, но, так или иначе, начало было положено. А язык мне следовало освоить быстро, если я хотела объяснить корабельщикам, что мне, вообще-то, надо совсем в другую сторону...

На самом деле, к концу этого дня я знала уже довольно много слов и перезнакомилась со всей командой харра — так называются эти корабли. Кое-кто из воинов, включая и самого Дйаргура, который, как я и предположила с самого начала, был их предводителем, чуть-чуть знал по-гантруски, правда, толку от этого было не очень много, ибо их знания в основном касались числительных и наименований предметов роскоши — тех слов, которые требовались при переговорах о выкупе. Конечно, хардарги — так они себя называли — могли бы выучить язык и получше, но, похоже, не делали этого принципиально, поскольку презирали гантруссов, считая их изнеженными торгашами, неспособными постоять за себя. (Естественно, гантруссы, в свою очередь, считали хардаргов презренными варварами.) Еще больше хардарги презирали коренные народы урбы (своих, между прочим, дальних родичей), добровольно покоровшиеся гантруссам.

Эти тонкости, впрочем, стали мне известны позднее, а в тот день меня больше интересовало отношение хардаргов к одной конкретно взятой ранайке. И тут мне было не на что жаловаться — кажется, на всем корабле не нашлось ни одного аньйо, который не одарил бы меня широкой улыбкой. Многие норовили сказать мне несколько слов, потрепать по плечу, взъерошить волосы (последнее, впрочем, мне не очень нравилось, но я решила не подавать виду). Похоже, мое участие в их рейде против Доргота совершенно покорило этих суровых воинов; возможно, впрочем, сыграло свою роль и покровительство Дйаргура, который сопровождал меня по всему кораблю, словно заботливая нянька. Так или иначе, у хардаргов явно не было предубеждений против крылатых, и уже из-за одного этого я куда охотнее назову варварами не их, а утонченных гантруссов или даже моих собственных соотечественников.

Плавание продолжалось еще два дня. Стало заметно холоднее, у берегов реку в этих краях уже покрывал лед, но фарватер оставался свободным и, судя по всему, Дйаргур не боялся,

что харры вмерзнут, не дойдя до цели. Зато, стоило мне закашляться, стоя на палубе, как он сразу увлек меня в каюту. Такая трогательная забота, конечно, была смешна — после того, что мне пришлось пережить пару дней назад, вряд ли я сильно рисковала здоровьем, стоя на открытом воздухе в теплой одежде. Вообще, суровый предводитель хардаргов был по отношению ко мне так нежен и внимателен, что я поначалу даже испугалась. Ну, вы понимаете, после этого гнусного Зак-Цо-Даба... Но нет, подобная грязь и мерзость была тут совершенно ни при чем. Тем более что у южных народов брачный сезон начинается и кончается раньше, чем у нас. Тут было что-то другое... Он называл меня "Эйольда", но нередко и "хейги", и я никак не могла понять, что это значит. "Девочка"? "Крылатая"? "Друг"? Нет, точно не "друг", поскольку мою попытку назвать его "хейги" он отверг с самого начала. Может быть, у хардаргов тоже есть крылатая богиня с таким именем? Но они были куда более развитым народом, чем нгарэйху, и я бы заметила, если бы отношение ко мне имело религиозную окраску. Нет, они прекрасно понимали, что я — такая же анью, как и они. И потому их симпатия была более ценной, чем предписанное верой почитание богини. Я не плакала, когда меня вели на казнь, но теперь, когда Дйаргур с любовью смотрел на меня и осторожно гладил мои волосы, я порою чувствовала влажное тепло в глазах...

Спала я по-прежнему в выделенной мне персональной каюте, обедала и ужинала за общим столом на корме (у хардрагов нет таких понятий, как "кухня для офицеров" и "кухня для солдат"), а остальное время по большей части проводила в обществе Дйаргура. Разумеется, мой словарный запас был еще слишком мал для нормального общения, но я старалась запомнить и понять как можно больше и уже на второй день, привлекая жесты, попыталась объяснить, что цель моего путешествия лежит далеко на северо-западе, но он лишь качал головой. Не понимал, или не хотел понимать? Конечно, даже если бы он и понял, вряд ли это что-то бы изменило. Всякий раз, выглядывая в иллюминатор или выходя на палубу, я видела то угрюмые хвойные леса, утопающие в снегу, то обледенелые утесы, то сплошную снежную целину до горизонта, кое-где изрезанную глубокими оврагами; но нигде ни дорог, ни поселений. Деваться с харра было некуда.

Но мою свободу ограничивала природа, а не анью. На корабле я могла заходить, куда угодно, а когда, устав от лингвистических штудий, объяснила, что хочу размяться с мечом (субтильных шпаг хардарги не признавали, хотя огнестрельным оружием владели хорошо), такая возможность была мне тут же предоставлена. За два дня пути я поупражнялась на палубе и с Дйаргуром, и еще с несколькими воинами. Конечно, они были сильнее меня и искуснее тех же гантросов, да и сказывался большой перерыв в моих тренировках, но когда я замечала, что мне пытаются поддаться, сердилась и требовала, чтобы со мной дрались в полную силу. И пару поединков, с молодыми хардаргами, мне удалось честно выиграть под одобрительные возгласы зрителей.

Морозным и солнечным утром третьего дня харры подошли к пристани, наполовину вмерзшей в лед. На правом берегу, круто вздымавшемся в этом месте гребнем, высился Ганйаррах — данг Дйаргурова клана. Данг — это нечто среднее между замком и городом. Данг не строится по единому плану и разрастается со временем, но все его постройки — от стройной смотровой башни, возносящей свой флюгер на сотню локтей над кручей, до сараев и складов, спускающихся к самой воде — образуют единое целое. Если где-то они не имеют общей стены, значит, их соединяет крытая каменная галерея, но такое бывает редко: в основном постройки лепятся вплотную друг к другу, ибо чем меньше общая площадь внешних стен, тем меньше тепла теряет данг. Все сооружения, даже самые незначительные — кроме разве что некоторых складов ненужного зимой инвентаря — сложены из камня по той же самой причине: он сберегает тепло лучше, чем дерево. Окна тоже узкие из-за этого. Нужды фортификации уже вторичны — с вражескими воинами жителям данга приходится иметь дело лишь изредка, а с холодом — каждый день на протяжении полугода. Хотя при необходимости данг может

выдержать и штурм, несмотря на отсутствие опоясывающей крепостной стены. Под каменным панцирем скрыты и амбары, и зимний хлев, и дровяные склады; данг в любое время готов к многодневной осаде, хотя, опять-таки, чаще всего осаждающими выступают не аньюо, а свирепые морозы и метели, способные порою бушевать больше декады. (Все эти подробности я, разумеется, узнала позже.)

Харры, естественно, были замечены с башни еще на подходе, так что, когда мы пришвартовались, на пристани было уже полно встречающих. По большей части женщины и дети; почти все мужчины, способные держать оружие — полторы сотни аньюо — ушли в набег вместе с Дйаргуром. В данге оставались лишь несколько охотников и ремесленников, а также подростки и старики. Из последних, впрочем, мало кто стал спускаться к пристани по вырубленным в камне обледенелым ступеням, рассудив, что как добрые, так и худые вести сами скоро поднимутся к ним.

Последовала обычная сцена встречи бойцов из похода — с объятиями, радостными возгласами, испуганными ахами при виде повязок раненых и ответными пренебрежительными отмашками — "пустяки, царапина", малышкой, повисающей на отцовских плечах, и трофейными подарками, вручаемыми жене и детям прямо на пристани. Не всем, однако, так повезло; я видела, как зашлась в плаче немолодая уже женщина, а юноша-подросток пытался ее утешить. Четверо хардаргов погибли во время нападения на Доргот, и еще один раненый умер в пути на втором харре.

На меня в этой суматохе не сразу обратили внимание, но когда обратили, в толпе возникло мгновенное замешательство, и я вдруг увидела, как две женщины попятились, а одна воскликнула с явным испугом: "Хейги!" Такая встреча мне отнюдь не понравилась. Правда, что бы ни значило это слово, но явно не "крылатая": видеть мои крылья, сложенные под полущубком, они не могли.

Однако замешательство длилось лишь пару секунд; Дйаргур положил руку мне на плечо и что-то начал говорить своим подданным — не иначе, рассказывал о моих подвигах. И с первыми же его словами — а на некоторых лицах и раньше — стали расцветать приветливые улыбки, так что я совершенно успокоилась и тоже заулыбалась им в ответ.

Потом вся толпа — и прибывшие, и встречающие — потекла наверх по лестницам, разбиваясь по пути на ручейки и вливаясь в отдельные двери. Нырнули под каменные своды и мы с Дйаргуром и еще несколькими бойцами.

Предназначенная для меня комната оказалась на пятом этаже, если смотреть со стороны реки, и на втором — если с противоположной; окно выходило на северо-восточную, перпендикулярную берегу стену, и из него было видно и реку, и лес, начинавшийся за гребнем. Комната была небольшая, но уютная — насколько может быть уютной комната в каменном замке, стоящем среди снегов. Впрочем, идущий от камня холод отчасти компенсировали висящие на стенах ковры и мохнатая белая звериная шкура, расстеленная на полу перед кроватью, а когда в камине жарко запылала смолистые дрова, стало и совсем хорошо.

Приведя меня в эти апартаменты, Дйаргур вышел в коридор и громко крикнул: "Райри!" Полминуты спустя, вытирая руки о фартук и улыбаясь чуть конфузливо, но в то же время и лукаво, в комнату вошла полненькая круглолицая молодая женщина — ей было, наверное, лет двадцать семь. Это и была Райри, моя служанка. Впрочем, термин "служанка" не совсем точен — соответствующее хардаргское слово следует переводить скорее как "помощница", а его мужская форма используется командиром (таким, как Дйаргур) по отношению к своим бойцам, а мастером — по отношению к подмастерьям. В нем нет уничижительного оттенка, подчеркивающего подчиненное положение. Хардаргские слуги держатся с хозяевами куда более запанибрата, нежели ранайские или, тем более, илсудрумские, чья вышколенность вошла в поговорку. У хардаргов никогда, даже в древности, не было рабства. Не потому, конечно, что им изначально присуще некое природное благородство, которого нет у других народов — просто в

тех суровых условиях, в которых они живут, это нецелесообразно. Рабство наиболее выгодно в тропиках, где у раба после того, как он удовлетворил свои минимальные жизненные потребности (сорвав плод с дикорастущего дерева и обмотав бедра какой-нибудь тряпкой — а можно даже и не обматывать), остается еще уйма времени и сил, чтобы работать на хозяина. Думаю, именно поэтому рабство все еще существует в северных колониях, даже через два столетия после отмены в метрополиях. В снегах же высоких широт выживание каждого аньйо требует слишком больших усилий, чтобы он мог эффективно тратить их на кого-то еще, кто не работает сам. Не принуждение и подчинение, а добровольная взаимопомощь является ключом к выживанию в этих краях. Хардаргский клан, хотя и не все его члены связаны между собой кровным родством, считается большой семьей, и отношения в нем соответствующие. Это не значит, конечно, полного равенства и идиллии — как и в обычной семье, есть старшие и младшие, имеющие больше и меньше прав, есть глава семьи — хаагел (именно таков был титул Дйаргура), бывают ссоры, но в целом члены клана объединены куда теснее, чем даже крестьяне в сельской общине, не говоря уж о горожанах. Каждый хардарг сам выбирает, заводить ли ему в придачу к большой семье еще и малую, то есть постоянного супруга и детей; большинство это делает, но есть и те, кто предпочитает сходиться лишь на брачный сезон, и их детей воспитывает весь клан. Это не считается зазорным, и сами такие дети не чувствуют себя ущербными. Есть и те, кого, как и меня, брачные сезоны не интересуют вовсе. Понятия родовой знатности у хардаргов не существует, и должность хаагела является выборной (в голосовании, правда, участвуют только мужчины, достигшие тридцати лет). Фамилий тоже нет, точнее, все члены клана носят общую фамилию (в данном случае — Ганйаррахэ), которой пользуются при встрече с представителями других кланов; зато почти у каждого взрослого мужчины в придачу к имени имеется прозвище. Прозвища женщин образуются, как правило, по прозвищу мужа, и лишь немногие, особо отличившиеся, получают свои собственные. Не всегда отличившиеся чем-то героическим — бывает, что и комическим, но и такие прозвища не считаются обидными — напротив, получившие их обычно с удовольствием пересказывают соответствующую забавную историю.

Ну вот, я опять перескочила вперед, к тому, что узнала уже потом; впрочем, пожалуй, оно и к лучшему — хотя первые дни в клане и были для меня насыщены впечатлениями, рассказывать о них в подробностях особенно нечего. Я учила язык, знакомилась с дангом и его обитателями — это было нетрудно, ибо, благодаря царившим в клане нравам, я могла постучать практически в любую дверь, рабочего помещения или частного жилища, и меня принимали, как члена семьи. Именно как члена семьи, а не как госпожу, пользующуюся покровительством правителя: если, к примеру, я заставала хозяев жилища за обедом, меня приглашали разделить трапезу, но потом без всякого стеснения просили помочь убрать со стола и вымыть посуду (я, разумеется, не отказывалась). Я побывала в кузнице, в столярной и ткацкой мастерских, в хлеву, где томились запертые на зиму йирлоги — животные, играющие в Глар-Цу ту же роль, что у нас тайулы, а их южная разновидность плюс к молоку и мясу дает еще и теплую шерсть пепельного цвета (из такой были связаны мой шарф и чулки). Меня пустили даже (правда, с сопровождающим, который всячески старался показать, что он гид, а не сторож) в хранилище серебра и драгоценностей, награбленных (будем называть вещи своими именами) в гантрских городах на севере. И лишь одной комнаты, в которой мне очень хотелось побывать, я так и не обнаружила. В данге не оказалось библиотеки. У хардаргов есть письменность, но владеют ею немногие, и используется она главным образом для заключения договоров, переписки между кланами (как правило, официальной — доставка частных писем через эти суровые дикие просторы слишком дорогое удовольствие) и хозяйственных расчетов. Передача же знаний — как практических, так и разнообразных легенд и баллад — традиционно происходит в устной форме, от мастера ученикам или от сказителя слушателям. У хардаргов даже существует поговорка в том смысле, что знания надо хранить в голове, а не на бумаге. Вот уж с чем никак

не могу согласиться — одно другому не мешает!

В общем, я решила ознакомиться с их письменностью, тем более что возможность записывать облегчает изучение языка. Дйаргур в эти дни, занятый делами данга в преддверии самых тяжелых зимних месяцев, не мог уделять мне много времени, поэтому больше всего я общалась с Райри. Нрав у нее был легкий и веселый, и в качестве учительницы хардаргского она вполне годилась, но писать и читать не умела. Когда я не без помощи жестов объяснила ей, чего хочу, она без слов схватила меня за руку и потащила по лестницам и переходам (вообще изнутри выстроенный без единого плана и симметрии данг похож на лабиринт, где с непривычки легко заблудиться). Райри притащила меня к Ларду-сказителю, который, хотя и полагался в своей профессии на память, грамоту знал. (Кстати, если в вашем представлении сказитель — это подслеповатый старик с длинными седыми волосами, то вы ошибаетесь. Ларду было чуть больше тридцати, он был воином и принимал участие в рейдах, в том числе и в последнем дорготском. Сказителю нужна хорошая память, да и личное участие в событиях полезней пересказов с чужих слов.)

У Ларда нашелся кусок серой, скверного качества бумаги и грифель, и он продемонстрировал мне хардаргский алфавит, состоящий всего из двадцати букв. Мы позанимались еще — ему не терпелось узнать из первых уст историю моих приключений, но моих познаний все еще было недостаточно для сколь-нибудь внятного рассказа. Вообще хардаргский не так уж прост для изучения, особенно когда учителя не знают твоего собственного языка.

Зато теперь я смогла прочитать надпись на своем ноже. Она гласила "ХЕЙГИ".

В целом в первые дни, если не считать точившей меня мысли о пришельцах, все было замечательно. Мне было интересно на новом месте, среди новых аньюо, и я наслаждалась их симпатией. Первый день я проходила в легкой накидке, не отваживаясь открыть крылья, хотя и понимала, что о них уже знает весь данг; но на следующей вечер, сидя за ужином в одном из общих залов у жарко натопленного очага, в котором пылал целый древесный ствол, я решилась. И ничего не произошло — никто не столпился за моей спиной, не сверлил меня взглядом, не просил помахать. Думаю, им все же было любопытно, но они рассудили, что успеют еще насмотреться, когда я привыкну и перестану смущаться. А может, они и впрямь не усматривали в этом ничего необычного. Такая уж у хардаргов философия — принимать мир таким, каков он есть. Они даже у своих богов ничего не просят, равно как и не считают себя чем-то им обязанными — "боги играют в свою игру, а аньюо в свою". Надо сказать, для жизни в суровом краю это подходящая система взглядов.

Вы знаете, как я отношусь к зиме и холоду, поэтому не удивитесь, что в первую декаду я даже и не помышляла о том, чтобы выйти из теплых и уютных помещений данга на мороз. Но в конце концов, когда солнце светило особенно весело, рассыпаясь по снегу мириадами серебряных искр, и местные мальчишки лихо скатывались с кручи на лед вставшей уже окончательно реки, мне все-таки захотелось прогуляться на свежем воздухе. И тут я столкнулась с первой странностью. Воин, который сидел возле двери, лениво полируя свой меч, не захотел меня выпускать. Из его объяснений я поняла только слово "Дйаргур". Дйаргур не велел мне выходить? Но с какой стати?! Я немедленно отправилась на поиски хагела и потребовала объяснений. Уловив мои намерения, он попросил меня подождать и минут через двадцать сам составил мне компанию. Мы вышли из данга и неторопливо обошли его вокруг, спустившись к замерзшей пристани, снова поднявшись на гребень, полюбовавшись панорамой заснеженного хвойного леса, откуда в тот момент несколько дровосеков тащили волоком свою добычу, посмотрели на дымные столбы, вертикально поднимавшиеся из труб Ганйарраха, словно призрачные подобия центральной башни... В конце концов мороз, щиплющий лицо, все же погнал меня обратно. И все было бы хорошо, но впечатление, что мне позволили гулять лишь под присмотром, осталось.

Через несколько дней погода испортилась (я уже рассуждала, как хардаржанка: в прежней жизни мне бы не пришло в голову сказать "погода испортилась", если перед этим стоял мороз — ведь мороз сам по себе настолько плох, что портиться уже некуда). Началась сильная метель, продолжавшаяся до конца декады. Мир за окном словно задернуло колышущимся белым занавесом, ветер зловеще завывал в трубах, предрекая верную смерть всякому, кто в такую погоду хоть на сотню локтей отойдет от жилья. Естественно, весь клан сидел дома, а когда пурга, наконец, закончилась, выбраться наружу было непросто — столько там навалило снега. Я поняла, почему все внешние двери данга открываются внутрь — наружу их было бы просто не открыть.

На следующий день, когда в небе снова сияло солнце, а в снегу прокопали необходимые дорожки, Дйаргур и еще два десятка мужчин ушли на охоту. Именно ушли, а не уехали — в Глар-Цу, как известно, до контакта с Инйалгдаром не было животных, подходящих для верховой езды. Позже гантрусы, конечно, импортировали тйорлов и за прошедшие два столетия вполне с ними освоились (хотя илсудрумцы до сих пор о плохом наезднике насмешливо говорят "его отец случайно не гантрус?"), но, очевидно, до хардаргов эта мода так и не докатилась. Впрочем, чуть подумав, я поняла, что это вполне закономерно — копыта тйорла не рассчитаны на глубокий снег, а короткая шерсть — на сильные морозы. У нас их хоть и применяют в высоких широтах, но это, по сути, издевательство над животными, к тому же не слишком эффективное и не безопасное — выбившийся из сил тйорл в любую минуту может подвести. История про Йорпа Тнааксена, которую я уже рассказывала — лишнее тому подтверждение. Конечно, никто не мешал хардаргам использовать тйорлов летом — но слишком невыгодно держать у себя крупных и, следовательно, достаточно прожорливых животных, от которых по полгода нет никакого толка.

Так или иначе, охотники с утра ушли на лыжах, взяв с собой не только мушкеты и арбалеты, но и палатки, ибо планировали охотиться несколько дней. Они также везли за собой приземистые сани, в которые собирались погрузить добычу. Мне, конечно, и в голову не могло прийти проситься с ними за компанию, но на третий день их отсутствия я решила проверить гипотезу насчет собственных прогулок. И вновь столкнулась с явным нежеланием выпускать меня из данга. Правда, мне не то чтобы явно запрещали, а ссылались на то, что снаружи холодно и плохо. Получив такой ответ у третьей двери подряд, я разозлилась и пошла напролом — остановить меня можно было только грубой силой. Силу применить хардарг, однако, не решился и лишь крикнул мне вслед, чтобы я не уходила далеко.

Снаружи действительно было холодно и плохо, солнце спряталось, налетал порывами ледяной ветер, так что я немного прошла вдоль берега и вернулась. Поднявшись к себе, я раздраженно пожаловалась Райри (дополняя скудный словарный запас жестикуляцией) разом и на погоду, и на эту странную гипертрофированную опеку.

— Так понятно, — ответила та, — после того, что случилось с Хейги...

— А что случилось с Хейги? И кто это вообще? — я понадеялась, что уже знаю достаточно слов, чтобы получить наконец ответ на этот вопрос.

И действительно, я поняла бесхитростный рассказ Райри (попутно и несколько расширив словарный запас). Хейги была дочерью Дйаргура, его единственным ребенком. Его жена умерла, рожая ее. Бывает, что после такого вдовец проникается ненавистью к ребенку, ставшему причиной смерти матери — а бывает, что наоборот, начинает любить малыша за двоих. С Дйаргуром случилось именно второе. Воспитываемая отцом-воином, Хейги росла необычной девочкой. "Тоже смелая, как ты", — сказала Райри, ставшая служанкой Хейги, когда сама еще была пятнадцатилетней девчонкой (ее подопечной было тогда четыре года). Хейги осваивала оружие и мечтала когда-нибудь наравне с мужчинами принять участие в рейде. Возможно, так бы оно и случилось, ибо отец поощрял ее "мальчишеские" увлечения. Но прошлой зимой Хейги напросилась на охоту с Дйаргуром и другими мужчинами. Вдали от данга при переходе через

снежную пустыню их застиг буран, и Хейги отбилась от остальных. Чудо, но ее нашли и откопали из-под снега еще живой. Однако все равно было уже слишком поздно. Ее привезли домой в жару и бреде, и через несколько дней она умерла — судя по всему, от воспаления легких. "Отправилась вниз по реке", как здесь говорили; в первый момент я восприняла этот оборот буквально и удивилась, куда это могла поплыть больная, но потом уразумела истинный смысл выражения.

Дйаргур, конечно, очень горевал и во всем винил себя. И даже спустя почти год продолжал возить с собой в рейды все, что ему осталось от Хейги — ее одежду, ее нож, подаренный им на тринадцатилетие...

— Я действительно так на нее похожа? — спросила я.

— Вблизи — не очень, а издали — да, — ответила Райри. — Тот же рост, и форма лица, и волосы. У нас рыжие — редкость.

Это я уже заметила. В данге я не встретила ни одного рыжеволосого, хотя в Ранайе это едва ли не самый распространенный цвет. У большинства хардаргов волосы белые или желтоватые. У некоторых — черные, вероятно, из-за примеси гантрусской крови. Несмотря на взаимную неприязнь двух народов, время от времени гантруссы, у которых возникли проблемы с кастовыми законами или просто с кредиторами, находят убежище у хардаргов...

Крылатой Хейги, конечно, не была. Это было бы слишком уж невероятным совпадением. (Хотя, если вдуматься, каждый из нас — результат стечения такого множества случайностей, предшествовавших нашему рождению, что бывают ли совпадения действительно невероятные?)

Хотя из-за языкового барьера Дйаргур еще не знал моей истории, он, разумеется, понимал, что я — не Хейги, каким-то чудом вернувшаяся с того света. Но все равно, с его точки зрения, судьба посылала ему еще один шанс. Дочь, которую он будет любить и беречь. Беречь по-настоящему, больше он не повторит своей роковой ошибки...

А это значило, что Дйаргур ни за что не отпустит меня к пришельцам.

Через два дня охотники вернулись с добычей, и хаагел, едва сняв лыжи, взбежал наверх ко мне — удостовериться, что со мной все в порядке. От него, однако, не укрылось, что я без прежней радости отвечаю на его приветствие, и он, конечно, пытался выяснить, в чем дело. Я, однако, была еще не готова для объяснений. За эти два дня у меня созрела идея — если Дйаргур не захочет отпустить меня одну (да и реально ли вообще выбраться из этих краев в одиночку, тем более при моем отсутствии зимних навыков?), может быть, мне удастся заинтересовать его и других хардаргов экспедицией к острову пришельцев? Нет, конечно же, не грабительским рейдом, но необыкновенным путешествием с познавательными (и, возможно, торговыми) целями, достойным войти в баллады на века...

Прошло еще долгих четыре декады, прежде чем я сочла свои познания в языке достаточными для большого публичного выступления. За это время я, впрочем, несколько раз пыталась расспросить разных хардаргов о пришельцах — может быть, они располагают более свежей информацией? Вдруг гости со звезд давно улетели, и самое лучшее для меня и впрямь — смириться с судьбой и остаться жить в клане Ганйаррахэ? А может, наоборот, где-нибудь в этих краях совсем недавно видели летающую машину пришельцев? Но меня попросту не понимали. "Пришельцы со звезд? Боги? — Нет, не боги, аньйо из другого мира! — Выходцы с того света? — Да нет же, с такой же земли, как наша, только находящейся далеко! — С соседнего континента?" Ну и так далее. В общем, оставалось лишь учить язык, чтобы уметь объясниться так, чтобы меня поняли.

Погода за эти четыре декады менялась неоднократно. Бывали и новые снежные бури, и морозы настолько жестокие, что не то что я, но и привычные к холоду хардарги не поддавались на провокацию обманчиво сиявшего в безоблачной синеве солнца и предпочитали не высовывать носа из данга. В общем, я получила достаточно доказательств, что попытка бегства в это время года была бы верным самоубийством.

Кстати, довелось мне за это время увидеть и смерть. Правда, не от холода; одного из членов клана сразил куда более беспощадный враг — старость. Он знал, что умирает, и лежал в своей каморке под теплой шкурой возле камина, а вокруг толпились многочисленные родичи и просто члены клана, включая и самого Дйаргура. Это была мирная и, как сказали бы церковники у меня на родине, благостная кончина, хотя умиравший, естественно, был язычником. Язычником, никогда ни о чем не просившим своих богов и принимавшим мир таким, каков он есть — с холодом, старостью и смертью. Он ничего не говорил, лишь неторопливо переводил взгляд с одного лица на другое, помаргивая старческими слезящимися глазами. Молодая девушка сидела рядом, держа его за руку — должно быть, любимая внучка. Затем она вдруг встала, давая понять, что все кончено.

Потом я увидела похоронный обряд. Хардарги не зарывают своих мертвецов, как ранайцы и илсудрумцы — попробуйте-ка выдолбить могилу в каменно-мерзлой земле. И не сжигают на костре, как гантрусы — топливо нужно живым. Вместо этого покойника, обряженного в зимнюю одежду, уложили на носилки и вынесли на реку. Там его уже ждала лодка — самая обычная, из тех, на которых летом хардарги рыбачат и переправляются на другой берег. На этой лодке мертвеца отбуксировали по льду вниз по течению, до тех пор, пока изгиб берега не скрыл его от взглядов оставшихся в данге, и оставили там, на середине реки. Весной, когда лед вскрыется, вода унесет его на юг. Я поняла, откуда пошло выражение "отправиться вниз по реке"... Я не суеверна — но, признаюсь, с тех пор, особенно когда солнце пряталось и ветер заунывно выл в трубах, мне не раз становилось не по себе при мысли о непогребенном мертвце, ждущем своего последнего путешествия меньше чем в миле от данга...

Но вот, наконец, состоялся мой бенефис. Вечером в самом большом зале данга, освещенном пламенем двух очагов и многочисленными факелами, собрался практически весь клан, и я начала свое повествование. Начала теми же словами, что и нынешнее — "меня зовут Эйольта Лаарен-Штрайе" — хотя в целом, конечно, тот мой рассказ был куда менее подробным, чем читаемый вами. Иначе я бы не уложились в один вечер, да и слов мне все-таки не хватало. А кое-какие эпизоды я скомкала специально — о положении богини нгарэйху рассказывать было куда приятней, чем о клетке в зверинце... Хардаргам было непривычно слушать историю, изложенную обычной речью, а не белым стихом. Это не значит, конечно, что они зовут сказителя всякий раз, когда им надо пересказать какую-нибудь бытовую сценку, но длинные истории о подвигах и приключениях положено излагать исключительно в форме саги. Как обычно, за красивой традицией стоит вполне рациональная основа — поэтический текст легче запоминается. Впрочем, Лард, внимавший моему рассказу, обещал со временем оформить все должным образом. Но и в "сыром" прозаическом виде (да еще с акцентом, ошибками и привлечением жестов в трудных местах) меня все равно слушали, что называется, затаив дыхание. Я видела, как блестят их глаза в колеблющемся свете факелов... Хардарги ходят на своих харрах достаточно далеко, участвуют в лихих битвах, преодолевают опасности суровой природы — но все же ни одному из них не доводилось побывать на разных континентах и островах, в тропиках и даже на "обратной стороне Земли" (за экватором), пережить нападение морского дракона и спастись от извержения вулкана — и все это в течение одного года!

Но главной своей цели я так и не достигла. Тема пришельцев не нашла у них отклика. Хардарги знают, что Земля круглая, но не имеют понятия о сущности звезд и множественности миров. Поначалу я не заметила недоверия к моим словам, но потом поняла, что к сагам вообще не принято выражать недоверие. От саги требуется не столько правдивость, сколько увлекательность — ну или точнее, в саге не только допускаются, но и предписываются образные метафоры и поэтические преувеличения. Огненная башня, железная птица и таинственный остров где-то возле экватора идеально вписывались в эту традицию. Когда же я стала настаивать, что все это — не метафоры, а реальность, то столкнулась лишь с улыбками и покачиванием головами. Мол, да-да, Эйольда-Хейги, мы понимаем, ты хочешь усилить

впечатление от своей повести, но не надо так стараться, нам и так понравилось.

Я уже готова была разразиться руганью в их адрес, но сдержалась. В самом деле, как им принять всерьез рассказ о пришельцах, если они твердо знают, что звезды — это дыры в небесной тверди? Если до меня они о пришельцах никогда не слышали и уж тем более не видели ни звездного корабля, ни летающей машины? Очевидно, так далеко на юг гости со звезд не залетали, а с гантрусами хардарги общаются на совсем другие темы...

Не добившись успеха с кланом в целом, я решила сосредоточиться непосредственно на Дйаргуре. Но его эта идея тоже не вдохновляла.

— Вот смотри, — он достал из шкафа большую пергаментную карту и расстелил ее на столе. Карта изображала Глар-Цу, но не целиком — север и крайний юг континента отсутствовали. Старательно прорисованное изображение данга сразу бросалось в глаза, так что я мгновенно сориентировалась, найдя и Доргот, и нашу реку (она называлась Лагге), берущую начало северо-западнее его, а потом, едва не достигнув такого близкого океана, поворачивающую на юго-запад. Водоразделом служат те самые холмы, через которые я перебралась, спасаясь от контрабандистов; на самом деле они — лишь первые отроги не слишком высокого, но длинного горного хребта, тянущегося вдоль побережья, вероятно, до самой южной точки континента. В отличие от Инйалгдара, чья протяженность в высоких широтах лишь незначительно меньше, чем в умеренных, Глар-Цу к югу сходит на клин. Правда, где находится острие этого клина, точно не знает никто. Гантруские мореходы несколько раз пытались обогнуть свой континент с юга — разумеется, в летние месяцы — но так и не смогли пробиться через льды. Некоторые географы полагают, что Глар-Цу на юге вытягивается языком до самого полюса. Соответственно, реки в этой части материка текут на юг и юго-запад, впадая или непосредственно в Море Вечных Льдов, или в какие-то неизвестные доселе озера высоких широт. Хардарги не без оснований считают крайний юг царством смерти и не более жаждут спускаться туда на харрах, чем ранайцы — слетать на Лла. Со слов Дйаргура я не поняла, какого страха здесь больше — суеверного или рационального, но так или иначе даже летом идея доплыть по реке до моря, чтобы затем двинуться на север вдоль западного побережья континента, выглядела явно бесперспективной.

В свою очередь, поднявшись по Лагге и свернув в один из ее притоков ниже Доргота, можно было добраться до места, где этот приток извивается не так уж далеко от другой реки, Дайне (по-гантруски — Зо-Цха). Хардарги традиционно перетаскивают свои суда через эту неширокую полосу суши, используя бревна в качестве катков. По Дайне и ее притокам можно достичь центральных областей Гантру (так далеко хардарги обычно ходят не грабить, что было бы слишком опасно, а торговать). Но это отнюдь не открывает дороги на северо-запад материка. Не говоря уже о том, что лед на Лагге сойдет лишь через несколько месяцев.

— Ну и что? — упорствовала я, елозя животом по карте. — Вот здесь берет начало река Дорноор, впадающая в океан на западе. До нее можно дойти пешком, делая по пути остановки в других дангах. Где-то месяца за полтора, так? А на Дорнооре нанять корабль. У нас ведь много серебра.

— Дорноор в это время тоже подо льдом, — осадил меня Дйаргур. — И еще большой вопрос, насколько охотно нас примут в других дангах. Одинокому гостю отказа нет, это закон чести хардаргов, но целый отряд воинов — совсем другое дело. А самое главное — к чему все это? На что ты предлагаешь потратить добытое в боях серебро, ради чего рисковать жизнями наших анйю, покидать данг, оставляя женщин и детей без помощи в самые суровые месяцы? Ради какой-то сказки о гостях с неба?

— Но это не сказка! — в который раз воскликнула я. — Пришельцы правда существуют, и у них есть такие вещи, которые ты никогда не добудешь у гантрусов!

— Если они продают их гантрусам — добуду, а если нет — вряд ли продадут и нам, — логично возразил хаагел. — Но как ты можешь утверждать, что пришельцы существуют, если

никогда их не видела? Ты сама рассказала, как обманул тебя один из тех, кто рассказывал о пришельцах — почему же ты так уверена, что остальные сказали правду? Да и многое ли они сказали — только то, что видели железную птицу? Разве это значит, что пришельцы, даже если они есть, ждут гостей и готовы торговать с ними?

Черт бы побрал мою врожденную правдивость. Что стоило наврать им с три короба и посулить от имени небесных аньйо серебряные горы... Теперь уже поздно.

— Мне нужно увидеться с пришельцами, пока они не покинули Землю, — упрямо сказала я. — Если ты не пойдешь со мной и не дашь мне сопровождающих, я уйду одна.

— Никуда ты не пойдешь, — произнес он и вдруг смягчился, взял меня за плечи, заглянул в глаза. — Ты нужна мне здесь, Хейги.

— Я не Хейги! Я сожалею о твоей дочери, но меня зовут Эйольта!

— Хорошо, Эйольда. Но твой дом теперь здесь, — он вздохнул и добавил слова, которые, наверное, нелегко давались суровому воину: — Никакие пришельцы из чужого мира не будут любить тебя так, как я.

— Мне жаль, Дйаргур, правда. Наверное, ты мог бы стать мне хорошим отцом. Но теперь, если ты меня любишь и не хочешь, чтобы я терзалась до конца жизни — отпусти меня.

— Я не могу этого сделать.

— Я — твоя пленница? — снова вскипела я.

— Ты — моя принцесса, — улыбнулся он. (Конечно, это опять неточный перевод, хаагели — не принцесса, ибо титул хаагела не наследственный, но отношение клана к дочери хаагела действительно аналогично отношению к принцессе, с поправкой, конечно, на общую демократичность хардаргов.)

— Одно другого не исключает, — мрачно констатировала я, усаживаясь боком на край стола с картой. Он сел рядом, погладил меня по волосам, и впервые эта ласка была мне неприятна. Он гладил не меня, а рыжую шевелюру своей Хейги...

— Даже если это не сказка, они наверняка давно улетели, — тихо произнес он.

Утешил, нечего сказать.

Вообще-то, хоть я и сердилась на него, мне было его жалко. И... себя тоже. Впервые за столько времени кто-то был по-настоящему добр ко мне. И не один только Дйаргур. Несмотря на ненавистный холод снаружи, в данге мне было уютно. Я, пожалуй, даже к зиме стала относиться чуточку лучше, особенно в солнечные и безветренные дни. В принципе, если из очередного рейда привести книг, жить здесь было бы не так уж и плохо... Но — остаться здесь насовсем? Отказаться от моей мечты? Нет, это исключено! Я не могу ждать даже до весны, когда путешествие станет намного безопасней. Может быть, конечно, Дйаргур прав, и спешить мне уже некуда. Но пока хоть какая-то надежда сохраняется, я буду бороться. Пусть хардарги принимают мир таким, каков он есть, но у меня другая философия!

Но, как бы я ни спешила, я понимала, что побег требует тщательной подготовки. Не только в том смысле, чтобы набрать всего необходимого в дорогу и улучшить подходящий момент, когда мое исчезновение не заметят; главное, нужно было подготовиться к самому путешествию, рискованному даже для опытного хардарга. Я стала ежедневно, кроме разве что дней, когда налетал буран, выходить на прогулку, приучая себя к морозу, а заодно и учиться ходить на лыжах. Хардаргские лыжи, кстати, мало похожи на ранайские — это вовсе не длинные и узкие доски с загнутыми концами, какие хороши лишь на накатанной лыжне, а не на рыхлом глубоком снегу. Хардаргские лыжи — это овальные плетенки, обшитые снизу кожей с мехом, наклоненным в одну сторону: он хорошо скользит вперед, а при движении назад топорщится, позволяя идти по наледи без пробуксовки. Дйаргур в конце концов понял, что нелепо пытаться держать меня взаперти, оберегая от каждого холодного дуновения; если уж я его дочь, то должна уметь все то же, что и истинная хардаржанка (я сама подкинула ему эту мысль; о пришельцах я, естественно, больше не заикалась). Он лишь требовал от меня

обещания, что я не буду отходить от данга дальше, чем виден шпиль центральной башни, и я, конечно, обещала. Назначение этой высокой башни действительно двоякое — она служит не только как смотровая, но и как ориентир для охотников и прочих путников. В хорошую погоду ее шпиль с горящим на солнце посеребренным флюгером виден за много миль, так что у меня было достаточно места для прогулок — и вдоль реки, и на другой берег, и по лесу. Но и в эти ограниченные уголья иногда забредают хищники, так что требование снабдить меня более серьезным, чем нож, оружием для прогулок прозвучало вполне естественно. Я получила двустольный пистолет и арбалет, правда, хранить их в комнате Дйаргур мне все же не позволил — мне выдавали их при выходе на улицу, тем самым вынуждая и лишней раз свидетельствовать факт моего выхода. Уверена, что с башни за мной тоже наблюдали, да и всякие охотники и дровосеки попадались мне во время прогулок что-то уж подозрительно часто. Однажды, когда небо стало хмуриться в преддверии очередной сильной метели, двое хардаргов, не таясь, выбежали на лыжах из леса, чтобы проводить меня домой.

Пользуясь возросшими языковыми познаниями, я расспрашивала то одного, то другого члена клана о тонкостях зимней охоты, о случаях, когда им доводилось пережить в снегу буран, и о других навыках, которые пригодились бы мне в пути. Когда я рассказываю об этом сейчас, со своей точки зрения, кажется, что всякий должен был догадаться о моих планах; но я говорила с разными аньйо в разное время, и для них это выглядело простым любопытством, которое они рады были удовлетворить. Хардарги вообще словоохотливы, что вполне естественно в обществе, где нет книг.

Но мне необходим был и сознательный союзник внутри данга, и я стала обрабатывать с этой целью Райри. Я уже говорила, характер у нее был легкий, и мы быстро сдружились. Поначалу я, конечно, тоже напоминала ей Хейги, о которой Райри тоже сильно горевала в свое время, но со временем ее отношения со мной стали иными, чем с прежней хозяйкой. Райри начала заботиться о Хейги, когда та была еще совсем маленькой, и поэтому, даже когда хаагели выросла, продолжала относиться к ней, как взрослый к ребенку (своих детей у Райри не было; она несколько раз пыталась забеременеть, но безуспешно). Со мной же она быстро забыла про разницу в возрасте, и мы стали просто подругами. Не буду утверждать, что с моей стороны эта дружба была исключительно тактической уловкой — Райри мне действительно нравилась, но, так или иначе, моим планам это вполне отвечало.

Она была единственной в клане, с кем я продолжала говорить о пришельцах. Сначала она хихикала на мои слова, но постепенно все-таки поверила. В конце концов, она за всю жизнь не видела ничего, кроме Ганйарраха и окрестностей — женщины ведь обычно не ходят в рейды — а я объехала полмира; так почему не допустить, что я знаю больше, чем она и ее родичи? Но, когда она, наконец, уверилась, что я ее не разыгрываю — ее реакция меня удивила. Мне в свое время было чертовски интересно узнать о множестве звезд и планет — еще даже до того, как оформилась моя мечта. А Райри... выглядела попросту напуганной.

— Значит, каждая звезда — как наше солнце? — переспросила она еще раз.

— Да.

— Но ведь на небе, наверное, целая тысяча звезд.

— Гораздо больше. Некоторые ученые полагают, что их вообще бесконечно много, просто большинство звезд так далеко, что не видно даже в телескоп.

— И ты так спокойно об этом говоришь?

— А что? — не понимала я.

— Но ведь это ужасно! Столько звезд... и у каждой планеты... целые миры размером с Землю, и при этом такие крохотные, что мы их даже не видим! Значит, и наша Земля совсем крохотная, меньше пылинки... а уж мы-то сами какие маленькие!

Я прыснула, услышав это рассуждение.

— Ну вот, смеешься, — обиделась Райри. — Значит, ты меня все-таки разыграла.

— Да нет же! Просто мне не приходило в голову, что этого можно пугаться. По-моему, это здорово, что Вселенная такая огромная. Представь, что, кроме нашего данга, ничего бы больше не было, вообще ничего, даже этого леса, реки, полей — вот как раз *это* было бы ужасно.

— Ну, не знаю, — с сомнением протянула Райри. — Если бы так было всегда... пожалуй, да. Но то данг, а то — целая Земля.

— Когда-нибудь, когда земные аньйо построят такие же быстрые машины, как железная птица и огненная башня пришельцев, вся Земля покажется им размером с данг.

Райри сказала, что ей надо все это обдумать, и я, в свою очередь, тоже задумалась. Не потому ли аньйо так мало интересуются пришельцами, что испытывают тот же страх? Даже те, кто знает, что звезды — не просто точки на небе. Одно дело — слышать об идеях ученых, и совсем другое — получить зримое доказательство, что твоя Земля, твой мир — всего лишь один из множества ему подобных, рассеянных в бесконечности... Куда проще объявить это байками и вернуться к повседневным делам.

Мне все же удалось пробудить у Райри любопытство. Когда она призналась, что "было бы славно" взглянуть на пришельцев "хоть одним глазком", я поняла, что можно начинать собирать вещи для побега (делать этого не следовало, пока я не была уверена в Райри, ибо она прибиралась в моей комнате и могла их обнаружить). Мне нужна была палатка, спальный мешок, запас продуктов, боеприпасы. Насколько я могла судить по дйорггуровой карте, на которой не был обозначен масштаб, до ближайшего данга на намеченном мной пути было от ста до полутора миль. Я вообще-то равнодушна к спорту, но знаю, что в истории Ранайи были бегуны, которым удавалось пробежать сто миль за сутки. Но то было летом, по хорошей дороге, налегке, и притом это все же были легендарные бегуны. А в мороз по глубокому снегу (пусть и на лыжах), с тяжелой поклажей за плечами и без чемпионских способностей такой путь — особенно если миль все-таки сто пятьдесят — мог занять, пожалуй, чуть ли не декаду...

Благодаря царившей в данге атмосфере большого общего дома, где фактически любой мог запросто заглянуть к любому, украсть все мне необходимое было не так уж сложно. И все же я привлекала слишком много внимания. Куда надежнее было поручить это дело Райри, тем более что ей доводилось убираться не только у меня в комнате.

— Значит, ты все-таки решилась, — констатировала та, когда я начала невинным голоском рассказывать ей, что мне "надо кое-что раздобыть".

— Мне нужно туда добраться! И я и так потеряла слишком много времени.

— Ты сумасшедшая, Эйольда.

— Я это уже слышала, — усмехнулась я, — в том числе и от себя самой. Ну да, я рассчитывала, что за полгода доберусь до цели, а вышло наоборот — прошел год, а я лишь на полпути. Но это в любом случае ближе, чем если бы я так и осталась сидеть в Йартнаре.

— Если я тебе помогу, Дйаргур меня убьет.

Я достала свой нож — нож Хейги — и приставила острие к груди Райри:

— А если ты мне не поможешь, тебя убью я.

— Ну ведь на самом деле ты этого не сделаешь, — ответила она, ничуть не испугавшись.

— Может, и не сделаю, — согласилась я, не убирая, однако, ножа, — но если ты согласишься, что сделаю, твоя совесть перед Дйаргуром будет чиста.

Она рассмеялась, и я следом за ней.

— И мы больше никогда не увидимся? — Райри вновь посерьезнела.

— Хочешь — идем вместе! Как говорят у нас в Ранайе, вдвоем с другом дорога вдвое короче, — это было чертовски верно: в компании коренной хардаржанки, привычной к местным условиям, мое путешествие было бы куда безопасней.

— Не-ет, — покачала головой Райри. — Я-то пока еще в своем уме.

— Но тебе же интересно?

— Кто живет на дне реки, мне, может, тоже интересно, но это не повод нырять в омут.

Тем не менее, она согласилась мне помочь, и, не уставая повторять, какая она дура, что слушает меня вместо того, чтобы все рассказать Дйаргуру, притаскивала то пульку, то мешочек с порохом, то припрятанную под платье стрелу. Продукты — лепешки, копченое и вяленое мясо — я и сама могла брать на кухне, не вызывая особых подозрений. У хаагели после прогулки на свежем воздухе разыгрался аппетит — кто же ей откажет? Топор для рубки дров и сучьев я тоже могла взять в любой момент. С более крупными предметами пока было сложнее — украсть их так, чтобы это осталось незамеченным, было проблематично. Зато я решила еще одну проблему: в диких снегах можно добывать пропитание охотой, в дангах по пути кормить гостя предписывают обычаи хардаргов, но на Дорнооре и дальше к северу мне бы потребовались деньги. Сначала я думала украсть несколько дорогих вещей из сокровищницы, но это было чуть ли не единственное помещение в данге, которое запиралось на висячий замок. Я попробовала было как-то ночью выковырять ножом гвозди, которыми были прибиты ушки замка, но чуть не сломала нож. По правде говоря, вместе с досадой я испытала и облегчение — Ганийаррахэ уже стали мне не чужими, и мне неприятно было воровать у них (хотя их сокровища сами по большей части были награблены). Зато на другой день я, сидя за столом рядом с Дйаргуром, выразила восхищение тяжелым витым серебряным браслетом одной из женщин. "Ну конечно! Прости, мне следовало подумать об этом раньше", — воскликнул хаагел, более привыкший иметь дело с воинами, чем с девушками, и уже к вечеру у меня было сразу несколько подобных безделушек. На самом-то деле я равнодушна к таким вещам, и всегда говорила, что у женщин, обвешивающих себя побрякушками, мозгов не больше, чем у йуввы, которая тащит к себе в гнездо все блестящее. Наверное, и Хейги считала так же, поэтому Дйаргур не пытался делать мне такие подарки прежде. Кажется, интерес к украшениям не подорвал мой авторитет в его глазах — напротив, он был рад лишней возможности сделать мне приятное...

Я старалась выглядеть веселой и беспечной в общении с ним; тем не менее, уверена, что за мной по-прежнему следили. Не в самом данге, но когда я выходила наружу — точно. Вероятно, не столько из опасения, что я сбегу, сколько из страха, как бы со мной не случилось какой беды; но мне-то от этого было не легче. Вздумай я не вернуться с прогулки, длинноногие преследователи живо настигли бы меня по следам на снегу. Так что, хотя почти все уже было готово, я ждала, пока Дйаргур и, желательно, побольше его аньйо покинут данг. Как назло, в силках каждый день находили новых йитлов (они водятся и здесь, хотя не такие лопухие, как наши), а однажды прямо к дангу вышел большой белый зверь дудрун (я уже была знакома с ним заочно, благодаря шкурам на кровати и на полу), так что необходимости пополнять запасы большой охотой не было, а военных экспедиций зимой тем более не бывает.

Но вот однажды, в пасмурный снежный день — по ранайскому календарю, шел уже последний зимний месяц, но в этих краях до весны было еще далеко — дозорный на башне заметил какую-то фигуру, быстро скользящую по реке с севера в сторону данга. Полчаса спустя неизвестный лыжник уже стоял на пороге, стряхивая снег с длинноухой шапки и разматывая заиндеветый шарф, укрывавший его лицо до самых глаз. Он оказался гонцом из данга Рудогай, расположенного на северо-западе. Гонец принес весть о смерти Илмгара, хаагела Рудогайэ, приходившегося двоюродным дядей Дйаргуру. Несмотря на удаленность и обособленность дангов, хардарги довольно часто засылают женихов к соседям, предотвращая тем самым вырождение, неизбежное при браках лишь внутри общины; поэтому иметь родню в других кланах — обычное дело. Случаи, когда в родстве оказываются не простые хардарги, а хаагелы, бывают реже, зато высоко ценятся, как залог мира и дружбы между кланами. При общей демократичности хардаргского уклада хаагел имеет не так уж много привилегий по сравнению с обычными членами клана, но пышный похоронный обряд — одна из них, и Дйаргур, как родственник и сосед, был приглашен принять в нем участие. Гонец находился в пути пять дней, и обратный путь, очевидно, занял бы не меньше, но зимой покойник может и подождать.

Илмгар умер естественной смертью — ему было уже под семьдесят, и вообще никаких конфликтов по случаю смены власти у Рудогайэ не предвиделось, однако Дйаргур отправлялся в путь не один, а с довольно большим отрядом — четыре десятка анью. Столь внушительная свита означала и честь, воздаваемую покойному, и дружбу между кланами, не боящимися пускать в свой данг такое количество соседских воинов. Моего присутствия на церемонии этикет, к счастью, не требовал.

Дйаргур обнял меня на прощанье, не зная, что делает это в последний раз; я чувствовала себя предательницей, но что было делать? Едва отряд растаял в снежном мареве, я призвала Райри. Надо было что-то решать с палаткой и спальным мешком. Моя подруга самоотверженно предложила сшить мешок из дудруньей шкуры с моей кровати, что было, конечно, нелегким делом; я помогала ей, пока не исколола все пальцы, а затем отправилась на прогулку. Вернувшись, я не стала сдавать оружие караульному хардаргу.

— Я договорилась с Дйаргуром, что теперь буду заботиться о своем оружии сама, — объявила я (официально считалось, что я сдаю его для чистки, смазки и т.п.)

— Он ничего не говорил мне об этом, — с сомнением произнес воин.

— Должно быть, забыл. Или счел, что моего слова вполне достаточно, — видя, что недоверие в его глазах сохраняется, я перешла в наступление: — В конце концов, я хаагели или пленница?

Ответить на столь прямой вопрос он не решился и, по-прежнему не убежденный, все же пропустил меня.

На следующий день спальный мешок был готов, а во время обеда Райри стащила для меня палатку в жилище одного из воинов. Она, конечно, рисковала, идя с ней по коридорам, но, к счастью, в эту пору, когда большинство хардаргов сидело за столом, ей никто не встретился. Хардаргские палатки, кстати — удобное изобретение: в сложенном состоянии они исполняют роль рюкзака для остальной поклажи, и, подтягивая ремни, можно регулировать его объем.

Уходить я решила ночью, через окно. Это давало мне несколько часов форы, к тому же погода благоприятствовала моим планам: шел мелкий сухой снежок, и я надеялась, что к утру он засыплет мои следы. Вечер мы провели вместе с Райри у меня в комнате, пытаюсь наговориться напоследок; под конец она всплакнула, да и мне было невесело. Тем не менее, когда совсем стемнело, я попрощалась с ней и решительно выставила ее: бежать я собиралась без свидетелей. Так Райри было бы проще оправдываться перед Дйаргуром, да и потом... было у меня опасение, что, глядя, как я ухожу, она в последний момент может передумать и поднять тревогу. "Для моего же блага". В конце концов, Хейги действительно погибла даже и в менее опасной экспедиции...

Открыть плотно законопаченную на зиму раму было непросто, но вот, наконец, в комнату хлынул свежий морозный воздух. Я сбросила вниз свою поклажу, а затем спрыгнула сама — со второго этажа в глубокий снег под окном. Надев лыжи и рюкзак, я побежала в сторону леса на северо-западе.

Было безветренно и не слишком холодно. Ни одна из лун не могла пробиться сквозь низкие снеговые тучи, но зимой, когда все вокруг одето белым покровом, никогда не бывает совершенно темно. Конечно, ориентироваться все равно было труднее, чем днем, но меня это не очень беспокоило. Главное — оказаться подальше от данга. Но вообще-то ориентирование в этом путешествии было серьезной проблемой. Хотя во внутреннем кармане полушубка у меня лежали несколько листов, на которые я тщательно перерисовала уменьшенную в масштабе дйоргурову карту, среди бескрайних снегов слишком мало приметных объектов, по которым можно строить маршрут. Впрочем, данги всегда стоят на берегах рек, и намеченные мною в качестве промежуточных точек — не исключение, так что я рассчитывала, что если и не выйду к ним сразу, то смогу отыскать их, двигаясь вдоль берега.

Я шла на лыжах всю ночь и большую часть утра, пока не почувствовала, что еще

несколько шагов — и у меня не останется сил даже поставить палатку. Привал пришлось делать в чистом поле — лес давно остался позади, и набрать хвороста для костра было негде, так что я вынуждена была есть снег, чтобы утолить жажду. Оставалось лишь надеяться, что мое горло это выдержит... Когда я проснулась и высунула нос из палатки, короткий зимний день (еще более короткий в этих широтах, чем в наших) уже клонился к вечеру; я отправилась в путь в сумерках, но на этот раз шла только полночи, а затем остановилась на стоянку в очередном лесу, желая вернуться к нормальному суточному графику.

Действительно, теперь я проснулась до рассвета, поеживаясь даже в своих мехах; небо, прозрачно розовеющее на востоке, обещало ясный и морозный день. Эх, могла ли я подумать год назад, что в такую погоду, когда в йартнарских школах отменяют занятия, я не просто высуну нос на улицу, а буду проводить там целые дни... Замотав лицо шарфом, я двинулась вперед.

Днем я дважды видела в поле следы йитлов, а затем мне попался и сам зверек; я выстрелила из пистолета, но не попала. Лучше бы, конечно, стрелять из арбалета — и бесшумно, и стрелу можно подобрать и использовать снова — но, хоть я и тренировалась, готовясь к побегу, в обращении с этим оружием у меня все еще было слишком мало опыта. Впрочем, что уж рассуждать, что лучше — все равно промазала... Зато вечером в занесенных снегом кустах мне удалось подстрелить большую серую птицу неизвестной мне породы. У нее оказалось всего две ноги, и я почувствовала себя оскорбленной в лучших чувствах, заполучив вместо четырех вкусных ножек вдвое меньше. Впрочем, птица была отменно жирной; кажется, она даже летать толком не умела, только перепархивать с места на место. Я ощипала и зажарила ее над костром; кажется, я уже говорила, какой из меня повар, но в тот вечер наполовину пережаренное, наполовину сырое мясо показалось мне вершиной кулинарного искусства, и не в последнюю очередь потому, что было горячим.

Ночью я проснулась в тревоге и почти сразу поняла ее причину. Издали доносился тоскливый и протяжный вой; трудно было определить направление — казалось, он шел отовсюду. Твурки. В Глар-Цу они тоже водятся. И, должно быть, в это время года они голодные... Я, наверное, около получаса вслушивалась в эти замогильные завывания, но ближе они не становились, так что я наконец снова уснула.

Третий день пути тоже выдался отменно холодным, и, что понравилось мне еще меньше, твурки выли даже и днем, чего их ранайские сородичи себе не позволяют. Когда же они спят, черт их побери? К вечеру небо заволочло тучами, пришедшими с севера, и, похоже, стало теплее, но меня это не обрадовало, ибо сырой ветер, швырявший в лицо снежную крупу, с лихвой компенсировал подъем температуры.

Четвертый и пятый день были отвратительны. Кто бы мог подумать, что я зимой буду проклинать потепление... И тем не менее, снег сделался липким и рыхлым одновременно, даже на лыжах идти по нему было тяжело, я то и дело проваливалась. Наверное, за день я проходила от силы пять-шесть миль. Утром пятого дня мне удалось подранить йитла, и я целый час гналась за ним по снегу по кровавому следу, а когда наконец настигла, он оказался старый и тощий. Стоило тратить время и силы... Я еще несколько раз слышала твурков, причем уже ближе, а ночью проснулась от воя, звучавшего, казалось, прямо на пороге палатки. Я до самого утра не сомкнула глаз, сжимая рукоять пистолета, а на рассвете, выйдя из палатки, увидела недалеко от кострища следы. Большие следы. Куда больше, чем положено иметь приличному твурку.

"Для ходьбы по рыхлому снегу животным нужны широкие лапы, — сказала себе образованная я. — Это ничего не говорит о размерах самих зверей."

Слегка подморозило, и идти стало легче. Хотя иногда лыжа с хрустом проламывала тонкий наст, и приходилось вытаскивать ногу из снежной ямы, в целом я набрала неплохой темп и надеялась к вечеру перебраться через Дарлан-Уге — Черную Реку. Правда, ничего, кроме морального удовлетворения, мне это не обещало — ближайшим дангом выше по течению

был тот самый Рудогай, и по понятным причинам сворачивать туда я не собиралась (к тому же для меня это был бы изрядный крюк). Ниже по течению также был какой-то данг, но еще дальше. Пока же я шла по лесу, поглядывая по сторонам в поисках возможной добычи. Но, как выяснилось, не я одна.

Первый вой я услышала незадолго до полудня. На сей раз его направление прослеживалось четко — он звучал сзади, и не очень далеко. Почти сразу ему отозвались слева и справа. У меня возникло нехорошее ощущение, что меня берут в кольцо. Тут же я сказала себе, что это глупости, я не какой-нибудь отбившийся от стада йирлог, и вообще, твурки, конечно, нападают на анью, особенно в голодные зимы, но здесь, в краю отважных воинов и опытных охотников, должны их бояться. А если что, я здесь не одна — нас четверо, вместе с двумя стволами пистолета и одним арбалетом. Сказав себе это, я сбросила поклажу на небольшой полянке среди лапчатых хвойных деревьев — дальних родичей ранайских кейолнов — и отправилась рубить ветки. "Даже пятеро", — подумала я, глядя на топорик. Однако, пока я грелась у костра, кипятила воду и размачивала в ней сухари, меня не оставляло ощущение, что из-за пушистых серо-голубых ветвей за мной пристально наблюдают. Мне мерещились какие-то тени, скользящие между деревьями, скрип шагов по снегу — или у меня просто разыгралось воображение из-за пляшущих языков пламени и потрескивания веток в костре?

Что ж, если в лесу кто и прятался, огня он боялся. Однако, стоило мне встать и присыпать снегом остатки костра, как я утратила это преимущество. Я прямо-таки спиной чувствовала недоброе внимание и невольно ускоряла темп, хотя и до этого отнюдь не плелась. Но это помогало плохо — еще несколько раз я слышала зловещую переключку хищников, с каждым разом все ближе. Я решила пугануть их и, разрядив один из стволов, чтобы не тратить пулю, выпалила холостым в воздух. Откуда-то с ветки посыпался снег, и возмущенно каркнула птица в вершинах деревьев. Потом все стихло. Я перезарядила пистолет, некоторое время прислушалась, потом успокоенно пошла дальше, умиряя дыхание после предыдущей спешки. И вдруг даже не вой, а какой-то утробный рык — злобы, голода, предвкушения — раздался у меня прямо за спиной. Я резко обернулась, готовая стрелять, но деревья по-прежнему скрывали от меня врага. Еще раз палить наугад значило впустую разрядить оружие. И тогда я побежала.

Большинство опасных для жизни зверей бегает быстрее анью. Но лыжи, особенно по насту (а за несколько часов мороза он окреп), повышают шансы бегущего. К тому же излюбленная тактика твурков, если жертва не совсем беспомощна — не нападать прежде, чем преследуемый не будет вымотан долгой погоней... Вой и рык то слева, то справа подхлестывали меня. Но не думайте, будто меня гнала паника. Не скрою, мне было страшно, но я четко понимала, что главное — выбраться из леса на открытое пространство, где дальнобойное оружие даст мне бесспорное преимущество. Меж тем уже вечерело, и вдобавок снова повалил снег, ухудшая и без того не блестящую в лесу видимость. У меня возникло и стало крепнуть подозрение, что я вовсе не бегу к реке, а петляю кругами по лесу, и так и буду кружить, пока не упаду без сил. Я упорно твердила себе, что это чушь, что я постоянно выбираю впереди следующее дерево в качестве ориентира, а значит, не могу сбиться с курса...

Внезапно лыжа наткнулась на присыпанную снегом корягу, и я упала на колено и левую руку. Правую я успела подогнуть, иначе стволы пистолета забились бы снегом. И в тот же миг я не столько даже услышала, сколько почувствовала движение за спиной. Я выстрелила назад, не целясь, даже фактически не видя своего врага, и лишь в следующее мгновение разглядела, как что-то большое и мохнатое шарахнулось назад за деревья, в снежную пелену. Тонкий скулящий визг звучал музыкой в моих ушах. Есть! В снег впились кляксы крови, казавшиеся черными в умирающем вечернем свете.

Тем не менее, расслабляться было рано. Я поспешно выпрямилась — упавший провоцирует нападение — и собиралась перезарядить оружие, но глухое рычание сбоку заставило меня вновь обратиться в бегство. Я хотела было взять в левую руку арбалет,

болтавшийся за спиной, но решила, что на короткой дистанции, когда любой выстрел можно сделать лишь один раз, будет больше пользы от топора. Тем временем сумерки сгущались.

И вдруг лес кончился. Я словно прорвалась сквозь прореху в снежном занавесе и очутилась на лысой равнине, полого спускавшейся к реке. Берег был хоть и невысок, но обрывист, так что самой реки я не видела — лишь белеющие поля на противоположной стороне, смутно различимые сквозь снегопад.

Я пробежала еще пару дюжин локтей и, в который уже раз, оглянулась, проверяя, что делается у меня за спиной. И вот тут я впервые увидела своих преследователей.

Это действительно были твурки. И, боже, какие они были огромные! Чуть ли не вдвое больше своих ранайских сородичей! Встав на задние лапы, любой из них оказался бы выше меня на голову. Их шерсть была не пятнистой, как у твурков умеренных широт, а снежно-белой. Вот почему их так трудно было рассмотреть между деревьями... Теперь же я хорошо видела их широкие оскаленные пасти и горящие в полумраке зловещими угольками глаза.

Их отделяли от меня всего несколько прыжков, и медлить нельзя было ни мгновения. Я выстрелила в голову вожаку — или кем там был бежавший первым. С такого расстояния я, конечно, не промахнулась — его левый глаз взорвался кровавым кратером, пачкая красивый мех. И так, они потеряли уже двоих — в большинстве случаев этого было бы достаточно, чтобы остановить ранайскую стаю. Твурки ведь каннибалы, и предпочитают в таких случаях без опаски сожрать собственных убитых и раненых сородичей, чем с риском для жизни продолжать атаковать далеко не беззащитную жертву.

Но южные твурки рассуждали иначе. Как видно, они полагали, что мясо сородичей от них все равно никуда не денется, а упускать еще живую добычу — непростительное расточительство. А если в битве погибнет кто-то еще — что ж, будет больше еды остальным.

Тем не менее они, устремившиеся было в решающую атаку, после моего выстрела шарахнулись в стороны, вновь рассыпаясь полукругом. Я продолжала бежать, глядя через плечо и размахивая бесполезным уже пистолетом; перезарядить его на бегу было, конечно же, нереально. Инстинкт требовал бросить разряженное оружие (или хотя бы сунуть за пояс) и вооружиться арбалетом, но разум удержал от этого: раз уж хищники видели, как огонь и гром из этой черной палки несет смерть — пусть и дальше видят этот грозный предмет у меня в руках.

Река была все ближе. Собственно, она не была никаким спасением — хищники бегают по льду ничуть не хуже меня, а пожалуй, что и лучше, учитывая, что могут цепляться когтями. Но тогда мне почему-то казалось, что, добежав до реки, я спасусь. Если бы не эта иррациональная уверенность, не знаю, хватило бы у меня сил на последний отчаянный рывок...

Однако твурки, видя, что я больше не стреляю, начали постепенно сжимать полукольцо. Особенно приблизился левофланговый. Я вывернулась из лямок рюкзака-палатки и бросила свою поклажу в сторону зверя. Тот сперва отпрянул, затем ткнулся мордой в рюкзак, обнюхивая, и принялся рвать ткань зубами и когтями. Как видно, учуял мои съестные припасы. Но оставались еще пятеро, продолжавшие преследование.

Ох, как я бежала эти последние сотни локтей... Горло саднило до самых легких от холодного воздуха, во рту стоял мерзкий железистый привкус, а сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот сломает ребра. Счастье еще, что бежать приходилось под уклон... И все же я выскочила на берег, все еще живая и ненадкусанная.

И обомлела. Река была покрыта льдом лишь у берега. А дальше снег падал прямо в черную воду.

Только тут я вспомнила, что в отношении Черной Реки у хардаргов существуют какие-то поверья. В свое время я не стала в них вникать, сочтя обычной суеверной чепухой — у меня были дела поважнее. Даже если бы я тогда лучше знала язык и поняла, что эта река не замерзает даже в сильный мороз, я бы, наверное, сочла это таким же поэтическим преувеличением, как и чудовища в сагах... Позже я сообразила, что ничего сверхъестественного тут нет — должно

быть, в водах Дарлан-Уге растворены какие-то соли, которые в изобилии выносят питающие ее подземные родники из карстовых пещер. Но в тот момент я просто стояла перед фактом: бежать некуда. Твурки знали, что делали, когда гнали меня к берегу.

Я бросила пистолет, выхватила арбалет и успела выстрелить в тот момент, когда твурк уже прыгал. Стрела вонзилась ему в грудь, но, конечно, не могла остановить в полете, а мне лыжи помешали отскочить в сторону — и в следующую секунду эта туша обрушилась на меня всем своим весом, минимум вдвое превосходившим мой. Я успела ухватить его руками за горло (с оружием, естественно, пришлось расстаться), и мы покатались с кручи вниз.

Зверь был еще жив, и его когти драли мой полушубок, а пасть щелкала в полулокте от моего лица, обдавая меня зловонным дыханием. Я изо всех сил вцеплялась в складки кожи под его мехом, отстраняя эту жуткую морду от себя. Несколько страшных секунд я чувствовала, как мех выскальзывает из-под моих перчаток, но рана хищника все же была смертельной. Когда мы выкатились на прибрежный лед, его мускулы уже одрябли, и я без труда высвободилась из страшных объятий.

Однако, взглянув наверх, я обнаружила на краю обрыва коллег покойного, готовых продолжить дело павшего товарища.

И тут, затравленно оглянувшись по сторонам, я увидела харр, идущий вниз по течению по середине реки.

Несколько секунд я ждала спасительных выстрелов, но их не было. В сумерках, да еще сквозь снежную пелену, я плохо различала корабль; вполне возможно, что находившиеся на борту вообще не видели меня, облепленную снегом на прибрежном льду. "Помогите! — закричала я, естественно, по-хардаргски. — Твурки! Стреляйте скорее!" Но выстрелов не было и теперь. Наверное, они не могут прицелиться с такого расстояния при такой видимости, и им надо подойти поближе. Тем временем хищники явно примеривались, как бы так половчее спрыгнуть вниз, чтобы не оказаться в воде и не столкнуть туда добычу.

Да. В воду они, пожалуй, не полезут. Не сезон.

Лыжи и шапку я потеряла еще когда катилась вниз, а теперь сбросила изорванный полушубок. Я была все еще разгорячена после бега, и все же холод мигом пробрал меня до костей. Каково же в воде... Я понятия не имела, сумею ли доплыть до этого чертова харра. Доктор Ваайне рассказывал, что в ледяной воде срок жизни исчисляется минутами... "Помогите!" — еще раз отчаянно крикнула я, срывая голос. Один из твурков пригнул голову, и мускулы на плечах заходили ходуном — он готовился к прыжку. Все, медлить больше нельзя. Может быть, если вода не замерзает, значит, она теплая? Я оттолкнулась обеими ногами, шлепаясь в воду спиной вперед, чтобы сразу грести крыльями.

ОУААА! Конечно же, вода нимало не была теплой. И мне следовало сообразить, что, будь она теплой, над ней поднимался бы пар... От обжигающего холода мигом перехватило дыхание, и сознание словно замерло, как от удара чем-то тяжелым по голове. Но рефлексy работали вовсю, и все шесть конечностей уже пенили ледяную воду в тщетном стремлении согреться. Надеюсь, уж теперь хардарги меня заметили и правят к берегу...

Несколько раз я переворачивалась посмотреть, далеко ли еще до харра. Он словно застыл на месте! Они что там, совсем рехнулись, намерены дать мне утонуть?! Даже если они все легли спать пораньше, должен же у них быть вахтенный!

Крылья совершенно онемели, и все же я продолжала грести ими, двигаясь куда быстрее, чем обычный пловец. Перевернувшись в очередной раз, я увидела, что нос харра уже почти навис надо мной. Еще немного, и угодила бы под форштевень...

— Эй! — прохрипела я из последних сил. — Веревку! Аньйо за бортом!

Никакой реакции. И тут я заметила новую странность — вдоль всего борта не было ни одного весла. Даже когда харр идет не на веслах, их не убирают совсем. Их лишь поднимают и укладывают на скамьи параллельно поверхности воды, при этом они все равно торчат снаружи.

Кстати, парус был убран, так что корабль просто дрейфовал по течению.

Но мне было не до размышления над загадками, я уже не чувствовала своих конечностей, еще немного — и мышцы откажутся повиноваться. Если я сейчас же не найду способ влезть на борт, мне конец. С носа над водой свешивался якорь — достаточно низко, но все же не настолько, чтобы до него можно было дотянуться из воды. Веревки у меня нет, пояс слишком короткий... шарф! Продолжая работать крыльями, чтобы удерживать голову над водой, я размотала его непослушными пальцами, а затем, высунув руку повыше, раскрутила шарф над головой и попыталась захлестнуть его мокрым концом лапу якоря. С первого раза вообще ничего не получилось, во второй и третий шарф срывался и лишь с четвертого обмотался вокруг лапы несколько раз. Последние усилия для моих одеревеневших мышц... мне удалось подтянуться и уцепиться за якорь за секунду до того, как последний виток шарфа соскользнул с лапы. Дав себе короткий отдых (насколько это понятие применимо к висению на руках над ледяной водой), я, наконец, сумела вползти наверх по якорному канату и перевернуться через борт на палубу.

— Черт бы вас... — простонала я, лежа на спине с раскинутыми крыльями, и уже не слишком удивилась, не услышав в ответ ни голосов, ни топота сапог — вообще ничего. Кстати, и палуба подо мной была заснеженной, а не вычищенной, как положено на уважающем себя корабле.

Ладно. Лежать на морозе в мокрой одежде — это такая же верная смерть, как и за бортом. Кряхтя, я поднялась и огляделась.

Ровный, нетронутый слой снега покрывал всю палубу; нигде не единого следа. У основания мачты стоял широкий деревянный помост, и снежное одеяло на нем обрисовывало очертания длинной фигуры. Я подошла ближе и провела рукой в перчатке по тому, что казалось головой лежащей скульптуры. Освобожденные из-под снега, на меня взглянули мертвые старческие глаза.

Хаагел Рудогайэ спускался вниз по реке.

Хардарги не опускают веки своим покойникам; у них считается доблестью "встретить смерть с открытыми глазами". Я слышала о пышном похоронном обряде хаагелов, но не представляла, что для этого жертвуют целый харр. Хотя, разумеется, не только харр. Мертвец лежал, облаченный в длинную шубу, в высоких сапогах и железном шлеме, надетом на длинноухий меховой подшлемник. Правая рука сжимала рукоять меча, уложенного вдоль тела. На каждом пальце левой руки, положенной на грудь, был серебряный перстень с драгоценным камнем.

Впрочем, драгоценности меня в тот момент совершенно не интересовали. А вот шуба — да. Как и другая сухая одежда. Вы когда-нибудь пробовали раздеть залубневший на морозе труп? Не проще, чем раздевать статую. Но и не сложнее. Во всяком случае, я не чувствовала ни страха, ни брезгливости, ничего подобного. Мне просто было очень холодно и хотелось одеться.

Однако промерзшая насквозь одежда мертвеца все равно не могла меня согреть. Нужен был огонь. К счастью, кремь и огниво лежали у меня в кармане штанов, а не в тулупе и не в рюкзаке. Топлива вокруг — целый корабль, и меч сгодится вместо оставшегося на берегу топора, но где развести костер, чтобы не спалить весь харр? Мой взгляд скользнул по железному шлему Илмгара. Нет, пожалуй, маловат...

Впрочем, прежде чем искать сложные решения, надо проверить простые. Если прежде этот харр служил более прозаическим целям, на нем должна быть печка, которой пользовалась команда для готовки и обогрева. Вот только не забрали ли ее также, как и весла?

Я побежала на корму. Внутри кормовых помещений тьма была уже практически полной, но все же, продолжая пританцовывать и стучать зубами, я в конце концов ощупью нашла то, что искала. Потом я яростно рубила мечом фальшборт (что помогло мне хоть немного согреться), строгала ножом стружку для растопки, потом долго не могла развести огонь...

Но вот, наконец, в печи уверенно трещало пламя, а я сидела, чуть ли не обнимая ее раскаленные бока. Если вы сомневаетесь, что ночью, в мороз и снегопад, за десятки миль от всякого жилья, на дрейфующем в неведомые ледяные края похоронном корабле, где единственную компанию вам составляет мертвец, можно чувствовать себя уютно и счастливо — попробуйте сначала испытать то, что испытала я. Правда, бездумное довольство длилось недолго. Пора было подумать и о будущем, благо оно у меня снова появилось.

Минусы: у меня ни припасов, ни лыж, ни дальнобойного оружия. Одежда Илмгара мне велика и неудобна для путешествия; впрочем, мои штаны, рубашка и сапоги скоро просохнут, а шубу, укрывающую меня до пят, можно подрезать до подходящей длины. Хуже то, что корабль неуправляем. Когда я, наконец, нашла в себе силы оторваться от печки и вновь сходить на палубу, то убедилась в том, что прежде лишь смутно скользнуло по периферии моего сознания: парус был не просто убран — он отсутствовал, как и весла. Значит, судно находится целиком во власти течения, а руль в этом случае бесполезен. И я вместе с Илмгаром плыву в хардаргское Царство Смерти — страну вечных льдов на крайнем юге.

Плюсы: я все еще жива. И ниже по течению должен быть еще какой-то данг. Какой, я уже не знала — карта пропала вместе с полушубком, но он точно там был. Кажется, на левом берегу. Или на правом? Нет, точно на левом. Значит, надо лишь дождаться, пока я буду проплывать мимо, и позвать на помощь. Они подплывут на лодке и снимут меня... Да, но не возникнет ли у меня проблем из-за снятой одежды покойника? Пусть даже это и хаагел чужого клана... Нет, вряд ли. Хардарги, конечно, не свободны от суеверий, а кое в чем (в вопросе о звездах и пришельцах, к примеру) уперты до безобразия, но все же они слишком разумны, чтобы обрекать живого на смерть ради спокойствия мертвого.

Проблема, однако, была в том, что я не знала, когда окажусь возле этого данга.

Анью время от времени нужно спать, вы ж понимаете. Впрочем, можно делать это урывками, минут по двадцать. За такое время, при небольшой скорости реки, не успеешь проплыть мимо.

Как видите, все было просто. В теории. После того, как я окончательно согрелась, напившись кипятку из растопленного снега (шлем Илмгара все же пригодился — в качестве котелка), я позволила себе прикорнуть в углу каюты, строго наказав себе проснуться не позже чем через полчаса (пока что до данга явно было далеко, я лишь хотела потренироваться). Я даже специально села в неудобной позе, чтобы точно не спать долго. И прикрыла глаза лишь на несколько минут — по крайней мере, так мне показалось. Вот только почему, когда я их открыла, за иллюминатором серел рассвет? И лежала я, кстати, со всеми удобствами на нарах у противоположной стены. Как и когда я туда перебралась — не помню абсолютно.

Проснувшись я, между прочим, больная, с насморком и кашлем. Но мне повезло — это была простая простуда, даже без сильного жара. А ведь могла запросто разделить судьбу Хейги. Тогда бы я точно составила Илмгару достойную компанию...

Весь день я паялилась в иллюминатор по левому борту, периодически делая перерывы на сон, чтобы опять не отрубиться ночью. Теперь у меня лучше получалось контролировать их продолжительность — испуганно встряхиваясь, я обнаруживала, что пейзаж снаружи изменился не очень сильно. Данга, однако, все не было. Не показался он и ночью. Могла ли я просто не разглядеть его во тьме? Не знаю, но мне казалось, что хоть пара окон там будет гореть. Хотя — откуда у меня взялась такая уверенность? Да и, кстати, услышал бы ночью кто-нибудь мои крики, за толстыми-то стенами? На крайний случай, конечно, оставался и другой способ спасения — если точно знать, что данг рядом... бррр! Нет, только не еще один заплыв!

Всерьез я начала волноваться, когда данг не обнаружился и на второй день. Может быть, я все перепутала, и он был на правом берегу? Чем больше я об этом думала, тем больше уверялась, что так оно и было. Правда, левый берег круче, но почему я решила, что данги всегда строят на крутом берегу? Только потому, что так построен Ганийаррах? Да и тот стоит на

правом...

Всю ночь я расхаживала с борта на борт, всматриваясь во тьму обоих берегов до рези в глазах. Пару раз мне казалось, что я вижу какое-то погруженное во мрак строение, и я принималась кричать, надрывая больное горло, но это оказывался лишь заснеженный утес. Хорошо, что я не бросилась в воду...

На третий день данга опять не было. И на четвертый.

Это было уже слишком. Я помнила по карте, он был не настолько далеко от Рудогайа! Значит, как это ни ужасно, я все-таки прозевала... во сне ли, в темноте ли, по другому ли борту...

Может быть, признав это, я бы и высадилась с отчаяния на берег. Я уже поняла, что это можно сделать, не окунаясь с головой, а используя в качестве плота помост Илмгара. Конечно, совсем избежать контакта с ледяной водой не получилось бы, но это не то же самое, что добираться вплавь. Однако пейзаж по обоим берегам за эти дни изменился. Лесов больше не было. Изредка попадались отдельные чахлые деревца ростом, наверное, с меня, но в основном и слева, и справа тянулась сплошная снежная пустыня. Нечем развести огонь, негде найти еду...

Впрочем, еды не было и на харре. Не знаю даже, водилось ли что-нибудь в реке, учитывая иной химический состав воды (я-то пила растопленный снег); в любом случае, у меня не было снастей, чтобы проверить. Я голодала уже пятый день, и это было совсем не то же самое, что в трюме "Гламдруга Великого". Когда тепло, голодать не сложно. А в холод организм расходует слишком много энергии на обогрев. Я быстро слабела и постоянно мерзла, даже рядом с печкой. Печку я теперь топила почти непрерывно, изрубила все нары, кроме одних, и значительную часть фальшборта. Если так пойдет дальше, скоро у меня просто не хватит сил, чтобы орудовать тяжелым хардаргским мечом...

И тогда я вспомнила, что на борту есть еда. Мясо. Много, десятки и десятки фунтов. Правда, старое, жилистое и смерзшееся в монолит, но — мясо.

Да, вы все правильно поняли. Я говорю о трупe Илмгара.

Только не надо делать квадратные глаза. Чем я, по-вашему, должна была питаться — принципами? Кем бы ни был аньйо при жизни, после смерти его плоть — просто мясо. Которое в Ранайе и Илсудруме съедают черви, а в стране хардаргов, вероятно — птицы и рыбы. Неужели я хуже их? Неужели я менее достойна жить, чем они?

Может быть, вы, конечно, и предпочли бы героически подохнуть. Все равно, мол, шансов нет, река несет в Царство Смерти, откуда пешком и без снаряжения не выбраться — так какая разница, декадой раньше или позже... Может быть, вы. Но не я. Я уже говорила, мой принцип — цепляться за надежду, пока есть хоть какой-то шанс.

Даже если падаешь в пропасть, ты можешь по крайней мере любоваться видами.

Это не ранайская поговорка, это я сама придумала.

Виды, кстати, продолжали меняться. Впереди замаячили горы. Я полагала, что река свернет, огибая их, но нет, харр по-прежнему несло на юг, только берега, теперь уже оба, становились круче. Вечером шестого дня это были просто крутые склоны, а утром седьмого я проснулась в каньоне с отвесными обледенелыми стенами высотой, наверное, под сотню локтей. Теперь деваться с корабля было уж точно некуда. Оставалось лишь ждать, что будет дальше. Я не без гордости подумала, что, возможно, я первая аньйо, проникшая так далеко на юг, и что мои впечатления надо записывать. Тогда, однако, мне нечем было это сделать.

Мясо я варила все в той же посудине — в шлеме. Если кому интересно, то по вкусу оно мало отличалось от тайулятины — если бы, конечно, кому-то пришло в голову пустить на еду тайула, умершего от старости. Если считать Дйаргура моим приемным отцом, то получалось, что я ела мясо своего троюродного деда (который, впрочем, понятия не имел о моем существовании, и которого я никогда не видела — я имею в виду, живым). Представьте себе, эта мысль вовсе не показалась мне ужасной — скорее, забавной. В конце концов, труп аньйо — это не аньйо. Причем с этим согласны все: и верующие, полагающие, что после смерти душа

отлетает от тела, и безбожники, утверждающие, что никакой души вообще нет. Однако и те, и другие устраивают вокруг трупов кучу каких-то совершенно нелепых ритуалов, зарывают в землю или сплавляют по рекам вместе с трупом немалые материальные ценности, иногда даже рискуют и жертвуют жизнью, лишь бы соблюсти все эти формальности — ну разве это не забавно?

Ладно, вообще-то я рассказываю это не для того, чтобы вас шокировать. Просто излагаю, как было. Это только в придуманных историях герой может месяц просидеть в бочке и ни разу не захотеть по нужде, а совершать неодобряемые поступки ему не приходится, потому что его и так спасут. В жизни все совсем иначе...

Становилось все холоднее, но, в свою очередь, и река, стиснутая стенами узкого каньона, текла все быстрее, так что мороз по-прежнему не мог сковать ее. Впрочем, вряд ли этот рост скорости объяснялся лишь сужением русла. Мне некстати вспомнилась старинная теория о том, что на Южном полюсе находится гигантский водоворот, в который низвергаются воды Мирового океана, чтобы, пройдя Землю насквозь, выплеснуться через Северный полюс. Хотя ни на одном из полюсов никто не бывал, в наше время почти никто из географов уже не воспринимает эту гипотезу всерьез. Мне и самой она всегда казалась смешной. Но, когда вас несет ускоряющимся течением в сторону этого самого полюса, и вы ничего не можете сделать, ваше чувство юмора может измениться.

Дни становились все короче. Растущий градус широты урезал их быстрее, чем прибавляло приближение весны. А по бокам по-прежнему тянулись обросшие снегом и льдом скалы. Пейзаж был абсолютно безжизненным и безмолвным, словно я находилась на мертвой планете. Лишь иногда откуда-то сверху, с нависшего над рекой уступа, срывалась снежная шапка или сосулька и с плеском падала в воду. Иногда в такой "сосулке" было локтей восемь длины, упади она на палубу — прошла бы корабль насквозь. Я скормила печке фальшборт и принялась за палубный настил... Делала я это уже почти автоматически, в каком-то оцепенении, ибо безнадежность сковывала сильнее, чем холод. Правда, я подбадривала себя мыслью, что вижу то, чего не видел еще никто из живых, но больше подбадриваться было нечем.

А потом пришел день, когда солнце попросту не взошло. Я понимала, что это — природное явление, мне доводилось прежде читать о полярной ночи, но все равно это казалось воплощением какой-то страшной сказки. Мое путешествие вниз по реке вообще давно представлялось мне затянувшимся дурным сном, и вот теперь кошмар достиг кульминации, когда, по всем законам, положено просыпаться — но увы, я была лишена этой возможности. А потом... река кончилась.

Если бы я не была в прострации, я бы заметила, что течение теряет скорость. Затем ледяные стены бесконечного каньона вдруг раздались в стороны, и харр медленно и печально выплыл — вовсе не в океан, а на круглое озеро, озаренное холодным голубым светом Лийи. Оно было не слишком большим в диаметре — максимум две трети мили, зато, должно быть, практически бездонным, раз его питала такая длинная река. Впрочем, может быть, вода утекала какими-то подземными путями; так или иначе, по периметру озеро окружала сплошная, практически отвесная стена из камня, льда и снега. По всей видимости, это был метеоритный кратер; полагаю также, что этот древний удар из космоса промял земную кору, и поверхность озера находилась много ниже уровня океана — этим и объяснялось быстрое течение. Даже не Море Вечных Льдов — глубокая яма с неприступными краями посреди замороженной суши, воистину полный тупик и конец всему...

Большая часть озера была покрыта льдом; лишь у места впадения реки оставалось небольшое пятно открытой воды, по которой двигался по инерции мой харр, пока не уперся носом в ледяную кромку, остановившись впервые за, наверное, две с лишним декады. В бледном свете луны я видела и другие корабли, вмержшие в лед — иные по краям озера, иные ближе к центру. Многие выглядели полузатонувшими, кое-где у берегов изо льда торчали одни

лишь мачты. Разумеется, все это были харры мертвых; я даже разглядела на ближайшем из них помост и белеющие на нем кости. Очевидно, летом здесь все же теплело достаточно, чтобы допустить разложение... Лодок простых смертных я не видела — должно быть, они пошли ко дну раньше, может быть, даже по пути сюда. Остались одни харры хаагелов. Предводители кланов умирают далеко не каждый день. Сколько же лет и веков они тут скапливались?!

И теперь мне ничего не оставалось, кроме как присоединиться к ним. Упокоиться на этом жутком ледяном кладбище, среди славнейших хардаргов, что их соплеменники, вероятно, сочли бы честью. Которой я, однако, предпочла бы избежать...

Увы, но на этот раз шансов действительно не было. Разве что пришельцы вдруг заинтересуются кратером на крайнем юге... Я невесело усмехнулась.

Конечно, топлива мне бы хватило еще надолго. Запас еды тоже пока был — я имею в виду то, что осталось от Илмгара, прочие-то давно сгнили. Так что, в принципе, я могла прожить здесь еще какое-то время, занимаясь этнографическими исследованиями. То есть обходя все эти мертвые корабли и изучая, в каких одеждах, с каким оружием и утварью отправляли в последний путь хаагелов разных кланов в разные времена. Может быть, я даже нашла бы что-нибудь, чтобы записать свои наблюдения. Однако, какой смысл? Если сюда когда-нибудь пробьется исследовательская экспедиция, она осмотрит и опишет все сама. Если же нет... к чему растягивать агонию? Стоят ли несколько дней ковыряния на морозе в истлевших останках того, чтобы за них цепляться?

Вас, может быть, удивляет, куда девалось мое жизнелюбие, о котором я распиналась еще недавно (точнее, это для вас — несколько абзацев, а для меня — много дней назад). Но это место было, должно быть, самым гнетущим на Земле. Вы только представьте себе эту картину и мое положение... Да и предыдущий путь отнюдь не располагал к оптимизму.

Я уже не падала в пропасть — я была на самом дне.

"Но дойдешь до конца и признаешь дорогу напрасной", — вспомнилось мне. Одно из моих любимых стихотворений...

Жизнь есть плесень и грязь, только холод и звездная тьма
Были целью твоей, совершенной и вечно прекрасной.
Ты дойдешь и увидишь, что ты совершенно один —
Те, что спереди, канули в ночь, те, что сзади, отстали —
И останешься вечно стоять среди мерцающих льдин...

А ведь практически все совпало. И из начала тоже —

Но какие-то странные аньйо смутят твой покой,
Обещая вершины и сказочно дивные дали,
И расскажут о тех, что стояли над звездной рекой...

Да и дальше... Словно это стихотворение и не написано двести лет назад. А я-то всегда смеялась над разглагольствованиями о пророческой силе поэзии...

"И останешься вечно стоять среди мерцающих льдин." Оно, может, и красиво, но слишком некомфортно. И, кстати, никакие они не мерцающие... Кутаясь в шубу, я легла на последние оставшиеся нары возле печки, где жарко пылал огонь. Он, огонь, тоже умирал, ибо я больше не собиралась его кормить — но, в отличие от меня, не знал этого, и продолжал весело потрескивать, как ни в чем не бывало.

Было ли мне страшно? Не знаю. Я уже сказала, чувства словно оцепенели, хотя сознание работало. Так, я вполне рационально рассчитала, что печка погаснет, и я замерзну во сне, легко и безболезненно.

Проснулась я от холода.

Печь давно догорела и остыла. Было, разумеется, совсем темно. Я понадеялась, что темнота поможет мне вновь заснуть и довершить начатое, но ничего не получалось. Нос был ледяной и мокрый, зубы выстукивали мелкую дробь, и все это было чертовски неприятно, а сон не шел. Несмотря на мою решимость умереть, организм имел на сей счет свое мнение и настойчиво требовал предпринять какие-то действия для спасения. Чертыхнувшись, я встала, размяла застывшие мышцы, взяла меч и пошла на палубу "за дровами". Ладно, накормлю печку еще раз, а заодно согреюсь и устану, работая мечом — легче будет снова заснуть. А вот есть больше не буду. Тогда вторая попытка окажется удачней первой.

И действительно, когда я снова легла возле теплой печи, в голове замелькали бессмысленные обрывки фраз, словно брызги на поверхности черного омута, в который соскальзывало сознание. Тьма без сновидений поглощала меня. Кажется, сквозь сон я чувствовала, как начинают коченеть конечности, но на сей раз мое намерение не просыпаться было твердым. Потом ощущение холода ушло, и вроде бы даже разлился какой-то свет... и в этом свете зазвучала песня...

"Вот и все, — подумала я. — И совсем не страшно. Даже красиво."

Впрочем, песня была не то чтобы очень красивой, скорее заунывной. И я сообразила, что не понимаю ее слов. Это было странно — во сне мы часто слышим всякую абракадабру, но при этом прекрасно понимаем ее смысл. Затем я подумала, что слишком уж трезво рассуждаю для спящей, и поняла, что уже не сплю.

Света не было. И ощущение холода во всем теле снова вернулось. Но песня никуда не исчезла. Она звучала совсем рядом, на палубе.

Мне стало страшно. Глупо, да? Чего еще бояться той, которая собралась умереть? Но я не могла отделаться от жуткой картины — полуобъеденный труп Илмгара садится на своем помосте под звездами полярной ночи и начинает глухо и заунывно тянуть этот мотив, оповещая Страну Мертвых о своем прибытии. И мертвецы с других кораблей, скелеты в обледенелых лохмотьях, ковыляя по снегу и льду, медленно сползаются его приветствовать...

Впрочем, язык песни был не хардаргский. И не гантрусский, и вообще я никогда не слышала ничего подобного. Язык потустороннего мира?

"Чушь! — сказала я себе. — Суеверный бред! Слышал бы тебя сейчас доктор Ваайне... Пойди и проверь, что там!" Я встала с лежанки, нашарила меч и на негнувшихся ногах вышла на палубу.

В глаза мне ударил свет, показавшийся после полной темноты ярким, хотя это был всего лишь свет факела, мерзко вонявшего горелым жиром. Факел был в левой руке у широкой приземистой фигуры, обросшей белой шерстью, с головой неправильной формы. Фигура склонялась над останками Илмгара, и в ее правой руке что-то остро блестело.

Можно было, конечно, и дальше фантазировать, что это адский демон, явившийся за хаагелом, но моя сонная одурь уже прошла, а значит, вернулось рациональное мышление.

— Эй! — по возможности грозно окликнула я, на всякий случай держа наготове меч.

Фигура взвизгнула от ужаса и шарахнулась назад, чуть не выронив факел. Теперь я разглядела, что покрыта она, разумеется, не шерстью, а шубой, и форма головы объясняется большой лохматой шапкой. Впрочем, кое-что необычное в этой голове все-таки было. Почти до самых глаз она заросла бородой! Мне случалось слышать легенды о бородатых анью южных широт, но я всегда считала их байками. Бороды ведь бывают только у животных. Во всяком случае, заслуживающие доверия исследователи, такие как Тнааксен, никогда не описывали таких народов. Правда, они исследовали юг Инйалгдара, а не Глап-Цу...

— Тото-мицу-са! — визгливо выкрикнул визитер, потрясая топориком. Думаю, это означало "сгинь, нечистый дух!"

— Я анью, — сказала я по-хардаргски и добавила: — Я не враг.

В подтверждение своих слов я опустила меч, затем, видя, что это его не успокоило, положила оружие на палубу. Нас разделяло достаточно расстояние — если бы он вздумал напасть, я бы успела снова нагнуться за мечом.

— Я аньюо, — повторила я. — Я живая... пока еще... Мне надо на север, — я махнула рукой в сторону реки. — Север, тепло, понимаешь? Ты знаешь, как отсюда выбраться?

— Зури-цаси!

М-да. Исчерпывающе. Похоже, хардаргского он не знает. В южной части континента, к северо-западу от земель хардаргов, есть еще царство Хоок, но его языка не знаю я. А до Гант-Ру отсюда, должно быть, не одна тысяча миль...

— Ты говоришь по-гантруски? — тем не менее, предприняла я попытку на этом языке.

Темное узкоглазое лицо визитера неожиданно озарилось довольной улыбкой сквозь бороду.

— Гант-Ру... Покупай-продавай... Хуси-воцу продавай, Гант-Ру покупай...

Что ж, основа для дальнейшего сотрудничества была заложена.

— Мое! — произнес Хуси-воцу решительно, но все же с вопросительными нотками, указывая топориком на труп Илмгара.

— Твое, — не стала я спорить. Неужели у него тоже проблемы со съестными припасами? В любом случае, мне нужна его помощь.

Все еще опасливо поглядывая на меня, он подошел к помосту и как будто бы подтвердил мои подозрения, взмахнув топориком. Но оказалось, его интересовало вовсе не мясо, а перстни на левой руке мертвеца. Много дней назад, когда я еще не рассматривала Илмгара с гастрономической точки зрения, я пробовала их снять, но они вмерзли в плоть, и их можно было забрать, только отрубив пальцы. Тогда я этого делать не стала, ибо еще надеялась на встречу с хардаргами, а потом мне было не до того. Но то, что не сделала тогда я, теперь проделал Хуси-воцу.

Этим бизнесом он и его соплеменники занимались с давних пор — обирали хардаргских покойников в низовьях рек и продавали добытое гантрусам. Учитывая, что гантруские сокровища нередко достаются во время рейдов хардаргам, получается интересный круговорот... Промысел этот, на самом деле, не столь выгоден, как кажется на первый взгляд. С одного мертвого хаагела можно собрать целое состояние, но столь богато снаряженные мертвецы — редкость, а с рядовых, как правило, нечего взять, кроме одежды (правда, меховая шуба и добротные теплые сапоги тоже чего-нибудь да стоят). Кроме того, гантрусы, как и положено цивилизованным купцам при торговле с дикарями, платят им куда меньше реальной цены. Расплачиваются гантрусы, конечно, не деньгами, а ружьями, кое-каким инструментом и утварью, а также низкокачественным алкоголем (закон запрещает им пить крепкие напитки, но отнюдь не запрещает продавать их другим народам). Впрочем, в этих сделках каждая из сторон, очевидно, считает другую дураками: гантрусы — получая серебро и драгоценности за какой-то железный хлам, а воцумаки — получая чудесные инструменты и оружие за какие-то бесполезные в хозяйстве блестящие камушки.

После того, как Хуси-воцу заполучил, что хотел, он лихо спрыгнул на лед (харр успел уже примерзнуть носом и частью борта к ледяной кромке), и я, прихватив на всякий случай меч, последовала за ним. Мы прошагали по льду около четверти мили и подошли к берегу в том месте, где стена кратера была ниже обычного (но все равно возвышалась над поверхностью озера локтей на тридцать с гаком). С обросшего сосульками уступа свешивалась лестница, сплетенная из кожаных ремней. Хуси-воцу влез первым, я следом, испытывая сильный дискомфорт при мысли, что ему может взбрести в голову рубануть своим топориком по ремням. Конечно, сейчас не брачный сезон, чтобы аньюо убивал аньюо ни с того, ни с сего (или даже ради шубы), но, если он все еще меня боится, чего не сделаешь со страху...

Однако все обошлось. Внешний склон кратера был куда более пологим, и мы съехали по

нему на собственных задах, остановившись у круглого сугроба. Воцумаки пронзительно свистнул, и вдруг на моих глазах сугроб зашевелился, стал оседать, и из него, отряхиваясь от снега, полезли пушистые бело-серые звери в кожаной сбруе. Глядя на них и особенно на их хвосты, я поняла, из кого была сделана моя шапка (не нынешний подшлемник, а та, которую я потеряла в схватке с твурком). Если для хардаргов эти животные были лишь объектом охоты, то воцумаки, оказывается, сумели их приручить, и даже использовать как тягловую силу! Хотя один цуцапи (как называют их воцумаки) невелик ростом и вряд ли сдвинет с места больше сорока фунтов, но упряжка из дюжины или даже шестнадцати цуцапи способна везти уже довольно приличный груз. Достоинство этих животных еще и в том, что они способны находить себе пищу глубоко под снегом и почти не нуждаются в дополнительных припасах — разве что на совсем бесплодных землях, где даже летом ничего не растет.

Хуси-воцу очистил от снега свои низкие легкие сани, запряг зверей, взял длинный шест погонщика — и мы отправились в путь на север.

Если быть совсем точной, то на северо-запад — как я поняла, стойбище воцумаки находилось на западном побережье Глар-Цу. Уже на второй день пути небо на северо-востоке светлело, а на третий ненадолго показался краешек солнца. Я словно пробуждалась от кошмара или выздоравливала после тяжелой болезни...

Палатки у Хуси-воцу не было, зато была широкая лопата, которой он умел быстро построить снежный дом. Места внутри, конечно, было очень мало, мы спали, притиснувшись друг к другу, зато было не холодно. Шубы, естественно, не снимали, так что о моих крыльях он не догадывался.

Меня несколько беспокоило, что припасы, которые были у Хуси-воцу с собой — мороженое мясо и рыба — не рассчитаны на двоих, но его самого это, похоже, не волновало. И скоро я поняла, почему — снежная пустыня была безжизненной лишь на мой дилетантский взгляд. В первые дни, правда, мы питались исключительно запасенной провизией, но чем дальше к северу, тем чаще пятнали снег цепочки следов или пролетала в вышине птица. Птиц воцумаки бил влет почти без промаха (за все время путешествия промазал лишь дважды, да и то, думаю, потому, что мушкет был не лучшего качества), а несколько раз удивлял меня, в совершенно, казалось бы, неприметном месте всаживая в снег копьё и выкапывая прятавшуюся добычу.

Несмотря на то, что мы с Хуси-воцу провели в прямом смысле бок о бок полторы декады, общались мы мало. Днем, погоняя цуцапи, он предпочитал распевать свои заунывные песни (и как у него только не болело горло от постоянного пения на морозе?), а вечером угрюмо буркал: "Говори не надо. Спи надо." Может быть, ему не нравилось беседовать на гантрусском, который он знал еще хуже, чем я, а может, он боялся ненароком выдать чужеземке какие-то секреты. (В первый же день я заверила его, что ничего не расскажу хардаргам о его промысле — это, похоже, его всерьез беспокоило. Пришлось для пущей гарантии даже возвести на хардаргов напраслину, сказав, что это они обрекли меня на смерть, насильно посадив на похоронный харр.)

На пятнадцатый день мы достигли стойбища воцумаки. Оно действительно располагалось на берегу океана; вблизи берега он уже почти очистился ото льда, но вдалеке еще белели ледяные поля. Воцумаки жили в снежных домах — не таких, конечно, наскоро насыпанных холмиках с прорытым сбоку лазом, какие служили нам по дороге, а в куда более добротных и просторных куполообразных сооружениях, сложенных из снежных кирпичей и облитых для прочности водой. Снаружи, особенно сверкая под ярким весенним солнцем недолгих еще дней, это выглядело красиво, но когда я впервые зашла внутрь, меня чуть не вывернуло наизнанку от вони прогорклого жира (который здесь использовали в качестве топлива), сырой рыбы и немывтых тел. Семьи воцумаки ютились в жуткой тесноте — не потому, что было сложно выстроить дома большего размера (чего-чего, а снега вокруг хватало), а просто

так было теплее. Моя брезгливость, конечно, подвергалась и более суровым испытаниям (да и сама я не мылась уже больше месяца), и все же никакого желания задерживаться здесь у меня не было. Из разговора с туземцами я поняла, что гантруская фактория, где, собственно, и происходят все торговые операции, располагается в четырех днях пути на упряжках к северу. Хуси-воцу никуда не торопился и поначалу собирался провести несколько дней в стойбище, но после того, как я обещала ему илмгарову шубу (в обмен на более подходящую мне по росту, которая, естественно, стоила дешевле) и меч (из которого тут, кажется, собирались наделать наконечников для острог), согласился отправиться в путь на следующий день.

Не то чтобы, конечно, я так уж жаждала снова иметь дело с гантрусцами. Но так или иначе остров, точных координат которого я все еще не знала, находился в их водах, и самым быстрым способом попасть туда был их корабль. Сначала от фактории до какого-нибудь порта на севере, а там уже по обстоятельствам — может, хватит и простой лодки. Я, конечно, помнила реакцию "благородных гантрусцев" на появление женщин на палубе "Звезды тропиков", но не может быть, чтобы морские путешествия были вовсе запрещены для половины населения! Наверное, придется лишь подчиниться каким-нибудь нелепым и унижительным ограничениям — ну да ладно, еще немного можно и потерпеть. Главное, не показывать им крылья.

Новое путешествие на упряжке прошло без всяких приключений, и вечером четвертого дня впереди забрезжили теплые огоньки фактории. Гантрусский форпост представлял собой небольшой поселок, обнесенный бревенчатым частоколом; внутри находились три одноэтажных каменных дома необычной для гантрусцев прямоугольной формы и длинные деревянные сараи и склады. Формально эта территория принадлежала Хоок, но хоокские власти, как видно, предпочли сдать ее гантрусцам в концессию, нежели самим принимать на себя все сложности содержания своих представителей на крайнем юге. Фактория размещалась в удобной бухточке, полумесяцем вдававшейся в материк; но глядя на толстые льдины, трущиеся о покрытый сосульчатыми белыми наростами причал, я поняла, что прибытия корабля придется ждать долго.

Гантрусский приказчик, похоже, так давно не видел цивилизованного лица (не считая осточертевших ему за полярную ночь немногочисленных коллег), что забыл о своей мужской и кастовой спеси и принял меня на редкость радушно. Его, конечно, интересовало, какая злосчастная судьба забросила меня в эти ужасные края; не вдаваясь в подробности, я сказала, что была пленницей хардаргов (чем, конечно, усилила расположение приказчика — понятно, как гантрусцы относятся к "этим южным бандитам"), бежала, чуть не погибла, блуждая в снежной пустыне, но была подобрана воцумаки. Он явно жаждал больших деталей, уже хотя бы потому, что и по внешности, и по речи распознавал во мне иностранку, но я уже перешла в контрнаступление, обрушив на него собственные вопросы. Первый же его ответ поверг меня в уныние: навигация вряд ли откроется раньше, чем через два месяца. Теоретически пройти по морю, огибая айсберги и ледяные поля, можно будет и раньше, но ни одна из трех компаний, представленных здесь, не станет рисковать. Во всяком случае, не Зуги, которым он служит; Фахи, правда, известны своей склонностью к авантурным экспедициям, но и Фахи посылают корабли лишь тогда, когда рассчитывают сорвать солидный куш, а в этой дыре раннее прибытие не сулит никаких неожиданных прибылей. Торговля с туземцами все равно идет всю зиму, и запас товара, предназначенного на обмен, еще достаточен. Никаких сухопутных дорог на север, естественно, не было.

Зато вторая новость оказалась гораздо лучше. Я спросила его, слышал ли он что-нибудь о звездных пришельцах, и получила не только утвердительный ответ, но и, наконец-то, название острова, на котором они высадились! Зуграх; никогда не слышала такого названия — должно быть, это был небольшой островок. Я спросила, там ли еще пришельцы. "Не знаю, — пожал плечами приказчик, — в эту дыру новости не доходят. Полгода назад были там." Похоже, его эта тема не очень занимала, как и многих других анью, но на сей раз, по крайней мере,

выяснить причину было легко: оказывается, гантрусы пытались торговать с пришельцами, но не преуспели. Те, правда, с большим интересом осматривали предлагаемые им товары, но ничего не приобретали и, тем более, не продавали. Ни один предмет из чужого мира так и не побывал в руках аньйо.

Самих пришельцев мой собеседник не видел и даже не говорил с теми, кто видел их вблизи; но, по его словам, лица у них были "почти как у нас с тобой, только темнее", а все остальное скрывал комбинезон. Что ж, вполне возможно, что комбинезон скрывал и крылья; общаясь с гантрусами, даже и пришельцам разумно было их прятать.

Я поинтересовалась, где я могу поселиться, и гантрус сообщил, что в это время года в доме хватает свободных комнат, которые заполняются лишь в короткую пору активной летней навигации; разумеется, он не был бы гантрусом, если бы тут же не поинтересовался моей платежеспособностью. Я задрала рукав шубы и показала один из серебряных браслетов, с грустью подумав об отобранных на "Королеве морей" векселях. Эта мысль напомнила мне и об утраченном тогда же зашифрованном письме; почему-то это воспоминание показалось важным. С чего вдруг — оно было адресовано к Акх, а я в тысячах миль оттуда... но как звали адресата? Хаф-Ца-Бад? Фар-Ца-Гах? Фах-Ца-Гар, вот как его звали. Купец Фах-Ца-Гар. А одна из компаний-совладельцев фактории принадлежит Фахам.

— Фах-Ца-Гар — это один из владельцев компании Фахов? — спросила я.

— Это глава компании, — ответил удивленный приказчик, для которого, разумеется, мой вопрос был полной неожиданностью.

— Где я могу найти их представителя?

— В доме напротив, — скривился гантрус, явно не симпатизировавший коллеге-конкуренту. — Только он, скорее всего, уже пьян.

— Разве гантрусам можно пить? — притворно изумилась я.

— А разве гантрусам можно жить за полярным кругом? — страдальчески ответил мой собеседник, на сей раз проявив солидарность с товарищем по несчастью. Действительно, уж если я, рожденная в умеренных широтах, терпеть не могу зиму, то как должна чувствовать себя здесь эта субтропическая нация...

Не взирая на предупреждение, я направилась через двор в дом компании Фахов — не подозревая, что моя жизнь висит на волоске. Я потянула на себя тяжелую дверь и тут же услышала отрывистый стук, сопровождающийся коротким вибрирующим звуком. В шоке я устояла на тяжелый нож, дрожавший в полуоткрытой двери в том самом месте, где секунду спустя должна была появиться моя голова. Судя по выщербинам рядом, нож кидали в дверь уже не раз. Прошло секунды три — непростительно долго — прежде чем я перевела взгляд на того, кто его бросил.

Неопрятного вида гантрус полусидел, полулежал за столом, уронив голову на левую руку. Увидев, что едва не убил меня, он что-то пробормотал — кажется, помянул нечистых духов. Похоже, его коллега верно угадал его состояние. Тем не менее, отступить я не собиралась и потребовала представителя компании Фахов.

— Ну, я, — пробормотал он. — Я, вроде, чуть тебя не зашиб... Сож-жалею... Все покупки завтра, контора закрыта...

— У меня срочное сообщение для главы компании Фах-Ца-Гара.

— Какое еще сообщение...

— Сообщение от Ра-Дада, брата его.

— Какого еще брата...

Мне пришлось втолковывать ему несколько минут, прежде чем до него дошло. Наверное, даже и трезвый переварил бы такое не сразу — в захолустную факторию на дальнем юге заявляется неведомо откуда девчонка-чужестранка и объявляет, что у нее сообщение для главы компании! Да еще от его брата (впрочем, гантрусское "циб" иногда означает и коллегу, и

единоверца)... Но когда гантрус, наконец, понял, что к чему, он протрезвел удивительно быстро. Предварительно, правда, выбравшись на улицу и окунувшись головой в сугроб.

— Я пошлю дабу, — сказал он. Гантрусы используют этих птиц в качестве почтовых; я, правда, не знала, что дабы могут выжить и так далеко к югу... но надеялась.

Естественно, я отказалась изложить текст сообщения, сославшись на его секретность; я лишь продиктовала бывший на конверте адрес, который помнила слово в слово. Я догадывалась, что уже по этому адресу, невинно выглядевшему для непосвященных, получатель каким-то образом мог понять, что перед ним не простое письмо. Иначе к чему невидимые чернила?

Фахский приказчик отвел мне комнату в своем доме, даже не поинтересовавшись, чем я буду платить. Теперь оставалось только ждать реакции метрополии. Я понимала, что скорой эта реакция не будет, во всяком случае, с дабой ответ не пришлют — почтовая птица ведь летит не куда вам угодно, а к себе домой, и вряд ли в Гантру существовали дабы, для которых домом была фактория.

Заняться в фактории было совершенно нечем, так что я где-то даже понимала приказчика, напивавшегося каждый вечер тем же пойлом, которым он спаивал туземцев. (Но, естественно, когда он попытался приобщить к выпивке и меня, то получил решительный отпор.) Двое его коллег поначалу все пытались вызнать, что у меня за секрет с Фахами, а когда не преуспели, вдруг резко вспомнили, что они — мужчины высокой касты, и общаться с ними стало решительно невозможно. Так что у меня было более чем достаточно времени, чтобы, сидя в унылой, плохо отапливаемой комнате и глядя в окно, выходявшее на частокол, подумать об очередной аванюре, в которую я ввязалась.

Ясно, что Каайле был агентом. Но вот чьим — ранайским или гантрусским? В письме использовался алфавит западного Инйалгдара, но это ни о чем не говорит. Просто он лучше подходит для шифрования, чем гантрусское иероглифическое слоговое письмо. Теперь я уже знала, что купец Фах-Ца-Гар — это не псевдоним ранайского шпиона, а реальная личность, причем занимающая далеко не последние позиции в гантрусском обществе. Вряд ли глава торговой компании может быть ранайским наймитом. Скорее наоборот — он ожидал донесения от своего агента в Ранайе. Вот только сомнительно, чтобы богатый купец одновременно служил в гантрусской разведке. Даже у меня на родине такое маловероятно, а уж в Гантру, с их кастовыми разграничениями, кому чем заниматься... Значит, речь идет не о правительственном, а о коммерческом шпионаже.

Вроде все логично. Однако, что с этого могу получить я? Донесение, отправленное год назад, конечно, уже устарело. Но это не имеет значения — я все равно не знаю, что в нем было. Главное, чтобы сохранился тот же канал связи, тогда я смогу сыграть роль свежепосланного курьера. Правда, что свежепосланный из Ранайи курьер делает на дальнем юге? Ну, на сей счет можно пустить в ход сильно упрощенную версию моих приключений, рассказать, что из-за опасности перехвата я была вынуждена ехать через Илсудрум и воспользоваться судном контрабандистов, которое в шторм отклонилось далеко к югу, и дальше опять ту же историю, какую я рассказала местному представителю Зугов. Да, но дальше от меня потребуют послание. Послание утрачено, попало в руки хардаргов, или лучше — я успела его уничтожить, чтобы оно не оказалось в руках хардаргов, хотя, конечно, им этот неподписанный конверт с чистым листом внутри все равно ничего бы не сказал... стоп-стоп, а откуда я знаю, что внутри был чистый лист? Не знаю, и так даже правдоподобнее — я не знаю, что постороннему зашифрованный текст, написанный к тому же невидимыми чернилами, не прочитать, поэтому и считала столь необходимым уничтожить депешу, когда попала в плен. Ну и что дальше? "Я послал ради тебя корабль через плавучие льды, тратя кучу денег, рискуя судном и экипажем, и все это для того, чтобы ты явилась предо мной с пустыми руками?!" Ну да, конечно, он будет разгневан. Но ведь не убьет же, в конце концов... И в тюрьму не засадит. Какой ему смысл засаживать в тюрьму

курьера собственного агента? "А что я могла? Когда меня подобрали воцумаки, я уже не могла вернуться в Ранайу за новым посланием, для этого нужно было добраться до какого-нибудь порта на восточном побережье, а как бы я это сделала..." "Ты должна была сразу отправить сообщение, что депеша уничтожена!" "Я побоялась доверять какие-либо детали приказчику в фактории, он, между прочим, пьяница... Я подумала..." "Тебя наняли не для того, чтобы ты думала! Вот же дура-девка... Как только этим идиотам взбрело в голову послать курьером бабу, да еще малолетку!" "Потому и послали, что никому бы не пришло в голову, что я курьер. Ранайцы сейчас настороже, обычного гонца десять раз могли перехватить..." И слезу пустить, и рукавом утираться. "Вон с глаз моих!!!" Отлично. Это-то нам и надо. А там от Акха до моей цели уже не так далеко.

Кстати, Каайле, видимо, как раз подозревал, что я неспроста пыталась задержать его в Ллойете, а потом оказалась на одном с ним корабле, несмотря на отсутствие свободных мест на борту. Ирония судьбы — тогда-то я как раз понятия не имела обо всех этих шпионских играх... Может, он и стрелял в меня не как в крылатую, а как во вражеского агента? Нет — он не мог не понимать, что ни одна спецслужба, государственная или частная, не стала бы использовать анью с такой особой приметой, тем более для посылки в Гантру...

Ну да черт с ним, надо думать о будущем. Мысленно разыгранный мной диалог — это даже еще далеко не лучший сценарий. Лучший — это если мне удастся улизнуть в порту, Акх-то в глубине континента, и корабль причалит западнее от него. Тогда я и к цели окажусь ближе, и разбирательства с Фах-Ца-Гаром избегну. Правда, за мной могут устроить погоню... Ладно, будем действовать по обстановке.

Каждый день я выходила на берег и, кутаясь на сыром ветру в шубу, вглядывалась в море, которое все никак не хотело очищаться ото льда. На самом деле, я так и не дождалась этого знаменательного события. Ибо уже в начале четвертой декады ожидания, когда я в очередной раз топталась возле обледенелого причала, с тоской озирая горизонт, за мной прибежал какой-то туземец, объяснивший на ломаном гантрусском, что меня "весьма зовут". Как оказалось, пока я высчитывала, когда за мной отправится корабль, с севера прибыл посланец на упряжке цуцапи. Это был гантрус, и, как ни удивительно — не думала, что кто-то из них это умеет — упряжкой он управлял сам. Хотя оно и понятно — он должен был увезти меня, а больше, чем двоих, учитывая вес саней, одежды и припасов, цуцапи не потянут.

В путь мы отправились немедленно, и не вдоль побережья, отклонявшегося к западу, а строго на север, вглубь континента. Мой спутник был хмур и неразговорчив; в общем-то, понятно, что платили ему не за болтовню, но за весь первый день не обменяться со мной ни словом — это было, пожалуй, чересчур. Я бы подумала, что он немой, если бы время от времени он не покрикивал на цуцапи.

Все же он был представителем цивилизации, так что ночевали мы уже не в снежных домах, а в палатке. Что, впрочем, было сомнительным преимуществом — когда дул ветер и мела поземка (а в первые дни пути погода была совсем не весенней), в палатке было, пожалуй, даже холоднее, чем под снежным куполом. Но гантрус, вместо того чтобы прижаться поплотнее ко мне, как сделал бы не только воцумаки, но и благоразумный ранаец, демонстративно отворачивался носом к стенке. Вряд ли он принадлежал к высокой касте, но он был мужчина — и, соответственно, брезговал прикасаться к женщине вне брачного сезона. "Ну и пусть греется своей спесью!" — думала я, отворачиваясь в противоположную сторону.

Спесь, как видно, согревала не очень хорошо — пару раз я слышала сквозь сон, как он ворочается, вроде бы даже он зажигал масляную плошку — неужели рассчитывал на тепло ее слабенького огонька? Наконец, в одну из ночей — кажется, шестую или седьмую — я проснулась окончательно, и, приоткрыв глаза, увидела, как колеблется на стене и потолке палатки его огромная тень. Мне стало любопытно, что он там подельывает. Стараясь не производить ни звука, я медленно повернулась; он этого не заметил, ибо сидел, отвернувшись в

угол, и...

В первый миг мне показалось, что он перерезает себе горло. Я испугалась не столько за него, сколько за себя: если кто-то из гантросов желает покончить с собой, ветер ему в парус, но что я буду делать одна посреди снегов, не умея обращаться с цуцапи?

— Что ты делаешь?! — воскликнула я.

Его рука дернулась, и на шее показалась кровь. Однако он тут же отдернул нож, так что, видимо, самоубийство пока не входило в его планы.

— Не лезь не в свое дело, — зло буркнул он.

— Ты водишь ножом по шее, — настаивала я. — Могу я узнать, что это значит?

— Это значит, что мой отец был идиотом! — вдруг вырвалось у него. — Похотливым кретином! Оказавшись в брачный сезон на юге, он предал достоинство касты, спутавшись с воцумаки!

Так вот оно что. Значит, он — полукровка. Действительно, для гантросов, у которых не допускаются браки даже между кастами, ребенок от дикарки — это чудовищное попрание всех норм. Его отец, должно быть, действительно был не в себе, если признал такого сына.

— Думаю, он уже поплатился за это, — пробормотала я. В чем-в чем, а в скорости гантросского правосудия я имела возможность убедиться.

— Да, — ответил гантрус. — Он умер в нищете, а я не был приписан к его касте. Хотя гражданство мне дали, но без права жить в крупных городах метрополии.

— Это, конечно, печально, — согласилась я, — но жил же ты как-то с этим до сих пор. Это еще не повод резать ножом горло.

— Я не режу горло, — пробурчал он. — Я бреюсь.

— Что? — это слово было мне незнакомо.

— Борода! — снова выкрикнул он с ненавистью. — Эта проклятая тварь (я не сразу поняла, что он имеет в виду собственную мать) наградила меня бородой, как у своих вонючих соплеменников! У нее-то самой, небось, такого украшения не было!

— А-а, так ты срезаешь бороду, — поняла я. — Но зачем?! С ней же теплее. Собственно, у воцумаки она именно за этим и растет...

— Не смей сравнивать меня с этими грязными дикарями, ты, женщина!

Интересно, что бы он сказал, если бы узнал, что я не только женщина, но и крылатая? Может, единственный из всех гантросов посочувствовал бы, как изгой — изгою? Или, наоборот, возрадовался бы, что рядом есть кто-то, еще более презренный по гантроским законам, чем он сам? Проверять экспериментально я, разумеется, не собиралась.

Наутро он смотрел на меня, как твурк в зверинце, явно жалея, что сорвался ночью и выдал свою тайну. Больше мы с ним не разговаривали до самого расставания, состоявшегося три дня спустя в небольшом, почти целиком деревянном хоокском городке. В какой-то мере мне даже было его жалко. Конечно, его навязчивое желание во что бы то ни стало считаться полноценным гантросом вместо того, чтобы послать подальше этих спесивых снобов с их дурацкими кастовыми законами, вызывало лишь брезгливость. И все же... всю жизнь, изо дня в день, брить волосы на лице и шее... это, должно быть, действительно ужасно. Крылья, по крайней мере, можно просто спрятать под накидкой.

Итак, он доставил меня в городок, где имелось торговое представительство компании Фахов, и сдал с рук на руки следующему представителю Фах-Ца-Гара, рангом повыше приказчика в фактории. Тот потребовал у меня депешу, но я настояла на том, что имею указание доставить и вручить ее лично. (Кстати, если бы я и в самом деле исполняла шпионскую миссию, это было бы резонно — вряд ли этот представитель компании на юге, откуда Фах-Ца-Гар не ждал никаких посланцев, был в курсе его тайных операций.) Гантрус недовольно поморщил свой толстый нос, но, однако же выделил мне сопровождающего — коренастого плечистого субъекта, при взгляде на которого я не могла понять, защитник это или конвоир. Звали его Пэх

(свое полное имя он не сказал, и вообще был не намного разговорчивей своего предшественника).

Отсюда уже начиналась проложенная на север дорога, и свое путешествие я продолжила в кибитке, запряженной парой тйорлов. В Хооке отсутствует полезная система почтовых станций, на которых можно менять животных, да и зимние дороги отвратительны (в отличие от вечно снующих по торговым делам гантросов, хоокцы предпочитают зимой не путешествовать без крайней нужды; впрочем, как брезгливо проворчал Пэх, хоокские дороги ужасны в любое время года). Так что тащились мы медленно. Особенно когда потеплело настолько, что снег стал раскисать, и в санной колее появились лужи, утром еще подернутые льдом, но к полудню уже вполне жидкие. Бывало, что поутру тйорлы долго не могли сдвинуть примерзшую за ночь кибитку. Мой провожатый спешил (как, разумеется, и я), и потому не выстраивал маршрут от города к городу; если ночь заставляла нас в пути, мы спали прямо в кибитке. Это меня как раз не смущало — в кибитке не было нужды раздеваться; а вот первой остановки в дорожной гостинице я ждала с трепетом. В натопленной комнате в шубе не останешься. Я решила, что, если Пэх поспеет оплатить два отдельных номера, придется мне перевести в деньги один из браслетов — вот только не станет ли он настаивать, что его долг охранять меня? Но все решилось неожиданно просто — в Хоок к женщинам относятся примерно так же, как в Гантру, не позволяя им ни обедать за одним столом с мужчинами, ни жить с ними в одной комнате. Так что я проводила ночь в номере на женской половине — естественно, одиночном, ибо Пэх помнил о секретном характере моей миссии.

На седьмой день пути дорогу нам преградил Дорноор — та самая река, до верховий которой я надеялась добраться, когда бежала из данга. Как мы ни спешили, здесь нам пришлось застрять на три дня — на Дорнооре как раз был ледоход; у переправы за это время скопилось полтора десятка экипажей. Наконец лед сошел, и заработал паром, доставивший нас на другой берег. Там, наконец, повозку переставили с полозьев на колеса.

Еще три дня мы тащились на север по весенней грязи; тйорлы выбивались из сил, и периодически приходилось выпрыгивать из кибитки прямо в жирную, слоистую грязь, помогая животным вытаскивать увязший экипаж. Как я ни старалась поднимать повыше подол своей шубы (в которой, кстати, было уже изрядно жарко), его мех побурел и слипся от грязи. Но вот, наконец, переехав вброд какую-то широкую, но мелкую речушку (которая, вероятно, летом усыхала до ручья), мы неожиданно посреди чистого поля оказались пусть на старой и выщербленной, но брусчатке, чем в Хоок могут похвастать не всякие центральные улицы. Как выяснилось, речушка была пограничной, и за ней уже начиналась Гантру. Да, что-что, а дорожная сеть у гантросов налажена. Здесь с ними не может тягаться даже Илсудрум, не говоря уж о Ранайе или, тем более, Хоок. Подумать только — каких-нибудь два столетия назад, когда здесь не было тйорлов, вся коммерческая и бюрократическая машина Гантру (весьма развитая и в те годы) держалась на скороходах!

В первом же городе я рано поутру, еще до рассвета, улизнула из гостиницы, с удовольствием убедившись, что спавший через две двери от меня Пэх ничего не предпринял, чтобы мне помешать. Прогулка по гантрусским улицам с их характерной архитектурой будила у меня не самые приятные воспоминания, но я постаралась отогнать их прочь, сосредоточившись на главной задаче — продать один из браслетов и купить себе одежду по погоде. То и другое удалось мне без особенных проблем; сочтя, что мне, вовлеченной в шпионскую интригу, уже несолидно одеваться у старьевщика, я отоварилась в достаточно уважаемой лавке, приобретя классическую гантрусскую хламиду с круглым капюшоном. Костюм, созданный в незапамятные времена для защиты от палящих лучей сухого и жаркого лета, годился и для промозглой ветреной весны — благодаря более поздней модификации в виде пристегивающейся теплой подкладки. Там же я подыскала себе кожаные башмаки с пряжками взамен сапог на меху.

Не успела я выйти из лавки, пряча нетипичные для Гантру рыжие волосы под капюшоном своей обновки, как меня грубо схватили за руку. Резко обернувшись, я увидела разозленное лицо Пэха.

— Где ты бегала? Я ищу тебя по всему городу!

— Покупала одежду, — пожалала плечами я. — Нельзя ли поаккуратнее?

— У вас, девок, одни наряды на уме! Ты не должна была уходить без меня! Я за тебя отвечаю!

— По-моему, ты привлекаешь к нам внимание, — осадил его я.

То ли после этого он решил, что не стоит на ночь оставлять меня без присмотра, то ли просто торопился поскорее исполнить приказ, однако дальнейшее наше путешествие протекало вообще без ночевки. Приезжая на очередную станцию, мы меняли тйорлов и возницу (раньше, в Хоок, роль погонщика исполнял сам Пэх) и, едва перекусив, сразу же мчались дальше — хоть днем, хоть вечером, хоть ночью. Спать приходилось на ходу прямо в кибитке. Думаю, в сутки мы преодолевали никак не меньше трехсот пятидесяти миль. Из-за этой гонки дни и часы совершенно перепутались у меня в голове, тем более что мы ехали на север, из зимы в лето, и за день природа вокруг менялась сильнее, чем за целую декаду, проведенную на месте. Еще недавно лишь пробивались первые ростки, и вот уже вдоль дороги пышно зеленеет трава, а вот уже она пожелтела и пожухла под беспощадным гантрусским солнцем, и из-под копыт тйорлов клубится сухая горячая пыль. Подкладка, конечно, давно отстегнута, окна открыты, но все равно душно, и я клевала носом, периодически просыпаясь и утирая потное лицо рукавом хламиды... Дробный перестук копыт, грохот колес по брусчатке, гвалт какого-то базара, гудение насекомых...

— Вылезай, приехали!

Я подняла осоловелый взгляд на тормозившего меня Пэха, затем на округлые дома за окном. Их белые бока нестерпимо сияли в солнечных лучах.

— Ка-акой это город? — зевнула я.

— Акх.

Акх? Уже Акх? Не может быть! Ведь еще вчера... Ведь я планировала сбежать за одну остановку до Акха! Продрыхла, черт, тупая, сонная йупа!

Может, еще не поздно? Но, выбравшись из кибитки, я поняла, что ловушка захлопнулась. Экипаж стоял во дворе, обнесенном высокой кирпичной стеной с острыми пиками поверху, и стальные ворота были уже заперты на мощный засов. А то, что я спросонья приняла за дома, было одним огромным домом, состоявшим из нескольких соединенных галереями корпусов. Очевидно, это и был особняк Фах-ЦаГара, главы компании Фахов.

Пэха туда не пустили даже на порог, да и меня проводили лишь к ближайшему из черных входов (что, впрочем, было логично, если мой приезд не хотели афишировать — хотя вполне возможно, что от кастовых законов не абстрагировались и тут). От самой повозки меня конвоировали, другого слова не подберу, двое рослых аньйо, одетых в свободные зеленые облачения гантрусских привратников и вооруженных кривыми церемониальными мечами — однако не удивлюсь, если под их просторными одеждами скрывались и пистолеты.

Я шагала впереди стражей, стараясь ничем не выдать своего беспокойства, но в то же время незаметно поглядывая по сторонам. Пустой, голый, хорошо простреливаемый двор... никакой открытой калитки... стена, за стеной — круглая башня соседнего дома (город есть город, даже богач не может избежать соседей). У гантрусков, с их склонностью к висячим галереям, принято писать номера домов крупно и высоко, чтобы их было видно и снизу, и сверху; на особняке я номера не видела — очевидно, он был на воротах ограды — зато разглядела между пиками номер на соседней башне. 27 и иероглиф, обозначающий левую сторону улицы (у гантрусков нет общей нумерации с чередованием четной и нечетной стороны, как в Ранайе — вместо этого отдельно нумеруется левая сторона улицы и отдельно — правая).

Стоп, но разве адрес на конверте гласил не "в дом 27-левый"? И если этот дом — там, то куда же ведут меня?

В голове тут же пронеслись несколько не самых приятных предположений, вроде того, что послание из фактории было перехвачено врагами Фах-Ца-Гара, и все дальнейшее — просто инсценировка с целью заманить меня и выведать мой — а значит, и его — секрет. Но для этого не нужно было везти меня так далеко и тем более проводить решающую фазу операции у него под носом, в соседнем доме...

Внезапно, уже готовясь шагнуть с выжженного солнцем двора в прохладный полумрак дома — и не имея представления, чем закончится для меня этот шаг — я поняла, в чем тут дело. Гантруская цифра "восемь" отличается от семерки лишь одной короткой черточкой. Которую можно не поставить случайно, из-за какого-нибудь волоска, попавшего под перо. Таким образом, для непосвященного ошибка в адресе выглядит невинно. Но для знающего именно она является паролем, по которому Фах-Ца-Гар сразу понял, о депеше какого рода ему доложили с юга.

Я вступила под своды арки (в этом доме даже черный вход не был простой дверцей в стене), но у подножия лестницы один из провожатых опередил меня и преградил мне путь.

— Прежде, чем ты пройдешь к господину Ца-Гару, мы должны обыскать тебя, — сказал он.

Катастрофа! Требование их вполне разумно — под гантрусской хламидой можно пронести что угодно. Естественно, искать они будут оружие, а не крылья, а вот найдут...

Никаких логических аргументов у меня не было, но интуитивно я поняла, что мой последний шанс — в наглости.

— Да что вы себя позволяете?! — воскликнула я, надуваясь, как переспелый йовул. — Я вам что, служанка из низшей касты? Да вы знаете, какую миссию я выполняю? Вы представляете, КОГО вы оскорбляете в моем лице? Не знаете — еще бы, вам и близко не положено знать подобных вещей! Ваш хозяин спустит с вас шкуры, если узнает, что мне чинились препятствия! Что вам нужно, оружие? Разумеется, у меня есть оружие! У меня есть нож, которым я перерезала горло хардаргскому часовому. А еще у меня есть руки и ноги, которыми я тоже умею убивать. Прикажете мне их отрезать, для вашего спокойствия?!

Разумеется, я каждую секунду ждала ответа, что приказ об обыске исходит лично от господина Ца-Гара, но его не последовало. Вместо этого гантрус даже чуть попятился, смущенный моим натиском. Не исключено, что женщина кричала на него впервые в жизни, и он никак не мог поверить, что такое возможно.

— Это нечистые духи знают что такое! — продолжала бушевать я, чувствуя все большую уверенность. — Я не для того пересекла океан и континент, чтобы терпеть оскорбления от каких-то холопов! Куда вообще катится Гант-Ру? С каких это пор касты слуг считают себя вправе вмешиваться в деловые отношения между благородными аньйо?!

И тут он резким движением выхватил откуда-то из складок своего одеяния свистульку и издал пронзительную переливчатую трель. Все, поняла я. Сейчас сюда сбежит вооруженная подмога, а у меня ничего, кроме ножа, и бежать некуда...

Но вместо этого на верхнем витке отраженной в зеркале лестницы показался лишь один гантрус, одетый похоже, но более пышно. Полагаю, это был начальник охраны.

— В чем дело? — строго спросил он.

— Та, что доставил нарочный, протестует против обыска, удгам, — ответил свистевший (последнее слово, очевидно, было кастовым титулом).

— А кто вам позволил ее обыскивать? Немедленно пропустить.

— Но, удгам, приказ касается всех незнакомцев... — растерянно начал страж.

— Ты не слышал, что я сказал, болван? Ты не понимаешь, что доставленный с нарочным — уже не незнакомец? Проходи, — обратился он ко мне.

Я шагнула на лестницу. Пристыженные стражи топали за моей спиной. Мой путь до кабинета Фах-Ца-Гара едва ли занял больше минуты, и за эту минуту я вдруг поняла, что вся моя заранее выстроенная теория неверна.

Кое-что меня смущало и раньше. Допустим, то, как лихо меня доставили сюда с юга, объяснялось нетерпением, с каким Фах-Ца-Гар ожидал важного донесения от своих ранайских агентов. Но зачем столько степеней защиты у побывавшей у меня в руках депеши? Письмо зашифровано, да еще написано невидимыми чернилами, и ими же написан адрес. Шифр, как я предполагала, невозможно вскрыть за реальное время — зачем тогда все остальное? Допустим, письмо перехвачено, и кто-то в Гантру узнал, что глава компании Фахов получает секретную корреспонденцию от своего брата (или, быть может, коллеги). Ну и что? Разве сам факт существования коммерческих тайн и связанной с ними переписки бросает на кого-то тень? Разве знание этого факта может повредить Фахам или автору письма, чье подлинное имя на конверте не указано? Допустим даже, обстоятельства перехвата письма указывают, что оно отправлено из-за границы. Ну и что — гантруский закон ведь не запрещает купцам иметь своих агентов за рубежом.

Но все меняется, если Фах-Ца-Гар сам является ранайским агентом, и депеша может изобличить его в этом.

Конечно, поверить в это было трудно. Сколько же нужно денег, чтобы купить фигуру такого масштаба? Вообще, будь у меня хоть десятая часть его состояния, я бы ни за какие дополнительные миллионы не стала играть в опасные игры с иностранными разведками. Как говорится, в могилу деньги не унесешь... Но и поговорка "жаден, как гантруский купец" родилась не даром. Если в ранайском "жадность" и "скупость" — почти синонимы, то в гантруском это практически противоположные понятия. Жадность — желание заполучить как можно больше, скупость — нежелание тратить. Второе презирается, но первое считается добродетелью, по крайней мере, для высшей касты (вообще, в Гантру у разных каст разная мораль).

И то, что моя наглость со стражами сошла мне с рук, было тому подтверждением. Если бы я была всего лишь посланцем его ранайского слуги, со мной бы не церемонились. Совсем иное дело — если я представляла хозяев...

Но это же все меняет! Мне уже не надо плакать в рукав и ждать, пока меня вышвырнут пинком. Я могу сама диктовать условия!

Едва успев подумать об этом, я предстала перед Фах-Ца-Гаром. Он сидел в яйцевидном кресле за дугообразным столом и шевельнул бровью при моем появлении, сочтя, видимо, такую форму приветствия достаточной. Главе компании, должно быть, не было и сорока, у него было худое костистое лицо с длинным подбородком и классическими для гантруса узкими черными глазами.

— Итак, у тебя письмо от Ра-Дада? — на сей раз он шевельнул не бровью, а пальцами, ожидая, очевидно, что я протяну ему депешу. — Как он поживает?

— Нормально, — быстро произнесла я, дабы не вдаваться в эту тему. — Собственно, самого письма у меня нет, я была вынуждена его уничтожить, когда меня захватили хардарги. Но это не существенно, я-то знаю, с какой миссией послана.

— С миссией? — усмехнулся он. — У Канцелярии совсем плохо с кадрами, раз она посылает с миссиями малолеток? Сколько тебе лет — пятнадцать?

Канцелярии! Я и не ожидала, что он так сразу выдаст себя! Значит, я все поняла правильно, он действительно работает на Тайную Канцелярию Ранайи. У гантрусов соответствующая структура называется совершенно иначе — в дословном переводе "благоуханный оплот спокойствия".

— Мне двадцать один, — нагло соврала я и продолжила уже правдиво. — Я владею шпагой, мечом, метательными ножами и огнестрельным оружием, а также приемами

рукопашного боя. Если не веришь, могу продемонстрировать.

Он вновь усмехнулся и слегка склонил голову набок:

— И в чем же состоит твоя... миссия?

— Я послана к пришельцам на Зуграх, а ты должен помочь мне попасть туда как можно скорее. Они ведь еще там?

— Насколько мне известно — там, — он рассматривал меня с явным интересом. — Мне бы доложили об их отлете, хотя, конечно, задержка может составить несколько дней. Но с какой стати тебя посылают к ним, в такую даль, если пришельцы за несколько часов могут долететь, куда им вздумается?

— Вот именно — куда *им* вздумается. Инициатива контакта исходит от нас, а не от них. Мы не можем ждать по всей стране, куда они прилетят в следующий раз и прилетят ли вообще.

— Ранайцы ведь уже не раз контактировали с пришельцами?

— Ну и что? Значит, на сей раз у нас есть для них кое-то новое.

— И что же именно?

— Я не уполномочена обсуждать это с тобой, — отрезала я. — Твое дело — обеспечить мою максимально быструю доставку на Зуграх.

— Ты в этом уверена? — в его голосе прозвучала откровенная насмешка, но я решила идти напролом:

— Тебе за это платят, не так ли?

— Не так, — голос его внезапно стал жестким; только что Фах-Ца-Гар сидел в расслабленной позе — и вдруг его рука молниеносно метнулась куда-то под стол, и в следующий миг мне в грудь уже смотрел пистолет. — На кого ты работаешь, девочка?

— Если так нужно произнести это вслух — на Тайную Канцелярию Королевства Ранайи, — по-прежнему надменно ответила я, хотя уже с ужасом поняла, что где-то допустила ошибку.

— Ответ неправильный, — покачал головой Ца-Гар. — Если бы ты работала на Канцелярию, ты бы знала пароль.

Так вот что означал этот вопрос о Ра-Даде! Одной лишь цифры в адресе было недостаточно!

— Так что советую все мне рассказать, — продолжал он. — Говорят, порою правда причиняет боль, но нежелание ее говорить может оказаться куда болезненней.

— Боль — не способ добиться правды, — заметила я. — Боль — способ услышать то, что ты желаешь услышать, а это далеко не одно и то же. Но хорошо, — мне оставалось лишь импровизировать. — Ты прав, я не связана с правительственными структурами. Я представляю другую организацию. Частную, но в нее входят достаточно могущественные аньйо. Доказательство тому — тот факт, что нам известно о твоих отношениях с Канцелярией и удалось перехватить посланного к тебе курьера. От тебя нам нужно только одно — чтобы ты помог нашему агенту, то есть мне, добраться до пришельцев прежде, чем они улетят.

— И чем вы намерены за это заплатить? — он иронически улыбался.

— Молчанием о твоих связях с ранайской разведкой.

— А кто о них расскажет? Одна почти уже мертвая девочка?

— Существуют вещественные доказательства, — пожала плечами я. — Та же перехваченная депеша. Сам понимаешь, она не у меня.

— Ранайская фальшивка.

— Само письмо, конечно, подделать нетрудно, но вот содержащаяся в нем информация... Ты ведь не знаешь, что там было. И не успеешь замести следы. А конкурентов у тебя много — как ты думаешь, позволят они замять дело?

— Ты блефуешь, — уверенно заявил он.

— Что ж, в таком случае стреляй, — спокойно ответила я, хотя сердце колотилось, как бешеное, а пальцы стали ледяными. — Стреляй, и скоро убедишься, что я была права, только

будет уже поздно.

Это был поединок нервов. Он целил мне в грудь с каких-нибудь трех локтей, и я видела, как его палец напрягся и побелел на спусковом крючке. Сделай я любое резкое движение, и он бы выстрелил. Но я стояла неподвижно, безоружная и незащищенная, и смотрела ему в глаза.

Он принял этот вызов и не отводил взгляда. Не думайте, что его можно было так легко переглядеть. Воли и силы характера у Ца-Гара было достаточно — иначе он не возглавлял бы торговую империю и не заводил авантюры с иностранными разведками. И все же вряд ли ему, родившемуся членом высшей гантрусской элиты и наследником крупного состояния, довелось пройти через то, через что прошла я... Даже чувствуя резь в глазах, я не моргала и продолжала буравить своим взглядом его зрачки.

Он моргнул, сразу два раза подряд. Для него это оказалось то же, что для бегуна — сбиться с дыхания: его зрачки дернулись в сторону, затем, поняв, что проиграл, он опустил глаза, а потом и пистолет.

— Если у вас такие девчонки, какие же мужчины, — с усмешкой пробормотал он.

— Подумай вот о чем, — сказала я, — мы, в принципе, не враги тебе. Моя просьба ничего особенного тебе не будет стоить. Мы не собираемся вымогать у тебя деньги или покушаться на твой бизнес, легальный или нелегальный. Нам просто нужна твоя помощь, чтобы обделать кое-какие дела с пришельцами, вот и все.

— Пока что никому не удавалось сделать с ними бизнес, — заметил он.

— Мы в курсе, — улыбнулась я. Мол, у нас, конечно, есть свои козыри, но не надейся, что я проболтаюсь.

— И это действительно все, что вам надо? Если тебя доставят на место в три дня, вы оставите меня в покое?

— Да.

— Какие у меня гарантии?

— Следующего, кто побеспокоит тебя от нашего имени, можешь смело пристрелить, — пообещала я. — Серьезно, нас интересуют только пришельцы.

Он немного подумал.

— Я все же хочу получить свою депешу, — сказал он наконец.

— Получишь через несколько дней после того, как я окажусь на острове.

— Я не могу доставить тебя на сам остров. Даже я. Они никого туда не пускают. Только на берег, от него до острова по прямой около мили. А дальше уж сама с ними договаривайся, как знаешь.

— Идет, — согласилась я, все еще не веря своему счастью. А ведь еще пару минут назад мне в пору было прощаться с жизнью...

Каких-нибудь сорок минут спустя крытая двуколка с гербами Фахов на дверцах уже везла меня по вымощенной плитами дороге, уходящей на северо-запад. Я сидела внутри одна; Ца-Гар хотел послать сопровождающего, как он утверждал, для моей же безопасности, но я чувствовала себя куда безопасней в одиночестве и настояла на своем. Для быстрого и беспрепятственного проезда достаточно было уже бумаг, которые он мне дал. Конечно, на козлах все равно сидел его возница, но это было не то же самое, что соглядатай под боком. Тем более что он сменился на первой же почтовой станции. Не исключено, разумеется, что сменился на другого аньюо Фах-Ца-Гара, но — если бы купец все же решил причинить мне зло, он бы это уже сделал. Впрочем, на всякий случай в городе, через который мы проезжали утром следующего дня, я велела вознице остановиться возле оружейной лавки и на деньги, остававшиеся у меня от продажи браслета, купила пистолет. Узкие глаза продавца округлились, когда он услышал подобный заказ от девушки, но сунутое под его широкий мужской нос предписание Фах-Ца-Гара "оказывать всяческое содействие" решило дело.

Но, при всех моих опасениях, купец не солгал. Путешествие действительно заняло три

дня, даже меньше — из Акха я выехала в третьем часу пополудни, а конечного пункта маршрута достигла утром. Собственно, этим "конечным пунктом" был простой поворот немощеной уже в этих местах, но все равно сухой и кремнистой дороги. Впереди был подъем, завершившийся, похоже, обрывом, направо темнели силуэты невысоких, но скалистых гор, а дорога сворачивала налево и уходила вниз, рассекая желтое поле выжженной солнцем травы. Даже в эти утренние часы уже ощущался грядущий зной, но чувствовался в воздухе и соленый морской запах.

— Остров Зуграх там, — сказал мне возница, указывая своей палкой-погонялкой вперед. — Мили полторы. А ближайшее селение — в трех часах езды по дороге. Ну что, едешь дальше или остаешься?

Конечно, в селении можно было бы нанять лодку, но теперь, когда воплощение моей мечты было так близко, мне казалась невыносимой мысль повернуть куда-то прочь. Смогу добраться и вплавь, здесь, на самом северо-западе континента, вода теплая. Да и согласятся ли местные рыбаки или кто там везти меня на лодке? Ца-Гар говорил, что пришельцы никого не пускают на остров, а демонстрировать свои крылья при гантрусах было бы опрометчиво...

— Езжай, — сказала я. — И вот тебе за работу, — я протянула ему, не считая, пригоршню серебряных монет. В общем-то, это был глупый жест — у меня не было никакой гарантии, что они мне больше не потребуются, но так хотелось в это верить...

Возница потрясенно поблагодарил, вскочил на козлы и принялся нахлестывать тйорлов, пока я не передумала. Пыль густым облаком взвилась за повозкой, растянувшись на много локтей.

Я шагала вверх по склону среди сухих шуршащих стеблей, распугивая монотонно звенящих цикад, и моя тень бежала впереди меня, словно первой желала попасть на остров. Неужели я у цели, неужели мое бесконечное путешествие наконец кончилось?! Сколько прошло — кажется, всего год и четыре месяца, а кажется, целая вечность... Я все никак не могла поверить, что все это происходит не в мечтах и не во сне, что вот сейчас я поднимусь на кручу и увижу остров пришельцев...

Я поднялась и увидела.

До него действительно было около мили, и, конечно, с такого расстояния я не могла разглядеть их самих. Но я видела белые домики со странными темно-синими крышами, какие-то башенки на берегу, похожие на маяки в миниатюре, прямую ниточку дороги, спускавшуюся к причалу, что-то вроде огромной, но неглубокой чаши, запрокинутой в небо... и еще дальше, над всем этим, за горбатой вершиной острова — стройную круглую башню, похожую на смотровую башню данга, но увенчанную конусом.

Я оглянулась назад, на мир, который оставляла за спиной. Ни единого аньйо на многие мили вокруг — разве что возница в повозке, которая сделалась уже совсем маленькой. Я сбросила длинную гантрусскую хламиду и расправила крылья, наполняя их ветром и солнцем. У пришельцев наверняка есть какие-нибудь телескопы. Хорошо бы они наблюдали за берегом — в конце концов, это в интересах их безопасности. Хорошо бы они прислали за мной железную птицу. Потому что... в противном случае добраться до них будет не так уж и легко. Когда я шла сюда, то рассчитывала, что смогу спуститься на берег — однако я стояла на краю обрыва высотой более чем в сотню локтей, и далеко внизу скалы подо мной отвесно уходили в океан, ритмично очерчивавший их подножие белой каймой. Влево берег постепенно понижался, но оставался все таким же отвесным. Как бы не пришлось топтать вдоль берега до того самого селения... Ну же, смотрите, вот я! Я помахала крыльями.

Со стороны острова донесся гром.

На один краткий миг я подумала, что это ответ на мои попытки привлечь к себе внимание. А затем вершина конуса поползла вверх. Сначала медленно, и я могла говорить себе, что это обман зрения, потом все быстрее, и вот уже вся башня поднялась над островом на огненном столбе, с ревом вонзаясь в небо!

Все это по-прежнему походило на сон, но теперь он превращался в кошмар. Они улетают! Я все-таки опоздала!! Опоздала на какой-нибудь день, на несколько часов!!!

— Нет! — закричала я, срывая голос. — Подождите меня!

Разумеется, мой жалкий крик тонул в грохоте пламени. Башня была уже просто черточкой в вышине, за которой тянулся пылающий шлейф.

И тогда... Мне трудно воспроизвести, что именно охватило меня тогда. Но в одном я могу твердо вас заверить — это был жест отчаяния, но не попытка самоубийства. Если бы внизу были камни, я бы этого не сделала. Но внизу было море, и я бросилась вперед.

Я уже говорила, что не боюсь высоты. И если в животе у меня все обмерло, то не от страха, а от странного, одновременно мучительного и приятного, ощущения потери собственного веса. Я падала головой вниз с высоты в сотню локтей, и видела над головой море, все еще такое далекое, что оно, казалось, почти не приближалось. Чувствуя, что меня начинает переворачивать, я инстинктивно вытянула крылья вдоль туловища, и море снова оказалось надо мной, падая мне навстречу уже быстрее, а ветер шумел в ушах и немилосердно трепал мои отросшие волосы... И я чувствовала, как этот ветер давит мне на лицо, перехватывает дыхание... и становится все более плотным под моими крыльями.

И тогда я решительно, но не резко расправила их. До воды оставалось локтей тридцать, когда я почувствовала в крыльях силу. Они больше не трепыхались в пустоте, они опирались на воздушный поток, и, выгибая их задний край, я начала менять траекторию своего падения, делая ее все более полой. Я управляла своим полетом! Правда, море все еще приближалось, и я никак не могла выйти в горизонталь, не говоря уже о том, чтобы снова набрать высоту. И вот до воды остались какие-нибудь три-четыре локтя, я до боли выгнула заднюю кромку крыльев и попыталась взмахнуть ими... и тут меня вдруг резко перекувырнуло в воздухе, а в следующий миг, не успев ничего понять, я уже врезалась в воду.

Меня словно огрели с размаху тяжелым мокрым мешком. Лишь по тому, каким болезненным оказался удар, я поняла, насколько большой была скорость. Я не потеряла сознание, но на несколько секунд мое тело словно выключилось, и я беспомощно опускалась в глубину, пуская пузыри. Но затем сила вернулась в мышцы, и я заработала всеми шестью конечностями, устремляясь к поверхности, туда, где жидко колыхалось солнце.

За секунду до того, как вынырнуть, я вдруг различила, помимо шума, производимого моими собственными движениями, еще какой-то звук. Словно кто-то быстро и ритмично стучал камнем о камень. Затем моя голова оказалась над водой, и стук тут же превратился в жужжание, какое мог бы издавать, наверное, самый большой в мире рой насекомых. Пока я бултыхалась на поверхности, жадно заглатывая ртом воздух, жужжание усилилось и вдруг смолкло, и какой-то яркий длинный силуэт скользнул ко мне сбоку. Прежде, чем я успела разглядеть очертания лодки, чья-то рука в перчатке крепко ухватила меня за предплечье.

И это не была рука аньйо.

На ней тоже было пять пальцев, но выглядели они куда более уродливо. Вместо нашей совершенной симметрии (три перста, средний самый длинный, и два больших пальца с противоположных сторон ладони) у обладателя этой кисти имелся лишь один большой палец, а перста было четыре, причем все разной длины, а последний, лишний — вообще какой-то убогий недоморок. Однако, подумала я, при всей некрасивости подобной анатомии она имеет свои плюсы. Эти существа, должно быть, не знают войн, ибо такой рукой практически невозможно держать оружие. Попробуйте-ка удержать меч, имея лишь один большой палец — да его выбьет у вас любой ребенок!

Еще пара рук ухватила меня и втащила в лодку, сделанную из какого-то гладкого блестящего материала.

— Оу, джаст луук эт зис! Вот э спешимен!

— Калм даун, Джэк, ши'з э сеншиэнт биинг, нот э спешимен!

— Оф коз, оф коз, бат хэв йу эвэ сиин...

Разумеется, я не понимала ни слова и лишь крутила головой. Пришельцы. Они были рядом, вокруг меня. Ростом с анью, облаченные в лишенные всякой видимой застежки мешковатые комбинезоны, наполовину ярко-оранжевые, наполовину синие. И я поняла, что означают странные слова, которые мне доводилось слышать о гостях со звезд прежде. Например, про круглые блестящие головы. Головы у них были вполне обычные, только от самой шеи целиком закрытые круглыми прозрачными шлемами. Я не могла понять, почему они не задыхаются, но, очевидно, мне еще много предстояло узнать... И они действительно были разноцветные. У одного кожа была почти черной, у другого — коричневой, как у северных дикарей, еще у двоих имела желтоватый оттенок и у одного — тошнотворно-розовый. Черты лица тоже различались довольно заметно, и я подумала — уж не с разных ли планет они сюда прибыли? В первый момент я решила, что меня окружают одни женщины, ибо не увидела ни одного широкого мужского носа, но затем, слыша их голоса, усомнилась. Лишь два из этих голоса походили на женские, остальные были даже ниже, чем у наших мужчин, и показались мне слишком грубыми. Широкие зубы пришельцев мне тоже не понравились — прямо какие-то крепостные зубцы, а не зубы.

Тем временем вновь раздалось жужжание, и лодка, описав на воде полукруг, с ураганной скоростью помчалась к острову, вспарывая воду и оставляя за собой пенящиеся буруны. Я не видела, чтобы кто-то из пришельцев управлял ей — с помощью весла, штурвала или любого иного приспособления; все выглядело так, словно у лодки был свой собственный разум. Расстояние в милю она покрыла за какую-нибудь минуту; не успела я опомниться, как мы уже швартовались у причала, поднимавшегося над водой на странных решетчатых сваях.

Когда смолкло жужжание (я уже поняла, что его издает механизм, обеспечивающий движение лодки), я различила еще один звук. Это был отдаленный гул, все еще доносившийся с ясного неба. Задрав голову, я увидела огненный след летающей башни, уже едва различимый в зените.

Это что же получается? Звездный корабль улетел, но пришельцы остались?

— Кто-нибудь говорит по-ранайски? — с надеждой спросила я, когда все вылезли на причал.

— Ранайа? — удивленно переспросила одна из женщин, та, у которой была такая некрасивая розовая кожа. — Ты из Ранайи?

— Да. Я прибыла сюда специально ради встречи с вами, — и, чувствуя, как колотится пульс, я задала самый главный вопрос: — Вы крылатые?

— Ты имеешь в виду...

— Вот что я имею в виду! — я несколько раз взмахнула крыльями.

— Нет, — ответила розовая, глядя на меня, как мне показалось, с жалостью. — В этом смысле нет.

Ну вот и все. Я безвольно уронила крылья, позволив им коснуться прохладного металла — или из чего там был сделан этот причал. Все было напрасно. Все мое путешествие, все смерти...

Рука в перчатке легла на мое опущенное плечо. Я подняла голову, снова встретившись взглядом с розовой. Глаза у нее были серые, как мои.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Эйольта.

— А я Валерия. Идем в дом.

Мы начали подниматься по тропинке (собственно, слово "тропинка" здесь не очень подходило — это была хоть и неширокая, но идеально прямая дорога, каким-то образом высеченная или, может, даже выплавленная в камне). При приближении к поселку дорожка раздвоилась — ответвившийся вправо рукав уходил к стоявшим особняком куполообразным

зданиям без окон, почти сплошь покрытым ячеистой синей пленкой. Но Валерия, и я следом за ней, направилась прямо, к воротам в окружавшей остальное поселение проволочной сетке.

— Валери, ит'с эгэйнст ауа рулз, — озабоченно произнес черный. — Джордж вилл би дисплизд.

— Ай'л фикс ит виз Джордж майселф, — ответила Валерия. — Ай'м зе лидер оф этногрэф груп.

— Эт лист ду дезинфекшин фэст.

— Оф коз. Эйольта, ты, конечно, только что искупалась, но ты не против помыться?

— Уж и не помню, когда делала это в последний раз, — благодарно вздохнула я.

Валерия провела меня в одно из зданий — это был белый куб с плоской крышей. Двери сами разошлись в сторону при нашем приближении. Оказавшись в прихожей, озаренной мягким светом, исходящим прямо от потолка, моя провожатая сняла шлем и перчатки, положив их на полку, а затем вдруг провела пальцем по своему комбинезону от горла до низа живота — и ткань разошлась, словно рассеченная ножом, хотя я готова поклясться, что прежде она была абсолютно целой и без всяких следов застежек, и гостя со звезд провела по ней даже не ногтем, а подушечкой пальца. Комбинезон упал к ее ногам; под ним оказалась похожая одежда из переливающейся ткани, только не мешковатая, а облегающая, и я с удивлением увидела, что Валерия, должно быть, совсем недавно родила. Груды у нее были просто огромные, раза в три больше, чем даже на пике брачного сезона — такие бывают только на поздней стадии беременности и у кормящих матерей. Ну а так как живот у нее был вполне стройный, значит, роды уже состоялись. Я подивилась легкомыслию пришельцев: уж если женщина отправляется в экспедицию, у нее должны быть дела поважнее, чем рожать и создавать лишние сложности своим спутникам! Впрочем, одернула я себя, что я знаю о целях пришельцев? Может быть, они решили основать на Земле постоянную колонию? Тем более что звездный корабль улетел...

— Сложи одежду сюда, — Валерия выдвинула из стены металлический ящик. Пока я стягивала с себя мокрые тряпки, она открыла в стене еще какую-то крышку; там стоял стакан, тут же наполнившийся прозрачной жидкостью. — Вот, выпей, — протянула она мне.

Я осторожно понюхала (запаха не было), потом попробовала. Не сказала бы, чтобы вкус был приятным.

— Что это? — я отстранила стакан. — Я лучше выпью простой воды.

— Это не опасно. Это убьет болезнетворные микроорганизмы... в общем, всякую заразу.

Не очень-то вежливо с ее стороны считать меня заразной, но, в конце концов, как говорят в Ранайе, мой дом — мое королевство. Так что я подчинилась законам местного королевства и выпила невкусную жидкость.

— Заходи в эту дверь, — продолжала инструктировать меня Валерия, видя, что я уже разделась. — Вода полетится сама... ничего не бойся. Воду не пей. Если случайно проглотишь, ничего страшного, но вообще она для этого не предназначена.

Я шагнула в дверь и очутилась в небольшой кабинке, которую тут же залил жесткий белый свет. Он шел с потолка, со стен и даже с пола. Едва дверь за мной закрылась (сама), как следом за светом, точно так же отовсюду, ударили тонкие, но сильные струи воды, щекотавшие кожу. Вода была горячей, но не настолько, чтобы это было трудно терпеть, и имела слабый и необычный запах; мне трудно его описать — ничто в живой природе так не пахнет. Струи хлестали по всему телу, но не по лицу — на него они падали спокойным дождем, не мешая дыханию. Сначала я думала, что мне просто повезло удачно встать, но потом поняла, что, куда бы я ни повернулась, напор струй, направленных в лицо, сразу ослабевал. В общем, это было даже приятно, но для полноценного мытья не хватало мыла и мочалки. Только я об этом подумала, как из стен выползли гибкие щупальца, на концах которых, словно цветы, распустились щетки. Предупреждение Валерии "не бойся" я встретила снисходительной усмешкой, но теперь подумала, что оно было очень кстати. Щетки принялись деловито тереть

меня, двигаясь от головы к ногам и не обходя вниманием ни одного самого маленького участка тела. Особенно долго они трудились над волосами, а также над крыльями; я бы и рада была им помочь, расправив крылья пошире, но в кабинке просто не хватало места. Дойдя до ступней, щетки продолжали забавно тыкаться в них; я уже поняла, что должна подставить подошвы, но мне было интересно проверить, у кого из нас окажется больше упрямства. Щетки оказались настойчивей, и я сдалась, хихикая от щекотки.

Сразу же вслед за этим струи воды иссякли, осыпавшись последними каплями, и из тех же мелких отверстий в стенах хлынули потоки теплого воздуха, высушив меня в какую-нибудь минуту. Затем дверь открылась. При моем приближении из стены выехал ящик с одеждой, но теперь вещи в нем были сухие и теплые и приятно пахли чистотой и свежестью. Правда, хардгаргского ножа среди них я уже не обнаружила. Пистолета я лишилась еще раньше — как видно, он выскочил из-за пояса, когда я врезалась в воду.

Валерии в помещении уже не было, но, едва одевшись, я услышала ее голос — "Входи!" — и передо мной открылась еще одна дверь. Я шагнула и оказалась... в лесу.

Никакого леса, конечно, здесь быть не могло. В жарком засушливом климате северного Глар-Цу растут в лучшем случае хвойные кустарники; их же я видела и на Зуграхе, причем за пределами поселка. И тем не менее меня окружали высокие деревья (я задрала голову и увидела, как солнце пробивается сквозь кроны на высоте в десятки локтей), у их подножия зеленела трава и кусты, слабый ветерок шелестел в листве, звонко перекликались птицы. Воздух был чистый и прохладный, совсем не похожий на пыльную знойную атмосферу этих мест. Да и не только воздух — я не сильна в ботанике, но растения тоже не походили не только на гларцуские, но и вообще на какие-либо известные мне. Особенно деревья, чья белая с черными пятнами кора напоминала скорее шкуру животного. Никогда бы не подумала, что такие бывают.

Потрясенная этим зрелищем, я не сразу заметила, что стою все-таки на плоском полу, а не среди травы. На этом же квадрате пола располагался диван, имевший форму прямого угла, и нечто вроде овальной тумбочки.

Валерия сидела на диване в непринужденной позе.

— Проходи, садись, — она сделала приглашающий жест.

— Что это? — я обвела рукой вокруг.

— Видеообои плюс одоратор. Объемная картинка, воспроизводящая цвет, звук и запах. Если хочешь, включим какой-нибудь более привычный тебе пейзаж.

— Нет, на наши пейзажи я уже насмотрелась... Так выглядят леса твоего мира? — на вид ей было не больше тридцати, и я решила, что, раз она зовет меня на "ты", буду отвечать ей тем же.

— Некоторых его регионов. Это березовая роща.

Какое-то время я молча созерцала совершенную иллюзию. Листья шевелились под ветром, в траве, шурша, просеменил забавный зверек, весь утыканный иголками...

— Красиво, — резюмировала я. — Хотя в лесах под Йартнармом летом тоже недурно. Твой мир — такая же планета, как наша?

— Да, очень похожа. Чуть побольше, и сила тяжести повыше, и ваш климат в среднем мягче и теплее нашего, зато континентов у нас шесть, а не три, и ваш мир куда беднее тяжелыми металлами... Но это все несущественные различия, если сравнивать с другими мирами. Большинство планет в космосе — мертвые каменные шары. Раскаленные или замороженные, окутанные ядовитыми газами под большим давлением или вовсе лишенные воздуха...

Эта картина столь ясно представилась мне, что я поежилась; на мгновение даже показалось, что мне трудно дышать. Выходит, звезды, бриллиантами сверкающие в ночном небе, вблизи не столь уж и привлекательное место...

— Как называется ваша планета? — спросила я вслух.

— Земля.

На миг мне показалось, что надо мной издеваются.

— Но это наша планета — Земля! — воскликнула я возмущенно.

— На наших языках это слово звучит по-другому, но смысл у него точно такой же — почва, суша, антоним неба. Вполне естественно, что разные культуры, живущие на суше и кормящиеся тем, что родит почва, называют свой мир этим словом. Если где-нибудь в космосе существуют океанские формы разумной жизни, они наверняка зовут свою планету Вода.

У меня мелькнула некая мысль, но прежде, чем она успела оформиться, Валерия продолжила:

— Вообще, что бы ни говорил Джордж, между нашими культурами не так уж мало общего. Даже ваше Святое Троекнижие... ты верующая?

Я пожала плечами.

— Моя мама верующая, а доктор Ваайне говорит, что религия — дитя, рожденное от брака страха с невежеством. Я скорее согласна с доктором. Во всяком случае, Йирклой учит считать всякое утверждение ложным, пока не доказана его истинность. Не скажу, что принимаю все положения его философии, но...

— У нас похожий принцип называется "бритвой Оккама", — кивнула Валерия. — Не искать сложных объяснений там, где есть простые — а значит, ничего не принимать на веру без достаточных оснований.

— Ты тоже неверующая?

— Да, как и все наши. Стало быть, мы можем говорить, не боясь задеть религиозные чувства друг друга, — улыбнулась она. — Но в прошлые века одной из главных религий Земли — нашей Земли — было христианство, так вот у него много общего с господствующей религией Ранайи и Илсудрума. Даже понятие о Святой Троице... только вместо Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Святого Духа у вас Бог-Судья, Бог-Прокурор и Бог-Адвокат.

— Вершитель, Обличитель и Заступник, — поправила я. — И это не разные боги, а один и тот же, только в разное время. Сначала, при сотворении мира, бог принял на себя роль Вершителя. Он творил мир пять тысяч лет и утомился...

— Вот это я понимаю — пять тысяч лет! — хохотнул вдруг еще один голос. — Не то что: шесть дней — тяп-ляп и готово!

— Серхий! — сердито воскликнула Валерия. — Кудн'т йу кат офф йо транмиттэ?

— Сорри, Валерия, — ответил смущенный голос. — Ай фот ит'с офф.

— Нас слышат твои товарищи? — догадалась я. После леса, шелестящего на стенах комнаты, меня это уже не удивляло.

— Извини, Эйольта, — смутилась и Валерия, — я не предупредила тебя. Но мне казалось, ты будешь чувствовать себя свободнее, говоря со мной один на один. Если хочешь, я потребую, чтобы остальные отключились.

— Ладно, пусть слушают, — смилостивилась я. — Не придется потом рассказывать по новой. Но почему он заговорил по-ранайски? Разве он обращался ко мне?

— Нет, просто забыл выключить передатчик. И говорил он не по-ранайски, а на эспаньоле. Просто так настроены наши трансляторы... машинки для перевода... эспаньол переводится на ранайский, дойч на илсудрумский... инглиш не переводится, на нем мы общаемся между собой. Я, на самом деле, тоже говорю с тобой на эспаньоле, но не произношу слова вслух. А то, что ты слышишь — это транслятор, имплантированный в мою гортань и улавливающий ее микросокращения. Хотя говорит он моим голосом, — она улыбнулась. — Другой транслятор у меня в ухе, он переводит мне твою речь. Здорово, правда?

— Да... пожалуй, — согласилась потрясенная я. — Значит, на самом деле вы не знаете наших языков?

— Знаем, но поверхностно. Зато у нас каждый в совершенстве владеет минимум шестью нашими — инглишем, эспаньолом, франсэ, дойчем, нихонго и чжунгохуа.

— Впечатляет, — признала я. — Так на чем мы остановились? А, да — бог утомился и создал младшего брата своего, дьявола, чтобы тот довершил творение по его плану. Но дьявол возгордился и придумал свой собственный план. Оттого мир частично создан богом и частично — дьяволом, и в нем переплетаются добро и зло. Когда же бог отдохнул и увидел зло мира, он принял роль Обличителя, и стал обличать и карать. Но потом понял, что нет у мира иного заступника, кроме него, и принял свою третью ипостась. Поэтому и Святое Троекнижие состоит из Книги Вершителя, Книги Обличителя и Книги Заступника. В общем, красивая сказочка, — виновато улыбнулась я.

— Да, я читала эти ваши Книги, хотя, конечно, не целиком, — ответила Валерия. — Так вот о чем я говорю — опять же нет ничего странного в том, что у разных культур, приходящих к монархической форме правления, появляется монотеистическая религия. Что на земле, что на небе должен быть единый всевластный правитель, наделенный функцией карать и миловать. И ему нужен дьявол, чтобы было на кого спихнуть ответственность за зло и беды на подведомственной территории. И в интересах социального спокойствия такая религия должна проповедовать смирение, поощрять покаяние и благотворительность... А вот у гантруссов никогда не было монархии, поэтому у них сохранилось язычество, и их боги ругаются между собой ничуть не хуже, чем гантрусские купцы в своем правительстве.

— А ведь верно, — согласилась я. Прежде мне не приходило в голову задумываться, почему гантруссы язычники, а ииньалгдарцы — нет. Я просто считала это естественным порядком дел. Как часто привычку к некоторой вещи принимают за знание ее...

— Хочешь сока? — спросила Валерия.

— Да.

В тумбочке-столике открылось круглое отверстие, и оттуда поднялся бокал с оранжевой жидкостью. Я глотнула и с некоторым разочарованием констатировала:

— Кетналовый.

— Не любишь кетналовый?

— Люблю, но я надеялась попробовать что-нибудь ваше...

— Мы не должны разводить наши растения на вашей планете, даже в оранжереях — вдруг произойдет утечка... Это может нарушить вашу экосистему. В смысле, наши формы жизни могут повредить местным.

Валерия взяла бокал сока и для себя (я не видела, чтобы она отдавала для этого хоть какую-то команду, жестом или голосом — казалось, тумбочка просто читает ее мысли, как раньше лодка) и тоже отпила немного.

— А теперь, — сказала она, — не хочешь ли рассказать о себе?

И я начала рассказывать. Опять, конечно, не так подробно, как сейчас, но полнее, чем я излагала хардаргам. На сей раз я решила не скрывать ничего существенного. В конце концов, все, что я делала, все, через что я прошла — это было ради встречи с ними, пришельцами, и пусть они об этом знают.

Я несколько раз подкреплялась соком, и все же к концу своего повествования успела охрипнуть. От берез к тому времени уже протянулись вечерние тени.

— Ну что ж, — сказала Валерия, когда я закончила своим прыжком со скалы, — ты, должно быть, устала. Сейчас поешь и отдохни, а потом мы решим, что делать дальше.

На сей раз вся крышка столика-тумбочки ушла вниз, чтобы вернуться с полными тарелками. Обед был вполне в традициях ранайской кухни (разве что у вилки было четыре зубца в ряд, а не три вращапырку), и я уже не стала добиваться, чтобы меня накормили настоящей едой пришельцев.

В конце концов, она мне могла и не понравиться.

Пока я ела, Валерия выходила из комнаты — наверное, чтобы подготовить помещение, куда она отвела меня после обеда. Стены помещения изображали пляж на закате, волны с

негромким шелестом накатывались на песок, в вышине скользила птица, чьи белые крылья солнце подкрасило розовым, а где-то позади чуть покачивались раскидистые темные кроны пальм. Мебель состояла из кровати, столика-тумбочки и встроенного в стену шкафа. Подведя меня к двери в противоположной стене, Валерия объяснила, как пользоваться туалетом и как вымыть руки (я окончательно убедилась, что мыло у пришельцев не в ходу, поскольку вода для умывания уже сама содержит все необходимые вещества), но больше всего меня покорила кровать. Валерия вручила мне пульт управления ею. Одним колесиком можно было регулировать температуру кровати, другим — мягкость, от пуховой до гранитной; кроме того, кровать умела укачивать и умела будить в заданное время. Кровать настолько охотно подстраивалась под форму тела лежащего, что я могла бы даже спать на спине, не боясь отлежать крылья.

Проспала я, наверное, часа три. На пляже за это время наступила ночь, и взошла луна — большая, крупнее не только Лийи, но и Лла, и цвет у нее был не багровый и не голубой, а скорее серебристый; правда, его портили несколько темных пятен, словно лик этой чужой луны был поражен какой-то скверной болезнью. Незнакомое небо было беднее нашего; я поискала Глаза Твурков и не нашла ни одного.

Стоило мне встать с постели, как картина изменилась: спальню залил свежий молодой свет взошедшего солнца.

— Проснулась, Эйольта? — услышала я, едва одевшись. Неужто Валерия следила за мной все это время? Не очень-то это было приятно. Или, скорее, умная кровать сама уведомила пришельцев, что на ней уже не лежат.

— У нас к тебе просьба, — продолжала инопланетянка. — Доктор Джек Ли хочет осмотреть тебя. Это не больно и не опасно, но займет некоторое время.

— Ладно, — пожала плечами я. — Куда идти?

— Тебе покажут стрелки на стенах.

Действительно, две подвижные светящиеся стрелки возникли по обеим сторонам двери, тыкаясь в ее края. Я направилась туда, не останавливаясь — уже привыкла к тому, что двери здесь открываются сами при приближении. Бегущие по стенам стрелки проводили меня по коридору, затем по лестнице вниз, затем по недлинному полукруглому туннелю и снова наверх. Я поняла, что дома пришельцев соединены подземными ходами; зачем? Неужели не проще пройти полсотни локтей поверху? Долбить туннели в толще этого скалистого острова — должно быть, то еще удовольствие... Впрочем, я уже догадывалась, что они делали это не кирками. Уже одна дорога к причалу была тому подтверждением.

В комнате, куда привели меня стрелки, не было ни лесов, ни морей; от стен просто исходил ровный белый свет, не оставлявший теней. Там была кушетка, просунутая сквозь широкое кольцо, и какое-то узкое седло, соединенное рамой с ручками, и шкаф с огоньками, и другие странные предметы. За столом возле шкафа сидел доктор Ли; я узнала его, это был один из желтолицых, что подобрали меня на лодке. Перед ним стояло нечто вроде небольшой картины в тонкой рамке; оно было обращено ко мне обратной стороной, но я догадалась, что изображение на этой "картине" такое же подвижное, как и на стенах.

Пришелец встал, отодвинул какую-то дверцу в шкафу и протянул мне очередной стакан.

— Выпей это.

— Что это? — я подозрительно смотрела на бесцветную жидкость.

— Неважно. Это не опасно.

Я вдруг почувствовала раздражение.

— Вам, может, и не важно, потому что не вам это пить! Не буду, пока не объясните, что это и зачем!

Он удивленно поднял редкие брови, потом пожал плечами:

— Ты все равно не поймешь.

— А я все-таки попробую, — ядовито ответила я.

— Ну хорошо. Это нанозоль. В этой жидкости плавают наномашины, столь мелкие, что ты их не видишь. Когда ты ее выпьешь, они разойдутся с кровотоком по всему телу... инъекция сработала бы быстрее, но ведь лучше пить, чем колоться, не так ли? — он вдруг коротко рассмеялся, словно это был какой-то каламбур. — Ну вот, разойдутся и будут посылать сигналы о состоянии твоего организма, которые считают сканеры. Потом, сделав свое дело, они выйдут из тела... естественным путем.

Некоторые слова я не поняла, но идею уловила. И не сказать, чтобы мысль о множестве крохотных чужеродных механизмов, свободно путешествующих внутри моего тела, показалась мне привлекательной.

— Внутри любого из нас — миллиарды наномашин, — добавил Ли, уловив мои сомнения. — Но у тебя и твоих соплеменников они природные, это вирусы. Среди них, между прочим, хватает и по-настоящему опасных, которые вызвали бы болезнь, если бы не иммунная система, которая непрерывно с ними борется. А в наших телах постоянно обитают искусственные наномашины — нанохилеры. Они — наши друзья, они следят за нашим здоровьем лучше, чем естественная иммунная система. Но те, что в этом стакане — проще, они ничего не будут менять в твоём организме, просто передадут информацию и покинут тело.

— А вы уже делали это с другими аньёй? — сомнения не оставляли меня. — Может, то, что годится для вас, не подходит для нас?

— Делали, не волнуйся. Нанозонды инертны и не провоцируют иммунную реакцию. Пей.

В конце концов, он знал больше, чем я. И если пришельцы хотели причинить мне вред, у них и без того было полно возможностей. Я выпила, тщетно пытаясь ощутить в безвкусной жидкости какие-нибудь крупинки.

— Теперь раздевайся и ложись на кушетку.

Я подчинилась и улеглась на живот. Доктор Ли снова вскинул брови, потом сообразил: — Ах да, тебе, должно быть, неудобно лежать на спине. Ну хорошо, так даже лучше. Теперь подождем некоторое время.

Через несколько минут кольцо, окружавшее кушетку, ожило и медленно поехало сначала от головы к ногам, затем в обратном направлении.

— Ну что ж, Эйольта, основные показатели у тебя примерно соответствуют видовой норме, — сообщил доктор, глядя на свою "картину". — Чуть ниже температура, пульс более редкий и глубокий... оно и понятно, крылья увеличивают общую протяженность кровеносной системы и теплоотдачу... генетический анализ будет готов позже... а теперь посмотрим картину под нагрузкой.

И мне пришлось бежать на месте по перематывающейся под ногами ленте, крутить педали, сидя в седле, растягивать пружины — а главное, махать крыльями всеми мыслимыми способами. А вокруг меня на спустившихся с потолка щупальцах с заинтересованным видом висели, как я поняла, те самые "сканеры". Взлететь я, конечно, по-прежнему не могла, даже когда махала изо всех сил, но волны воздуха по лаборатории гоняла изрядные, так, что у доктора в первый же миг улетел его дисплей (таково было настоящее название "картины"), и ему пришлось использовать для этой тонкой легкой пластины специальный крепеж, применяемый, как он пояснил с усмешкой, в сейсмически опасных районах.

Наконец его любопытство было утолено, и я, разгоряченная, присела на край кушетки, обмахиваясь крыльями. Ли мурлыкал какую-то песенку, изучая то, что показывал ему дисплей.

— Ну что там, доктор? — потеряла терпение я.

— А? Все, ты можешь идти.

— Я имею в виду — вы нашли, что не так с моими крыльями?

— Не так? О, они в превосходном состоянии. Если, конечно, не считать патологией сам факт их наличия... (Ну вот, и он туда же!) В определенном смысле тебе исключительно повезло,

Эйольта — таких, как ты, должно быть, один на сто миллионов... Кости, суставы, мышцы — все полностью функционально, никаких признаков дегенерации!

— Тогда почему я не могу летать?

— Ты опять задаешь вопрос, слишком сложный для твоего уровня развития. (Черт, его снобизм начинал меня утомлять! Я не виновата, что родилась в мире, где не умеют строить звездные корабли!) Не могу же я в двух словах объяснить тебе аэродинамическую теорию, тем более что это не моя специализация. Кратко — аньюо, как и люди, — доктор указал на себя, — слишком тяжелы для самостоятельного полета. Самый крупный из летающих ящеров Земли имел крылья восьмиметрового размаха, и при этом вместе с ними весил вдвое меньше человека. Тебе понадобились бы крылья размахом в 20 метров... это примерно 45 локтей. Точнее, для вашей гравитации чуть меньше, но порядок цифр тот же.

Я попыталась представить себе подобное. Нет, конечно, жить с такими крыльями было бы совершенно невозможно. Да и вряд ли природа вообще может создать такое. Какие нужны мышцы, чтобы махать крыльями по два десятка локтей каждое?! Какое сердце, чтобы снабжать их кровью?! И сколько все это будет весить?!

— Но у меня почти получилось лететь, когда я спрыгнула с обрыва, — попыталась возразить я.

— Да, за счет набранной в падении скорости. Твоих крыльев достаточно, чтобы круто планировать с большой высоты — не более чем. Притом при приземлении либо вертикальная, либо горизонтальная скорость всегда будет слишком велика.

Что ж, должно быть, он был прав, хоть это была и "не его специализация". Но и Валерия, и Ли говорили, что на их Земле сила тяжести больше, чем на нашей. Значит, есть и миры, где она меньше? И тогда это все объясняет! Вот почему мои крылатые предки, прилетев на нашу Землю, лишились способности летать. И пусть люди — это не они, но — мысль, скользнувшая по краю сознания при разговоре с Валерией, теперь вернулась — раз они летают между звезд, они могут знать, где моя настоящая родина! И, может быть, они согласятся отвезти меня туда!

Стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, я спросила об этом Ли.

— Нет никакой "планеты крылатых", — ответил он будничным тоном, словно сообщал о погоде, а не разрушал мечту всей моей жизни.

— Откуда вы знаете?! — взвилась я. — Даже если вы там не были, это еще не значит, что ее нет! Вы что, облетели всю вселенную?

— Нет, но я знаю твой генетический код, — он повернул ко мне дисплей, по которому бежали ряды неизвестных мне символов. — Он на 99.2% совпадает с генокодом вйофна.

— И что это значит? — спросила я; слово "генетический" было мне в новинку.

— То, что твоими предками, как, впрочем, и всех остальных аньюо, были не мифические пришельцы, а вйофны. Точно так же, как предками людей были обезьяны — есть у нас такие животные, правда, бескрылые.

— Ну, знаете! — вскипела я. — Не надо считать меня совсем-то дикой! Это только северные дикари, да и то не все, верят в сказки о происхождении аньюо от животных!

Ли весело расхохотался. Я понимала, что он не старается специально меня унижить, просто ему смешно, и все же ненавидела его в эту минуту.

— Воистину, развитие идет по спирали, — смеялся он. — Конечно, представления тотемистских культур о животных-предках достаточно далеки от научной эволюционной теории, и все же эти дикари куда ближе к истине, чем ваши современные академики! — он посерьезнел. — Хочешь, я расскажу тебе, как все было на самом деле?

— Зачем, я же все равно не пойму, — передразнила его я.

— Ладно, не обижайся, — он, кажется, впервые сообразил, что его слова могут быть обидными. Выйдя из-за своего стола, он подошел и сел на кушетку рядом со мной. — Seriously, Эйольта, я не такой плохой. Просто у нас на Земле давно не придается такое значение эмоциям,

а я биолог, а не этнограф... В общем, у нас, конечно, очень мало археологических данных, но в целом нетрудно понять, как протекала эволюция вашего вида. Несколько миллионов лет назад...

— Сколько?! Разве всей вселенной не сто тысяч лет?

— Вселенной многие миллиарды, Эйольта, но если мы будем углубляться еще и в космологию, то никогда не закончим. Так вот, миллионы лет назад в результате мутации среди вйофнов появились более крупные особи. Конечно, они были гораздо меньше аньйо, но крупнее своих сородичей — а значит, и сильнее. Это давало им преимущество, они чаще побеждали в брачных поединках и чаще оставляли потомство. Среди их детей, в свою очередь, преимущество тоже получали самые большие и сильные. Развитие, таким образом, пошло в сторону увеличения размера — это вообще довольно частая эволюционная стратегия. Крылья тоже увеличивались, но практически линейно, в лучшем случае квадратично, а нагрузка на них, вместе с объемом и массой, росла пропорционально третьей степени... Так что крупные вйофны летали все хуже и в итоге не смогли конкурировать со своими мелкими сородичами. Поэтому экологическая ниша летающих млекопитающих осталась за последними, ставшими предками современных вйофнов. Насколько мы можем судить, они мало изменились с тех времен... А у крупных вйофнов не осталось другого выхода, кроме как спуститься на землю и осваивать новую для себя среду обитания. Чтобы противостоять наземным хищникам, им пришлось и дальше наращивать размеры, так что в итоге они полностью утратили способность к полету. Крылья стали не нужны и со временем атрофировались, так же, как и перепонки на ногах. В то же время одного лишь размера было недостаточно, чтобы защититься от наземных опасностей. Все равно среди хищников были слишком крупные или нападавшие стаями. Поэтому выживать стали не самые большие и сильные вйофны, а самые хитрые, додумавшиеся до координации действий с сородичами и изготовления орудий... Так развивался разум, так появились аньйо.

— А откуда же берутся крылатые?

— Атавизм, — пожал плечами Ли, — случайная мутация, активизирующая гены животных предков. У людей такое тоже бывало. Рождались, например, хвостатые, или сплошь покрытые шерстью... (Я вспомнила старуху в зверинце.) Правда, обычно атавистичные органы имеют яркие признаки вырождения. Уменьшенные размеры, вместо костей — хрящи или вовсе жировая ткань... Крылья большинства ваших крылатых тоже таковы. Твой случай — практически уникален.

— Значит, правы те, кто считает нас неполноценными, — угрюмо процедила я. — Мы всего лишь полуживотные.

— Конечно же нет! — возмутился Ли. — Животным человека... и не только человека... делает недостаток мозгов, а вовсе не избыток конечностей.

Это он, конечно, хорошо сказал... но как бы вы себя чувствовали после крушения мечты, которая вела вас через полмира? Я молча оделась и направилась к двери.

— Ладно, доктор, — обернулась я на пороге, — спасибо, что раскрыли мне глаза.

— Лучше знать, чем тешить себя несбыточной фантазией, верно?

— Да... наверное.

Я вышла в коридор. Стрелок не было. Дорогу я, правда, помнила, но возвращаться в спальню не хотелось. Что мне там делать?

— Я хочу выйти на улицу, — громко сказала я, не особо надеясь на понимание. Однако стрелки поняли, запульсировали, проводили меня в коридор с чуть наклонной стеной и сошлись на двери, которая на сей раз открылась лишь тогда, когда я до нее дотронулась. Она вела наружу, и, выйдя, я с удивлением обнаружила, что оказалась за пределами ограды поселка — лаборатория доктора Ли располагалась в одном из внешних куполов.

Был уже довольно поздний вечер. Поселок вместе со всей восточной частью острова лежал в тени горбатой спины Зуграха, но скалы континента, с которых я прыгнула, пока еще медно краснели в закатных лучах. Над скалами виднелся голубой серпик Лийи, почти

горизонтальный в этих широтах, словно некая небесная чаша. Сухая каменистая почва еще дышала впитанным за день жаром, но в воздухе уже ощущалась прохлада близкой ночи.

Я спустилась по тропинке, прошла по причалу и уселась на его дальнем конце, свесив ноги над водой. Машинально отметила, что уровень ее тот же, что и утром, хотя тогда был отлив, а сейчас начинался прилив. Как видно, эти решетчатые сваи были не просто сваями, они могли поднимать и опускать причал... Небо постепенно темнело, и вот уже на востоке зажглись Глаза Твурков. И вовсе они не похожи на настоящие глаза твурков, подумала я...

— Привет, Эйольта.

Я обернулась и увидела молодого пришельца. Кажется, это был тот коричневый, что тоже был в лодке; в сумерках он казался почти черным. На сей раз на нем не было мешковатого костюма и шлема.

— Привет, — ответила я. Мысль, что я вот так буднично говорю "привет" существу из другого мира, и меня это не трогает, мелькнула и пропала.

— Скучаешь?

— Мне только что объяснили, что мои крылья — атавизм, — сказала я, снова повернувшись к морю. — И что я никогда не смогу летать.

— Аа... понимаю.

Ага, понимает он. Крылатого может понять только крылатый...

— Послушай! — воскликнула я, озаренная вдруг новой надеждой. — Пусть у меня нет никаких предков со звезд. Но, может быть, где-то есть мир, где летать все-таки можно? Мир с малой силой тяжести...

— Увы, Эйольта. Там, где мала сила тяжести, мала и плотность атмосферы. Я имею в виду, конечно, атмосферы, состав которых пригоден для жизни. Есть, правда, некоторый разброс, но ваша планета — фактически на его краю: у вас сила тяжести меньше нашей, а плотность воздуха такая же. Поэтому здесь так много летающих видов, даже вместо собак у вас птицы... На других планетах соотношение тяготения и плотности еще хуже.

— Значит, нигде во всей Вселенной?...

— Нигде. Законы физики везде одинаковы.

— Ясно, — я снова принялась смотреть на скалы, которые теперь были красными лишь по половины — ниже их уже поглотила тень.

— Знаешь что? — сказал пришелец, — Мы можем полетать прямо сейчас.

Я гневно вскинулась, но тут же поняла, что надо мной не смеются.

— Как это? — лишь спросила я недоуменно.

— На флаере. Я пилот, меня зовут Раджив.

— Это железная птица? — догадалась я.

— Вообще-то она не железная... ну, неважно. Идем?

— Идем!

Я вскочила, и мы пошли обратно в поселок. До сих пор я не видела флаера, ибо его стоянка была скрыта за домами. Но теперь следом за Радживом вышла на ровную, тоже, наверное, как-то выплавленную площадку, посреди которой стояла чудесная птица пришельцев. Она лежала на брюхе, неожиданно широком и плоском, сложив четыре суставчатые ноги; у нее был каплевидно скругленный прозрачный нос и широко расставленные крылья, словно бы обрезанные на концах. Я потрогала правое крыло (оно было идеально гладким), затем осторожно постучала по нему — звук, действительно, не походил ни на металл, ни на дерево. В плавных линиях флаера было какое-то особое притягательное изящество, казалось, он явился на свет в результате чуда, а не был построен в неведомых мне мастерских; в тот момент, однако, я не отдавала себе отчет, чем вызвано подобное впечатление.

Сами собой поднялись слева и справа дверцы кабины; "залезай!" — скомандовал мне Раджив, указывая на правое кресло в самом носу. Сам он занял левое. Я смотрела во все глаза,

как он будет управлять летающей машиной: я ожидала увидеть перед его креслом штурвал, как на корабле, или какие-нибудь рычаги, но ничего этого не было. Просто гладкая серая панель. Раджив пристегнулся и показал мне, как сделать то же самое. Из-за крыльев сидеть пристегнутой было не слишком удобно.

— Ты уже катал когда-нибудь аньйо? — спросила я.

— Вообще-то это запрещено нашими правилами, — беззаботно сообщил пилот. — Мы должны исключить всякую возможность попадания нашей техники в руки низших культур. Но ты ведь не собираешься нападать на меня и угонять флаер, верно? Все равно Валерии отвечать перед Джорджем, так что нарушением больше, нарушением меньше...

По его тону я догадалась, что на самом деле Валерии не грозят существенные неприятности, но все же уточнила:

— "Джордж" — это название вашего правительства?

— Не совсем, — хохотнул Раджив. — Джордж Райт — это имя нашего командира.

— А где он сам? — интуитивно я догадывалась, что его нет в поселке.

— На "Дарвине". На нашем корабле.

— Том, что улетел утром? Я, кстати, все хотела спросить — почему он улетел, а вы остались?

— Нет, — улыбнулся пилот, — то, что ты видела утром — это всего лишь челночная ракета. Служит для доставки людей и грузов с орбиты на планету и обратно. А "Чарльз Дарвин", наш звездолет, во много раз ее больше. Он слишком велик, чтобы садиться на планеты, и все время находится в космосе. Так что он, можешь не беспокоиться, без нас не улетит. Но вообще-то мы действительно готовимся к отлету. Наша экспедиция здесь завершается, большинство команды уже вернулось на "Дарвин".

— Значит, я вовремя успела.

— Выходит, что так.

— И я сейчас стану первой из всех аньйо, кто поднимется в воздух?

— Именно! Ну, ты готова?

Земля ушла на несколько локтей вниз, но это еще не был взлет; флаер просто распрямил ноги. Одновременно послышалось нарастающее гудение, и я, взглянув направо, увидела, как огромное крыло, которое только что было совершенно твердым на ощупь, вдруг изогнулось и махнуло вверх, потом вниз, почти коснувшись земли. И снова, уже быстрее — вверх-вниз, вверх-вниз... К гудению прибавился новый, свистящий звук, он шел сзади, и в следующий миг неведомая сила вдавила меня прямо крыльями в кресло — спинка была мягкой, и все же я охнула. Пейзаж метнулся навстречу, пару секунд мы мчались над самой землей, затем внизу мелькнула сетка ограждения, потом, еще ниже — линия приборя, а потом в кабину вдруг заглянуло рыжее закатное солнце, высунувшееся из-за горизонта, чтобы приветствовать первую аньйо в воздухе. Мы были уже выше материковых скал.

— Я лечу! Я правда лечу! — вырвалось у меня.

— Да, и это намного удобней, чем на собственных крыльях, — уверенно заявил Раджив. — Не чувствуешь ни холода, ни ветра, ни дождя...

— Так ведь нет дождя!

— Будет, — пообещал он. — Мы слетаем в такие места, где он идет. На хорошей высоте эта птичка делает до семи М, ей нужно чуть больше пяти часов, чтобы облететь всю планету по экватору... Я хочу показать тебе радугу, какую никогда не увидишь с земли.

— Крылья уже не двигаются, — заметила я, глядя наружу сквозь прозрачную стенку.

— Да, маховый режим чаще всего используется для вертикального взлета и посадки. Теперь мы идем на реактивной тяге.

Горизонт вдруг начал заваливаться вправо; я поняла, что на самом деле накренился флаер, но совершенно этого не почувствовала — инерция на развороте прижимала меня к

креслу так, словно оно стояло на земле. Закончив левый разворот, мы очутились над скалистыми горами; озаренные закатом, они казались разметавшимся пламенем окаменевшего пожара. Сперва я увидела с высоты всю панораму, а затем Раджив снизился и промчался над изломанными вершинами так низко, что у меня захватило дух. В нижней точке он даже проскочил между каменными столбами.

— А сейчас сделаем имельман! — сообщил пилот, и в тот же миг горы начали уходить вниз, уступая место прозрачному вечернему небу. Я увидела одинокий Глаз Твурка, скользящий вниз, точно падающая звезда... а затем сверху вдруг показались перевернутые скалы. Мы летели вверх ногами! В первый миг меня продолжало прижимать к креслу, но потом я почувствовала, что повисаю на ремнях... и тут же горизонт крутанулся, возвращая нас в нормальное положение — только теперь мы летели на юг.

— Когда-то такой маневр использовался в воздушном бою, чтобы сесть на хвост противнику, — поведал Раджив.

— Бою? Значит, у вас тоже были войны?

— Мм... случалось. Голова не кружится?

— Нет.

— Это хорошо. Сейчас поднимемся повыше, где не такой плотный воздух, и наберем скорость. Здесь в темноте смотреть особо не на что. Жаль, что у вас малопопулярно ночное освещение — огни городов и дорог очень красивы сверху...

Земля удалялась, окутывалась дымкой, так что вскоре в сумерках уже невозможно было различить, где кончается океан и начинается суша; лишь кое-где слева еще розовели в последних солнечных лучах вершины холмов. Флаер слегка трянуло.

— Один М, — сообщил Раджив. — Мы преодолели звуковой барьер и летим быстрее звука.

— Тогда почему же я тебя слышу?

— Потому что звук распространяется по воздуху, а воздух в кабине летит вместе с нами.

По мере того, как мы летели вдоль побережья к югу, солнце поднималось выше: поскольку весеннее равноденствие осталось позади, день в высоких широтах длился дольше, чем в низких. Оглядываясь по сторонам, я вдруг испугалась — мне показалось, что у флаера отвалилось крыло. Лишь в следующий момент я поняла, что крылья, широко расправленные при взлете, теперь отошли назад и прижались к корпусу. Я спросила об этом Раджива, и он пояснил, что для разных скоростей оптимальна разная форма крыльев.

— Из чего они сделаны? — продолжала допытываться я. — Когда надо — твердые, когда надо — гибкие...

— Это особый полимер... По сути, одна гигантская молекула, изменяющая форму под действием электрического поля. Ах да, ты же не знаешь, что такое "молекула"...

— Ну почему это не знаю? — оскорбилась я. — Кйотн Тйаллекский еще триста лет назад в своем трактате "О структуре вещей" ввел понятие молекулы как мельчайшей частицы вещества, сохраняющей его свойства. А так как два вещества, вступая в химическую реакцию, образуют третье с новыми свойствами, очевидно, что молекулы состоят из более мелких частиц, названных атомами.

— Извини, — улыбнулся Раджив, — недооценил. А сейчас пойдем на снижение, и я покажу тебе невесомость. Отстегни ремни.

Я послушалась, и в ту же секунду внутри у меня все сладко обмерло, и я плавно взмыла над креслом. Это было потрясающе! Я пошевелила руками и ногами, словно не веря, что они ни за что не держатся. Оттолкнувшись одним пальцем от потолка, я поплыла обратно вниз. Тут же мне захотелось расправить крылья и...

— Не вздумай! — гаркнул Раджив, и я испуганно замерла. Тяжесть быстро вернулась и даже превзошла нормальную, придавив меня к сиденью.

— Сейчас бы тебя перевернуло вниз головой, а мне уже пора выводить флаер из пикирования, — выговаривал мне пилот.

— Я думала, ты можешь включить это на сколько угодно, — оправдывалась я, снова пристегиваясь.

— Нет, — покачал он головой, — когда-то люди верили, что в будущем научатся управлять гравитацией, но это так и осталось чистой фантастикой. Нет даже теоретических предпосылок для такой возможности. Так что вблизи массивных тел типа планеты свободное падение — по-прежнему единственный способ испытать невесомость.

Мы снова летели довольно-таки низко, и я рассматривала проплывающую внизу землю. В этих местах она была еще освещена вечерним солнцем, и из-за длинных теней каждая неровность, каждый бугорок рельефно выделялись на равнине. Розовели стены какого-то гантрусского города; извивалась темная лента реки — при нашем приближении она вдруг засверкала огненными искрами, и овальное пятно расплавленной солнечной меди проплыло вслед за нами от берега к берегу... Затем потянулись округлые холмы; их мягкие палевые бока казались бархатными... Затем внизу раскинулось странное черно-желтое море, словно некий чародей заколдовал океан слева от линии прибоя — то были гребни барханов пустыни Гу-Цах, вздымающиеся над собственными тенями... Только по этой пустыне, выходящей к океану более чем в тысяче миль к югу от Зуграха, я осознала, с какой скоростью мы летели!

— Ну ладно, здесь уже тоже становится темно, — констатировал Раджив. — Полетели навстречу солнцу.

И мы повернули на запад, и оранжевый диск снова пополз от горизонта вверх, а прозрачный материал кабины сам собой слегка потемнел по центру, чтобы солнце не слепило глаза пилоту.

— Славная у вас планета, — продолжал разглагольствовать Раджив. — Мы одни в бескрайнем небе, летим, куда пожелаем... Никаких тебе диспетчеров, эшелонов, встречных и поперечных бортов... А сейчас, как обещал, поищем подходящий дождик... Подожди, я запрошу метеоспутник.

Запрашивал он, однако, странно — просто молча посидел, затем кивнул: "Отлично, всего в трехстах километрах". Впрочем, я вспомнила, что благодаря приспособлениям в горле и в ухе пришельцам нет нужды говорить вслух. Хотя я по-прежнему не понимала, как они управляются с этими приспособлениями — ведь надо же их как-то переключать, чтобы не говорить все время со всеми сразу?

Вскоре показались первые облака. Мы подошли к ним с юго-востока, поэтому против солнца они выглядели не очень эффектно. Но Раджив сбросил скорость (флаер вновь расправил крылья) и облетел облака вокруг, дав мне в полной мере насладиться зрелищем. Сверху облака оказались вовсе не плоскими, как с земли; они походили на гористые острова, плывущие по небу. Их безупречно-белые кудлатые бока, просвеченные солнечными лучами, так и сияли в густой вечерней синеве. Завершая облет, Раджив направил флаер прямо в облако. Я знала, что облака — это просто большие клубы пара, и все же с трудом преодолела иллюзию неизбежности удара. Разумеется, флаер ничего не почувствовал; мы просто нырнули в застывший дым снежно-белого цвета, а через несколько секунд вынырнули с другой стороны.

Затем по курсу показались уже отнюдь не столь белые тучки, из которых сеялся дождь. Сначала Раджив прошел под ними, и прозрачный нос кабины покрылся мелкими капельками — они были куда меньше тех, что текут в дождливый день по оконному стеклу, и ползли не вниз, а вверх. Стоило нам выскочить из-под туч, как встречный воздух моментально высушил все капли. Это было так необычно — наблюдать дождь, начавшийся и кончившийся в течение нескольких десятков секунд. А затем флаер выполнил вираж, и передо мной открылось то, что обещал Раджив — радуга, которую никогда не увидишь прикованным к земле. Это была не дуга, а полностью замкнутое кольцо! Оно висело над морем, не доставая нижним краем до воды,

казалось, пары десятков локтей. Незабываемое зрелище!

Затем Раджив вновь набрал высоту и скорость, оставив облачную страну далеко внизу, и взял курс на север. Спустя какое-то время облака внизу сомкнулись, и если не знать, что это такое, возникала полная иллюзия, что мы летим над заснеженной землей.

— Вообрази себе — там, внизу, дождь, мрак, а здесь — ярко светит солнце, — подзадоривал меня пилот. — Правда, пусть его яркость тебя не обманывает. На такой высоте за бортом самый настоящий мороз, хоть мы и в тропиках.

Я недоверчиво потрогала прозрачную вогнутую стенку кабины. Она вовсе не была ледяной — пожалуй, даже чуть теплее моей ладони.

— Думаешь, она холодная? — рассмеялся Раджив. — Если бы этот материал пропускал тепло, ты бы сейчас осталась без руки — но вовсе не от мороза, а от жара. Когда флаер идет на гиперзвуковой скорости, трение о воздух раскаляет его поверхность до температур, при которых железо не просто плавится, а кипит. Долгое время это было главной проблемой скоростных полетов, пока люди не научились не просто отводить это тепло, но и преобразовывать его в энергию, используемую в работе двигателей...

Затем в тучах стали появляться просветы, их становилось все больше, небесный материк вновь распался на острова, а потом между ними проглянул и настоящий остров — загнутый подковой атолл посреди блестящего на солнце океана.

— У нас на Земле тоже такие есть, — сообщил Раджив и повел флаер на снижение. — Не устала?

— С чего бы это? — искренне удивилась я.

— Ну тогда держись — сейчас покажу тебе кое-что из аэробатики!

Двигатели почти смолкли. Флаер снижался над островом по пологой спирали, растопырив крылья и постепенно гася скорость. Несмотря на большой радиус спирали, меня основательно прижимало к креслу — на высокой скорости любое изменение курса отзывается заметной перегрузкой. Наконец, когда до воды оставалось около полумили, пилот перевел машину в прямой полет и довольным тоном объявил: — Сейчас будет бочка.

После чего горизонт закрутился, как спица в колесе — раз, другой, третий... Флаер словно ввинчивался в воздух. Причем сначала резьба этого винта была правой, а потом, когда Радживу захотелось покрутиться в другую сторону — левой.

— А сейчас делаем мертвую петлю! — посулил он, едва море и небо снова заняли причитающиеся им положения.

Горизонт снова ушел вниз, как во время имельмана, а потом показался сверху — но на сей раз не остановился, а продолжал наплывать. Вскоре море с островом посередине встало перед нами вертикально и понеслось нам навстречу. Я снова испытала завораживающее чувство невесомости.

— Не страшно? — крикнул Раджив.

— Нет! — счастливо ответила я.

Однако остров вырос в размерах, и пора было уже выходить из пикирования. Море уползло под брюхо флаера, снова показался горизонт, и вот тут на меня навалилась перегрузка. Спину рывком согнуло, и я почувствовала, как щеки оттягивает куда-то к плечам. Но это было не больно и не тяжело — просто необычно и интересно. Жаль, что передо мной не было зеркала — должно быть, видок в тот момент у меня был презабавный...

— Это было пять с половиной g, — сообщил Раджив. — Ты в порядке?

— В полном!

— Ну тогда продолжим!

Мы проделали еще несколько воздушных кувырков, бочку на вертикали, штопор и закончили вращением вокруг всех трех осей одновременно. Наконец флаер выровнялся и низко пронесся над лагуной, едва не срывая пену с волн.

— Не тошнит? — осведомился пришелец. — Хочешь, присядем на остров, отдохнем.

— Нет, — ответила я, — а что, должно?

— Гены, — констатировал он. — Память летающих предков... Из тебя бы получился прирожденный пилот.

Момент показался мне удобным, и я задала давно мучивший меня вопрос:

— Послушай, Раджив, не подумай, что я и впрямь хочу угнать твою машину... но как ты ей управляешь? Я сперва подумала — ногами, но нет, у тебя ни руки, ни ноги не двигались, когда мы кувыркались. Да и лодкой тоже...

— Долго объяснять.

— Ну что вы все заладили — долго объяснять, долго объяснять! Мы, кажется, не завтра помирать собираемся?

— Лично я — точно нет, — рассмеялся он. — Ну ладно, слушай. Рычаги и кнопки — это прошлый век. Всей нашей техникой мы управляем непосредственно с помощью мозга. Туда вживлен имплант, который преобразует нервные импульсы в сигналы выведенного под кожу приемопередатчика и наоборот. Ты знаешь, что когда ты шевелишь пальцами, или сгибаешь ногу — это все делается по команде мозга? Тут — в точности то же самое. Физически мозгу ведь все равно, куда послать сигнал — мышцам собственной руки или блоку управления флаером. Так что наша техника становится просто продолжением наших тел. Конечно, для того, чтобы управлять ей таким образом, нужно учиться — точно так же, как ты в свое время училась ходить или писать. Зато когда научишься — управляешь любой техникой так же легко, как собственными конечностями. Пилоты старины говорили, как важно чувствовать свою машину, но лишь мы знаем, что это такое на самом деле. Этот метод годится не только для транспортных средств. Например, у наших компьютеров нет клавиатур. (Я не знала ни что такое "компьютер", ни что такое "клавиатура", но не стала перебивать.) Зачем нажимать на кнопки пальцами, если то же самое можно делать мысленно? Экранами, правда, мы еще пользуемся, хотя при необходимости визуальную информацию можно выводить прямо на сетчатку глаза — в полете я так и делаю, когда мне нужно посмотреть карту или проконтролировать цифровые показатели.

— А это не больно... эта штука в мозгу?

— Нет, — хохотнул он. — Мозг вообще не чувствует боли, хоть и состоит из нервной ткани. А импланты совершенно безвредны. Это такая тонкая сеточка и микроскопический чип...

— Значит, пока тебе в голову не вставят этот имплант, научиться управлять флаером нельзя, — мрачно констатировала я.

— Ах вот куда ты метишь! — он не переставал веселиться. — Ну, ты же понимаешь, что это запрещено?

— Нарушением больше, нарушением меньше...

— Меня расстреляют перед строем! Ладно, так и быть, — он посерьезнел. — Все равно мы скоро улетим, а без флаера ты не сможешь применить эти навыки... Есть резервная система ручного управления. На случай, если выйдет из строя интерфейсный порт, или пилот получит травму головы... Только смотри не проболтайся Валерии или еще кому-нибудь! (Я горячо пообещала.) Протяни руку под панель, там кнопка.

Я нащупала круглую выпуклость и нажала. В тот же миг серая панель уползла вперед, а на ее место поднялась другая, с вертикально торчащей изящно изогнутой ручкой справа и небольшим округлым предметом, укрепленным на планшете слева. На обоих предметах были кнопки и колесики. Форма с плавными выемками под пальцы так и приглашала взять их в руки. Я взялась за ручку правой рукой и положила левую на округлый предмет (попутно попытавшись приподнять его — он не поднимался, хотя свободно ездил по плоскости). Внешним большим пальцам было не слишком удобно, поскольку предметы предназначались для человеческой руки, но остальные легли идеально. Я тогда еще не знала слова "эргономика"...

— Ручка справа управляет полетом, — объяснял Раджив. — На себя — вверх, от себя — вниз, влево-вправо — крен с разворотом в соответствующую сторону. Колесико под указательным пальцем управляет рулем направления, под средним — тягой двигателя. Шарик сверху, под большим пальцем, позволяет менять вектор тяги. Кнопка слева — включение и выключение махового режима; если он включен на земле, флаер автоматически поднимается на опоры. Остальное — изменение формы крыла и так далее — за тебя делает бортовой компьютер, он включается во взлетный режим кнопкой справа. Справа от тебя еще есть клавиши настройки режимов автопилота, но это мы учить не будем — ты же хочешь сама рулить? Манипулятор слева — мы зовем его "мышка", по традиции времен первых компьютеров — предназначен для управления оружием. Разумеется, боевой режим я отключил, но прицел можешь погонять. Вот, взгляни на ИЛС.

Повинуясь его жесту, я посмотрела вперед и увидела, что на прозрачной передней стенке кабины появилась яркая прямоугольная рамка с горизонтальными черточками и вертикальными рисками вдоль верхнего края, а также другими символами, некоторые из которых двигались или менялись.

— ИЛС — индикатор лобового стекла, — пояснил Раджив. — На самом деле, конечно, это не стекло, но название тоже традиционное... Здесь — вся необходимая тебе в полете информация: курс, скорость, высота, крен и тангаж, режим двигателя, расход топлива и еще некоторые параметры. Цвет подстраивается автоматически, чтобы было хорошо видно на любом фоне. Конечно, чтобы во всем этом разобраться, тебе придется выучить наши цифры — впрочем, их, как и у вас, всего десять, по числу пальцев... А вот прицел, ну-ка подвигай мышкой, видишь? Нажав на правую кнопку, ты могла бы открыть огонь из лучевых пушек... Впрочем, это нам ни к чему, займемся лучше пилотированием. Для начала просто попробуй вести флаер прямо. Готова? Передаю управление!

Ничего не изменилось — машина так и продолжал лететь вперед на высоте около тысячи локтей. Я просто держалась за ручку.

— Молодец, — сказал пришелец. — Флаер — птичка надежная, если ее зря не тормозить, сама делает свое дело... А теперь давай плавно наберем высоту.

Я осторожно потянула ручку на себя, и флаер послушно задрал нос. Могучая машина, способная за пять часов облететь весь мир, повиновалась легкому движению моей руки!

— Хорошо, — одобрил Раджив. — А теперь разворот вправо... Крен не вали! Вот так, двадцати градусов достаточно. Теперь пошли влево...

Мы упражнялись до темноты, и я сама сделала несколько бочек, а потом и мертвую петлю.

— Ну ладно, — сказал наконец пришелец, — пора возвращаться. Если хочешь, могу отвезти тебя домой. Там сейчас уже утро.

В первый миг я подумала, что он говорит об их базе, но, услышав об утре, поняла, что он имеет в виду мой настоящий дом. Йартнар.

Йартнар... Город, от которого меня отделяли полмира и семнадцать месяцев путешествия, а казалось — целая жизнь. Той наивной девочки, которая некогда выехала из его ворот, больше нет. Я даже не помню, когда он снился мне в последний раз.

И вот теперь Раджив предлагает доставить меня туда за какую-нибудь пару часов.

— Я хотела бы повидать маму, — сказала я. — Но потом ты возьмешь меня обратно?

— Нет, я не могу ждать тебя там, — покачал головой он. — Те инструкции, что мы уже нарушили — это ерунда, но оставаться одному на земле в обитаемом районе — это действительно опасно. Ты ведь, насколько я в курсе, даже не знаешь, где теперь живет твоя мать. Да и какой смысл? Все равно через несколько дней мы улетим.

— Ну что ж, тогда не будем терять эти несколько дней, — решила я. — Вернуться домой я всегда успею. А пока что я хочу научиться летать.

— Ты уже летала.

— Но чуть-чуть, с твоей помощью. А я хочу по-настоящему!

— Зачем тебе это? Ведь после нашего отлета у тебя уже никогда не будет возможности пилотировать флаер.

— Зачем жить, если все равно умрешь? — пожала плечами я.

Он странно посмотрел на меня. В его взгляде была жалость, но не жалость к представителю менее развитой культуры — скорее жалость к безнадежно больному. Мне аж стало не по себе от этого взгляда.

— Ладно, — сказал он, — летим на базу.

Когда мы добрались до Зуграха, там была уже глубокая ночь. Но в этой ночи поселок пришельцев сиял непривычно белыми огнями, а когда мы снизились, то увидели светящийся крест из желтых огоньков, бежавших навстречу друг другу к центру. Так обозначалась посадочная площадка. Флаер снизился, сбросил скорость и замахал крыльями. Через несколько секунд он мягко опустился на выдвинувшиеся опоры, которые затем плавно сложились. Дверцы поднялись, впуская в кабину ночную прохладу. Только выбравшись наружу, я почувствовала, как затекли крылья; я с трудом расправила их, преодолевая ноющую боль. Но все равно, я была счастлива! Я летала, и буду летать снова. Пусть и не так, как это представлялось в моих мечтах... Мне не хотелось думать о том, что будет, когда пришельцы покинут планету. Как говорила Шайна, если случится что-то хорошее — помни, что это просто случайность, которой надо радоваться, пока она есть.

Я задрала голову и посмотрела в усеянное звездами небо.

— Какая из них ваше солнце? — спросила я Раджива.

— Отсюда его не видно, — ответил он. — Только в телескоп.

— Оно так далеко?

— 118 световых лет. Да, тебе же это ничего не говорит. Ну вот представь: свет — самое быстрое, что есть во вселенной. Для того, чтобы обогнуть вашу планету по экватору, ему потребовалась бы всего одна восьмая секунды. А от нашей Земли до вашей он летит 118 лет. наших лет; ваших поменьше, поскольку они на 26 дней длиннее. Но порядок можешь оценить.

Я попыталась прикинуть в уме и запуталась в разрядах. Но число получалось чудовищным.

— Кажется, это кошмарно далеко, — сказала я. — Но погоди, ты сказал, свет быстрее всего во вселенной? Значит, быстрее и вашего корабля?

— Да, хотя в точке максимального разгона — не так уж много.

— Сколько же лет вы летели?! — я посмотрела на его темный силуэт с ужасом.

— Все не так страшно, — я не различала в ночи выражение его коричневого лица, но чувствовала, что он улыбается. — На больших скоростях время на борту замедляется... это действительно долго объяснять, так что на сей раз просто поверь. По бортовому времени самый дальний наш перелет длился только пять с небольшим лет... На самом деле, по космическим меркам мы почти соседи, — продолжал Раджив. — Нам повезло, что ваше звездное скопление — мы зовем его Гиады — находится так близко от Солнца. А вам повезло куда больше. Когда вы построите собственные звездные корабли, вам будет что исследовать. Почти четыре сотни солнц — и все это в области диаметром в каких-то пятнадцать световых лет...

— Глаза Твурков? Медленные звезды?

— Да, так вы их называете... Точнее, так вы зовете самые яркие и близкие из них. Ну вот, я живу здесь, — он остановился возле одного из кубических строений. — Найдешь дорогу к дому Валерии?

— Я нашла дорогу к вам через полмира, — ответила я с достоинством. Раджив рассмеялся.

По освещенной овальными лампами дорожке я прошла к знакомому домику; дверь,

после секундной задержки, впустила меня внутрь.

— А, Эйольта, — услышала я голос Валерии, — входи.

В комнате, где состоялся наш первый разговор, вновь стоял солнечный день, но пейзаж поменялся: зеленый луг был усеян красивыми желтыми цветами, по одной из стен струилась прозрачная речка, а выше по течению шумел невысокий водопад. Над водой порхали насекомые с длинными прозрачными крылышками. Валерия сидела у столика, глядя на дисплей. Заглянув сбоку, я заметила, как по дисплею буква за буквой ползут строчки.

— Значит, вернулась? — спросила она, не отрываясь от своего занятия.

— Ты ведь позволишь мне остаться? — спросила я с испугом.

— Вообще-то это против правил, — заметила она. — Но, в конце концов, это всего на несколько дней, за это время ты все равно не узнаешь ничего такого, что исказило бы развитие твоей цивилизации. Так что, из уважения к проделанному тобой пути... Кажется, ты единственная, кто проявил такую настойчивость ради контакта с нами.

— Мне показалось, вы тоже не очень-то стремились к контактам, — заметила я, присаживаясь на диван. — Общались все больше с правителями и губернаторами...

— Так и есть, — признала Валерия. — Это в интересах обеих сторон. Мы не имеем права слишком активно вмешиваться в вашу жизнь, чтобы не повлиять на естественное развитие общества. Если бы, к примеру, какие-то из наших технологий попали в руки к вам прежде, чем вы достигнете достаточного уровня ответственности для их использования, это могло бы привести к катастрофе. С другой стороны, ваши правители тоже опасаются дестабилизировать ситуацию. Вообще, всему свое время. Аньйо еще не дозрели до межзвездного уровня. Для вас собственная планета — и та еще слишком велика, вы мыслите категориями наций, а чаще и вовсе отдельных провинций и местечек. Все, что за их пределами, для вас слишком чуждо, чтобы быть по-настоящему интересным.

— Может быть, неплохо и нас спросить, прежде чем решать, что нам интересно, а что нет? — обиделась я.

— Я имела в виду — в среднем, — Валерия, наконец, повернулась в мою сторону и улыбнулась. — Ты, конечно же, исключение.

— А губернаторы?

— Для большинства из них мы — лишняя обуза. (Я вспомнила войска, которые нагнали в Лланкеру.) Но к ним стекается информация, в их ведении архивы и библиотеки, так что от них получать знания о вашей культуре куда удобней, чем если расспрашивать каждого неграмотного крестьянина. Хотя мы общались и с простыми аньйо из разных стран — выборочно, разумеется. И с тобой еще побеседуем, раз уж ты здесь, — она снова улыбнулась. — Утром, а сейчас ты, наверное, хочешь поужинать и отдохнуть. Иди в свою комнату, а я еще поработаю.

— Когда же ты спишь? — поинтересовалась я.

— Нам нужно не более трех часов сна в сутки.

Буквы, остановившиеся было, вновь побежали по дисплею. Наверное, она писала статью, мысленно нажимая на кнопки, как рассказывал Раджив. Глядя на эту увлеченно работавшую женщину, я вдруг подумала, что она совершенно не похожа на задерганную молодую мать, готовую по первому крику вскочить и бежать к своему ребенку. Конечно, я догадывалась, что с помощью техники пришельцев она может услышать его плач даже из другого помещения, но все равно, проще было бы поставить колыбель здесь же... Впрочем, может быть, она, подобно многим богатым аньйо, сразу после родов передала младенца кормилице?

— Валерия, а можно вопрос?

— Да? — она продолжала печатать текст.

— Твой ребенок здесь, в поселке?

— Ребенок? — удивилась она. — У меня нет детей.

— О, прости, я не знала, что он умер...

— Да нет же, у меня никогда не было детей! Мне это не нужно и не интересно, — она вновь обернулась в мою сторону. — С чего ты вообще взяла?...

— Но... как же твоя грудь...

— Ах это, — улыбнулась она. — У женщин нашей Земли груди вырастают не только на время вскармливания. Они формируются в юности и остаются на всю жизнь.

— На всю жизнь?! Бедные, — искренне посочувствовала я. — Всю жизнь таскать на себе эти несуразные жировые мешки! Как это ужасно неудобно, да и некрасиво к тому же... А от них нельзя как-нибудь избавиться медицинским путем?

— Ну, кое-кто мог бы сказать нечто подобное и про твои крылья, не так ли? — усмехнулась она.

— Извини, — смутилась я. — Я не хотела тебя обидеть.

— Я не обиделась. Мы вообще не имеем такого обыкновения. Просто поясню тебе, что у разных видов разные физические особенности. У ваших мужчин широкие носы, а у наших женщин большие груди.

— Да, но... широкий нос все же доставляет гораздо меньше неудобств, — непреклонно заметила я.

— Вообще-то ты права, — неожиданно согласилась Валерия, — на Земле довольно многие женщины предпочитают избавляться от груди. Особенно из тех, что выросли после... неважно. С тех пор, как нанохилеры хранят нас от рака, это вопрос исключительно эстетических предпочтений. Я воспитана на классическом искусстве, где грудь вовсе не считалась некрасивой, — она вновь улыбнулась. — Но я не отрицаю и новую эстетику. Каждому свое.

Что ж, эстетика и впрямь во многом — вопрос привычки. Так, поначалу розовая кожа Валерии показалась мне отвратительной, как освежеванная туша, но теперь я уже почти не обращала на это внимания. Конечно, об этом я ей говорить не стала, хоть она и сказала, что обижаться не в их правилах...

Наутро Валерия и впрямь довольно долго расспрашивала меня о подробностях жизни в Йартнаре, интересуясь даже, казалось бы, совсем неинтересными для пришельцев со звезд бытовыми мелочами. Когда, однако, я попыталась вознаградить себя за этот скучный рассказ, расспросив ее в ответ о Земле людей, Валерия отвечала коротко и уклончиво, норовя перевести беседу на природу, флору и фауну своей планеты. Это тоже было интересно, тем более что она иллюстрировала свои слова, выводя на стены комнаты то амазонские джунгли, то эвкалипты Австралии, то просвеченный солнцем подводный мир Средиземного моря — но все же я предпочла бы больше узнать и о самих людях. Однако приходилось довольствоваться тем, что мне рассказывали.

Потом я спросила, где мне найти Раджива. Валерия сказала, что сейчас свяжет меня с ним, и через несколько секунд в помещении зазвучал его голос: "Привет, Эйольта. Что, не терпится прокатиться? Можешь пока пройти на стоянку, я скоро буду."

Я вышла на улицу, шагнув из свежей прохлады помещения в сухой горячий воздух северогларцуского полудня. Солнце палило немилосердно, и мир вокруг плавал в дрожащем мареве, а на блики блестящего корпуса флаера невозможно было смотреть, не щурясь. Флаер и не подумал открыть мне дверцы, так что, если бы я и впрямь задумала его угнать, у меня бы ничего не вышло. Однако торчать в ожидании на солнцепеке было немногим приятнее, чем сидеть в духовке. Тени в этот час почти не было; так как в наземном положении крылья машины располагались слишком низко, чтобы спрятаться под ними, я прикрылась от солнца своими собственными.

Вскоре показался пилот. Как и во время первой нашей встречи на лодке, он был в мешковатом комбинезоне и прозрачном круглом шлеме. Однако, когда мы залезли в кабину, он снял шлем и бросил его на заднее сиденье.

— Зачем вам эти костюмы? — спросила я. — Вчера ведь мы летали без них.

Кажется, он хотел опять ответить, что это долго объяснять, но, взглянув на меня, рассмеялся и передумал.

— То было вечером, — сказал Раджив. — Все дело в магнитном поле. У вашей планеты оно слишком слабое, даже не покрывает ее целиком, а лишь отдельные районы... Из-за этого уровень солнечной радиации, ну, вредных частиц, которые прилетают вместе со светом, в несколько раз выше, чем на нашей Земле. Вы-то к этому адаптировались, вам, в некотором роде, это даже пошло на пользу — из-за высокой радиации у вас больше мутаций, а значит, быстрее протекает эволюция. Ваша планета, как и вся система Бруно, моложе нашей, однако жизнь здесь уже достигла того же уровня развития... А для нас ваше солнце смертельно опасно, оно может нарушить работу не только естественных систем организма, но даже нанохилеров. Корпус флаера, как и стены домов, защищает от радиации, но на открытом воздухе днем нам нужны защитные костюмы.

"Мутации, — подумала я. — Доктор Ли сказал, что мои крылья — тоже мутация."

— Вот, значит, почему ваши дома соединены подземными туннелями, — сказала я вслух. — Чтобы лишний раз не выходить на солнечный свет.

— Да.

— А что такое система Бруно?

— Бруно — так мы назвали ваше солнце, — пояснил Раджив. — Вы — первая инопланетная цивилизация, открытая нами, поэтому вашей звезде мы дали имя астронома, который первым отстаивал идею множественности обитаемых миров. Это было много столетий назад; его... Ладно, полетели.

Мы промчались над ослепительно сверкающим морем и углубились, как выразился Раджив, "в воздушное пространство Гантру". Вот уж что не пришло бы в голову гантрусским правителям, так это что у них, помимо земли и территориальных вод, есть какое-то воздушное пространство. "Для птиц нет границ", как гласит старинная поговорка.

В тот день мы летали больше трех часов, хотя, когда Раджив сказал мне об этом, я поверила с трудом — настолько незаметно промелькнуло время. Тем не менее, цифры на ИЛСе, которые я уже научилась читать, показывали, что топливо кончается, и пора возвращаться. На обратном пути Раджив даже позволил мне разогнаться до сверхзвука, предупредив, чтобы я держала курс строго прямо и не дергала ручку почем зря. Впрочем, бортовой компьютер не позволил бы мне превысить допустимую перегрузку.

На третий день мы с Радживом, залетев подальше от поселений, тренировали посадку. Уменьшить тягу, снизиться и перейти на маховый режим было не трудно; куда сложнее оказалось опустить флаер в намеченной точке. С первой попытки я проскочила лишние три сотни локтей. В той ровной каменистой пустыне, которую мы избрали своим полигоном, это не имело значения, а вот при попытке уместиться на маленькую площадку, выплавленную в скалистом склоне Зуграха, я бы при таком заходе наверняка разбилась. В следующий раз, пытаясь учесть свою ошибку, я, естественно, не долетела, и пришлось дотягивать до цели на бреющем полете в маховом режиме, в котором машина управлялась сложнее, чем на реактивной тяге. Раджив, однако, продемонстрировал, что под управлением опытного пилота машущий крыльями флаер может творить чудеса — не только зависать над точкой и разворачиваться на месте, но даже двигаться хвостом вперед. Впрочем, заметил он мне в утешение, с помощью мозгового импланта все это проделывать намного легче, чем с помощью ручки. К тому моменту, как мы взяли курс на базу, у меня уже получалось заметно лучше, хотя, конечно, посадку на Зуграхе Раджив мне не доверил — и был прав.

На четвертый день с севера прилетел еще один флаер. На нем прибыли зоологи, изучавшие фауну Йертаншехе. Их было шестеро, и у главного была борода, словно у воцумаки! Когда они, в своих защитных комбинезонах, выбирались из кабины, я ожидала, что они будут

вытаскивать шкуры и чучела животных или, может быть, даже живых зверей в клетках. Но весь их багаж состоял из плоских серебристых чемоданчиков. Обо мне, благодаря радиосвязи, они уже знали, но все же приставать прямо к ним, нарываясь на очередные "неважно" и "долго объяснять", я не решилась и спросила Валерию, почему они не привезли образцы. "Они привезли образцы четырех сотен видов, — улыбнулась инопланетянка. — Просто нам нет нужды брать для этого целых животных. Достаточно их генетического кода, по которому впоследствии можно воссоздать живой организм."

Вообще же прибытие новой группы вызвало оживление, пришельцы, проводившие врозь многие месяцы, предпочитали общаться друг с другом, и всем, включая Раджива, было не до меня. Когда же я наконец отловила пилота, он огорошил меня новостью:

— Мы улетаем сегодня вечером.

— Все? — только и спросила я, чувствуя, как похолодело внутри.

— Пока нет. Будет два последних рейса челночной ракеты. Первый заберет нашу группу. Второй, через три дня — прибывших сегодня зоологов, им еще нужно некоторое время, чтобы подвести итоги своей работы и демонтировать базу. Так что тебе пора возвращаться домой.

— А у меня уже почти начала получаться посадка...

— Что делать, Эйольта, не можем же мы из-за тебя менять график экспедиции. Я и так пошел ради тебя на серьезные нарушения инструкций.

— А можно я останусь еще на три дня?

— Если упросишь Робера, лидера йертаншехской группы. Я в любом случае улетаю сегодня.

— А я могу упросить их пилота...

— Вряд ли. Вальтер родился со встроенным знанием устава. И не вздумай сказать ему, что я учил тебя. Ты обещала.

— Вы пролетели 118 световых лет, а у нас пробыли неполных два года, — вздохнула я.

— Нас ждут другие звезды Гиад.

— Значит, отсюда вы полетите не на свою Землю?

— Пролететь такое расстояние, чтобы исследовать лишь три системы, и впрямь было бы расточительством, — улыбнулся он. — Ну ладно, время идет, ракета скоро прибывает. Советую тебе вернуться со мной в Йартнар. Учти, даже если ты уговоришь Робера, Вальтер не обязан доставить тебя домой. И скорее всего, он откажется пустить тебя во флаер, так что тебе опять придется добираться через полмира своим ходом.

— Мне не привыкать, — невесело усмехнулась я.

На самом деле я вовсе не собиралась домой. Я уже тогда обдумывала, как мне пробраться на ракету. Я не была уверена, что действительно хочу улететь с пришельцами, которые оказались вовсе не моими крылатыми братьями, а посланцами совершенно чужого мира — улететь навсегда, чтобы провести всю свою жизнь среди чужаков. Но... родная планета тоже не очень-то признавала меня за свою. И чудеса техники людей завораживали... особенно флаер. Оказавшись на их корабле, я получила бы последний шанс все уточнить и обдумать. И, может быть, вернуться с последним рейсом ракеты.

Я даже не стала говорить с Робером, чтобы лишний раз не привлекать внимания. Пользуясь тем, что днем люди избегали выходить из своих домов без необходимости, я отправилась в одиночестве обследовать остров, в особенности его западную сторону, куда должна была сесть ракета. Ее посадочная площадка была во много раз больше флаерной и огорожена такой же проволочной сеткой, как и поселок. Я понимала, что туда лезть не стоит — окажись я слишком близко от места посадки, меня просто испепелит. Однако, полазив вдоль длинного каменного горба, делившего остров на восточную и западную части, я отыскала — даже не грот, скорее трещину в скале, полуприкрытую чахлыми колючими кустиками. Я с трудом протиснулась внутрь, распугивая ящериц и обдирая сложенные крылья об острые

каменные выступы; убежище было не самым удобным, зато отсюда открывался прекрасный обзор посадочной площадки, а меня было бы проблематично заметить снаружи, если только не искать специально.

Меня, однако, никто не искал. За эти дни я верно уловила отношение ко мне большинства пришельцев — мне не желали зла, пожалуй, я заслужила даже определенную их симпатию тем энтузиазмом, с которым добиралась сюда, но в общем-то с тех пор, как Валерия и Джек Ли удовлетворили свое научное любопытство, им не было до меня дела. Они бы защитили меня, если бы мне грозила опасность у них на глазах, однако, не видя меня, они едва ли обо мне вспоминали, тем более в предотлетной суе. Просто одна из миллионов аборигенов, любопытный случай атавистической мутации, и не более чем. Пожалуй, на общем фоне несколько выделялся только Раджив — еще с того момента, как пришел утешить меня на причал. Думаю, в этом было что-то вроде братства — я была крылатой по рождению, он — по профессии; к тому же ему нравилось, что я оказалась способной ученицей. Но даже для него я была всего лишь представительницей низшей культуры, не ровней покоряющим звезды людям...

Правда, что я сразу почувствовала — если пришельцы и относились ко мне свысока, то лишь из-за разницы в развитии между нашими мирами. Никому из них и в голову не приходило считать отягчающим обстоятельством мою половую принадлежность. Похоже, что и при общении друг с другом они совершенно не обращали внимания, кто какого пола. Это я оценила.

Я просидела в своей засаде несколько часов; все тело ныло от неудобной скрюченной позы, вдобавок было жарко и хотелось пить. Наконец, незадолго до заката с неба донесся раскатистый гул, и несколько минут спустя я увидела ракету, опускающуюся на четырех огненных столбах. Из корпуса высунулись и растопырились четыре могучие опоры, над площадкой взвились вихрями облака пыли. Ну и ревели же вблизи ракетные двигатели! Я заткнула уши, и все равно собственная голова казалась мне барабаном, по которому лупят колотушками; зажатая в расщелине, я всем телом чувствовала дрожь скалы. Да, недаром пришельцы выстроили свой поселок по другую сторону острова... Но вот, наконец, опоры ткнулись в гранит, принимая на себя вес летающей башни, и двигатели смолкли.

Затем на высоте в добрые сорок локтей, над двигательным отсеком, открылись люки, и из того из них, что справа, выдвинулся и начал опускаться на тросах подъемник. Я ожидала увидеть на его широкой платформе прибывших людей, но она была пуста. На ракете никто не прилетел — ею управлял бортовой компьютер. Я уже почти собралась сделать марш-бросок от своего убежища до подъемника, когда справа внизу послышались шаги сразу многих ног. Я вновь притаилась и вскоре увидела направляющуюся к ракете в обход горба Зуграха процессию.

И это была самая странная процессия, какую я видела в своей жизни! Она состояла не из людей, и уж тем более не из анью. Деловита клацая суставчатыми лапами по камням, к ракете гуськом двигались шестеро существ, больше всего походивших на гигантских пауков. Но если у паука имеются только ноги, то у этих были еще и щупальца, при помощи которых они удерживали на своих плоских, как стол, телах серебристые контейнеры. При их приближении в ограде площадки открылся проход. Дойдя до опущенного подъемника, они принялись устанавливать свою ношу на его платформу. Избавившись от груза, каждый паук отправлялся в обратный путь.

Тут, наконец, глядя на размеренное однообразие их движений, я сообразила, что это — не живые существа, а машины пришельцев. Прежде я их не видела, но двери открывались передо мной далеко не во всех помещениях поселка. Знай я тогда о потенциальных возможностях человеческих компьютеров и роботов, я бы вряд ли решилась выдать им свое присутствие; но мое представление о машинах ограничивалось заводными игрушками, выставленными в йартнарском королевском музее, и я была уверена, что всякая машина, даже если она может ходить, совершенно тупа. Поэтому, догадываясь, что погрузка вот-вот закончится и подъемник уедет, я выскочила из своего укрытия и вприпрыжку помчалась вниз по

склону.

Забег был не хуже, чем когда я спасалась от твурков, доложу я вам. Как я умудрилась ничего себе не сломать и не вывихнуть, прыгая с камня на камень и съезжая по осыпающемуся щебню — до сих пор удивляюсь. И все же я опоздала. Последний многоногий грузчик уже семенил в сторону поселка, и платформа подъемника с тихим гудением поползла вверх. В несколько скачков преодолев оставшиеся локти, я изо всех сил взмахнула крыльями, прыгая вверх. Мне удалось уцепиться пальцами за край поднимающейся платформы.

Но дальше лезть было некуда. Контейнеры стояли слишком близко к краю. Перебирая руками, я двинулась вправо, но, добравшись до угла, уперлась в высокий ограждающий бортик. Очевидно, такой же бортик был и с левой стороны платформы. Когда я бежала, то не разглядела их — мне было не до этого.

Платформа продолжала подниматься, и мне ничего не оставалось, кроме как висеть на краю, цепляясь согнутыми пальцами. Впервые я пожалела, что мои руки устроены не как у людей — все-таки на восьми пальцах висеть было бы легче, чем на шести. Подъемник еще немного погудел и замер. Вообразите себе мое положение! Я висела в сорока локтях над гранитной площадкой, понимая, что долго мои пальцы не выдержат — к тому же от напряжения они покрылись потом и могли соскользнуть даже раньше, чем разожмутся. Я беспомощно оглянулась через плечо в сторону поселка. Увы — на этой высоте он все еще был скрыт от меня каменным горбом, а значит, и пришельцы не могли меня видеть, даже если бы им пришлось в голову выглянуть из своих лишенных окон (зачем окна, если есть видеостены?) домов. Я догадывалась, что они покинут свои жилища только после заката. "Помогите!" — пискнула я, все еще надеясь, что кто-нибудь живой есть в ракете. И меня, казалось, услышали — платформа поползла вперед, втягиваясь в люк.

Но это была все та же автоматика. Уйдя внутрь на полную глубину, платформа остановилась. Теперь я висела рядом с боком ракеты, скользя по нему ногами и концами крыльев в тщетной попытке за что-нибудь зацепиться — увы, обшивка была совершенно гладкой, как и у флаера. Неужели я проделала весь свой путь, чтобы погибнуть настолько идиотски?! И ведь, главное, сама прыгнула на эту чертову платформу...

Сверху послышалось знакомое паучье клацанье, затем звук сдвигаемого контейнера. Такие же роботы, только прилетевшие на ракете, занимались разгрузкой. И они действительно были тупыми машинами. Я могла сколько угодно звать на помощь — они не были обучены такой ситуации, как спасение инопланетного существа, висящего на руках на краю подъемника и что-то орущего на неизвестном языке. Но я продолжала кричать, ибо это отвлекало от боли в пальцах. Вот, судя по звуку, потащили второй контейнер... третий...

Не знаю, как я дотерпела до момента, когда сдвинулся мешавший мне ящик. Он стоял с краю, и, естественно, очередь до него дошла последней. С каким-то нутряным стоном я подтянулась. В последний миг моя левая рука все же соскользнула, но за долю секунды до этого я уже успела закинуть наверх левую ногу и крыло. Еще одно мучительное усилие — и я была в безопасности.

Разогнуть пальцы я смогла далеко не сразу. Я почувствовала на языке солоноватый вкус крови и с удивлением поняла, что у меня прокушена губа. Но это все было уже не столь важно. Я была в ракете, и надо было подыскать убежище. Слыша впереди шаги последнего "паука", я пошла на звук и, пройдя через широкие двери, оказалась в грузовом отсеке.

Отсек был немаленький, напоминая внутренность средней величины церкви — но, конечно, объемом и цилиндрической формой сходство исчерпывалось. С пола до потолка тянулись стержни с укрепленным на них на разной высоте кронштейнами; эти кронштейны удерживали контейнеры. Ракета могла взять куда больше груза, чем доставили на нее сейчас, так что отсек казался почти пустым. Все, что мне оставалось — это зайти за контейнеры и присесть за ними, но выглядело это примерно так, как попытка спрятаться посреди чистого

поля, зайдя за ствол одинокого дерева.

Я слышала, как закрылись двери отсека, и наступила полная тишина. Хуже того, погас свет. В самом деле, зачем тратить энергию, освещая нежилое помещение? Однако не могу сказать, чтобы в этой тьме и тишине я скучала. Мною владело слишком сильное сильное возбуждение при мысли о пережитом и особенно предстоящем. Ведь я готовилась к первому в истории аньйо полету в космос! Правда, надо признаться, долгое ожидание все же начинало надоедать.

Внезапно открылись двери, и вспыхнул свет. Я сжалась за контейнером, стараясь не дышать. Что-то сразу подсказало мне, что это не роботы с очередным грузом.

— Эйольта! — услышала я голос Раджива.

Ну вот вам и полет в космос! Ему достаточно сделать всего несколько шагов, чтобы увидеть меня. В отчаянии я подумала, что если он решит меня высадить, я пригрожу, что расскажу его коллегам о наших запрещенных инструкциями уроках летного дела.

— Эйольта, я не вижу тебя, — продолжил человек ироничным тоном. — Я хочу, чтобы моя совесть была чиста, когда я буду докладывать моему командиру, что не знал о твоём наличии на борту. Хотя деться с острова тебе было некуда. Но хочу предупредить тебя, что при взлете будет около четырех g в течение пяти минут. Это переносится куда тяжелее, чем те секундные перегрузки, что ты знаешь по фигурам пилотажа. Так что постарайся устроиться поудобнее. Старт через двенадцать минут.

Он, должно быть, повернулся, чтобы уйти, и уже шагнул прочь, но остановился и добавил:

— А вообще — зря ты все это затеяла. Джордж не позволит тебе остаться. Скорее всего, он даже не выпустит тебя из ракеты. В шлюзе работает система контроля на чужеродную органику — вирус не проскочит, не то что ты. Так что лучше вылезай, я все еще могу отвезти тебя домой. А вернусь вместе с зоологами.

Он еще немного постоял, ожидая, должно быть, моей капитуляции. Затем послышался его смешок:

— Честно говоря, я бы тоже не вышел.

И двери вновь сомкнулись.

Я легла на живот, прижавшись щекой к прохладному полу, и стала ждать. Казалось, прошло уже полчаса, а то и минут сорок — но вот снизу раздался глухой гул, заставлявший мелко вибрировать герметичные переборки. Я подумала, что мы уже летим, и успела удивиться, что не чувствую перегрузки — и вот тут-то меня вдавило в жесткий пол. Поначалу это было даже забавно — чувствовать отяжелевшие конечности, крылья, которые навалились на спину, словно сделавшись чугунами... но вскоре я почувствовала то, о чем говорил Раджив. Дышать стало трудно из-за сдавленной грудной клетки, да и сердцу не слишком нравилось гонять кровь, потяжелевшую более чем вчетверо (g ведь соответствует человеческой, а не нашей силе тяжести). К тому же лежать прижатой к твердой плоскости пола было попросту больно.

Но вот, наконец, тяжесть схлынула, точно река, возвращающаяся в нормальное русло после паводка. Я села на полу, думая, что у меня, должно быть, все тело в синяках. Конечно, я тут же сказала себе, что это ерунда — главное, я в космосе, я лечу! Однако по мере того, как новизна этой мысли блекла, мне становилось скучно. Сознание говорило, что я переживаю самое невероятное приключение в истории аньйо, а чувства возражали, что я просто сижу в полной темноте среди каких-то ящиков, и это ничем не отличается от простого сарая где-нибудь в Ранайе. Или, скажем, в Илсудруме. На мгновение мелькнула жуткая мысль, что и пришельцы, и все остальное мне просто приснилось, а на самом деле я нахожусь на портовом складе, куда забралась после бегства из зверинца. Я испуганно ощупала свои ноги, но, обнаружив на них гантрусские кожаные башмаки вместо матерчатых туфель, успокоилась.

Но все-таки не могла же я сидеть так до бесконечности, так что, не выдержав, я пошла

ощупью в направлении дверей. Довольно долго я шарила по стенам в темноте, прежде чем мне попала какая-то квадратная кнопка. Я нажала на нее, не особо задумываясь о возможных последствиях; но она сделала то, на что я и надеялась — открыла двери, и я вышла на освещенную площадку, примыкавшую к грузовому люку. Наверх уводила крутая винтовая лестница, обвивавшаяся вокруг толстой цилиндрической трубы с дверью. Возле двери была кнопка; я нажала на нее, и та засветилась, но больше ничего не произошло. Я чуть подождала и разочарованно двинулась в сторону лестницы, но тут дверь почти беззвучно уехала вбок, впуская меня в круглую кабину. Внутри не было ничего интересного, кроме нескольких кнопок одна над другой; рядом с каждой шла надпись на человеческом языке. Я нажала верхнюю; дверь тут же закрылась, и я почувствовала, что поднимаюсь. Через несколько секунд кабина выпустила меня на новой площадке; там тоже была дверь, и мне ничего не оставалось, как нажать на кнопку рядом. Почему-то в ракете, в отличие от базы, все эти двери отличались редкостным упрямством и не желали открываться при одном лишь моем приближении.

А эта не открылась даже после кнопки. Вместо этого раздался удивленный голос: "Ху зе хелл из ит?!"

— Это я, Эйольта, — сказала я по-ранайски, ожидая любой реакции.

Но наступила просто тишина. Я уже подумывала, не нажать ли на кнопку еще раз, когда дверь вдруг поехала в сторону. За ней был открытый космос! Чернота неба, усеянного звездами гуще, чем в самую ясную ночь, и в этой черноте ярко светился огромный голубой полумесяц. Ученые аньйо, измерив давление на уровне моря и в горах, давно сделали вывод, что на большой высоте воздуха слишком мало для дыхания, да и Раджив подтвердил это во время наших полетов. Я задержала дыхание и в ужасе отпрянула. Но уже в следующий миг поняла, что передо мной — такая же иллюзия, как и живые пейзажи на стенах человеческих домов.

"Ну входи, раз уж ты здесь", — услышала я и последовала совету.

Посреди космоса стоял круглый стол, на котором мягко светились дисплеи. Вокруг стола располагались шесть одноногих кресел; три из них, через одно, пустовали, в остальных сидели Раджив и двое пришельцев, с которыми я прежде виделась на базе, но общалась мало — розовокожий Серхий и желтокожая Кирико. Я подошла к ним, неуверенно ступая по распростертому под ногами звездному небу.

— Ну и ну, — продолжал Серхий, повернувшись вместе с креслом в мою сторону. — У нас на борту заяц. Прямо как в советских фантастических романах. Я предупреждал Валерию, что за девчонкой нужен глаз да глаз.

— Вам следовало выставить охрану при погрузке, — виновато улыбнулась я.

— Мы это учтем, — пообещал Серхий. — Вот что значит один раз нарушить инструкцию, допустив инопланетянина на базу. Вся система безопасности летит к чертям. Ну что, коллеги, выкинем ее в космос прямо сейчас, или подождем, пока Джордж спустит с нас шкуры?

— Серхий, — поморщилась Кирико, — не пугай ребенка.

— Я не ребенок! — оскорбилась я. — Мне почти шестнадцать. И после всего, через что я прошла, меня не так легко напугать. Если бы он и вправду хотел причинить мне зло, он бы сказал вам об этом на английском.

— Сильна, — восхитился Серхий. — Раджив, сознайся, твоя работа?

— По-твоему, я уже не понимаю разницы между флаером и челночной ракетой? — возмутился пилот, на мой взгляд, чересчур бурно.

— Раджив тут ни при чем! — заверила я их. — Я сама.

— Это вы Джорджу будете рассказывать.

Я решила изменить направление разговора.

— Так выглядит Земля из космоса? — спросила я, указывая на голубой серп. — Красиво.

— Нет, — ответил Серхий, — это Лийа. Твоя Земля вот, — он показал себе под ноги.

Теперь я уже и сама видела свою ошибку — сквозь голубизну проглядывали очертания гор и круглых кратеров, совсем не похожие на знакомую мне географическую карту. Но где же Земля? Под столом я видела только черноту. И лишь взглядевшись, различила, что она чуть светлее, чем космос вокруг, и лишена звезд, а с дальней от меня стороны стола ее очерчивает тоненькая синяя дуга.

— Мы над ночной стороной, — пояснил Раджив.

— А где "Дарвин"?

— Далеко, на бруноцентрической орбите. Отсюда его не видно, он с другой стороны, — Раджив ткнул в пол.

— Разве мы летим не туда?

— Нет, на нашу базу на Лийе, — ответил пилот, а Серхий довольно осклабился:

— Что, не ожидала при жизни попасть в рай? Впрочем, можем и в ад доставить — на Лла у нас тоже станция наблюдения.

— Я никогда не верила в эти поповские глупости, — гневно сверкнула на него глазами я и вновь обратилась к Радживу: — А зачем вам так много баз?

— С Лла удобно наблюдать за планетой, но это просто астероид — хотя для астероида он довольно крупный, там совсем маленькая сила тяжести, а в этом есть свои неудобства. Лучше уж потратить лишнее топливо на взлет, благо мы можем наделать его в любых количествах, чем взлететь, когда ты вовсе этого не желаешь. Поэтому на Лла у нас только автоматика. А Лийа больше и массивнее, там наша главная база.

— Погоди, как это — Лийа больше? Всегда же считалось, что наоборот... это и невооруженным глазом видно...

— Лийа просто дальше, — хохотнул Серхий. — Они имеют кратные периоды вращения и разные плоскости орбиты, поэтому вы никогда не наблюдали затмений. Но все равно, ваши астрономы давно могли бы измерить параллакс и обнаружить это. Но — как же, ведь невооруженным глазом видно... да и в Святом Троекнижии сказано...

— Не очень-то хорохорься, — осадила его Кирико. — Или тебе напомнить про вашего Аристотеля? Вообрази себе, Эйольта, был у них в древности такой философ, который написал, что у мухи восемь ног. Муха — едва ли не самое распространенное насекомое нашей планеты, каждый человек видел ее за свою жизнь, наверное, миллион раз... Так вот почти за полторы тысячи лет ни один из этих европейских умников не чухнулся проверить и убедиться, что ног на самом деле шесть!

— А вы в своей Японии профукали возможность стать великой морской державой, — мстительно ответил Серхий. — Вместо того, чтобы колонизовать Америку, которая была у вас под боком, ваши даймё грызлись между собой, а Британия тем временем становилась владычицей морей. И чухнулись вы только в двадцатом веке, когда было уже поздно.

— Коллеги! — одернул их Раджив. — Что о вас подумает другая цивилизация? Не обращай внимания, Эйольта, это они так шутят. Хотя, — добавил он задумчиво, — изложенные ими факты соответствуют действительности, — из чего я сделала вывод, что сам он не относится ни к европейцам, ни к японцам.

Я вновь подняла глаза к голубому серпу и спросила:

— А на Лийе есть жизнь?

— Нет, — покачал головой Раджив. — Там есть атмосфера, но она непригодна для жизни. Азот, метан, немного углекислого газа. И плотность — чуть больше процента от земной. Даже от метеоритов не защищает. Суточные перепады температур — больше полутора сотен градусов, впрочем, сутки там равны месяцу... Как видишь, условия и впрямь не райские.

— Как же вы там живете?

— Под герметичными куполами, — он вдруг замер, похоже, осененный какой-то идеей. — Слушай, — произнес он, — а ведь это единственное место во Вселенной, где ты могла бы

полетать. Я имею в виду... (я вопросительно шевельнула крыльями) ...да, именно это. Под куполом нормальная атмосфера, а гравитация, как и на всей Лийе, впятеро меньше земной.

— Да, пожалуй, под куполом центрального склада места достаточно, — согласился Серхий. — Не роскошно, но пару кругов сделать можно. Разумеется, если Джордж согласится.

— Но ведь вы его попросите? — умоляюще обратилась я ко всем троим.

Они пообещали — сперва Раджив, потом, переглянувшись, двое других.

— А когда начнет уменьшаться сила тяжести? — нетерпеливо спросила я. — Мы ведь уже довольно далеко от Земли?

— Мы разгоняемся с ускорением в 1 g, — пояснил Раджив. — Примерно через полчаса развернемся и начнем тормозить. Так что лийскую гравитацию ты почувствуешь только после посадки.

Посадка прошла без всяких перегрузок — впрочем, я их уже и не боялась, ибо теперь сидела в кресле, а не лежала на полу. База людей располагалась в небольшом кратере; как объяснил Раджив, его стенки служат дополнительной защитой от метеоритов, летящих по пологой траектории. Это не значит, конечно, что метеориты так и сыплются дождем — в обычные дни ничего подобного, но за то время, что люди исследовали нашу Землю, она (а значит, и Лийа) уже трижды проходила через метеорные потоки.

Таинственному и грозному Джорджу сообщили по радио о "нештатной ситуации" — то есть обо мне — еще до посадки. При переговорах я не присутствовала и с трепетом ждала результатов. Уже после того, как ракета замерла на площадке, и я ощутила долгожданную завораживающую легкость во всем теле, Раджив сообщил, что мне будет разрешено выйти на базу после дезинфекции и сканирования.

Я радостно вскочила, тут же взмыв почти на локоть, а затем непривычно медленно, словно сквозь воду, опустившись на пол. Мне не терпелось испробовать крылья, но Раджив предупредил, что в ракете делать этого не стоит — несмотря на создаваемую видеостенами иллюзию бесконечности, лишнего места здесь нет и потолки низкие. Вместе с пришельцами я спустилась на лифте и прошла через пассажирский шлюз, к которому был уже герметично пристыкован наклонный коридор, уводивший в один из куполов лийской станции. Затем мне вновь пришлось пройти через те же процедуры, что и по прибытии на зуграхскую базу; правда, утешением служило то, что они были предписаны и восьми прибывшим на ракете людям. Я было спросила испуганно, стоя в очереди к душевым кабинкам (их было всего шесть), не из-за моей ли гипотетической заразности страдают остальные, но мне ответили, что такова стандартная процедура при возвращении с обитаемых планет. Разве что людям перед сканированием не пришлось пить нанозоль, ибо в их телах жили их собственные нанохилеры.

А потом я встретила с Джорджем. Он находился не на "Дарвине", а на Лийе.

Человеческий командир оказался вовсе не страшным, хотя вид у него был усталый и неприветливый. Наверное, из-за предотлетных хлопот. Он выглядел лет на сорок и был такой же розовокожий, как Валерия и Серхий — и даже более чем они. Я имею в виду, что его голова была совершенно безволосой. Я впервые видела лысого человека.

— Я знаю твою историю, Эйольта, — сказал он, принимая меня на фоне космического пейзажа с бело-желто-розово-красной, опоясанной плоскими концентрическими кольцами планетой. — Мои коллеги нарушили инструкции...

— Пожалуйста, не наказывайте их, — попросила я. — Они не виноваты, это все я сама!

— Как я могу их наказать? — усмехнулся Джордж. — У нас научная экспедиция, а не казарма. Мои коллеги — взрослые люди и сами отвечают за свои поступки. Но я хочу сказать, что понимаю их. Тот путь, что ты проделала ради встречи с нами, заслуживает по меньшей мере уважения. Думаю, на твоей планете найдется не много таких, как ты... я имею в виду не анатомию. Таких, кто способен в одиночку бросить вызов всему миру... и победить. Не хочу сказать, что это всегда хорошо, бывает, что такие личности ведут мир к катастрофе, но без них

невозможно движение цивилизации вперед. Впрочем, все это, конечно, не имело бы значения, если бы нарушение инструкций в твоем случае угрожало безопасности нашей экспедиции. Но я не вижу, что случится плохого, если, как просит Раджив, позволить тебе полетать под куполом склада, — он улыбнулся.

— Спасибо! — воскликнула я.

— Только учти, отныне никакой самодеятельности. Здесь, на главной базе, ты будешь делать только то, на что получишь прямое и недвусмысленное разрешение. Ты это хорошо поняла?

— Да, командир, — счастливо улыбалась я.

— И вот что, — добавил он, вновь посуровев. — Не хочу, чтобы ты лелеяла ложные надежды. Через три дня ты вернешься домой с последней ракетой. Это не обсуждается.

Я сочла, что пока благоразумней будет не спорить. Во-первых, я сама еще не решила окончательно, а во-вторых... иногда не то что трех дней, а и трех минут достаточно, чтобы полностью изменить все.

— Когда мне можно пойти на склад? — нетерпеливо спросила я.

— Ты не хочешь сначала поужинать? Насколько я понимаю, ты не ела с утра, а сейчас по зуграхскому времени уже ночь.

— Мне приходилось не есть и по две декады, — беспечно ответила я. — Я бы только не отказалась чего-нибудь попить.

— Ладно, — улыбнулся Джордж, и из его стола поднялся бокал с соком. — Если Раджив еще не лег спать, я попрошу его проводить тебя.

Довольный Раджив показался через минуту, и мы с ним пошли по коридорам станции.

— Ну, как тебе Джордж? — осведомился он.

— По-моему, мы с ним вполне нашли общий язык. Слушай, а почему он лысый? Может, это у вас знак отличия командиров?

— Не-ет, — рассмеялся пилот, — просто мелкий дефект, как и у вас. Сейчас его предотвращают нанохилеры, но Джордж облысел раньше, чем они появились. Разумеется, его волосы легко можно было бы восстановить, но Джордж принципиально не хочет. Он говорит, что, во-первых, разумному существу не пристало заморачиваться по поводу своей внешности, а во-вторых, мытье, стрижка и причесывание волос — это совершенно бессмысленная трата времени.

Наконец, миновав очередной шлюз (Раджив объяснил, что двойные двери нужны на случай разгерметизации), мы вступили под своды купола. Собственно, мы и раньше находились внутри куполов, но те были разделены на этажи и помещения, а тут я впервые увидела купол изнутри целиком. В верхней точке он достигал, наверное, полусотни локтей, и имел около трехсот локтей в диаметре. Вогнутая поверхность, как и во всех служебных, а не жилых помещениях людей, светилась ровным белым светом. Этот свет озарял ряды контейнеров на полу (занимавшие, впрочем, далеко не все свободное пространство) и несколько машин с прозрачными кабинами — я насчитала две колесные, три шагающие разного размера и конструкции и один флаер со сложенными крыльями. В одном из секторов, сложив ноги и щупальца, мирно дремали "пауки", их было несколько десятков.

Пока я разглядывала все это, поверхность купола вдруг поголубела.

— Думаю, так будет лучше, — улыбнулся Раджив. — Больше похоже на небо. Только не забывай, что на самом деле этот небесный свод очень даже твердый. И пол тоже, не говоря уж об этих ящиках. Так что постарайся не падать, хоть тут и пониженная сила тяжести. Не залетай высоко, пока не будешь абсолютно в себе уверена. Учти, у тебя устойчивость и управляемость хуже, чем у флаера, и хуже, чем у других живых существ. У птиц — хвостовые перья, у вйюфнов — на ногах длинные пальцы с перепонками, а у тебя — только башмаки, ими не очень-то порулишь.

— Ладно, — я сделала несколько шагов в сторону центра и обернулась. — Я, пожалуй, начну?

— Думаю, тебе будет легче с разбега, — посоветовал пилот. — Крупные птицы всегда так делают. У тебя все-таки нет той мощности, как у флаера, чтобы взлетать с места.

Я выбрала траекторию, на которой не было препятствий почти до самой противоположной стены, и побежала. Точнее, помчалась огромными прыжками — даже без крыльев бег в условиях низкой тяжести представляет собой нечто незабываемое. Но я размахивала крыльями все быстрее, инстинктивно наклоняясь вперед, прыжки становились все длиннее, и уже на пятом или шестом я просто не вернулась на пол.

Сколько раз это снилось мне! Сколько раз я легко и непринужденно отрывалась от земли, и скользила над ней, набирая высоту, и захлебывалась от счастья на волнах теплого ветра — а потом проклинала себя и весь мир за то, что проснулась... Но теперь, теперь это было взаправду!

Вуух, вуух, вуух — рассекали воздух крылья. Это было все же не совсем как во сне, там я не чувствовала усилий, а здесь в каждом взмахе словно опиралась на воздух, приятно овевавший кожу. Пол уходил все ниже, и мне вдруг вспомнилось предупреждение Раджива. Я замедлила взмахи и начала плавно снижаться, затем, едва не коснувшись пола одной ногой, снова замахала быстрее.

"Эйольта, стена!" — предостерегающе крикнул Раджив. Действительно, все это время я смотрела вниз, а надо было взглянуть и вперед! Стена была уже близко, и я, как и на флаере, дала крен на правое крыло, входя в разворот. Однако на машине с неподвижными крыльями и независимой от них тягой делать это было проще! Меня резко качнуло вправо, и одновременно я клюнула носом вниз, теряя высоту. Я быстро и широко махнула правым крылом — теперь мою голову мотнуло влево и кверху, и я увидела стену уже прямо перед собой, одновременно чувствуя, что теряю скорость и опору на воздух. Яростный взмах обоими крыльями позволил мне все же отвернуть от столкновения, но теперь я заваливалась набок головой вниз. Выгнув правое крыло, я все-таки сумела выровнять крен, но болтанка по тангажу усиливалась с каждым взмахом. Да, Раджив был прав — тяжело летать без горизонтального стабилизатора! Я попыталась отвести крылья назад, как делала во время прыжка с обрыва, пол рванулся навстречу, я в отчаянии забила крыльями, меня перекувырнуло, и я еле успела выставить руки, принимая валяющийся на голову пол.

— Цела? — Раджив бежал ко мне через весь зал.

Я села на полу, складывая ушибленные крылья и обалдело трясая головой.

— Ничего, — сказала я подбежавшему пилоту, потирая онемевший локоть. — Мои первые попытки ездить верхом кончались так же.

И я, конечно, продолжила, как продолжила и тогда (эх, Йарре...) Разумеется, недостатки моей "конструкции" накладывали некоторые непреодолимые ограничения, мне нечего было и мечтать о фигурах сложного пилотажа (впрочем, большинство их не под силу и обычным летающим существам), да и простые маневры приходилось выполнять с большой осторожностью. Отчасти, впрочем, мне удалось это компенсировать за счет гибкости как самих крыльев, так и тела в целом — нужно было лишь научиться этим пользоваться. Ходить и то надо учиться, а не то что летать!

Мои крылья уже ныли от усталости, на лбу красовалась шишка, не говоря о синяках, скрытых под одеждой, да и Раджив, несмотря на пониженную потребность людей во сне, уже позевывал, сидя на ящике. И все же я не успокоилась, пока не сделала уверенных три круга под самым потолком. Ни по высоте, ни по скорости, ни по легкости и надежности это не могло сравниться с флаером. Но зато я летала сама, на собственных крыльях! Мечта всей моей жизни!

Я низко скользнула над полом, опустила ноги и пробежала по инерции несколько шагов.

— Ну как? — гордо спросила я, останавливаясь перед Радживом.

— Замечательно, — заверил он меня. — Я же говорил — ты прирожденный летчик.

— Жалко, другие этого не видели, — я отерла пот со лба и поболтала расстегнутой рубашкой. Обмахиваться крыльями уже не было сил.

— Можешь не беспокоиться — все записано во всех подробностях, снаружи и изнутри, — улыбнулся человек. — Нанозонды тоже постарались.

— Что?

— Ну, не думала же ты, что доктор Ли упустит такую возможность — исследовать, как учиться летать крупное млекопитающее! Тем более неспособное к полету в нормальных условиях. Это же уникальный материал!

— Так значит, мне разрешили это только потому, что вам было интересно посмотреть, как работают в полете мои мышцы и органы? — произнесла я потрясенно.

— И это тоже, — подтвердил Раджив без тени смущения. — А что не так? Ты воплотила свою мечту и в то же время послужила науке. Кому от этого плохо?

— Да в общем-то никому, — признала я, — но можно было сначала спросить моего согласия. Я бы, положим, его дала, но надо было спросить!

— Тогда бы ты волновалась, зная, что каждый твой жест записывается, и это бы тебе здорово мешало.

— Что ж, логично, — согласилась я. — И все же, выходит, слова об уважении ко мне — это было только, чтобы я не волновалась? Как сладкий корень, который ветеринар дает пожевать тайулу...

— Вообще нет, — решительно возразил Раджив. — Мы действительно тебя уважаем, уж я-то точно. Но откуда следует, что того, кого уважаешь, нельзя использовать? В этом нет ничего унижительного. Мы используем тебя, ты используешь нас — это и есть взаимовыгодное сотрудничество.

Подумав, я пришла к выводу, что он прав. Да и как я могла осуждать их за то, что они тайком записывали мой полет, если перед этим сама тайком пробралась в их ракету?

На следующий день я снова ходила летать под куполом, и на следующий тоже. Я старалась использовать каждую минуту, понимая, что другой возможности может не представиться уже никогда; но, даже если бы я и решила посвятить эти дни чему-то другому, возможностей для этого было немного. Я была связана обещанием, данным Джорджу, и не могла передвигаться по базе иначе как в сопровождении кого-то из людей; среди пришельцев находились желающие со мной поболтать, но в основном они расспрашивали о моих приключениях, а сами избегали рассказывать о базе и космических полетах. Видимо, в непосредственной близости от начальства у них обострилось желание соблюдать инструкции, говорившие о "недопустимости какого-либо экспорта высоких технологий низшим культурам". Полноценной экскурсии по базе я так ни от кого и не добилась, даже от Раджива. Не иначе, люди опасались, что я могу прихватить на память какое-нибудь высокотехнологичное устройство, тем более что многие из их устройств, кажется, были совсем крошечными. Не скажу, что такая мысль совсем ни разу у меня не мелькнула (хотя это не значит, что я собиралась на самом деле нарушить слово!), но все равно было обидно. А еще хуже, чем обида, жгло неутоленное любопытство.

И с каждым днем я все яснее понимала, что не хочу возвращаться. Я, пилотирующая фляер, летавшая на собственных крыльях, побывавшая на луне, прочувствовавшая на личном опыте, что такое одна пятая земной тяжести и пятикратная перегрузка, видевшая многоногих роботов и живые картины на стенах, спавшая на кровати, по сравнению с которой ложе ранайских королей — просто грубый топчан, узнавшая, что такое эволюционная теория, световой год, полимер, нанозоль и много чего еще — а главное, способная узнать и увидеть в тысячи раз больше, если бы пришельцы приняли меня, как свою — должна вернуться вниз и провести всю оставшуюся жизнь в убогом городишке, задыхающемся в тесном кольце обомшелой крепостной стены, с его узкими улочками в тюрлином навозе и смрадом сточных

канав, с его сырыми перинами, вывешенными сушиться под окнами, с его чадящими факелами, с его пьяными песнями, несущимися из дверей ближайшего кабака, с его серостью, грязью, нищетой, болезнями, неурожаями... Йартнар, столица провинции могущественного Ранайского королевства! Даже в те времена, когда я еще не помышляла о пришельцах, я предпочитала чистый воздух лесов и полей твоему затхлому величию. А уж теперь, когда я узнала, как живут истинно цивилизованные существа...

Однако время бежало неумолимо, и ближе к вечеру третьих суток Джордж потребовал меня к себе.

— Ракета скоро стартует, Эйольта. Если у тебя еще остались какие-то дела...

— Остались, — уверенно заявила я. — Еще лет на... сколько там еще продлится ваша экспедиция?

Джордж болезненно поморщился.

— Мы же договорились — это не обсуждается. Мы не имеем права увозить представителей некосмических цивилизаций с их планеты, даже с их согласия. Ты ведь понимаешь, что уже никогда бы не встретила с представителями своего биологического вида? Это значит, никогда не смогла бы иметь детей и все такое...

— Вот уж без чего я сто лет проживу! Я личность, а не самка!

— Кроме того, "Дарвин" — не круизный лайнер, мы не возим туристов. На борту только специалисты, у каждого из нас минимум две докторских степени, и какую, интересно, должность ты рассчитывала занять, с твоим неоконченным школьным образованием средневекового уровня?

Я могла бы возразить, что знаю много чего и помимо школьной программы, но ясно было, что эти знания вряд ли пригодятся звездной расе, настолько обогнавшей нашу. Вместо этого я спросила:

— У каждого? И у Раджива тоже? Я думала, только доктор Ли...

— Раджив, помимо того, что пилот, еще авиаинженер и нейрокибернетик. Любого из нас можно титуловать доктором, Валерия просто проявила официальность, представляя тебе Ли — обычно-то мы зовем друг друга просто по именам... Но все эти разговоры ни к чему не ведут. Собирайся.

— Все мое при мне, — невесело усмехнулась я. — Но послушайте, командир, вы уже столько раз отступали от инструкций, неужели столь развитой цивилизации, как ваша, будет причинен какой-то вред...

— Эйольта! — он поднялся из-за стола и посмотрел на меня тяжелым взглядом. — Ты обещала не создавать проблем.

— Да! — зло выкрикнула я. — Я бы пообещала вам что угодно, лишь бы вы позволили мне полетать! Но теперь... Поймите вы, это не мой дом! Пусть я там родилась, и у меня не было никаких космических предков, но это не мой дом, и никогда им не был! Я не хочу опять на эту гнусную планету, к этим чертовым анью!

— Твоя планета прекрасна, Эйольта, — произнес вдруг Джордж со странной интонацией, глядя куда-то поверх моей головы. — Радиация, конечно, высоковата, но это проблема для нас, а не для вас... И твои соотечественники — славная, достойная раса.

— Что-о?! — я оперлась обоими кулаками о его стол и гневно растопырила крылья. — Да вы знаете, через что мне пришлось пройти? Вы же слышали запись моей истории! Эти достойные соотечественники держали меня в клетке, командир! Вас кто-нибудь когда-нибудь сажал в клетку в зверинце? Они хотели утопить меня только за то, что я не похожа на них! Они пытались убить меня, когда мне еще не исполнилось трех лет! А скольких они убили за прошлые столетия?!

— Единицы, — спокойно ответил он. — Я вполне разделяю твое возмущение дискриминацией крылатых, это действительно отвратительно и не имеет оправдания... но, в

конце концов, во все века это были только единицы.

— А сколько их должно было быть — миллионы? — саркастически фыркнула я. — Их жгли на кострах, командир, сжигали заживо, в той самой Ранайе, куда вы так жаждете меня отправить! Вы можете себе такое представить?

— Да, — произнес он все так же спокойно. — Могу. Сядь, Эйольта.

— Но...

— Сядь.

Все еще кипя праведным гневом, я опустила в кресло напротив его стола. Он тоже сел.

— Да, я знаю, что крылатых уничтожали, считая порождением дьявола, — продолжал он, — но не за их взгляды. Их убивали примерно так же, как вы убиваете твурков — потенциально опасных существ другого вида. И это были фактически единственные казни на религиозной почве в вашей истории.

— Не единственные, — проявила эрудицию я. — 520 лет назад секта вуградиров...

— Вот именно — секта. Возвысившаяся в эпоху илсудрумской смуты и быстро ликвидированная официальными властями, как только те начали наводить порядок. К слову сказать, лидеры секты были казнены вовсе не за ересь. А за вполне конкретные уголовные преступления — те самые убийства, которые они совершали под флагом веры.

— "Аще кто святой веры не имеет, Господь тому судья. Аще кто верует праведно, Господь тому защитник. Мирскому же суду по мирскому закону мирские дела судить надлежит, Господа подменить отнюдь не умышляя", — процитировала я постановление древнейшего Лорндарского собора.

— Вот-вот... Никаких инквизиций, никаких процессов еретиков. Жаркие диспуты — да. Расколы вроде того, что разделил ранайскую и илсудрумскую церкви — да. Отлучения и церковные покаяния — да. Но ни один аньйо не был казнен за свои религиозные убеждения или, тем более, научные теории. Я уж не говорю о религиозных войнах...

— Как это? "Аки воин с врагом, сражайся с искушением дьявольским в душе своей..." — на сей раз я цитировала Святое Троекнижие.

— Вот именно. В вашем представлении религиозные войны — это именно это, и ничто иное. А обычные ваши войны? Да, разумеется, у вас имеются самые настоящие армии, вооруженные вполне смертоносным оружием, и ваши солдаты реально учатся им владеть. Но сами сражения! Ведь это же шахматные партии мастеров, а не бои! Шахматы — это игра вроде вашего ктарно... Весь бой сводится к тому, что полководцы стараются перехитрить друг друга, армии маневрируют, сходятся, и тот из генералов, кто находит свои силы и свою позицию менее выигрышной, чем у противника, капитулирует или отступает. Иногда все обходится вообще без единого выстрела. Иногда — исход сражения решают первые же потери. Чуть ли не единственный раз за всю отраженную в летописях историю илсудрумский император Прадрекс Великий позволил себе вырвать победу, потеряв целых восемь процентов своего войска. Официальная илсудрумская историография, однако, умалчивает, что после этого он потерял вдвое больше — из-за дезертирства. Солдаты разбежались, потрясенные такой чудовищной жестокостью собственного главнокомандующего... И Великим его прозвали потомки. А современники после той кампании звали Прадрекс Кровавый или Прадрекс Безумный. (Я поразила, насколько глубоко пришельцам удалось раскопать нашу историю. Не иначе, они получали доступ не только к официальным архивам.) Извини, Эйольта, — продолжал Джордж, — но за время своего путешествия ты убила больше аньйо, чем средний ваш солдат за всю жизнь. Я понимаю, у тебя были к тому все основания, но факт есть факт.

— Так ведь были же основания!

— Да, потому что ты — исключение. Вообще интересно, почему у вас такая неприязнь именно к крылатым, в то время как к другим мутантам относятся в общем-то спокойно. Подозреваю, что это из-за генетической памяти о полете, которая гнездится глубоко в

подсознании аньйо. Ставшие бескрылыми не хотят, чтобы им напоминали о небе и будили несбыточные мечты. В крылатости им видится бунт против существующего порядка вещей, каковой порядок надлежит одобрить, раз уж нельзя изменить... Обычно же у вас убивают либо преступники — да и то не так уж часто — либо те, кто им противостоит. Ну еще бывают убийства на дуэлях, да и то это чисто ранайский обычай, оборотная сторона свободы, которую у вас имеют высшие сословия при ограниченной королевской власти... В целом же насилие и убийства не считаются у вас нормой, даже во время войны.

— Разумеется, а как же иначе?

— Конечно, как же иначе... Именно так и обстоят дела у большинства видов достаточно развитых живых существ, причем на разных планетах. Хищник убивает жертву, чтобы прокормиться, жертва, обороняясь, может убить хищника — но все это обусловлено жизненной необходимостью. Особи же одного вида почти никогда не убивают друг друга. Грозные, сильные звери, вооруженные смертоносными клыками, когтями, рогами, ядом ведут себя точь-в-точь как ваши армии с их вполне настоящим оружием. Если у них возникают разногласия, они сходятся вместе, угрожающе рычат, скалят зубы, всячески демонстрируют свою силу и боевой дух — пока один из соперников не признает себя побежденным и не отступит. Большинство внутривидовых поединков бескровны или ограничиваются неопасными ранениями. И даже если дело все-таки доходит до серьезных ран и смерти, ни одному живому существу не приходит в голову истязать поверженного, чтобы насладиться его мучениями!

— Некоторые преступники вполне заслуживают мучительных наказаний, — холодно возразила я, думая, уж не намекает ли он на профессию моего отчима.

— Я не о преступниках. Я о том, чтобы мучить невинную жертву и получать от этого удовольствие.

— Такое тоже случается, — заметила я. — В основном, конечно, в брачный сезон, но это вообще безумное и страшное время. Там и счет потерь в битвах идет далеко не на единицы. И потом, детская жестокость...

— Дети любого разумного вида стоят ближе всего к животным. У вас они просто отрабатывают типичную для стадных животных программу борьбы за место в иерархии. Одни демонстрируют свое доминирование над другими, чтобы утвердить свой высокий ранг. Все, что им нужно — добиться от низкоранговых признания своего статуса и демонстрации покорности, а вовсе не заставить их страдать. Ты видела когда-нибудь, чтобы ваши дети продолжали мучить того, кто не сопротивляется? Тебе приходилось слышать, чтобы дети аньйо забили кого-нибудь насмерть?

— Нет, конечно! Но я никогда не была покорной. И не буду!

— Что же касается брачного сезона, то он длится лишь один месяц из тринадцати, и ваша цивилизация понимает необходимость борьбы с этим безумием. Ваши страны уже приняли широкий комплекс мер по обузданию похоти и агрессии брачных сезонов; войны на это время, правда, пока еще не запретили, но все идет к тому — каждое государство само по себе было бы радо ввести такой запрет, осталось лишь преодолеть недоверие государств друг к другу. И все больше аньйо заключают браки вне брачного сезона, руководствуясь голосом рассудка, а не сезонным умопомрачением...

— Вы говорите это таким тоном, словно у вас не так.

— Эйольта, — Джордж тяжело вздохнул, — у людей нет брачных сезонов. И никогда не было.

— Нет? — обрадовалась я. — Я так и знала! Я была уверена, что цивилизация, достигшая звезд, свободна от этого скотства! (Перед моими глазами возник возбужденный Зак-Цо-Даб, и я скривилась от омерзения.) Но... как же вы продолжаете род?

— Ты не понимаешь, — печально произнес он. — Тебе приходилось сталкиваться с аньйо, смотревшими на тебя, как на уродца, но они не знают, что такое истинное уродство... Все

живые существа, Эйольта, убивают и спариваются лишь тогда, когда это необходимо для выживания, особи или вида в целом, и лишь в тех количествах, в каких это необходимо. Так обстоят дела на Земле, на Бруно III, то есть на вашей планете, и в других известных нам мирах с биосферами. Вероятно, это общий закон Вселенной. И в этом нет ничего странного — ведь именно такое поведение является наиболее разумным и оправданным. И есть лишь одно исключение. Человек убивает, когда не хочет есть, и спаривается, когда не хочет иметь потомства. Единственный вид, который убивает, мучает и совокупляется для удовольствия, превратив это в самоцель, занимаясь этим в сотни и тысячи раз больше, чем необходимо, вопреки необходимости, здравому смыслу, собственному выживанию! Люди — это выродки Вселенной, Эйольта. Брачных сезонов у них нет не в том смысле, что похоть никогда не овладевает ими, а в том, что вся жизнь человека, с юности до старости, и вся история человечества — это сплошной непрерывный брачный сезон.

— Не может быть... — потрясенно произнесла я. — Ведь получается, что вы даже не можете с этим бороться? Чтобы осознать необходимость борьбы с безумием, нужно хоть иногда бывать в здравом уме...

— Всегда находилось здравомыслящее меньшинство, но в отношении большинства ты права. С безумием не только не боролись — его прославляли и воспевали. И пребывали в полной уверенности, что иначе и быть не может, что вся Вселенная создана по их образу и подобию... Вообрази себе, в своих фантастических романах они приписывали похоть даже роботам!

И тут я усмехнулась с невеселым торжеством.

— Нет, командир, вам не удалось меня провести. Я понимаю, вы придумали все эти ужасы для того, чтобы мне самой захотелось вернуться домой. Но я не так глупа, чтобы во все это поверить. Если бы вы, люди, и впрямь были такими, вы бы уже уничтожили сами себя!

— Мы сделали это.

— Что?

— Ты правильно расслышала. На самом деле то, о чем я тебе рассказывал, уже в прошлом. Но ценой этому стали шесть миллиардов жертв Последней Войны.

— Миллиардов?! Да всех анью, наверное, миллионов сто!

— По нашим подсчетам, примерно сто пятьдесят, вместе с йертаншехскими племенами. Вы ведь никогда не плодились в таких безумных количествах. Ваш мир никогда не столкнется с проблемой перенаселения, у вас из-за этого и поводов для войн гораздо меньше... Даже для ваших войн. У вас целое поколение может за всю жизнь так и не узнать, что это такое. А в нашей истории, Эйольта, не было ни одного года, когда люди бы не воевали. И эти войны были не чета вашим. Если в ранние времена счет жертв шел всего лишь на тысячи ("ничего себе "всего лишь!" — подумала я), то это только потому, что не было достаточно смертоносного оружия. У вас с изобретением пороха число жертв только снизилось — оружие стало более грозным, и его стали реже пускать в ход, чаще стало хватать одной лишь демонстрации пушек и мушкетов. А у нас... В Первой мировой войне погибло примерно десять миллионов. Во Второй жертвы так никогда и не были подсчитаны точно — сначала называли число в пятьдесят миллионов, потом в шестьдесят... Это все не считая тиранических режимов, уничтожавших собственный народ миллионами и десятками миллионов в мирное время — тут цифры уже совсем расплывчатые. Вот так, Эйольта, население целой Ранайи могло быть развеяно в лагерную пыль так, что никто этого даже не замечал и не мог найти следов! Потом было создано и более смертоносное оружие. Но людей ничто не могло образумить. Ими по-прежнему правили страсти, они по-прежнему были помешаны на спаривании, засоряли собственный генофонд, жрали отраву, губили природу, выкидывали огромные средства на тупые фильмы, тупые песни и еще более тупые спортивные матчи, прославляя своих безмозглых кумиров и платя гроши своим ученым — о, они искренне презирали "яйцеголовых умников", обеспечивших им все

достижения цивилизации... Они были уверены, что жирный, сексуально озабоченный, воняющий пивом самец, жующий канцерогенный гамбургер перед телевизором, показывающим ему таких же кретин — это и есть "венец творения", что эволюция кончается на них и им ничто не угрожает, потому что "жили же как-то до сих пор". Жили, пока низкий уровень технологий соответствовал низкому уровню их мозгов! Обуреваемое страстями полуживотное с дубиной может в худшем случае убить пару-тройку себе подобных. Но если вместо дубины дать ему ядерную бомбу... Правда, ядерной войны им чудом удалось избежать. Я не буду рассказывать тебе принцип ядерного оружия, Эйольта — достаточно тебе знать, что оно, при массовом применении, превратило бы в выжженную ядовитую пустыню весь мир. И даже среди их лидеров не нашелся никто достаточно безумный, чтобы пустить его в ход — хотя несколько раз к этому подходило очень близко. Убедившись, что ядерной войны не будет, они окончательно почили на лаврах. Надо заметить, что, при всей свойственной им бессмысленной злобе и жестокости, не все их режимы были агрессивны. Некоторые, напротив, ударились в противоположную крайность и принялись отрицать всякое насилие, даже необходимое, всякое наказание, даже заслуженное. Рядом со странами, где людей забивали камнями за слово, сказанное против религиозных догм, появились не менее уродливые государства, где многократных убийц-изуверов не только не казнили, но и создавали им в тюрьмах чуть ли не курортные условия — разумеется, за счет налогоплательщиков, в том числе родственников жертв! И не думай, что благодетельствовать преступников начали потому, что все остальные граждане уже купались в роскоши. Нет, пока убийцы наслаждались жизнью на всем готовом, студентам приходилось мыть посуду в кабаках, чтобы заработать себе на образование! В этих странах бандитов даже было запрещено называть бандитами, дураков — дураками, а извращенцев — извращенцами, чтобы, не дай бог, кого-нибудь из них не обидеть! Любой безграмотный варвар с криминальными наклонностями мог требовать себе привилегий — на том основании, что отказ предоставить таковые есть якобы унижение его национального или религиозного достоинства; и, разумеется, все эти привилегии предоставлялись за счет законопослушных граждан! Само собой, долго столь безумные режимы просуществовать не могли. В лучшем случае их смели собственные радикально настроенные граждане, которым надоело терпеть это издевательство — и тут же, разумеется, начались перегибы в обратную сторону, с этническими чистками и расправами без суда; в худшем же — те самые варвары, вооруженные, однако, отнюдь не варварским оружием, успевшие обосноваться в этих странах или вторгнувшиеся из-за границы. Карта мира была перекроена в очередной раз, и возникли новые блоки, объявившие друг друга смертельными врагами. А так как планета уже давно задыхалась от перенаселения и дефицита ресурсов, мало кто из думающих людей сомневался, что дело идет к новой Мировой войне.

И вот тогда на Земле возник заговор интеллектуалов. Тех, кто во все времена по уму и развитию намного опережал окружающую толпу, но вынужден был довольствоваться ролью прислуги у ее малограмотных, обуреваемых страстями вождей — и это еще в лучшем случае. В худшем их просто травили и уничтожали. Джордано Бруно, в честь которого мы назвали вашу звезду, сожгли на костре за его идеи, и таких примеров в земной истории великое множество... Интеллектуалы никогда не рвались к власти, все, чего они хотели — это спокойно заниматься наукой и творчеством. Но вот, наконец, им окончательно стало ясно, что больше все это выносить нельзя, что толпа, если и дальше терпеть ее власть, неминуемо погубит цивилизацию. Собственно, первая попытка заговора интеллектуалов была предпринята сразу после Второй мировой войны. Тогда мировое противостояние олицетворяли две сверхдержавы, еще недавно бывшие союзниками против общего врага; обе они провозглашали себя борцами за свободу, хотя одна из них была самой чудовищной тиранией в истории, да и вторая, хотя и выглядела поприличней на фоне первой, тоже была отнюдь не безупречна. Так вот эта вторая первой изобрела ядерное оружие и применила его в конце Второй мировой. И часть ее ученых решила

передать секреты этого оружия своим коллегам из первой сверхдержавы, чтобы восстановить равновесие и предотвратить ядерный конфликт. Это, конечно, был очень наивный замысел кабинетных ученых, не понимавших, что они вручают секрет самого смертоносного в те годы оружия не своим собратям-интеллектуалам, а их хозяину, самому страшному тирану на Земле... но, тем не менее, войны тогда удалось избежать, хотя в остальном все осталось по-старому. Новый заговор интеллектуалов был куда масштабнее и ставил перед собой куда более глобальные цели. Основная идея состояла в том, что тупая косная масса, из которой состояло большинство человечества, представляет собой эволюционный тупик, и надо предоставить эту массу ее судьбе, исключив, однако, всякое ее дальнейшее влияние на судьбы цивилизации. Развитие же цивилизации и вида, который, с помощью науки, выйдет на новую, постчеловеческую ступень, должна продолжить интеллектуальная элита. Ядром заговора была группа ученых из разных блоков — благодаря развитию информационных технологий власти уже не могли исключить их связь друг с другом, как в прошлые времена. Ее сначала в шутку, а потом и всерьез стали называть "дарвиновским комитетом". Тебе уже рассказывали о Чарльзе Дарвине?

— Это ваш корабль.

— Нет, я имею в виду человека, в честь которого он назван. Это один из величайших наших ученых, создатель эволюционной теории, объяснившей, как в результате развития возникают новые виды и вымирают вытесненные ими, менее совершенные старые. В свое время церковники были просто в ярости, когда он обосновал, что человек — не творение божье, а результат долгой эволюции, начавшейся с простейших организмов... Впрочем, Дарвин жил и умер задолго до появления комитета его имени. Так вот, благодаря инфотехнологиям в заговор было вовлечено множество интеллектуалов по всему миру. В том числе и те, кто, по требованию своих правительств, работал над супероружием для новой войны. В отличие от ядерного, уничтожающего все вокруг на многие мили и многие годы вперед, оно должно было быть весьма избирательным. Поражать живую силу противника, выводить из строя военную автоматику, но не наносить ущерба ни экологии, ни материальным богатствам, которые должны были нетронутыми достаться победителям. Этим оружием должны были стать наномашинки. Тебе говорили, что это такое?

— Да, такие маленькие машинки, что могут свободно жить в теле, и их даже не чувствуешь.

— Маленькие — это не то слово. Их размеры исчисляются в миллиардных долях локтя. С помощью наномашин можно манипулировать молекулами и даже отдельными атомами. Развитые нанотехнологии — это фактически полная власть над материей. Потому что, переставляя молекулы и атомы, можно из любого вещества, из любого мусора изготовить практически что угодно. Работа одной крохотной наномашинки не видна, но их можно легко производить в огромных количествах. Я знаю, Раджив катал тебя на флаере; ты обратила внимание, что там нет ни болтов, ни швов, ни заклепок?

— Точно! — воскликнула я, понимая теперь, что именно удивило меня, когда я впервые осматривала флаер. — Он словно высечен или выплавлен из единого куска, а не собран из деталей.

— Не высечен и не выплавлен, а выращен. Или, если угодно, собран, но не из деталей, а из атомов и молекул. Разъемные соединения оставлены только там, где они нужны для легкости ремонта или модификации. Но дело, конечно, не только во флаерах... Нанотехнологии — это полное изобилие! Это возможность получать что угодно — пищу, одежду, дома, технику, топливо — в прямом смысле из грязи под ногами и даровой солнечной энергии! А это значит — больше не нужны гигантские промышленные предприятия, где на конвейерах клепают товары сразу для целых стран; не нужны рудники и другие заводы, снабжающие эти предприятия сырьем; не нужны и фабрики, производящие станки для этих предприятий; не нужна сеть

магазинов, через которую распространяются произведенные в одном месте товары; не нужна банковская система, через которую финансируются предприятия и магазины... не нужны деньги как таковые! А значит, по сути, не нужны и правительства с их функциями учета, контроля и распределения! Остаются, конечно, такие функции, как образование, здравоохранение, борьба со стихийными бедствиями — но в обществе, где решены проблемы бедности и дефицита, с этим вполне могут справиться местные власти, при необходимости — запросить и получить помощь от соседей, не заводя для этого целую ораву бюрократов всех уровней! Ну и как ты думаешь, могли люди такое допустить? Утрату власти, исчезновение денег, разрушение социальных пирамид? Да ни за что на свете! Вот почему в нанотехнологиях они видели исключительно оружие. Способное проникнуть сквозь любую защиту и в буквальном смысле разложить врага на атомы, причем без всякого атомного взрыва. Строго говоря, интеллектуалы, со своей стороны, тоже не могли допустить, чтобы наноизобретение попало в руки косной массы. Потому что человек, даже при решении его материальных проблем, в массе своей остался бы неразвитой, сексуально озабоченной, иррационально злобной и жестокой скотиной. Если дать ему в руки наномогущество — страшно представить, для каких мерзостей и извращений он бы его употребил... В нашей истории борьба с развратом шла без больших успехов, и всякий раз, когда ранее осуждаемые формы разврата разрешали — эти формы быстро приедались, и начиналось распространение новых, все более изощренных и извращенных, связанных с пытками, убийствами, насилием над детьми и тому подобное. Может быть, есть вещи и пострашнее похоти, но воистину нет ничего отвратительнее!

Так вот. Идея Дарвиновского комитета была проста: пусть каждый получит то, что хочет. Все враждующие страны получили свое смертоносное nanoоружие. Разработки шли на редкость быстро, ибо все разработчики из враждебных блоков втайне от своих властей работали в тесном контакте, как единая команда. Но вместе с наномашинами-убийцами были разработаны и специальные защитные коды, блокирующие их действие. Черный вход в программе, так это называется. И вот эти коды заговорщики из разных стран сообщили только друг другу. Другими словами, они вручили яд всем, кто его от них требовал, но противоядие приберегли исключительно для себя. Когда началась война — а разные блоки начали ее практически одновременно, ибо разведка каждого из них доносила об аналогичных разработках у противников, и каждый надеялся успеть нанести упреждающий удар — все пошло очень быстро. От nanoоружия не спрячешься. Это на нашем уровне камень и металл кажутся плотными и сплошными, а на наноуровне это трехмерные решетки, сквозь которые очень даже можно протиснуться, в крайнем случае, просто разобрать их... И, конечно же, программа наномашин была такова, чтобы в первую очередь поражать бункеры, командные центры противника. Это было как раз то, чего требовали заказчики, — Джордж широко улыбнулся. — Так что бывшая земная верхушка была уничтожена первой. Мир был охвачен хаосом, и лишь ученые, причастные к заговору, сохраняли негласный контроль над ситуацией. Фактически власть уже перешла к ним, но власть однобокая: они могли лишь отдать боевым наномашинам команду самоуничтожиться — а могли этого не делать. И вот тут обозначилось разногласие, которое не раз всплывало и раньше, но теперь требовало незамедлительного решения. Одни — в первую очередь те, кто стоял у истоков заговора — полагали, что очищение Земли необходимо довести до конца, что косная толпа безнадежна и полностью несет ответственность за действия своих правителей, а значит, должна разделить их судьбу. Между прочим, не то что в демократических, но и в самых тиранических странах правитель опирается не на показную, а на самую искреннюю поддержку большинства народа. Иначе его просто сметут, и никакая армия и полиция не защитит одного от гнева миллионов. Причем как раз в тираниях эта поддержка более глубокая и массовая, чем в демократиях, что, собственно, и позволяет тирану чувствовать себя так вольготно... Другая же часть — среди них было особенно много тех, кого оповестили о заговоре на поздних этапах, чтобы спасти — настаивала, что теперь, когда уничтожены бывшие

вожди, необходимо спасти остальных людей, и что те под властью интеллектуалов смогут постепенно избавиться от своих пороков. Пока шел спор, наномашин продолжали косить человечество... Наконец наиболее рьяные активисты второй партии пригрозили, что, если война не будет остановлена, они объявят людям правду, и те успеют растерзать заговорщиков прежде, чем погибнут сами. Первой партии пришлось согласиться. Было объявлено во всеуслышание, что перед лицом угрозы истребления человечества ученые всего мира объединились и нашли способ остановить нанооружие. В первую очередь это произошло в более-менее цивилизованных странах, где было много научных центров; дикари же... те, кто за все тысячелетия человеческой истории так и остались варварами или, тем более, скатились в это состояние, доказали свою эволюционную бесперспективность. Даже те из них, кто пережил нановойну, в основном погибли в несколько последующих лет от эпидемий и голода, ибо уже давно существовали лишь за счет помощи развитых стран. В общей сложности в результате Последней Войны, как я уже сказал, умерли шесть миллиардов человек — в их числе, увы, и многие интеллектуалы, которых нельзя было посвятить в заговор из-за их слишком явных гуманистических убеждений. Но на Земле еще оставалось почти четыре миллиарда. Конечно, многие из них испытали шок, потеряли близких... однако вся техническая инфраструктура цивилизации сохранилась, ничто не было разрушено, кроме боевой техники, не пострадали запасы продовольствия, медикаментов, топлива — в этом плане ситуация после Последней Войны была куда благоприятней, чем после войн прошлого. Даже с уборкой трупов не было проблем — наномашин сами заботились об утилизации останков своих жертв. Не было никаких объективных предпосылок для разрухи и хаоса — даже кризиса управления, ибо заговорщики сразу разделили между собой зоны ответственности и начали отдавать четкие и осмысленные распоряжения... Но увы, опасения первой партии оправдались — люди оставались людьми. Они отказывались подчиняться разумным распоряжениям ученых, создавали собственные "комитеты спасения" и "чрезвычайные командования", а то и "армии возмездия" — по сути, просто бандитские шайки, норовившие поставить под ружье все мужское население и идти силой отбирать ресурсы у соседей, хотя у самих были полные склады и способная работать промышленность. Захватывали не только материальные ценности, но и женщин, прикрывая свою вечную похоть словами о "необходимости восстановления генофонда и популяции"... были и погромы научных центров, и убийства ученых... В общем, цивилизация стремительно скатывалась в хаос, и впору было вновь запускать боевые наномашин — тайно возобновить их производство можно было в считанные часы. Однако против этого по-прежнему возражали слишком многие из интеллектуалов, даже из членов первой партии далеко не все готовы были принять на себя ответственность за убийство миллиардов человек. Ты понимаешь, Эйольта, ведь до этого "дарвиновцы" никого не убивали. Они лишь предоставили людям их судьбе: они создали оружие, которое от них требовали, но не они пустили его в ход. И на этот раз требовалось решение, при котором люди сами выбрали бы свою участь, сами бы разделились на способных и неспособных к развитию — а неспособный к развитию обречен на вымирание. И такое решение было найдено. По всему миру началось строительство "центров блаженства". Ведь все мысли и чувства, Эйольта — это просто набор электрохимических процессов в мозгу, совокупность нервных импульсов. В частности, подавая слабые электрические сигналы в определенные зоны мозга, можно вызвать любые удовольствия, какие только может испытать человек... или ангийо... или другое существо. Понимаешь, в принципе любые, и притом сделать их гораздо сильнее, чем в реальной жизни. Первые такие опыты были поставлены вскоре после Второй мировой, правда, не на людях, а на крысах — это животные вроде ваших йагов. Несмотря на то, что первый прибор был весьма примитивным и генерировал лишь один вид удовольствия, эффект был потрясающим — крыса забывала обо всех своих потребностях, даже о еде и питье, и непрерывно жала на педаль, посылающую импульсы наслаждения в ее мозг, пока не погибала от истощения. На такую быструю смерть, конечно, мало кто согласился бы

добровольно. Но, если подключить тело к системе жизнеобеспечения, можно оставаться в состоянии непрерывного блаженства до глубокой старости... это называется ЕЕЕ, от английской аббревиатуры, означающей "вечное электрическое наслаждение". В этом и была суть идеи — дать ЕЕЕ всем желающим, чтобы все представители тупиковой ветви — все гедонисты, все, для кого главное в жизни — не деятельность разума, а получение удовольствия — чтобы все они улеглись в ванны биостатов и оставались там пожизненно, не мешая, таким образом, дальнейшему развитию цивилизации. И никто не может назвать эту затею негуманной или нечестной — все эти люди действительно получали то, что хотели, и в более полном виде, чем могли даже мечтать. Более того, у них была возможность в любой момент отключить систему и вылезти из биостата... если бы, конечно, они того пожелали, — ослабился Джордж. — Сначала планировалось пускать в центры блаженства всех желающих бесплатно, но среди "дарвиновцев" нашлись те, кто достаточно разобрался в психологии, чтобы понять, что к бесплатной услуге будут относиться с подозрением, зато если она будет платной, но доступной, от клиентов не будет отбоя. И, естественно, ажиотаж возник достаточно быстро, не без помощи пропаганды, конечно... пропаганды, не говорившей ни слова лжи, прошу заметить. Труднее всего было убедить в безопасности, в том, что система жизнеобеспечения не может быть отключена извне — там действительно была автоматика со многими степенями защиты, "дарвиновцы" играли честно. Но, в конце концов, перед Последней Войной в мире было шестьсот миллионов наркоманов, которым никто не предоставлял никаких гарантий, и даже наоборот — которые знали, что сдохнут скоро и неприятно, и все равно втянулись... так что даже в первой волне желающих нашлось достаточно. Если ЕЕЕ-центр захватывала банда, это шло только на пользу общему плану — бандиты когда сразу, когда чуть погодя сами залезали в ванны. Проблемы возникли в основном с религиозными фанатиками, которые кричали, что ЕЕЕ — дьявольское искушение, что праведных ждет блаженство в раю, а не в ванне... и не только кричали, но и проводили террористические акты, взрывали ЕЕЕ-центры. Вот это было их ошибкой — толпы тех, кто предпочитал гарантированный рай на земле сомнительному раю на небе, сами расправились с ними, "дарвиновцам" достаточно было просто не вмешиваться. За десять лет в биостаты улеглось более трех миллиардов человек; конечно, обеспечить всех местами было непросто, но ведь у "дарвиновцев" в руках уже были нанотехнологии. Процент тех, кто захотел прервать ЕЕЕ-сеанс, оказался, как и предполагалось, мизерным. Итоговая численность цивилизации составила шестьсот сорок миллионов человек, из них больше половины детей, ибо биостаты были специально сконструированы так, чтобы работать только для взрослых. Воспитание такого количества детей на достойном уровне стало едва ли не самой сложной задачей для интеллектуалов в послевоенном мире. И, конечно, не всегда это получалось; около двадцати процентов этих детей, едва став взрослыми, тоже заняли места в биостатах — добровольно, разумеется. Поскольку залегшие в ванны, естественно, не размножались

и спустя несколько десятилетий умерли от старости, а оставшиеся снаружи были в основном свободны от похоти или, по крайней мере, имели достаточный потенциал развития, чтобы от нее избавиться — общая численность мало выросла с тех пор. Ну то есть я не могу ручаться за последние 130 лет, прошедшие с нашего отлета, но вряд ли за это время что-то радикально изменилось в этом плане — ведь теперь Землей правит разум, а не страсти.

— И на что похожа жизнь на вашей Земле теперь?

— Ну, теперь это весьма недурное место... В древности у людей была легенда о трех китах, это такие крупные морские млекопитающие, на которых будто бы стоит мир. Так вот три кита, на которых стоит наша нынешняя цивилизация — это познание, творчество и самосовершенствование. Это главные функции разума. Думаю, что тремя китами прошлого мира можно назвать похоть, жадность и жестокость... С помощью нанотехнологий мы восстановили экологию, практически разрушенную в предыдущую эпоху варварского

потребления... Материальные проблемы, сама понимаешь, решены, государств нет, всемирного правительства тоже. Преступность отсутствует практически полностью, не говоря уже о войнах; худшее, что иногда еще приходится разбирать арбитражным комиссиям — это дела о плагиате. Люди свободно путешествуют по всему миру, селятся, где хотят, объединяются только в группы по интересам — в основном, научным или связанным с искусством. В общем-то, сам термин "люди" многие считают устаревшим. Внешне мы сохраняем эстетически привычный человеческий облик, но на самом деле наши тела усовершенствованы генной инженерией, нанохилерами и киберимплантами. Не говоря уже о том, как сильно мы отличаемся от людей психологически...

— Понятно, — мрачно произнесла я. — И вы не хотите брать девчонку с дикой планеты в ваш совершенный мир, боясь, что она своим варварством может испортить вашу идиллию.

— Эйольта, твоя планета вовсе не дикая, — улыбнулся Джордж. — То есть, конечно, она отстает от нашей, но достигнет нашего нынешнего уровня гораздо быстрее и без таких жертв. Из-за того, что двенадцать месяцев из тринадцати вы не знаете похоти, и у вас во много раз меньше иррациональной агрессии, ваш мир развивается намного быстрее и успешнее, чем человечество прошлого. Вы ведь не разбазариваете материальные и интеллектуальные ресурсы черт знает на что, не убиваете ученых во славу религиозного фанатизма... Если проводить некорректную аналогию с земной историей, вы шагнули из античности напрямую в позднее средневековье, в преиндустриальную эпоху, даже не заметив пропасти Темных Веков, в которой человечество барахталось тысячу лет! В твоей родной Ранайе городское население грамотно практически поголовно, купцы равны по положению аристократам, а ремесленники лишь незначительно им уступают — и ты воспринимаешь это, как само собой разумеющееся; знала бы ты, сколько крови пролито в борьбе за это на нашей Земле! А ваши научные достижения! Еще находясь на античном уровне, вы изобрели гирокомпас, телескоп, признали вращение Земли вокруг солнца и множественность обитаемых миров — да много что еще. Демагоги на нашей Земле, пытаясь оправдать человеческую деструктивность, любили повторять, что война — двигатель прогресса, ссылаясь на то, что многие технологии первоначально создавались в военных целях. Они, однако, умалчивали о тех огромных жертвах, в том числе среди ученых и прочих интеллектуалов, и тех страшных разрушениях и убытках, которые несли с собой войны. Когда страна лежит в руинах, ей не до науки... Что ж — у вас тоже есть такой стимул к развитию, как создание более совершенного оружия, но, учитывая характер ваших войн, это практически не имеет обратной стороны! Наоборот — войны становятся еще более бескровными... Пройдет совсем немного времени, Эйольта, думаю, лет двести от силы, и у анийо появятся собственные космические корабли. Для начала, конечно, не межзвездные...

— Да мне-то что до того, что будет через двести лет?! — прервала я его вдохновенный монолог. — Или прикажете написать завещание, чтобы к звездам отвезли мой скелет?

— Времена не выбирают, — развел руками Джордж. — Я сочувствую тебе, Эйольта, но, как я уже объяснил, мы не принимаем решений на основе эмоций. А рациональных причин для того, чтобы взять тебя с собой, просто нет. Для тебя нет места в штатном расписании экспедиции, ты к ней не готова. Звездолет — не каравелла, куда может наняться юнгой любой неграмотный мальчишка... Ты ведь, кстати, даже несовершеннолетняя...

— Да мне уже почти шестнадцать!

— Значит, семнадцать наших... Но у нас-то совершеннолетие наступает в двадцать три! В критической ситуации ты — не по злему умыслу, просто по незнанию — можешь подвергнуть опасности весь корабль. Извини, но ты бы просто путалась у нас под ногами.

Я помолчала. Он был кругом прав. И в самом деле, ему-то что за дело до моих желаний? Он отвечает за свой корабль и своих людей.

— Есть что-нибудь, что могло бы изменить ваше решение? — безнадежно спросила я.

— Нет.

Холодная, спокойная констатация. Ну что ж. Проигрывать тоже надо уметь.

— Тогда я готова занять место в ракете, командир, — сказала я, поднимаясь из кресла, и, по давнему своему рецепту упреждая слезы, широко улыбнулась — во все 42 зуба.

Джордж смущенно хмыкнул и мотнул подбородком.

— Никак не привыкну к вашим улыбкам, — пояснил он. — Пока вы не слишком открываете рот — люди как люди, разве что серокожие... но эти ваши четыре клыка с каждой стороны... у нас даже у вампиров таких всего по два.

— Вампиры — это тоже ваши животные?

— Нет, сказочные персонажи... Ладно. Ракета ждет.

Никто из них даже не пришел меня проводить. Что ж, я была для них просто одним из ста пятидесяти миллионов аборигенов уже исследованного ими мира...

На этот раз в спускавшейся на Землю ракете было два пассажира — я и Раджив. Он вызвался доставить меня домой, и Джордж не возражал. Я была рада хотя бы этому — уж лучше провести последние часы с ним, чем с Вальтером, который уж точно не дал бы мне порулить напоследок... да и вообще мог отказаться меня везти. Как я поняла, даже Джордж не мог приказать ему взять меня на борт флаера — это не только не входило в обязанности пилота, но и противоречило инструкциям.

Ракета приземлилась в послезакатных сумерках; тем не менее, перед выходом Раджив облачился в свой защитный комбинезон — ведь в Йартнаре к моменту нашего прибытия солнце должно было подняться уже достаточно высоко. Когда мы обогнули каменный горб острова и вышли к поселку, я вдруг застыла в изумлении и даже испуге.

Поселка, собственно, уже не было. Я не могла представить, что за катастрофа здесь произошла, но последствия были жуткими. От всех построек остались лишь бесформенные, оплывшие наросты, похожие на шляпки гигантских уродливых грибов; уцелели лишь два домика, ограда и башенки на берегу.

Однако Раджива зрелище ничуть не смутило, и он продолжал шагать вперед. Заметив, что я остановилась, он обернулся.

— Что случилось с поселком? — спросила я.

— Нанодеструкция, — ответил он. — После нашего отлета на планете не должно остаться никаких следов нашего пребывания. Идем, это не опасно.

Несмотря на его слова, я предпочла обойти разрушающиеся дома стороной — кто их знает, эти наномашины, вдруг в их крохотные головы придет мысль, что меня тоже надо разобрать на атомы... Флаер стоял на прежнем месте, и я влезла на уже привычное правое кресло. "В последний раз, в последний раз..." — пульсировала мысль, отдаваясь неприятным холодом в животе.

Мы взлетели и взяли курс на восток. На сей раз никакого любования земными красотами не планировалось, долететь нужно было как можно скорее, и Раджив быстро набрал большую высоту. Мы летели сквозь исклотую немерцающими звездами черноту ночи, мало чем отличавшуюся от космической; о том, что далеко внизу лежит земля, можно было догадаться лишь по отсутствию звезд. Как объяснил Раджив, на такой высоте условия и впрямь напоминают космос — хотя при скорости в 6.5 М даже сильно разряженного воздуха вполне достаточно, чтобы поддерживать крылья флаера.

Ла так и не взошла — мы двигались на восток быстрее, чем она. Зато Лийа, ярко сиявшая в темноте, поднималась все выше прямо на глазах. Подумать только, ведь я была там... даже не верится. Хотя саму Лийу вблизи я так и не видела. Только внутренность базы...

— Базу на Лийе вы тоже уничтожите? — спросила я Раджива.

— Нет, оборудование вывезем, а сами купола оставим вам в подарок. К тому времени, как вы освоите межпланетные полеты, вы уже будете этого достойны. Хотя за двести лет купола

наверняка повредят метеориты, и потребуется ремонт.

— А сами вы больше не вернетесь сюда?

— Наша экспедиция — точно нет. Будущие... кто знает. Вполне вероятно, что вы прилетите к нам раньше.

— Ты так и не сказал, где находится ваше солнце.

— Вы найдете его координаты, когда отыщете разгонный лазер и сумеете расшифровать записи. Мы, конечно, могли оставить запись и на ваших языках, но это лишняя гарантия, что вы отправитесь к звездам не раньше, чем достигнете подходящего уровня развития. Вам потребуются очень мощные компьютеры, чтобы вскрыть шифр. Куда более мощные, чем просто для межпланетных полетов.

— Что такое "разгонный лазер"?

— А... да. Все время забываю, что мы не должны рассказывать вам о наших технологиях, — Раджив хохотнул. — Впрочем, думаю, большого вреда не будет, если я сообщу тебе основные принципы межзвездных полетов. Все равно на одних принципах далеко не улетишь. У нас до них додумались уже в двадцатом веке, а корабль смогли построить только в двадцать втором... Как ты уже знаешь, ни один корабль не может лететь быстрее света. Но и разогнаться до околосветовых скоростей — очень непростая задача. Одно время она считалась неразрешимой на практике. Космический корабль, по крайней мере классический, вроде челночной ракеты, качественно не отличается от вашей шутихи — он летит за счет выбрасываемых назад частиц, так называемого рабочего тела. Так вот, в астронавтике со времени ее зарождения известна формула, показывающая, насколько может разогнаться корабль прежде, чем израсходует все топливо. Очевидно, чем быстрее выбрасывается рабочее тело, тем лучше будет результат; лучше всего он будет, если скорость выброса будет равна скорости света — это возможно, если в качестве рабочего тела использовать фотоны, или, проще говоря, сам свет. Представь себе, свет — это вовсе не какая-то эфемерная сущность: он тоже состоит из частиц, которые способны создавать давление. Так вот, для фотонной ракеты, с учетом релятивистских эффектов, формула скорости имеет такой вид, — Раджив на несколько секунд замолк, сосредоточиваясь, и на месте ИЛСа (отключенного, ибо не я вела флаер) возникли символы:

$$v=c \frac{M^2 - m^2}{M^2 + m^2}$$

(За несколько дней, проведенных среди пришельцев, я, конечно, не могла обучиться ни одному из их языков, но вместе с цифрами уже выучила и их латинский алфавит.)

— Здесь c — скорость света, M большое — начальная масса корабля вместе с топливом, а m малое — масса после того, как топливо будет израсходовано, — продолжал объяснять Раджив. — Так вот, отсюда видно, что скорость будет стремиться к световой только тогда, когда отношение массы топлива к массе корабля будет стремиться к бесконечности. Причем учти, что кораблю мало просто разогнаться — ему надо еще затормозить, что качественно не отличается от разгона, а потом снова разогнаться и затормозить на обратном пути. Если мы удовольствуемся максимальной скоростью, скажем, в две трети c , то все это не так страшно — топлива придется взять всего в 25 раз больше, чем весит сам корабль. Тоже, конечно, немало, — улыбнулся Раджив, — но, по крайней мере, это технически реально. Однако с такой скоростью можно летать только к ближайшим звездам. Слишком мало релятивистское сокращение времени, поэтому при более далеких полетах на борту будут проходить десятки и сотни лет. Для достижения же более высоких скоростей отношение масс резко растет — получаются сотни

миллионов и миллиарды... Казалось бы, это раз и навсегда хоронит саму идею дальних межзвездных экспедиций. Но выход был найден. Кто сказал, что топливо нужно обязательно везти с собой? Его можно собирать прямо в космосе. Самое распространенное вещество во вселенной — это водород, и он же пригоден для термоядерной реакции, способной порождать фотоны. Это называется "прямоточный двигатель". Правда, тут тоже далеко не все просто. Космический водород очень разрежен. По сравнению с ним тот разреженный воздух, через который мы летим сейчас — это гранитная стена. Но, подобно тому, как для фляера хватает его плотности на гиперзвуковой скорости, так и для корабля, оборудованного широким раструбом для сбора водорода, хватает его плотности на околосветовых скоростях. Проблема, однако, опять-таки в том, как разогнаться до скорости, на которой прямоточник может работать... И тут пригодился альтернативный проект бестопливного корабля. Идея, на самом деле, куда более древняя, чем любые человеческие полеты. Тебе ее сформулировать даже проще, чем нашим ученым, ибо для твоего мира бестопливные корабли — обыденность.

— Парусники?

— Именно! Только парус наполняется не ветром, которого нет в безвоздушном пространстве, а светом. Помнишь, я говорил, что свет способен производить давление? Имея парус достаточно большой площади, в пустоте можно разогнаться просто за счет света ближайшей звезды. Правда, эффективность паруса резко падает с удалением от звезды, вместе с видимой светимостью. Вот если бы свет от звезды не разлетался во все стороны, а шел только в одном направлении, в парус... Именно это и делает разгонный лазер — вращаясь по орбите вокруг звезды и питаясь ее энергией, он посылает направленный, нерассеивающийся мощный луч в парус корабля. Автоматика регулирует направление луча так, чтобы скомпенсировать орбитальное перемещение лазера. На самом деле мы используем все три метода движения. Сначала звездолет разгоняется за счет запаса топлива. Потом двигатель выключается, разгон идет за счет паруса и лазера. По достижении прямоточной скорости парус разворачивается вперед и превращается в заборный конус, а двигатель включается в прямоточном режиме. Сложнее всего торможение при прибытии в новую систему — ведь там нет лазера, а одного лишь запаса топлива и света звезды недостаточно. Приходится выполнять тормозной маневр в гравитационном поле звезды, описывая вокруг нее вытянутую петлю... Ну вот, а потом, пока идет исследование планетной системы, мы производим из местных ресурсов новое топливо и строим на околосолнечной орбите лазер, который поможет нам отправиться дальше. А заодно поможет новой экспедиции, если она прибудет сюда... а также аборигенам, если они созреют до межзвездных полетов. Так что лийская база — не главный наш вам подарок, — улыбнулся Раджив.

"Не нам, — подумала я, — тем, кто будет после нас." Но вслух ничего не сказала и снова стала смотреть наружу. "Запоминай, — говорила я себе, — больше ты такого никогда не увидишь!" Но запоминать было нечего. Все та же сплошная чернота; лишь время от времени далеко внизу проплывали облака, подсвеченные уже оставшейся у нас за кормой Лийей, да еще реже едва различимой искоркой мерцал какой-нибудь одинокий огонек. Потом появилось бледное голубоватое пятно, бежавшее позади нас; я поняла, что это отражение Лийи в воде. Значит, мы уже пересекли Глар-Цу и летели над океаном...

— Если бы ты был на месте Джорджа, ты бы разрешил мне лететь с вами?

Раджив, похоже, был глубоко погружен в собственные мысли; он чуть вздрогнул, услышав мой внезапный вопрос.

— Думаю, будь я на месте Джорджа, я бы смотрел на жизнь совсем не так, как сейчас, — произнес он. — С его-то биографией...

— А что такого было в его биографии? — заинтересовалась я.

— Он ведь рассказал тебе про Дарвиновский комитет?

— Да, и что?

— Выходит, он не сказал тебе, что был одним из его основателей?

— Вот оно что... — протянула я. — Погоди, но этого же не может быть! Это же было очень давно! Даже с учетом этого вашего сокращения времени... ведь те, в ЕЕЕ-центрах, успели умереть от старости! А Джордж совсем не выглядит стариком!

Раджив вновь посмотрел на меня тем взглядом, что так не понравился мне несколько дней назад — взглядом, которым здоровый смотрит на безнадежно больного.

— Меня когда-нибудь все-таки накажут за мой болтливый язык, — вздохнул он. — Джордж не сказал тебе, и никто не сказал... и правильно сделали. Но что делать, я не Джордж, я вырос в мире, где не принято иметь секреты... свобода информации — одна из базовых ценностей... Теперь уж придется договаривать до конца. Нанотехнологии — это почти абсолютная власть над материей, Эйольта. В том числе — и над материей наших тел.

— Ты хочешь сказать, что вы бессмертны?! — прервала я это затянутое вступление.

— Да, — просто ответил он. — Нанохилеры именно это и обеспечивают. Технология была разработана в первые годы после Последней Войны. Но держалась в секрете, пока последний гедонист не занял свое место в биостате. Гнавшиеся за пожизненным блаженством не знали, от чего они на самом деле отказываются... Впрочем, многие из них полезли бы в ванны, даже если бы знали. Ты удивишься, Эйольта, сколько людей не хотели бессмертия. Не только из-за религиозных заморочек — основной аргумент был "но это же от скуки с ума сойдешь!" Перед ними — целая бесконечная Вселенная со всеми ее чудесами, а им, видите ли, скуууучно! Гедонисты, что с них взять...

— Сколько же Джорджу на самом деле лет? Выглядит он на сорок.

— Ровно на триста больше. Он — один из самых старых землян, он был стариком уже во время Последней Войны... Это потом нанохилеры вернули его в форму.

— А Валерии?

— Двести восемьдесят восемь. Она тоже родилась еще в старом мире. И Джек Ли, и еще многие наши.

— А тебе?

— Я — самый молодой на борту, — хохотнул Раджив. — Мне сорок шесть, я отправился в экспедицию в тридцать, сразу после окончания университета.

— Ваши студенты так долго учатся?

— Цивилизация накопила слишком много знаний, чтобы их можно было усвоить быстрее. Даже с нашими передовыми методиками обучения. Собственно, культура, не достигшая бессмертия, обречена на стагнацию, а значит, и вымирание, уже по одной этой причине.

— А когда же ты успел получить докторские степени?

— В полете. Даже бессмертному не стоит терять годы впустую, не так ли? Компьютеры "Дарвина" набиты информацией, на борту есть все условия для учебы и научно-конструкторской работы.

— А эти ваши нанохилеры подходят для аньйо?

— Вот именно поэтому Джордж и остальные были правы, что хранили секрет, — недовольно изрек Раджив. — Естественно, узнав о нашем бессмертии, вы захотите, чтобы мы вручили этот дар и вам, а при отказе вас охватят злоба и зависть... Нет, не подходят. Честно, Эйольта, они рассчитаны только на человека.

Однако меня было не так легко сбить.

— Но ведь можно разработать и такие, которые годятся для аньйо?

— Ну... теоретически да, — признал он. — Но пойми, мы не имеем права вручать технологию ТАКОГО уровня средневековой культуре. Равно как и отдельным представителям этой культуры.

Я вновь отвернулась. Лийа уже скрылась за горизонтом, снаружи была беспросветная

тьма.

— Ты ведь не будешь ненавидеть меня за это? — спросил Раджив, обращаясь к моему затылку. — Мне бы этого не хотелось.

"Справедливости нет и не может быть, — твердила я про себя. — Нет и не может быть..."

— Знаешь, у бессмертия есть и свои отрицательные стороны, — заметил Раджив, не дождавшись моей реакции. — Не такие, конечно, чтобы от него отказываться, но тем не менее. Когда люди прошлого рассуждали о бессмертии, им первым делом приходило на ум перенаселение, но это как раз ерунда. Из-за своей сексуальной озабоченности они не могли держать в рамках собственную численность, даже будучи смертными... Нам просто не нужны дети, большинству из нас. То есть несколько тысяч в год все же рождаются на свет, точнее, появляются из инкубаторов, вот как я, например... но это не имеет никакого отношения к инстинктам или общественным стереотипам. Воспитание ребенка в нашем мире рассматривается как сложная творческая задача, форма искусства, если угодно. Причем искусства, требующего особых способностей. Ведь далеко не каждый берется писать картины, например. А если бы тот, кто берется за это, знал, что не вправе остановиться, не вправе бросить, уничтожить неудачный вариант, что, раз начав, он просто обязан создать шедевр — желающих было бы еще меньше. И это картина, где краски, кисть и холст не имеют собственной воли и полностью послушны художнику... Во сколько же раз сложнее воспитание самостоятельной, мыслящей, творческой личности! Сделать эту работу по-настоящему хорошо способны очень немногие, даже в нашем мире, где средний уровень ума и таланта намного выше, чем в довоенном прошлом.

— Но если у вас почти нет молодежи, не окостенеет ли ваш мир в старческом консерватизме? — спросила я. Признаюсь, мне и впрямь хотелось найти у них какой-нибудь изъян... ну да, исключительно из зависти, что тут скрывать. Я не оправдываю себя, но... представьте себя на моем месте.

— Вот-вот, это было их стандартное возражение, — усмехнулся Раджив. — Ответ — нет, потому что у нас нет стариков. Старческая косность порождается вовсе не жизненным опытом — он-то как раз только полезен, и чем, собственно, личный опыт хуже опыта цивилизации, который изучается в школах и университетах? Нет, причина в старческой дегенерации мозга. Когда биологически человек остается молодым, таким же остается и его мышление. Есть другая проблема — ограниченная емкость памяти, но она решаема. Микрочипы — расширители памяти уже созданы. Они тоже имплантируются. Со временем, когда перестанет хватать и их, можно будет архивировать часть памяти на внешние носители... а возможно, и просто стирать менее важное. Ты же не помнишь каждый день своей жизни и не считаешь себя ущербной из-за этого? Главная проблема, о которой я говорил, в другом, она психологического плана. В прошлом люди, решаясь на что-то рискованное, говорили: "Двум смертям не бывать, а одной не миновать". У бессмертных нет такой отговорки. Парадокс: познание — одна из высших наших ценностей, все жаждут новой информации, но очень мало тех, кто готов рисковать ради нее жизнью. Правда, почти все опасности мы переложили на плечи машин, но определенные научные исследования все же требуют непосредственного участия разумных существ. Мы могли бы создать разумные машины, но это не выход — у них появится собственная воля и собственные интересы, включая стремление жить, дабы их разум мог и впредь реализовывать свои функции... За полтора года, прошедших с момента возвращения первого, беспилотного звездолета до нашего отлета, стартовали всего три звездных экспедиции. Мы — четвертая. Нанотехнологии позволили бы нам наделать сколько угодно кораблей, но... не нашлось достаточно желающих, чтобы набрать экипажи. Притом, что людей очень интересует, что происходит во Вселенной. Но никто не хочет лететь сам. Это все-таки достаточно опасное дело. Даже у нас на борту процент тех, кто родился еще в старом мире — родился и рос смертным — выше, чем в цивилизации в целом.

— И при этом вы отказываете мне, которая была бы счастлива...! — возмутилась я.

— Что делать, Эйольта. Так всегда в этом несовершенном мире: кто хочет — не может, кто может — не хочет... В любом случае, наш экипаж укомплектован.

Что ж, я понимала, что спорить бесполезно. Я снова посмотрела вперед, потом скосила глаза на Раджива. Бессмертен. Он бессмертен. Пройдет тысяча лет, а он все так же будет летать на своем флаере над какой-нибудь планетой далеко отсюда. Вспомнит ли он обо мне тогда? Едва ли... С другой стороны, какая мне разница?

Небо впереди, наконец, начало светлеть, и из-за быстро порозовевшего горизонта резво выскочило солнце, словно ему дали хорошего пинка. Это был самый быстрый восход в моей жизни. Под нами, однако, все еще была ночь — внизу солнце еще не взошло; я видела, как скользит нам навстречу размытая полоса, где ночная тень переходит в свет — Раджив сказал, что она называется "терминатор". За нею расплавленная солнечная медь побежала впереди нас по поверхности океана — и вдруг исчезла, разбившись о берег. Инйалгдар. Уже Инйалгдар.

Над Илсудрумом висели тучи; лишь изредка в прорехах мелькал клочок земли, бурый, зеленый или черный — подробнее с такой высоты рассмотреть было невозможно. Черное, наверное, было пашней. Наконец облачность стала редеть, вытягиваться косматыми щупальцами, распадаться на комки и обрывки; блеснула извилистая ниточка реки.

— Йатла, — сказал Раджив.

Неужели Йатла? Вот этот тоненький ручеек? Значит, уже совсем скоро...

Пилот перевел флаер на снижение. Я различала аккуратные квадраты полей, похожие на черно-зеленую доску для игры в ктарно, темные пятна лесов, казавшиеся с такой высоты ровно подстриженными газонами, бисерные россыпи деревенских домиков, игрушечные городки, опоясанные своими стенами, дороги, словно прочерченные зажатой нетвердой рукой карандашом...

— Ну что, второй пилот, принимай управление, — весело сказал Раджив. Я торопливо нажала кнопку под панелью, вызывая ручной пульт.

Напоследок я прокрутила все пилотажные фигуры, которые уже знала. Раджив позволил мне резвиться почти полчаса, которые пролетели, как одна минута, но затем все же велел брать курс на Йартнар. Йартнара отсюда еще не было видно, но услужливый ИЛС отображал направление и расстояние, не оставляя никакого шанса заблудиться.

Вот и город, застывший на скрещенье дорог, словно паук в центре своей паутины. Серые стены, бурые черепичные крыши, узкие каньоны улиц; хвосты дыма из труб тянутся к юго-востоку. Мы промчались в тысяче локтей над Йартнаром, описали широкий вираж и легли на обратный курс со снижением.

— Вообще-то Джордж велел посадить тебя в пустынной местности вне видимости города, — заметил Джордж, — это как минимум километрах в десяти... Ну да ладно, доставлю к самому порогу. Конечно, это очередное нарушение, но у вас там всего двести восемьдесят, а на тебе только рубашка, и та с голой спиной.

— Двести восемьдесят чего?

— Кельвинов. Холодно, короче.

Это верно, в наших широтах еще не лето. Джордж, наверное, и не подумал об этом. А с другой стороны, что он мог сделать? Вручить мне их чудесную одежду, которую можно размыкать и снова соединять в любом месте движением пальца хозяина? Нельзя допустить попадание продуктов высоких технологий в руки... и далее по тексту.

— Спасибо, — сказала я Радживу, — только к порогу не получится. Я же не знаю, где теперь мой порог — уж точно не в доме королевского палача...

— Ничего, справимся у вашего губернатора, — беспечно ответил тот. Действительно, губернатор провинции исполняет и обязанности градоначальника ее столицы, хотя обычно эта забота ложится на плечи заместителя, а уж уточнить, где теперь живет моя мать — дело и вовсе

какого-нибудь мелкого чиновника...

— А он меня примет?

— С таким возницей, как я — непременно, — усмехнулся Раджив. Флаер уже перелетел через стену и взмахивал крыльями, готовясь к посадке; реактивные двигатели почти смолкли.

— Вон на ту площадь, — указала я.

— Знаю.

— Знаешь? Ты что, уже был в Йартнаре?

— Конечно. Мы посетили все столицы ваших провинций. Надеюсь, губернатор Атийор меня еще помнит, — подмигнул он мне.

Вот так. Они были в Йартнаре. Я могла вообще никуда не ездить! И не только избежала бы всех злоключений, но и познакомилась бы с пришельцами гораздо раньше...

С другой стороны, а удалось бы мне пробиться к ним, учитывая, что ни они сами, ни наши власти не хотели лишних контактов между людьми и простыми аньйо? И если бы даже удалось — произвело бы это на них такое же впечатление, как проделанное мной путешествие? Взяли бы они меня во флаер, отвезли бы на свою базу? Вот уж вряд ли. В лучшем случае потрепали бы по голове и сказали бы пару утешительных слов на тему "лучше знать, чем тешить себя несбыточной фантазией"...

И в любом случае — досада от мысли, что сделал лишнее, не идет ни в какое сравнение с досадой от сознания, что не сделал необходимого.

Нас, конечно, заметили, еще во время первого пролета над городом. Я видела многочисленных аньйо, что смотрели на нас со дна улиц, задирая головы; распахивались окна, открывались балконные двери, шустрые мальчишки уже обнимались с трубами на крутых крышах... Все-таки одно дело — не интересоваться пришельцами, обосновавшимися где-то за морями, и совсем другое — когда эти пришельцы кружат над твоим городом. Тем более что первый их визит уже развеял страхи, дав простор одному лишь любопытству.

Похоже, прошлый опыт учитывало и йартнарское начальство. Я видела, как стражники решительно теснят народ с центральной площади (когда-то она была просто рыночной и так и называлась — Торговая, но восемьдесят лет назад тогдашний губернатор заявил, что шум базара мешает ему работать, и перенес рынок ближе к окраине, а площадь перед дворцом стала называться площадью Спокойствия). Когда флаер завис над площадью, быстро взмахивая крыльями и выпуская ноги, посадочная площадка была уже полностью расчищена, и лишь по периметру застыла стража, попарно скрестив алебарды.

Опоры мягко коснулись брусчатки. Крылья застыли, позволив, наконец, клубам пыли осесть обратно. Я дома.

— Да, вот еще, Эйольта, — Раджив что-то достал из-под панели со своей стороны. — Возьми, это твое.

Он протянул мне мой нож. Нож Хейги. А я-то думала, что он уже занесен в реестр какого-нибудь человеческого музея... Но почему Раджив вернул мне его только сейчас, после посадки и выключения двигателей? Неужели боялся, что я могу напасть на него в воздухе, чтобы завладеть флаером? Вряд ли он так плохо думал обо мне. Наверное, это тоже был приказ Джорджа. "Неудивительный, с его-то биографией..."

Сам Раджив меж тем тоже вооружился. Я увидела, как он прилепил к правому бедру странный толстый короткоствольный пистолет. Не подвесил к какому-нибудь ремню, а просто прилепил — и тот повис.

Дверцы поднялись, и я выпрыгнула на брусчатку. Зеваки, теснившиеся в проулках, выдохнули в изумлении. Еще бы, уж кого угодно они ожидали увидеть выходящим из машины пришельцев, только не меня. Какое-нибудь инопланетное чудовище поразило бы их заметно меньше.

Раджив вышел со своей стороны, и дверцы снова опустились. Я знала, что они снова

откроются, лишь повинувшись его мысленной команде, и что резец из самой прочной нашей стали не оставит на корпусе флаера и царапины — так что покинуть машину без присмотра он не побоялся, несмотря на запреты инструкций.

Восклицания затихли, словно осознав свою неуместность, и воцарилась напряженная тишина. Мне хотелось расправить и размять крылья, как всегда, затекшие после сидения в кресле, хотелось обхватить себя за плечи и попрыгать на месте — было и впрямь холодно — но я не осмелилась. Невольно чеканя шаг в ногу с Радживом, я двинулась в сторону дворцового крыльца, где застыли, вытянувшись, караульные.

И вдруг сердце мое оборвалось. Я увидела афишку, приклеенную к стене. На дворце что ни попадя клеить не будут, это что-то официальное... и я издала разобрала число 500 и ниже крупные буквы "ЛААРЕН ШТРАЙЕ".

Такая же, как и в Нойаре. Разве что сумма почему-то уменьшилась. Неужели мои лланкерские проблемы докатились и сюда? Неужели тар Мйоктан добился, что меня объявили преступницей по всей Ранайе?!

Я жалобно взглянула на Раджива, но тот шагал, как ни в чем не бывало. Впрочем, ему-то о чем беспокоиться? Мой взгляд снова метнулся в сторону афишки... и я поняла, что стала жертвой испуганного воображения. Недаром в Ранайе говорят "слова хвастуна дели на три, а слова труса — на десять". Хотя не думаю, что меня можно назвать трусом, но... Короче, второе слово было и впрямь "ШТРАЙЕ", но первое — вовсе не "ЛААРЕН". Там было написано "ЛЛУЙОР".

И с каждым шагом я все лучше различала остальной, не столь крупный текст. "500 йонков за помощь в розыске! Главарь банды... соучастие в убийстве королевского чиновника Кйотна Штрайе... других добрых аньйо... грабежах и насилии... Приметы преступника суть..."

Значит, отчим все-таки умер. И Ллуйор признан виновным. Признаюсь, до последнего момента мне не хотелось в это верить.

Кто же теперь исполняет обязанности королевского палача? Видимо, кто-то пришлый. Не йартнарец. Тяжело же ему приходится — его не любят не только за то, что он палач, но и за то, что при этом чужак... Впрочем, мне-то что до этого? У меня своих проблем хватает.

Мы поднялись по широким ступеням и остановились перед входом. Караульные стояли недвижно, но я видела их глаза, скошенные в нашу сторону, и бисеринки пота, высыпавшие, несмотря на холод, на шее левого из них.

— Эйольта Лаарен-Штрайе, жительница сего города, и...

— Раджив Чандра, человек, — подсказал пришелец.

— ... просят об аудиенции по личному вопросу, — закончила я.

— Прошу подождать, пока о вас будет доложено, — ответил правый караульный и скрылся за дверью. Губернатору уж наверняка о нас доложили, раз стражники успели расчистить площадь, но формальности есть формальности.

Мне пришлось минут пять покрываться мурашками перед входом, прежде чем двери, наконец, вновь распахнулись, и стражник вернулся на свое место, а нас встретил пожилой слуга в парадной ливрее.

— Добро пожаловать, господа. Губернатор примет вас.

По устланной синим ковром лестнице мы поднялись следом за слугой на второй этаж и, пройдя по коридору меж державших светильники статуй, вошли в блестящие темно-красным полированным деревом двустворчатые двери. Я ожидала, что губернатор примет нас в своем кабинете, но нет, обширное продолговатое помещение с длинным столом не походило на кабинет. За стеклами шкафов красовалась дорогая посуда и изящные статуэтки, а не книги и бумаги. В стеклах отражались огоньки многочисленных свечей; окон в комнате не было.

Прежде мне не доводилось общаться с губернатором Атйором, но я видела его пару раз, и потому сразу поняла, что аньйо, поднявшийся нам навстречу из-за дальнего торца стола — не

он. Этот чиновник был лет на тридцать моложе Атийора, и вряд ли даже приходился ему сыном — его худое волевое лицо с острыми скулами совсем не походило на круглую благодушную физиономию предшественника.

— Приветствую вас от имени Совета Одиннадцати и жителей Йартнара, — произнес он официальным тоном и чуть улыбнулся: — Добро пожаловать домой, Эйольта.

Я коротко поклонилась, Раджив сделал то же самое, однако предпочел уточнить:

— А губернатор Дйетне Атийор...

— Увы, скончался минувшей осенью.

— Вы — его сын? — спросила я, может быть, чересчур прямолинейно.

— Нет, Паав Атийор не пошел по политической линии. Он увлекся географическими экспедициями. Мое имя — Руйел Тнойве, — новый губернатор снова приоткрыл в улыбке столь непривычные людям клыки: — Злые языки говорят, что теперь в Йартнаре настало время пришельцев.

Я заметила краем глаза, как Раджив тоже улыбнулся, показывая, что оценил каламбур.

— Для меня большая честь — принимать у себя гостя из другого мира, — продолжал молодой губернатор. — И нашу прославленную путешественницу, — добавил он. Я не сомневалась, что "прославленной путешественницей" стала несколько минут назад, а до этого обо мне в городе никто и не вспоминал... ну да уж пусть говорит свои протокольные любезности. На то и политики, чтобы не принимать их слова всерьез.

— Я к вам, собственно, ненадолго, — сказал Раджив. — Просто доставить Эйольту домой и убедиться, что с ней все будет в порядке. Вы знаете, где теперь живет ее мать? И заодно — нельзя ли прямо сейчас раздобыть для Эйольты одежду потеплее? А то мы прилетели напрямиком из тропиков...

— Все будет улажено, — заверил Тнойве. — Потребуется некоторое время, чтобы найти новый адрес... в Йартнаре тринадцать тысяч жителей, а если госпожа Штрайе к тому же съехала в предместье... Пока же я прошу вас позавтракать со мной.

— Благодарю за приглашение, но я не могу задерживаться, — покачал головой Раджив. — Простите, если нарушаю ваши обычаи, но мы сегодня улетаем с вашей планеты.

— О, вот как? Что ж, позвольте выразить сожаление, что наше знакомство оказалось столь кратким. Надеюсь, представители вашего мира будут наносить нам дружеские визиты и впредь. Но, раз уж мы больше не сможем увидеться, боюсь, что вынужден настаивать на своем приглашении. Позвольте мне дать последний завтрак в вашу честь. Ведь ваши товарищи не улетят без вас?

— Нет, но будут ругаться, — хохотнул Раджив. Он явно не имел понятия о дипломатическом этикете.

— Возможно, какие-нибудь подарки на память о Ранайе смягчат их гнев?

"Что-то он уж больно настойчиво добивается, чтобы Раджив остался, — подумала я. — Кажется, это уже выходит за рамки простой дипломатической вежливости. Что ему надо? Надеется таким образом укрепить собственную репутацию? Пока-то она не очень прочна — он в городе чужак, и к тому же слишком молод. А может, ему действительно хочется использовать последний шанс, чтобы пообщаться с инопланетянином? Почему даже политику не может быть свойственно простое любопытство?"

Раджив тем временем ответил, что их экспедиция уже собрала все образцы, какие хотела, и, в любом случае, решение о приобретении новых должны принимать этнографы, а это не его специализация. Не уверена, что губернатор вполне его понял, но продолжал улыбаться.

— Право же, господин Шандра, — в ранайском нет звука "ч", — едва ли для тех, кто провел в нашем мире почти два года, так уж существенны лишние полчаса. А мне придется отвечать перед королем, если я не смогу проводить нашего звездного гостя на должном уровне.

— Ну ладно, — сдался Раджив, — это, конечно, против инструкций, но...

— Вот и замечательно. Я покину вас на минуту, чтобы отдать необходимые распоряжения. Чувствуйте себя, как дома, можете пока посмотреть сервизы и коллекцию статуэток.

Он отсутствовал минут пять, так что мы и впрямь имели возможность рассмотреть тарелки с искусно изображенными пейзажами, парусными кораблями и животными (в последних был особый смысл; я слышала, что в богатых домах принято подавать блюда из мяса, рыбы и птицы на тарелке, где нарисовано то же самое существо в целом виде). Статуэтки в основном изображали танцовщиков и спортсменов. Наконец губернатор вернулся, сообщил с порога, что все уладил и что сейчас подадут на стол, быстрым шагом пересек комнату и пригласил нас садиться слева и справа от него. Раджив, наконец, снял свой шлем и перчатки, положив их на свободный стул рядом с собой.

Завтрак у губернатора — это, разумеется, не пара чашек чая с бутербродами, проглатываемые за пять минут. Это больше похоже на обильный ужин с неоднократной переменой блюд, церемонно осуществляемой парадно разодетыми слугами, чья численность превосходит число завтракающих. Впрочем, как раз против обильного ужина я отнюдь не возражала — ведь это только по йартнарскому времени было уже довольно позднее утро, а по зуграхскому (и, соответственно, по времени лийской базы) — ночь, и перед отлетом с Лийи я как-то не удосужилась поесть. А вот все эти церемонии, когда пищу надо брать маленькими кусочками, использовать для разных блюд разные вилки и т.д. и т.п., раздражали. Раджив, впрочем, не обращал внимания на всю эту чепуху и ел так, как ему удобно, не замечая бросаемых искоса презрительных взглядов расфуфыренных слуг. Тнойве пытался расспрашивать Раджива о мире пришельцев и об их технике, в частности, о "железной птице", тот отвечал уклончиво, явно давая понять, что не имеет права входить в подробности, так что губернатору волей-неволей приходилось переключать внимание на меня. Я, естественно, тоже не углублялась в детали своих приключений, рассказала лишь, как погиб ранайский бриг "Звезда тропиков", который до сих пор, возможно, числился пропавшим без вести — но даже и тут не стала уточнять судьбу Каайле и остальных, высадившихся на остров. Сказала лишь, что не знаю других выживших. В свою очередь, я спросила о Ллуйоре.

— Увы, — ответил губернатор, — весьма досадно, когда анью, воспитанный, чтобы служить закону, становится главарем бандитов. Вы ведь, кажется, родственники? Вы тоже Штрайе.

— Дальние. Хотя когда-то он был мне, как брат. Но это было очень давно... Он успел поработать палачом, прежде чем его разоблачили?

— Ну, я не знаю подробностей этой истории, — пожал плечами Тнойве, — меня ведь тогда еще не было в городе. Вроде бы он был арестован, но сумел бежать, потом сколотил банду... Но, надеюсь, его поимка — только вопрос времени.

Вошел слуга, принесший теплый плащ для меня, а почти сразу же за ним — чиновник, доложивший, что адрес Йанаты Лаарен-Штрайе в городских архивах не найден. Вероятно, госпожа Штрайе после смерти мужа и утраты права на казенное жилище переехала куда-то за город. "Неужели вернулась в родную деревню? — подумала я. — Я ведь даже не знаю ее названия... мама никогда не говорила..."

— Доктор Ваайне! — осенило меня. — Наверняка она оставила свой новый адрес ему. На случай, если я вернусь...

Раджив меж тем очистил последнюю тарелку и решительно поднялся:

— Еще раз благодарю вас, господин губернатор, но мне действительно пора. Заверяю вас, что передам своим самые теплые отзывы о Ранайе и Йартнаре. Сожалею, что не смог ответить на все ваши вопросы. Может быть, вас немного утешит, что Эйольте мы на них тоже не отвечали, так что, надеюсь, никакие спецслужбы не будут ей докучать, — эта фраза сопровождалась широкой улыбкой, но была чертовски своевременной. — Эйольта, ты найдешь

сама дорогу к дому доктора? Я бы тебя подбросил, но эти ваши улочки такие узкие, что флаеру негде приземлиться.

— Ну уж мне ли не знать, где живет доктор Ваайне! Но я провожу тебя до флаера. Хочу в последний раз посмотреть, как он взлетает...

Мы учтиво распрощались с губернатором, и все тот же пожилой лакей сопровождал нас до выхода из дворца.

На площади Спокойствия было по-прежнему пусто и тихо. Что-то уж совсем тихо, не слышно даже, как переговариваются зеваки, переминаясь за полицейским оцеплением... Я оглянулась по сторонам и увидела, что улицы тоже пусты. Ни зевак, ни стражников. Наверное, вторые оттеснили первых вглубь, еще дальше от площади, подумала я, и все же почувствовала некое беспокойство. Что-то во всем этом было... неправильное. Я оглянулась на караульных, по-прежнему стоявших навтыжку у дверей дворца, бросила короткий взгляд на безмятежного Раджива и зашагала дальше. Мы обошли флаер с носа и подошли к левой дверце.

— Ну, вот и пора прощаться, Эйольта, — вздохнул Раджив. — Честно говоря, я впервые расстаюсь с кем-то, точно зная, что это навсегда... с кем-то, кто успел стать мне... не совсем чужим. Странное это ощущение... тяжелое. Может быть, бессмертным это еще тяжелее, чем смертным. Ладно, не следует затягивать неприятные моменты, — дверца, на сей раз только левая, поехала вверх. — Прощай, Эйольта, и удачи те...

Договорить он не успел. Воздух раскололи выстрелы.

Я сразу поняла, что это такое — должно быть, потому, что уже чувствовала тревогу — и с криком "Ложись!" бросилась наземь. Кажется, стреляли с двух или даже нескольких точек. Может быть, по нападавшим палили караульные с крыльца. Одна из пуль тонко взвизгнула, срикошетив, должно быть, от борта флаера; где-то осыпалось выбитое стекло. Вжимаясь лицом в брусчатку, я ничего не видела, кроме суставчатой ноги флаера — только слышала; и сквозь весь этот грохот я различила, как с мягким клацаньем закрылась дверца. Затем пальба прекратилась.

Первой моей мыслью было — Раджив успел запрыгнуть внутрь и заперся там. Меня он, выходит, бросил снаружи. Ну а что ему было делать, раз уж я залегла — втаскивать меня внутрь под огнем? Изрешетило бы нас обоих. У него есть способ лучше. Я помнила, что на флаере есть оружие, Раджив даже показывал мне небольшие люки на корпусе, откуда при необходимости выдвигаются пушки (как я поняла, человеческие пушки совсем не похожи на наши — калибр у них не больше, чем у мушкета) и могут быть запущены самонаводящиеся ракеты... И вот сейчас он взлетит над площадью и покажет этим мерзавцам, кто бы они ни были, чего стоит оружие расы, вся история которой была сплошной кровавой войной!

Но двигатели флаера молчали. Зато я услышала быстро приближающийся цокот копыт. Я, наконец, подняла голову.

Раджив не успел запрыгнуть. Он лежал рядом. В него попали, наверное, полдюжины пуль. Они не смогли пробить казавшуюся такой тонкой тканью защитного комбинезона, но их энергия от этого никуда не делась — они вонзились в плоть вместе с тканью, так что в теле Раджива зияли глубокие бескровные ямки, словно кто-то потыкал палкой в чучело из сырой глины. Жуткое это было зрелище, но голова выглядела еще хуже. Я уже рассказывала, как крупнокалиберная пуля разносит голову на куски; шлем уцелел, но ударил Раджива своей твердой вогнутой поверхностью. Это было все равно, что удар дубиной или большим камнем; вся левая сторона головы была в крови, а левая часть лба и висок превратились в сплошное месиво из крови, кожи, костей и волос; выбитый глаз лежал на щеке большой студенистой каплей. Видимо, последнее, что успел сделать пилот — мысленно закрыть дверь, чтобы флаер не достался варварам.

У меня не было ни царапины. Вряд ли это везение — по всей видимости, все пули предназначались инопланетянину. И стрелявших отличала завидная меткость.

Они, а может быть, их сообщники — пятеро всадников — уже окружали меня. Надежда на то, что тйорлы принадлежат подроспевшей наконец страже, развеялась сразу же, как только я увидела подьехавших. Особенно их предводителя, глядевшего на меня с кривой усмешкой. В руке его был пистолет, направленный в мою сторону, но не точно мне в грудь. Видимо, от распростертой на камнях у ног его скакуна девчонки он не ожидал особого сопротивления.

А зря. Уж кто-кто, а он мог бы знать, что меня не следует недооценивать. Раджив лежал на правом боку, и мои пальцы, прикрытые полой плаща, уже шарили у него под ногой, нащупывая прижатый к земле пистолет пришельца.

— Вставай, — презрительно бросил мне Ллуйор, делая нетерпеливый жест стволом.

Есть! Я ухватила рукоятку и резко потянула на себя, одновременно перекатываясь на случай, если бандиты будут стрелять. Но выстрелов не было; единственным звуком был сухой треск, с которым пистолет отлепился от комбинезона. В следующую секунду я уже стояла на одном колене, а затем — в полный рост, целясь в Ллуйора. Теперь он уже без дураков отвечал мне тем же; наши стволы разделяло не более двух локтей. Впрочем, на его стороне было еще четыре ствола, также смотревших на меня почти в упор.

— Ты всегда был кретином, кретином и сдохнешь, — сказала я с ненавистью. — Через три минуты здесь будет вся городская стража, а через час сюда пожалуют пришельцы со своей огненной башней, способной испепелить весь город.

— Ты так думаешь? — глумливо ухмыльнулся он.

— Что ты хочешь сказать? — насторожилась я.

— Только то, что твой единственный шанс выжить — это открыть нам дверь и объяснить, как управлять этой штукой.

— Это твой единственный шанс выжить — сложить оружие и сдаться вместе с твоими сообщниками!

— Ты не посмеешь выстрелить в меня, — прищурился он.

— Еще как посмею! И получу за это пятьсот йонков, хотя, по мне, ты не стоишь и медной полушки.

— Ты получишь за это четыре пули, — ослабилась Ллуйор.

— Я не боюсь ваших пукалок. Ты и твои фраера, — блеснула я трущобными познаниями, — не знаете, на что способна техника пришельцев.

— Раз уж она не помогла твоему дружку, вряд ли поможет тебе, — парировал он и сплюнул на лежавшее у копыт тело.

— Ты ответишь за смерть Раджива, сволочь! — не выдержала я. — Ответишь за всех, кого ты убил!

— Кто бы говорил, — скривился он. — Это ты довела меня до такой жизни, стукачка!

— Я?! — я задохнулась от возмущения. — Ты убил отчима, подонок!

— Я не убивал его! Да, я был на него сильно зол, и кое-что болтал по пьяни... но я его не убивал! Но ты настучала на меня, следствие начало колотить дружков, что слышали мою болтовню в кабаке, и все — улики налицо, алиби нет! Если бы я тогда не сбежал, болтался бы на виселице... все по твоей милости!

— Ты врешь! — крикнула я, но без прежней уверенности. Все это время я очень медленно, так, чтобы он не заметил движения моего пальца, продолжала нажимать на кнопку пистолета. У этого оружия вместо привычного нам спускового крючка была такая продолговатая кнопка на рукоятке... Я не знала, в какой момент произойдет выстрел, и потому готова была в любой момент прыгнуть под крыло флаера, уходя от огня остальных. И вот, услышав о невиновности Ллуйора, я на миг остановила свой палец. Но только на миг. Даже если это правда, даже если он непричастен к смерти отчима, остальные-то преступления он совершил на самом деле! И последнее из них — только что...

— Мне наплевать, верит мне или нет какое-то крылатое отродье, — ответил мой бывший

друг.

— Атаман, хватит этих семейных разборок, — нетерпеливо встрял другой бандит. — Или кончай ее, или пусть откроет нам дверь.

— Заткни пасть, — бросил Ллуйор, на мгновение отвлекшись в его сторону. Я вдавила кнопку до конца. И ничего! Я нажала еще, еще раз — проклятая штука не стреляла!

И на сей раз от Ллуйора не укрылось движение моего пальца, а может быть, выражение моего лица.

— Смотрите-ка, стерва и впрямь пыталась меня прикончить! — хохотнул он. — Да только ее игрушка не опасней вареной йупы! Похоже, это вообще не оружие, просто выглядит похоже! Ну, так и кто из нас кретин?

Я зло отшвырнула бесполезный "пистолет".

— Открывай дверь, — посерьезнел Ллуйор. — Считаю до пяти. Первая пуля в ногу. Если и тогда не одумаешься, пойдём выше. Раз. Два.

— Ладно, твоя взяла, — буркнула я, оборачиваясь к флаеру. Моя рука осторожно скользнула под плащ, и пальцы потянулись к рукояти хардаргского ножа.

— Три, — продолжал Ллуйор, явно не заинтересованный тянуть время.

— Да погоди ты! — огрызнулась я. — Думаешь, это так просто? Это для пришельцев просто, а мне надо повозиться...

— Четыре.

— Ну сейчас, сейчас, имей хоть немного терпения. Уже почти гото...

Не закончив фразы, я резко развернулась и метнула нож. На самом деле, это даже хорошо, что Ллуйор не прекратил считать — по голосу я точно знала, что он остается на том же месте. И бросок вышел великолепно — нож Хейги вонзился точно в сердце друга моего детства. Рот, уже открытый, чтобы сказать "пять", судорожно дернулся, как при рвотном позыве, и выплюнул сгусток крови. Ллуйор все же успел нажать на спуск, но о меткости речь уже не шла — пуля ударила в гладкий борт флаера и срикошетила в тйорла одного из налетчиков. Раненое животное с трубным ревом взвилось на дыбы, сбрасывая седока. Грохнули еще два выстрела, одна пуля оцарапала мне щеку, но я, пригнувшись и прыгнув на руки через тело Раджива, уже перекачивалась по брусчатке в сторону крыла.

И в этот момент дверца открылась.

Конечно же, все мои манипуляции с ней были лишь отвлекающим маневром, у меня не было никаких шансов ее открыть. Значит, существовало только одно объяснение — Раджив был еще жив! Он был жив, и он решил помочь мне, несмотря на строжайший запрет передавать человеческую технику в руки "представителей низших культур". Я не могла представить себе, чтобы кто-либо с такими травмами головы мог оставаться в живых и в сознании — но с другой стороны, я никогда не имела дела с нанохилерами...

Бандиты всего этого не знали и, должно быть, решили, что дверь все-таки открыла я. А скорее, им было наплевать, кто ее открыл — главное результат. Они ломанулись к дверце, но для этого троим из них нужно было сперва соскочить с тйорлов, а четвертому — очухаться после падения. Я успела запрыгнуть в кабину на мгновение раньше, скользнула на правое кресло, одновременно нажимая кнопку под панелью — есть, пульт поднялся в рабочее положение — и обеими большими пальцами правой руки вдавила кнопки включения компьютера и махового режима. Бандиты столкнулись возле двери, это позволило мне выиграть последнюю необходимую секунду. Опуская дверцу, флаер выпрямил ноги, сразу же оказываясь значительно выше роста аньйо, дабы иметь простор для взмаха крыльев — а в следующий миг левое крыло разбило голову не поспешившему убраться налетчику. Убыстряя взмахи, машина оторвалась от земли, и я включила реактивную тягу на малый газ.

Только теперь, посмотрев вниз, я увидела, что бандитов было даже больше — просто троих из них, прикрывавших своих сообщников справа, я не видела за корпусом флаера. Эти

трое, видимо, вели перестрелку с часовыми дворца, вынудив последних отступить и запереться в здании — во всяком случае, трупов на крыльце не было. Но почему по преступникам не стреляли из окон?

Мысли о стрельбе, конечно же, напомнили мне о пушках флаера. Раджив говорил, что блокирует систему управления оружием, когда вручает мне управление. Но перед посадкой он забрал управление у меня, так что, может быть, снял и блокировку оружия. А если не сделал это тогда, то мог сделать сейчас, когда открыл дверь.

Я заложила вираж над площадью. Бандиты, за исключением Ллуйора и второго покойника, растерянно суетились вниз. Моя левая рука легла на мышку (Раджив говорил, что это — название мелкого грызуна с их планеты; если так, то это, должно быть, довольно причудливое животное). Я уверенно навела прицел и — впервые нажала правую кнопку.

В первый момент ничего не произошло, но это лишь потому, что я начала стрелять, не выдвинув пушки в боевое положение. Но они сами исправили мою оплошность; я увидела их сквозь прозрачную часть стенок — два тонких черных ствола по бокам, один сверху, еще один был скрыт от меня полом. И четыре тонкие бледные прямые соединили эти стволы с бандитом, гарцевавшим верхом на тйорле. Сверкнула вспышка, и в следующую секунду на том месте валялись лишь какие-то обугленные куски. Другие налетчики в ужасе шарахнулись врассыпную.

Работает! Ну теперь держитесь, твари. С этого захода я больше никого подстрелить не успела — под брюхом уже мелькали крыши; я снова развернулась к площади и перешла на маховый режим, чтобы скорость не мешала целиться. Рулить флаером так было тяжелее, но это и не требовалось — повинаясь движению мышки, пушки послушно поворачивались в нужную сторону. Если некоторым из них мешал корпус флаера, они не стреляли, но остальные исправно делали свою работу.

В закрытой кабине я не слышала звуков снаружи, но могла себе их представить — эти истошные вопли бегущих в панике и сжигаемых заживо бандитов. Один, второй, третий... Я чувствовала себя богом, карающим нечестивцев небесным огнем. Двоих я настигла уже в проулках. Не ушел никто.

Так, теперь Раджив. Мне впервые в жизни предстояло совершить полностью самостоятельную посадку, и притом максимально точно — отбегать далеко от флаера и тащить Раджива по открытой местности мне совсем не хотелось. С первого захода я не дотянула до цели; машина, почував опасно малую высоту, сама выпустила опоры и в следующий миг спружинила ими о брусчатку. Я приподнялась, попробовала двинуться вперед на малой скорости — меня начало мотать по крену и тангажу, причем мои попытки исправить ситуацию движениями ручки только еще больше раскачивали машину. Вспомнив советы Раджива, я поставила ручку нейтрально — и действительно, флаер вскоре выровнялся сам. Однако за всеми этими манипуляциями меня отнесло на край площади, впереди в опасной близости маячили стены домов; пытаться лететь хвостом вперед я не рискнула, пришлось медленно и осторожно разворачиваться. Наконец, после еще двух промежуточных касаний и одного взмывания, мне удалось, хотя и не очень мягко, примостить флаер где-то в десяти локтях от Раджива. Ближе я не рискнула, боясь задеть его опорой.

Ох, как мне не хотелось выключать силовую установку, открывать дверцу и выходить наружу! Хотя на площади и не осталось живых бандитов, но, в конце концов, когда началась стрельба, она тоже выглядела пустынной... Однако делать было нечего — если, конечно, я хотела спасти Раджива. Флаер сложил ноги, я выскочила на брусчатку, подбежала к неподвижному телу (если Раджив и был в сознании, поза его не изменилась) и подхватила его под мышки. Голова пилота запрокинулась, в шлеме плескалась густеющая кровь... Я тащила его, как во сне, когда нужно бежать, а ноги тебе не повинуются. Каждый миг я ждала не только выстрелов, но и того, что дверца закроется и больше не откроется.

Однако не случилось ни того, ни другого. Я втащила пилота внутрь и уложила на задние сиденья, рассудив, что лежать ему будет лучше, чем сидеть. Особенно меня пугал глаз — пусть уж лучше лежит на щеке, уткнувшись в нос, чем болтается в шлеме на ниточке нерва...

Флаер снова взмыл в воздух и, набирая высоту, я впервые окинула взглядом не только площадь, но и прилегающие улицы. Они действительно были перегорожены далеко от дворца. И караулы везде спокойно стояли на своих местах — нигде никаких признаков прорыва, никакой суеты и тревоги...

И тут я, наконец, все поняла. И куда подевалась стража, и почему не стреляли из дворца, и глумливую ухмылку Ллуйора... Конечно, мне следовало догадаться раньше. Ни один правитель или чиновник аньйо не решится открыто напасть на пришельцев, чей технический уровень настолько превосходит наш. Но если свалить все на внезапное нападение банды разбойников... которых, конечно же, будут искать, и даже, возможно, найдут, чтобы предъявить пришельцам их головы, ибо, естественно, разбойники будут убиты "при оказании сопротивления задержанию"... А чудесную машину можно спрятать до времени, хотя бы даже под землей или под водой, выразить пришельцам какие угодно соболезнования, возможно, выплатить материальную компенсацию (любое государство было бы счастливо купить "железную птицу", да вот только по доброй воле пришельцы бы не продали) — а потом, когда гости из космоса смирятся с потерей и улетят... Тогда страна, владеющая уникальной машиной, получит изрядное преимущество перед остальными, даже если не сумеет изготовить другие такие же — а возможно, заговорщики, никогда не слышавшие о нанотехнологиях, управляемых полимерами и много чем еще, самонадеянно полагали, что после пары месяцев изучения клепать железных птиц можно будет в любой мастерской. Исполнял ли Тнойве волю короля или Совета Одиннадцати, или же действовал на свой страх и риск? Я не знаю этого до сих пор. Все-таки затея слишком безумная, чтобы получить одобрение верховных правителей — по крайней мере, в мире аньйо; больше похоже на авантюру молодого честолюбивого одиночки, ставящего на принцип "победителей не судят". И как он планировал добиться, чтобы налетчики отдали машину "кому надо", а не забрали себе? Даже если Ллуйор не впервые делал для губернатора грязную работу, даже если ему и его подельникам была обещана полная амнистия и деньги в придачу, все это могло отнюдь не перевесить искушения стать практически неуязвимой летающей бандой...

Но это сейчас я размышляю так спокойно. А тогда мои мысли носили несколько иной оттенок. Едва осознав истину, я сделала боевой разворот и пошла на дворец.

Четыре луча, словно удар когтистой лапы, расплосовали фасад. Колонны переломились, как соломинки; фронтон рухнул, рассыпаясь в воздухе, подобно конструкции из детских кубиков. Большие куски стен отваливались вниз, словно гнилое мясо с трупа, обнажая скелет балок; стекла лопались, из окон вырывалось пламя и клубы дыма, смешиваясь с вздымающимися снизу облаками пыли, а я все жала и жала на кнопку огня... Я сделала три захода на малой скорости, и лишь когда серо-черные тучи окончательно скрыли то, что еще недавно было губернаторским дворцом Йартнара, врубил реактивную тягу и ушла в высоту.

Я была всемогуща! Вот теперь, теперь отомстить за все! Воздать по заслугам всем подонкам, отравлявшим мне жизнь! Я представила себе, как взрывается и горит школа... ладно, черт с ней, мои одноклассники ее уже окончили, а другие передо мной не виноваты, да и среди учителей попадались вполне порядочные аньйо... ну тогда — лететь в Лланкеру и устроить тамошнему губернатору то же, что здешнему! Впрочем, он уже наказан потерей сына, да и во дворце работает немало простых служащих, которые не могут нести ответственность за деяния губернатора... вот об этом я только что не подумала, а теперь уже поздно... что ж, хотя бы не будем повторять йартнарское побоище в Лланкере. Мало ли кто еще заслужил возмездие?! Промчаться над океаном, отыскать там "Королеву морей", срезать мачты, зажечь корпус, потопить все спасательные шлюпки... так, Анкахе уже и без меня воздала природа... значит,

курс на западное побережье Илсудрума, находим Далкрум — я запомнила его бастионы и порт и, пожалуй, узнаю их сверху; первым делом в груды развалин обратится ювелирная лавка на улице маршала Гродла, потом запыляет выброшенная на берег старая баржа, да и местной полиции неплохо бы передать привет от "животного"... ладно, я опять увлекаюсь, из-за трех полицейских не должны страдать все... затем пройтись над всеми городами, где меня показывали в клетке; в каких домах живут приходившие смотреть на меня зеваки, я не знаю — что будем разрушать? Ну хотя бы городские склады, пусть сами почувствуют себя в роли животных, лишенных благ цивилизации... Но главное — облететь все илсудрумские города, но отыскать зверинец Гарвумов и сделать, наконец, с ними то, что я не решилась сделать при побеге! Надеюсь, Прум там уже не работает... А потом — в Доргот. Первым делом, конечно же, дом Зак-Цо-Даба. Затем — здание храма и помещение суда; и пройтись лучами по окнам, откуда на меня пялились любители казней...

Да, замечательный план. Вот только, если я займусь поиском своих врагов по всему миру, на это уйдет не только все топливо, но и время, еще отпущенное Радживу. Нанохилеры нанохилерами, но в таком состоянии его необходимо как можно скорее доставить в больницу. И, конечно, не в нашу, не в "средневековую", как выражаются люди, а в их собственную. Перенесет ли Раджив перегрузку при взлете ракеты? Если нет, осталось ли необходимое оборудование на Зуграхе, или уже уничтожено нанодеструкцией? Так или иначе, это уже проблемы пришельцев. Мое дело — довести его туда без малейшего промедления.

Я даже не могу позволить себе летать по окрестным деревням в поисках мамы. Это ж в каждой придется садиться и спрашивать... если будет кого, если неграмотные крестьяне не разбегутся в ужасе... Найду ли я ее, неизвестно — может, она и вовсе живет в городе, и мне просто наврали в интересах заговора — а вот Раджива потерю наверняка.

Ладно. Я ведь с самого начала знала, что не вернусь домой.

Я перевела тягу на максимум, круто набирая высоту. Цифры быстро мелькали на ИЛСе, отсчитывая непривычные мне единицы измерения. Десять тысяч метров... Двенадцать... Так, самое главное — куда лететь? Автопилот довел бы меня до Зуграха без всяких усилий, но Раджив не стал учить меня им пользоваться. Эх, знал бы он...

Я мысленно развернула перед собой карту, представила прямую, соединяющую Йартнар с северо-западной оконечностью Глар-Цу, наложила на ее начало круг, поделенный на принятые у людей 360 градусов. Что за дурацкое число, нет бы считать либо в степенях десятки, либо в степенях двойки... Значит... где-то примерно... 290 градусов. Я скорректировала курс, чувствуя, как меня прижимает к креслу. Спокойно, не надо резких движений, скорость уже приличная... сколько, кстати? 0.9 М... Я плавно уменьшила угол тангажа, позволяя флаеру еще подразогнаться. Вот и он — сверхзвук. В прошлый раз Раджив позволил мне дойти до 1.2 М, но сегодня меня ждет 6.5... Без компьютера такая скорость была бы самоубийственной: чуть резче потянешь ручку — и тебя расплющит перегрузкой. Кстати, неплохо бы пристегнуться. Ох, бедные мои крылья...

Небо постепенно темнело, показались Глаза Твурков. Но это была еще не ночь, это была высота тридцать тысяч метров. Впрочем, до ночи тоже оставалось недалеко. В Ранайе об аньйо, занимающемся заведомо безнадежным делом, говорят "он хочет вернуть вчерашний день". Но именно это я и делала — возвращалась во вчерашний день, догоняла ночь, несколько часов назад ушедшую из Йартнара! Эх, если бы я и в самом деле могла обратить время вспять...

Флаер, наконец, лег в горизонтальный полет, набирая максимальную скорость. 6.3... 6.4... 6.5... Затем появилось число 6.6, окрашенное предупреждающим розовым цветом. Как рассказывал мне Раджив, можно разогнаться и до семи, но только на небольшое время. Слишком возрастают нагрузки на корпус и расход топлива. Я шевельнула колесико, прибирая тягу. 6.5... 6.4... снова 6.5. Вот так.

А ведь за этими будничными цифрами — скорость в шесть с половиной раз быстрее

звука! За одну секунду я проскакиваю больше мили! Я попробовала проникнуться торжественностью момента. Это, однако, не получалось. Поблизости не было никаких ориентиров, позволяющих ощутить скорость. Облака далеко внизу, казалось, еле ползли. Правда, я могла наблюдать, как движутся по небу звезды. Но если, глядя на небо, попросту медленно опускать голову — увидишь то же самое...

Я взглянула на указатель курса, обнаружила, что отклонилась к югу, поправилась. В разреженном воздухе флаер управлялся тяжело; хорошо, что компьютер корректировал мои усилия на ручке и не позволял раскочевать машину.

К тому времени, как я пересекла над океаном терминатор, мне было уже откровенно скучно. А со скукой пришла и более серьезная проблема. Ведь по моим биологическим часам была уже глубокая ночь; до сих пор возбуждение не позволяло мне это почувствовать, но теперь мне жутко захотелось спать. Я зевала во весь рот и встряхивала головой, но сон, похоже, твердо вознамерился заполучить свою жертву. Когда флаер нырнул в непроглядную тьму ночной стороны, бороться с этим стало совершенно невозможно. Я то и дело принималась клевать носом, но тут же испуганно вскидывалась и обшаривала взглядом ИЛС. Нет, вроде все нормально. А потом...

Потом взошла Лийа, и в ее свете я увидела внизу, в разрывах туч, Зуграх. Я по спирали повела флаер на снижение. Посадочная площадка сигналила мне разноцветными огнями; я аккуратно опустила машину на самый центр. Ко мне уже бежали пришельцы; там были и Джордж, и Валерия, и другие. Наверное, подумала я, Раджив все-таки успел послать им сигнал бедствия. Я выскочила наружу; они обступили меня и слушали мой торопливый рассказ о случившемся. "Ты молодец, ты все сделала правильно, — сказал Джордж. — Теперь ты можешь лететь с нами." "Спасибо! — воскликнула я, чувствуя, как счастье захлестывает меня с головой. — Но что там с Радживом, ему же нужна срочная помощь!" "Им уже занимаются", — ответил Джордж, указывая за мою спину, и, обернувшись, я увидела, как Раджива выгружают на носилках из флаера. Валерия склонилась над ним с какими-то замысловато изогнутыми блестящими инструментами... и вдруг лицо ее переменилось. "Кого ты нам привезла?!" — воскликнула она. Я взглянула и похолодела. На носилках лежал Ллуйор, и нож Хейги все еще торчал из его груди. Мертвое лицо улыбалось. "Не может быть! — воскликнула я в ужасе. — Как я могла перепутать..." Валерия принялась ругать меня на своем языке, повторяя какие-то два слова, должно быть, очень обидные. Я заткнула уши, чтобы их не слышать, но они все звучали, звучали, звучали...

— ...Вонинг: овэспиид. Вонинг: овэспиид. Вонинг: овэспиид, — настойчиво твердил женский голос. Я с трудом разлепила глаза, сразу же увидев налившиеся кровью цифры на ИЛСе. Скорость! Я резко уменьшила тягу и потянула ручку на себя; шестикратная перегрузка — предел, допускаемый компьютером — вмяла меня в кресло. Но... в чем дело? Я теперь, наконец, различила цифры — скорость была всего 5.8, она не могла упасть так быстро с семи, да и это число еще светилось розовым!

Мой взгляд заметался по ИЛСу и задержался на указателе высоты. Так вот в чем дело! Я провалилась почти на девять тысяч метров, и, конечно, в более плотном воздухе эта тяга и скорость слишком велики! Эх, если бы, прежде чем заснуть, я хотя бы выпустила ручку! Как говорил Раджив, эта птичка летит сама, если ей не мешать... Но я именно что мешала! Я во сне давила на ручку от себя, может быть, как раз тогда, когда мне снилось, что я иду на посадку...

Ладно, хотя бы бодрости после сна прибавилось, а самого худшего, похоже, удалось избежать — мы с флаером не развалились в воздухе. Да и компьютер бы, наверное, не позволил. Но сколько топлива потрачено впустую! А путь неблизкий...

К тому же я сбилась с курса. Верхняя шкала ИЛСа показывала почти 320. Надо повернуть к югу — да, но насколько круто? Где я сейчас? Ни черта не разберешь в этой тьме — даже земля внизу или океан...

Ладно, придется наугад. В конце концов, изначальный курс я тоже не по линейке чертила. Главное — добраться до западного берега Глар-Цу, а там вдоль побережья на север, не промахнешься. Я вновь набрала высоту и скорость.

Потом я, наконец, догнала Лийу. Однако она не осветила ничего интересного, кроме сплошных облаков внизу. Я поглядывала то на них, то на шкалу курса. Наконец в облачности появились прогалины, но в них ничего не блестело. Значит, я уже над Глар-Цу. Оценив, насколько наклонен лунный серпик, я пришла к выводу, что теперь надо довернуть к северу.

Какое-то время внизу попадались лишь редкие голубоватые мазки облаков, но затем они снова начали собираться в стаи и, наконец, сомкнулись в сплошное поле. Это вызвало у меня беспокойство. Не проскочить бы побережье. С другой стороны, снизиться под облака можно лишь ценой уменьшения скорости в несколько раз...

— Вонинг: лоу фыйуэл, — снова подал свой женский голос компьютер. Одно из чисел на ИЛСе предупреждающе замигало. Топливо кончается, как я и боялась! Мало мне было других проблем. Раджив говорил, что флаер даже при полной остановке двигателей может планировать на большое расстояние, если имеет хороший запас высоты. С другой стороны, что толку в этом длинном планировании, если завершится оно в открытом океане? Если уж я не дотяну до Зуграха, то лучше, чтобы подо мной в это время была земля. Я уменьшила тягу почти до нуля и повела машину на снижение.

На тысяче ста метрах флаер нырнул в облачную муть. Девятьсот... восемьсот... семьсот... Эта вата когда-нибудь кончится, или так и будет тянуться до самой земли?! Я запоздало подумала о горах, которые бывают и гораздо выше... и которые есть в западной части континента...

Наконец на неполных четырех сотнях метров я вынырнула из туч. Внизу шел дождь, сразу усеявший "стекло" мелкими брызгами. И по-прежнему ничего не видно. Теперь уже сквозь такой плотный панцирь туч и луна не помощник. Триста метров... Двести...

На девяноста я различила внизу гребешки волн.

Пробормотав проклятие, я развернулась на северо-восток и снова начала набирать высоту. Тревожно мигавшие цифры топлива все больше наливались красным.

Мне удалось забраться достаточно высоко и даже увидеть границу облачного поля, когда в красной рамке высветились нули, и уже знакомый голос сказал: "Критикэл — эмпти фыйуэл. Свич ту флэп мод, лэнд иммидиэтли о фоллоу оптимэл глайдслоуп."

"Вот бы еще понимать, что ты там бормочешь", — проворчала я, и тут заметила, что поперек ИЛСа появилась новая, ярко высвеченная горизонтальная риска, на которую указывали мигающие сверху стрелочки. Похоже, компьютер подсказывал мне оптимальный угол для самого дальнего планирования.

Что ж, ничего не оставалось делать, кроме как последовать этому совету. Я перетянула через границу облачности и даже различила далеко впереди какой-то огонек, наверное, маяк — но туда мне было уже никак не добраться. Впрочем, почему не добраться? Я нажала кнопку махового режима. И крылья заработали! Однако энергия, питавшая их, тоже была небесконечной и, как показывали новые цифры, загоревшиеся на месте нулей, расходовалась довольно быстро. Машущий режим ведь используется для взлета, посадки и некоторых операций, связанных с зависанием на месте, но не для перелетов на большие расстояния...

Скользя над самой водой — крыльям, в отличие от реактивной тяги, чем плотнее воздух, тем лучше — я все же долетела до маяка, стоявшего на высоком скалистом обрыве. Не тратя энергию на подъем к нему, я свернула на север вдоль берега.

— Вонинг: лоу энеджи, — обрадовал меня в очередной раз компьютер. Я и сама видела, что энергия кончается. Справа все тянулись неприветливые скалы. Можно было, конечно, набрать высоту и сесть там, но я предпочитала лететь вперед, расходуя энергию более экономно — в надежде, что скоро покажется этот чертов Зуграх...

— Критикэл: энеджи туу лоу. Лэнд иммидиэтли.

Я высмотрела впереди узкую полоску пляжа у подножия скал и направила флаер туда. Должно быть, в штормы пляж заливало полностью, но, на мое счастье, в ту ночь волнение было умеренным. С трудом перевалив через торчавшие из воды валуны, флаер с уже остановившимися крыльями выпустил опоры, которые даже не успели полностью раскрыться — машина так и рухнула на полусогнутые, и они тут же вновь сложились до земли, гася энергию удара. Меня мотнуло вперед; ремни впились в плечи. Под полом захрустела галька.

— Крэш лэндинг детектед. Пауэр ансафишиент. Мэйн систем шат даун, — доложил компьютер. ИЛС погас.

— Прости, Раджив, — вздохнула я, — это все, что я смогла.

Я открыла дверцы (волны почти докатывались до левой, но я не знала, как открыть только одну) и выбралась наружу, дабы выяснить, где мы оказались. При свете клонящейся к западу Лийи я прошла весь пляж из конца в конец. Результаты были самые неутешительные: галечная полоска не превышала двухсот локтей в длину. Южнее и севернее волны разбивались прямо о скалы. Влезть наверх тем более не было никакой возможности. В общем, единственный способ выбраться — вплавь, и то если знать, куда плыть.

Я вернулась в кабину, закрыла двери и решила ждать утра. Может быть, удастся найти какую-нибудь еду — моллюсков или морских раков. Может, мимо пройдет корабль или рыбацья лодка. Я уронила руки на пульт, голову на руки и заснула.

Впрочем, выспаться в ту ночь мне так и не удалось. На сей раз меня разбудил яркий свет, бьющий в лицо; я открыла глаз, что бы тут же плотно зажмурить его. Осторожно взглянув во второй раз, я увидела фигуру снаружи, которая светила внутрь кабины ослепительно мощным круглым фонарем. Я, конечно, сразу поняла, что ни у кого из анйю такого фонаря быть не может, и протянулась к кнопке, чтобы открыть двери, но пришельцы сделали это сами. В открывшийся проем я увидела другие фигуры и силуэт знакомой лодки на волнах у берега. Сразу две головы просунулись внутрь; в одной из них я узнала бородатого Робера.

— Ты...

— Эйольта, — подсказала ему я. — Это правда вы, или мне опять снится?

— Правда, — усмехнулся он. — Где Раджив?

— Сзади. Он тяжело ранен.

Луч фонаря скользнул на заднее сиденье.

— Даа... Разбился при посадке? У вас случилась авария?

— Нет, в него стреляли... Это долгая история.

Робер высунулся обратно, крича своим товарищам: "Ицхак, Паоло, квикли хиа! Раджив бэдди инжуд! Рипот ту бэйз, нэйтивз шот хим..." Тем временем второй просунувшийся влез в левое пилотское кресло и с недоумением посмотрел на меня.

— Но кто же вел машину? Он успел включить автопилот?

— Нет... это я вела.

— Ты?! Кто же тебя... Впрочем, и так ясно, — он неодобрительно поджал губы.

— Простите, — потупилась я. — Я надеялась долететь до Зуграха, но...

— Ты ни в чем не виновата, — перебил человек. — Раджив виноват, что нарушил инструкции, а ты все сделала правильно. Ты молодец. И сколько же у тебя налет?

— Ну... часов двенадцать вместе с сегодняшним...

— Двенадцать часов — и такой перелет! Кажется, я начинаю понимать Раджива. Ты не дотянула каких-то сто километров.

— Разве это мало?

— При перелете на пятнадцать тысяч? Без маршрута и карты. Без подготовки. Без связи. Через стратосферу на гиперзвуке. Полпути — ночью... Да ты прирожденный летчик, девочка!

— Я знаю, — улыбнулась я. — Раджив говорил. С ним теперь все будет в порядке?

— Трудно сказать, — нахмурился пришелец. — Сейчас наши проведут экспресс-диагностику, но его нужно как можно скорее доставить в стационар.

— Флаер долго придется чинить?

— Нет, я уже запросил компьютер. Только подзаправить и зарядить. Все необходимое у нас с собой на лодке.

— Как вы нашли нас?

— На флаере есть радиомаяк. Он посылает сигналы, позволяющие в любой момент определить местоположение машины. Хотя обычно в этом нет необходимости. Мы начали беспокоиться и отслеживать маяк, когда Раджив перестал выходить на связь, последнее сообщение от него было — "подлетаем к Йартнару". Однако мы видели, что флаер полетел назад, и решили, что у него просто проблемы со связью. Но после аварийной посадки маяк послал сигнал бедствия. Так как предпоследний флаер отправили с предыдущей ракетой — пришлось добираться на лодке.

— Значит, те, кто хотели украсть флаер, все равно не смогли бы его спрятать?

— Ну, в принципе сигнал можно экранировать, но они бы вряд ли догадались, как. Кроме того, прекращение сигнала само по себе автоматически подняло бы тревогу на базе. На вас напали в Йартнаре?

— Да, это подстроил губернатор Тнойве...

— Расскажешь обо всем по пути, когда все будут в салоне.

— Можно мне по-прежнему лететь в этом кресле?

Он пару секунд подумал, затем кивнул:

— Ладно. Только поведу я, если ты не возражаешь. Кстати, меня зовут Вальтер.

Двое людей, возившихся с Радживом, закончили; я не понимала их инглиш, но, похоже, дела обстояли скверно. Затем и оставшиеся двое, прибывшие на лодке, забрались во флаер; выходит, на Зуграхе они оставили кого-то одного.

— Погодите, а как же лодка? — удивилась я, пересчитав их.

— Вернется на автопилоте, — ответил Вальтер. — Пристегнись — взлетаем.

В воздухе я коротко — по меркам флаера, лететь было недалеко — рассказала им о случившемся. В отношении Раджива они приняли решение сразу — его необходимо немедленно доставить в госпиталь лийской базы, ракета будет взлетать с минимальным ускорением; такой режим сожжет все топливо, но ее встретит на орбите посланный с Лийи заправщик. Но дальше у них началось активное обсуждение, в котором мелькнуло мое имя, и я не выдержала:

— Послушайте, я не животное! Я такое же разумное существо, как и вы! Я умею водить вашу машину и спасла вашего товарища! Так что, если уж вы обсуждаете, как поступить со мной — извольте делать это на языке, который я понимаю, и предоставьте мне право голоса!

Кто-то из них фыркнул, кто-то рассмеялся. Но Робер сказал:

— Что ж, в этом есть своя логика. Как ты понимаешь, Эйольта, правила, за нарушение коих уже поплатился Раджив, предписывают посадить тебя тут же на берегу, в пределах досягаемости поселений. Везти тебя куда-то еще у нас уже нет времени.

— Спасибо вам большое! И это благодарность за то, что я привела вам флаер и вашего человека? Да вы знаете, как в Гантру относятся к крылатым?

— Когда ты добиралась сюда, тебя это не останавливало.

— Потому что мне было куда добираться! А теперь мне некуда идти! Вы же понимаете, я уже не могу вернуться в Йартнар!

— Да уж, там теперь тебя надолго запомнят, — усмехнулся Вальтер. — Между прочим, Робер, она может понадобиться нам, как свидетель. Джордж вряд ли захочет спустить местным просто так йартнарский инцидент.

— Еще кто кому должен спускаться, — проворчал еще кто-то, кажется, Паоло. — После того, что она там наворотила... Налетчикам поделом, но разнести из нашего оружия

губернаторский дворец!

— Думаешь, ранайцы могут потребовать ее выдачи? — спросил его сосед.

— Требовать они, положим, ничего не могут, особенно если мы первые с ними не свяжемся, но в качестве жеста доброй воли, дабы загладить последствия и не оставлять о нас дурную память... Тем более что она и формально подлежит ранайской юрисдикции.

Вот еще новости! Только что я обдумывала, как не позволить пришельцам прогнать меня, а теперь окажусь у них на положении заложницы?

— Вы что, с ума сошли? — воскликнула я. — Это же Тнойве организовал нападение!

— Да, но формальных доказательств у нас нет, — возразил Паоло, — а дворец разрушен, и число жертв, небось, сопоставимо с вашей небольшой войной.

Флаер уже снижался над Зуграхом, и времени оставалось мало.

— Вот что, — решительно заявила я, — только попробуйте отослать меня назад, в качестве преступницы или свободной, неважно. Я расскажу все ваши тайны. Раджив много раз нарушал инструкцию, я все про вас знаю. И про флаер, и про устройство звездных кораблей, и про разгонный лазер, и про... про ваше бессмертие. Так что у вас только два выхода — или убить меня, или взять с собой. Мне терять уже нечего.

— Ого! — воскликнул кто-то.

Робер хмыкнул: — Ладно, решать все равно Джорджу. Мы свяжемся с ним перед отлетом.

На Зуграхе от тех строений, что я видела полуразрушенными, уже не осталось даже следов. Сохранились только те же два домика и башенки по периметру. Я догадалась, что в этих башенках — оружие, способное отразить любую атаку на остров. И, как видно, один человек мог управлять им так же легко, как я управляла пушками флаера.

Мы увидели этого одного с воздуха, он вышел из домика и помахал нам рукой. Мы сели рядом, подобрали его и тут же снова взлетели, направляясь к ракете. Последние домики меж тем уже начали оплывать.

Флаер опустился на выдвинувшуюся из корпуса ракеты площадку, которая сразу же снова ушла внутрь. Я вышла в ангар вместе с остальными. Раджива сразу унесли подоспевшие роботы; я и не думала, что эти механические монстры могут действовать так деликатно.

— Приглядите за ней, — велел Робер, направляясь к небольшой панели в стене. Через несколько секунд на этой панели появилось лицо Джорджа, но слов слышно не было. Как всегда, переговоры по дальней связи пришельцы вели "про себя", через эти свои горловые импланты.

— Можешь снять плащ, здесь тепло, — обратился ко мне Паоло.

— Боишься, что у меня под ним оружие? — фыркнула я и сбросила плащ на пол. — Вот, больше он мне все равно не понадобится. Между прочим, почему ваш пистолет не стрелял?

— Наше личное оружие стреляет только в руках владельца. Пистолет так и остался на площади?

— Уж извините, не могла тратить время, разыскивая еще и его. Это очень плохо?

— Да нет, через трое суток без контакта с хозяином он все равно самоуничтожится.

— Взорвется?

— Нет, нанодеструкция. Никто не пострадает.

Робер, наконец, закончил свои переговоры.

— Эйольта, ты летишь с нами.

— Ура!

— Пока только на лийскую базу. Дальше будет видно.

На Лийе меня сразу проводили к Джорджу, который расхаживал по кабинету с самым мрачным видом. Я могла его понять — такая история в последний день пребывания на планете...

— Да уж, устроили вы, ранайцы, нам прощальный подарок! — проворчал он при виде меня.

— Что ж, — невесело усмехнулась я, — по крайней мере, вы теперь не будете утверждать, что репрессии против крылатых — это досадное исключение, а в остальном наш мир прекрасен.

Он приподнял бровь, задержав на секунду шаг, а потом двинулся дальше.

— Да нет, — задумчиво произнес он, — ведь на Раджива напали не из ксенофобии, как было бы на Земле... на нашей Земле в прошлом. Не из религиозного фанатизма. А для того, чтобы заполучить высокие технологии. Причем заговорщики не могли знать, что на флаере есть оружие, мы ни разу не применяли его на Бруно III — так что, весьма вероятно, основная цель была не военной... А значит, даже в преступлении аньйо проявили себя не худшим образом. Хотя, конечно, это не значит, что мы намерены оставлять такое без последствий. В то же время, мы не должны допустить, чтобы следующую экспедицию из космоса здесь встретили, как врагов. Нам придется задержать отлет и снова высадиться, теперь уже прямо в Ранайе. Очень может быть, Эйольта, что тебе придется давать показания перед вашим королем. Но не бойся, ты будешь под нашей защитой. Конечно, ты тоже перестаралась, и невесть сколько народу погибло во дворце... но не члену Дарвиновского комитета осуждать тебя за лишние жертвы.

Затем меня проводили в выделенную мне комнату, где я, наконец, получила возможность выспаться.

На следующий день я встретила в коридоре Джека Ли и спросила его, как Раджив.

— Увы, — ответил тот, — он мертв.

Когда слышишь такие слова, всегда первая мысль — "может быть, это ошибка?" Но я понимала — не ошибка. Несмотря на все высокие технологии людей... Наверное, я знала его слишком мало, чтобы назвать своим другом, и все же почувствовала, как слезы подступают к глазам. Он научил меня летать...

— Если бы я прилетела прямо на Зуграх, может, вы бы успели...

— Нет, — покачал головой Ли, — ты ничего не могла сделать. Он был мертв с самого начала.

— Но этого не может быть! Ваши же люди осматривали его перед стартом! Что, они бы не отличили живого от мертвого?

— Нанохилеры поддерживали жизнь тела, — объяснил Ли, — но мозг в первый же момент получил необратимые повреждения. Удар и осколки кости... Нанохилеры предотвращают разрушения на нано-, а не на макроуровне. Личность Раджива погибла. Мы могли бы вернуть это тело к жизни, но это было бы тело кретина.

— Он не был кретином! Он открыл мне дверь флаера!

— Соответствующий импульс поступил на нейроимплант, но это не значит, что действие было сознательным. Это все равно что непроизвольное подергивание конечностей в агонии. Ты видела, как трепыхается обезглавленная йупа?

— Неправда! — стояла на своем я. — Почему из всех возможных "подергиваний" он выбрал именно то, которое было необходимо мне в тот момент?

— Случайность, — пожал плечами Ли.

Мне вдруг расхотелось с ним спорить. Даже если гибнущий мозг Раджива все же успел оказать мне последнюю услугу, теперь все равно ничего не изменишь...

— Тело уже утилизировано, — продолжил человек. — Ты хотела проститься?

— Нет, — покачала головой я, — прощаться надо с живыми. С мертвыми прощаться бесполезно. А что значит "утилизировано"?

— Переработано. Там много полезных веществ, было бы глупостью сжигать их, зарывать или выбрасывать в космос. Надеюсь, тебя это не шокирует? Раджив сам бы не одобрил, поступи мы по-другому.

— Я и сама всегда так считала... — все же мне хотелось что-нибудь сделать в память о Радживе, и я поняла, что именно. — А можно мне сходить полетать?

— На склад? Оттуда уже все переправили на "Дарвин". Система жизнеобеспечения отключена, воздух откачан, люки запечатаны. Мы ведь должны были улететь сегодня. Половина базы уже законсервирована.

В самых расстроенных чувствах я побрела дальше по коридору, бездумно свернула на развилке, потом на следующей... не знаю, сколько бы я так бесцельно разгуливала, если бы в конце концов не столкнулась (в прямом смысле, ибо не смотрела, куда иду) с Валерией, которая, видя мое состояние, и подала мне ценную идею, чем заняться, пока решается йартнарский кризис и моя судьба. Она вручила мне то, что назвала "тетрадь", хотя это совсем не похоже на тетради в наших школах. Это прибор, состоящий из дисплея и панели с нарисованными квадратиками; в квадратиках были латинские буквы, но Валерия сказала, что она сейчас изменит настройки, потыкала в некоторые квадратики, и на моих глазах буквы сменились на символы алфавита западного Инйалгдара, да и число квадратиков изменилось соответственно. Эта панель — такая же резервная система, как ручное управление флаером, на случай, если кто-то почему-либо не может использовать нейроимплант. С ее помощью можно вводить текст, правда, это очень медленно (хотя и быстрее, чем писать пером!), и у людей даже при проблемах с имплантами так никто не делает. В основном текст наговаривается голосом, а умная машинка распознает его; нарисованные же кнопки служат для того, чтобы исправлять ошибки, которые она периодически все-таки допускает. Валерия посоветовала мне составить самый полный рассказ о моих приключениях; собственно, его вы сейчас и читаете.

Меж тем люди, как и обещал Джордж, высадились на челночной ракете почти у самых ворот Танйорена, ранайской столицы, и, облаченные уже не в легкие противорадиационные комбинезоны, а в особые доспехи, именуемые "скафандрами высшей защиты", да еще в сопровождении роботов, нанесли визит королю. (Сам Джордж оставался на Лийе и меня решил тоже пока что не посылать.) Паарн III, до которого еще не успели дойти вести из Йартнара, был, конечно, в шоке (а может, старательно изображал таковой) и обещал произвести полное расследование. Пока была сформирована следственная комиссия, пока она добралась до места (на сей раз Джордж распорядился строго соблюдать инструкции — никаких перевозок аньйо флаерами и прочей человеческой техникой), прошла целая декада; по пути комиссии встретился гонец, посланный из Йартнара в столицу, но его весть состояла лишь в том, что в результате нападения бандитов на машину пришельцев разрушен дворец, заместители губернатора погибли, а сам он лежит в больнице без сознания, и в городе и провинции, таким образом, нет законной власти. Когда же комиссия добралась до Йартнара, выяснилось, что Тнойве накануне вечером пришел в себя и потребовал перо и бумагу. Наутро он был найден мертвым; как полагают, он отравился ядом, который прятал в своем перстне. В оставленном им письме на имя короля и "предводителя звездных гостей" он каялся во всем и брал всю вину на себя; писал, что сам вынес себе приговор и просил пришельцев больше не чинить ущерба его стране за совершенное им преступление. Действительно ли он не покрывал при этом никого другого — повторяю, не знаю. Так или иначе, стороны были удовлетворены такой развязкой. В официальной версии я вообще не упоминалась; говорилось лишь о Радживе, который будто бы был лишь легко ранен бандитами (идея о том, что оружие аньйо бессильно убить человека, очень импонировала Джорджу), а потом сумел забраться в летающую машину и нанес ответный удар. Стороны декларировали, что более не имеют претензий друг к другу.

— Так что, в принципе, ты могла бы вернуться домой, — закончил Райт, рассказывая мне о разрешении кризиса.

Это "в принципе" не укрылось от моего внимания, и я перешла в контрнаступление.

— Кое-что изменилось с нашего прошлого разговора на эту тему, вы не находите? Во-первых, не мне вам объяснять разницу между официальной версией и настроениями в городе.

Во-вторых, вам нужен новый пилот...

— Вообще-то любой из нас умеет управлять фляером. Просто Раджив был в этом одним из лучших.

— У меня тоже все шансы стать одной из лучших, спросите Вальтера! В-третьих, я слишком много знаю, чтобы возвращаться в, как вы говорите, средневековый мир.

— Но все-таки слишком мало, чтобы участвовать в межзвездной экспедиции.

— Я буду учиться! Раджив рассказывал мне, что получил обе докторских степени уже на борту. Чем я хуже? Языки ваши я выучу, говорят, трудно учить только первые три, а я уже и илсудрумский, и гантрусский, и старокйарохский, и язык нгарэйху, и хардаргский... более-менее... И потом... после всего того лестного, что вы говорили об аньйо, просто нелогично не брать одну из них в команду!

Джордж коротко рассмеялся, затем скрестил руки и покачался с пятки на носок.

— Ну что ж, — сказал он наконец, — в самом деле, почему бы и нет. В конце концов, мои инструкции устарели на 130 лет, — он снова хохотнул. — Но есть два условия.

— Я согласна!

— Да погоди ты, сначала выслушай! Во-первых, тебе будут сделаны те же имплантации, что и нам. Цивилизованный человек... и нечеловек... без имплантов — почти калека, вынужденный пользоваться протезами рычагов и клавиш вместо легких мысленных команд...

— Да я давно завидую этим вашим имплантам! С чего вы взяли, что я буду против?!

— И второе. На корабле все рассчитано на человеческую анатомию. Она, конечно, не очень отличается от анатомии аньйо, хотя твоим вторым большим пальцам будет не очень удобно в наших перчатках. Но это как раз не самое страшное. Однако, тем более если ты хочешь быть пилотом... Наши скафандры высшей защиты, как и наши противоперегрузочные кресла, не рассчитаны ни на горбатых, ни на крылатых, как ты уже сама могла убедиться. Твои крылья придется отрезать.

— К-как?... — растерянно выдохнула я.

— Ну уж не таким варварским методом, как ваши хирурги, которые дают спирт больному в качестве наркоза вместо того, чтобы протирать им инструменты... Операция под местной анестезией с ускоренным заживлением, уже на следующий день ты сможешь лежать на спине без всякого дискомфорта.

— Я не про то...

— Жалко? Ну, знаешь, я ведь не заставляю тебя лететь с нами.

— Но ваши нанотехнологии... они же позволяют изготовить что угодно. Может, можно сделать другие кресла, другие скафандры...

— Почему сразу не другой звездолет! Мы уважаем индивидуальные особенности там, где это разумно, но стремимся к универсальности там, где это полезно. Все системы корабля универсальны, именно поэтому после гибели Раджива на его место может сесть любой другой... в критической ситуации некогда переставлять кресла и искать персональный скафандр.

Я молчала.

— Они ведь все равно тебе никогда не понадобятся, — добавил Джордж неожиданно мягко. — Ты не сможешь летать на них нигде во Вселенной. Ну, пара кругов под искусственным куполом... разве это полет?

— Полет, — угрюмо возразила я.

— Ну, как хочешь, — пожал плечами Джордж. — Я-то думал, ты разумное существо, которое не станет цепляться за атавизмы. Не хотел лишний раз жечь топливо, все-таки его довольно долго делать заново... но придется ради тебя еще раз сгонять ракету вниз. Старт через час.

— Нет!

— Что "нет"?

— В смысле "да"... Я согласна.

— Что ж, — ответил Джордж, — в таком случае, добро пожаловать на борт... — и добавил без улыбки: — коллега.

Вот, собственно, и конец моего рассказа. Я, Эйольта Лаарен-Штрайе, гражданка Королевства Ранайи, бывшая жительница Йартнара, из чиновного сословия, пишу эти строки на лийской базе. Но здесь они не останутся; эти записи вместе с другими материалами будут помещены в хранилище на станции разгонного лазера.

Я не знаю, кто вы, мои читатели. Может быть, мои собратья-аньйо, спустя столетия создавшие собственные космические корабли. Может быть, другая экспедиция людей. Может, какая-то третья звездная раса. Кажется, в своих записках я не всегда об этом помнила и не объясняла некоторые вещи, естественные для меня, но, вероятно, совершенно неизвестные для вас — а где-то, возможно, напротив, вдавалась в излишние подробности. Так или иначе, что-то править уже поздно. Через сорок часов звездолет "Чарльз Дарвин" стартует к следующей звезде Гиад, и я буду на борту. Но прежде, как только я допишу эти строки, я войду в помещение операционной, из которого выйду уже бескрылой.

Надеюсь, я не пожалею о своем решении.

КОНЕЦ ЗАПИСИ

Примечание переводчика: *Ранайские единицы измерения в тексте заменены на средневековые земные, с соответствующим стилистике округлением. Исключение составляет ранайская календарная система, где сохранено деление 30-дневного месяца на три декады.*

**TR5.42, трансляционный модуль компьютерной сети ЗКК
"Чарльз Дарвин"**

2001, 2002, 2003

